SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1875.

Стр.

I.—КУДЕЯРЪ.—Историческая хроника въ трехъ книгахъ.—Книга первая.—**Н. И. Костомарова** 461

II.—В. Г. БѢЛИНСКІЙ.—Опытъ біографіи.—VIII. Время полнаго развитія характера и дѣятельности Бѣлинскаго; его личныя отношенія. 1842-44 гг.—**А. Н. Пыпина** 549

III.—НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.—2. Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ. — **С. М. Соловьева** 593

IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Бабушка.—II. Изъ Гейне.—III. Чешская пѣсня.—**А. П. Языкова** 613

V.—ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-46 гг.—XI-XIII.—**Н. А. Попова** . . . 618

VI.—ДВА РАЗА ЗАМУЖЕМЪ.—Повѣсть.—**Ѳ. С. Стулли** 670

VII.—ОТРЫВКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ЭПОСА ВЪ РУССКОМЪ. — I. Поэма о Дигенисѣ.—II. Девгеній-Дигенисъ.—III. Дигенисъ-Акрита и старшіе богатыри.—**А. Н. Веселовскаго** 750

VIII.—ХРОНИКА.—Спеціальный журналъ для русской публицистики.—Сборникъ государственныхъ знаній. Т. I.—**Ю. Р.** 776

IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Судебная реформа въ царствѣ польскомъ.—Сессія петербургскаго дворянства.—Всесословная волость. — Дѣло г. Безобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 796

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Программа министерства Бюффе. — Закрытіе сессіи національнаго собранія.—Докладъ Саварй.—Прокламація Кабреры.—Его прошлое, и его отношеніе къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій. 818

XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Обзоръ сессіи прусскаго ландтага.—**К.** 832

XII.—ПО ПОВОДУ СПИРИТИЗМА.—Письмо къ редактору.—Проф. **Н. П. Вагнера.** 855

XIII.—ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 876

XIV.—ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ КНИГЪ.—Январь и февраль.

XV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

КУДЕЯРЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Гости.

Начинался разсвѣтъ ноябрьскаго дня. Въ домѣ священника Никольской церкви, въ Китай-городѣ, горѣли огни. Въ просторной свѣтлицѣ съ маленькими четвероугольными оконцами происходили приготовленія къ выѣзду знатнаго господина. Двое слугъ вытащили большой сундукъ изъ угла, образуемаго муравленною печью и раздѣленнаго на два яруса для всякой поклажи, и доставали изъ сундука разные наряды. Господинъ обулся въ сафьянные сапоги съ серебряными узорами, отороченные бобромъ, надѣлъ зеленые суконные штаны, входившіе въ сапоги, бѣлый зипунъ изъ турецкой габы, а сверху бархатный темнокрасный зацкій кобенякъ съ отложнымъ бобровымъ воротникомъ и горстаевой обшивкой. Эта одежда была короче тогдашняго великорусскаго кафтана, съ одною только грушевидною пуговицею, подпоясывалась поясомъ, до того унизаннымъ золотыми бляхами, что нельзя было распознать матеріи, изъ которой онъ былъ сдѣланъ. За поясомъ заложенъ былъ кинжалъ съ круглою ручкою, украшенною однимъ большимъ изумрудомъ; на лѣвомъ боку

у господина была турецкая кривая сабля, въ серебряныхъ ножнахъ и съ бирюзою на рукояткѣ; а на груди висѣла золотая цѣпь съ медальономъ, на которомъ изображалось восходящее солнце. Одѣвшись, господинъ выслалъ слугъ, досталъ изъ шкатулки отдѣланную перламутромъ пергаменную книжку и сталъ читать молитвы, обратившись къ образу, передъ которымъ горѣли три восковыя свѣчи. Между тѣмъ разсвѣло.

Въ свѣтлицу вошелъ священникъ съ крестомъ и святою водою.

— Потѣснили мы тебя, отче, — сказалъ господинъ.—Не сѣтуй на насъ: не наше хотѣніе, а царская воля. Но я передъ тобою за гостьбу твою въ винѣ не буду.

— Честнѣйшій господине княже,—сказалъ священникъ, благословивъ крестомъ господина и окропивши святой водой,—коли-бъ государь-царь жаловалъ насъ такими стояльцами, то намъ на томъ государю бить челомъ со хвалою, а не скорбѣть о тѣснотѣ. Таки[illegible] какъ [illegible] на свѣтѣ немного, зане кровь свою не разъ проливалъ за все христіанство и страшенъ сталъ агарянамъ, яко Гедеонъ и Сампсонъ. Боже тебя благослови! А я, грѣшный богомолецъ твой, буду молить Бога и Пречистую Его Матерь, чтобъ царь-государь послѣдовалъ благому совѣту твоему, еже на брань съ нечестивыми измаильтяны.

— Все въ руцѣ божіей, — сказалъ господинъ. — Человѣкъ хочетъ тако и инако, а какъ Богъ скажетъ: стой, не движися!— то всѣ человѣческія затѣи прахомъ пойдутъ. Молчи да дыши.

Вошелъ царскій приставъ, поклонился князю въ поясъ и сказалъ:

— Князь Димитрій Ивановичъ! Государь-царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловалъ тебя, велѣлъ быть у себя и прислалъ за тобою свою царскую лошадь.

Князь всунулъ приставу въ руку нѣсколько червонцевъ.

Вошли слуги, доложили, что все готово, и накинули на господина соболью шубу, крытую зеленою камкою. Господинъ надѣлъ высокую черную баранью шапку съ золотымъ перомъ и вышелъ, провожаемый благословеніями и пожеланіями священника.

Этотъ господинъ былъ знаменитый богатырь XVI-го вѣка— князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, староста черкасскій и каневскій, предводитель днѣпровскихъ казаковъ и первый виновникъ ихъ славы. Медальонъ на груди носилъ гербъ его княжескаго рода. Князь былъ лѣтъ сорока-пяти, средняго роста, съ большимъ выпуклымъ лбомъ, носившимъ печать ума и благородства, и съ окладистою русою бородкою. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилось простодушіе и доброта вмѣстѣ съ чѣмъ-то могучимъ и грознымъ; несмотря на лѣта, его лицо сіяло здоровьемъ

и свѣжестью; во всѣхъ чертахъ и движеніяхъ его виднѣлись слѣды внутренней крѣпости, сильной воли и многолѣтняго опыта.

Выйдя на крыльцо, онъ увидѣлъ толпу своихъ казаковъ; атаманы были въ красныхъ, а простые казаки въ черныхъ киреяхъ и широкихъ шараварахъ, запущенныхъ въ высокіе черные сапоги. Одни сидѣли уже на коняхъ, и одинъ за другимъ выѣзжали за ворота, другіе держали за поводья лошадей, готовясь вскочить на нихъ.

У крыльца стоялъ сѣрый съ черными яблоками жеребецъ: на немъ было красное сафьянное сѣдло съ позолоченною лукою, лежавшее на черномъ съ красными узорами чепракѣ, изъ-подъ котораго выглядывали концы желтой попоны съ бахрамой. Подъ мордою у лошади висѣла цѣлая куча ремешковъ, расширявшихся книзу и усѣянныхъ золотыми бляшками, а на ногахъ выше копытъ были бубенчики, издававшіе звукъ при всякомъ движеніи лошади. Вишневецкій вскочилъ на жеребца и выѣхалъ изъ воротъ; приставъ ѣхалъ съ нимъ рядомъ; впереди и сзади ѣхали казаки. Путь ихъ лежалъ мимо гостиннаго ряда, по Красной Площади, загроможденной въ то время множествомъ лавочекъ, шалашей, скамей съ разными съѣстными припасами. Народъ, любившій глазѣть на пріѣзжихъ, съ любопытствомъ бѣжалъ за Вишневецкимъ, и въ толпѣ слышались голоса: «вотъ молодецъ! какъ такому бусурмана не побить! И народъ-то у него какой рослый, богатырскій!»

Вишневецкій въѣхалъ въ фроловскія ворота Кремля, на которыхъ въ то самое время раздалось два удара боевыхъ часовъ, означавшихъ тогда два часа по тогдашнему счету ночныхъ и дневныхъ часовъ, и въ ту же минуту повторилось два удара на другихъ кремлевскихъ башняхъ, на которыхъ были устроены часы: на Никольской, Водяной (къ Москвѣ-рѣкѣ) и Ризоположенской (выходившей на Неглинную). Тридцать пищальниковъ, стоявшихъ на караулѣ, разступились и подняли свои пищали вверхъ. Вишневецкій проѣхалъ между боярскими домами, мимо Вознесенскаго монастыря и мимо церкви Николы Гостунскаго, прямо къ собору, и остановился у золоченной рѣшетки царскаго двора. Приставъ соскочилъ съ лошади; за нимъ сошелъ князь и всѣ казаки. По приказанію пристава, князь отвязалъ свою саблю, отдалъ ее казаку, взялъ съ собою четырехъ атамановъ и одного казака, несшаго ящикъ, и пошелъ пѣшкомъ вслѣдъ за приставомъ по благовѣщенской лѣстницѣ. На крыльцѣ, ради почета, была ему первая встрѣча, въ сѣняхъ другая. Вишневецкій вошелъ въ переднюю палату.

Царь Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ углу подъ образомъ, одѣтый въ голубой, расшитый серебряными и золотыми травами кафтанъ, въ собольей шапочкѣ съ жемчужною опояскою, въ рукахъ держалъ посохъ. Это былъ сухощавый человѣкъ, съ клинообразною бородкою, съ узкимъ лбомъ, и съ чрезвычайно живыми, бѣгающими глазами, въ которыхъ трудно было уловить что-нибудь, кромѣ постояннаго безпокойства и нерѣшительности. Близъ него стоялъ думный дьякъ Иванъ Висковатый, высокій, тонкій, съ длинною шеею и съ задумчивымъ выраженіемъ глазъ.

Вишневецкій, сдѣлавъ отъ двери три шага впередъ, поклонился царю, прикоснувшись пальцами до земли.

Приставъ сказалъ:

— Князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій пріѣхалъ просить твоей царской милости, чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ, изволилъ бы принять его въ холопство на вѣрную свою государскую службу.

Дьякъ Висковатый отъ имени царя далъ отвѣтъ, что царь похваляетъ князя Димитрія Ивановича, велитъ спросить о здоровьѣ и жалуетъ къ своей царской рукѣ.

Вишневецкій, подошедши ближе, преклонилъ колѣно и поцѣловалъ лежавшую на колѣняхъ царя царскую руку, а потомъ отошелъ, устремивши глаза на государя.

Приставъ заявилъ, что князь Димитрій проситъ пожаловать его—велѣть поднести царю въ даръ турецкую саблю рѣдкой работы. Казакъ поставилъ ящикъ на столикъ и открылъ его. Тамъ лежала сабля съ рукояткою, осыпанною рубинами, бирюзой и изумрудами.

— Богъ тебѣ въ помощь, князь Димитрій Ивановичъ!—сказалъ царь Иванъ:—коли пожелалъ своею охотою служить намъ и прямить, то мы тебя будемъ жаловать, и служба твоя отъ насъ забвена не будетъ. Ну, а сдалъ ты Черкасы и Каневъ брату нашему, королю Жигимонту-Августу, какъ мы тебѣ велѣли, для того, что мы теперь съ братомъ нашимъ королемъ не въ розратьи?

— Все учинилъ такъ, какъ отъ тебя, государя, приказано— сказалъ Вишневецкій: — а нынѣ пожалуй насъ, холопей твоихъ: вели слово вымолвить.

— Говори,—сказалъ царь:—послушаемъ, коли хорошее скажешь.

Вишневецкій сказалъ:

— Казаки городовъ Черкасъ и Канева и всѣ тамошніе тубольцы, прирожденные русскіе люди истинныя восточныя вѣры, тебѣ, великому государю, прямятъ и желаютъ поступить подъ

твою высокую державную руку навѣкъ неотступно. Вся земля кіевская съ Украиною и съ землею волынскою и галицкою—твоя государева извѣчная отчина отъ равноапостольнаго князя Владиміра; но половиною ея уже давно завладѣли поляки, а другою думаютъ теперь завладѣть отъ Литвы. И намъ бы не быть подъ латинскимъ государемъ; а пригоже намъ быть подъ своими прирожденными правовѣрными государями.

Во время этой рѣчи Иванъ Васильевичъ безпрестанно поворачивался, вертѣлъ свой посохъ, какъ человѣкъ, который не въ силахъ сдержать своихъ ощущеній, и показывалъ, что разомъ слышитъ что-то пріятное и непріятное. По окончаніи рѣчи онъ сказалъ что-то Висковатому, а Висковатый произнесъ громко:

— Князь Димитрій Ивановичъ, ты поговоришь съ царскими боярами, которыхъ тебѣ вышлетъ государь на разговоръ.

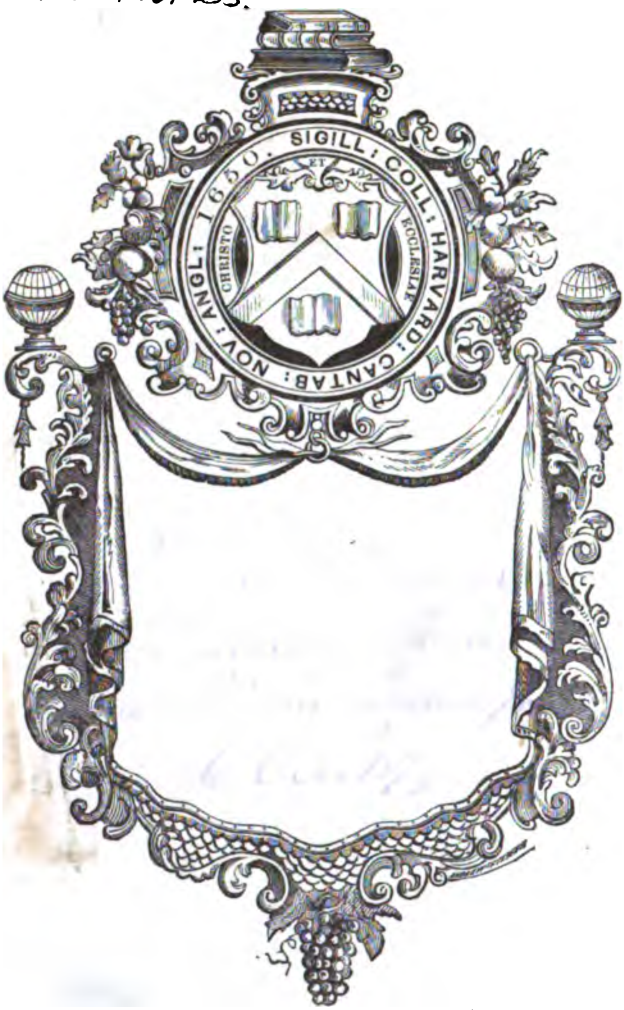
— Слыхали мы,—сказалъ царь,—что ты, князь Димитрій, бился съ невѣрными за благочестивую вѣру, и мы тебя за то похваляемъ, чаючи, что и впередъ по нашему повелѣнію будешь противъ нашихъ недруговъ биться; а за твое радѣніе, что пришелъ къ намъ, жалуемъ тебѣ въ вотчину городъ Бѣлевъ съ нашими волостями и доходами, и твоихъ атамановъ и казаковъ, что пришли съ тобой, велимъ испомѣстить помѣстьями.

Всѣ поклонились.

Приставъ далъ знакъ, и Вишневецкій вышелъ со своими атаманами.

Князя провели черезъ сѣни и крыльцо въ такъ-называемую Малую Избу, противъ дверей Благовѣщенскаго собора. Тамъ, у входа Вишневецкій увидѣлъ давно знакомаго ему дьяка Ржевскаго, бывшаго его товарища въ недавнихъ битвахъ съ татарами. Они поцѣловались какъ давніе пріятели. Въ Избѣ посрединѣ стоялъ столъ, за которымъ сидѣло трое сановниковъ. При входѣ князя они встали изъ-за стола и подошли къ нему. То были: князь Андрей Михайловичъ Курбскій, Алексѣй Адашевъ и братъ его Данило.

Алексѣй Адашевъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, съ овальнымъ длиннымъ лицомъ, съ бѣлокурыми, плотно остриженными волосами и съ небольшой клинообразной бородкой. Чрезвычайное благодушіе свѣтилось въ кроткихъ голубыхъ глазахъ его. Онъ постоянно держалъ рѣсницы опущенными внизъ, а когда взглядывалъ на того, съ кѣмъ велъ разговоръ, то, казалось, видѣлъ насквозь, что̀ у другого на умѣ. Въ Москвѣ говорили, что Адашевъ самъ никогда не скажетъ неправды, и передъ Адашевымъ другому трудно было солгать: слова не скажетъ,


SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ненавидѣли Сильвестра послѣ того, какъ во время опасной болѣзни, постигшей царя Ивана, Сильвестръ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, помышлялъ на случай царской смерти о такомъ порядкѣ правленія, который бы оградилъ Русь отъ власти Захарьиныхъ, при малолѣтствѣ наслѣдника престола. Изъ двухъ братьевъ царицы, Никита, хотя и не любилъ Сильвестра, но самъ по себѣ будучи человѣкомъ честнымъ, воздерживался отъ всякихъ козней противъ него; зато другой, Григорій, злой и коварный, не останавливался ни передъ какими мѣрами, готовъ былъ на всякую черную клевету, на всякія козни. Онъ нашепталъ царю, что Сильвестръ мирволилъ честолюбивымъ затѣямъ царскаго двоюроднаго брата, Владимира Андреевича, будто бы добивавшагося престола въ ущербъ правамъ Ивановыхъ дѣтей. Пользуясь набожностью сестры, Григорій Захарьинъ безпрестанно подбивалъ ее таскать съ собой царя по монастырямъ, чего не хотѣлъ Сильвестръ, вообще не любившій тогдашнихъ монаховъ-тунеядцевъ; Григорій свелъ царя Ивана съ инокомъ Григоріемъ Топорковымъ, бывшимъ ростовскимъ епископомъ, который въ тайной бесѣдѣ съ царемъ пристыдилъ его и далъ ему пріятный для него совѣтъ: никого не слушаться и дѣлать такъ, какъ ему вздумается.

Козни Григорія и наговоры любимой жены хотя настроили царя Ивана враждебно къ Сильвестру, но все еще не могли побудить царя къ рѣшительному разрыву съ своимъ духовникомъ. Иванъ любилъ жену, но насколько бываютъ способны къ любви такія эгоистическія натуры. Иванъ колебался то туда, то сюда. Вотъ, подъ вліяніемъ жены и ея братьевъ, онъ возгорался злобою противъ Сильвестра, а Сильвестръ напомнитъ царю, что мужъ есть глава жены, и даже еще замѣтитъ, какъ бы такъ, вообще, не относя свое замѣчаніе къ царю, что плохо поступаетъ тотъ мужъ, который во всемъ слушается своенравной жены; тогда Иванъ проникнется своимъ достоинствомъ супруга, начнетъ сердиться на жену; но жена разольется въ слезахъ, и царь помирится съ нею, а потомъ ей въ угоду опять покажетъ злобу къ Сильвестру; вслѣдъ затѣмъ, по привычкѣ вѣрить въ чудодѣйственную силу Сильвестра, самъ испугается своей смѣлости и старается примириться съ Сильвестромъ. Сильвестръ укажетъ царю на что-нибудь такое, чтó удобно объяснить знакомъ божьей воли; Сильвестръ что-нибудь кстати предскажетъ, и предсказаніе сбудется; Сильвестръ озадачитъ царя какимъ-нибудь текстомъ, какимъ-нибудь примѣромъ изъ священной и византійской исторіи, такъ что царь не можетъ противъ того ничего отвѣчать и склоняется предъ

мудростію духовника. Можно сказать, что всѣ козни противъ Сильвестра долго бы не могли подорвать его могущества, еслибы Сильвестръ, какъ прежде, находилъ себѣ опору въ боярахъ. Но уже нѣкоторые бояре, прежде во всемъ слушавшіе Сильвестра, стали, подобно царю, тяготиться нравственною зависимостью отъ попа, самолюбіе ихъ уязвлялось, и вотъ, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, принимать безпрекословно его совѣты, замѣчали они Сильвестру, что люди мірскіе болѣе его, попа, смыслятъ въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ. Роковымъ событіемъ для Сильвестра была представившаяся тогда необходимость выбора между Крымомъ и Ливоніей. Отецъ Сильвестръ совѣтовалъ царю не трогать ливонскихъ нѣмцевъ, жить вообще въ мирѣ съ христіанскими странами, и, напротивъ, стараться подвигнуть ихъ вмѣстѣ съ Россіей на бусурманъ, а между тѣмъ самому идти на Крымъ и собственноручно водрузить крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ св. Владимиръ принялъ крещеніе. Въ царской думѣ не всѣ раздѣляли такое мнѣніе: одни были за войну съ Крымомъ, другіе соблазнялись легкимъ, какъ имъ казалось, завоеваніемъ Ливоніи и пріобрѣтеніемъ моря. Самъ Алексѣй Адашевъ поколебался-было и не сталъ отклонять царя отъ войны съ нѣмцами; царь прельщался надеждою овладѣть сильными германскими градами, о которыхъ имѣлъ смутное представленіе, смѣшивая Колывань (Ревель) съ Нюренбергомъ, Ригу съ Регенсбургомъ. Духовные сановники охотно благословляли царя на брань съ еретиками латинами и люторами главнымъ образомъ оттого, что знали, ка́къ это непріятно Сильвестру, а они не любили Сильвестра за то, что онъ, будучи не болѣе какъ попъ, былъ сильнѣе архіереевъ, не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ. Царица Анастасія не удерживала царя отъ войны съ Ливоніей оттого, что никто не требовалъ, чтобы царь самъ шелъ въ походъ на нѣмцевъ, а крымской войны царица очень боялась; она знала, что царя Ивана повлекутъ въ Крымъ, какъ повлекли подъ Казань. Ливонская война открылась. Священникъ-временщикъ съ самаго своего приближенія къ царю не привыкъ еще, чтобы дѣлалось что-нибудь противное его желанію; онъ сильно досадовалъ, онъ выходилъ изъ себя, особенно когда злодѣянія, совершенныя татарами Шигъ-Алея въ Ливоніи, давали ему благовидный поводъ вопіять противъ напущенія бусурманъ на христіанское жительство; онъ называлъ Ливонію бѣдной вдовицей, угрожалъ за нее Россіи гнѣвомъ божіимъ, предсказывалъ неудачи... но что́ же? какъ бы ему въ обличеніе, вмѣсто неудачъ, успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ! Сильвестръ опускался.

Крымское дѣло, за которое онъ такъ стоялъ, ограничившись неважнымъ по своимъ послѣдствіямъ походомъ дьяка Ржевскаго и Данила Адашева, почти совсѣмъ оставлялось. Теперь пріѣздъ князя Вишневецкаго поднималъ его снова. Смѣлый и рѣчистый князь Димитрій Ивановичъ обладалъ большимъ даромъ внушать къ себѣ любовь и увлекать другихъ за собою; на пирѣ, данномъ Курбскимъ, многіе изъ бояръ воодушевились уже мыслью о войнѣ.

Вслѣдъ затѣмъ у царя Ивана Васильевича собралась боярская дума. Люди, отличившіеся при взятіи Казани, князья: Серебряный, Горбатый, Воротынскіе, Микулинскій, Щенятевъ, Темкинъ, вслѣдъ за Алексѣемъ Адашевымъ и Курбскимъ, сильно поддерживали тогда войну съ Крымомъ. Но противъ нихъ возсталъ князь Петръ Шуйскій, гордый своими успѣхами въ Ливоніи. Онъ сталъ доказывать, что неблагоразумно оставлять начатое завоеваніе страны и вдаваться въ новую войну, которая непремѣнно втянетъ московское государство въ войну съ Турціей. Шуйскій говорилъ такъ хладнокровно, такъ разсудительно, что нѣкоторыхъ поколебалъ, а другихъ заставилъ призадуматься. Большинство однако все-таки было не на его сторонѣ; но царь присталъ къ нему: у Ивана постоянно торчала въ головѣ гвоздемъ мысль, что онъ самодержавенъ, и потому многіе должны дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ, а не такъ, какъ многимъ хочется; видя, что въ думѣ большинство за войну съ Крымомъ, Иванъ радъ былъ, что нашелся противникъ этого мнѣнія, и присталъ къ нему. Кромѣ того, Ивану Васильевичу не хотѣлось, по трусости, самому идти на войну: вѣдь и въ Казань онъ ходилъ по неволѣ. Порѣшили обдумать и обождать. Между тѣмъ пришло извѣстіе изъ Крыма, что ханъ Девлетъ-Гирей отправляетъ въ Москву посольство просить у царя мира и дружбы, и отпускаетъ захваченныхъ во время набѣговъ московскихъ плѣнниковъ. И желавшіе войны съ Крымомъ, и нежелавшіе войны выводили изъ этого благопріятныя заключенія. Желавшіе говорили, что это посольство хана означаетъ его безсиліе, боязнь передъ русскимъ оружіемъ, и потому слѣдуетъ поскорѣе начать съ нимъ войну. Нежелавшіе войны говорили: «вотъ и хорошо, значитъ, можно и безъ войны примирить хана, постановить съ нимъ хорошій миръ, корыстный для московской державы». Такимъ образомъ, вопросъ о войнѣ оставался нерѣшеннымъ. Сторонники войны съ Крымомъ были сильно огорчены, но не теряли надежды и пріискивали средства и мѣры повернуть дѣло на свой ладъ. Никто изъ бояръ не же-

лалъ такъ войны съ Крымомъ, какъ князь Курбскій; послѣ неудачи въ думѣ сталъ тайно совѣтоваться съ Сильвестромъ и придумывалъ мѣры, какъ бы расположить царя къ войнѣ съ татарами.

Царь Иванъ любилъ развлекаться чѣмъ-нибудь чуднымъ, необыкновеннымъ, таинственнымъ. Блаженные, юродивые, предсказатели, тайновидцы занимали его и находили къ нему доступъ. Въ Москвѣ не переводились этого рода люди; одни исчезали, другіе появлялись. Тогда въ Москвѣ обращалъ всеобщее вниманіе, недавно появившійся блаженный, сухощавый старикъ, высокаго роста, съ длинными и бѣлыми волосами, съ большою продолговатою бородою, въ черномъ длинномъ одѣяніи изъ грубой шерсти, на подобіе рубахи, въ остроконечной шапкѣ, съ палкою наравнѣ съ его головою, и всегда босой. Никто не видалъ у него котомки за плечами; не было у него постояннаго пріюта въ Москвѣ; иногда онъ ночевалъ гдѣ-нибудь въ теплой избѣ христолюбца, а иногда на улицѣ подлѣ церкви. Никто не зналъ, откуда онъ и кто онъ; и разныя догадки и слухи распространялись о немъ по Москвѣ. Нѣкоторые замѣчали въ его выговорѣ, какъ будто что-то не русское: одни говорили—онъ изъ Рима, другіе — изъ Ефеса, третьи—изъ Эѳіопіи, четвертые—изъ царства индійскаго; иные увѣряли, что онъ русскій изъ странъ поморскихъ, двадцать лѣтъ сидѣлъ на болотѣ, питался быльемъ и кореньемъ, а нѣкоторые дѣлали догадки, что онъ человѣкъ знатнаго рода, обрекшій себя на нищету царствія ради Христова. Онъ, говорили о немъ, видитъ, чтó дѣлается за сто верстъ, угадываетъ мысль человѣческую, предсказываетъ будущее; но когда съ нимъ пытались заговаривать, то онъ отвѣчалъ обыкновенно такъ, что трудно было понять истинный смыслъ его рѣчи. Этотъ блаженный былъ вхожъ къ Сильвестру, несмотря на то, что Сильвестръ не долюбливалъ людей такого рода. Блаженный, приходя къ Сильвестру, не юродствовалъ передъ нимъ, но всегда говорилъ что-нибудь разумное; а когда Сильвестръ спросилъ его: кто онъ таковъ?—блаженный, вмѣсто отвѣта на такой вопросъ, просилъ Сильвестра никогда уже болѣе не спрашивать объ этомъ. Блаженный удивлялъ Сильвестра короткими намеками на разные предметы, касавшіеся тогдашней политики, земскаго и церковнаго строенія; ничто, казалось, не было ему чуждо; все его занимало. Когда прибылъ Вишневецкій и представлялся царю, блаженный пришелъ къ Сильвестру и съ большимъ сочувствіемъ говорилъ о войнѣ съ невѣрными. Сильвестръ разсказалъ ему, чтó слышалъ отъ дру-

гихъ о Вишневецкомъ, объ его казакахъ, и заговорилъ объ атаманѣ-силачѣ съ таинственнымъ крестомъ.

Блаженный слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и на его лицѣ мгновенно показалось и исчезло какъ-бы выраженіе испуга, такъ что Сильвестръ спросилъ его:

— Ужъ не догадываешься ли ты, чей родомъ такой этотъ невѣдомый московскій человѣкъ?

— Нѣтъ, — задумчиво сказалъ блаженный; — мало ли чего можетъ быть похожаго, да еслибъ... Миръ христіанству! Миръ христіанству!

Сильвестръ, однако, видѣлъ, что блаженный чего-то смутился, и хотѣлъ-было допросить его, но блаженный сказалъ:

— Подобаетъ православной рати идти на освобожденіе многихъ тысячъ крещеныхъ братій — и тотъ, что съ золотымъ крестомъ, пусть идетъ, и тотъ, что съ мѣднымъ. Духовное рожденіе паче тѣлеснаго!

Когда походъ въ Крымъ не рѣшенъ былъ въ думѣ, блаженный пришелъ къ Сильвестру, который сообщилъ ему объ этомъ, и прибавилъ:

— Тебѣ бы говорить всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы единомышленно ополчились за крестъ святой, и самого царя благочестиваго подвигать бы тебѣ на брань.

Послѣ того блаженный сталъ являться у Архангельскаго собора и кричать изо всѣхъ силъ: «Ночь проходитъ, заря занимается, роса падаетъ, млеко съ неба польется». Царь увидалъ его и велѣлъ позвать къ себѣ во дворецъ.

Вошедши къ государю, блаженный упалъ на землю, протянувши руки впередъ, а потомъ вскочилъ и закричалъ во все горло:

— Царь, иди бусурманъ бить.

— Садись, божій человѣкъ, — сказалъ царь, проникнутый страхомъ отъ такой неожиданной выходки.

Блаженный сѣлъ на полу. Царь приказалъ подать ему вина и сластей. Блаженный вскочилъ, взялъ кубокъ, поднесъ къ губамъ и началъ лить мимо рта по бородѣ; потомъ, какъ будто поперхнувшись виномъ, поставилъ кубокъ и, кланяясь въ землю, говорилъ:

— Прости, царь-государь, не вели казнить, смилуйся, пожалуй! Не умѣю вина пить! Дуракъ я неотесанный, мужичина деревенскій!

Потомъ блаженный взялъ съ блюда нѣсколько сухихъ варе-

ныхъ плодовъ, быстро спряталъ ихъ за пазуху, улыбнулся и сказалъ:

— Ребятишкамъ отдамъ.

— Какимъ ребятишкамъ?—спросилъ царь.

— Тѣмъ, что будутъ воеводствовать въ Крыму, когда выростутъ.

— Какъ! въ Крыму?

— Да, въ Крыму, когда Крымъ завоюютъ.

— Кто его завоюетъ?

— Русь.

— Когда?

— Когда Богъ дастъ.

— Не я?

— Какъ пойдешь на войну, такъ ты завоюешь, а какъ не пойдешь, такъ не ты, а другіе послѣ тебя завоюютъ, а тебѣ будетъ срамъ и великое досажденіе отъ невѣрныхъ.

— Какое досажденіе?

— Побьютъ тебя не въ пору, и Москву сожгутъ, какъ уже сожигали при твоихъ отцахъ.

— А развѣ мнѣ будетъ побѣда, когда теперь пойду на войну?

— Побѣдишь.

— Отчего ты это знаешь?

— Въ Лукоморьи сказали.

— Въ какомъ Лукоморьи?

— Все разскажу, коли хочешь, только тебѣ одному.

— Говори.

— Говорить?

— Говори.

— А ты не прибьешь? Дай царское слово, что не прибьешь.

— Съ чего я стану божьяго человѣка бить!

— То-то, не прибей, а то больно будетъ, я передъ Богомъ пожалуюсь.

— Говори, не бойся.

— Ну, такъ слушай. Далеко, далеко за Пермью великой, есть горы каменныя, высокія; а за тѣми каменными горами есть югорская страна, и живутъ тамъ люди малорослые, называются югра; страна-то холодная, а въ ней звѣрья много и рыбы, а за югорскою страною течетъ рѣка Обь, а за тою рѣкою, за Обью, протянулась верстъ, почитай, на тысячу степь сибирская; на той степи ничего не родится, и земля размерзаетъ лѣтомъ не болѣ развѣ какъ на два

пальца; за тою степью будетъ море ледяное; никогда то море не таетъ, а будетъ того моря верстъ на тысячу, али больше; никто до того моря не доходитъ, а не то чтобы перейти его. А коли-бъ какой человѣкъ по божьей волѣ перешелъ то море ледяное, ино тотъ человѣкъ увидалъ бы чудеса невиданныя, недомыслимыя, чего и во снѣ никому не привидится и человѣку на умъ взыти не можетъ. Пришелъ бы тотъ человѣкъ къ берегу высокому, а взойти на тотъ берегъ высокій никоторыми дѣлы невозможно: круто зѣло, развѣ сила божія человѣка туда подниметъ. А какъ подняла бы сила божія того человѣка на гору, ино увидалъ бы онъ за горою страну свѣтлую, теплую, зеленую; а какъ сошелъ бы, примѣромъ говорю, человѣкъ тотъ съ горы, и была бы передъ нимъ рѣка: вода въ ней чистая и прозорчистая. Сталъ бы тотъ человѣкъ и думалъ: куда Ты это, Господи, занесъ меня? А тутъ съ другой стороны рѣки дерево клонится, клонится, и легло поперекъ рѣки. Тотъ человѣкъ сотворилъ бы крестное знаменіе и пошелъ бы съ вѣтви на вѣтвь по тому дереву, и перешелъ бы рѣку, и сталъ бы ступать ногами по травѣ, мягкой аки шелкъ; солнце свѣтитъ и не палитъ, а на деревьяхъ висятъ плоды, какихъ на землѣ нѣтъ, и пташки на вѣтвяхъ поютъ зѣло сладкими гласы и въ аерѣ благоуханіе неизреченное. И вотъ, противъ того человѣка идетъ навстрѣчу нѣкій старецъ, бѣловласъ, зѣло благообразенъ, и осклабляется и говоритъ: буди здравъ, человѣче божій, пришедшій сѣмо, не по своему хотѣнію, а по божьему велѣнію; идемъ въ нашу обитель. Человѣкъ тотъ и пошелъ за старцемъ, и видитъ: церковь стоитъ, верхи у ней золоты, а кругомъ церкви древеса, а подъ тѣми древесами сидятъ единонадесять старцы въ одеждахъ бѣлыхъ, аки снѣгъ; а тотъ, что прихожаго человѣка привелъ, двѣнадцатый, и говоритъ старецъ онъ тому прихожему человѣку: се обитель наша, келій у насъ нѣтъ, для того что незачѣмъ: въ сей странѣ не бываетъ ни дождя, ни снѣга, ни зноя, ни стужи, ни бури; нѣтъ здѣсь ни звѣря лютаго, ни гада ядовитаго, ни комаровъ, ни мухъ, ни птицъ; не бываетъ на насъ ни скорбей, ни болѣзней, и смерти еще никто не вкусилъ отъ насъ. Церковь сія, идѣже приносится безкровная жертва, построена не нами, а ангелами невидимыми. Тогда тѣ старцы встали и сказали прихожему человѣку: пойдемъ вмѣстѣ съ нами въ храмъ божій помолиться. И вошелъ прихожій человѣкъ въ церковь, и видитъ: иконостасъ весь отъ злата, а престолъ отъ каменія самоцвѣтнаго; одинъ старецъ облекся въ ризы бѣлыя, паче сребра блестящія, а прочіе клирошанами стали; и

какъ начали они службу Господню, и показалось прихожему человѣку, что онъ какъ бы на небѣ, паде на землю челомъ, самъ плачетъ, а на душѣ ему легко и радостно. А послѣ службы всѣ вышли и сѣли за трапезу подъ древесами, и прихожаго человѣка съ собой посадили; и ѣли хлѣбъ бѣлый, мягкій, и плоды и вино пили, а то вино таково, что только капля въ уста внидетъ, то по тѣлу разливается неизреченное веселіе. И говорятъ старцы: мы хлѣба не сѣемъ и не печемъ, дерево у насъ таково есть, что хлѣбъ родитъ, и вина мы не дѣлаемъ: само течетъ изъ ягодъ виноградныхъ. А окончивъ трапезу всѣ встали и воспѣли, и тогда старецъ тотъ, что̀ священнодѣйствовалъ, такъ говорилъ прихожему человѣку:

«Бысть нѣкогда царство греческое, царство надъ царствами, а въ немъ царствующій градъ Константинъ, Царьградъ наречеся, занеже надъ всѣми градами земными царь бѣ. Тако пребысть, доне́леже, наущеніемъ богомерзкаго папы Формоза, отпаде ветхій Римъ отъ благочестія и съ нимъ вкупѣ страны западныя во тьму еретичества уклонишася, точію въ гречестѣй странѣ благочестіе не изсякаше; но дѣйствомъ дьявольскимъ мнози отъ православныхъ христіанъ совратишася съ пути истинна, впадоша въ блудъ, въ чревонеистовство, враждованіе, волшеніе, чародѣяніе и во вся тяжкая, и Господь во гнѣвѣ своемъ посла на нихъ агарянъ нечестивыхъ и предаде грады и веси ихъ на расхищеніе, и мнози христіане мечемъ посѣчены быша, и мнози храмы святые и обители честныя обращены быша въ ро́патѝ (капища) скверныя, и по всей земли начаша нечестивые агаряне мучити иноки честные, нудяще ихъ отрещися равноангельскаго иноческаго житія, повелѣвающе имъ мяса ясти и блудъ творити. Въ оное время жиша во единомъ же мѣстѣ дванадесять старецъ, отцы пустынніи, пребывающе выну въ молитвѣ, и тіи волею божіею внезапу восхищены бѣша и во мгновеніе ока пренесены въ страну сію, идѣже нынѣ ны зриши. Принесеннымъ намъ бывшимъ явися намъ ангелъ божій, рече: «здѣ пребудете выну молящеся и живуще непорочно, дондеже свершится исполненіе временъ и смилуется Господь надъ людьми своими и освободитъ ихъ рукою крѣпкою и мышцею высокою отъ неволи бусурманскія. Вѣдомо буди вамъ, яко по мнозѣхъ лѣтѣхъ воздвигнется держава греческая и паки возсіяетъ вѣра благочестивая въ Царьградѣ и во иныхъ градѣхъ страны тыя, и тогда паки пренесены будете въ первое мѣсто и тамо скончаете земное житіе свое и отыдете въ покой вѣчный, тѣлеса же ваша пребудутъ во свидѣтельство родомъ грядущимъ.

Донѣлеже сіе сбудется, живуще здѣ не узрите никого же отъ міра, отъ него же взяти бысте, и не услышите гласа его; егда же приближится время исполненія завѣта Господня, тогда волею божіею придетъ къ вамъ сѣмо мужъ нѣкій, восхищенъ отъ міра, и тому повѣдайте сія, яко приближися часъ торжества всего христіанства и паденія невѣрія агарянскаго».

— Посемъ, помолчавши мало, старецъ сказалъ прихожему человѣку: «возвратися въ страну россійскую и повѣдай сія имущимъ любовь и ревность божію, наипаче же благочестивому царю, единому подъ солнцемъ сущему. Блаженъ иже имать вѣру словесамъ твоимъ, а иже не имать вѣры и явится предъ нимъ тощъ глаголъ твой, того постигнетъ нѣчто отъ язвъ, уготованныхъ невѣрнымъ въ день воздаянія по дѣломъ ихъ. Аще кто не убоится и идетъ на брань съ невѣрными, тому отпустятся грѣхи, и не точію ему, но и роду его даже до четвертаго колѣна, а иже убоится и не идетъ на брань, той посрамленъ будетъ предъ ангелы въ день судный». Послѣ сихъ словъ одинъ старецъ увелъ прихожаго человѣка къ рѣкѣ; древо наклонилось, и прихожій человѣкъ прошелъ по немъ на онъ-полъ рѣки, и абіе восхищенъ бысть на воздусѣ и принесенъ въ страну свою.

Царь слушалъ блаженнаго съ жадностью, но тутъ закралась ему мысль: не хитритъ ли этотъ блаженный, не подученъ ли онъ сторонниками войны съ Крымомъ, хотя въ то же время кара, обѣщанная въ разсказѣ блаженнаго за невѣріе, смущала его. Помолчавъ немного, царь сказалъ:

— Что же этотъ прихожій человѣкъ, былъ онъ русскій родомъ, что-ли? а коли русскій, то какъ онъ говорилъ со старцами? они вѣдь греки, и по-русски не разумѣютъ.

— А развѣ русскій не можетъ научиться по-гречески? — отвѣтилъ блаженный; а колибъ не научился, развѣ Богъ не можетъ отверзти ему разумъ, такъ что, не знаючи греческой рѣчи, все пойметъ? Апостолы не учились языкамъ, а когда сошелъ на нихъ Духъ Святъ, то и заговорили на всѣхъ языкахъ.

— Правда,—сказалъ царь. Потомъ, помолчавъ немного, спросилъ:

— Этотъ человѣкъ, чтó восхищенъ былъ къ старцамъ,—ты?

— Я ли, не я ли,—отвѣчалъ блаженный,—не все ли тебѣ равно? Писаніе глаголетъ: имѣющіе уши слышати да слышатъ.

Царь опять замолчалъ, а лицо его все болѣе и болѣе принимало суровый видъ. Наконецъ, вглядываясь въ лицо своего собесѣдника, царь спросилъ:

— Кто ты таковъ?—Какъ тебя зовутъ?—Откуда ты?

Блаженный вскочилъ, замахалъ руками и закричалъ:

— Ай! ай!—Я говорилъ, что прибьешь, вотъ же и прибьешь!

— Я тебя бить не стану,—сказалъ царь: — я только тебя спрашиваю, кто ты таковъ?

— Мужикъ,—отвѣчалъ блаженный.

— Какъ тебя зовутъ?—Откуда ты?

— Меня зовутъ: грѣшный человѣкъ, а родомъ я по тѣлу отъ Адама, а по душѣ отъ Бога.

— Ты не ковыляй, а отвѣчай толкомъ,—сказалъ царь.—Что ты?—не знаешь развѣ, куда зашелъ, кто тебя спрашиваетъ?

— Знаю, знаю, — сказалъ блаженный:—ты государь, и можешь со мною сдѣлать все, чтó захочешь. Вели положить меня на землю да поливать горячимъ виномъ, какъ ты это дѣлалъ съ псковичами. Помнишь... Когда упалъ большой колоколъ въ знаменіе грядущей тебѣ кары — а скоро послѣ того пожаръ... мятежъ... И ты самъ чуть не пропалъ отъ народнаго мятежа.

Воспоминаніе объ ужасныхъ событіяхъ покоробило царя. Онъ задрожалъ, побагровѣлъ, волосы на головѣ его наёжились; онъ сжалъ кулаки, какъ будто собираясь уничтожить дерзкаго загадочнаго человѣка, а тотъ смотрѣлъ на грознаго владыку съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто хотѣлъ сказать ему: «не бѣсись, царь, ты со мной ничего не можешь сдѣлать».

— Ступай вонъ съ глазъ моихъ,—крикнулъ наконецъ царь.

Блаженный поклонился и произнесъ:

— Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ! маранъ-аѳа!

Сказавши это, онъ повернулся и добавилъ:

— И епископство его пріиметъ инъ.

— Стой,—закричалъ царь.

Блаженный остановился и спокойно смотрѣлъ въ глаза озлобленному царю.

Царь сказалъ:

— Кому ты это изрекаешь проклятіе?—Чье епископство ты предлагаешь кому-то иному?

— Это тому, кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа,—отвѣтилъ блаженный.

— Ты думаешь обо мнѣ, что я не люблю его, — сказалъ царь.

— Царь-государь,—сказалъ блаженный: — ты увѣрилъ меня царскимъ словомъ, что не прибьешь меня. Дуракъ мужикъ тебѣ

несъ безлѣпицу. Ты вѣдь всѣхъ людей умнѣе, для того, что ты царь. Не слушай дурака, прощай.

И блаженный быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, произнося:

— Что дурака умному слушать! — Дуракъ дурацкое говоритъ; а вотъ какъ умному придется потерять голову, такъ и дурацкія рѣчи вспомнитъ.

Послѣднія слова блаженнаго звучали въ ушахъ царскихъ роковымъ предсказаніемъ чего-то страшнаго. Противорѣчивыя думы волновали царскую голову. То казалось Ивану, что этотъ блаженный подученъ Сильвестромъ, то царь боялся остановиться на этомъ подозрѣніи. Наконецъ, царю блеснула мысль призвать къ себѣ Сильвестра и допытаться: не подослалъ ли протопопъ къ нему этого блаженнаго?

Передъ царемъ предсталъ сухощавый человѣкъ, лѣтъ за пятьдесятъ, большого роста, съ длинной сѣдоватой бородой, въ черной суконной рясѣ, въ маленькой шапочкѣ. Въ его глазахъ было что-то доброе и вмѣстѣ суровое, что-то испытующее и вмѣстѣ насмѣшливое; всѣ черты лица его какъ-бы говорили: я васъ вижу насквозь; куда вамъ до меня?

— Отче, — сказалъ царь, — у насъ въ думѣ идутъ все рѣчи разныя, несогласныя. Одни говорятъ—надобно воевать съ крымскими татарами, а другіе говорятъ—не надобно, чтобы не остановить войны съ нѣмцами. Какъ, отче, даешь ли ты мнѣ благословеніе на войну съ Крымомъ?

— То дѣло твое и боярское,—отвѣтилъ Сильвестръ.—Нашъ голосъ чтó есть, аще отъ себе, а не свыше глаголемъ? Сильные міра сего не внимаютъ намъ, и то добрѣ: попъ знай свой алтарь, да свой потребникъ, бояринъ же знай совѣтъ и ратное дѣло; посадскій человѣкъ—свой товаръ и лавку, а уѣздный — свое поле да соху. Всякъ твори, къ чему призванъ. Ты же призванъ свыше властвовать надъ государствомъ, творить правду и отъ сопостатъ защищать христіанское жительство. Есть у тебя совѣтники и слуги, съ ними думай; имъ то дѣло за обычай.

— Я вѣрую мудрости твоей, отче,—сказалъ царь.—Ты многажды давалъ мнѣ мудрые совѣты, и теперь хочу вопросить тебя.

— Мудрость человѣческая буйство есть передъ Богомъ, — сказалъ Сильвестръ.—Паки реку: аще отъ себе глаголемъ, не вѣрь намъ, аще не отъ себе, а отъ Бога—повинуйся словесамъ нашимъ, занеже повинуешися Богу, а не намъ. Испытуй, царю, своимъ царскимъ разумомъ: аще отъ Бога, или отъ себе глаго-

лемъ. Ты, царь-государь, разсердился на меня за то, что я тебѣ говорилъ: не начинать бы тебѣ войны съ нѣмцами, а идти тебѣ войною на бусурманъ. И по дѣломъ бы то мнѣ негодному попишкѣ, еслибы я отъ своего ума говорилъ, только то было говорено не отъ себя, а свыше. Такъ, государь.

— Война съ ливонскими нѣмцами идетъ счастливо,—сказалъ царь.—Наши войска побиваютъ сопостатъ. Вся ливонская страна скоро наша будетъ; Богъ видимо благословляетъ насъ.

— Конецъ дѣлу вѣнецъ, государь-царь,—сказалъ Сильвестръ. Бываетъ, что Богъ попущаетъ совершаться неправому дѣлу, а потомъ за него караетъ, паки реку тебѣ не отъ себя, но отъ Бога. Правая брань бываетъ тогда, когда обороняютъ святую церковь и жительство христіанское отъ нашествія сопостатъ; а нѣмцы на россійскую державу не находили, ты, государь, сталъ истязать у нихъ неудобоемлемую дань, и понеже невозможно заплатить имъ тое дани, ты послалъ разорять ихъ, да еще кого послалъ!—татаръ невѣрныхъ... Аще бы я сказалъ, что сіе благо есть, солгалъ бы Духу Святому. Ты на меня осердился; во всемъ твоя воля.

— Пріѣхалъ изъ Литвы князь Вишневецкій, зоветъ на крымскихъ татаръ,—сказалъ царь.—Идти намъ на татаръ?

— Всяко дѣло во благовременіи конецъ благій пріемлетъ,— отвѣтилъ Сильвестръ. — Аще же неблаговременно начинается, трудно и нуждно творится. Не имамъ повелѣній свыше, а своимъ худоумнымъ разумомъ чтó могу сказать? Совѣтуйся съ боярами, людьми думными и ратными.

— Ко мнѣ, — сказалъ Иванъ, вглядываясь пристально въ глаза Сильвестру, — приходилъ какой-то блаженный, и чудныя дѣла говорилъ о нѣкоей дивной странѣ, гдѣ живутъ дванадесять старцевъ, и тѣ старцы якобы предвѣщаютъ конецъ бусурманства и велятъ идти войной на бусурманъ.

— Бываютъ, государь,—сказалъ Сильвестръ,—видѣнія истинныя, бываютъ и ложныя, якоже и Никонъ Черныя-Горы пишетъ въ своей книгѣ; а я тебѣ, государь, ту книгу давалъ чести. Сему подобаетъ внимати со разсмотрѣніемъ.

Иванъ Васильевичъ отпустилъ Сильвестра ласково, ничего отъ него не допытавшись, и остался еще въ бо́льшемъ недоумѣніи, чѣмъ прежде. Между тѣмъ у Сильвестра былъ соперникъ, чудовскій архимандритъ Левкій. Онъ не имѣлъ и десятой доли того обаянія, какимъ обладалъ Сильвестръ, зато отличался качествами, которыми привлекалъ къ себѣ царя. Слушая Сильвестра,

царь сознавалъ, что Сильвестръ скажетъ такъ умно, какъ ему самому не выдумать; царь чувствовалъ, что Сильвестръ умнѣе его, и царь ненавидѣлъ Сильвестра. Левкія, напротивъ, царь считалъ глупѣе себя и всегда встрѣчалъ отъ него одобреніе и оправданіе того, что̀ ему хотѣлось; за то царь любилъ его. И по наружности Левкій составлялъ противоположность Сильвестру: маленькаго роста, сутуловатый, съ глазами, выражавшими подобострастіе, онъ постоянно держался передъ царемъ съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ человѣкъ боится проронить слово изъ рѣчей своего собесѣдника. Когда царь обращался къ Левкію какъ-бы за совѣтомъ, Левкій не задумывался, выступалъ со своимъ совѣтомъ смѣло, рѣшительно, какъ будто противъ царя, но говорилъ именно то, что̀ царю было пріятно. Царь Иванъ Васильевичъ любилъ тѣшиться надъ архимандритомъ; архимандритъ поддавался этому и самъ веселилъ царя.

Царь позвалъ Левкія.

— Пьянъ, архимандритъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ.—Не проспался? Ей, рыло-то! Преподобное рыло! Опухло съ перепоя!

— Испиваю, государь, — сказалъ Левкій, — писано бо есть, въ беззаконіяхъ зачатъ есмь.

— А зачѣмъ же писано: не упивайтеся виномъ. Въ немъ же... знаешь, что̀ въ немъ?

— Нѣкая ковыка недоумѣнная, государь; а другое мѣсто говоритъ: воды не пій, но вина...

— Вина? остановился? а? боишься договорить? Написано: «вина мало»... а ты дуешь какими ковшами?

— По чину, государь, и по тѣлесной нуждѣ стомаха ради и частыхъ недуговъ. А что написано: вина мало пей,—ино лошади ведро воды не много выпить, а кабы человѣкъ выпилъ ведро разомъ? А вотъ, въ писаніи говорится: мытари и любодѣйцы варяютъ (идутъ впереди) вы въ царствіи небеснѣмъ, а оно значитъ: мытари были когда-то, а теперь мытарей нѣтъ, а есть монахи бражники, пьяницы, вмѣсто мытарей: они-то прямо въ рай пойдутъ. А отчего? они неповинны, аки младенцы. Аще что̀ и согрѣшатъ, не вмѣнитъ имъ Богъ грѣха, сами бо не вѣдаютъ, что̀ творятъ. Говорятъ же: невозможно прожити безъ грѣха, а коли грѣшить, такъ лучше пьяному, чѣмъ тверёзому. И еще писано, государь: се коль добро и коль красно, еже жити братіи вкупѣ! А коли братія сойдется вкупѣ, ништо обойдется безъ вина?

— Хорошо,—сказалъ царь,—выпей же, коли такъ.

— Левка всегда пить готовъ, — сказалъ архимандритъ, — а

коли государь-царь велитъ, то какъ же Левкѣ царскаго указа не исполнять?

Принесли чашу вина. Левкій разгладилъ бороду, посмотрѣлъ на чашу умильно, произнесъ: «ахъ ты чаша, чаша моря соловецкаго», и разомъ выхлебнулъ всю чашу.

— Хочешь еще?—спросилъ царь.

— Сколько велитъ царь, столько и буду пить; только коли на ногахъ не устою, да свалюсь, не наложи гнѣва. Пьяный не владыка себѣ самому.

— А если,—сказалъ царь,—государь велитъ тебѣ пить въ такой день, что въ святцахъ не показано разрѣшеніе вина и елея, тогда что̀?

— Нѣсть разрѣшенія, кромѣ царскаго повелѣнія. Царевъ указъ все равно, что божій. Исполнять его велитъ самъ Богъ,—тогда въ отвѣтѣ передъ Богомъ уже не я; аще же царскаго указа не послушаю, то всегда въ винѣ буду, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ царемъ.

— Мудро сказано,—сказалъ царь,—а если царь скажетъ: Левка, не пей николи, и даже въ полиелей, тогда что̀?

— Тогда Левка упадетъ царю въ ноги...

И съ этими словами Левкій упалъ къ ногамъ государя и продолжалъ:

— И скажетъ: царь-государь, вели лучше Левкѣ голову снять, оттого, что Левкѣ лучше живу не быть, чѣмъ не пить.

— Не бойся, Левка, царь пить не закажетъ, а скорѣе укажетъ. Ну, Левушка, скажи мнѣ лучше вотъ что̀: проявился тутъ блаженный, ходитъ да кричитъ, знамо блажитъ; я его звалъ къ себѣ... кто онъ таковъ?

— Не знаю, государь, о томъ вели спросить отца протопопа Сильвестра.

— Отчего Сильвестра, а не тебя? — сказалъ царь, нахмурившись.

— Я не звалъ его и не приходилъ онъ ко мнѣ, а видѣлъ я, какъ онъ изъ Сильвестрова двора выходилъ.

Зловѣщая мысль вновь посѣтила голову царя: Сильвестръ ничего не сказалъ о блаженномъ, когда царь его спрашивалъ, а блаженный бываетъ у Сильвестра.

— Дивныя вещи онъ разсказываетъ,—сказалъ царь, и передалъ вкратцѣ Левкію то, что̀ слышалъ отъ блаженнаго.

— Это значитъ, — сказалъ Левкій, — чтобы царь на войну шелъ... Да, знать, есть такіе, что желаютъ, чтобы ты на войну

самъ ходилъ... Нѣтъ, царь-государь, не ходи, у тебя есть воеводы, слуги твои; ихъ, своихъ холопей, посылай, а тебѣ свое здоровье беречи надобно. Князь Курбскій, князь Серебряный не воротятся съ войны — потеря не велика: много ихъ, князей, на Руси, а ты, государь, у насъ одинъ, всему государству голова и оборона. А вотъ этихъ блаженныхъ взять бы въ розыскъ, да поднять раза два на дыбу, такъ заговорили бы они правду-матку, а то они народъ только мутятъ! Вишь, чтó затѣялъ! Старцевъ какихъ-то выдумалъ! Задалъ бы я ему старцевъ! Вспомни, царь-государь, какъ по Москвѣ ходилъ юродивый да пророчилъ: Москва сгоритъ, а Москва и впрямь загорѣлась, а потомъ народное смятеніе стало... все то недруги твои учинили кознями своими! Нѣтъ, царь-государь, не слушайся вражьихъ совѣтовъ, не ходи на войну. Кто знаетъ, чтó у нихъ на думѣ.

Левкіева рѣчь пришлась по сердцу государя, который мучился подозрѣніемъ, что его, какъ дурня, хотятъ провести и заставить дѣлать то, чего онъ не хочетъ. Царь призвалъ къ себѣ Аѳанасія Вяземскаго, молодого любимца, котораго онъ уже тогда приблизилъ къ себѣ.

— Аѳонька,—сказалъ царь,—блаженный какой-то проявился въ народѣ, про войну пророчитъ; узнай, чтó онъ тамъ такое говоритъ, а коли услышишь что-нибудь про насъ, тотчасъ вели схватить его... Нечего ему въ зубы смотрѣть, что онъ блаженный.

Вяземскій искалъ блаженнаго, спрашивалъ, ѣздилъ нѣсколько дней по Москвѣ — и слѣдъ простылъ этого блаженнаго: словно въ воду канулъ; только и узналъ Вяземскій, что вечеромъ того самаго дня, какъ онъ былъ у царя, видѣли его у Подкопая; онъ кланялся народу во всѣ стороны и говорилъ: «Прощайте, люди добрые! Увидите меня развѣ не въ добрый часъ, когда врагъ бусурманъ подъ Москву подойдетъ!» И потомъ уже никто не видалъ его.

III.

Царица.

Въ царицыныхъ покояхъ, вокругъ большого, продолговатаго стола, покрытаго зеленою съ красными цвѣтами скатертью, стояли двѣ мастерицы и старая боярыня, надзиравшая надъ женскими работами. Поодаль отъ нихъ, у двери, стоялъ мужчина лѣтъ за тридцать, съ задумчивымъ лицомъ, и постоянно опускалъ глаза въ землю, какъ того требовала вѣжливость изъ уваженія къ мѣсту, въ которомъ онъ находился. Одежда на немъ была полумонашеская, черная, длинная; только голова была открыта. На столѣ лежалъ рисунокъ, изображающій положеніе Христа во гробъ. Женщины, стоявшія у стола, находились видимо въ тревожномъ ожиданіи и поглядывали безпрестанно на маленькую дверь, ведущую во внутреннія комнаты царицы Анастасіи. Никто не смѣлъ заводить разговора. Наконецъ, дверь отворилась, вошла царица, женщина блѣдная, сухощавая; ея черты, нѣкогда красивыя, сильно искажены были преждевременными морщинами, въ ея глазахъ отражались грусть и озлобленіе. Она была одѣта въ голубомъ атласномъ лѣтникѣ съ серебряными узорами; на головѣ у ней была бобровая шапочка съ верхомъ, унизаннымъ жемчугомъ. За нею шли двѣ дѣвицы въ красныхъ лѣтникахъ, съ распущенными волосами. Ихъ боязливый взглядъ показывалъ, что онѣ находятся въ строгой дисциплинѣ. Подошедши къ столу, царица молча разглядывала рисунокъ.

— Вотъ, матушка государыня-царица,—сказала старая боярыня, — иконописецъ изъ Новагорода написалъ плащаницы образецъ, буде твоей царской милости угодно будетъ.

Иконописецъ поклонился до земли; царица взглянула на него, потомъ посмотрѣла на рисунокъ и сказала боярынѣ тихо:

— Выдать ему три рубля, пусть идетъ.

Боярыня сдѣлала знакъ иконописцу, а тотъ, понявши, поклонился и вышелъ.

— Первый художъ,—сказала боярыня, — матушка государыня-царица, и книженъ вельми, у отца Сильвестра на воспитаніи выросъ, когда еще отецъ Сильвестръ былъ въ Новѣгородѣ; и далъ ему Богъ дарованіе иконописное; живетъ, государыня, въ Новѣгородѣ.

— Такъ онъ новгородскій?—сказала царица,—да еще у Сильвестра выросъ? Не хочу! Не дѣлать плащаницы по его образцу! И впередъ чтобы мнѣ изъ Новагорода не приводить ни на что мастеровъ, а паче изъ попа Сильвестра дѣтенышей. Слышишь? Чтобъ не было того. Нешто изъ иныхъ городовъ отыскать не можно? Нешто въ Москвѣ нѣтъ достойныхъ? Что это все изъ Новагорода, да изъ Новагорода? Новгородъ всему указъ сталъ; и Богу-то по-новгородски заставляютъ молиться. Москва Новгороду глава и всѣмъ городамъ: такъ и въ книгахъ написано! А нешто въ Новѣгородѣ благодати больше: ростовскіе чудотворцы посвятѣе-то новгородскихъ святыхъ. Не чета Ростову Новгородъ,— не то что Москвѣ! Да ты что́, новгородка, что ли?

— Матушка-государыня,—сказала боярыня,—вѣдомо тебѣ, что я прирожденная московка, стараго московскаго рода.

— Такъ сыщи иного иконописца,—сказала царица,—чтобъ не изъ Новагорода, а паче, чтобъ не изъ Сильвестровыхъ дѣтенышей. Попъ набираетъ себѣ на улицѣ Богъ знаетъ кого, да въ люди выводитъ... а за его милостивцами никому хлѣба достать нельзя. И въ попы своихъ ставитъ, и въ подъячіе ставитъ, да еще иконы пишутъ все его люди. Сыщи иного.

— Буди твоя воля, государыня-царица, — сказала боярыня.

Въ это время вошли въ комнату двое братьевъ царицы, Григорій и Никита, единственные мужчины, имѣвшіе право во всякое время входить въ покои царицы.

Анастасія продолжала:

— А три рубля? Такъ имъ и пропадать, по твоей винѣ! Коли бы ты сказала, что изъ Новагорода, я бы не велѣла и показывать мнѣ его образину съ его образцомъ.

— Матушка-государыня,—сказала боярыня,—не гнѣвись. Я верну эти три рубля, коли они напрасно потрачены чрезъ мою вину.

— Было бы на нищую братію раздать!—говорила царица. Смотри-ко, три рубля ни за што взялъ! И такъ деретъ за свою дрянную работишку ни на что не похоже, а иные бѣдные чуть съ голоду не помираютъ. Имъ надобно помогать, а не даромъ деньги бросать сильвестровцамъ; разжирѣлъ вельми попина, пусть бы изъ своихъ животовъ раздавалъ своимъ.

— Матушка-государыня,—говорила боярыня,—не изволь гнѣваться. Я верну три рубля.

— Я съ тебя трехъ рублей не возьму назадъ,—сказала царица,—отдай ихъ половину къ Троицѣ, а половину на нищую

братію раздай, коли твое усердіе будетъ. А то, право, тремя рублями сколько нищихъ-то одѣлить можно, а они въ одну ненасытную утробу новгородскую ушли... Боже, Боже! прости наше согрѣшеніе! Ну, гляди, достань иного иконописца московскаго, либо ростовскаго, либо ярославскаго, только не новгородскаго и не изъ Сильвестрова гнѣзда. Ступай же себѣ.

Боярыня и мастерицы поклонились и ушли. Царица обратилась къ дѣвицамъ.

— Вы что выпучили-то буркалы! Охъ, смиренницы, какъ только съ глазъ моихъ, такъ у васъ зубоскальство и смѣхъ неподобный. А! ты—ты—чтó глядишь тамъ! Вотъ теперь при мнѣ чуть не засмѣешься! А ты, пучеглазая! Говори: смѣялась она у меня за спиною? Покроешь ее?.. мнѣ не скажешь?

— Я не видала, государыня!

— Врешь! видѣла! Ну, если не видала и увидишь—скажешь мнѣ?

— Скажу, государыня-царица.

— Лжешь! не скажешь! гдѣ у васъ вѣрность? Какая у васъ вѣрность! А какъ повернусь, да увижу... ты думаешь тебѣ меньше будетъ кары, чѣмъ ей? Обѣихъ одинаково накажу. Идите себѣ отъ меня.

Дѣвицы ушли.

— Куда ни повернись, — говорила царица братьямъ,—отъ Сильвестра не уйдешь. Хотѣла плащаницу вышить по обѣщанію, по душѣ моего Мити-царевича въ Горицы: что-жъ? Говорю: найдите иконописца, чтобы мнѣ образецъ написалъ. А онѣ нашли изъ Новгорода, да еще изъ Сильвестровыхъ дѣтенышей. Попъ со своей попадьей собирали разную сволочь мальчишекъ и дѣвчонокъ, воспитывали, да въ люди выводили. А это чинилось не въ угоду Богу, а для того, чтобъ во всемъ царствѣ своими людьми всѣ углы испомѣстить. Видите — вездѣ у нихъ свои люди. И мнѣ ихняго привели изъ новгородскихъ.

— Знаю, — сказалъ Григорій, — это изъ тѣхъ, что писали Господа Саваоѳа, чѣмъ Висковатый соблазнился. Вотъ, и тебѣ привели изъ ихней поры крысу. Хотятъ царя-государя съ толку сбить, чтобъ онъ въ походъ пошелъ на Крымскую землю. Подослали къ нему какого-то юродиваго, пророчилъ о паденіи турецкаго царства. Спасибо, отецъ Левкій царя-государя вразумилъ. Не поддается. А тутъ, видишь, пріѣхалъ изъ Литовской стороны Вишневецкій князь, подбивать царя на войну, да еще какое-то чудо привезъ съ собою—силача какого-то, Илью Муромца... Хотятъ царя отуманить.

— Горе мое, горе!—сказала царица:—охъ, ужъ и какъ-то мнѣ на сердцѣ грустнымъ-грустно. Чуетъ мое сердце что-то недоброе. Охъ, братцы родимые! Спасите меня, люблю я своего Иванушку болѣ всего на свѣтѣ; быть можетъ, оно и грѣхъ такъ любить, для того, что Бога любить надобно болѣе всего, а коли человѣка больно полюбишь, такъ и противъ Бога согрѣшишь. Только, чтó же мнѣ дѣлать? Точитъ мое сердце червь невсыпущій! Разлучники мои лютые хотятъ меня съ Иваномъ разлучить, со свѣта меня рады согнать, чтобъ самимъ владѣть и царемъ и царствомъ. Чего-то я не пострадала? Не забыть мнѣ во-вѣкъ, какъ Иванушка былъ боленъ, при концѣ живота лежалъ, а они около него... думали, какъ бы дѣтей нашихъ наслѣдства лишить, Владимира Андреевича царемъ наставить... Мать его, змѣя лютая!.. низко мнѣ кланяется, а у самой въ умѣ лихо... Господь спасъ царя: и денно и нощно съ той поры благодарю его пресвятую волю. Только не дремлетъ адъ. Сильвестръ попъ, врагъ лукавый, у меня дѣтей вѣдовствомъ отнялъ... а теперь хотятъ лиходѣи царя на лютую войну тащить, какъ тащили подъ Казань; затѣмъ хотятъ тащить, чтобъ живота лишить! Охъ, чуетъ мое сердце бѣду: не долго мнѣ горевать на бѣломъ свѣтѣ, не жилица я на этомъ свѣтѣ. Охъ, охъ!

Братъ ея Никита сказалъ:

— Не гнѣви Бога, сестра, малодушествомъ. Не любишь ты Сильвестра, и я его не люблю, да и какъ намъ его любить?—и онъ насъ не любитъ. Ему бы хотѣлось, чтобъ насъ близъ царя не было, а только бы онъ съ своими совѣтники при царѣ остался. Паче мѣры властолюбіе его. А чтобъ онъ вѣдовствомъ дѣтей у тебя отнялъ, того говорить не подобаетъ. Божье то дѣло, а не человѣческое. Не достоитъ наговаривать на человѣка лишнихъ словъ, хоть бы онъ и ворогъ и лиходѣй былъ тебѣ!

— Какъ же онъ не вѣдунъ!—сказалъ Григорій.—Какъ же онъ такъ обошелъ царя-государя? Или впрямь онъ прозорливъ и богоугоденъ мужъ, что ли? Который годъ ужъ мы съ нимъ боремся! Вотъ, разсердится государь, сдается, приходитъ конецъ Сильвестровскому царствію: анъ нѣтъ! Смотри, опять сталъ въ приближеніи, и опять царь его слушаетъ. Какъ не вѣдунъ онъ, проклятый!...

Въ это время послышались шаги: Захарьины узнали походку царя.

Вошелъ царь Иванъ Васильевичъ, покачиваясь съ боку на бокъ и улыбаясь; одной рукой онъ поглаживалъ свою бородку, а другой—опирался на посохъ съ золотымъ набалдашникомъ.

— Ха, ха ха!—сказалъ царь:—шурья! Слышите, какъ меня одурить хотѣли. Перво подослали какого-то юродиваго, и тотъ говорилъ мнѣ какія-то чудныя рѣчи о видѣніяхъ, чтобъ меня подбить на войну съ Крымомъ; я велѣлъ того юродиваго изловить на преступномъ словѣ, а онъ пропалъ, какъ въ воду впалъ! Теперь за другое взялись. Хотятъ для нашей царской потѣхи показывать какого-то силача, что одинъ медвѣдя руками ломаетъ, привезъ его съ собой Вишневецкій. Думаютъ, что я, глядя на то, ихъ поученіямъ поддамся. Нѣтъ, голубчики мои! не на того напали. Я-таки потѣху посмотрю, а чтобъ въ Крымъ идти войною, да еще самому, по ихъ хотѣнію, того не будетъ. Ты, Настенька, о томъ не думай и сердца своего не томи! Я на Крымъ не пойду, ихъ желанія не сотворю. А будутъ они творить у меня то, чтó я захочу, оттого, что я самодержецъ; отъ Бога дана мнѣ власть свыше, и чтó захочу, то и буду дѣлать, а они мнѣ повиноваться должны.

— О, государь,—сказалъ Григорій,—какъ мы всѣ рады твоему мудрому слову. Не только мы, всѣ православные христіане, сущіе подъ твоею высокою рукою, только о томъ Бога молятъ, чтобы все дѣлалось по твоему великому разуму, а не по совѣту боярскому, паче же не по совѣту поповскому.

— Попъ Сильвестръ мнѣ не совѣтникъ,—сказалъ царь:—наша воля была такова, чтобъ попъ Сильвестръ былъ близко насъ, а не захотимъ, такъ попъ Сильвестръ завтра въ Соловки пойдетъ. Чтò такое попъ? не только попъ—митрополита не захочу держать, и митрополитъ вонъ пойдетъ.

— Истинно и мудро слово твое!—сказалъ Григорій.

— Милый мой, Иванушка! — сказала царица, обнимая съ нѣжностью голову супруга.—Ты не поѣдешь на войну, ты со мной останешься!

IV.

Царская потѣха.

Первый зимній снѣгъ—желанный, нетерпѣливо-ожидаемый со дня на день гость; первый санный путь—праздникъ на Руси. Такъ и теперь; такъ и встарь бывало. Работы пойдутъ дружнѣе, забавы затѣйливѣе, юность станетъ отважнѣе, дѣтство рѣзвѣе, старость пріободрится. А для охотниковъ... вотъ веселье-то! Царь Иванъ Васильевичъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ древнихъ предковъ, князей, которые, бывало, ѣзжали другъ къ другу за сотни верстъ потлумиться въ лѣсахъ и поляхъ надъ звѣремъ прыскучимъ и птицею летучею, и свои старыя ссоры и усобицы заканчивали на мировую ловами. Царь Иванъ Васильевичъ слишкомъ берегъ свою царственную особу и удалялся отъ малѣйшей возможности встрѣтиться съ чѣмъ-нибудь опаснымъ. Трусъ онъ былъ большой, хотя ему ничего такъ не хотѣлось, какъ слыть отважнымъ и храбрымъ. Поѣдетъ онъ на охоту развѣ за зайцами, да и то если ему мимоходомъ не проговорятся, что тамъ, гдѣ ему придется расправляться съ зайцемъ, встрѣтитъ онъ медвѣдя, волка, рыси. Не любилъ онъ самъ быть въ лѣсахъ на охотѣ, какъ не любилъ ходить на войну; но этотъ царь, какъ заводилъ войны и посылалъ своихъ полководцевъ, такъ и на охоту, хоть самъ трудиться не хотѣлъ, но посылалъ своихъ дворцовыхъ крестьянъ ловить для себя звѣря. То было и подручно тогдашнимъ людямъ: вездѣ были охотники; да безъ нихъ звѣри бы заѣдали цѣлыя села; не ради забавы, а по крайней необходимости выходили посадскіе и уѣздные люди большими скопищами воевать со звѣрьми въ лѣсъ, со всякаго рода оружіемъ, начиная отъ простой дубины до хитраго ружья, тогда еще составлявшаго рѣдкость въ крестьянскомъ быту, гдѣ лучше умѣли обращаться съ прадѣдовскими луками и стрѣлами. За толпою ловцовъ псари вели собакъ, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы находить звѣриный слѣдъ и выгонять звѣря; тенетчики несли огромныя тенета, а копцы—заступы, чтобы вырывать ямы, куда заманивали или загоняли неосторожнаго звѣря, покрывши ямы тонкими жердочками, притрушенными сухими листьями или снѣгомъ. Веселая была пора, когда наступали такіе походы... Молодцы идутъ, пѣсни поютъ, приплясываютъ, балагурятъ, игрецы гудками, волынками, сумрами и дакрами потѣшаютъ рабочій

людъ, а когда случится—собаки выгонятъ волка, лису, медвѣдя, и растерянный звѣрь запутается въ тенета или попадетъ въ яму, тутъ сколько смѣху, шуму, гаму, веселья! Старались, разумѣется, для царя ловить молодыхъ медвѣдей и волковъ—со старыми сладить было трудно—надѣвали на нихъ цѣпи, привязывали подъ шею палки и отправляли въ подмосковныя села. По царскому указу, тамъ содержали и ростили ихъ, давая кормъ немалый, и берегли для государевой потѣхи; а когда вздумается государю—пріѣдетъ онъ въ село, прикажетъ выпустить медвѣдя или волка, и пустить на нихъ собакъ, либо же заставитъ людей своихъ драться со звѣрьми; кто одолѣетъ—тому царское жалованье бываетъ; кого медвѣдь поранитъ, тому на лечбу дается; а случалось, что медвѣдь и до смерти задеретъ молодца, тогда его въ синодикъ запишутъ, по разнымъ монастырямъ на поминаніе пошлютъ.

Теперь, ради перваго снѣга, изволилъ царь-государь ѣхать въ село Тайнинское, тѣшиться вмѣстѣ съ своими ближними боярами. Съ вечера отправили туда царскую стряпню, до свѣта мѣсили короваи и пироги, потрошили разную рыбу, готовя ее на различныя кушанья къ царскому столу. У царя готовилась тогда потѣха необычная; царю наговорили о необыкновенной силѣ пріѣхавшаго съ Вишневецкимъ казака Кудеяра, донесли ему и объ его странномъ происхожденіи, но ни самъ Кудеяръ, ни другой никто не знаетъ, кто этотъ казакъ, а видно, что русскаго рода. Царю охотно было посмотрѣть на него; Вишневецкому желалось показать его московскому государю, но самъ Кудеяръ не обнаруживалъ ни радости, ни боязни показаться передъ царемъ.

Царь отслушалъ обѣдню. Вереница саней наполнила Кремль. Бояре ведутъ великаго государя подъ руки; онъ одѣтъ въ соболью шубу, нагольную, съ узорами, искусно сдѣланными по восточному образцу, на юфтяной кожѣ; на головѣ у царя остроконечная шапка. Огромныя развалистыя сани раздѣлены на два отдѣленія; на заднемъ, возвышенномъ, садится царь-государь, о-бокъ его крещеный царь казанскій, впереди, ниже его, садятся двое близкихъ бояръ. Сани запряжены четырьмя лошадьми, не рядомъ, но гуськомъ; на каждой лошади сидитъ возница верхомъ; у передняго возницы бичъ длиннѣе его самого. По бокамъ саней ѣдутъ окольничьи. За царемъ слѣдуютъ бояре, думные и ближніе люди, щеголяя богатствомъ мѣховъ на своихъ шубахъ съ большими отложными воротниками, да околышками шапокъ съ золотными серебряными швами, затѣйливостью матерій на покрышкахъ шубъ, узорами своихъ санныхъ ковровъ и по-

родистостью своихъ лошадей. Князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, приглашенный царемъ на царскую потѣху, ѣхалъ въ однихъ саняхъ съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ: во всю дорогу они толковали между собой о томъ, какъ бы имъ склонить царя послать на крымскаго хана великую рать и самому предводительствовать ею.

Вотъ пріѣхали. Бояре ведутъ государя подъ руки по лѣстницѣ деревяннаго дворца въ селѣ Тайнинскомъ; пройдя большія теплыя сѣни, царь входитъ въ столовую избу. Тамъ уже накрыты столы браными скатертями, на столахъ поставлены тарелки, положены ножи, ложки, большія ковриги хлѣба, къ столамъ придвинуты скамьи съ камковыми полавочниками, а для царя поставленъ особо маленькій столикъ, обложенный перламутровыми кусочками; передъ столикомъ кресло съ позолоченными ручками, а надъ кресломъ рядъ образовъ въ басменныхъ окладахъ. Царь помолился образамъ, прошелъ черезъ столовую избу въ другую комнату; тамъ топилась печь; и здѣсь царь прежде всего помолился, а потомъ сѣлъ у печи; бояре стояли около него; прошло нѣсколько минутъ; посидѣли у горящей печи, царь всталъ, взялъ свой посохъ, который на время сидѣнья у печи отдавалъ окольничему, прошелъ въ третью комнату, гдѣ была его царская постель, потомъ—въ четвертую, назначенную для ближнихъ людей, которые должны спать при царѣ, когда онъ изволитъ ночевать въ Тайнинскомъ. Изъ этой четвертой комнаты, составлявшей уголъ съ предыдущей, была дверь на рундукъ подъ навѣсомъ; выходилъ этотъ рундукъ на широкій внутренній дворъ, гдѣ происходили бои со звѣрьми для царской утѣхи. На рундукѣ стояло одно только кресло для государя.

Иванъ Васильевичъ былъ тогда не въ веселомъ расположеніи духа. Все слышанное и замѣченное имъ недавно легло ему на сердце; онъ чувствовалъ, что вокругъ него что-то замышляется, подозрѣвалъ, что его хотятъ обойти, думаютъ заставить его дѣлать то, чего бы онъ и не хотѣлъ, а чего хотятъ другіе; царь злился. Ему въ голову приходило, что и самою настоящею потѣхою заговорщики хотятъ воспользоваться, чтобъ подманить его на войну съ Крымомъ. Не пришла еще пора Ивану Васильевичу освободиться отъ той застѣнчивости, которою сопровождалась его врожденная трусость, не пришла еще пора перейти этой трусости къ беззастѣнчивой борьбѣ съ воображаемыми опасностями. Еще пока все ограничивалось только выходками своенравія.

— Алексѣй!—сказалъ царь Адашеву, сѣвши на креслѣ, по-

ставленномъ на рундукѣ. — Хотимъ идти въ походъ съ великою ратью на войну.

— Богъ тебя благословитъ, — сказалъ Адашевъ, нѣсколько изумленный такою неожиданностью. — Мы всѣ идемъ съ тобою, и будемъ биться противъ враговъ креста святого до послѣдней капли своей крови, не щадя головъ своихъ. А куда ты думаешь? Противъ татаръ?

— Нѣтъ, противъ ливонскихъ нѣмцевъ. Вы мои добрые, мои вѣрные бояре, такъ мужественно бились съ нѣмцы, что ужъ мнѣ никоими дѣлы не хочется покидать ливонской земли, не подклонивши ее всю подъ нашу державу. А бусурманъ крымскій не страшенъ; онъ шлетъ намъ свое посольство и уже отпустилъ нашъ русскій полонъ. Мы возьмемъ миръ съ крымскимъ ханомъ на всей волѣ нашей, а сами пойдемъ на нѣмцы. Вотъ и бояре иные въ думѣ тоже говорили, чтобъ идти намъ войною па ливонскихъ нѣмцевъ. И новопріѣзжій князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій пусть со своими казаками идетъ съ нами заодно на ливонскихъ нѣмцевъ! Они нашимъ жалованьемъ помилованы.

— Твоя воля, государь,—сказалъ Адашевъ,—мы еще не знаемъ, съ чѣмъ пріѣдетъ ханскій посланецъ; а ханъ хоть и скажетъ, что онъ отпуститъ полонъ весь, тому вѣрить не можно, бусурманъ солжетъ христіанину. Нѣмцы, государь, побѣждены силою твоего царскаго величества; если теперь ихъ пожаловать, дать имъ миръ, такъ они отдадутъ намъ и Юрьевъ, и Ругодивъ, и прочіе городы, взятые нашими ратьми.

— А если мы ихъ не помилуемъ,—сказалъ лукаво засмѣявшись царь,—такъ они намъ отдадутъ и Колывань, и Ригу, и почитай всѣ германскіе грады завоюемъ. Ну, а чтó на это скажетъ вотъ князь Курбскій?

Князь Курбскій, стоявшій все время у двери, выступилъ и сказалъ:

— Нашъ совѣтъ, великій государь, тебѣ вѣдомъ, понеже мы изрекли его предъ тобою въ думѣ, а коли твоя такова воля, чтобы я предъ тобою паки сказалъ его, то я скажу и теперь только то, чтó въ думѣ говорилъ: не ходи, государь, на нѣмцевъ, возьми съ ними миръ на всей нашей волѣ, а самъ иди со всею своею ратью на крымскаго бусурмана, ради защищенія своей державы и цѣлости жительства христіанскаго.

— А другіе бояре да не то говорили,—сказалъ царь,—а затѣмъ будетъ такъ, какъ вашъ государь изволитъ, какъ ему Богъ на сердце положитъ. На него надѣюсь, его велѣнію покоряюсь,

а не князей, не бояръ совѣтамъ. Господь со мною и никто же на мя. Гдѣ князь Вишневецкій?

Вишневецкаго подозвали. Царь сказалъ:

— Показывай, показывай, князь Димитрій, своего Голіаѳа. Только у меня такіе лютые два медвѣдя; никто съ ними не держалъ биться. Если кто изъ нихъ да сниметъ черепъ съ твоего Голіаѳа, ты на насъ за то не пеняй.

— Такого медвѣдя нѣтъ, котораго бы не поборолъ мой Кудеяръ,—сказалъ Вишневецкій.

— Ого-го! хвастливо сказано,—возразилъ царь,—а у насъ говорится, что похвальное слово гнило бываетъ.

Ударили въ бубны. Изъ нижняго жилья дворца вышелъ Кудеяръ, одѣтый въ черное суконное короткое платье, въ большихъ сапогахъ со шпорами. У него въ рукахъ не было никакого оружія, только за краснымъ поясомъ заткнутъ былъ большой ножъ, на половину высунутый изъ ноженъ. Кудеяръ поклонился въ ту сторону, гдѣ былъ царь, надѣлъ шапку и сталъ бокомъ къ рундуку, приложилъ подбородокъ къ шеѣ, выставилъ правую ногу впередъ, заложилъ лѣвую руку назадъ и держалъ правую на-отмахъ, какъ-бы готовясь отразить нападеніе врага. Его мрачные глаза были устремлены на двери амбаровъ.

— Эка плечища-то, плечища,—замѣтилъ царь, — а пальцы, пальцы!.. А брови какія яростныя! Да это просто какое-то чудо лѣсное, страхъ водяной!

Всѣ бояре стояли около царя съ напряженнымъ вниманіемъ. Вдругъ растворилась одна изъ амбарныхъ дверей — оттуда вышелъ медвѣдь... дверь за нимъ быстро затворилась. Медвѣдь вступилъ на майданъ (такъ называли тогда такой дворъ), увидѣлъ стоящаго Кудеяра... казакъ глядѣлъ на него грозно и сурово... медвѣдь заревѣлъ, поднялъ переднія лапы и на заднихъ шелъ прямо на Кудеяра... Кудеяръ выдернулъ ножъ. Медвѣдь заревѣлъ сильнѣе и замахнулся своею лапою—одна секунда—медвѣдь снесъ бы черепъ со смѣльчака; всѣ ахнули... Но Кудеяръ ловко уклонился головою отъ взмаха медвѣжьей лапы и въ то же мгновеніе воспользовался положеніемъ медвѣдя, выставившаго противъ соперника грудь, ударилъ его ножемъ въ сердце, и самъ отошелъ прочь.

Раздался послѣдній ревъ издыхающаго медвѣдя. Кудеяръ глядѣлъ на мертваго, уже безсильнаго врага. На рундукѣ всѣ были до того поражены этимъ неожиданнымъ исходомъ битвы, что не смѣли выразить ни одобренія, ни изумленія.

Царь прервалъ молчаніе.

— Есть,—сказалъ онъ,—медвѣдь еще поболѣе и подюжѣе этого. Похочетъ ли онъ съ нимъ биться?

— Съ кѣмъ повелишь, государь,—сказалъ Вишневецкій,—съ тѣмъ онъ и будетъ биться!

Вишневецкій передалъ царское желаніе Кудеяру.

Кудеяръ поклонился царю молча; подошелъ къ мертвому медвѣдю, вынулъ изъ сердца ножъ, обтеръ объ шерсть того же медвѣдя и снова сталъ въ прежней постати ожидать новаго врага.

Не долго пришлось ему ждать. Медвѣдь громаднаго роста показался изъ другой амбарной двери...

Увидя мертваго товарища, медвѣдь въ испугѣ отскочилъ назадъ, оглянулся кругомъ, остановилъ глаза на Кудеярѣ. Новый врагъ не ревѣлъ, какъ прежній, а только свирѣпо смотрѣлъ на человѣка. Прошла минута. Царь сдѣлалъ такое замѣчаніе:

— Медвѣдь, видно, смекнулъ, что прежній оттого пропалъ, что на человѣка самъ пошелъ; этотъ дожидается человѣка къ себѣ: поди-ко ты самъ ко мнѣ, а не я къ тебѣ!

Но медвѣдь сдѣлалъ движеніе и тихо началъ обходить своего врага; медвѣдь отворачивалъ голову въ противоположную сторону, какъ будто хитрилъ съ нимъ, какъ будто показывалъ видъ, что не обращаетъ на него вниманія, какъ будто затѣвалъ броситься на него неожиданно; но медвѣдь не провелъ казака; Кудеяръ быстро, какъ кошка, сдѣлалъ прыжокъ, и вмигъ очутился верхомъ на медвѣдѣ, обѣими руками схватилъ его за горло и сталъ давить изо всей силы. Медвѣдь захрипѣлъ и подогнулъ ноги. Кудеяръ не переставалъ давить его, пока въ медвѣжьемъ тѣлѣ не перестали болѣе показываться предсмертныя судороги. Тогда Кудеяръ всталъ съ медвѣдя, снялъ шапку и поклонился царю.

— Молодецъ! молодецъ!—сказалъ царь.—Вотъ настоящій богатырь, Илья Муромецъ!..

По царскому приказанію, переданному чрезъ Вишневецкаго, Кудеяръ взошелъ на рундукъ и молча ожидалъ царскихъ приказаній. Всѣ разглядывали его съ любопытствомъ.

Царь приказалъ поднести богатырю серебряный ковшъ съ медомъ.

Кудеяръ смутился. Степной казакъ не зналъ, какъ ему обращаться передъ такимъ властелиномъ, говорить ли, молчать ли; онъ поглядѣлъ на Вишневецкаго, потомъ поклонился царю молча, выпилъ медъ и отдалъ ковшъ стряпчему. Царь сказалъ:

— Этотъ ковшъ тебѣ за твою потѣшную службу.

Кудеяръ снова молча поклонился.

— Сказывали намъ, ты самъ не знаешь, кто ты таковъ, съ измалку былъ у бусурманъ, а самъ роду русскаго, христіанскаго. Покажи-ко мнѣ крестъ, чтó у тебя на шеѣ.

Кудеяръ молча снялъ съ себя крестъ и подалъ царю.

Пристально разглядывалъ царь крестъ, вдумывался, не догадается ли, и потомъ отдалъ его Кудеяру.

— Кто тебя знаетъ, кто ты таковъ, а сдается: не простого роду. Велю кликнуть кличъ по всему царству, чтобы отозвались тѣ, у кого пропали дѣти въ оно время, чтó приходилось по твоимъ лѣтамъ, годовъ за тридцать или того болѣе. А пока Богъ тебѣ не откроетъ твоего рода, будешь ты нашъ, и мы тебя пожалуемъ. Отвести ему помѣстье въ Бѣлевскомъ уѣздѣ пятьсотъ четей и въ дву потому-жъ, да лѣсу, да сѣнокосу, какъ пристойно, и поверстать его въ дворяне. Пусть нашу царскую службу несетъ. Я его пошлю на ливонскихъ нѣмцевъ. Пусть ихъ колетъ и давитъ какъ медвѣдей.

— Великій государь,—сказалъ Вишневецкій, — мой Кудеяръ въ большомъ долгу.

— Передъ кѣмъ? — спросилъ царь. — Я его выкуплю отъ правежа.

— Онъ въ долгу передъ бусурманами. Когда онъ былъ со мною въ походѣ, татары набѣжали на хуторъ его подъ Черкасами и увели жену у него. Такъ и пропала безъ вѣсти! Онъ поклялся мстить бусурманамъ.

— Для такого молодца у насъ сыщется невѣста получше прежней его жены, — сказалъ царь.—Надобно другую взять, а прежнюю забыть. Попалась въ плѣнъ къ бусурманамъ—все равно, чтó умерла. Хочешь, молодецъ, жениться?

— Я законъ уже принялъ,—сказалъ Кудеяръ.

— Развѣ надѣешься, что прежняя жена къ тебѣ вернется? Нѣтъ, молодецъ, тщета твое упованіе! Чай съ горя умерла, вели лучше записать ее въ поминаніе... А красавица была твоя жена?

— Для меня лучше не нужно было, царь-государь, — сказалъ Кудеяръ.

— Жаль, жаль,—продолжалъ царь,—а все-таки, коли ее достать нельзя, надоть иную брать.

— Нѣтъ, царь-государь, не хочу,—сказалъ Кудеяръ,—когда такъ угодно Богу, останусь безъ жены. Позволь, царь-государь, бусурманъ бить, имъ за жену мстить.

— Ого!—сказалъ царь,—ты хочешь на бусурманъ идти, жену свою отыскивать! Ты, можетъ быть, хотѣлъ, чтобъ и мы пошли съ тобою ради твоей жены. Ха! ха! ха! Если бы мы пошли и

весь Крымъ завоевали, и тогда наврядъ ли бы твою жену тамъ нашли; если она жива, такъ ужъ навѣрно запродана въ какое-нибудь бусурманское государство, что подальше Еѳіопіи. Ну, ступай, ступай! мы тебя не удерживаемъ. Ступай воевать съ бусурманомъ, отыскивай свою жену и приходи вмѣстѣ съ нею ко мнѣ, только я съ тобой не пойду... нѣтъ!

При этомъ царь окинулъ взглядомъ своихъ бояръ, и продолжалъ:

— Ну, а вотъ если ты найдешь свою жену и придешь ко мнѣ вмѣстѣ съ нею, тогда я со всею ратью пойду на бусурмана и Крымъ завоюю. Теперь иди себѣ покамѣсть.

Кудеяръ во все продолженіе рѣчи царя смотрѣлъ чрезвычайно мрачно, съ видимымъ озлобленіемъ: издѣвки царя задѣвали его по сердцу.

— Ну, покажи теперь стрѣлковъ своихъ, князь Димитрій Ивановичъ,—сказалъ царь Вишневецкому, когда Кудеяръ ушелъ.

По приказанію Вишневецкаго, казакъ прибилъ къ столбу, стоявшему на майданѣ, большую доску, въ видѣ полки, на эту полку положили рядомъ нѣсколько яицъ. Вышло десять казаковъ съ ружьями и каждый стрѣлялъ другъ за другомъ, попадая въ яйца пулями. Царь хвалилъ ихъ.

Потомъ принесли ленту холста, растянули ее отъ столба до тѣхъ досокъ, которыми были задѣланы промежутки между амбарами, и приколотили гвоздиками; вся эта лента была усѣяна крестиками, начерченными углемъ. Вошло нѣсколько другихъ казаковъ, и одинъ за другимъ стрѣляли изъ лука, оставляя въ холстѣ завязшія стрѣлы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были намѣчены крестики.

Царь становился все веселѣе отъ этихъ развлеченій.

— Теперь,—сказалъ онъ,—пусть Кудеяръ приберетъ дворъ мой, сниметъ доски съ проходовъ и столбъ вынетъ.

Вишневецкій передалъ приказаніе Кудеяру. Силачъ прежде всего вытащилъ прочь мертвыхъ медвѣдей, потомъ почти безъ усилія снялъ доски, вынесъ ихъ и сложилъ въ кучу у одного амбара, а вслѣдъ затѣмъ, подошедши къ столбу, глубоко врытому въ мерзлую землю, началъ двигать его; столбъ мало по-малу началъ качаться. Кудеяръ принагнулся, понатужился, вырвалъ столбъ изъ земли, не давъ ему упасть на землю, подставилъ свое плечо, понесъ и спустилъ у стѣнки амбара.

— Эка силища, а!—сказалъ царь: — ну, вотъ что ты мнѣ скажи, князь Димитрій Ивановичъ: я знаю, ты человѣкъ богобоязливый и добрый. Поручишься ты мнѣ, что тутъ нѣтъ чего-ни-

будь нечистаго, что этотъ твой Кудеяръ получилъ такую силищу отъ Бога, а не отъ лукаваго, не чрезъ волшебство и вѣдовство?

— Царь-государь,—сказалъ Вишневецкій,—мнѣ самому приходила такая думка, но нѣтъ... мой Кудеяръ ничему такому непричастенъ; благочестивъ и въ церковь ходитъ почасту, и постится, и на исповѣдь ходитъ поновляться, не то, что разъ въ годъ, и почаще, раза по два и по три.

— Ну, то-то,—сказалъ царь,—а то вѣдь и мы съ нимъ въ погибель ввергнемъ души наши, коли станемъ тѣшиться бѣсовскимъ дѣйствомъ.

Царь съ рундука вошелъ во дворецъ, прошелъ въ дальнія сѣни, гдѣ уже были приготовлены столы для царскихъ жильцовъ и для казаковъ, и прошелъ на другой рундукъ, выходившій на широкій дворъ прямо противъ воротъ, откуда былъ главный выѣздъ. По царскому приказанію привели собакъ, выпустили изъ заперти лисицу и пустили въ поле; собаки бросились за лисицею. Царь тѣшился, глядя, какъ лисица, со свойственною ей хитростью, увертывалась отъ собакъ, обманывала ихъ, метаясь въ разныя стороны, ускользая отъ роковыхъ зубовъ въ то время, когда собака готова была уже схватить ее за хвостъ,—все было напрасно—далеко, далеко погнали собаки смышленаго звѣря, за собаками поскакали псари; царь уже не могъ видѣть ничего, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда принесутъ ему вѣсть о томъ, чѣмъ кончилась война съ лисицей. Наконецъ, псари вернулись и привезли трупъ истерзанной собачьими зубами лисицы.

По окончаніи всѣхъ потѣхъ пошли обѣдать. Обѣдъ былъ постный, рыбный. Царь, сидя за своимъ особымъ столикомъ, посылалъ подачки Вишневецкому и его атаманамъ, обѣдавшимъ съ царскими жильцами въ сѣняхъ; царь обращался къ Вишневецкому съ ласковымъ словомъ: «князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій! Пріѣхалъ ты изъ литовской державы къ намъ на службу своею доброю волею со своими храбрыми атаманы и казаки. Мы, государь, тебѣ рады и въ милость нашу пріемлемъ тебя и твоихъ атамановъ и казаковъ. Ѣшь нашу хлѣбъ-соль, пей медъ, вино, подкрѣпляйся и веселись съ нами».

Когда налили бѣлаго меду, всѣ выходили изъ-за стола и здравствовали государя. Вишневецкій, проговоривши царскій титулъ, съ жаромъ громко произнесъ:

— Дай, Боже милосердый, тебѣ единому подъ солнцемъ истинныя восточныя вѣры нашея государю, надъ всѣми твоими врагами побѣду и одолѣніе, наипаче же да затмится отъ сіянія креста святого луна мусульманская, да покорятся нечестивые ага-

ране скипетру царствія твоего и да водрузится стягъ московскій на стѣнахъ Бакчисарая, яко же на стѣнахъ Казани и Астрахани уже водрузился съ помощью божіею. О, великій царю! да прославишься паче всѣхъ твоихъ предковъ, да возвеличится держава твоя надъ всѣми державами міра сего, да благоденствують многочисленные народы подъ мудрою властію твоею. Буди благословенна Богомъ держава царствія твоего, аминь!

Ободренные примѣромъ Вишневецкаго, желавшіе войны съ Крымомъ бояре также произносили желанія побѣды надъ бусурманами. Царскій пиръ самъ собою принималъ видъ приготовленія къ предстоящей брани съ Крымомъ. Царь, упоенный величаніями и похвалами своей мудрости, могуществу и силѣ, самъ поддавался этой мысли.

Между тѣмъ, въ сѣняхъ, за нѣсколькими столами, обѣдали атаманы и казаки, перемѣшанные съ жильцами. Кудеяръ былъ съ ними и очень мало ѣлъ и пилъ. Онъ былъ по своему обычаю угрюмъ; всѣхъ онъ отталкивалъ отъ себя своимъ видомъ, на всѣхъ наводилъ невольно тоску своимъ присутствіемъ. Собесѣдники пытались вступить съ нимъ въ разговоръ, но не могли добиться отъ него ничего, кромѣ отрывистыхъ рѣченій, въ особенности же не терпѣлъ онъ, когда съ нимъ заводили разговоры о немъ самомъ, объ его судьбѣ, объ его женѣ и даже объ его силѣ. Всякій, попытавшись спросить его, въ другой разъ не имѣлъ охоты вступать съ нимъ въ какую бы то ни было бесѣду. Трое жильцовъ, сидѣвшіе отъ него вдали, вели между собою тихо такой разговоръ:

— Этотъ силачъ,—сказалъ одинъ, — ужъ не знается ли съ нечистою силою? А!

— Да, — замѣтилъ другой, — какъ онъ на тебя поглянетъ, такъ ажно страхъ тебя разбираетъ. Давай ты мнѣ рубль, скажи: переночуй съ нимъ одинъ на одинъ, право—не возьму!

— Наврядъ ли онъ знается съ нечистымъ,—замѣтилъ третій,— на немъ крестъ есть. А кто съ нечистымъ знается, то перво крестъ съ себя сниметъ. Намедни я видалъ, онъ въ церкви былъ, крестится, только не совсѣмъ такъ, какъ мы; ну, да это они всѣ такъ крестятся, литовскіе люди; у насъ, видишь, послѣдніе два пальца вмѣстѣ слагаются съ большимъ, а два перста прямо, а у нихъ такъ два эти, чтó у насъ прямо, сложены съ большимъ. А вѣра-то, кажись, все едина греческая.

— А головы-то зачѣмъ они брѣютъ, и клокъ оставляютъ?— сказалъ первый.

— Это у нихъ чубъ называется; я спрашивалъ, говорятъ:

это-де, значитъ, вольность казацкая, видѣли бы всѣ, что онъ казакъ, человѣкъ вольный.

— Ну, это онъ вольный у себя тамъ, на Украинѣ, въ Черкасахъ, а у насъ, коли къ намъ пришелъ, такъ вольнымъ ему называться не годится, для того, что какъ сталъ служить нашему великому государю, такъ уже учинился холопъ, а не вольный человѣкъ. Придется волю-то дома оставить, а сюда не возить. Товаръ заповѣдной,—такъ замѣтилъ первый.

— Да и крестъ полагать на себя,—сказалъ второй,—подобало бы имъ такъ же, какъ мы полагаемъ, а не по ихъ обычаямъ, для того, что какъ ты назвался съ нами единой вѣры, такъ ужъ ничѣмъ не рознись. А то... кто вѣсть: какова сила въ той розни. Что это за крестъ таковъ? Правъ ли сей крестъ? И отъ Бога ли? Онъ говоритъ, все-де то равно, все едино: ну, да это онъ про себя говоритъ, а вѣстно, что никто про себя дурна слова не скажетъ. Подлинно бы про то намъ узнать: крестится ли онъ, а можетъ быть совсѣмъ не крестится, а открещивается. Вотъ что! А! Старые люди сказывали, что въ литовской землѣ всякія вѣдовства и чары бываютъ; у нихъ и пули заговаривать умѣютъ, кто куда цѣлитъ, туда и попадетъ безотмѣнно, а все тó не безъ нечистой силы. Есть у нихъ къ тому бабы чаровницы, чтó умѣютъ привораживать и отвораживать; сдѣлаютъ такъ, что вотъ человѣкъ одного любитъ, а другого ненавидитъ. Вотъ и гляди, какъ этакіе-то къ намъ наѣдутъ, да чарами приворожатъ къ себѣ въ любовь нашего государя, чтобъ любилъ ихъ паче насъ, а насъ, прирожденныхъ московскихъ людей, отворожатъ отъ государя, и станетъ царь-государь къ нимъ зѣло милостивъ, а насъ учнетъ держать въ немилости. Вотъ ты говоришь: въ церковь онъ ходитъ, крестится; крестится-то крестится, а какъ крестится? А что, коли въ самомъ дѣлѣ открещивается, такъ это только обманъ, лукаваго вымыслы, чтобъ въ церковь ходить его слугамъ было невоспретно, выдумалъ онъ, значитъ, не крестъ, а открестъ; что оно намъ кажется только будто крестъ, а оно не есть крестъ, и все то, чтобъ насъ обмануть и слугъ своихъ возвеличить, насъ же вѣрныхъ христіанъ умалить и уничижить? Коли вправду эти приходцы прямые христіане истинной нашей вѣры, то велѣть бы имъ креститься такъ, какъ мы крестимся; а не похотятъ, ино знатно, что у нихъ на умѣ лукавое, и люди они недобрые, и выгнать бы ихъ изъ нашего государства, чтобъ они въ немъ своимъ вѣдовствомъ какой смуты и дурна не учинили.

— Про все, чтó ты изволишь говорить,—замѣтилъ третій,—подобаетъ разсудить не намъ, простцамъ, а духовнаго чина лю-

димъ: а то какъ станемъ про такія дѣла говорить, то грѣха наберемся; а коли не уймемся, такъ насъ и предъ освященный соборъ потянутъ за суетныя мудрованія, какъ было съ Матюхою Башкинымъ и его единомышленники, да съ дьякомъ Висковатовымъ. Нашъ преосвященный митрополитъ Макарій говорилъ: «коли ты ноги, такъ не думай быть головою».

— А ты думаешь,—сказалъ второй,—духовнаго чина люди того-жъ не говорятъ, что́ я? Вонъ, чудовскій архимандритъ какой умница, а книженъ какъ! Супротивъ него есть ли на всемъ московскомъ государствѣ таковъ книжникъ! А онъ говорилъ, многіе отъ него слыхали: отъ сихъ пришельцевъ ничего добраго не чаять. Льстецы они и обманщики, христіанами прикидуются, а неправые они христіане... вѣдуны они проклятые; думаютъ обойти и очаровать насъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ. Да еще что́ прибавлялъ: на бусурманъ царя нашего они подущаютъ, а сами съ бусурманы въ тайной дружбѣ, нарочно насъ хотятъ поссорить съ бусурманомъ, чтобъ измѣнить намъ же и тому же бусурману предать. А этотъ силачъ, Кудеяръ что-ли—зовутъ его... такъ онъ не казакъ, а татаринъ, нарочно съ казаками живетъ подъ видомъ будто казакъ, а тайно служитъ онъ крымскому хану, и здѣсь затѣмъ, чтобъ вывѣдывать и хану переносить, а сила у него тѣлесная отъ лукаваго: онъ ему за такую силу душою поклонился!

По окончаніи обѣда царь приказалъ, въ видѣ особой милости, позвать казацкихъ атамановъ и изъ собственныхъ рукъ давалъ имъ бѣлаго меда. Когда подошелъ къ нему Кудеяръ, царь сказалъ:

— Ну, смотри, молодецъ, иди и побей бусурмана, найди и отними у него свою жену и явись вмѣстѣ съ нею предо мною; тогда я, какъ сказалъ, пойду и самъ со всею ратью на Крымъ. Въ томъ мое царское слово. Только вотъ что: ну, коли ты найдешь свою жену, а у ней будетъ ребенокъ—не отъ ея воли, а по неволѣ—отъ бусурмана, что́ тогда? И ребенка бусурманскаго возьмешь себѣ за чадо? А!

Кудеяръ молчалъ, глядѣлъ какъ-то особенно злобно и кусалъ себѣ губы.

— Что, молодецъ, не знаешь что̀ сказать? Да, оно мудрено... Придется чужое, да еще бусурманское дитя за свое кровное принять и съ нимъ вѣкъ няньчиться. Кажись, тяжеленько будетъ. А не то—ребенку кесимъ баши... Такъ мать-то что̀ скажетъ?

Иванъ, не дожидаясь отвѣта отъ хранившаго тупое молчаніе Кудеяра, повернулся къ своимъ боярамъ и сказалъ:

— Вотъ оно... силенъ, а глупъ! руками медвѣдей давитъ,

столбы изъ земли вырываетъ, а головой того разсудить не можетъ: коли уже такое несчастіе сложилось, что жена попала къ бусурманамъ — и то все едино, что жена умерла; чего тамъ о ней тужить и помышлять?.. гдѣ ее найдешь? а хоть бы и нашелъ, такъ она не годилась бы. Нѣтъ, этого разсудить не хватаетъ мозгу.

Царь, смѣясь, ушелъ въ свои комнаты.

Скоро послѣ того, уже при наступленіи вечера, царь двинулся опять въ Москву. За нимъ поѣхали и бояре. Вишневецкій ѣхалъ, по прежнему, съ Курбскимъ въ однихъ саняхъ, и два князя вели между собою такой разговоръ:

— Князь Андрей Михайловичъ! Сдается, мы не дойдемъ до того, за чѣмъ я къ вамъ пріѣхалъ. Царь видимо не хочетъ воевать съ бусурманами. Царь хочетъ посылать меня съ казаками на ливонскихъ нѣмцевъ...

— Князь Димитрій Ивановичъ,—сказалъ Курбскій,—истинно тебѣ скажу: тяжело становится жить. Государь добрыхъ совѣтовъ мало слушаетъ, а скоро, не дай Богъ, и совсѣмъ перестанетъ слушать, а вдаетъ слухъ свой рѣчамъ сикофантовъ, шептателей, которые, ради гнуснаго своего прибытка и чтобъ имъ быть въ приближеніи у царя, будутъ подущать его на всякое худо, и возставятъ противъ совѣтныхъ и ратныхъ честныхъ мужей, и будетъ на насъ гоненіе веліе и царству россійскому ущербъ и разореніе. А всему злу начало—царица и ея братья глупоумные. Царица не терпитъ отца Сильвестра за то, что отецъ Сильвестръ царя добру учитъ, къ дѣлу приводитъ, отъ бездѣлья и сладострастія празднаго отводитъ и отъ шатанія по монастырямъ и отъ времяпровожденія съ шутами, да съ ханжами, да съ волхвами и волхвицами—съ бабами глупыми... Братья царицы завистью ко всѣмъ намъ дышутъ; они люди худородные, и досадно то имъ, хотятъ всѣхъ насъ доброродныхъ людей отъ царя отдалить, чтобъ имъ самимъ всѣмъ государствомъ править.

— Коли такое, не дай Боже, у васъ станется,—сказалъ Вишневецкій,—такъ я тебѣ скажу по дружбѣ, князь Андрей Михайловичъ, я у васъ не жилецъ. Я ради добраго дѣла, для службы христіанству къ вамъ пріѣхалъ, а буде не приходится, такъ это значитъ, какъ у насъ говорится: коли мое не въ ладъ, такъ я съ своимъ и назадъ.

— Охъ,—вздохнувши, сказалъ Курбскій,—и я тебѣ одному по дружбѣ скажу, князь Димитрій Ивановичъ, я хоть и прирожденный московскій человѣкъ, а злу потворщикъ не буду, и придется мнѣ, какъ у васъ говорится: свѣтъ за очами идти.

V.

Крымскій полонъ.

За Москвою-рѣкою былъ тогда большой дворъ, назывался онъ «крымскій»; внутри его, на правой сторонѣ, построенъ былъ рядъ избъ одноярусныхъ, подъ одну высокую крышу изъ драни, представлявшій видъ какъ бы одной предлинной избы. Прямо противъ воротъ была большая изба въ три яруса, отличавшаяся вычурностью постройки, сравнительно большими окнами и узорами около оконъ; лѣвая сторона двора была застроена множествомъ сараевъ, клѣтей, навѣсовъ, загородокъ, расположенныхъ въ такомъ безпорядкѣ, что, казалось, можно было запутаться и цѣлый день искать выхода. Такой способъ построекъ представлялъ превосходный матеріалъ для пожаровъ, которые нерѣдко и посѣщали крымскій дворъ, но послѣ пожаровъ постройка велась прежнимъ способомъ. Крымскій дворъ былъ пристанищемъ пріѣзжавшихъ въ Москву посланниковъ и гонцовъ крымскаго хана, для нихъ-то и была назначена большая изба съ украшеніями. На этотъ дворъ приставали и татарскіе купцы, посѣщавшіе Москву съ восточными товарами. Въ этотъ дворъ по временамъ пригоняли и освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ, и держали тамъ день-другой, пока ихъ не разбирали и не развозили, куда приходилось. Въ тѣ времена плѣнниковъ выкупали или размѣнивали обыкновенно въ пограничныхъ городахъ, откуда освобожденные разъѣзжались по мѣстамъ жительства, но тѣхъ, которые были безродны, или выкупались насчетъ царской казны, или почему-нибудь оказывались нужными для разспросовъ, привозили въ Москву и помѣщали на крымскомъ дворѣ. Въ это время туда являлись и русскіе полоненники съ ханскими посланниками и гонцами, привезенные въ обмѣнъ на татарскихъ мурзъ, по заключенному заранѣе условію, или же отпускаемые въ знакъ любезности къ русскому государю со стороны крымскаго: послѣдняго рода явленіе произошло въ описываемое время. Ханъ Девлетъ-Гирей, испуганный успѣшными дѣйствіями Вишневецкаго и Данила Адашева въ прошломъ году, услыхавши, что Вишневецкій поджигаетъ Москву противъ Крыма, разсудилъ, что, при тогдашнихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ Крыма, благоразумно будетъ показать Москвѣ охоту мириться, и прислалъ Карачъ-мурзу посланникомъ въ Москву, извѣщалъ, что въ знакъ

дружбы и братства отпускаетъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ послѣдніе годы. Большая часть была отпущена на границѣ, а толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ прибыла въ Москву съ Карачъ-мурзою и помѣстилась на крымскомъ дворѣ. При всей обширности этого двора, помѣщеніе оказалось для нихъ до того тѣснымъ, что бѣдняки, которымъ недостало мѣста въ избахъ, ночевали въ холодныхъ сараяхъ, клѣтяхъ, несмотря на то, что уже наступала зима... Но чего не терпѣлъ и чего не могъ вытерпѣть многострадальный русскій народъ! Впрочемъ, плѣнникамъ пришлось тамъ быть недолго. На другой же день послѣ прибытія Карачъ-мурзы и крымскій дворъ, и весь околотокъ наполнился санями бояръ, думныхъ людей, дворянъ, гостей, архимандритовъ, игуменовъ и множествомъ людей всякаго чина. Тѣ пріѣзжали и приходили отыскивать своихъ родныхъ и близкихъ, другіе для подачи милостыни и для пріема къ себѣ несчастныхъ, изъ состраданія или изъ видовъ. Поднялся шумъ, начались восклицанія, рыданія, причитанія, благодаренія, объятія, лобызанія. Тамъ мать обливала слезами голову возвращеннаго сына, тамъ дѣти вѣшались на шею отцу, котораго сразу не узнавали, не видавши нѣсколько лѣтъ, тамъ цѣловались братъ съ братомъ, племянникъ съ дядею; для многихъ наступилъ день такой незамѣнимо-радостный, часъ такого счастья, за который не жалко казалось перетерпѣть много горькихъ годовъ. Бѣдствіе теряетъ свою жгучую силу, когда прекращается, и человѣкъ чувствуетъ, что одолженъ ему минутою величайшаго блаженства на землѣ—минутою прекращенія страданій. Но были тутъ и такіе братья, дяди, племянники, которые только наружно изъявляли радость, а внутренно досадовали: то были такіе, которымъ не хотѣлось отдавать возвращеннымъ родственникамъ ихъ наслѣдія; они считали ихъ погибшими, и вдругъ неожиданно родные оживаютъ... Чтó дѣлать? Ихъ цѣлуютъ, обнимаютъ, а въ душѣ думаютъ, лучше было бы, коли бы дьяволъ тебя взялъ. Иной господинъ приходилъ на крымскій дворъ какъ будто изъ благочестія, а на самомъ дѣлѣ изъ корысти: высматривалъ, нѣтъ ли какого бѣдняка, которому негдѣ дѣться и, нашедши такого, разспрашивалъ его съ участіемъ, давалъ ему полтину, потомъ опять разспрашивалъ, вздыхалъ вмѣстѣ съ нимъ объ его горѣ и сиротствѣ и, какъ-бы соболѣзнуя, говорилъ ему: бѣдный ты, бѣдный! одинокъ сиротинушка! Что тебѣ слоняться-то по бѣлу-свѣту? Охъ, охъ! Людей добрыхъ на свѣтѣ мало стало, всякъ норовитъ, какъ бы себѣ добро было, а ближнему своему зла ищетъ, оскудѣло милосердіе; иди ко мнѣ, у меня тебѣ и уголъ теплый бу-

деть, и сытъ и одѣтъ будешь, и работы большой тебѣ не будетъ. Поддается сиротинушка на приманчивыя рѣчи, и поведетъ добросердечный сиротинушку къ дьяку въ холопій приказъ писать кабалу, дастъ ему рублей пять, а пообѣщаетъ вдвое, и возьметъ бѣдняка въ рабство на всю жизнь его, придется бѣдняку промѣнять кукушку на ястреба: освободился изъ татарской неволи, а попалъ въ русскую. Монастырскія власти пріѣзжали на крымскій дворъ вербовать полоненниковъ къ себѣ въ монастыри; тоже—дадутъ сиротѣ милостыню, изрекутъ ему мудрыя словеса о суетѣ міра, о томъ, какъ хорошо будетъ на томъ свѣтѣ тому, кто отречется отъ міра и пойдетъ въ монастырь въ чаяніи равноангельскаго житія, а потомъ потянутъ сироту къ себѣ, и освобожденный изъ татарской неволи сдѣлается рабомъ всечестной обители, осужденнымъ трудиться въ потѣ лица, въ скорби, въ тѣснотѣ, въ нищетѣ, чая царствія небеснаго и вынося на хребтѣ своемъ, вмѣсто татарской плети, жезлъ игуменскій. Знатные бояре ѣздили на крымскій дворъ подавать милостыню, потому что такъ велось; того, кто этого не сдѣлаетъ, назовутъ скупцомъ, немилостивымъ, злымъ;.. но были и такіе, которые не ради мірской молвы или корысти, отъ чистаго сердца тратили большія деньги на плѣнниковъ, надѣясь, что Господь вознаградитъ имъ потраченное послѣ ихъ смерти сторицею. Бояринъ Иванъ Шереметевъ на всю Русь славился тѣмъ, что выкупалъ плѣнныхъ; и теперь одѣлялъ онъ щедро плѣнниковъ на крымскомъ дворѣ; не уступалъ ему Алексѣй Адашевъ, который отказывалъ себѣ во всякой роскоши и, оставляя на свои потребности только необходимое, всѣ свои огромные доходы тратилъ на дѣла милосердія. Славилась тогда въ Москвѣ вдова Магдалина, родомъ полька, принявшая восточное благочестіе, мать взрослыхъ сыновей, женщина богатая и тароватая; много давала она на нищую братію, а на выкупъ и на пропитаніе плѣнныхъ паче всего. Теперь этимъ добродушнымъ людямъ платить за выкупъ не приходилось; зато они брали на свое попеченіе многими десятками плѣнныхъ съ тѣмъ, чтобы здоровыхъ устроить и дать возможность заработывать трудомъ себѣ хлѣбъ насущный, а старыхъ и больныхъ покоить на своемъ иждивеніи. Пріѣхалъ тогда съ другими и князь Андрей Михайловичъ Курбскій, но если онъ и развязывалъ свою мошну на милостыню, то гораздо болѣе говорилъ, шумѣлъ, поучалъ всѣхъ, и съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ безпрестанно свертывалъ на любимую мысль о необходимости вести войну съ бусурманомъ и покорить Крымъ

россійской державѣ. Пріѣхалъ Сильвестръ съ сыномъ, раздавалъ милостыню, разспрашивалъ одного, другого и взялъ на свое попеченіе человѣкъ двадцать, сказавши имъ: «у меня кабальныхъ нѣтъ, и васъ я въ кабалу не возьму; поживете у меня, пока я найду вамъ пристанище и работу, а тамъ съ Богомъ—трудитесь, пока хватитъ силы и здоровья. Въ законѣ Господнемъ сказано: не трудившійся да не ястъ».

Пріѣхалъ вмѣстѣ съ Даниломъ Адашевымъ, своимъ браннымъ сотоварищемъ, и князь Димитрій Вишневецкій; и онъ хотѣлъ не отставать отъ другихъ въ своемъ новомъ отечествѣ и положить часть своего достоянія на благочестивое дѣло.

Полоненники одинъ за другимъ уѣзжали и уходили съ крымскаго двора, число ихъ все умалялось, рѣдѣло и, наконецъ, осталось ихъ не болѣе двухъ десятковъ... Между ними была женщина, одѣтая въ тулупъ, повязанная какою-то грязною тряпкою; она сидѣла на колодѣ подъ окномъ избы, то поглядывая вокругъ съ тревожнымъ взглядомъ, то опуская глаза съ выраженіемъ безнадежности. Возлѣ нея стоялъ ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ, круглолицый, смуглый, въ овчинномъ тулупчикѣ и въ бараньей шапочкѣ, и жевалъ кусокъ чернаго хлѣба. Женщина была еще молода, статно сложена, но горе провело по ея худощавому лицу рановременныя морщины, такъ что, взглянувши на нее, всякъ невольно назвалъ бы ее молодою старухою. Ея черные большіе глаза носили слѣды былой живости и страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ выражали столько грусти и терпѣнія, что нельзя было взглянуть въ эти глаза безъ состраданія и вмѣстѣ безъ уваженія: въ нихъ свѣтилось много благороднаго, прямодушнаго, честнаго. Увидя Вишневецкаго, женщина невольно вздрогнула: ее поразилъ нарядъ этого князя, отличный отъ наряда московскихъ бояръ; женщина увидала что-то для себя знакомое, родное; она встала и подошла къ одному изъ посѣтителей; ребенокъ неотвязчиво шелъ за нею со своимъ кускомъ.

Она спросила: кто этотъ господинъ.

Ей сказали, что это Вишневецкій.

— Князь Димитрій Ивановичъ!—воскликнула женщина,—и поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ, неровными шагами подошла къ Вишневецкому и упала къ ногамъ его.

— Отецъ нашъ, кормитель нашъ...,—сказала женщина,—самъ Богъ тебя принесъ, голубчикъ... спаси меня... я твоя, я не здѣшняя, я не московка, я изъ Черкасъ, твоя подданная...

— Какъ же ты попалась сюда, въ московскій полонъ? — спрашивалъ Вишневецкій.

— Виновата, милостивый князь, прости меня бѣдную... обманомъ сюда зашла я; стали въ Крыму собирать московскій полонъ, чтобъ отправлять въ Москву... я назвалась московкою. Меня продали уже другому хозяину, а тотъ не зналъ, что я изъ Украйны и отпустилъ меня; еслибъ зналъ, не выпустилъ бы. Думала: на страхъ божій пойду, можетъ быть кто-нибудь въ кабалу возьметъ, хоть въ чужой сторонѣ буду жить, все же въ христіанской, не въ бусурманской, а можетъ быть, думала, попадется и такая христіанская душа, что въ мой родной край отпуститъ. И пошла. А вотъ, на мое счастье, тебя, господина нашего, Богъ принесъ сюда. Возьми меня, Христа ради, отправь въ мой край.

— Когда ты изъ Черкасъ, я возьму тебя,—сказалъ Вишневецкій:—ты вдова, что ли?

— Не вдовою взята была въ неволю, теперь не знаю, вдова или замужняя... Меня татары схватили на хуторѣ, а мужъ былъ у тебя на службѣ. Мой мужъ Юрій Кудеяръ, что̀ атаманъ Тишенко въ пріймы взялъ за сына, а я дочь Тишенкова.

— Твой ангелъ хранитель съ тобою! — сказалъ Вишневецкій.—Ты увидишь своего мужа, увидишь сегодня, онъ здѣсь, въ Москвѣ, со мною, тоскуетъ о тебѣ!

Женщина вскрикнула, всплеснула руками; болѣзненное чувство, смѣсь радости и вмѣстѣ ужаса захватило ея дыханіе. Не знала она, что̀ съ нею, что̀ дѣлать ей: хотѣлось ей поскорѣе летѣть къ мужу и въ то же время провалиться сквозь землю отъ стыда; не знала она: благодарить ли судьбу или клясть ее...

— А этотъ ребенокъ—твой?—значительно спросилъ Вишневецкій.

— Мой, милостивецъ, мой, да не моего мужа... Я не хотѣла; меня били, мучили, я не поддавалась; меня продали въ другія руки: и тамъ тоже... насильно, Богъ свидѣтель, насильно... Я была невольница, на работѣ, въ кандалахъ.

— Вѣрю,—сказалъ Вишневецкій: — однако, я тебѣ скажу: Кудеяръ твой крутъ; я его знаю, тебя онъ проститъ, да и какъ не проститъ? Ты невинна; коли-бъ винна была, не убѣжала бы изъ Крыма; но ребенка чужого, да еще бусурманскаго, наврядъ онъ приметъ за родного сына. Зачѣмъ ты взяла его съ собою? Оставила бы его тамъ.

— Мнѣ его отдалъ хозяинъ. Ступай, говоритъ, съ нимъ, намъ не нужно его; у него своихъ женъ шесть, и отъ каждой жены ребята... Самъ знаешь, милостивый князь, я мать; оно

хоть и бусурманское, а все-жъ мое; родила, муки принимала, кормила, ночи не спала.

— Не знаю,—сказалъ Вишневецкій:—Кудеяръ не возьметъ его. Неладно.

Вишневецкій, отошедши, разсказалъ Адашеву и Курбскому о случившемся. Узналъ и Сильвестръ. Протопопъ подошелъ къ Вишневецкому, съ которымъ заговорилъ въ первый разъ, и сказалъ:

— Неисповѣдимы пути божіи, чудны дѣла его. Вижу перстъ божій! Князь Димитрій Ивановичъ, и вы бояре, не говорите мужу этой женщины о ней, пока я не скажу царю; отдайте ее на попеченіе мнѣ.

— Возьми, честнѣйшій отче, твори, какъ Богъ тебѣ на сердце положитъ,—сказалъ Вишневецкій.

— Твое дитя не крещено?—спросилъ Сильвестръ женщину.

— Нѣтъ, отче, бусурманское.

— Я крещу его. Оно будетъ наше. Я буду увѣщевать твоего мужа, а не захочетъ взять ребенка, не бойся; я возьму его на свое воспитаніе; выростетъ, человѣкъ изъ него будетъ!

Въ это время женщина, случайно повернувши голову, вперила глаза вдаль и, не слушая болѣе словъ Сильвестра, съ крикомъ бросилась бѣжать. Сильвестръ, бояре, Вишневецкій обратили за нею свои взоры, и увидѣли Кудеяра.

Узнавши, что его князь поѣхалъ на крымскій дворъ давать милость полоненникамъ, Кудеяръ вздумалъ отправиться туда же, чтобъ положить и свою долю въ добромъ дѣлѣ. Жена увидала его, узнала, забыла все, бросилась къ нему.

— Юрко! мой Юрко!—кричала она.

— Настя!—вскрикнулъ Кудеяръ.

Оба сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Ребенокъ побѣжалъ вслѣдъ за матерью, и видя, что мать цѣлуетъ и обнимаетъ казака, сталъ, усмѣхаясь, дергать его за полы.

— А что̀ это?—спросилъ Кудеяръ, опомнившись отъ перваго восторга и не успѣвши еще спросить у жены, ка́къ она попала въ Москву и гдѣ была.

— Юрко! Юрко! — простонала Настя: — Богъ свидѣтель, я невинна, я не хотѣла, насильно... Вотъ тебѣ крестъ...

— Бусурманское? Ты была у кого-нибудь въ гаремѣ?

— Нѣтъ, я была невольница, на работѣ, въ кандалахъ, меня изнасиловали...

— Вѣрю, вѣрю... Такъ оно и есть. Ты, Настя, всегда была

и будешь добрая, вѣрная жена. Пойдемъ со мною. Пойдемъ. И его бери съ собою. Пойдемъ.

Онъ взялъ ее за руку и пошелъ изъ крымскаго двора; ребенокъ, видимо обрадованный, самъ не понимая чѣмъ, бѣжалъ за матерью.

Князь Вишневецкій, смотря на происходившее и слышавши рѣчи Кудеяра, обратился къ боярамъ и сказалъ:

— Никакъ я того не ждалъ, бояре, чтобъ мой Кудеяръ былъ такой добрый; я думалъ, онъ крутъ, это совсѣмъ не онъ... Да не задумалъ ли онъ чего? Пойду, узнаю.

— А я,—сказалъ Сильвестръ:—сейчасъ ѣду прямо къ царю. Надѣюсь и уповаю; съ божіею помощью теперь дѣло пойдетъ на ладъ. Война съ бусурманомъ будетъ, и самъ царь пойдетъ съ ратью, возвратятся времена казанскія, возсіяетъ слава россійской державы, здравіе и благосостояніе христіанскаго народа... Господи! благословенъ еси, благословенъ еси!

VI.

Ребенокъ.

Вышедши съ женою и ребенкомъ изъ крымскаго двора, Кудеяръ сѣлъ въ извощичьи наемныя сани, приказалъ ѣхать за Серпуховскія ворота. Жена ласкалась къ нему, цѣловала его; Кудеяръ отвѣчалъ ей поцѣлуями, но прежняя суровость, оставившая его только на мгновеніе первой встрѣчи, возвратилась къ нему. Взоръ его, по обыкновенію, сталъ мраченъ, угрюмъ. Кудеяръ ничего не говорилъ, и на вопросы жены не сталъ отвѣчать, сказавши разъ: послѣ поговоримъ, все я тебѣ разскажу про себя, а ты мнѣ все свое горе повѣдаешь. Жена не смѣла спросить: куда онъ везетъ ее; предчувствіе чего-то ужаснаго стало томить ее. Проѣхали ворота. Кудеяръ велѣлъ поворотить влѣво, къ Данилову монастырю, около котораго росъ тогда большой лѣсъ. Приблизившись къ лѣсу, Кудеяръ приказалъ извощику остановиться, заплатилъ ему деньги и отпустилъ, а самъ, взявши жену за руку, шелъ по молодому вязкому снѣгу въ лѣсъ. Мать вела ребенка за руку.

Вошли въ лѣсъ. Кудеяръ увидѣлъ вдали два пня, и указавши на нихъ, сказалъ:

— Вонъ тамъ сядемъ, Настя, поговоримъ.

Жена, молча, повиновалась. Они сѣли. Ребенокъ, начинавшій дрожать отъ стужи, сталъ глядѣть жалобно и морщиться, собираясь плакать.

— Настя,—сказалъ Кудеяръ:—ты ни въ чемъ не виновата, ты была въ неволѣ... Теперь все прошло, я тебя приму женою, такъ какъ я принялъ тебя отъ покойнаго, царство ему небесное, Якова Тишенко. Но это бусурманское отродіе опоганило твою утробу; я не могу назвать его своимъ ребенкомъ, не могу любить его... Сама подумай, можно ли это? Этого человѣкъ не снесетъ! Ты, мать, тебѣ жалко его! Да, Настя, жалко тебѣ его, а мнѣ тебя изъ-за него жалко, и дѣлать нечего. Выбирай теперь, чтó хочешь; кто тебѣ милѣй, кого тебѣ больше жаль? Меня или твоего сына, что его тебѣ враги нацѣпили насильно? Коли я тебѣ милѣе, такъ я зарѣжу ребенка, и живи со мною, по прежнему, какъ жена, и во всю жизнь я не помяну тебѣ объ немъ, и никому не дозволю укорить тебя; а коли ребенка жальче, такъ вѣчная намъ съ тобою разлука: я тебѣ худа не сдѣлаю, ни твоему ребенку; дамъ тебѣ денегъ и отправлю въ Черкасы; тамъ

нашъ хуторъ — онъ твой, отъ отца твоего тебѣ достался, живи тамъ, рости ребенка, а меня не знай во-вѣки. Уже я не твой и ты не моя, и не услышишь обо мнѣ, и я о тебѣ слышать не хочу. Чтó-нибудь одно: выбирай!

— Юрій, Юрій, да какъ же мнѣ разлучиться съ тобою, — вскричала жена: — когда пять лѣтъ я о тебѣ плакала день и ночь, о тебѣ только и думала; не чаяла я, бѣдная, такого счастья, Богъ нежданно послалъ его, какъ же я отрекусь отъ такого счастья?.. Мнѣ теперь разлучиться съ тобою, все равно, что въ татарскую неволю опять идти!

— Такъ попрощайся съ сыномъ, — сказалъ Кудеяръ: — я его зарѣжу!

— Юрій, Богъ съ тобой! Христосъ съ тобой! Юрій! За чтò же? Чѣмъ оно виновно?

— Коли жаль дитяти, ступай съ нимъ, — сказалъ Кудеяръ: — и меня ужъ никогда не увидишь.

— Юрій, — кричала Настя: — не прогоняй меня, помилуй свою Настю. Я не то что женою, невольницею твоею буду... Юрій, можетъ быть я не годна по прежнему быть тебѣ женою: позволь же у тебя, мое сердце, жить въ неволѣ; женись, возьми другую, а меня ей работницею возьми. Юрій, Юрій, только бы мнѣ возлѣ тебя быть недалеко, только бы на тебя глядѣть — Боже, я не видѣла тебя пять лѣтъ, уже болѣе того... да... не помню, горе память отшибло, Юрій, еслибъ ты зналъ, чтó перетерпѣла твоя бѣдная Настя... Ты добрый, Юрій, ты бы заплакалъ, когда бы увидѣлъ, какъ били, какъ мучили твою Настю. Теперь я тебя увидала, тебя, мое сердце, а ты меня прогоняешь... Юрій, Юрій, сжалься, смилуйся!

Настя пала къ его ногамъ, ухватилась за ноги его, разливаясь слезами. Ребенокъ, и безъ того уже плакавшій отъ холода, слыша плачъ матери, оралъ во все горло и безсознательно цѣплялся за ноги казака.

— Настя, — сказалъ Кудеяръ: — не плачь, не рыдай, не голоси! Ничего не поможетъ: коли хочешь со мною жить по прежнему, дай мнѣ зарѣзать ребенка.

— За что же его рѣзать, Юрій! Юрій! Оно тебѣ ничего не сдѣлало... Оно маленькое, оно крошечка, не жаль развѣ тебѣ... Посмотри, какъ оно плачетъ; зернышко ты мое, бѣдное, кланяйся, проси, проси милости, скажи: смилуйся, я жить хочу, не убивай меня, я тебѣ ничего не сдѣлалъ... Юрій, ради Христа, не убивай его... Юрій, пожалѣй его, пожалѣй свою Настю! Я ему мать, я буду плакать, тосковать по немъ.

— Поплачешь, перестанешь, забудешь...,—сказалъ Юрій,—а можетъ быть Богъ благословитъ, дастъ намъ своего ребенка, ты будешь его ласкать, и я съ тобою: я буду любить его. А на этого я не могу глядѣть. Оно бусурманское, оно насильное... да чтó говорить! Я ужъ тебѣ сказалъ; перемѣны не будетъ: либо зарѣжу ребенка, либо ступай съ нимъ отъ меня навѣки — либо то, либо другое.

— Зачѣмъ его убивать, Юрій? Его возьмутъ добрые люди. Вотъ тамъ, на дворѣ, куда насъ пригнали, священникъ, какой добрый, говорилъ со мною, обѣщалъ взять ребенка, крестить его: пусть возьметъ, пусть задастъ его такъ, чтобы мы объ немъ не знали. Ты его никогда не увидишь, никогда не услышишь про него; я сама не буду узнавать, гдѣ онъ, чтó съ нимъ творится. Не все ли равно, что онъ живъ, что онъ умеръ, ты его не увидишь, и я присягну тебѣ въ церкви, на святомъ крестѣ, не то, чтобъ увидать его—думать объ немъ не буду. Только не рѣжь его, не губи души невинной.

— Какая душа у него, бусурманскаго, некрещенаго; что жалѣть его, туда и дорога!

— Его окрестятъ. Юрій, не грѣши, не бери на душу грѣха тяжкаго. Нѣтъ, Юрій, это не хорошо, это Богу противно... Юрій, ты добрый, ты опомнишься, ты самъ жалѣть будешь, что погубилъ его... Ей-Богу, Юрій, будешь самъ жалѣть. Это теперь ты сгоряча такъ говоришь. Послушайся меня... Нѣтъ, меня не слушайся, я простая, глупая баба. Посовѣтуйся съ умными людьми, спроси священника божія, чтó онъ тебѣ скажетъ? Велитъ ли рѣзать ребенка! Спроси, спроси! Коли скажетъ: убей его — тогда убивай, а онъ скажетъ: не бей, Юрій, пожалѣй душу свою. Подожди, я прошу тебя, спроси прежде священника.

— Чтó мнѣ у поповъ спрашивать?—сказалъ Юрій.—Мало чего попъ скажетъ: онъ велитъ мнѣ взять его за сына! Такъ какъ же мнѣ брать, коли сердце отворачивается, когда я смотрѣть на него не могу? И люди будутъ срамить меня, глумиться станутъ. Вонъ—скажутъ—Кудеяръ, татарчука няньчитъ! Нѣтъ, нѣтъ, я такого срама не вынесъ бы. А отдать въ чужіе люди! Коли ты будешь знать, что онъ живъ, все-таки думка твоя объ немъ будетъ, за нимъ убиваться станешь, все-таки сама себѣ скажешь: что-то мой сынокъ? А тамъ какъ-нибудь узнаешь, захочешь повидать. Я не хочу этого.

— Ей-Богу, нѣтъ, вотъ тебѣ крестъ, Юрій: никогда, во всю жизнь не захочу, не увижу, забуду...

— Выростетъ, узнаетъ, придетъ къ тебѣ, ко мнѣ, тогда хуже будетъ, коли я его большого зарѣжу. А онъ еще можетъ быть хорошимъ человѣкомъ станетъ, у меня все-таки закипитъ кровь: какъ его увижу, такъ и зарѣжу; тогда хуже грѣха наберусь, крещенаго, да еще можетъ быть добраго человѣка загублю. Теперь же пока онъ поганый, что онъ? Некрещеный, такъ себѣ: все равно, что звѣрь! Нѣтъ, Настя, я на то не соглашаюсь, чтобъ его отдавать въ чужіе люди. Сказано, не перемѣню: либо дай ребенка зарѣзать, либо ступай съ нимъ отъ меня навѣки.

— Боже, Боже мой! Зачѣмъ ты меня, Господи, вызволилъ изъ тяжкой неволи. Лучше было бы мнѣ умереть въ бусурманской землѣ въ кандалахъ.

— Чего на Бога роптать?—сказалъ Кудеяръ.—Коли тебѣ такъ жаль ребенка, значитъ, ты любишь это бусурманское отродье больше, чѣмъ меня. Господь съ тобой, я не врагъ тебѣ и не мститель. Ступай съ нимъ въ хуторъ, живи себѣ съ нимъ, а захочешь замужъ пойти за иного—и то въ твоей волѣ, я буду просить, чтобъ владыка тебѣ далъ разрѣшеніе. А я... я пойду на бусурманъ. Можетъ быть, Богъ дастъ положить душу за вѣру христіанскую. Я тебѣ найму подводу, казаковъ дамъ проводить тебя, выпрошу черезъ князя у царя проѣзжую запись, чтобъ тебя нигдѣ не задержали. Пойдемъ тотчасъ. Твой ребенокъ будетъ тогда живъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, мой единый, мое солнце, мое счастье, мое сердце! Я отъ тебя не уйду. Я съ тобой буду. Не прогоняй меня!

— Такъ дай зарѣзать ребенка.

— Юрій! Юрій! смилуйся...

Настя упала на землю и голосила; ребенокъ ревѣлъ.

— Говори скорѣе,—сказалъ Кудеяръ,—послѣднее слово говори: ѣдешь отъ меня съ ребенкомъ, или остаешься со мною?

— Остаюсь, остаюсь съ тобой, безъ тебя я жить не хочу,— кричала Настя.

— Дай зарѣзать ребенка.

— Возьми,—сказала Настя, потомъ вскрикнула и припала къ пню головою.

— Вотъ жена, вотъ кладъ,—сказалъ Юрій:—о, моя дорогая! Ну, есть ли на свѣтѣ такая другая женщина!

Онъ поцѣловалъ жену въ голову, потомъ взялъ ребенка за руку и хотѣлъ вести.

Ребенокъ, какъ будто чувствуя инстинктивно, что ему будетъ что-то худое, заревѣлъ сильнѣе и сталъ упираться. Настя

быстро подняла голову, увидала, что Кудеяръ уводитъ ребенка отъ нея, бросилась къ нему, схватила за руку и кричала:

— Юрій, Юрій, смилуйся, Христа ради!

— Опять!—сказалъ Кудеяръ: — то даешь, то не даешь ребенка. Возьми же его себѣ и поѣзжай отъ меня. Идемъ тотчасъ, идемъ въ городъ. И сегодня ты уѣдешь съ ребенкомъ въ Украйну.

Онъ пошелъ по направленію изъ лѣсу къ городу. Настя стояла. Ребенокъ подбѣжалъ къ ней, какъ будто ища спасенія. Кудеяръ, прошедши нѣсколько саженъ, оглянулся.

— Иди за мной,—громко сказалъ онъ,—иди, говорю тебѣ, скорѣе иди. Сказано тебѣ—не будетъ перемѣны. Иди. Нанимаю подводу; ты поѣдешь въ Украйну сегодня. Иди.

Онъ ускорялъ шаги. Настя пошла за нимъ. Ребенокъ бѣжалъ за матерью.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскрикнула Настя:..—нѣтъ, Юрій, никогда, я твоя, не покину тебя, не разлучусь съ тобою. Ты мой... не прогоняй меня. Возьми его... дѣлай съ нимъ что̀ хочешь. Боже мой! Боже мой!

— Отдаешь ребенка?

— Отдаю.

Кудеяръ подбѣжалъ къ ребенку, схватилъ его на руки и побѣжалъ въ лѣсъ.

Настя стояла какъ вкопаная, задомъ къ лѣсу, куда Кудеяръ унесъ дитя; она глядѣла въ небо, читала молитву... Вдругъ до ушей ея достигъ пронзительный крикъ ребенка. У Насти подкосились ноги, задрожало сердце, по тѣлу пробѣжалъ холодъ, все въ ней оцѣпенѣло; въ глазахъ стало темно. Настя упала безъ чувствъ.

Кудеяръ, перерѣзавши ребенку горло, сталъ приглядываться, куда бы схоронить его и, замѣтивши между деревьями углубленіе, досталъ саблю, расчистилъ снѣгъ и началъ копать землю. Земля оказалась едва замерзшею. При своей необычайной силѣ, Кудеяръ скоро выкопалъ яму аршина въ полтора, положилъ туда трупъ ребенка, зарылъ въ землю, набросалъ хворосту и присыпалъ снѣгомъ. Окончивши свое дѣло, быстро пошелъ онъ къ женѣ.

Очнувшись отъ перваго ужаса, бѣдная Настя сидѣла на снѣгу въ какомъ-то забытьѣ. Кудѐяръ взялъ ее за руку, приподнялъ и сказалъ:

— Все покончено. Пойдемъ, сердце мое, въ городъ.

Настя ни слова не промолвила и пошла, опираясь на его плечо.

VII.

Казацкій батько.

Кудеяръ съ женою стоялъ предъ Вишневецкимъ, въ той горницѣ у священника Никольской церкви, откуда выѣзжалъ князь первый разъ къ царю. Настя была одѣта уже не въ прежній изорванный тулупъ; на ней былъ красный камковый лѣтникъ съ частыми серебряными пуговками, на головѣ мѣховая шапочка. Сверху накинута была шубка, покрытая вишневымъ англійскимъ сукномъ. Кудеяръ, по возвращеніи въ городъ, тотчасъ же отправился на англійскій дворъ и одѣлъ жену, насколько хватило у него денегъ, сожалѣя, что въ Москвѣ не могъ одѣть ее въ такой нарядъ, въ какомъ, по обычаю своего края, ходила она въ Украйнѣ. Ея шею украшало красное коралловое ожерелье и нѣсколько крестовъ.

— Злодѣй, звѣрь лютый, а не человѣкъ!—говорилъ Вишневецкій:—какъ твоя злодѣйская рука подвинулась на безвиннаго младенца. Иродъ проклятый! Волчица или медвѣдица тебя, видно, родила, а не женщина. Ну, не хотѣлъ брать его за сына, отдалъ бы добрымъ людямъ: не все же на бѣломъ свѣтѣ такіе кровопійцы, какъ ты. Что же, думаешь, что я тебя держать стану. Мнѣ не нужно дѣтоубійцъ, иродовъ. Былъ бы ты лютъ и немилостивъ съ врагами, то честь, хвала и слава войсковому человѣку. Но убивать ребенка... беззащитнаго, чтó ничѣмъ отъ тебя не обороняется, только слезами и крикомъ. Злодѣй, злодѣй, исчадіе дьявола. Прочь отъ меня. Я тебя знать не хочу: ты не атаманъ и не казакъ, ищи себѣ пріюта у другихъ. Да ты думаешь, это тебѣ пройдетъ? Узнаетъ царь, думаешь, помилуетъ тебя? У него въ землѣ не вольно чинить убійствъ, а то еще надъ невинными младенцами. Тебя повѣсятъ, злодѣя, и по дѣломъ.

Кудеяръ молчалъ, по обычаю, глядя на князя угрюмо. Но Настя упала къ ногамъ князя.

— Князь Димитрій Ивановичъ, голубчикъ, смилуйся, не гнѣвайся, не губи его! Прости ему. Меня казни, а не его. Я виновата. Онъ, голубчикъ, добрый, мнѣ далъ на выборъ: захочу, поѣду въ Черкасы съ ребенкомъ и тогда онъ ничего не станетъ ребенку дѣлать, только ужъ съ нимъ будетъ мнѣ вѣчная разлука; а захочу съ нимъ жить по прежнему—чтобъ отдала ему

ребенка зарѣзать. А мнѣ легче было ребенка смерти предать, чѣмъ съ нимъ въ разлукѣ быть, то было бы мнѣ горше татарской неволи, и я отдала ему ребенка своими руками. Онъ не насильно убилъ его; я виноватѣе Юрія.

— Зачѣмъ вы не отдали ребенка въ чужія руки? Отецъ Сильвестръ сказалъ тебѣ, глупая баба, что онъ возьметъ его, крестилъ бы его, воспиталъ, и вамъ онъ ничѣмъ бы не шкодилъ. Зачѣмъ же вы, злодѣи, его убили?

— Жена слезно просила меня, чтобъ я такъ сдѣлалъ—отдать бы ребенка въ чужія руки, да я на это не поддался,—сказалъ Кудеяръ.

— Что-жъ, тебѣ крови дѣтской захотѣлось, жидъ ты проклятый!

— Не хотѣлъ, чтобъ оставалось на свѣтѣ такое, что̀ опоганило непорочную утробу моей честной жены,—сказалъ Кудеяръ.— Когда она моя жена,—пусть не будетъ съ нею такого, на что̀ мнѣ глянуть стыдно. Князь, ты гнѣваешься, а еслибы тебѣ пришлось быть на моемъ мѣстѣ, то и самъ бы также учинилъ. Было бы живо это бусурманское отродье, хоть бы оно на краю свѣта было, была бы нескончаемая мука и для меня, и для жены. Все-таки, нѣтъ-нѣтъ и подумала бы о немъ, пожалѣла бы, видѣть захотѣла бы; а хоть бы и того не было, такъ я бы все думалъ про нее, что она хочетъ видѣть его, любитъ его, и сердился бы я на нее понапрасну; теперь же, какъ его на свѣтѣ нѣтъ, и стыда на ней не осталось, что̀ противъ ея воли былъ на нее положенъ, и моя Настя какова прежде была, такова и теперь. Воленъ ты, князь, надо мною, только не правъ и жестокъ будешь, коли меня изъ-за этого прогонишь, своего вѣрнаго слугу. А что ты, князь, сказалъ про царя, такъ ты слыхалъ, какъ онъ, будучи въ Тайнинскомъ, самъ, будто напередъ видѣлъ, что̀ со мной станется, спрашивалъ меня: что̀ я буду дѣлать, коли найду жену, а жена будетъ съ чужимъ ребенкомъ, да самъ же по-татарски и прибавилъ: кесимъ башка. Видишь, князь, царь самъ уразумѣлъ, что нельзя будетъ инако учинить. Одинъ конецъ, чтобъ не оставалось слѣда и памяти неволи и стыда.

— Батюшка, голубчикъ,—говорила Настя,—не гнѣвайся на моего Юрка. Прости его: онъ тебѣ вѣрный слуга, какого не сыщешь другого.

— И такъ много ему милости,—сказалъ Вишневецкій,— что я не велѣлъ казачеству судить его, а то съ него непремѣнно голову бы сняли за дѣтское убивство. Пусть идетъ отъ меня. Я говорю—иродовъ намъ, казакамъ, не надобно!

— Батюшка, прости!—кланяясь въ землю, повторяла Настя.

— Баба!—сказалъ Вишневецкій.—Я не изъ такихъ, что посердится, посердится, да и раскиснетъ отъ бабьихъ слезъ. У меня, что разъ сказано, тому такъ быть. Вы не пропадете. Царь принялъ твоего мужа въ служилые, помѣстье далъ. Ну, и живите себѣ! а въ казакахъ ему не быть.

Въ это время дверь отворилась. Вошелъ царскій приставъ и сказалъ:

— Царь-государь изволилъ приказать привести къ нему предъ его ясныя очи Юрія Кудеяра съ женою, что въ полонѣ объявились.

— Вотъ они!—сказалъ Вишневецкій.

VIII.

Царская милость.

Въ то время, какъ Кудеяръ съ крымскаго двора увелъ жену свою и ребенка за-городъ, Сильвестръ съ того же крымскаго двора отправился къ царю и велѣлъ доложить, что пришелъ сообщить очень важное дѣло. Царь тогда только-что проснулся отъ послѣобѣденнаго сна. Онъ приказалъ позвать протопопа.

— Великій государь,—сказалъ Сильвестръ,—благородію твоему угодно было призывать меня, грѣшнаго, и спрашивать о крымской войнѣ. Тогда я сказалъ тебѣ, государю, таково слово: не имамъ указанія свыше, а отъ себе говорить мнѣ о такихъ дѣлахъ не пригоже, о томъ-де бояре и думные люди вѣдаютъ; нынѣ же, царю, явися указаніе божіе, и азъ прихожу объявить о немъ твоему величеству.

— Что?—сказалъ Иванъ, поблѣднѣвши и ожидая чего-то необыкновеннаго, сверхъестественнаго.

— Воистину указаніе божіе, царю, — продолжалъ Сильвестръ.—Я ѣздилъ, великій государь, на крымскій дворъ, для подачи милостыни бѣднымъ полоненникамъ, и узналъ тамъ, что между тѣми полоненниками объявилась жена пріѣзжаго съ княземъ Вишневецкимъ, атамана Юрія Кудеяра, а ты, великій государь, будучи въ Тайнинскомъ селѣ, на своей государевой потѣхѣ, изволилъ тому Юрію сказать: коли-де онъ найдетъ свою полоненную жену и съ нею вмѣстѣ придетъ къ твоему царскому величеству, въ тѣ поры ты, великій государь, самъ изволишь идти съ ратью своею на войну, на крымскаго хана. Не перстъ ли божій, царь-государь, не указаніе ли свыше? Изволь самъ разсудить своимъ премудрымъ разумомъ. Не чудо ли сіе, не знаменіе ли?

Иванъ Васильевичъ перекрестился.

Въ эту минуту ударили въ колоколъ. То былъ благовѣстъ къ вечернѣ.

— Слышишь, благочестивый царь,—сказалъ Сильвестръ,—слышишь гласъ церкви во утвержденіе словесъ моихъ.

Звонъ повторился.

— Внимай, о, царю,—говорилъ Сильвестръ торжественнымъ тономъ,—въ семъ звукѣ слышится слово: аминь! Внимай, царю!

Звонъ еще повторился.

Царю, подъ обаяніемъ рѣчей Сильвестра, въ самомъ дѣлѣ послышался «аминь» въ звонѣ колокола.

— Отче, отче! — сказалъ пораженный и взволнованный Иванъ,—воистину божій мужъ еси! Прости меня грѣшнаго, Христа ради! Усомнихся въ тебѣ, прости! Помоли Бога о мнѣ, да не вмѣнитъ мнѣ въ тягость сего прегрѣшенія! Идемъ къ вечернѣ. Вижду перстъ божій и разумѣю!

Весь вечеръ былъ царь Иванъ встревоженъ и не пошелъ къ царицѣ, а позвалъ къ себѣ снова Сильвестра и слушалъ его поученія.

На другой день представлялся царю посланникъ Девлетъ-Гирея. Онъ привезъ царю подарки, проговорилъ рѣчь отъ имени своего повелителя, увѣрялъ въ его добромъ расположеніи и просилъ учинить вѣчный миръ. Царь молчалъ. Думный дьякъ Висковатый сказалъ ему въ рѣчи, что отъ крымскихъ людей чинилось россійскаго царствія державѣ немалое разореніе многіе годы, крымскіе люди приходили на государевы украинскіе города войною многажды и людей московскаго государства всякаго чина уводили въ плѣнъ многія тысячи, и отъ крымскаго хана его царскому величеству были въ томъ дѣлѣ большія неисправленія; а что теперь свѣтлѣйшій ханъ Девлетъ-Гирей желаетъ учинить вѣчный миръ, и то дѣло великое, и скоро, не подумавши, совершить то дѣло не мочно, а великій государь пролитія крови не хощетъ, и миръ учинить съ крымскимъ ханомъ радъ, только было бы то прочно и нерушимо.—Съ тѣмъ отпущенъ былъ изъ палаты крымскій посланникъ, понявшій, что Москва станетъ водить его и придется ему цѣлые мѣсяцы жить на крымскомъ дворѣ, подъ надзоромъ пристава, будто въ неволѣ, и дожидаться пока позовутъ его въ отвѣтную избу; а какъ позовутъ, потолкуютъ, поспорятъ и ничѣмъ не рѣшатъ, и до другого раза отложатъ, а черезъ мѣсяцъ снова позовутъ, и тоже ни на чемъ не рѣшатъ, и отложатъ, и такъ будетъ много разъ чиниться. На то Москва.

Царь въ этотъ день вечеромъ ходилъ къ царицѣ, но не говорилъ ей ничего о дѣлахъ, былъ съ нею какъ-то холоденъ, а встрѣтившись съ братьями ея, даже не взглянулъ на нихъ, и они поняли, что подулъ какой-то противный для нихъ вѣтеръ.

Свыкаясь съ мыслью о неизбѣжности войны съ Крымомъ, царь позвалъ къ себѣ Адашевыхъ, Курбскаго, Серебрянаго и другихъ сторонниковъ войны, и сталъ совѣтоваться съ ними. Всѣ радовались этой перемѣнѣ, всѣ стали ожидать, что наступаютъ вновь славныя времена казанскія.

Тутъ узналъ царь, что Кудеяръ убилъ ребенка своей жены, и велѣлъ привести къ себѣ Кудеяра съ женой.

Ихъ привезли въ саняхъ и провели въ царскіе покои съ постельнаго крыльца. Съ царемъ были Адашевъ и Курбскій.

Мужъ и жена поклонились царю до земли.

— Ты убилъ ребенка. Правда ли это?—спросилъ съ перваго раза царь.

— Правда, царь-государь,—сказалъ Кудеяръ.

— А знаешь ли ты, что въ моемъ царствѣ за убивство казнять смертію?

— Я поступилъ по твоему мудрому совѣту, или паче по твоему велѣнію,—сказалъ Кудеяръ:—изволилъ ты, великій государь, будучи въ Тайнинскомъ, спросить меня: что́ будетъ тогда, когда я найду свою жену съ чужимъ ребенкомъ отъ бусурмана. Я не зналъ, государь, что̀ и отвѣчать тебѣ, для того, что у меня умъ помутился отъ такого спроса, а ты, государь, самъ изволилъ сказать: тогда кесимъ башка! И когда я нашелъ жену свою и съ чужимъ ребенкомъ, уразумѣлъ, что тебѣ, великому и мудрому государю, дана отъ Бога благодать предсказать то, что́ впередъ будетъ, и я учинилъ такъ, какъ ты, государь, самъ изволилъ сказать. Я давалъ женѣ на волю: хочетъ—останется ребенокъ живъ, зато со мною ей вѣчная разлука, а хочетъ она со мною жить—ребенка зарѣжу. Она такъ любитъ меня, что лучше ей показалось ребенка на смерть отдать, а со мною жить. Я убилъ бусурманское отродіе затѣмъ, чтобъ жену мою отъ насильнаго стыда очистить и отъ оскверненія бусурманскаго.

— А ты, баба,—спросилъ царь у Насти,—что́ мнѣ скажешь? Насильно у тебя онъ отнялъ ребенка и убилъ, либо ты сама на то согласилась?

— Мужъ,—сказала Настя,—давалъ мнѣ на всю волю: идти въ свою сторону съ ребенкомъ и денегъ хотѣлъ дать, а я не согласилась, потому что не хотѣла быть въ вѣчной разлукѣ съ мужемъ. Я сама отдала ему ребенка.

— Стало быть, вы оба виновны!—сказалъ царь.

— Нѣтъ, государь, я виновна,—сказала Настя.—Я привела ему чужого ребенка. Только Богъ видитъ, царь-государь, то было по крайней неволѣ, по насилію.

— Стало быть,—сказалъ царь,—казнить слѣдуетъ тебя; только мужъ твой говоритъ правду, я сказалъ ему таково слово: кесимъ башка! Онъ учинилъ по моему слову. Я втоды не думалъ, чтобъ сталось такъ, чтобъ онъ свою жену нашелъ, и Богъ устроилъ такъ, какъ человѣкъ и не думаетъ. Значитъ, на то воля божія, и виновнѣе васъ обоихъ выходитъ — я, государь вашъ, что таково слово изрекъ. А царское слово непремѣнно бываетъ. И

для того казни вамъ обоимъ не будетъ никакой. Живите въ любви и совѣтѣ, дѣтей наживите, добру научите, а отъ насъ милость видѣть будете по вся дни до конца живота вашего. Пожаловали мы тебя, Юрій, помѣстьемъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, жалуемъ еще вамъ два сорока соболей, да сто рублевъ денегъ на постройку.

Мужъ и жена поклонились.

— Теперь,—продолжалъ царь,—поѣзжайте въ свое помѣстье, да устройте хозяйство. По веснѣ, Богъ дастъ, мы съ тобой, Кудеяръ, пойдемъ на бусурманъ; только такъ, какъ ты одинъ и у тебя нѣтъ ни братьевъ, ни племянниковъ, ни сыновей подрослыхъ, такъ мы тебя болѣ въ походы высылать не станемъ, для того, чтобъ отъ частыхъ и долгихъ отлучекъ твое помѣстье не пришло въ упадокъ. Одинъ походъ съ нами сдѣлаешь, и будешь жить у себя въ помѣстьѣ. Что́, баба: рада, небось, что мы у тебя мужа брать не станемъ.

Мужъ и жена поклонились до земли.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

Съ радостнымъ сердцемъ вышелъ Кудеяръ отъ царя, обласканный его милостью, но его томилъ гнѣвъ Вишневецкаго; онъ привыкъ считать князя своимъ отцомъ; ему хотѣлось во что бы то ни стало получить его прощеніе.

Кудеяръ отправился къ князю. Вишневецкаго не было дома; Кудеяръ сталъ у воротъ, намѣреваясь дождаться, когда онъ будетъ возвращаться. Князь ѣхалъ въ саняхъ вмѣстѣ съ Даниломъ Адашевымъ къ себѣ и, проѣзжая мимо стоявшаго у воротнаго столба Кудеяра, не показалъ вида, что замѣтилъ его. Кудеяръ взошелъ за нимъ на крыльцо, просилъ казака, чтобъ онъ доложилъ объ немъ князю.

Казакъ пошелъ къ князю и чрезъ нѣсколько минутъ, вернувшись, сказалъ Кудеяру:

— Приказалъ тебѣ князь Димитрій Ивановичъ къ нему не ходить никогда, ты уже болѣе не казакъ; ни князь, ни казацкая громада не хотятъ, чтобъ ты былъ казакомъ. Ты принятъ въ службу его царскаго величества и пожалованъ двораниномъ; теперь ты человѣкъ не казацкій, а московскій, и коли тебѣ какое есть дѣло, ступай въ разрядъ, а до казацкаго войска тебѣ дѣла никакого нѣтъ.

Прежде столько лѣтъ Кудеяру всегда былъ доступъ къ князю, хотя бы среди ночи пришелъ, а теперь князь ни видѣть его не хочетъ, ни говорить съ нимъ. Нечего дѣлать!

Кудеяръ сталъ справлять за собою пожалованное помѣстье. Не зная московскихъ порядковъ, онъ обратился къ дьяку Виско-

ватому, котораго доброе лицо ему понравилось: тотъ научилъ его, какъ поступить, и самъ обѣщалъ похлопотать о немъ въ помѣстномъ приказѣ. Зная, что государь къ Кудеяру особенно милостивъ, въ приказѣ не стали волочить его дѣла, какъ обычно дѣлалось, назначили ему самое лучшее изъ отдаточныхъ помѣстьевъ, дали послушную запись крестьянамъ и указъ намѣстнику бѣлевскому объ отдачѣ Кудеяру его помѣстья.

Сталъ Кудеяръ собираться, накупилъ всякаго добра для будущаго своего дома: образовъ, скрынь, полотенецъ, холста, сукна, ножей, ложекъ, чарокъ, братинъ, поясовъ, сѣдла, узды, упряжь; купилъ сани и двѣ пары лошадей, взялъ въ кабалу людей; набивались къ нему пришедшіе съ татарскимъ полономъ полоненники, но онъ не взялъ ихъ, такъ какъ они могли узнать его жену. Взялъ онъ вольноотпущеннаго пожилого отца съ сыномъ и невѣсткою и съ племянникомъ, и дали они на себя запись служить до живота своего.

Собираясь уѣзжать, Кудеяръ рѣшился еще разъ попытаться умилостивить Вишневецкаго. Не смѣя болѣе идти къ нему самъ, онъ обратился къ Данилу Адашеву, надѣясь на дружбу его съ княземъ. Данило, со всѣми ласковый и открытый, принялъ его съ участіемъ, обѣщалъ сколько у него силъ станетъ уговорить князя, по крайней мѣрѣ, хоть простить вину Кудеяра. Данило назначилъ ему на другой день придти къ себѣ узнать отвѣтъ князя.

Кудеяръ пришелъ къ Данилу въ назначенное время.

— Ничего ты не подѣлаешь съ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ,—сказалъ Данило;—сдается какой добродушный и милостивый, а крутъ и неподатливъ человѣкъ. Издавна, говоритъ, такъ ведется въ казачествѣ, что за всякое убивство, учиненное не въ бою, положена смертная казнь: такъ оно было, такъ оно будетъ до тѣхъ поръ, пока казачество на свѣтѣ стоять будетъ. Много того, что я его живого на свѣтъ выпустилъ, и то сталось оттого, что Кудеяръ ужъ не нашъ, царемъ въ дворяне поверстанъ; коли же мнѣ его оставить въ казацкой громадѣ, или хоть съ нимъ ласково обходиться, тогда у насъ въ казачествѣ ладу не будетъ, всякій другого убьетъ, да скажетъ: прости меня, вѣдь простилъ же Кудеяра... Ты, говоритъ князь, меня о немъ не проси, да не токмо, что не проси, имени его никогда не упоминай. Не хочу я его видѣть, не хочу объ немъ и слышать, что онъ есть ли на свѣтѣ, или нѣтъ его.

Ничего не оставалось Кудеяру.

Онъ уѣхалъ съ женою и съ купленными холопами въ свое помѣстье.

IX.

Помѣщикъ.

Пріѣхалъ Кудеяръ прямо въ Бѣлевъ, явился къ намѣстнику съ указомъ и послушною грамотою, поднесъ ему двѣ пары соболей въ поминки. Намѣстникъ по помѣстнымъ книгамъ отыскалъ его помѣстье и отправилъ туда вмѣстѣ съ Кудеяромъ сына боярскаго, чтобы объявить крестьянамъ о послушаніи.

Въ селѣ, которое было отдано Кудеяру, находилось тридцать-пять жилыхъ крестьянскихъ дворовъ, да дворовъ пятнадцать пустыхъ, откуда вышли крестьяне въ Юрьевъ день и куда чаяли прибытія другихъ на мѣсто убылыхъ. Помѣстье осталось безъ владѣльца послѣ бездѣтнаго помѣщика, котораго вдова получила изъ него свою прожиточную часть вмѣстѣ съ дворомъ своего мужа; поэтому Кудеяру приходилось строить себѣ дворъ вновь; за неимѣніемъ двора помѣстился онъ въ крестьянской избѣ. Созвали крестьянъ, прочитали послушную грамоту: въ ней сказывалось, чтобъ они служили своему помѣщику, дѣлали всякое дѣло, какое онъ положитъ, и платили оброкъ, какимъ онъ ихъ изобротитъ. Въ знакъ царской милости дозволялось новому помѣщику курить вино, варить пиво и медъ для себя, а не на продажу. Кудеяръ объявилъ, что крестьянамъ къ праздникамъ, свадьбамъ и крестинамъ дозволитъ онъ брать со двора своего напитки и самимъ варить брагу, будетъ ихъ миловать и жаловать, а они бы не лѣнились работать и во всемъ ему были покорны. Крестьяне поглядывали на него сыскоса. Одно то, что онъ былъ новый помѣщикъ, какой-бы къ нимъ ни пріѣхалъ — все равно; на новаго они бы смотрѣли звѣремъ, а Кудеяръ съ перваго взгляда не представлялъ ничего привлекательнаго. Его нависшія брови, постоянно суровый взглядъ, толстыя губы, какъ-будто не умѣющія смѣяться, грубыя черты лица, громкій голосъ,—все показывало въ немъ человѣка не легкаго; ихъ поражалъ даже выговоръ Кудеяра и его жены; крестьяне смекнули, что эти господа откуда-то издалека, не изъ ихъ края, а стало быть и порядки у нихъ будутъ не такіе. «Помѣщикъ нашъ покойный, — говорили они,—царство ему небесное, нашъ былъ, а эти что-то не такъ!»

Кудеяръ принялся за работу, погналъ крестьянъ рубить лѣсъ, пилить бревна; началась стройка. Самъ помѣщикъ взялся за то-

поръ, и какъ принялся рубить, какъ стали отъ его ударовъ падать столѣтнія деревья, то крестьяне и рты разинули. «Да этотъ, братцы,—говорили они,—за насъ десятерыхъ сдѣлаетъ дѣла, эка силища-то! Оно что-то не простое, право! Какъ можетъ простой человѣкъ такую силу имѣть!» Крестьяне готовы были порѣшить, что ихъ новый помѣщикъ вѣдунъ и знается съ дьяволомъ, еслибъ въ первый же воскресный день онъ не поѣхалъ въ церковь, отстоявшую отъ его сельца за десять верстъ, и не повторилъ бы того же въ слѣдующее воскресенье. Не дозволялъ онъ крестьянамъ съ собой ни шутки, ни балагурства; ничего не скажетъ онъ крестьянину, кромѣ того, чтò касалось до работы или дѣла, и скажетъ всегда немного; рано какъ встаетъ и рано всѣхъ поднимаетъ; отдыху на работѣ почти не даетъ и самъ не отдыхаетъ, зато болѣе трехъ дней въ недѣлѣ не пошлетъ никого на работу, и въ праздникъ не пошлетъ и самъ ни за чтò не принимается. Такое обращеніе и такой образъ жизни внушалъ крестьянамъ и уваженіе и страхъ, и они невольно во всемъ повиновались, не смѣли даже хитрить и отлынивать по своему обыкновенію. Жена Кудеяра также была безпрестанно въ трудѣ, заставляла бабъ мыть бѣлье, варить яству, прясть, шить, и сама за всѣмъ смотрѣла. Скоро поспѣлъ для помѣщика домикъ о трехъ покояхъ: одинъ съ большою печью для поварни, другой—чистая свѣтлица съ печью изъ кахлей муравленныхъ, нарочно купленныхъ въ Москвѣ хозяиномъ и доставленныхъ на мѣсто, а третій для хозяина и хозяйки. На домѣ надстроенъ былъ свѣтленькій теремокъ объ одной комнатѣ. Домъ былъ крытъ березой, внутри дома были поставлены лавки домашней работы: то была и вся мебель дома помѣщика. Образа, привезенные изъ Москвы, да небольшое металлическое зеркало, купленное у англичанъ, составляли все убранство; на полкахъ разставлена была необходимая домашняя посуда: была она оловянная; только три серебряныя чарочки и ковшъ — подарокъ царя — были единственною роскошью; по стѣнамъ въ свѣтлицѣ развѣсилъ Кудеяръ свое оружіе и панцырь съ шлемомъ; въ другой комнатѣ стояла постель, состоявшая всего на все изъ мѣшка съ соломой, вмѣсто перины, и изъ четырехъ подушекъ. Большая скрыня, въ которой уложено было платье его и жены, стояла въ углу, блистая новою оковкою и огромнымъ висячимъ замкомъ. Кудеяръ и жена его очень жалѣли, что не могли побѣлить стѣнъ своей новой избы, по обычаю ихъ родного края, на это не было мастерицъ да и мѣлу не находилось въ околоткѣ. Для людей построена была людская небольшая изба; кромѣ нея былъ построенъ амбаръ, конюшня

и скотской загонъ. Хозяинъ предположилъ еще выстроить пивоварню, но отложилъ до будущаго времени. Дворъ огородили плетнемъ. Когда все было готово, позвали священника съ причтомъ, отслужили молебенъ съ водоосвященіемъ, наварили браги, меду, накупили вина, зарѣзали барановъ; всѣмъ крестьянамъ былъ обѣдъ и попойка; справили новоселье.

О Благовѣщеньи была въ Бѣлевѣ ярмарка. Кудеяръ поѣхалъ покупать рабочій скотъ, плуги, бороны, колеса, и узналъ, что князь Вишневецкій находится въ городѣ, данномъ ему для управленія, кромѣ служилаго сословія; его тянуло къ воеводѣ, и онъ рѣшился еще разъ попытаться возвратить къ себѣ его милость. Онъ обратился къ бывшему своему товарищу, казацкому атаману, и просилъ поговорить о немъ князю. Атаманъ исполнилъ его просьбу и передалъ Кудеяру вотъ что:

— Нахмурился и разсердился на меня князь, когда я вздумалъ заговорить о тебѣ. Въ Бѣлевѣ есть намѣстникъ, сказалъ онъ; тотъ воевода вѣдаетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ царскихъ служилыхъ людей, а мнѣ государь пожаловалъ вѣдать только свои дворцовыя волости да помѣстья, которыми поверстаны мои казаки. Пусть помѣщикъ идетъ къ своему воеводѣ, коли есть ему какое дѣло, а ко мнѣ имъ дѣла нѣтъ, и мнѣ до нихъ... А о Кудеярѣ чтобы мнѣ никто не смѣлъ никогда сказать ни слова.

Скрѣпя сердце, Кудеяръ отправился въ свое помѣстье, рѣшившись въ душѣ уже никогда не обращаться къ упрямому князю.

Наступила весна. Кончался санный путь. Помѣщикъ распредѣлилъ свои поля и угодья—одну часть назначилъ подъ засѣвъ помѣщичьяго хлѣба; крестьяне обязаны были его посѣять, убрать, свозить и смолотить; другая часть роздана была крестьянамъ за ихъ работу, а третья сдавалась имъ въ оброкъ, который тогда брался болѣе естественными произведеніями: хлѣбомъ, крупою, сыромъ, яйцами, баранами, курами, утками, гусями, пряжею, холстомъ; деньги составляли рѣдкость. Вмѣстѣ съ пахатною землею также распредѣлены были сѣнокосы и лѣса.

Начинались весеннія полевыя работы, но Кудеяру уже не приходилось видѣть ихъ продолженія и окончанія; онъ предоставлялъ надзоръ надъ ними женѣ, а самъ со дня на день ожидалъ, какъ его позовутъ въ походъ. Казакъ, недавно еще не желавшій ничего, кромѣ битвъ съ врагами, сталъ за короткое время свыкаться съ прелестью мирной жизни; онъ чувствовалъ, что ему не хотѣлось идти въ походъ, что гораздо лучше было бы ему оставаться въ своемъ новомъ затишьѣ съ любимой женой, воз-

вращенной ему послѣ такихъ невзгодъ. Мало, слишкомъ мало казалось ему нѣсколько мѣсяцевъ жизни съ нею, но Кудеяръ отгонялъ отъ себя это чувство, стыдился его, считая его недостойнымъ воина, и болѣе всего старался не показать женѣ того, что у него шевелилось на душѣ, тѣмъ болѣе, что самъ царь обѣщалъ ему не высылать его болѣе одного раза въ походъ. Между тѣмъ ему невольно тѣснилась въ голову неотвязчивая дума: а что если поѣду въ походъ, да не вернусь сюда, не увижу моей Насти, опять будетъ мнѣ съ нею разлука, можетъ быть убьютъ меня на войнѣ: то-то, бѣдная, будетъ горевать! Онъ старался избавиться отъ этой думы, возлагалъ упованіе на Бога: «не можетъ быть, — говорилъ онъ самъ про себя,—чтобы Господь еще подвергъ насъ новымъ мукамъ, довольно мы вынесли; вѣдь Онъ же, Милосердый, воротилъ мнѣ мою Настю, когда я и не думалъ и не ожидалъ!» Такъ волновалась душа богатырская, а когда Настя призадумывалась и начинала ему говорить о какихъ-нибудь опасеніяхъ на счетъ будущаго, онъ сурово говорилъ: «ну, баба! стыдно тебѣ. Развѣ можно женѣ ратнаго человѣка думать объ этомъ».

Наконецъ, въ одинъ вечеръ, когда Кудеяръ, послѣ дневныхъ работъ, собирался съ Настею ужинать, прискакалъ верхомъ на его новый дворъ гонецъ отъ воеводы, бѣлевскій пушкарь, съ приказаніемъ ѣхать безъ мотчанья въ городъ, собравшись въ походъ съ двумя людьми, конно.

Покормилъ Кудеяръ вѣстника разлуки съ Настею и сталъ тотчасъ собираться. Утромъ осѣдлано и навьючено было двое верховыхъ лошадей: одна для кабальнаго молодца, другая должна была идти вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ былъ и мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ, и мѣшокъ съ съѣстнымъ: сухарями, крупою, сушеною рыбою и проч., и ящикъ для пороху, пуль и вооруженія. Самъ Кудеяръ сѣлъ на породистаго татарскаго коня, съ которымъ прибылъ въ Москву изъ Украйны. Запрягли, кромѣ того, возъ, и Настя поѣхала провожать своего Юрка.

Воевода далъ имъ помѣщеніе въ осадной избѣ въ городѣ и извѣстилъ, что по царскому указу велѣно ему собрать наспѣхъ помѣщиковъ бѣлевскаго уѣзда, дворянъ, дѣтей боярскихъ и новокрещеновъ, и отправить въ полкъ къ Данилѣ Адашеву на рѣку Пселъ, а головою поставить надъ ними его, Юрія Кудеяра. «Вотъ,—говорилъ съ уваженіемъ воевода, — какъ государь-царь тебя, Юрія, жалуетъ: въ грамотѣ изъ разряда написано посылать такихъ, у которыхъ есть дѣти, братья и племянники, а у которыхъ нѣтъ, и тѣхъ не высылать покамѣстъ, чтобы отъ долгой отлучки ихъ хозяйству убытку и разоренія не было, опричь од-

ного Юрія Кудеяра, а его, Юрка, призвавъ къ себѣ, сказать, что быть ему въ походѣ на сей разъ до осени, а какъ воротится осенью и его вдругорядь не высылать». Кудеяръ видѣлъ, что царь помнитъ его, и радовался. Настѣ также было отрадно, что по крайней мѣрѣ ей остается надежда скоро увидѣть своего Юрка, хотя тяжелая мысль тѣснилась ей въ душу, что и до осени мало ли чего можетъ случиться.

Одинъ за другимъ съѣзжались помѣщики. Воевода записывалъ пріѣзжавшихъ и отдавалъ подъ начальство Кудеяру; потомъ, когда наступило восьмое число мая, крайній срокъ, указанный въ грамотѣ изъ разряда, воевода приказалъ своему подъячему отмѣтить въ спискѣ всѣхъ нѣтей, т.-е. неприбывшихъ, чтобы послать о нихъ особый списокъ въ разрядъ, и объявилъ, что на другой день, въ праздникъ чудотворца Николая, надобно выступать въ походъ.

Рано утромъ всѣ собрались въ церковь, и послѣ обѣдни протопопъ служилъ молебенъ въ напутствіе и кропилъ св. водою знамена и ратныхъ людей. Поднялись вопли, причитанія женщинъ и дѣтей. Настя не была между ними; она тихо сидѣла въ избѣ; когда же при звукѣ трубъ, ударѣ бубенъ и звонѣ колоколовъ, стали ратные люди выѣзжать,. Кудеяръ бросился въ избу, прижалъ къ груди свою Настю крѣпко, вырвался изъ ея объятій, вскочилъ на коня и поскакалъ догонять выѣхавшихъ впередъ подначальныхъ ему помѣщиковъ.

Воротилась Настя въ свое помѣстье. Грустно стало въ ея одинокомъ новомъ домикѣ; слезы безпрестанно и неотвязчиво лѣзли ей въ глаза, но она старалась вообразить себѣ, какъ ея ненаглядный Юрко пріѣдетъ къ ней осенью, какъ она выбѣжитъ встрѣчать его, какая будетъ для нея радость, а между тѣмъ мимо ея воли какъ будто кто-то шепталъ ей зловѣщимъ голосомъ: будешь ждать его всю осень, будешь ждать и зиму, будешь ждать и другое лѣто, и осень, и зиму, и далѣе будешь ждать, ждать, ждать...

X.

Походъ.

На устьѣ рѣки Псёла давно уже идетъ кипучая работа. Множество народа снуетъ туда и сюда съ топорами, тёсами, буравами, заступами, молотами, клещами; тешутъ бревна, пилятъ доски, сколачиваютъ гвоздями, долбятъ огромные стволы многовѣковыхъ дубовъ, строютъ суда всякой величины—и байдаки, и струги, и однодеревки, и завозни. По берегу, на большое пространство, раскинуты шатры, шалаши, навѣсы; стоятъ возы, дровни; ржутъ лошади, ревутъ волы, кричатъ овцы, козы, гуси. Харчевники въ шалашахъ продаютъ съѣстное, пылаютъ костры съ таганами и котлами, безпрестанно прибываютъ и верхомъ, и по рѣкѣ, и пѣшкомъ ратные люди, везутъ на волахъ возы, туго набитые сухарями, крупою, сушеною рыбою, вяленымъ мясомъ, лукомъ, горохомъ; расширяется подвижной городъ, увеличивается его многолюдство.

Вотъ и Кудеяръ прибылъ съ своими бѣлевцами, расположился въ станѣ, разбилъ шатеръ, свернутый у него на вьючной лошади, и отправился къ Данилу Адашеву.

— Здравствуй, здравствуй, силачъ,—сказалъ Данило: — какъ поживалъ на своемъ новосельѣ? Что, не бойсь, хорошо было на покоѣ? Ха, ха, ха! Не хотѣлось, можетъ быть, разставаться съ теплымъ угломъ да съ женою? О, зима, зима! Баловница для насъ, ратныхъ людей; какъ весной-то приходится расправлять свои крылышки, такъ и тянетъ въ гнѣздо, а какъ разгуляешься, такъ и любо на широкомъ раздольѣ. Ну, братъ, видишь, какъ Богъ-то устроилъ? По нашему-таки вышло. А все черезъ тебя: ты—орудіе божіе! Не будь тебя—почитай не бывать бы этому походу. А теперь идетъ дѣло не на жарты. Вишневецкій поплылъ по Дону, а намъ плыть по Днѣпру, а самъ государь съ сильною ратью на Перекопъ, ударимъ на проклятыхъ съ трехъ сторонъ разомъ, руками окаянныхъ похватаемъ, придетъ конецъ царству крымскому, придетъ... Откликнутся проклятымъ слезы и муки христіанскія. Нѣтъ, нѣтъ пощады кровопійцамъ, бей ихъ, руби ихъ, коли, жги, весь Крымъ выжгемъ, поплѣнимъ, разоримъ, что не пей крови христіанской, не разоряй жительства нашего, не соси насъ! Довольно; пришелъ часъ возмездія божія! Ну, а я на тебя зѣло надѣюсь. Перво, что тебя одарилъ Богъ силою,

что на свѣтѣ такой не сыщешь; а въ другое, что ты по-татарски гораздъ и всѣ ихъ норовы знаешь.

— Радъ послужить царю-государю по христіанству,—сказалъ Кудеяръ:—только бы Господь Богъ благословилъ.

— Конечно, конечно, никто какъ Богъ! А я, братъ, всего болѣ теперь о томъ думаю и пекусь, чтобъ у насъ харчей было приготовлено вдоволь. Это всему голова. Когда въ жилой странѣ война идетъ, ратные люди поживляются отъ трудовъ бѣднаго поселянина той страны, грабятъ его, поѣдаютъ то, чтó онъ для себя приготовитъ, а мы поплывемъ чрезъ страну пустую, безлюдную, и въ Крыму тоже. Ну, да въ Крыму говорятъ теперь и недородъ, и падежъ на скотъ былъ, почитай и тамъ недостатокъ терпѣть придется. Для того же я велѣлъ навозить сюда столько, чтобъ намъ по крайней мѣрѣ на полгода стало. За то въ Крыму насъ христіане ждутъ не дождутся, Бога молятъ всѣ, чтобы скорѣе поступить подъ державу царя православнаго. У меня теперь есть грекъ — родился въ Крыму и знаетъ всѣ тамошніе обычаи; говоритъ, что его единовѣрцы всѣ поднимутся на татаръ и станутъ бить ихъ. А вотъ онъ... золотой человѣкъ, Богъ намъ далъ его, Аѳанасій Елисеевичъ! Вотъ тотъ силачъ, Юрій Кудеяръ, что я про него тебѣ говорилъ; ты знаешь по-татарски, и онъ съ молоду у поганыхъ въ полонѣ былъ и также знаетъ по-татарски. Вотъ вы у меня дорогіе люди!

Аѳанасій Елисеевичъ, осклабясь, подошелъ къ Кудеяру и сталъ съ нимъ цѣловаться. Стали они разговаривать. Аѳанасій Елисеевичъ разсказывалъ, что онъ родился въ Крыму, на берегу моря, воспитывался въ христіанской вѣрѣ, велъ торговлю въ Кафѣ, потомъ пріѣхалъ въ Украйну и поселился въ христіанской землѣ, въ Кіевѣ, хотѣлъ постричься въ иноки въ печерской лаврѣ, да услышалъ, что царь православный собирается идти на невѣрныхъ, и пріѣхалъ въ Москву для того, чтобъ служить, сколько можетъ, христіанскому дѣлу.

Ополченіе двинулось. Часть его плыла на судахъ, часть шла по берегу конницею, тамъ были большею частью и кони тѣхъ, которые прибыли въ станъ со своими людьми. За конницею ѣхали возы, запряженные волами. Плывшіе останавливались на берегу и на островахъ для отдыха, раскладывали огни, варили себѣ кашу изъ ячныхъ и гречневыхъ крупъ, и щербу или уху изъ рыбы. Плаваніе шло благополучно до пороговъ, но тутъ пришлось промѣшкать дней десять; небольшіе струги и однодеревки съ смѣльчаками проскакивали посреди камней, и то въ иныхъ порогахъ черезъ Ненасытицу никто не поплылъ; если и находи-

лись смѣльчаки, то Данило не пустилъ ихъ. Большіе байдаки на каждомъ порогѣ вытаскивали, тащили руками и спускали опять въ рѣку до новаго порога; часть судовъ перевезена была на возахъ. Проплывши пороги, ратники остановились на Хортицѣ; Кудеяръ съ грустью смотрѣлъ на остатки укрѣпленія, въ которомъ еще недавно защищался онъ съ неустрашимымъ Вишневецкимъ противъ крымскаго хана; жалко ему стало, что уже не увидитъ онъ своего батьки, что батько самъ оттолкнулъ отъ себя сына. Здѣсь пловцы простояли три дня, давши время прибыть конницѣ, которая за остановками, по поводу кормленія лошадей въ степи, нѣсколько пріотстала. Ратные люди казались бодры и веселы, шутили, шумѣли, распѣвали пѣсни.

Окончивши свой отдыхъ, русскіе поплыли внизъ посреди безчисленныхъ островов и плавней, гдѣ встрѣчали себѣ союзниковъ: то были рыболовы, отправлявшіеся изъ Украйны за рыбою, и отчасти бѣглецы, промѣнявшіе службу панамъ или старостамъ на вольную жизнь въ днѣпровскихъ лѣсахъ и камышахъ, извѣстные тогда подъ именемъ «лугарей»; они составляли зародышъ будущей Запорожской Сѣчи, образовавшейся нѣсколько лѣтъ спустя. Ихъ встрѣчали на разныхъ островахъ; жили они въ куреняхъ или шалашахъ, по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, на островѣ Томановкѣ, гдѣ потомъ возникла первая Сѣчь. Было ихъ тогда уже до сотни. Эти молодцы пристали къ ополченію. Но они же принесли Данилу нерадостную вѣсть, что турки укрѣпились въ Исламъ-Керменѣ, на днѣпровскомъ лиманѣ, установили пушки, ждутъ русскихъ и хотятъ палить въ русскія суда.

Проплывши зеленое царство плавней и уже приближаясь къ той полосѣ, гдѣ Днѣпръ течетъ между песчаными берегами, Данило остановился на одномъ островѣ и собралъ на совѣтъ головъ и начальныхъ людей.

— Первое,—говорилъ онъ:—гдѣ оставить лошадей, а другое—какъ намъ плыть мимо Исламъ-Кермена?

О лошадяхъ постановили остановиться станомъ здѣсь, около Днѣпра, и отправить сильную станицу въ поле узнать, гдѣ теперь царь, чтобъ дать ему знать о себѣ и въ случаѣ нужды примкнуть къ его силамъ. Слухи объ Исламъ-Керменѣ заставили призадуматься. Тутъ Кудеяръ далъ такой совѣтъ:

— Намъ не годится плыть, не узнавши непріятельской силы. Надобно прежде извѣдать, что́ у нихъ есть. Если позволишь, бояринъ, я поплыву къ нимъ и узнаю; я говорить съ ними съумѣю; пожалуй, коли велишь, я прикинуся перебѣжчикомъ, можетъ мнѣ

удастся поддѣлаться къ нимъ и заколотить пушки; я знаю, эти бусурманы плохо умѣютъ съ пушками управляться.

— Вотъ мудрый совѣтъ,—сказалъ Аѳанасій Елисеевичъ:—ничего не можетъ быть мудрѣе этого. Ступай, братъ, учини намъ всѣмъ пользу и себѣ великую славу, и я съ тобой пойду.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу я ни тебя, Юрій, ни тебя, Аѳанасій Елисеевичъ,—сказалъ Данило:—вы оба мнѣ дороги. Положимъ, что мы черезъ то и проплывемъ благополучно, да бусурманы васъ побьютъ; вы не успѣете уйти отъ нихъ. Ни за что не пущу. А вотъ что. И ты, Юрій, и ты, Аѳанасій, хорошо знаете ихній языкъ и ихніе обычаи; вы поплывите впередъ, какъ будто въ послахъ, и присмотритесь, какъ тамъ у нихъ. Можетъ быть, оно и не такъ страшно, и мы успѣемъ прорваться въ море.

Рѣшили, что Кудеяръ поплыветъ впередъ посланникомъ отъ предводителя царской рати, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Елисеевымъ; имъ придали одного новокрещенаго изъ касимовскихъ татаръ, испомѣщеннаго такъ же, какъ и Кудеяръ, въ бѣлевскомъ уѣздѣ. Кудеяру очень не хотѣлось плыть вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Елисеевичемъ; этотъ человѣкъ показался Кудеяру что-то подозрительнымъ, хотя онъ выдавалъ себя за грека, но по выговору и ухваткамъ напоминалъ собою сыновъ Израиля, которыхъ Данило Адашевъ не зналъ, но къ которымъ Кудеяръ присмотрѣлся въ Украйнѣ.

Когда трое составлявшихъ посольство подплыли къ Исламъ-Керменю, Кудеяръ, осматривая мѣстность, сказалъ:

— Боялись напрасно, Днѣпръ такъ широкъ, что коли будемъ плыть возлѣ противнаго берега, такъ почитай до насъ не долетятъ ихъ арматныя пули.

— Особенно, когда они и стрѣлять-то небольшіе искусники,—прибавилъ новокрещенецъ.

— Не воротиться ли намъ, да сказать воеводѣ, какъ бы худа этимъ не сдѣлали мы себѣ, только имъ дадимъ о себѣ знать; чай, они насъ не ждутъ, такъ мы проплывемъ себѣ ночью.

— То правда,—сказалъ Кудеяръ.

— А нѣтъ,—сказалъ Аѳанасій,—какъ же можно не исполнить того, что́ воевода приказалъ? Да притомъ мы всего здѣсь не видимъ, а вотъ, какъ насъ впустятъ въ крѣпость, такъ мы и узнаемъ, ка̀къ въ срединѣ у нихъ, все смекнемъ и доложимъ воеводѣ подлинно.

Подплыли къ крѣпости. Аѳанасій Елисеевичъ затрубилъ въ рожокъ, а Кудеяръ выставилъ на концѣ своей сабли шапку.

Въ воротахъ крѣпости приподняли щитокъ, открылось отвер-

стіе. Вышло двое турокъ. Аѳанасій Елисеевичъ первый вскочилъ на берегъ и закричалъ по-турецки:

— Посольство отъ воеводы его царскаго величества.

— Иди сюда одинъ,—отвѣчали ему,—а прочіе пусть остаются въ челнахъ.

— Не я голова; вотъ голова,—сказалъ Аѳанасій:—онъ пусть войдетъ со мною! Такъ надо!

— Идите, только безъ оружія: не воевать пришли.

Кудеяръ и Аѳанасій повиновались, оставили въ челнѣ свое оружіе. Ихъ пропустили въ ворота и тотчасъ отпустили щитокъ.

Ихъ привели въ деревянное зданіе, гдѣ жилъ санджакчей, начальствовавшій крѣпостью.

Положивъ руку на грудь по восточному обычаю, Кудеяръ почтительно поклонился и произнесъ рѣчь, въ которой излагалъ неправды крымскаго хана, извѣщалъ отъ имени воеводы, что онъ по царскому повелѣнію идетъ съ войскомъ наказать хана и принудить его отпустить русскихъ плѣнниковъ и установить прочный миръ, чтобъ впередъ не было болѣе обиды и разоренія россійской державѣ; увѣрялъ, что съ турками Россія не воюетъ, царь находится съ турецкимъ падишахомъ въ любви и дружбѣ, и просилъ пропустить русское войско въ море.

— Это не можетъ статься,—сказалъ санджакчей: — московскій царь хочетъ завоевать Крымъ, какъ онъ уже завоевалъ Казань и Астрахань, мусульманскія царства; намъ вѣдомо, что́ въ Москвѣ чинилось и что́ затѣяно, не вы одни идете на Крымъ: Вишневецкій посланъ на Донъ, а самъ царь со своими великими силами хочетъ идти на Перекопъ. Нельзя допустить, чтобы мы сложа руки сидѣли да смотрѣли, какъ Москва будетъ покорять и порабощать нашихъ правовѣрныхъ мусульманъ. Мы всѣ должны защищать нашу вѣру. Притомъ, ханъ крымскій подручникъ и слуга нашего могущественнѣйшаго, непобѣдимѣйшаго государя; довольно того, что прошлый годъ мы спустили вамъ. Нѣтъ, мнѣ приказано беречь проходы и не пускать на море никого, а если пойдете силою, то буду биться съ вами.

— Этотъ человѣкъ,—сказалъ Аѳанасій Елисеевичъ,—не посланникъ, а лазутчикъ; онъ вызывался прикинуться перебѣжчикомъ и заколотить у васъ пушки. Воевода не согласился, пожалѣвши его, чтобъ онъ не пропалъ, пожалѣлъ оттого, что у него необычная сила, а велѣлъ ему плыть, какъ бы посланникомъ, на самомъ же дѣлѣ для высмотровъ.

Кудеяръ бросилъ свирѣпый взглядъ на товарища и сказалъ:

— Онъ лжетъ какъ пёсъ. Я прибылъ къ вамъ посланникомъ отъ воеводы, а не лазутчикомъ.

— Нѣтъ, онъ не лжетъ,—сказалъ санджакчей,—этотъ человѣкъ нарочно подосланъ нами къ вамъ въ Москву, чтобъ провѣдать, чтó у васъ затѣвается и дѣлается; онъ намъ прямитъ, онъ нашъ вѣрный слуга и мы ему во всемъ вѣримъ. Ты не воротишься къ воеводѣ, мы тебя здѣсь задержимъ.

— Вы не можете меня задерживать, — сказалъ Кудеяръ,— это нечестно, противно народнымъ правамъ. Я посланникъ,ословъ не сѣкутъ, не рубятъ. Я пріѣхалъ за отвѣтомъ, какой отвѣтъ вы мнѣ дадите, такой я и отнесу воеводѣ.

— Нѣтъ, ты ничего не отнесешь воеводѣ, — сказалъ санджакчей.—Я тебя отсюда не выпущу.

— Ты не смѣешь этого дѣлать. Я не военноплѣнный, нашъ государь не въ войнѣ съ вашимъ, нашъ государь будетъ жаловаться вашему, и тебѣ будетъ за меня наказаніе.

— Нашъ государь, — сказалъ санджакчей,—велитъ хватать лазутчиковъ, и вашъ то же дѣлаетъ. Вотъ мы къ вамъ подослали этого еврея, который прикинулся у васъ не знаю кѣмъ; еслибы вы узнали, что онъ лазутчикъ, вы бы его не выпустили. Такъ у насъ ведется. Ты будешь задержанъ.

Кудеяръ вспыхнулъ и крикнулъ:

— Я не лазутчикъ, я посолъ, эта змѣя лжетъ,—и съ этими словами онъ схватилъ за затылокъ Аѳанасія Елисеевича и нагнулъ его къ землѣ. Аѳанасій Елисеевичъ лишился чувствъ.

Испуганный санджакчей бросился въ заднюю дверь и началъ кричать. Весь гарнизонъ всполошился. Турки съ яростными криками бѣжали къ дому. Кудеяръ выскочилъ изъ дома, сгоряча сталъ отбиваться кулаками, но толпа, стоявшая сзади, бросилась на него; ему на шею накинули арканъ... онъ сталъ задыхаться и упалъ навзничъ; тогда человѣкъ тридцать набросилось на него, и стали надѣвать на него цѣпь.

— Мало одной, разорветъ, — говорилъ санджакчей, — еще одну.

Принесли еще цѣпь и стали ею обвязывать Кудеяра.

— Мало двухъ цѣпей. Третью.

Принесли третью цѣпь и надѣли на Кудеяра.

— Кандалы ему на ноги потяжелѣе!

Кудеяра отвели въ нижній ярусъ деревянной башни и заперли.

Тогда одинъ турокъ вышелъ за ворота.

— Ты по-турецки знаешь, либо по-татарски? — спросилъ онъ оставшагося въ челнѣ.

— Знаю по-татарски,—сказалъ новокрещенецъ.

Турокъ приказалъ передать воеводѣ, что посланцы его задержаны, потому что они лазутчики, а затѣмъ, если воевода пойдетъ на море, то изъ крѣпости будутъ стрѣлять и не пропустятъ его.

Съ этимъ отвѣтомъ поплылъ вверхъ по Днѣпру новокрещенецъ.

На другой день отправлялась галера въ Кафу. Вывели окованнаго Кудеяра, посадили въ темное дно галеры—санджакчей написалъ донесеніе кафинскому пашѣ, что отправляетъ пойманнаго московскаго лазутчика, который во время его поимки дрался и ушибъ до смерти еврея, указавшаго на него.

Мнимый Аѳанасій Елисеевичъ не вынесъ руки Кудеяра.

Данило Адашевъ, получивши извѣстіе о задержаніи своихъ пословъ, не подозрѣвалъ, что Аѳанасій Елисеевичъ погубилъ своего товарища, и жалѣлъ о немъ столько же, сколько о Кудеярѣ. Онъ рѣшился идти впередъ и не только пытаться проплыть мимо Исламъ-Керменя въ море, но взять самую турецкую крѣпость и освободить посланцевъ, задержанныхъ вопреки всякимъ народнымъ правамъ.

Вдругъ неожиданно является изъ Сѣвска станица, а съ нею московскій сеунчъ съ царскимъ указомъ. Въ этомъ указѣ извѣщался Данило, что великій государь его царское величество изволилъ постановить съ крымскимъ ханомъ замиреніе, а ему, Данилу, велѣно не ходить далѣе, не зачинать съ татарами и турками никакихъ задоровъ и воротиться въ города, распустить полкъ, а самому ѣхать въ Москву.

Можно вообразить себѣ досаду Данила Адашева, получившаго такое внезапное и никакъ нежданное приказаніе; давняя была мысль о покореніи Крыма, столько лѣтъ онъ объ этомъ только и говорилъ, столько трудовъ изъ-за этого перенесъ, все не удавалось — теперь вотъ, казалось, пошло дѣло впередъ, и вдругъ, какъ бурею, все поломалось, попортилось...

Однако жалѣй, не жалѣй, а надобно было исполнять царскій указъ. Данило хотѣлъ по крайней-мѣрѣ освободить задержанныхъ въ турецкой крѣпости и отправилъ станицу человѣкъ въ десять, уже не по Днѣпру водою, а полемъ на коняхъ. Новокрещенецъ опять былъ посланъ головою въ этой станицѣ. Данило извѣщалъ турецкаго коменданта, что его царское величество съ крымскимъ ханомъ постановилъ замиренье, посланная

имъ рать возвращается назадъ, а потому воевода просилъ отпустить къ нему отправленныхъ для переговоровъ посланцевъ.

Санджакчей, получивши такую грамоту, пригласилъ новокрещена въ крѣпость, принялъ его дружелюбно и тотчасъ предложилъ ему лакомство. Прочихъ станичниковъ въ крѣпость не впустили, но угощали за воротами. Санджакчей послалъ Данилу Адашеву въ подарокъ сахару и цареградскихъ плодовъ, и сказалъ:

— Дай Богъ вамъ по добру, по здорову вернуться домой, а съ нами по сосѣдству жить всегда въ любви и дружбѣ; а чтобъ отдать вамъ вашихъ посланцевъ, того я никакъ не могу сдѣлать, для того, что они не посланцы были, а лазутчики, да еще одинъ, у насъ будучи, ушибъ до смерти человѣка. За это мы его сковали и отправили на галерахъ въ Турцію. Пусть бояринъ не прогнѣвается: ни въ какой землѣ не отпускаютъ убійцъ, а казнятъ, а человѣкъ его, что̀ сказался посломъ, учинилъ убійство, и потому мы его не отпускаемъ.

Въ такомъ смыслѣ посланъ былъ отвѣтъ Данилу. Нечего было дѣлать ему. Не вести же войны изъ-за Кудеяра, когда царь не приказалъ чинить задоровъ и велѣлъ ворочаться.

XI.

Иноземный докторъ.

Душевное и тѣлесное здоровье царицы Анастасьи день ото дня становилось хуже. Вѣчная досада, злость, тоска сушили ее. Ея хворому воображенію повсюду представлялись козни враговъ; и къ числу этихъ враговъ прибавился теперь Кудеяръ, котораго она никогда не видала въ глаза, но котораго ненавидѣла за то, что случай, происшедшій съ нимъ, расположилъ царя къ войнѣ съ Крымомъ и сблизилъ опять съ Сильвестромъ и боярами. Сначала царь долго скрывалъ отъ Анастасьи свое намѣреніе, но братья узнали и сообщили сестрѣ. Царица стала передъ царемъ ахать и корить его. Царь, увидавъ, что царица все знаетъ, сперва хмурился, сердился, потомъ сталъ уговаривать, чтобъ она успокоилась, доказывалъ, что во всемъ видна воля божія, указывающая путь русской державѣ; что теперь уже ему нельзя не ходить въ походъ, увѣрялъ, что пойдетъ на короткое время, что иначе будетъ передъ Богомъ грѣхъ, а передъ людьми стыдно. На Анастасью ничего не дѣйствовало, тѣмъ болѣе, что братья, особенно Григорій, возбуждали ее. Царицу мучила не столько боязнь за здоровье мужа, сколько ревность къ тѣмъ, которыхъ царь приближалъ къ себѣ и слушалъ совѣтовъ. Она становилась невыносимо плаксива, царь сталъ рѣже ходить къ ней, потому что каждый разъ ворочался отъ нея съ тоскою; царь для развлеченія сталъ ѣздить въ подмосковныя села, забавлялся тамъ травлею, учреждалъ попойки, окружилъ себя новыми любимцами и потѣшниками. Въ числѣ ихъ Вяземскій и Басмановъ занимали первое мѣсто, и незамѣтно овладѣвали царемъ; онъ не занимался съ ними никакими дѣлами, не говорилъ о дѣлахъ; они только старались забавлять царя, доставали ему скомороховъ и шутовъ, потѣшали разными дурачествами. Анастасія между тѣмъ все болѣе и болѣе хирѣла, а братья кричали, что ее испортили вѣдовствомъ. Царь, глядя на ея болѣзненность, то сердился и не посѣщалъ ее по недѣлямъ, то умилялся и проводилъ съ нею цѣлые дни, между тѣмъ не бросалъ своего крымскаго предпріятія, хотя не занимался никакими приготовленіями къ походу, оставивши все на волю бояръ. Послѣдніе были этому рады и надѣялись, что дѣло пойдетъ лучше, если царь не будетъ въ него мѣшаться и станетъ слушаться другихъ. Имъ нуженъ былъ въ самомъ по-

ходѣ царь только для того, чтобы его присутствіемъ придавать предпріятію болѣе силы и значенія. Вишневецкій былъ отправленъ на Донъ, Данило Адашевъ на Псёлъ, служилымъ людямъ велѣно было собираться къ веснѣ въ Тулу; съ Ливоніей начались мирные переговоры; бояре стали дѣйствовать согласно, прекращались мелкія дрязги; великое дѣло воодушевляло ихъ такъ же, какъ во время казанскаго похода; Сильвестръ дѣятельно поддерживалъ ихъ, не давалъ задремать ихъ порыву, безпрестанно посѣщалъ то того, то другого, оживлялъ своими бесѣдами, весь предался дѣлу, несмотря на то, что въ это время постигло его семейное горе: умерла жена, съ которою онъ жилъ болѣе тридцати лѣтъ дружно, душа въ душу.

Приближался часъ, когда царю надобно было отправляться въ походъ. Тутъ враги Сильвестра и его сторонниковъ нашли способъ повернуть царя въ иную сторону.

Назадъ тому годъ, пріѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ англійскими гостями, докторъ Бомелій, изъ Везера, жившій передъ тѣмъ въ Англіи и занимавшійся, кромѣ медицины, астрологіей, алхиміей, кабалистикой и всякимъ ученымъ вздоромъ. Человѣкъ онъ былъ ловкій; пріѣхавши въ Россію, началъ тотчасъ учиться по-русски, и скоро успѣлъ до того, что все понималъ и самъ говорилъ бѣгло, хотя неправильно. Врачъ былъ тогда рѣдкостью. Бомелій умѣлъ пустить пыль въ глаза, представлялся всезнайкою; царь взялъ его къ себѣ. Когда царицѣ стало хуже, царь предложилъ ей призвать врача. Сначала царица противъ этого отбивалась, какъ говорится, и руками и ногами; благочестивое чувство ея отвращалось отъ врачевства: «надобно надѣяться на Бога, а не на врачей», говорила она, но потомъ согласилась, именно тогда, какъ узнала, что ненавистный ей Сильвестръ былъ противъ этого врача. Воспитанный въ преданіяхъ благочестивой старины, Сильвестръ вообще не очень довѣрялъ врачевству, постоянно говорилъ, что если Богъ не поможетъ, то врачъ ничего не сдѣлаетъ, и приводилъ примѣры, когда люди, одержанные тяжелыми недугами, освобождались отъ нихъ божіею милостью; но Сильвестръ не называлъ всякое врачевство дьявольскимъ вѣдовствомъ, какъ говорили тогда многіе, и посовѣтовалъ бы самъ прибѣгнуть къ знающему человѣку: отъ какой болѣзни принять внутрь какую-нибудь траву, либо чѣмъ-нибудь помазать наружную язву; только доктора Бомелія сильно не взлюбилъ Сильвестръ. Пронырливый нѣмецъ пытался поддѣлаться къ нему и приходилъ толковать съ нимъ о вѣрѣ, изъявляя готовность убѣдиться въ правдивости православной вѣры и принять ее. Сильвестръ такъ

умѣлъ угадывать людей, что сразу раскусилъ Бомелія, и, когда царь совѣтовался съ Сильвестромъ: не грѣхъ ли позвать къ царицѣ иноземнаго доктора? — Сильвестръ не только вооружился противъ этого, но убѣждалъ царя прогнать отъ себя этого нѣмца и возложить на Бога упованіе о здравіи супруги. Зато отецъ Левкій, съ которымъ царь также заговорилъ о Бомеліи, расхвалилъ доктора до небесъ и доказывалъ царю, что врачебная наука дается отъ Бога, какъ милость божія къ человѣку; и кто не совѣтуетъ обращаться къ врачу, тотъ, значитъ, здоровья не желаетъ царицѣ.

Царица, узнавши отъ братьевъ, что Сильвестръ ненавидитъ Бомелія, а Левкій совѣтуетъ царю положиться на него, сама стала просить царя привести къ ней врача, о которомъ царь говорилъ ей прежде.

Царь пришелъ къ ней съ Бомеліемъ.

Это былъ маленькій человѣчекъ съ большою лысою головою, длиннымъ носомъ, прищуроватыми, небольшими глазами, никогда не смотрѣвшими прямо, всегда съ низкопоклоннымъ видомъ и съ тонкимъ, почти женскимъ голосомъ.

Нѣмецъ, по царскому приказанію, подошелъ на цыпочкахъ къ сидѣвшей въ креслахъ царицѣ, внимательно смотрѣлъ на ея лицо, нощупалъ пульсъ, потомъ приложилъ палецъ себѣ ко лбу, потомъ развелъ руками и знаменательно пожалъ плечами.

Царь тревожно ждалъ, что скажетъ иноземный мудрецъ.

— Государь,—сказалъ Бомелій,—Господь Богъ можетъ помогать ея маестетъ государынѣ-царицѣ. Недобрый человѣкъ — государь.

— Что? что?—отрава!

— Нѣтъ, великій государь—отрава нѣтъ! А злой человѣкъ сдѣлалъ тоже... какъ это называется?

— Порча, волшебство?

— Да, государь.

Анастасія блѣднѣла, теряла сознаніе.

— Нѣмецъ,—закричалъ государь,—ты испугалъ ее.

— Государыня-царица,—сказалъ Бомелій,—не бойся, Господь Богъ милосердъ! съ божіей помощью хорошо будетъ. Помочь еще можно, только надобно дурной человѣкъ прочь — далеко....

— Пойдемъ, нѣмецъ, ты мнѣ тамъ скажешь,—сказалъ царь.

— Государыня-царица,—продолжалъ нѣмецъ,—ничего! твое величество будетъ здоровъ и покоенъ; я такъ сдѣлаю, что все будетъ какъ лючше.

Царь вышелъ съ Бомеліемъ.

— Говори, нѣмецъ, всю правду мнѣ говори,—сказалъ царь.

— Государь-царь,—сказалъ нѣмецъ, — есть въ чужіе края наукъ; у Россіи наукъ нѣтъ, а въ нашихъ краяхъ есть наукъ, и черезъ эта наукъ я могу узнать, што гдѣ есть и што будетъ напередъ. Я по звѣздамъ небеснымъ умѣй читать, и твоя судьба скажу. У васъ въ Россіи говоритъ народъ, што это вѣдовство отъ діавола. Нѣтъ, государь, не вѣрь такой рѣчь; наукъ не отъ діавола, а отъ Бога. Какъ можетъ быть, чтобъ наукъ былъ отъ діавола? Я много учился всякихъ наукъ, я учился богословіе, вѣруй въ Троица единосушна и въ Господь нашъ Езусъ Христусъ, и какъ же можно, штобъ наукъ быль Богу противна.

— А если ты учился богословіи,—сказалъ царь,—то какже ты, нѣмецъ, не дошелъ до того, что наша греческая восточная вѣра есть сущая христіанская, и зачѣмъ остаешься въ своей лютерской ереси и Господа нашего зовешь Езусъ Христусъ?

— На все потребно время, великій государь, я много шиталъ святіи отци,—сказалъ Бомелій,—и видѣлъ изъ ихъ книга, што въ римска вѣра неправильна и наша вѣра евангелическа не совсѣмъ правильна, и хотѣлъ узнать вѣра греческа, только въ наши земля вѣра греческа нѣтъ, я нарошна пріѣхалъ у твое царства, державный царь, штобъ научиться какъ есть греческа вѣра, и теперь, какъ я узналъ, какой въ православна вѣра есть большой сила, такъ я имѣй желаніе принять греческа вѣра, креститься истиннымъ крещеніемъ.

— Вотъ это хорошо, нѣмецъ, — у меня въ моемъ царствѣ для иноземцевъ принужденія въ вѣрѣ нѣтъ; самъ видишь, живутъ у меня и англійскіе и галанскіе люди безобидно, и ты, коли хочешь, можешь оставаться въ своей вѣрѣ; а когда есть твое желаніе быть съ нами въ единовѣріи, такъ тѣмъ лучше.

— Только, велика государь, не паложи гнѣвъ на мене, што я скажу: духовна чинъ не хочетъ наукъ знать, и не думать, штобъ истиная вѣра далеко пошоль... Я приходилъ къ твой протопопъ Сильвестръ, думалъ онъ ошинь учоній шеловѣкъ, о, пфуй, нѣтъ! Я его сталъ спрашивать, думаль научиться отъ него, а онъ со мной и говорить не хочетъ, ничего самъ не знаетъ, а какой гордый, оттого што въ твоей милости, думаетъ, што онъ умнѣе и вашнѣе всѣхъ людей въ твоемъ царствѣ. Вотъ шудовскій архимандритъ—ахъ, какой эта мудра, умна шеловѣкъ! если этотъ шеловѣкъ учился! а то не хорошо, велика государь, што въ твоемъ царствѣ школъ нѣтъ, наукъ нѣтъ.

— Знаю,—сказалъ царь,—что это не хорошо; да ты думаешь,

съ нашимъ народомъ что-нибудь сдѣлаешь? Ты думаешь, наши люди таковы, какъ ваши? Не такъ они Богомъ созданы, чтобъ имъ чему учиться.

— Отчего-жъ, великій государь, твое царское величество русскаго рода, а такой шеловѣкъ, и такъ все знаетъ!...

— Я развѣ русскій,—сказалъ царь,—мои предки изъ нѣмецъ пришли, а роду были славнаго кесаря Августа римскаго, отъ брата его Пруса, и поселились у Балтійскаго моря на рѣкѣ Русь, и оттого Русь прозвалась.

— А,—сказалъ Бомелій, — твой велика родъ! велика родъ! Въ цѣлой Европѣ нѣтъ такой славной старинный родъ, какъ твой, государь. Такъ тебѣ непремѣнно надобно овладѣть Ливоніей, Балтійскимъ моремъ, тамъ рода твоего, отчина твоя.

— Да, этотъ край—наша извѣчная отчина, и оттого мы добиваемся, чтобъ онъ былъ подъ нашимъ скипетромъ.

— Да, — сказалъ Бомелій, — Богъ тебѣ помогаетъ, великій государь, ты побѣждаешь враговъ иноземныхъ; а кабы только ты могъ побѣдить враговъ внутреннихъ. Они апасны. Отъ домашнихъ врагъ не можна уберечься. А у тебя много враговъ около тебя, государь, ошинь много. Они хотятъ, чтобы ты самодершавный не былъ, чтобъ по ихъ совѣтъ все дѣлялъ, ты такой мудра царь, ты одинъ можешь управлять народъ свой; ты умнѣйшій отъ нихъ всѣхъ, ты храбрый... Богъ свидѣтель, нѣтъ такой другой государь не только въ Эвропѣ и на цѣлой свѣтѣ, какъ ты,—а твое несшастье, што у тебе слуги коварна, измѣнникъ, лиходѣй... твой бояра... О!... они тебѣ добра не хочетъ, себѣ власть возьметъ хочетъ. Да этого не будетъ. Великъ государь! Я доложу твоему величеству, што умѣй по звѣздамъ узнавать и што будетъ напередъ, все узнай, есть у мене такой книгъ. О! эта книгъ надобно двадцать лѣтъ читай, да еще другихъ сто книгъ прочитай, только тогда можна понимай, што въ этой книга написано. Я по этой книгъ будетъ все узнай...

Царь отпустилъ Бомелія, а черезъ день опять позвалъ его.

— Я много, много знай,—сказалъ Бомелій: — твой перва тайна врагъ—протопопъ Сильвестръ; ты его, государь, далеко... онъ недобра шеловѣкъ, онъ не любитъ твой царицъ, онъ называетъ ее Езавель. У! Государь! Какъ это можна! Весь Москва знай про это. Эта протопопъ бѣсовска сила имѣй, онъ вѣдунъ... онъ тебя, великаго государя, опуталь. Это мнѣ книгъ сказалъ, и бояре твой—лиходѣй съ нимъ одно. Они тебе хотятъ вести на крымскій ханъ. Нѣтъ, государь, не ходи. Я по звѣздамъ смотрѣль; великое несчастье будетъ, твой царицъ будетъ умирай

безъ тебя, какъ ты въ походъ пойду, и твой царска благородна дѣти изведу. Много ихъ такихъ, што хочетъ царствовай. — А есть одинъ... о это, это ошень апасна!

— Это кто?—спрашивалъ нетерпѣливо царь.

— Я тебе назвать его не можетъ,—сказалъ Бомелій.—Я еще самъ не знаю, кто онъ, толко вишу это есть такой, твой сами апасна врагъ!

Умъ помутился у царя отъ этихъ словъ. Не рѣшаясь сразу ни на что, царь сказалъ:

— Смотри, нѣмецъ, никому-никому не говори объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, государь; я всегда буду тебѣ узнавай, какъ только што ты задумай дѣлать, сей часъ позови мене, вели посмотрѣть въ книга и по звѣздамъ; я все тебѣ сказай, можетъ быть такой планетъ приду, когда можна пошелъ воевай на крымска ханъ: тогда Богъ тебе благослови! А теперь Боже тебе сохраняй, твой царицъ на свѣтъ не будетъ.

Вслѣдъ затѣмъ отецъ Левкій открыто наступилъ на государя и явно сталъ говорить предъ царемъ, что Сильвестръ вѣдунъ, околдовалъ царя и мыслитъ ему зло.

Явился еще монахъ, Михаилъ Сукинъ, и доносилъ, что Сильвестръ называлъ царицу Анастасію Іезавелью.

Съ своей стороны новые любимцы, съ которыми царь ѣздилъ въ подмосковныя села забавляться, стали увѣрять его, что Сильвестръ вѣдунъ; говорили, что онъ смѣется надъ царемъ, хвастаетъ, что онъ держитъ царя въ рукахъ, и что́ захочетъ, то изъ него сдѣлаетъ.

Настроенный съ разныхъ сторонъ, а болѣе всего напуганный предсказаніями Бомелія о смерти, долженствующей постигнуть Анастасію отъ тайныхъ враговъ, если онъ пойдетъ въ походъ, царь наконецъ рѣшился сдѣлать надъ собой усиліе.

Бояре собирались въ походъ и торопили царя. Выѣздъ его былъ назначенъ; до выѣзда оставалось три дня.

Царь Иванъ Васильевичъ созвалъ бояръ и думныхъ людей въ свою столовую палату. Глаза его сверкали какимъ-то болѣзненнымъ огнемъ; походка его была неровная. Онъ сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ:

— Бояре и думные люди, объявляю вамъ мою царскую волю! Намъ не угодно идти въ походъ на крымскаго царя; призовите ханскаго посла, котораго мы задерживаемъ, и объявите ему отпускъ; скажите, что мы хотимъ постановить съ крымскимъ ханомъ вѣчный миръ и жить съ нимъ въ дружбѣ, а затѣмъ отправимъ въ Бакчисарай нашего посла для договора. Сейчасъ

послать гонцовъ къ Вишневецкому на Донъ и къ Данилу Адашеву на Днѣпръ съ указомъ, чтобъ они воротились и никакихъ задоровъ съ крымскими людьми не чинили; всѣмъ служилымъ людямъ, чтó собраны подъ Тулою, сказать нашу царскую волю, чтобъ они расходились по домамъ до нашего царскаго указа.

Князь Курбскій хотѣлъ вести рѣчь, но только-что сказалъ: великій государь!.. какъ царь прервалъ его:

— Бояре и думные люди! Говорите тогда, когда мы васъ спрашиваемъ и вашего совѣта требуемъ; нынѣ же, мы, государь самодержавный, вашего совѣта не спрашиваемъ, и говорить вамъ ни о чемъ непригоже.

Онъ съ гнѣвомъ, быстро ушелъ изъ столовой избы.

Услышалъ обо всемъ Сильвестръ, узналъ, что у царя въ приближеніи Бомелій, что враги Сильвестра подстроили этого иноземца напугать царя звѣздословными предсказаніями; узналъ, что Сукинъ подалъ на Сильвестра извѣтъ, а Левкій открыто говоритъ царю, что онъ вѣдунъ; понялъ Сильвестръ, что господство его минулось и рѣшился проститься съ царемъ навсегда. Онъ послалъ къ царю просить допустить его, но получилъ отвѣтъ, что царь его видѣть не хочетъ.

Тогда Сильвестръ отправился къ митрополиту Макарію и сказалъ:

— Преосвященный отче Макарій! Богу угодно было позвать къ себѣ мою жену, того ради, яко вдовымъ попамъ не подобаетъ священнодѣйствовать, я пожелалъ удалиться отъ міра, благослови принять иноческій образъ.

Макарій зналъ Сильвестра издавна, еще съ Новгорода, и самъ, сдѣлавшись митрополитомъ изъ новгородскаго архіепископа, пригласилъ его въ Москву. Возвышеніе Сильвестра не совсѣмъ было по сердцу Макарію:—смотри-ка,—говорилъ онъ своимъ приближеннымъ,—каковъ! Какъ подъѣхалъ къ царю! Попъ, а сильнѣе насъ, митрополита и всего освященнаго собора, чтó скажетъ, такъ царь и дѣлаетъ.

Не любилъ Макарій Сильвестра, но только хмурился, досадовалъ на него, а зла ему не дѣлалъ; Макарій былъ самолюбивъ, но не злобенъ—Сильвестръ съ своей стороны всегда относился къ Макарію чрезвычайно почтительно, хотя случалось, что говорилъ царю противное тому, чего хотѣлъ Макарій. Макарію было очень пріятно, что Сильвестръ наконецъ уходитъ. Макарій благословилъ его, напутствовалъ самымъ дружелюбнымъ образомъ; Сильвестръ попрощался съ сыномъ и уѣхалъ въ одинъ изъ бѣлозерскихъ монастырей.

Когда Данило Адашевъ по царскому приказанію воротился въ Москву, Сильвестра уже тамъ не было. Бояре повѣсили головы, не смѣли заикнуться о крымской войнѣ, а нѣкоторые изъ тѣхъ, которые недавно еще доказывали ея несообразность, восхваляли мудрость царя, лучше всѣхъ понимающаго, чтó слѣдуетъ дѣлать.

Данило явился съ донесеніемъ къ царю. Иванъ Васильевичъ принялъ его сурово. Его разсказъ о задержаніи Кудеяра турками не произвелъ на царя никакого потрясенія; царь по этому поводу не сдѣлалъ никакого замѣчанія.

Вишневецкій, получивши приказаніе прекратить военныя дѣйствія, воротился въ свой Бѣлевъ и отправилъ къ Сигизмунду-Августу письмо, просилъ прощенія за выѣздъ, изъявлялъ готовность служить своему природному государю и во всемъ повиноваться его волѣ. Сигизмундъ-Августъ прислалъ ему ласковый отвѣтъ и пригласилъ воротиться. Вишневецкій собралъ своихъ казаковъ.

— Плюнемте, братцы,—сказалъ онъ,—на эту глупую Москву и пойдемте въ свою Украину. Нѣтъ на свѣтѣ земли лучше нашей вольной Украины. Пришелъ я сюда съ вами ради того, чтобъ подвинуть московскаго царя съ его ратью на бусурмана; не удается намъ это, такъ нечего намъ тутъ дѣлать. Царскихъ милостей и помѣстьевъ намъ не нужно, есть у насъ земли и всякаго добра довольно.

— Правда, батько,—сказали казаки,—чортъ съ нею, съ этою Москвою; и дѣтямъ и внукамъ закажемъ ходить сюда, развѣ когда войною пойдемъ на москвитина.

И собрались они, и уѣхали всѣ изъ Бѣлева. Донесъ царю Бѣлевскій воевода. Царь сказалъ:

— Пришелъ какъ пёсъ и ушелъ какъ пёсъ. Туда ему и дорога!

Царица Анастасія и ея братья добились наконецъ своего. Царь не пошелъ въ походъ, ненаглядный Иванушка остался неразлучно со своею агницею, какъ онъ называлъ жену въ минуты нѣжности. Ненавистнаго Сильвестра уже не было. Но здоровье Анастасіи не поправлялось, а становилось все хуже. Она ѣздила вмѣстѣ съ царемъ къ Сергію, къ Пафнутію, и въ другія святыя мѣста; и никто уже безъ Сильвестра не посмѣлъ представлять царю, что ему слѣдуетъ вникать въ дѣла, а не ѣздить по монастырямъ. Но молитвы, какъ видно, не помогали здоровью царицы. Она обильно раздавала милостыню; каждый праздникъ ея боярыни обдѣляли толпу попрошаекъ; со всей россійской державы

приходили къ ней старицы за милостынею; дружелюбно допускала она ихъ къ себѣ и толковала о душеспасительномъ дѣлѣ— и всѣ хвалили ея милосердіе, говорили, что она истинная мать страдающихъ, и только бѣднаго Кудеяра некому было искупить изъ неволи.

Не помогла царицѣ и милостыня, не помогло ей и то, что во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ молился духовный чинъ объ ея здравіи. Царица скончалась.

Царь разрывался отъ горя, но чрезъ двѣ недѣли предался разгулу и разврату ради утѣшенія; въ его головѣ засѣла твердо увѣренность, что Анастасія была жертвою порчи и отравы по наущенію Сильвестра. Бомелій, чтобы выгородить себя, старался поддерживать въ немъ ту увѣренность, представлялъ царю, что чары, которыми давно уже испортили царицу, были такъ сильны и такъ успѣли подорвать ея здоровье, что его ингоги и безуи ничего уже не могли тутъ подѣлать, и выводилъ изъ этого, что если воротить мертвую изъ гроба невозможно, то царь долженъ, по крайней мѣрѣ, беречь себя и своихъ дѣтей отъ лютыхъ враговъ, окружающихъ его престолъ. Бомелій принялъ православіе, ходилъ въ церковь, билъ поклоны и наружно держалъ посты, позволяя себѣ подсмѣиваться надъ ними въ бесѣдѣ съ иноземцами на языкѣ, котораго русскіе не понимали.

Н. Костомаровъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

Опытъ біографіи.

VIII *).

Время полнаго развитія характера и дѣятельности Бѣлинскаго.— Его личныя отношенія, 1842-44.

Внутреннее развитіе человѣка трудно распредѣляется на періоды, между которыми можно было бы полагать рѣзкія грани; подобные періоды трудно указывать и въ настоящей біографіи,—потому что хотя она и представляетъ, въ сравнительно короткое время, чрезвычайно непохожія настроенія, но они смѣняются одно другимъ съ постепенностью, съ колебаніями, минутными возвратами прежняго, и можно указывать только болѣе рѣзкіе пункты, какихъ достигало то или другое настроеніе.—Въ этомъ общемъ смыслѣ полное развитіе и личнаго характера и дѣятельности Бѣлинскаго можно полагать съ той поры (конецъ 1842 и начало 1843 г.), когда онъ окончательно освободился отъ прежняго романтизма въ отвлеченныхъ представленіяхъ и въ пониманіи дѣйствительности, когда въ его взглядахъ начинаетъ явно господствовать критическое отношеніе къ дѣйствительности, историческая и общественная точка зрѣнія. Это была пора мужества,—слишкомъ кратковременная, но тѣмъ не менѣе богатая результатами.

Съ этого же времени начинается и наибольшая сила его вліянія. Имя Бѣлинскаго, почти не упоминавшееся въ жур-

*) См. выше: 1874, мартъ 205; апр., 602; іюнь, 573; окт., 469; ноябрь, 68; дек. 491; 1875, февр. 591 стр.

налѣ, было уже извѣстно далеко за предѣлами литературнаго міра, въ массѣ читателей, которые не нуждались въ подписи имени, чтобы угадывать автора. Есть анекдоты, которые весьма характеристично указываютъ эту извѣстность Бѣлинскаго [1]). Его дѣятельность была образовательной силой, дѣйствіе которой несомнѣнно отразилось на умственномъ содержаніи его сверстниковъ и возроставшаго поколѣнія.

Мы не станемъ преувеличивать размѣровъ этого вліянія, и, напротивъ, напомнимъ, что, во-первыхъ, — въ значительной степени заслугу его раздѣляютъ другіе люди этого круга, отчасти поддерживавшіе самого Бѣлинскаго или своими знаніями, или своимъ, не менѣе горячимъ энтузіазмомъ къ дѣлу общественнаго развитія; во-вторыхъ, что параллельно съ дѣятельностью Бѣлинскаго и его круга въ литературѣ и обществѣ возникали съ разныхъ сторонъ новыя нравственныя требованія, такъ что дѣятельность Бѣлинскаго уже находила иногда или подготовленную почву, или поддержку, явившуюся внѣ ея, съ другой стороны. Такъ, возникали идеи объ обращеніи къ народу, вниманіе къ его быту — возникали, внѣ этого круга, и въ литературномъ мірѣ, какъ, напр., у славянофиловъ, и даже (конечно въ очень немногихъ примѣрахъ) въ образованнѣйшей части бюрократіи; такъ, внѣ этого круга оказывались сходныя вліянія европейской литературы и т. п. Но все это не изглаживаетъ той особенной яркой полосы, какую провела въ развитіи нашего общества дѣятельность Бѣлинскаго. Обширная популярность его имени въ тѣ годы, ожесточенная ненависть однихъ и горячее уваженіе другихъ, успѣхъ журнала, въ которомъ онъ работалъ и который въ это время сталъ лучшимъ и наиболѣе распространеннымъ изъ тогдашнихъ изданій, всѣ эти внѣшніе факты достаточно указываютъ на сильное впечатлѣніе, произведенное дѣятельностью Бѣлинскаго. Мы найдемъ подтвержденіе этого и въ фактахъ внутреннихъ: вглядываясь въ тѣ черты, какими отличались прогрессивные взгляды у людей «сороковыхъ годовъ», можно узнать слѣды вліянія Бѣлинскаго — въ той наклонности относиться критически къ существовавшей дѣйствительности, въ томъ особенномъ вкусѣ къ гуманнымъ вліяніямъ поэтической литературы, въ томъ недовѣріи къ славянофильской идеализаціи народности, — которыя именно были цѣлью литературной проповѣди Бѣлинскаго. Историческое пониманіе литературы, господствовавшее до недавняго времени, было установлено Бѣлинскимъ.

[1]) Воспом. Панаева, „Совр." 1860, кн. 1, стр. 358—359.

Писатели, которыми онъ восхищался, были именно писатели, которымъ принадлежитъ коренное значеніе въ нашей литературѣ, — какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, — которыхъ всѣхъ ему приходилось защищать и объяснять. Литературная школа, явившаяся послѣ Гоголя и обыкновенно изображаемая какъ его результатъ, несомнѣнно была въ тоже время и результатомъ внушеній и толкованій Бѣлинскаго. Мы не сомнѣваемся, что Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Достоевскій — живые свидѣтели этого, и признàютъ, что содержаніе Бѣлинскаго, тѣмъ или другимъ образомъ, прошло черезъ ихъ поэтическое развитіе и было однимъ изъ вдохновеній ихъ литературной дѣятельности, вѣроятно еще не совсѣмъ заслоненнымъ позднѣйшими событіями ихъ личной и общественной исторіи.

Тотъ обильный матеріалъ писемъ, гдѣ до сихъ поръ мы находили главнѣйшій біографическій источникъ въ собственныхъ разсказахъ и признаніяхъ Бѣлинскаго, заканчивается на половинѣ 1843 года. За конецъ 1843 и потомъ за два слѣдующіе года мы имѣемъ всего нѣсколько писемъ къ друзьямъ, и это отсутствіе писемъ объясняется не одной неполнотой нашего матеріала, въ которомъ, конечно, многаго недостаетъ,—но и тѣмъ, что Бѣлинскій, какъ дальше увидимъ, дѣйствительно прервалъ тогда свою плодовитую переписку. Новый, очень изобильный рядъ писемъ, начинается опять уже съ 1846 года.

Первыя письма 1843 года проникнуты тѣмъ же мрачнымъ расположеніемъ духа, о которомъ говорено въ концѣ предыдущей главы. Бѣлинскій было надѣялся отдохнуть отъ своей работы и отъ своей скуки въ деревнѣ у старинныхъ друзей, куда его очень радушно приглашали, но надежда, долго питаемая, не осуществилась. Рядъ своихъ печальныхъ размышленій онъ пишетъ къ Боткину отъ 6-го февраля:

„Я много-много виноватъ передъ тобой [1]), милый мой Боткинъ. Причина этому — страшное, сухое отчаяніе, парализировавшее во мнѣ всякую дѣятельность, кромѣ журнальной, всякое чувство, кромѣ чувства невыносимой пытки. Причинъ этой причины много; но главная—невозможность ѣхать [2])... Мысль объ этой невозможности... я всячески отгонялъ, словно преступникъ о своемъ преступленіи, и она, въ самомъ дѣлѣ, не преслѣдовала меня безпрестанно, но когда я забывался, вдругъ прожигала меня насквозь, какъ струя молніи,

[1]) Т.-е. молчаніемъ на его письма.

[2]) Въ деревню, къ друзьямъ.

какъ мученіе совѣсти. Подобнымъ же образомъ, хотя къ стыду моему и не такъ сильно, терзало и терзаетъ еще меня *внезапное воспоминаніе* о смерти Кольцова. Вѣсть о ней я принялъ сначала сухо и холодно, но потомъ она обошлась мнѣ таки очень не дешево. Работа журнальная мнѣ опостылѣла до болѣзненности, и я со страхомъ и ужасомъ начинаю сознавать, что меня не надолго хватитъ"...

Изъ слѣдующихъ строкъ объясняется, почему опостылѣла Бѣлинскому журнальная работа:

„Писать ничего и не о чемъ со дня на день становится невозможнѣе и невозможнѣе. Объ искусствѣ ври чтó хочешь, а о дѣлѣ, т.-е. о нравахъ и нравственности — хоть и не трать труда и времени. Изъ статьи моей въ 1 № „О. З." вырѣзанъ цѣлый листъ печатный [1])—все лучшее, а я этою статьею очень дорожилъ, ибо она проста и по идеѣ и по изложенію. Изъ статьи о Державинѣ (№ 2) не вычеркнуто ни одного слова, а я совсѣмъ не дорожилъ ею. Теперь долженъ приниматься за 2-ю ст. о Д. (Державинѣ), подъ вліяніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркаютъ. Все это и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткою"...

А между тѣмъ онъ долженъ былъ говорить и говорить о ней—«ради хлѣба насущнаго». Работа идетъ странно; — часто или обыкновенно онъ пропуститъ время, потому что мысли полны другимъ, наконецъ, редакція начинаетъ требовать статьи:—«глядь ужъ и 15-е число на дворѣ, — Кр. рычитъ, у меня въ головѣ ни полъ-мысли, не знаю, кáкъ начну, чтó скажу; беру перо» — и статья будетъ готова—«кáкъ, я самъ не знаю, но будетъ готова». «Это—привычка и необходимость—два великіе рычага дѣятельности человѣческой»,—такъ онъ самъ хочетъ объяснить процессъ и быстроту своей работы. Но должно прибавить и другое объясненіе. По свойству самыхъ работъ, которыя въ это время нисколько не уступали прежнимъ по одушевленію и превышали ихъ серьёзностью, въ которыхъ не видно никакого слѣда чего-нибудь тяжелаго или вынужденнаго, — ясно, что не одна привычка и необходимость внушали ихъ, что необходимость давала только поводъ, внѣшнее начало работы, но какъ скоро эта работа начиналась, Бѣлинскій весь уходилъ въ нее и работалъ быстро, съ увлеченіемъ, забывая и себя и все окружающее. Это былъ импровизаторъ, преображавшійся въ минуту вдохновенія,— хотя бы оно вызывалось «привычкой и необходимостью».

«Надобно было взглянуть на Бѣлинскаго въ тѣ минуты, когда

---

[1]) Это была статья: „Русская литература въ 1842 году", въ Сочин. VII, стр. 5—55.

онъ писалъ что-нибудь, въ чемъ принималъ живое, горячее участіе,—разсказываетъ Панаевъ...—Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасывалъ въ сторону исписанный полулистъ. Онъ обыкновенно писалъ только на одной сторонѣ полулиста, чтобы не останавливаться въ ожиданіи, покуда просохнуть чернила...

«Сколько разъ заставалъ я его въ такія минуты и смотрѣлъ на него незамѣчаемый имъ; если же онъ оборачивался и взглядывалъ на меня, прежде нежели я уходилъ, онъ безъ церемоніи говорилъ мнѣ:

— «Извините меня, Панаевъ... Видите, я занятъ.

«Онъ откладывалъ на минуту перо и прикладывалъ руку къ головѣ. Я какъ теперь вижу его въ этомъ положеніи»...

Панаевъ разсказываетъ дальше, какъ утомляли физически Бѣлинскаго эти работы и какъ тяготила его, наконецъ, необходимость писать о пустякахъ и невозможность говорить о томъ, чтó дѣлалось его настоящимъ, глубокимъ интересомъ, — о чемъ мы сейчасъ читали слова самого Бѣлинскаго.

«Одинъ разъ, — говоритъ Панаевъ, — я засталъ Бѣлинскаго ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою.

— «Чтó это съ вами?—спросилъ я его.

— «Рука отекла отъ писанья... Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги — посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадальныя книжонки! И я долженъ непремѣнно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!...

«Онъ остановился на минуту, тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— «Да, и еслибы знали вы, какое вообще мученіе повторять зады, твердить одно и то же — все о Лермонтовѣ, Гоголѣ и Пушкинѣ, не смѣть выходить изъ опредѣленныхъ рамъ — все искусство да искусство! Ну, какой я литературный критикъ! — Я рожденъ памфлетистомъ, — и не смѣть пикнуть о томъ, чтó накипѣло въ душѣ, отчего сердце болитъ!» [1])

Въ это время Бѣлинскій пристрастился къ картамъ—конечно,

[1]) Воспом., тамъ же, стр. 362—363.

не ради картъ: игралъ онъ плохо, всего чаще проигрывался, но карты доставляли ему средство забывать на время обо всемъ, что̀ его угнетало и мучило. Онъ продолжаетъ разсказъ о своей работѣ и своемъ отдыхѣ:

„... Отработался, и два-три дня у меня болитъ рука—видъ бумаги и пера наводитъ на меня тоску и апатію, дую себѣ въ преферансъ (подлый и филистерскій вистъ я уже презираю—это прогрессъ), ставлю ремизы страшные, ибо и игру знаю плохо и горячусь, какъ сумасшедшій — на мѣлокъ я долженъ рублей около 300, а переплатилъ мѣсяца въ два (какъ началъ играть въ преф.) рублей 150—благородная, братецъ, игра преферансъ! Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преф. ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ: ты поймешь, что̀ есть“...

Бѣлинскій уже указывалъ, «что̀ есть», и дальше опять говоритъ о своихъ душевныхъ тревогахъ, и серьёзно, и съ горькою шуткой. Мысль о деревенскихъ друзьяхъ, къ которымъ ему такъ хотѣлось тогда отправиться, давала ему отраду на мгновеніе, но потомъ имъ опять овладѣвала тоска:

„... Надеждъ на жизнь никакихъ, ибо фантазія уже не тѣшитъ, а дѣйствительность глубоко понята. Какъ тутъ — будь безпристрастенъ — прочесть что-нибудь для себя? А, Боже мой, сколько бы надо прочесть-то! Но полно тѣшить себя завтраками—я ничего не прочту. Я—Прометей въ каррикатурѣ: „О. З.“ — моя скала, Кр. — мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ, и только—

Печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.

Мнѣ стыдно вспомнить, что нѣкогда я думалъ видѣть на головѣ моей терновый вѣнокъ страданія, тогда какъ на ней былъ просто шутовской колпакъ съ бубенчиками. Какое страданіе, если стишонки Красова и —ѳ— были фактомъ жизни и занимали меня какъ вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стиховъ (и только перечитываю Лерм., все болѣе и болѣе погружаясь въ бездонный океанъ его поэзіи), и когда случится пробѣжать ст. Фета или Огарева, я говорю: „оно хорошо, но какъ же не стыдно тратить времени и чернилъ на такіе вздоры?“

„Къ довершенію всѣхъ этихъ пріятностей, у меня лежитъ на столѣ прекрасное стихотвореніе г. Оже, котораго послѣдняя риѳма есть 830 рублей ассигн.; да другихъ долговъ и должишекъ, не терпящихъ отсрочки, есть сотъ до семи... Это просто оргія отчаянія, и я иногда смѣюсь надъ своимъ положеніемъ“...

Подписка на журналъ шла лучше, чѣмъ въ предыдущемъ году, но все-таки подписчиковъ было меньше, чѣмъ у «Библ. для Чтенія». «Пиши для россійской публики! Гоголя сочиненія

идутъ тихо: честь и слава бараньему стаду, для котораго и Булгаринъ съ братіею все еще высокіе геніи!»—«Многое бы хотѣлось сказать тебѣ,—говоритъ дальше Бѣлинскій,—да что—ты и такъ знаешь все».

Кончивъ съ своими личными вопросами, Бѣлинскій говоритъ въ своемъ длинномъ письмѣ о литературныхъ и другихъ новостяхъ ихъ круга. Онъ получилъ новыя извѣстія или слухи о философскомъ другѣ: «говорятъ, онъ *принужденъ* былъ изъ Д. [1]) переѣхать въ Базель—это глубоко меня огорчило». Послѣдняя переписка между ними оживила въ Бѣлинскомъ прежнюю дружбу и онъ снова очень цѣнитъ философскаго друга [2]).

Обращаясь къ литературнымъ новостямъ, Бѣлинскій восхищается статьей «Дилеттантизмъ въ наукѣ» [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ вооружается противъ ея автора. Для объясненія слѣдующей цитаты, надо припомнить, что этотъ авторъ незадолго передъ тѣмъ окончилъ свои переѣзды по Россіи, поселился въ Москвѣ, и тамъ, между прочимъ, встрѣтился съ славянофилами и сблизился съ ними. Самъ онъ вовсе не былъ наклоненъ къ настоящему славянофильству, съ его разными аттрибутами, особенно мистическими, но сблизился съ нѣкоторыми изъ славянофиловъ потому, что видѣлъ въ нихъ (т.-е. не въ «Москвитянинѣ», а въ собственныхъ славянофилахъ) живое умственное явленіе, которымъ и заинтересовался какъ новымъ фактомъ общественной жизни. Въ славянофильскомъ кругу онъ находилъ противорѣчіе своему собственному взгляду, но противорѣчіе было защищаемо съ умомъ, ловкостью, талантомъ, которые возбуждали его самого, давали пищу его собственной мысли и остроумію. Онъ любилъ встрѣчаться и спорить съ славянофилами о тѣхъ существенныхъ вопросахъ, гдѣ славянофилы радикально расходились съ «западнымъ» кружкомъ. Онъ находилъ здѣсь и глубокое, фанатическое убѣжденіе (напр., особенно у Петра Кирѣевскаго), энергіи котораго всегда отдавалъ справедливость. Наконецъ, въ славянофильскомъ взглядѣ онъ видѣлъ и долю вѣрнаго,—чего недоставало взгляду «западному», и что нѣсколько позднѣе вошло въ его собственный образъ мыслей—въ видѣ немного соціалистически окрашеннаго представленія объ общинѣ.

Это сближеніе съ славянофильствомъ чрезвычайно не нравилось Бѣлинскому. Онъ не былъ такъ впечатлителенъ, какъ его

---

[1]) Дрездена.

[2]) Около того же времени, въ 1843 году, запрещенъ былъ упомянутый прежде журналъ „Deutsche Jahrbücher", перенесенный незадолго передъ тѣмъ въ Дрезденъ.

[3]) Статья первая, въ „От. Зап." 1843, кн. 1, науки, стр. 31—42.

другъ, не былъ такъ податливъ на мирныя отношенія съ людьми, которые были отъявленными врагами его взгляда, не былъ расположенъ къ уступкамъ изъ своего взгляда, добытаго цѣной такого труда и внутренней борьбы. Сближеніе Г. съ славянофилами показалось Бѣлинскому если не шагомъ назадъ, то фальшивымъ шагомъ,—и одно время онъ чуть не считалъ своего друга готовымъ перейти въ славянофильство. Должно прибавить еще, что Бѣлинскій, который очень мало способенъ былъ на діалектическія отвлеченныя пренія, потому что свелъ бы ихъ тотчасъ на прямые и рѣзкіе факты (гдѣ споръ былъ бы безполезенъ и почти невозможенъ по крайности противорѣчія мнѣній),—Бѣлинскій въ это время еще не думалъ раздѣлять славянофильства отъ «Москвитянина».

Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ нѣсколько случаевъ подобнаго несогласія Бѣлинскаго съ московскими друзьями, особенно съ Г.; но онъ уже теперь возстаетъ противъ всякаго примиренія съ славянофилами.

Слѣдующая цитата не лишена крайне энергическихъ выраженій, которыхъ не считаемъ удобнымъ приводить; но читатель увидитъ однако, какъ далеко шла антипатія Бѣлинскаго.

„Скажи Г.,—пишетъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ 6-го февраля,—что его „Дил. въ н." — статья до нельзя прекрасная—я ею упивался и безпрестанно повторялъ: вотъ какъ надо писать для журнала. Это не порывъ и не преувеличеніе—я уже не увлекаюсь и умѣю давать вѣсъ моимъ хвалебнымъ словамъ. Повторяю, статья его чертовски хороша; но письмо его ко мнѣ меня опечалило [1])—отъ него попахиваетъ умѣренностію и благоразуміемъ житейскимъ, т.-е. началомъ паденія и гніенія (я требую отъ тебя, чтобы ты далъ ему въ руки это мое письмо). Онъ толкуетъ, что г. Х.—удивительный человѣкъ, что онъ, правда, лежитъ по уши въ грязи, но — видишь ты—и страдаетъ отъ этого. А въ чемъ выражается это страданіе? въ болтовнѣ, въ семинарскихъ диспутахъ pro и contra. Я знаю, что Х. — человѣкъ неглупый, много читалъ и вообще образованъ, но онъ не надулъ бы меня своею діалектикою, а заставилъ бы вспомнить эти стихи В. (Barbier), взятые Лерм. эпиграфомъ къ своему стихотв. „Не вѣрь себѣ":

Que nous font aprés tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

Х.—это изящный, образованный, умный И. А. Хлестаковъ, человѣкъ безъ убѣжденія—человѣкъ безъ царя въ головѣ"...

---

[1]) Это письмо намъ неизвѣстно, и едвали сохранилось; но о чемъ между прочимъ тамъ говорилось, видно изъ послѣдующаго: говорилось о славянофилахъ, въ примирительномъ смыслѣ.

Бѣлинскому чрезвычайно понравилась статья Боткина о нѣмецкой литературѣ въ 1-й кн. «Отеч. Записокъ» 1843, та самая, гдѣ Боткинъ, какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, изображалъ положеніе философскихъ партій въ Германіи, склоняясь на сторону молодого гегеліянства. Бѣлинскому нравилась и статья Боткина о томъ же предметѣ во 2-й книгѣ «Отеч. Записокъ», гдѣ между прочимъ изложено было по новымъ изслѣдованіямъ развитіе миѳа о Прометеѣ, который очень интересовалъ Бѣлинскаго. Но онъ совѣтуетъ Боткину «бросить Рётшера», о которомъ также говорится въ этой статьѣ, по поводу выходившихъ тогда «Abhandlungen zur Philosophie der Kunst». Бѣлинскій уже прежде сильно разочаровывался въ Рётшерѣ, теперь—разочаровался совсѣмъ. «Это, братъ, пѣшка,—говоритъ онъ теперь:—его умъ—пріобрѣтенный изъ книгъ. Вагнеровская натуришка такъ и пробивается сквозь его натянутую ученость. На Руси онъ былъ бы Шевыревымъ». Боткинъ писалъ ему, что въ немъ развивается антипатія къ нѣмцамъ: Бѣлинскій этимъ до крайности доволенъ— «не могу говорить объ этомъ, ибо это отвращеніе во мнѣ дошло до болѣзненности».

Такъ переставились теперь прежнія сочувствія и антипатіи. Какъ прежде высокое понятіе о «нѣмцахъ» основывалось на томъ, что нѣмцы считались націей «абсолютной», что основанная ими философія была абсолютной философіей и пр., такъ теперь отвращеніе къ нѣмцамъ было отвращеніемъ къ старому философскому резонёрству, не знавшему жизни, но заявлявшему самыя высокомѣрныя притязанія рѣшать ея вопросы, резонерству, объявившему разумной ту «дѣйствительность», которая теперь на каждомъ шагу поражала своими вопіющими противорѣчіями съ разумностью [1]). Поэтому, рядомъ съ отвращеніемъ къ «нѣмцамъ»

[1]) Эта вѣра въ „абсолютность" нѣмецкой философіи не была наивностью однихъ русскихъ гегеліянцевъ. Авторъ статей о „Дилет. въ наукѣ" говоритъ о формалистахъ науки, которыхъ такъ много было въ гегелевской школѣ, именно въ ея правой сторонѣ: „Неизлѣчимо-отчаянное положеніе ихъ состоитъ въ ихъ чрезвычайномъ довольствѣ (тѣмъ, что̀ уже есть въ гегеліянской книгѣ); они со всѣмъ примирились; ихъ взглядъ выражаетъ спокойствіе, немного стеклянное, но невозмущаемое извнутри; имъ осталось почивать и наслаждаться, прочее все сдѣлано или сдѣлается само собою. Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сознано и человѣчество достигло *абсолютной* формы бытія—что̀ доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тожественною эпохѣ—но какъ ея результатъ, т.-е. по совершеніи въ бытіи. Для нихъ такое доказательство неопровержимо, фактами ихъ не смутишь—они пренебрегаютъ ими" (какъ „случайностью"). Авторъ прибавляетъ: „Это не выдумка, а сказано въ Байергоферовой „Исторіи философіи (Die Idee und Geschichte der Philosophie, von

выросло, какъ мы видѣли, увлеченіе ненавистными прежде французами, которые теперь возбуждали къ себѣ сочувствіе своимъ стремленіемъ къ освобожденію жизни отъ устарѣлыхъ формъ, къ отрицанію этихъ формъ не только теоретическому, но и практическому...

Незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ Берлина К—въ. Бѣлинскій еще раньше зналъ, что онъ сталъ ревностнымъ партизаномъ новаго шеллингизма; Бѣлинскому было понятно значеніе новой шеллинговой философіи, и онъ, съ своей тогдашней точки зрѣнія, не могъ ей сочувствовать... Въ письмахъ этого времени мы видѣли, съ какой страстностью и нетерпимостью Бѣлинскій высказывалъ и защищалъ свои новые взгляды, и понятно поэтому, что прежніе друзья не только не могли сойтись теперь, но что встрѣча ихъ могла быть только непріязненная. Такова она дѣйствительно и была: разногласіе мнѣній, столкновеніе характеровъ обнаружилось съ перваго раза. Въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій говоритъ о прежнемъ другѣ крайне враждебно...

Опускаемъ еще нѣсколько подробностей того мрачнаго настроенія, какое выражено и въ началѣ этого письма. Въ концѣ письмà Бѣлинскій посылаетъ поклоны московскимъ друзьямъ, и прибавляетъ, между прочимъ: «крѣпко пожми руку Г. и скажи ему, что я хоть и побранился съ нимъ, но люблю его тѣмъ не менѣе»...

Въ нашемъ матеріалѣ есть два письма (отъ 23-го февраля и 8-го марта), писанныя Бѣлинскимъ къ своимъ деревенскимъ друзьямъ, къ которымъ онъ такъ стремился. Оба письма, полушутливыя, полусерьёзныя, исполнены самой теплой привязанности къ семейному кругу, въ которомъ онъ не разъ видѣлъ къ себѣ много сочувствія. Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ разсказываетъ о своихъ дѣлахъ и своемъ настроеніи съ тѣми подробностями, которыя знакомы намъ изъ предыдущаго письма къ Боткину. Изъ второго письма (8 марта) приводимъ нѣсколько цитатъ. Въ началѣ Бѣлинскій говоритъ о томъ, какъ тяжела была ему невозможность увидѣться съ деревенскими друзьями:

„... Невозможность увидѣться съ вами стòила мнѣ сильной нравственной горячки. Васъ не должно это ни удивлять, ни казаться вамъ загадкою... Страстность составляетъ преобладающій элементъ моей *прекрасной души*. Эта страстность—источникъ мукъ и радостей

Bayerhoffer. Leipzig 1838, послѣдняя глава)". См. „Отеч. Зап." 1843, кн. 12, стран. 68—69.

Бѣлинскій, читая это, долженъ былъ ясно вспоминать свою собственную философію 1839—40 года.

моихъ; а такъ какъ, притомъ, судьба отказала мнѣ слишкомъ во многомъ, то я и не умѣю отдаваться вполовину тому немногому, въ чемъ не отказала она мнѣ. Для меня и дружба къ мужчинѣ есть страсть, и я бывалъ ревнивъ въ этой страсти... Я самъ недавно только созналъ въ себѣ эту сторону и въ ней увидѣлъ причину многихъ моихъ глупостей, дорого стоившихъ мнѣ. Нѣтъ несчастнѣе людей, подобныхъ мнѣ, пока они не найдутъ, въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, прочной точки опоры для своей жизни... Такіе люди—вѣчные мучители самихъ себя и всегда въ тягость особенно тѣмъ, кого они больше другихъ любятъ, и кто бы больше другихъ былъ расположенъ принимать въ нихъ участія. Во мнѣ всегда была глубокая жажда, мучительный голодъ умственной дѣятельности, и есть способность къ ней, но не было для нея ни пищи, ни почвы, ни сферы. Страстныя души, въ такомъ положеніи, дѣлаются добычею собственной фантазіи и силятся создать для себя дѣйствительность внѣ дѣйствительности. Чувство дѣлается альфою и омегою жизни..."

Онъ вспоминаетъ о Донъ-Кихотѣ. Это—личность благородная, но которой дѣятельность растетъ на почвѣ фантазіи, а не дѣйствительности. Даже священная потребность любви къ женщинѣ имѣетъ пошлое осуществленіе, если корень ея не вросъ глубоко въ почву дѣйствительности:—

„Въ нашей общественности особенно часты примѣры разочарованнаго, охладѣвшаго чувства, которое, перегорѣвъ въ самомъ себѣ, вдругъ потухаетъ безъ причины: этому причастны даже высокія и глубокія натуры—ссылаюсь на Пушкина. Гдѣ, въ чемъ причина этого явленія?—въ общественности, въ которой все человѣческое является безъ всякой связи съ дѣйствительностію, которая дика, грязна, безсмысленна, но на сторонѣ которой еще долго будетъ право силы. Обращаюсь къ себѣ, какъ представителю страстныхъ душъ. Дайте такому человѣку сферу свойственной его способностямъ дѣятельности,—и онъ переродится...; но эта сфера... да, вы понимаете, что ея негдѣ взять. Этой сферы и теперь для меня нѣтъ и никогда, никогда не будетъ ея для меня; но уже и то было великимъ шагомъ для меня, что я созналъ и понялъ это... Сердце человѣка, особенно пожираемаго огненною жаждою разумной дѣятельности безъ удовлетворенія, даже безъ надежды на удовлетвореніе этой мучительной жажды,—сердце такого человѣка всегда болѣе или менѣе подвержено произволу случайности—ибо пустота, вольная или невольная, можетъ родить другую пустоту,—и я меньше, чѣмъ кто другой, могу ручаться въ будущемъ за свою изрѣдка довольно сильную, но чаще расплывающуюся натуру; но я за одно уже смѣло могу ручаться—это за то, что еслибы Богъ снова излилъ на меня чашу гнѣва своего и, какъ египетскою язвою, вновь поразилъ меня этою тоскою безъ выхода, этимъ стремленіемъ безъ цѣли, этимъ горемъ безъ причины, этимъ страданіемъ, презрительнымъ и унизительнымъ даже въ собственныхъ глазахъ, — я уже не могъ бы выставлять наружу гной душевныхъ ранъ и нашелъ бы силу навсегда бѣжать отъ тѣхъ, кто могъ бы оскорбить или встревожить мой по-

зоръ. Я и прежде не былъ чуждъ гордости, но она была парализирована многими причинами, въ особенности же романтизмомъ и религіознымъ уваженіемъ къ такъ-называемой „внутренней жизни"—этимъ исчадіемъ нѣмецкаго эгоизма и филистерства..."

Быть можетъ, это воспоминаніе навело Бѣлинскаго на тему эгоизма—въ концѣ того же письма. Слѣдующее разсужденіе любопытно мнѣніемъ о Гёте, въ которомъ Бѣлинскій восхищался нѣкогда объективнымъ творчествомъ, но который уже съ 1841 казался ему «отвратителенъ какъ личность».

„Я теперь много думаю объ эгоизмѣ. Это интересный предметъ для изслѣдованія. Духъ тьмы и злобы есть никто иной, какъ эгоизмъ. Когда эгоизмъ является въ собственномъ своемъ видѣ—онъ просто гадокъ, или просто страшенъ, какъ враждебная для другихъ сила; но онъ не обольстителенъ, и никого не соблазнитъ, а всѣхъ отвратитъ отъ себя. Опаснѣе бываетъ эгоизмъ, когда онъ добродушно самъ считаетъ себя самоотверженіемъ, внутреннею жизнію. Гёте, по моему мнѣнію, былъ воплощеніемъ такого эгоизма. Вникните въ характеръ Эгмонта, и вы увидите, что это лицо играетъ святыми чувствами, какъ предметомъ возвышеннаго духовнаго наслажденія; но они, эти святыя чувства, внѣ его и не присущны его натурѣ. „Какъ сладостна привычка къ жизни", восклицаетъ онъ, и на это восклицаніе хочется мнѣ воскликнуть ему: „какой же ты пошлякъ, о голландскій герой!" Гофманъ саркастически заставляетъ Кота Мурра цитовать это восклицаніе... Для Эгмонта патріотизмъ не болѣе, какъ вкусное блюдо на пиру жизни, а не религіозное чувство. Святая натура и великая душа Шиллера, закаленная въ огнѣ древней гражданственности, никогда не могла бы породить такого гнилаго идеала... На созерцаніе эгоистической натуры Гёте особенно навела меня статья во 2 № „От. З."—„Гёте и графиня Штольбергъ". Гёте любитъ дѣвушку, любимъ ею—и чтó же? онъ играетъ этою любовью. Для него важны ощущенія, возбужденныя въ немъ предметомъ любви—онъ ихъ анализируетъ, воспѣваетъ въ стихахъ, носится съ ними, какъ курица съ яйцомъ; но личность предмета любви для него—ничто, и онъ борется съ своимъ чувствомъ и побѣждаетъ его изъ угожденія мерзкой сестрѣ своей и „дражайшимъ" родителямъ. Дѣвушка потомъ умираетъ,—и ни одинъ стихъ Гёте, ни одно слово его во всю остальную жизнь его не напомнило о милой, поэтичной Лили, которая такъ любила этого великаго эгоиста. Вотъ онъ—идеализированный, опоэтизированный, холодный эгоизмъ внутренней жизни, который дорожитъ только собою, своими ощущеніями, не думая о тѣхъ, кто возбудилъ ихъ въ немъ... Итакъ, самый опасный эгоизмъ есть тотъ, который принимаетъ на себя личину любви и добродушно убѣжденъ, что онъ—самая возвышенная, самая эѳирная любовь. Кто любитъ все, тотъ ничего не любитъ, ибо все граничитъ съ ничто. Такъ Гёте любилъ все, отъ ангела въ небѣ до младенца на землѣ и червя въ морѣ, и потому не любилъ ничего.

И въ мірѣ все постигнулъ онъ,
И ничему не покорился!

сказалъ о немъ Жук., не думая, чтобы въ этой похвалѣ заключалось осужденіе Гёте. Переписка его съ „милою Августою“ Шт. смѣшна до крайности. Какая сантиментальность — точно сладкій нѣмецкій супъ! „Разинь, душенька, ротикъ—я положу тебѣ конфетку“—такъ и твердитъ онъ Августѣ, а та, на старости лѣтъ сошедши съ ума, вздумала обращать его къ піэтизму. Можетъ быть, я ошибаюсь на этотъ счетъ, но Богъ съ нимъ, съ этимъ Гёте: онъ великій человѣкъ, я благоговѣю передъ его геніемъ, но тѣмъ не менѣе я терпѣть его не могу. Недавно прочелъ я его „Германа и Доротею“ — какая отвратительная пошлость!“...

Въ концѣ письма онъ говоритъ, что у него въ сущности и не было еще настоящаго сильнаго чувства; а теперь оно и страшно, хотя онъ и не сказалъ бы, что не желаетъ его. «Чтó бы я съ нимъ сталъ дѣлать, съ моею дряблою душою, съ моимъ дряннымъ здоровьемъ, моею бѣдностію и моею совершенною расторженностію съ обществомъ?»... Затѣмъ онъ продолжаетъ:—

„Натура моя не чужда акта отрицанія, и я перешелъ черезъ нѣсколько моментовъ его; но отказаться отъ желанія счастія, котораго невозможность такъ математически ясна для меня,—еще нѣтъ силъ, и сохрани Богъ, если не станетъ ихъ на совершеніе этого послѣдняго и великаго акта. Вы читали Horace? ПомнитеЛаравиньера?—вотъ человѣкъ и мужчина. Но какъ трудно сдѣлаться такимъ человѣкомъ, право труднѣе, чѣмъ уподобиться Гёте. Право, простыя добродѣтели человѣка выше и труднѣе блестящихъ достоинствъ генія“...

На другой день (9-го марта) Бѣлинскій писалъ къ Боткину. Еще прежде Бѣлинскій настоятельно звалъ его пріѣхать въ Петербургъ, и теперь все ожидалъ его пріѣзда. «И вотъ я жду тебя съ часу на часъ, — пишетъ онъ; — возвращаясь поздно домой, по обыкновенію продувшись въ преферансъ, подымаю голову вверхъ и съ біеніемъ сердца ожидаю, что окна мои освѣщены, и каждый разъ ничего не вижу въ нихъ, кромѣ тьмы кромѣшной. Входя въ комнаты, быстро озираю столы — нѣтъ ли письма, и кромѣ ненавистной литературщины ничего не вижу на нихъ»... Предыдущее письмо показываетъ, почему нуженъ былъ ему его другъ: Бѣлинскій былъ въ томъ возбужденномъ и тревожномъ состояніи, въ которомъ присутствіе друга было ему необходимо, какъ средство успокоиться. Но Боткину теперь нельзя было пріѣхать,—между прочимъ, кажется, и потому, что въ это время заняла его новая «исторія», которая въ томъ же году окончилась для Боткина очень страннымъ и надолго тягостнымъ обра-

зомъ... Само собою разумѣется, что Бѣлинскій тотчасъ былъ поставленъ въ извѣстность о новыхъ интересахъ своего друга, которые потомъ нѣсколько разъ и подробно обсуждаются въ ихъ перепискѣ...

Бѣлинскій очень тревожился, получилъ ли Боткинъ большое письмо его, къ которому приложено было письмо заграничнаго друга. «Еслибы ты получилъ его, ты могъ бы, и не видѣвшись со мною, вложить персты свои въ раны мои, впрочемъ и безъ того извѣстныя тебѣ хорошо. Главное скверно то, что письмо это написалось отъ души, и притомъ для тебя много интереснаго было бы въ письмѣ Б., и оно теперь погибло для обоихъ насъ»... Впослѣдствіи объяснилось, что письмо это не пропало и было получено Боткинымъ [1]).

Наконецъ, замѣтимъ отзывъ объ одной статьѣ «Отеч. Записокъ». «Статья «романтики» неудовлетворительна въ цѣломъ— чувствуется, что не все сказано; но выраженіе, языкъ, слогъ— просто ..... до отчаянія доводитъ—зависть возбуждаетъ и писать охоту отбиваетъ». Бѣлинскій разумѣетъ здѣсь вторую статью о «Дилеттантизмѣ въ наукѣ», имѣвшую частное заглавіе «Дилеттанты-романтики» [2]).

Длинное письмо отъ 31-го марта наполнено бесѣдой о литературныхъ предметахъ, и новостями изъ дружескаго круга.

„То, что ты забылъ увѣдомить меня о полученіи письма моего, съ приложеннымъ къ нему письмомъ Б., можно простить только сумасшедшему или влюбленному; но какъ ты, слава Аллаху, и то и другое вмѣстѣ—то я и не сержусь на тебя"...

Упомянутая новая «исторія» его друга шла несовсѣмъ удовлетворительно, и Бѣлинскій предвидитъ, что если она будетъ и продолжаться также, то не обѣщаетъ хорошаго конца; но все-таки онъ завидуетъ Боткину, или его чувству, — «ибо питать какое бы то ни было чувство, какой бы то ни былъ интересъ все же лучше, чѣмъ въ тоскѣ, апатіи, съ холоднымъ отчаяніемъ, убивать время на преферансъ, ставить ремизы, проигрывать послѣднія деньжонки, бѣситься, дойти до мальчишескаго малодушія, сдѣлаться притчею во языцѣхъ».

Къ его тяжелому расположенію духа присоединялось теперь еще то, что въ послѣднее время ему начинаетъ больше и больше измѣнять здоровье. Оно и всегда было плохо, но теперь все

---

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, приведенное выше письмо Бѣлинскаго отъ 6-го февраля. Письма заграничнаго друга не было въ нашемъ матеріалѣ.

[2]) „Отеч. Зап." 1843, кн. 3, науки, стр. 27—40.

чаще повторяются жалобы на здоровье; онъ началъ лечиться— «страхѣ физическихъ мученій заставляетъ искать средствъ помощи, и я лечусь гидропатіею—прѣю въ паровой ваннѣ, а потомъ леденѣю въ холодной, а тамъ костенѣю подъ дождемъ и душею». Дальше онъ замѣчаетъ, что его гидропатъ находилъ у него біеніе сердца —предоставляемъ спеціалистамъ судить, насколько при біеніи сердца полезно было «леденѣть и костенѣть».

Журнальныя дѣла его также шли плохо:—

„Статья моя о Держ. страшно искажена [1]), но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Чортъ возьми всѣ наши статьи, да и всѣхъ насъ съ ними..."

Въ такое отчаяніе приводили Бѣлинскаго цензурныя крушенія его статей.

Ему очень нравится новая статья Боткина о нѣмецкой литературѣ. «Славная статья! Она понравилась мнѣ больше всѣхъ прежнихъ твоихъ статей, можетъ быть потому, что ея содержаніе ближе къ сердцу моему». Это была статья въ 4-й книгѣ «Отеч. Зап.», посвященная разбору «Парижскихъ писемъ» Гуцкова. Въ книгѣ этой Гуцковъ хотѣлъ дать изображеніе политической жизни, общественности, нравовъ Парижа, очерки французской литературы. Статья Боткина, написанная дѣйствительно хорошо и съ знаніемъ дѣла, относилась очень строго къ мелочной точкѣ зрѣнія Гуцкова и къ его непониманію французской жизни. Бѣлинскій очень доволенъ разборомъ, высказывавшимъ точку зрѣнія на французскія отношенія, какая вообще принималась теперь кружкомъ; ему хотѣлось, чтобы такимъ же образомъ досталось и ненавистному для него Рётшеру.

„Не было человѣка пишущаго,—говоритъ онъ,—который бы такъ глубоко оскорбилъ меня своею пошлостію, какъ этотъ нѣмецкій Шевыревъ... Рётшеръ въ отношеніи къ Гегелю есть тотъ человѣкъ въ „Разъѣздѣ" Гоголя, который, подцѣпивъ у другого словечко „общественныя раны", повторяетъ его, не понимая его значенія. Хорошъ былъ Гуцковъ у G. S. (Гуцковъ между прочимъ описывалъ свое свиданіе съ Ж. Зандъ)—вотъ семинаристъ-то..!"

Онъ потомъ еще разъ возвращается къ статьѣ Боткина:—

„Все перечитываю статью твою — прелесть! Будь литература на Руси выраженіемъ общества, а слѣд. и потребностію его, будь хоть сколько-нибудь человѣческая цензура, ты... выучился бы писать скоро и бѣгло, и написалъ бы горы. Безъ этого — голодъ, одинъ голодъ

---

[1]) Говорится, конечно, о 2-й статьѣ въ 3-й книгѣ „Отеч. Записокъ". О подобной же судьбѣ первой статьи упоминалось выше.

научить писать скоро и много. Ты довольно обезпеченъ, чтобъ не бояться голода, и потому считаешь себя неспособнымъ къ скоро- и много-писанію. Къ несчастію, судьба слишкомъ развила во мнѣ эту несчастную способность"...

Французская литература все больше и больше интересуетъ Бѣлинскаго: здѣсь онъ находитъ всего больше сочувственнаго по тѣмъ вопросамъ, которые получили для него господствующее значеніе,—по вопросамъ общественной жизни и нравственности. Мы упоминали объ его энтузіазмѣ къ Ж. Занду; почти равный восторгъ возбуждали въ немъ нѣкоторые писатели соціальной школы.

„Сейчасъ кончилъ 1-ю часть исторіи Louis Blanc [1]),—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ.—Превосходное твореніе! Для меня оно было откровеніемъ... Личность Луи-Блана возбудила во мнѣ благоговѣйную любовь. Какое безпристрастіе, благородство, достоинство, сколько поэзіи въ мысляхъ, какой языкъ!.."

Впослѣдствіи, Луи-Бланъ гораздо меньше понравился, даже во многомъ очень не понравился Бѣлинскому, когда онъ прочелъ нѣкоторыя мнѣнія Луи-Блана въ его исторіи революціи...

Бѣлинскій посылалъ Боткину появившуюся тогда пародію «Братьевъ Разбойниковъ» Пушкина; ему хотѣлось, чтобы эта пародія распространилась въ Москвѣ, по полемическимъ соображеніямъ... Вражда къ «Москвитянину» была неизмѣнна, и на Бѣлинскаго произвелъ непріятное впечатлѣніе слухъ, что Грановскій согласился дать свою статью въ этотъ журналъ.

„Слышалъ я, что Грановскій далъ... (въ „Москвитянинъ") статью: можетъ быть, онъ (Гр.) и хорошо сдѣлалъ, только я этого не понимаю; впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей, и у насъ въ Петербургѣ многіе литераторы не гнушаются печататься въ „Пчелѣ" и „Маякѣ":—почему же московскимъ гнушаться печататься въ „Москвитянинѣ": вѣдь „Москв." немногимъ чѣмъ хуже [2]) „Пчелы" и „Маяка"...

Грановскій дѣйствительно далъ въ «Москвитянинъ» свою статью [3]), уступая настойчивымъ желаніямъ редакціи; окруженный натянутыми отношеніями въ университетѣ, онъ только не хотѣлъ своимъ отказомъ давать лишнихъ поводовъ къ непріязни. Но Бѣлинскій, какъ видимъ, судилъ объ этомъ иначе: Грановскому слѣдовало «гнушаться» участія въ этомъ журналѣ. Бѣлинскій долго не забылъ этого случая, который казался ему непростительной неразборчивостью, холодностью къ дѣлу своей стороны.

---

[1]) Histoire des Dix Ans.

[2]) Въ подлинникѣ болѣе сильное выраженіе.

[3]) „Начало прусскаго государства", см. въ Сочин. т. II, стр. 255 и слѣд.

Между Грановскимъ и Бѣлинскимъ вообще не было того тѣснаго единства, какое было у Бѣлинскаго съ другими людьми этого круга. Оба очень уважали одинъ другого, Бѣлинскій положительно привязанъ былъ къ Грановскому (его имя постоянно вспоминается въ письмахъ къ Боткину, при воспоминаніи о московскихъ друзьяхъ), но ихъ много раздѣляли и разные пути развитія и разница характеровъ. Въ прежнее, московское, время Грановскій не сочувствовалъ тогдашнимъ мнѣніямъ Бѣлинскаго, видѣлъ ихъ несостоятельность, но вмѣстѣ отдавалъ справедливость побужденіямъ Бѣлинскаго, и вѣроятно предвидя, что это—временное заблужденіе, не вступалъ въ прямые споры, чтобы избѣгать безплоднаго раздраженія [1]). Но Бѣлинскій и въ первое время очень любилъ Грановскаго, который пріѣхалъ въ Москву другомъ Станкевича и самъ по себѣ привлекательно подѣйствовалъ на Бѣлинскаго качествами характера и богатствомъ своего умственнаго содержанія. Ихъ полное сближеніе началось позднѣе, когда съ измѣнившимися взглядами Бѣлинскаго они стояли уже на одной точкѣ зрѣнія. Какъ желалъ Бѣлинскій этого сближенія и какъ огорчала и досадна ему была предполагаемая имъ холодность Грановскаго, можно видѣть изъ его словъ въ письмѣ къ Боткину (не приведенныхъ нами прежде), отъ 1 марта 1841:

„Что Грановскій? — спрашиваетъ онъ, не получая отвѣтовъ на свои постоянные запросы о немъ.—Кстати: увѣдомь меня, чтó онъ—сердится на меня за что, или просто не любитъ? Я о немъ и разспрашиваю, и пишу, и поклоны посылаю; а отъ него себѣ не вижу ни отвѣта, ни привѣта. Скажи всю правду—я въ обморокъ не упаду..., хотя—говорю искренно—люблю и уважаю этого человѣка, и дорожу его о себѣ мнѣніемъ“...

Но и послѣ сходство мнѣній не покрывало различія характеровъ, и рѣзкія увлеченія Бѣлинскаго, иногда угловато выраженныя, не уживались съ мягкой и скорѣе примирительной природой Грановскаго. Упомянутое разногласіе было не единственное: вскорѣ представился другой подобный случай, въ сношеніяхъ съ тѣми же славянофилами,—гдѣ Грановскому пришлось убѣдиться, что Бѣлинскій былъ правъ, что уступчивость не устранила непріязни, которая, напротивъ, разгорѣлась въ открытую вражду...

Въ концѣ 1842 или началѣ 1843 года Бѣлинскій познакомился съ И. С. Тургеневымъ, и вскорѣ очень къ нему привязался: къ ближайшему кругу друзей прибавлялось новое лицо, вносив-

---

[1]) См. объ этомъ вѣрныя замѣчанія въ „Литер. Воспом.“ Панаева. „Соврем.“ 1861, кн. 10, стр. 453—454. Ср. біографію Грановскаго, г. Станкевича.

шее новыя оригинальныя черты въ его интересы и содержаніе. Приводимъ изъ переписки отзывы Бѣлинскаго объ этомъ первомъ знакомствѣ его съ г. Тургеневымъ, отзывы, сочувственность которыхъ вѣроятно не дастъ повода обвинить насъ въ нарушеніи скромности.

Въ нашемъ матеріалѣ въ первый разъ упоминается о «недавнемъ» знакомствѣ съ Тургеневымъ въ февралѣ 1843, когда Бѣлинскій писалъ объ этомъ къ одному изъ своихъ молодыхъ пріятелей. Ихъ познакомилъ нѣкто Зин—въ, котораго Бѣлинскій зналъ раньше и очень цѣнилъ. Вскорѣ, это было уже короткое знакомство, и въ письмѣ къ Боткину, отъ 31 марта, Бѣлинскій нѣсколько разъ возвращается къ новому пріятелю, очевидно его заинтересовавшему:

„Т—въ очень хорошій человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и желчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія... Т. немного нѣмецъ, въ томъ смыслѣ, какъ и Б..... Что за натура—З.! Мы всѣ—дрянь передъ нимъ"...

«Воспроизведеніе Москвы» должно относиться къ нѣкоторымъ московскимъ литературнымъ кружкáмъ, которые г. Тургеневъ уже тогда зналъ. «Нѣмцемъ» онъ былъ вѣроятно потому, что еще не такъ давно вернулся изъ Берлина, гдѣ также былъ адептомъ нѣмецкой философіи, и Бѣлинскій, какъ увидимъ далѣе, съ жаднымъ любопытствомъ выспрашивалъ его о послѣднихъ мнѣніяхъ нѣмецкой философіи, по нѣкоторымъ вопросамъ, уже издавна мучительно его одолѣвавшимъ...

Бѣлинскому пріятно было встрѣтить въ Тургеневѣ самостоятельный взглядъ на вещи и людей, который въ основныхъ предметахъ былъ сходенъ съ его мнѣніями, но въ подробностяхъ и особенно въ сужденіяхъ о людяхъ иногда очень противорѣчилъ его собственному взгляду, но тѣмъ больше интересовалъ его. Бѣлинскій самъ объясняетъ это:

„Я нѣсколько сблизился съ Т—вымъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же письма. Это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Т. много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ, въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носитъ на бекрень! Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужде-

ніяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ"...

Между прочимъ, Бѣлинскій съ удовольствіемъ услышалъ отъ Тургенева согласное съ своимъ мнѣніе о Рётшерѣ, котораго онъ давно возненавидѣлъ и о которомъ спорилъ теперь съ Боткинымъ. Ему казались очень вѣрными и замѣчанія Тургенева о характерахъ нѣкоторыхъ близкихъ ему людей, — замѣчанія, которыя однако не приходили въ голову ему самому. Вѣроятно, подъ нѣкоторымъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ было то, что Бѣлинскій разсказываетъ о себѣ:

„Вообще я теперь больше всего думаю о характерахъ и значеніи близкихъ и знакомыхъ мнѣ людей. Эта наука мнѣ не далась: у меня, коли кто бывало прослезится отъ пакостныхъ стишонковъ •...ва, тотъ уже и глубокая натура. Теперь я потерялъ даже смыслъ слова „глубокая натура"—такъ затаскалъ я его. Смѣшно вспомнить, какъ, пріѣхавъ въ Пб., я думалъ въ одномъ NN найти все, что оставилъ въ Москвѣ, и дивился глубокости его натуры. Это просто добрая благородная натура, совершенно невинная въ какой бы то ни было силѣ или глубокости", и проч.

Впрочемъ, Бѣлинскій самъ приходилъ потомъ къ этимъ болѣе правильнымъ заключеніямъ. Вообще, наклонность преувеличивать достоинства друзей была, какъ онъ самъ однажды говоритъ, всегдашней чертой его характера; это не было одно простодушіе человѣка, не знающаго людей, но здѣсь была и болѣе глубокая и сочувственная основа, — слѣдъ его обычнаго идеализма, желаніе видѣть лучшія стороны человѣческой природы; нерѣдко оно бывало простодушно, но свидѣтельствовало объ искренней прямотѣ его собственнаго характера. Въ письмахъ его, особенно съ 1842 года, встрѣчаются замѣчанія о близкихъ ему людяхъ, уже свободныя отъ идеалистическихъ преувеличеній, большею частію очень меткія, и въ минуту раздраженія очень злыя; но это болѣе строгое вниманіе не скрывало отъ него лучшія стороны характеровъ и не мѣшало ему продолжать любить бывшія «глубокія натуры» и т. п.

Слѣдующее письмо, отъ 17-го апрѣля, было отвѣтомъ на письмо Боткина, который говорилъ Бѣлинскому о своей «исторіи» и обращался къ нему съ самыми тёплыми словами. Бѣлинскаго тронуло это письмо.

„Спасибо тебѣ, добрый мой Б.,—пишетъ онъ, — за письмо твое. Оно доставило мнѣ какое-то грустное упоеніе счастія. Оно было такъ неожиданно, и притомъ — быть понятымъ въ своемъ глубочайшемъ

страданіи, о которомъ смѣшно было бы и толковать тѣмъ, которые сами не видятъ его, — это лучшее и священнѣйшее, что только можетъ дать дружба. Только ты нѣсколько преувеличилъ дѣло, а потому немного и устыдилъ меня. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что чужое счастіе глубоко и страдательно потрясаетъ меня; но это только при первомъ извѣстіи о немъ. Потомъ я уже смотрю на него, какъ на что-то такое, что въ порядкѣ вещей, интересуюсь имъ, люблю его. Теперь мнѣ малѣйшая подробность твоей исторіи интересна, и займетъ меня живо и пріятно. И потому—пиши, пиши и пиши"...

Затѣмъ, довольно длинное разсужденіе посвящается «исторіи», въ которой были для Бѣлинскаго, да кажется и для самого Боткина, неясные пункты... Бѣлинскій хочетъ помочь ему разрѣшить ихъ, говоритъ о любви романтической и любви дѣйствительной, ихъ коренномъ различіи, о различіи любви и склонности, и совѣтуетъ своему другу вглядѣться въ свое чувство, и если оно серьёзно, то понять, что «счастье такъ возможно, такъ близко»...

О себѣ самомъ онъ опять сообщаетъ невеселыя извѣстія:

„Журналъ губитъ меня. Здоровье мое съ каждымъ днемъ ремизится, и въ душу вкрадывается грустное предчувствіе, что я скоро останусь безъ шести въ сюрахъ, т.-е. отправлюсь туда, куда страхъ какъ не хочется идти. Жизнь ничего мнѣ не дала, но люблю жизнь... Вода сначала только помогла мнѣ немного, а потомъ сдѣлалось мнѣ хуже. Лучше всѣхъ лекарствъ и водъ, на меня подѣйствовалъ бы отдыхъ и удовольствіе. Вотъ почему мнѣ нужно пріѣхать въ Москву, къ тебѣ, мѣсяца на два съ половиною или больше. Я смотрю на эту поѣздку какъ на мѣру спасенія отъ вѣрной смерти, или неизбѣжной жестокой болѣзни, отъ которой надо будетъ медленно изчахнуть. Если зимняя поѣздка въ Москву, продолжавшаяся съ проѣздомъ взадъ и впередъ какихъ-нибудь три недѣли, оживила меня и физически и нравственно, то какъ же долженъ я поправиться, проведя лѣто вдали отъ чухонскихъ болотъ, безъ труда и заботы, съ тобою вмѣстѣ? О, да я воскресъ бы!..

„...Боже мой, неужели и о *такомъ* счастіи я не долженъ смѣть мечтать".

Еще раньше писалъ онъ, что безденежье навело его на мысль—«подняться на аферы», именно издать одну популярную книжку. Ему долженъ былъ помочь Н—въ: «Н—въ на это золотой человѣкъ». Теперь Бѣлинскій опять надѣялся (хотя плохо), что съ помощью Н—ва достанетъ себѣ денегъ или отъ книгопродавцевъ, на подрядъ работы, или взаймы. Но изъ слѣдующаго письма, отъ 30-го апрѣля, оказывалось, что планъ этотъ не удался, денегъ не было.

Оставалась одна надежда—на московскихъ друзей. Они сами это поняли, и въ маѣ шло дѣло о присылкѣ денегъ. Отъ 10—

11-го мая Бѣлинскій опять пишетъ длинное письмо, посвященное «исторіи» и предполагаемой поѣздкѣ въ Москву. Боткинъ относительно «исторіи» былъ въ большой нерѣшимости, такъ что и Бѣлинскій боялся высказывать съ своей стороны чего-нибудь положительнаго:... «ты самъ поймешь, какъ мудрено и страшно рѣшиться мнѣ моимъ мнѣніемъ склонить вѣсы твоего рѣшенія на ту или другую сторону». О себѣ самомъ онъ говоритъ: «я болѣнъ и крѣпко болѣнъ; душа моя угнетена трудомъ, заботою и тоскою — мнѣ нуженъ отдыхъ, свобода, бездѣйствіе, удовольствіе (котораго я не помню съ послѣдней поѣздки моей въ Москву)». На другой день онъ пишетъ о томъ же: «мысль, что я ѣду въ Москву (на пути онъ хотѣлъ заѣхать и къ деревенскимъ друзьямъ), носится въ моей головѣ какъ пріятный сонъ. Я только тогда увѣрюсь въ ея дѣйствительности, когда петербургская застава исчезнетъ изъ виду, и, какъ узникъ, почуявшій свободу, глубоко, вольно и радостно дохнý я свѣжимъ воздухомъ полей».

Слѣдующее письмо, отъ 24-го мая, адресовано къ обоимъ друзьямъ, которые помогли Бѣлинскому осуществить желанную поѣздку.

„Спасибо вамъ, добрые друзья мои, Б. и Г.! Вы сдѣлали по истинѣ доброе дѣло, одолживъ меня. Никогда пріятельская услуга не бывала такъ кстати. Я нашолъ доктора, который далъ мнѣ большое облегченіе—это извѣстный тебѣ, Б., Завадскій. Онъ посадилъ меня на великую діету—и я теперь дышу свободно, я теперь почти здоровъ, въ сравненіи съ обыкновеннымъ моимъ состояніемъ. Но всего этого недостаточно. Преферансъ, нужда въ деньгахъ, скука и журнальная поденьщина обратили бы въ ничто благодѣтельныя слѣдствія діеты и леченія. Мнѣ нужно воздуха, свободы, отдыха, far niente,— и я буду все это имѣть. Я теперь почти счастливъ. Душа плаваетъ въ эмпиреяхъ [1]). Иду по улицѣ—и каждому встрѣчному, знакомому и незнакомому, такъ и хочется сказать: а я ѣду въ Москву!“...

Но ему нужно было еще устроить разныя дѣла въ Петербургѣ, взять мѣсто въ дилижансѣ, и онъ могъ выѣхать только 2-го іюня.

Съ этимъ письмомъ прерывается тотъ біографическій матеріалъ, какой мы имѣли до сихъ поръ въ перепискѣ Бѣлинскаго съ друзьями, особенно съ Боткинымъ. Въ промежуткѣ съ этого времени до начала 1846 года, намъ извѣстно всего три-четыре письма къ друзьямъ; кромѣ того, къ сентябрю и октябрю 1843 года относится рядъ писемъ, которыя касаются чисто личныхъ

[1]) Гоголевская фраза.

отношеній, предшествовавшихъ женитьбѣ Бѣлинскаго, и которыя не войдутъ въ наше изложеніе.

Мы уже говорили, что этотъ перерывъ не есть одна случайная неполнота нашего собранія. Переписка Бѣлинскаго съ этого времени дѣйствительно сократилась. Лѣто 1843 года онъ прожилъ въ Москвѣ; въ началѣ осени ближайшій другъ его, Боткинъ, былъ въ Петербургѣ, гдѣ закончилась его послѣдняя «исторія», и откуда онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ на нѣсколько лѣтъ за границу. Въ теченіи этихъ лѣтъ они едва помѣнялись нѣсколькими письмами. За отъѣздомъ Боткина у Бѣлинскаго не оставалось другого человѣка, которому бы онъ могъ повѣрять подробности своей внѣшней и внутренней жизни; да онъ теперь объ этомъ и не думалъ. Въ ноябрѣ 1843 года Бѣлинскій женился.

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ годамъ жизни Бѣлинскаго, мы соберемъ воспоминанія его друзей, относящіяся къ этому времени и остановимся, во-первыхъ, на воспоминаніяхъ г. Тургенева [1]).

И. С. Тургеневъ, познакомился съ Бѣлинскимъ въ зиму 1842—1843 года [2]). Г. Тургеневъ зналъ имя Бѣлинскаго еще во времена «Телескопа»; самъ онъ былъ тогда большой романтикъ, и первое сильное впечатлѣніе Бѣлинскій произвелъ на него разборомъ стихотвореній Бенедиктова — г. Тургеневъ былъ очень возмущенъ этимъ разборомъ, потому что восхищался Бенедиктовымъ; но прошло нѣсколько времени, и онъ уже пересталъ читать Бенедиктова. Съ тѣхъ поръ Бѣлинскій заинтересовалъ его; онъ много слышалъ о Бѣлинскомъ (между прочимъ, долженъ былъ слышать еще отъ Станкевича, котораго зналъ за-границей въ послѣдній годъ его жизни) и очень желалъ съ нимъ познакомиться, хотя его и приводили въ недоумѣніе нѣкоторыя статьи, писанныя Бѣлинскимъ около 1840 года, т.-е. извѣстныя статьи консервативно-идеалистическаго направленія.

«Я увидѣлъ, — разсказываетъ г. Тургеневъ, — человѣка небольшаго роста, сутуловаго, съ неправильнымъ, но замѣчательнымъ и оригинальнымъ лицомъ, съ нависшими на лобъ бѣлокурыми волосами и съ тѣмъ суровымъ и безпокойнымъ выраже-

---

[1]) „Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ (письма къ Н. А. Основскому)", въ „Моск. Вѣстникѣ" 1860, № 3, стр. 40—42; „Воспоминанія о Бѣлинскомъ", „Вѣстн. Евр." 1869, апрѣль. Послѣднія перепечатаны въ „Сочиненіяхъ", изд. 1869, т. I, стр. XXV—LXVIII (съ небольшимъ „прибавленіемъ"); но статья „Моск. Вѣстника" забыта въ этомъ изданіи.

[2]) Читатель увидитъ, что многія подробности разсказа вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ письмахъ Бѣлинскаго; но слѣдуетъ исправить нѣкоторыя хронологическія неточности, напр. о началѣ знакомства, о женитьбѣ Бѣлинскаго.

ніемъ, которое такъ часто встрѣчается у застѣнчивыхъ и одинокихъ людей; онъ заговорилъ и закашлялъ въ одно и тоже время, попросилъ насъ сѣсть и самъ торопливо сѣлъ на диванѣ, бѣгая глазами по полу и перебирая табакерку въ маленькихъ и красивыхъ ручкахъ. Одѣтъ онъ былъ въ старый, но опрятный байковый сюртукъ, и въ комнатѣ его замѣчались слѣды любви къ чистотѣ и порядку».

Разговоръ начался, Бѣлинскій говорилъ много, но безучастно и о вещахъ индифферентныхъ, но мало по малу онъ оживился, поднялъ глаза и все лицо его преобразилось. «Прежнее суровое, почти болѣзненное выраженіе замѣнилось другимъ: открытымъ, оживленнымъ и свѣтлымъ; привлекательная улыбка заиграла на его губахъ и засвѣтилась золотыми искорками въ его голубыхъ глазахъ, красоту которыхъ я только тогда и замѣтилъ». Бѣлинскій самъ навелъ разговоръ на упомянутыя выше статьи своего прежняго направленія и съ безжалостной, — г. Тургеневу казалось, даже преувеличенной,—рѣзкостью осудилъ ихъ, черта, съ которой мы уже встрѣчались. Бѣлинскій тяготился воспоминаніемъ объ этихъ статьяхъ; онъ считалъ ихъ не только заблужденіемъ, но вреднымъ заблужденіемъ, и спѣшилъ устранить память объ нихъ при встрѣчѣ съ новыми людьми, которые могли не знать всей перемѣны, происшедшей съ тѣхъ поръ въ его взглядахъ. По новоду этого «безжалостнаго» осужденія прежней ошибки, г. Тургеневъ указываетъ, по личнымъ впечатлѣніямъ, то свойство Бѣлинскаго, которое мы постоянно видѣли во всей его біографіи. «Бѣлинскій не вѣдалъ той ложной и мелкой щепетильности эгоистическихъ натуръ, которыя не въ силахъ сознаться въ томъ, что онѣ ошиблись, потому что имъ собственная непогрѣшимость и строгая послѣдовательность поступковъ, часто основанныя на отсутствіи или бѣдности убѣжденій, дороже самой истины. Бѣлинскій былъ самолюбивъ, но себялюбія, но эгоизма въ немъ и слѣда не было; собственно себя онъ ставилъ ни во что: онъ, можно сказать, простодушно забывалъ о себѣ передъ тѣмъ, что̀ признавалъ за истину; онъ былъ живой человѣкъ, — шелъ, падалъ, поднимался и опять шелъ впередъ какъ живой человѣкъ. Спѣшу прибавить, что падалъ онъ только на пути умственнаго развитія: другихъ паденій онъ не испытывалъ и испытать не могъ, потому что нравственная чистота этого — какъ выражались его противники (гдѣ они теперь!) — «циника» была по истинѣ изумительна и трогательна; знали о ней только близкіе его друзья, которымъ была доступна внутренность храма».

По разсказу г. Тургенева, въ рѣчахъ Бѣлинскаго не было

блеска; онъ охотно повторялъ однѣ и тѣ же шутки (что бываетъ и въ его письмахъ), смѣялся мало-мальски острому слову, своему и чужому; въ его словахъ не бывало никакихъ цвѣтовъ и искусственныхъ эффектовъ; — но «когда онъ былъ въ ударѣ и умѣлъ сдерживать свои нервы... не было возможно представить человѣка болѣе краснорѣчиваго, въ лучшемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова... Это было неудержимое изліяніе нетерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здраваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь».

Въ теченіи зимы, разсказываетъ г. Тургеневъ, онъ видѣлся съ Бѣлинскимъ нѣсколько разъ; на Святой онъ уѣхалъ въ деревню и по возвращеніи опять встрѣтился съ Бѣлинскимъ уже лѣтомъ на дачѣ въ Лѣсномъ [1]). Тутъ они сошлись окончательно и видались почти каждый день. «Въ то время, — разсказываетъ г. Тургеневъ,—(публика объ этомъ давно забыла—я по крайней мѣрѣ льщу себя этой надеждой), я напечаталъ небольшой разсказъ въ стихахъ, который, въ силу нѣкоторыхъ, едва замѣтныхъ, крупицъ чего-то похожаго на дарованіе, заслужилъ одобреніе Бѣлинскаго, всегда готоваго протянуть руку начинающему и привѣтствовать все, что хотя немного обѣщало быть полезнымъ приращеніемъ тому, что Бѣлинскій любилъ самой страстной любовью—русской словесности. Онъ даже напечаталъ статью объ этомъ разсказѣ въ «Отеч. Запискахъ», — статью, которую я не могу вспомнить не краснѣя; за то въ весьма непродолжительномъ времени надежды Бѣлинскаго на мою литературную будущность значительно охладѣли, и онъ сталъ считать меня способнымъ на одну лишь критическую и этнографическую дѣятельность». Разсказъ, о которомъ говоритъ здѣсь г. Тургеневъ, назывался «Параша» и изданъ былъ весной 1843 года отдѣльной книжкой. Бѣлинскій упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Боткину отъ 10 — 11 мая такими словами: «читалъ ли ты «Парашу»?—Это превосходное поэтическое созданіе. Ты вѣрно угадалъ автора?» Удовольствіе Бѣлинскаго отъ «поэтическаго созданія» выразилось большой библіографической статьей въ майской книжкѣ «Отеч. Зап.» 1843 г. [2]).

Мы видѣли, что уже въ первое время Бѣлинскій очень заинтересовался г. Тургеневымъ; между ними велись продолжитель-

[1]) Рѣчь идетъ вѣроятно уже о лѣтѣ 1844 года (ср. „В. Евр.“, стр. 700), потому что лѣтомъ 1843 г. Бѣлинскій прожилъ въ Москвѣ.

[2]) Соч., т. VII, стр. 258—277.

ныя бесѣды,—«въ теченіи которыхъ мы съ Бѣлинскимъ касались всѣхъ возможныхъ предметовъ, преимущественно однако философскихъ и литературныхъ».

Бѣлинскій занималъ тогда одну изъ тѣхъ извѣстныхъ «дачъ», сколоченныхъ изъ барочныхъ досокъ и оклеенныхъ грубыми обоями, съ жалкимъ «общимъ» садикомъ, не дававшимъ никакой тѣни, дачъ, какихъ и теперь много въ окрестностяхъ Петербурга. Удобствъ не было никакихъ. «Но лѣто стояло чудесное, — разсказываетъ г. Тургеневъ, — и мы съ Бѣлинскимъ много гуляли по сосновымъ рощицамъ, окружающимъ Лѣсной Институтъ; запахъ ихъ былъ полезенъ его уже тогда разстроенной груди. Мы садились на сухой и мягкій, усѣянный тонкими иглами мохъ, и тутъ-то происходили между нами долгіе разговоры»... «Со мной, — разсказываетъ г. Тургеневъ, — онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіи двухъ семестровъ занимался гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія»...

«Бѣлинскій разспрашивалъ меня,—говоритъ г. Тургеневъ,—слушалъ, возражалъ, развивалъ свои мысли—и все это онъ дѣлалъ съ какой-то алчной жадностью, съ какимъ-то стремительнымъ домогательствомъ истины. Трудно было иногда слѣдить за нимъ; человѣку хотѣлось—по человѣчеству — отдохнуть, но онъ не зналъ отдыха, — и ты по неволѣ отвѣчалъ и спорилъ — и нельзя было пенять на это нетерпѣніе: оно вытекало изъ самыхъ нѣдръ взволнованной души. Страстная по преимуществу натура Бѣлинскаго высказывалась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи, въ самомъ его молчаніи; умъ его постоянно и неутомимо работалъ;—но теперь, когда я вспоминаю о нашихъ разговорахъ, меня болѣе всего поражаетъ тотъ глубокій здравый смыслъ, то, ему самому не совсѣмъ ясное, но тѣмъ болѣе сильное сознаніе своего призванія, сознаніе, которое, при всѣхъ его безоглядочныхъ порывахъ, не позволяло ему отклоняться отъ единственно полезной [1]) въ то время дѣятельности: литературно-критической, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова»...

---

[1]) Точнѣе было-бы сказать: единственно-возможной.

Изъ содержанія своихъ тогдашнихъ бесѣдъ съ Бѣлинскимъ, г. Тургеневъ приводитъ одинъ примѣръ, очень характеристичный. «Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п.... Его мучили сомнѣнія.... именно мучили, лишали его сна, пищи, неотступно грызли, жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые задавалъ себѣ... Искренность его дѣйствовала на меня; его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два-три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое... я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко.—«Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, а вы хотите ѣсть!».. Сознаюсь, что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминаніи объ *этой* правдивости, объ *этой* небоязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія».

Мы имѣемъ здѣсь живой, наглядный образчикъ того увлеченія, съ какимъ Бѣлинскій отдавался волновавшимъ его вопросамъ. Это была неизмѣнная черта характера, присутствіе которой читатель видѣлъ въ страстныхъ тирадахъ, какими исполнены письма Бѣлинскаго. Припомнимъ, что въ этихъ письмахъ являлся и тревожившій его вопросъ о безсмертіи души...

Приводимъ изъ тѣхъ же воспоминаній еще одну черту мнѣній Бѣлинскаго изъ этого періода, когда отвлеченное искусство потеряло исключительное господство въ его литературной теоріи и передъ нимъ вставали требованія жизни, стремленіе къ общественному благу, какъ основная, достойная цѣль для мыслящаго, честнаго человѣка и — писателя. Слѣдующій эпизодъ, кажется, вѣрно передаетъ и самую манеру рѣчи Бѣлинскаго.

«Бѣлинскій, какъ извѣстно, не былъ [1]) поклонникомъ прин-

[1]) Т.-е. въ эти годы.

ципа: искусство для искусства;—да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на — отсутствующаго, разумѣется — Пушкина, за его два стиха въ «Поэтъ и Чернь»:

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

— «И конечно, — твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ: — конечно дороже. — Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю — и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, — будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ,—мое право, моя обязанность накормить своихъ — и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршеплётамъ»!

Г. Тургеневъ дѣлаетъ потомъ оговорку, что Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ одаренъ здравымъ смысломъ, чтобы цѣнить и высоко ставить искусство,—но приведенныя слова передавали однако существенный элементъ его взгляда на искусство, и комическая внѣшность этихъ словъ, если она была, нимало не уменьшаетъ ихъ серьёзнаго смысла.

Обращаемся къ другимъ воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ за это время. Они идутъ изъ того ближайшаго кружкá, который сталъ собираться около Бѣлинскаго съ первой поры его жизни въ Петербургѣ, и если не всегда замѣнялъ для него нѣкоторыхъ отсутствующихъ друзей, то все-таки здѣсь Бѣлинскій чувствовалъ себя дома, въ горячо любящей его средѣ. Этотъ ближайшій кружокъ былъ немногочисленъ; мы называли уже нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ друзей Бѣлинскаго, какъ Панаевъ, Я—въ, Кульчицкій, П. В. Анненковъ; упоминали о первой дружеской связи съ Г., который вскорѣ выѣхалъ въ Новгородъ и съ которымъ послѣ Бѣлинскій видался уже въ Москвѣ; около того же времени Бѣлинскій сблизился съ г. Некрасовымъ, Тургеневымъ; въ этомъ кружкѣ завязалъ дружескія отношенія Боткинъ, въ свои нерѣдкіе пріѣзды въ Петербургъ, и одинъ изъ старѣйшихъ московскихъ друзей, К—ръ, прожившій тогда года два въ Петербургѣ (1843—1845). Около 1842—1843 г. возобновилъ съ Бѣлинскимъ свое старое знакомство К. Д. Кавелинъ. Переѣхавъ въ это время въ Петербургъ, онъ поселился на одной квартирѣ съ Кульчицкимъ и Н. Т—мъ. Бѣлинскій, въ то время особенно тяготившійся своимъ одиночествомъ, любилъ бывать въ этомъ молодомъ кружкѣ, куда собира-

лись и другіе его пріятели. Здѣсь онъ, между прочимъ, предавался и картежной игрѣ, страсть къ которой, по словамъ самого Бѣлинскаго, приводила въ изумленіе его друзей и которая естественно объяснялась его тревожнымъ внутреннимъ состояніемъ, заставлявшимъ искать внѣшняго развлеченія.

К. Д. Кавелинъ сообщилъ намъ свои воспоминанія объ этомъ кружкѣ и этомъ времени, и читатель безъ сомнѣнія съ любопытствомъ прочтетъ отрывки изъ его разсказа, какъ свидѣтельство очевидца и какъ изображеніе такихъ сторонъ личности и моральнаго вліянія Бѣлинскаго, которыхъ не могли представить намъ съ такою живостью другіе источники настоящей біографіи.

Время (около года), проведенное въ Петербургѣ въ средѣ этого кружка, авторъ этого разсказа причисляетъ къ лучшимъ, счастливѣйшимъ воспоминаніямъ своей жизни,—и этимъ онъ считаетъ себя обязаннымъ кружку, и въ особенности главѣ его—Бѣлинскому.

«Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими все свое бытіе. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ, при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ господствовалъ въ кружкѣ неограниченно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ неправъ, увлекался страстью далеко за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его (кромѣ русской литературы и ея исторіи) бывали недостаточны; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной, благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности, безъ пятна, личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ,—даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія.

«Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскому: онъ ее выворачивалъ тотчасъ же напоказъ всѣмъ и неумолимо, язвительно преслѣдовалъ несчаст-

наго дни и недѣли, не келейно, а соборнѣ, предъ всѣмъ кружкомъ... Извѣстно, что и себя онъ тоже не щадилъ. Панаеву немало доставалось за его суетность, мнѣ за «прекраснодушіе» и за славянофильскія наклонности, которыя въ то время были очень сильны. Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо и оно никогда не изгладится изъ моей памяти»...

Называя, въ числѣ членовъ кружка, г. Тургенева, авторъ воспоминаній замѣчаетъ, что Бѣлинскій благоволилъ къ нему между прочимъ и за нѣсколько стиховъ въ «Парашѣ»—отрицательнаго и демоническаго свойства. Онъ припоминаетъ, что Бѣлинскій особенно восторгался стихомъ, гдѣ говорится о «хохотѣ сатаны», и привелъ этотъ стихъ въ критической статьѣ [1]).

«Ка́къ мы проводили время и что̀ происходило въ нашемъ капельномъ кружкѣ, это легко представить себѣ всякій, кто знакомъ, хоть по наслышкѣ, съ молодыми литературными кружка̀ми 30-хъ и 40-хъ годовъ. Аристократическимъ изяществомъ людей съ достаткомъ всѣ мы, кромѣ Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократическіе салоны и литературные тузы были намъ извѣстны только по имени. Но весело намъ было очень, насколько можно было веселиться при тогдашней обстановкѣ... Каждый литературный кружокъ, въ томъ числѣ и нашъ, былъ тогда похожъ на секту, въ которую новые члены принимались трудно, по испытаніи и рекомендаціи. Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разсказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало... приближеніе иного времени..., также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены. Каждый мѣсяцъ приносилъ намъ новинку—статью, а иногда и больше, Бѣлинскаго, которую читали и перечитывали. Жоржъ Зандъ и французская литература... пользовались великимъ авторитетомъ. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобъ съ настоящимъ пониманіемъ.

«Взаимныя отношенія членовъ кружка̀ были самыя дружескія, тѣсныя, интимныя. Камертонъ имъ давалъ Бѣлинскій. Шуткамъ и остроуміямъ, часто и неостроумнымъ, не было конца. Запѣвалой былъ почти всегда Бѣлинскій... Споры и серьёзные

[1]) Упоминаемая здѣсь цитата изъ „Параши"—въ Сочин., VII, стр. 272.

разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смѣшивались съ остротами и шутками.

«Все это очень извѣстно и обыкновенно въ нашихъ русскихъ дружескихъ кружкáхъ и по складу нашего ума не можетъ быть иначе. Отмѣчу нѣкоторыя особенности нашего тогдашняго кружкá, обусловленныя родомъ жизни и вкусами Бѣлинскаго. Онъ работалъ какъ истинно русскій человѣкъ — запоемъ, и когда могъ отдыхать, т.-е. когда необходимость не заставляла его работать, охотно лѣнился, болталъ и игралъ въ карты, ради препровожденія времени. Игрокомъ онъ никогда не былъ. Съ половины мѣсяца, или такъ между 15 и 20 числами, Бѣлинскій исчезалъ для друзей—запирался и писалъ для журнала. Ходить къ нему въ это время было неделикатно. Бѣлинскій болталъ охотно, но проведенное въ разговорѣ время приходилось ему наверстывать ночью, потому что работа была срочная... Съ выходомъ книжки Бѣлинскій становился свободнымъ и приходилъ почти каждый день къ намъ, иногда къ обѣду, но всего чаще тотчасъ послѣ обѣда—играть въ карты... Такъ какъ друзья Бѣлинскаго знали, что онъ почти каждый вечеръ проводитъ у насъ, то приходили къ намъ, и такимъ образомъ квартира наша мало-по-малу обратилась въ клубъ. Каждый вечеръ кто-нибудь изъ друзей забѣгалъ хоть на минуту повидаться съ Бѣлинскимъ, сообщить новость, переговорить о дѣлѣ. Какъ только приходилъ Бѣлинскій послѣ обѣда — тотчасъ же начиналась игра въ карты, копѣечная, но которая занимала и волновала его до смѣшного. Заигрывались мы вчастую до бѣла дня. Т. игралъ спокойно и съ перемѣннымъ счастіемъ; я вѣчно проигрывалъ; Кульчицкому счастье всегда валило удивительное и онъ игралъ отлично. Бѣлинскій игралъ плохо, горячился, ремизился страшно, и рѣдко оканчивалъ вечеръ безъ проигрыша. На этихъ-то картежныхъ вечерахъ, увѣковѣченныхъ для кружкá брошюркой Кульчицкаго: «Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ», изданной подъ псевдонимомъ кандидата Ремизова, происходили тѣ сцены высокаго комизма, которыя приводили часто въ негодованіе Т., забавляли друзей, а меня приводили въ глубокое умиленіе и еще больше привязывали къ Бѣлинскому [1])»...

[1]) Книжка кандидата Ремизова, которую рѣдко гдѣ можно теперь встрѣтить, стóитъ упоминанія, такъ какъ даетъ понятіе о невинныхъ развлеченіяхъ кружкá. Нѐчего упоминать, что она была написана (не безъ участія и другихъ пріятелей) именно для Бѣлинскаго.

Книжка носила слѣдующее заглавіе: „Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ, заимствованныя у разныхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и

«Повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась руб-

приведенныя въ систему кандидатомъ философіи П. Ремизовымъ". Спб. въ тип. Жернакова. 1843. Въ 16-ю д. л. 31 стр. Ей посвящена рецензія въ 4-й кн. „Отеч. Зап." за этотъ годъ, — гдѣ отдана справедливость серьёзному взгляду автора на предметъ. „Игра въ преферансъ", — говоритъ рецензія, — „для насъ теперь тоже самое, чѣмъ было искусство для грековъ, гражданская жизнь для римлянъ, что̀ теперь наука для нѣмцевъ, театръ, балы и маскарады для французовъ, парламентъ и биржа для англичанъ. Маленькія дѣти теперь уже знаютъ у насъ, что такое „прикупка" и „игра прямо" и обѣщаютъ въ своемъ лицѣ богатое надеждами поколѣніе". Нѣсколько отрывковъ дадутъ понятіе о тонѣ книжки.

Авторъ желалъ изложить дѣло обстоятельно, и говоритъ по рубрикамъ объ *исторіи* преферанса, объ его *пользѣ*, объ его *философіи*, о нужныхъ для него *спеціальныхъ познаніяхъ* и т. д.

„§ 1. Преферансъ (говорится въ отдѣлѣ *исторіи*) есть самая древнѣйшая игра въ мірѣ, что̀ уже достаточно доказывается однимъ наименованіемъ ея, ибо слово *Преферансъ* происходитъ отъ глагола fero, tuli, latum, ferre, что значитъ *несу*, *отношу* или *сношу*.

„§ 2. По паденіи Западной Римской Имперіи, игра сія перешла къ народамъ Галльскаго племени. Съ успѣхами наукъ и просвѣщенія, она болѣе и болѣе совершенствовалась и наконецъ, у французовъ, достигла высшаго своего развитія. Оттуда распространилась она по всѣмъ частямъ земнаго шара, достигнувъ такимъ образомъ и нашего любезнаго отечества, и получивъ то великое значеніе, въ какомъ мы оную теперь видимъ.

„§ 4. Отъ игры *безъ переговоровъ* человѣчество, въ постоянномъ стремленіи своемъ къ совершенствованію, перешло наконецъ къ игрѣ *съ переговоромъ*, и стало играть *семь*, *восемь* и т. д. безъ прикупки. Честь таковаго открытія принадлежитъ исключительно изобрѣтательному XIX вѣку. Впрочемъ, должно упомянуть, что и въ наше время нѣкоторые дикіе и невѣжественные народы играютъ еще въ Преферансъ безъ переговоровъ, такъ напр. Кафры, жители Огненной Земли и проч."

„Въ преферансѣ",—говоритъ кандидатъ философіи Ремизовъ,—„съ незапамятныхъ временъ, всегда существовало 10 взятокъ. Греки, любившіе все обожествлять и персонифировать, полную преферансовую игру олицетворили въ Аполлонѣ съ 9-ю музами. Очевидно, что это было не что иное, какъ 10 въ червяхъ: Аполлонъ — тузъ, Мельпомена—король и т. д. Оттуда и преданіе, что музы услаждаютъ жизнь человѣческую. Римляне, все переносившіе въ право, тоже самое понятіе выразили въ законахъ, изобразивъ ихъ на дскахъ или таблицахъ, коихъ было первоначально 10; а двѣ прибавлены въ послѣдствіи для обозначенія прикупки"...

Для игры въ преферансъ требуется великое присутствіе духа, чувство собственнаго достоинства и предпріимчивость: и въ доказательство этой теоретической истины приводится въ книжкѣ историческій эпизодъ о войнѣ Аннибала съ Фабіемъ.

„Садясь въ преферансъ, кромѣ спеціальныхъ познаній, должно имѣть непоколебимое присутствіе духа, единство цѣли и сосредоточенность мысли. Великая игра сія требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ предпріимчивости полководца, настойчивости дипломата и глубокомыслія ученаго. Древніе приступали къ ней, очистивъ себя напередъ жертвой, и, какъ говорили—manibus puris. Мы, новѣйшіе, садясь въ преферансъ, должны сохранять какъ въ лицѣ своемъ, такъ и въ движеніяхъ отпечатокъ достоинства... Закройте ваши помыслы непроницаемой для противниковъ завѣсой. Пусть лицо ваше ничего не выражаетъ, кромѣ чувства собственнаго достоинства, не

лемъ, двумя [1]), Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ и если

оскорбляющаго, впрочемъ, достоинства другихъ. Тогда всѣ скажутъ: „какой прекрасный человѣкъ", и будутъ играть съ вами спустя рукава.

„На счетъ присутствія духа и предпріимчивости многіе имѣютъ весьма ложныя понятія. Я видѣлъ людей, которые безумно расточаютъ врожденную имъ храбрость и врываются въ отчаянныя игры почти безъ оружія (т.-е. безъ взятки). Правда, дѣла ихъ увѣнчиваются иногда блистательнымъ успѣхомъ, но увы, слишкомъ кратковременнымъ: грозный разсчетъ чаще всего падаетъ позоромъ на главу ихъ, опустошеніемъ на карманъ! Не таково присутствіе духа мужа испытаннаго!.. Поэтому, садясь въ преферансъ, не только не должно хвастаться передъ другими, говоря: „я, ныньче, господа, обрѣжу васъ", но даже и подумать о томъ предъ самимъ собой. Приведемъ разительный тому примѣръ изъ древняго міра. Когда Аннибалъ запугалъ римлянъ своими побѣдами, они выслали къ нему Фабія, старика чрезвычайно тонкаго и замысловатаго. Прибывъ къ войску, онъ тотчасъ понялъ, что тутъ силой ничего не возьмешь. Тогда онъ прибѣгнулъ къ хитрости и отправился въ станъ къ Аннибалу, будто бы для переговоровъ. Аннибалъ его принялъ очень вѣжливо и приказалъ поставить самоваръ. Такъ какъ дѣло шло ужъ къ вечеру, то хозяинъ спросилъ у Фабія: „а что, не хотите ли въ преферансикъ?"—Нѣтъ,—отвѣчалъ Фабій,—я плохо играю.— „Ничего; мы сядемъ по маленькой". Сѣли и записали по XXX. (Тогда записывали римскими цифрами).

— Развѣ,—сказалъ Фабій,—для занимательности игры, не поставить ли намъ въ пульку судьбу Рима и Кареагена? Отъ этого и казна больше выиграетъ, и намъ будетъ...

— Почтеннѣйшій,—перебилъ его Аннибалъ:—оно такъ, казна дѣйствительно больше выиграетъ, да вѣдь я васъ обдую...

— Это еще неизвѣстно.

— Обдую непремѣнно. Въ Кареагенѣ я обдувалъ весь свѣтъ.

— Ну, это еще неизвѣстно.

„Слово за слово; поспорили. И въ то время, какъ Аннибалъ, ставя Фабію ремизъ за ремизомъ, хвасталъ и смѣялся, старый римлянинъ тихо взывалъ къ богамъ: безсмертные!.. Между тѣмъ, счастіе къ Аннибалу валило чертовское. „А что, а что!" кричалъ онъ въ восторгѣ: „вотъ вамъ еще ремизы!"—Ничего, отвѣчалъ Фабій: finis coronat opus.— „Какой тутъ finis—смотрите—я въ малинѣ".—Finis coronat opus,—повторялъ упрямый старикъ. И дѣйствительно: подъ конецъ Аннибалъ какъ-то зацѣпился и поставилъ 3 ремиза. Это его взбѣсило. „Играю—говоритъ—въ червяхъ". И, несмотря на карты, онъ объявилъ игру и поставилъ еще 5; потомъ дальше, дальше. Кончилось тѣмъ, что Аннибалъ проигралъ Фабію всѣ деньги, вещи, дорожную свою шкатулку, войсковой багажъ и пр. и со стыдомъ бѣжалъ зимовать въ Капуу (Титъ Ливій, книга III, стр. 281).

О Кульчицкомъ, авторѣ этой шутки, мы говорили прежде. Въ эти годы онъ выступилъ въ литературѣ съ легкими юмористическими разсказами, довольно забавными въ самомъ дѣлѣ,—подъ псевдонимомъ Говорилина. См. напр. „Омнибусъ" въ „Физіологіи Петербурга", изд. Некрасовымъ, 1844—1845; „Необыкновенный Поединокъ", въ „Отеч. Зап." 1845, кн. 3.—Кульчицкій вскорѣ умеръ (въ 1845 или 1846).

[1]) Но были у Бѣлинскаго одни знакомые, гдѣ ему приводилось дѣлать болѣе серьёзные проигрыши, напр. тѣ, на какіе онъ жаловался въ письмахъ къ Боткину.

ему везло, былъ доволенъ и веселъ... Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ и наконецъ съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій (игравшій обыкновенно счастливо) нарочно ремизился отчаянно и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и онъ попался. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ, сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру и она продолжалась вчетверомъ по прежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привязывали [1]. Та же черта была и въ Г., съ которымъ Бѣлинскій имѣлъ всего болѣе родства по натурѣ. Они во многомъ напоминали другъ друга. Я дорожу этой чертой какъ очень характеристической въ Бѣлинскомъ и потому такъ подробно описываю случаи, повидимому совершенно ничтожные.

«Въ эпоху, которую описываю [2]), талантъ, нравственная физіономія и образъ мыслей Бѣлинскаго сложились окончательно и достигли своего апогея. Никакихъ колебаній и шатаній изъ стороны въ сторону не было. Его симпатіи клонились къ сторонѣ Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальные болѣе, чѣмъ политическіе. Политической программы ни у кого въ тогдашнихъ кружкáхъ не было. Къ тогдашнему нашему status quo Бѣлинскій относился отрицательно на всѣхъ путяхъ и ненавидѣлъ панславизмъ во всѣхъ его направленіяхъ и со всѣми его идеалами, чутко схватывая, что эти идеалы—пережитое прошедшее, которое и привело къ печальному настоящему. Ненависть и любовь его одинаково выражались страстно, подъ-часъ ребячески, съ чудовищными преувеличеніями, но въ которыхъ всегда лежала вѣрная, свѣтлая и глубокая мысль, которую мы понимали. Разъ какъ-то въ спорѣ Бѣлинскій съ яростью объявилъ, что черногорцевъ надо вырѣзать всѣхъ до послѣдняго. Другой разъ, по поводу какой-то книги, романа или стиховъ, гдѣ поминались русскіе шлемы, латы, доспѣхи, онъ напечаталъ коротенькую рецензію, въ которой гово-

---

[1]) Подобные анекдоты см. также въ „Воспоминаніяхъ Панаева, „Совр." 1860, кн. I, стр. 361, и Восп. Тургенева, „В. Евр.", 1869, апр., стр. 717—718.

[2]) 1843.

рилъ, что ничего этого никто не видалъ, а всѣ знаютъ лапти, мочалы, рогожи и палки. Враги Бѣлинскаго пользовались этими страстными выходками и отчасти умышленно, отчасти по тупости не хотѣли или не умѣли понять того, чтó онъ говорилъ или хотѣлъ сказать. Послѣ, положительная сторона его ненавистей и отрицаній выступила яснѣе. Говорятъ, что за-границей онъ страшно тосковалъ и стремился назадъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Москвѣ, въ одномъ разговорѣ съ Грановскимъ, при которомъ я присутствовалъ, Бѣлинскій даже выражалъ славянофильскую мысль, что Россія лучше съумѣетъ, пожалуй, разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ враждой капитала и собственности съ трудомъ, чѣмъ Европа. Но Бѣлинскій ясно понималъ, что тогдашнее положеніе наше, съ ногъ до головы, ненормальное... Здѣсь будетъ кстати сказать, что Бѣлинскій не любилъ поляковъ и съ необыкновеннымъ своимъ чутьемъ, далеко опережавшимъ время, прозрѣвалъ въ нихъ узкихъ провинціаловъ. Ему особенно не нравилось въ полякахъ то, что они считаютъ Варшаву наравнѣ съ Парижемъ, Мицкевича наравнѣ съ Гёте, что послушать ихъ—ихъ политики, поэты, художники, философы за поясъ заткнутъ европейскія свѣтила. Эта черта, т.-е. провинціальность, недавно подмѣченная и разоблаченная Др—мъ у галичанъ и разныхъ западныхъ славянъ, не ускользнула отъ зоркаго взгляда Бѣлинскаго въ полякахъ. Бѣлинскій вмѣнялъ русскимъ въ особенное достоинство, что они трезвы умомъ, не таращатся, относятся къ себѣ отрицательно и что имъ нечего охранять. Петра Великаго онъ боготворилъ. «Пишите скорѣй его исторію», говаривалъ Бѣлинскій: «пройдетъ сто лѣтъ и никто не повѣритъ, что Петръ не миѳъ, а историческая дѣйствительность».

«Изъ этого періода времени сохранилась въ моей памяти еще одна черта Бѣлинскаго, которой не могу пройти мимо. Къ концу моего пребыванія въ Петербургѣ, до московской профессуры, сюда пріѣхалъ Рубини, съ котораго началась здѣшняя итальянская опера. Нашъ кружокъ бросился съ жадностью на эту новинку. Разъ какъ-то давалась «Лучія ди-Ламмермуръ». Мы были въ ложѣ: Панаевы, Т., Бѣлинскій и я (другихъ не помню). Въ извѣстной патетической сценѣ горькаго упрека героя оперы своей возлюбленной, Бѣлинскій былъ глубоко потрясенъ, на силу сдержалъ слезы и назвалъ Рубини великимъ актеромъ. Объективной цѣны этотъ отзывъ не имѣетъ никакой, но онъ характеризуетъ и Бѣлинскаго и время. Наше полное музыкальное невѣжество объясняетъ, какимъ образомъ ничтожная пьеса могла такъ глубоко подѣйствовать на Бѣлинскаго и вызвать то горь-

кое чувство, которое лежало въ душѣ каждаго въ то время. Это чувство объясняетъ и огромный успѣхъ Лермонтова и Некрасова—гораздо больше, чѣмъ ихъ дѣйствительныя поэтическія достоинства»...

Замѣтимъ, впрочемъ, что дѣло тутъ шло не столько о музыкѣ, сколько о драматическомъ исполненіи, которое съ полнымъ правомъ могло привести Бѣлинскаго въ восторгъ и затронуть «горькое чувство» [1]). Въ перепискѣ съ Боткинымъ сохранилось воспоминаніе самого Бѣлинскаго о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него Рубини.

„Слушалъ я третьяго дня Рубини (въ „Лучіи Ламмермуръ"),—пишетъ Бѣлинский отъ 30-го апрѣля 1843,—страшный художникъ—и въ третьемъ актѣ я плакалъ слезами, которыми давно уже не плакалъ. Сегодня опять буду слушать ту же оперу. Сцена, гдѣ онъ срываетъ кольцо съ Лучіи и призываетъ небо въ свидѣтели ея вѣроломства—страшна, ужасна,—я вспомнилъ Мочалова и понялъ, что всѣ искусства имѣютъ одни законы. Боже мой, что это за рыдающій голосъ—столько чувства, такая огненная лава чувства—да отъ этого можно съ ума сойти"...

Въ этомъ кружкѣ (для полнаго перечисленія котораго надо было бы еще назвать только два-три имени) проходила въ Петербургѣ жизнь Бѣлинскаго: здѣсь онъ чувствовалъ себя между друзьями, свободно высказывался и былъ самимъ собой. Въ другомъ, мало знакомомъ обществѣ онъ былъ стѣсненъ, связанъ, и имъ овладѣвала та боязнь людей, на которую онъ самъ жаловался какъ на свое бѣдствіе, на болѣзнь. Попытки друзей, особенно Панаева, ввести его въ другіе круги, напр. на литературные вечера кн. Одоевскаго, оставались совершенно неудачны и мучительны для Бѣлинскаго. Мы не будемъ повторять анекдотовъ этого рода, которые читатель можетъ найти въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Панаева и въ еще болѣе извѣстныхъ разсказахъ другого современника. Мы уже говорили прежде объ этомъ свойствѣ Бѣлинскаго. Эта боязнь общества была черта довольно сложная. Бѣлинскій былъ неловокъ, легко приходилъ въ смущеніе въ незнакомомъ обществѣ, какъ часто бываетъ съ кабинетными людьми; но смѣшно было бы считать это за простую робость передъ свѣтскимъ міромъ, который ни малѣйшимъ образомъ ему не импонировалъ, или передъ свѣтскими литературными авторитетами, для которыхъ онъ никогда ничего не усту-

---

[1]) Музыкѣ „Лучіи" и тогда не придавали никакой особой важности, и весь успѣхъ этой оперы приписывали пѣвцу и актеру, а не композитору. Ср. статью: „Рубини и итал. музыка," въ „От. Зап." 1843, кн. 7, стр. 48.

палъ изъ свободы и строгости своей критики;—здѣсь прежде всего были слѣды того стараго болѣзненнаго чувства, которое онъ объяснялъ однажды въ письмѣ къ Боткину мрачными воспоминаніями изъ своего дѣтства и отрочества; съ теченіемъ времени и особенно теперь это чувство опредѣлилось и получило свои новыя основанія. Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ поръ своей сознательной жизни Бѣлинскій чувствовалъ, что его интересы и понятія слишкомъ расходятся съ понятіями общества, что этому обществу нѣтъ никакого дѣла до пламенныхъ стремленій небольшой горсти идеалистовъ, какими были Бѣлинскій и его друзья, что оно скорѣе будетъ смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ и даже ненавистью. Мы читали прежде, въ письмахъ къ Боткину, горькія жалобы Бѣлинскаго на ихъ положеніе въ общественной средѣ, на то печальное сознаніе, что они не нужны этому обществу, что они — люди безъ отечества. Таково и дѣйствительно было положеніе этого кружка́, какъ вообще бываетъ положеніе людей, которые въ эпохи застоя или реакцій, тяготясь настоящимъ своего общества, глубоко страдая отъ противорѣчій его съ ихъ лучшими стремленіями, только въ неясномъ будущемъ видятъ достиженіе своихъ, даже скромныхъ идеаловъ. Отвлеченное разсужденіе давало Бѣлинскому эту надежду; въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ умственной жизни онъ ясно предвидѣлъ, что желанное будущее должно наступить,—но въ данную минуту онъ долженъ былъ тѣмъ сильнѣе чувствовать свое отчужденіе отъ настоящаго. Понятно, что Бѣлинскаго отталкивало отъ «общества», въ которомъ онъ видѣлъ олицетвореніе застоя, внѣшній блескъ, покрывавшій бѣдность мысли и грубые инстинкты. Бѣлинскому не только нéчего было дѣлать съ людьми этого общества, съ которымъ пріятели пытались иногда его сблизить, но было положительно тяжело, потому что его живая впечатлительность не позволяла ему остановиться на внѣшнихъ отношеніяхъ, и напротивъ, тотчасъ рисовала ему весь его страшный разладъ съ этой средой. Даже съ лучшими представителями «общества», которые принимали и въ литературѣ большое участіе, какъ кн. Одоевскій, самъ составлявшій исключеніе въ своемъ кругѣ, — для Бѣлинскаго сближеніе было довольно трудно. Кн. Одоевскій, который былъ очень способенъ оцѣнить серьёзность его таланта и дѣятельности, и въ самомъ дѣлѣ высоко цѣнилъ Бѣлинскаго, остался ему чуждъ: не говоря о мистическихъ и алхимическихъ пристрастіяхъ этого аристократическаго полигистора, не сочувственныхъ Бѣлинскому, онъ не могъ сойтись съ кн. Одоевскимъ въ самой сущности своего взгляда на вещи. Кн. Одоевскій удивлялся логиче-

ской энергіи Бѣлинскаго, силѣ и смѣлости его выводовъ, понималъ ихъ въ теоріи, но никакъ бы не рѣшился послѣдовать за нимъ въ этой логикѣ. Бѣлинскій съ своей стороны не могъ понять его двойственности, хотѣвшей примирить вещи непримиримыя.—Бѣлинскій по всей своей природѣ былъ пламенный энтузіастъ: у него не было ни легкости характера, способной успокоиваться на мелкихъ сдѣлкахъ, ни скептическаго невѣрія, приводящаго къ равнодушной терпимости; ни той сдержанности, которая тяжелыми опытами научается таить для себя и ближайшихъ друзей свои интимныя мысли. Бѣлинскій понималъ конечно необходимость этой сдержанности, но иногда не въ силахъ былъ одолѣвать свою страстную впечатлительность, и если бы затронуты были его задушевныя мысли и идеалы, онъ, — въ какой бы ни былъ обстановкѣ, — способенъ былъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтить на вызовъ и высказать эти мысли.—Такъ это и случалось съ нимъ нѣсколько разъ. Подобный случай былъ съ нимъ въ тридцатыхъ годахъ, во время увлеченія его «фихтіянствомъ». Два-три такихъ же примѣра повторились и теперь,—между прочимъ, однажды, въ большомъ обществѣ у князя Одоевскаго, гдѣ Бѣлинскій, нетерпѣливо слушавшій фантазіи одного изъ собесѣдниковъ о чемъ-то въ родѣ реставраціи стариннаго боярства, наконецъ, взволнованный и раздраженный, заявилъ свое противорѣчіе словами, которыя поразили присутствующихъ своей суровой рѣзкостью... Само собою разумѣется, что такіе порывы могли представлять и самую серьёзную опасность, и Бѣлинскому случалось испытывать непріятную тревогу послѣ подобныхъ случаевъ...

Возвращаемся еще къ приведеннымъ воспоминаніямъ. Авторъ замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ кружкахъ вообще не было опредѣленнаго политическаго взгляда, и это было очень естественно: политическія программы были еще слишкомъ безполезны и невозможны; слишкомъ ясна была крайняя неразвитость общества, олицетворявшаяся въ той жалкой литературѣ, которую Бѣлинскій называлъ «расейской» и къ которой питалъ настоящую ненависть. Опредѣленнаго взгляда этого рода одинаково не было въ обоихъ главныхъ кружкахъ тогдашней литературы—и западномъ и славянофильскомъ; въ обоихъ одинаково понимали необходимость разъяснить самые общіе вопросы историческаго развитія, которые и стали насущнымъ интересомъ литературы: оттого Бѣлинскій относился къ нимъ съ такой страстью, и оттого крайняя вражда его къ славянофильству.

Эта борьба съ славянофильствомъ началась тотчасъ, какъ славянофильство нашло себѣ первый óрганъ въ «Москвитянинѣ», и усиливалась по мѣрѣ того, какъ умножались его заявленія. Къ половинѣ сороковыхъ годовъ эта борьба была едва ли не основнымъ практическимъ вопросомъ дѣятельности Бѣлинскаго. Сюда сводились и общіе философскіе принципы, и историческія соображенія, и мнѣнія о настоящемъ.

Бѣлинскаго нерѣдко обвиняли въ непониманіи и даже въ нежеланіи понять то, чтò было въ славянофильствѣ хорошаго и справедливаго. Но эти обвиненія бывали обыкновенно слишкомъ огульныя. Чтобы вѣрно понять вражду Бѣлинскаго къ славянофильству, надо помнить время и лица. Первыя впечатлѣнія славянофильства далъ Бѣлинскому «Москвитянинъ». Теперь уже забыли, чтó это было. Но стóитъ взглянуть на первые годы этого журнала, чтобы совершенно понять вражду Бѣлинскаго: невозможно было иначе относиться къ нелѣпой, юродивой формѣ, въ которой даны были здѣсь первыя заявленія славянофильства. Эти первыя впечатлѣнія опредѣлили взглядъ Бѣлинскаго на славянофильство. Правда, извѣстно было, что въ этомъ лагерѣ есть противники болѣе серьёзной умственной силы, діалектики, остроумія, чѣмъ Шевыревъ и другіе дѣятели «Москвитянина», что есть противники съ болѣе серьёзными убѣжденіями, — но это было еще хуже для дѣла: Бѣлинскій видѣлъ, что *эти* члены славянофильскаго лагеря (впослѣдствіи и составившіе настоящій славянофильскій кружокъ) ни мало не отвергали «Москвитянина», участвовали въ немъ, и Бѣлинскій могъ справедливо предполагать, что они съ нимъ солидарны. Онъ долженъ былъ думать, что и «Москвитянинъ» собственно, и этотъ кружокъ проповѣдуютъ одну и ту же ненависть къ западу и его образованности, дѣлятъ одни и тѣже археологическія влеченія, поддерживаютъ, въ настоящемъ, одни и тѣже принципы, для Бѣлинскаго ненавистные. Такъ онъ и судилъ о славянофильствѣ. Когда оно само опредѣлилось больше, измѣняются значительно и отзывы Бѣлинскаго.

По связи съ археологическими влеченіями славянофильства и съ *его* стремленіями къ народности (которыя Бѣлинскій считалъ тогда фальшивыми, видя въ нихъ только повтореніе оффиціальной народности), Бѣлинскій очень недружелюбно относился и къ начинавшимся проявленіямъ панславизма, который былъ опять возвращеніемъ къ прошлому. Еще во времена гегеліанскихъ увлеченій, Бѣлинскій не сочувствовалъ панславистскимъ жалобамъ на угнетеніе славянскихъ народностей нѣмцами и турками—на томъ

гегеліянскомъ основаніи, что «сила есть право», что турецкое господство надъ южными, и нѣмецкое надъ западными славянами есть право «историческое», и слѣд. тѣмъ самымъ доказанное и оправданное. Впослѣдствіи, онъ безъ сомнѣнія покинулъ эту точку зрѣнія, но сохранилось нерасположеніе къ панславизму и, въ связи съ нимъ, къ мелкимъ народнымъ литературамъ, въ томъ числѣ и къ малорусской. Здѣсь опять Бѣлинскаго обыкновенно упрекаютъ за непониманіе естественнаго права народности на существованіе и проявленіе своей особенности, права ея искать себѣ независимости и національныхъ учрежденій, за непониманіе тѣхъ жизненныхъ элементовъ, какія представляютъ мѣстныя народныя литературы, и т. п. [1]). Дѣйствительно, Бѣлинскій и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, не обошелся безъ крайностей, — между прочимъ потому, что былъ искренень и не боялся высказывать свою мысль вполнѣ, но (какъ справедливо замѣтилъ авторъ выше приведенныхъ воспоминаній) въ основѣ его преувеличеній и крайностей была или вся истина или часть истины. Прежде всего, для вѣрной оцѣнки мнѣній Бѣлинскаго и здѣсь, какъ въ вопросѣ о домашнемъ славянофильствѣ, слѣдуетъ припомнить тогдашнее положеніе вопроса и въ обществѣ и въ литературѣ. Начать съ того, что «сила» есть, конечно, плохое юридическое право, но оно есть своего рода право въ смыслѣ историческомъ: она — фактъ, который нужно объяснить изъ исторіи и характера народности, но котораго нельзя вычеркнуть или устранить жалобами и обвиненіями. Запальчивыя слова, вырывавшіяся у Бѣлинскаго противъ панславизма, были крайностью, если взять ихъ буквально и безотносительно; но ихъ смыслъ былъ тотъ, что и ученый вопросъ и самый вопросъ національнаго возрожденія долженъ былъ рѣшаться не одними лирическими изліяніями и патріотической похвальбой, которыхъ слишкомъ много расточалъ и западный панславизмъ и наши его сторонники. Въ самомъ дѣлѣ, наша литература этого предмета, въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, очень мало объясняла положеніе вещей, но за то не щадила высокопарныхъ словъ о дѣлѣ, почти неизвѣстномъ и важность котораго для русскаго общества была еще сомнительна. И здѣсь, какъ въ домашнемъ славянофильствѣ, не было недостатка въ нелѣпостяхъ, вызывавшихъ только насмѣш-

[1]) Точка зрѣнія Бѣлинскаго извѣстна теперь и западно-славянскимъ историкамъ славянской литературы; см. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz, 1874.

ку; вспомнимъ, напр., полемику по поводу Коперника [1]). Болѣе серьёзная, научная постановка предмета сдѣлана была только позднѣе. Еще съ бо́льшимъ правомъ Бѣлинскій и его друзья могли быть нерасположены къ панславизму съ другой стороны. Для русскаго общества, панславянскій переворотъ, въ которомъ Россіи пророчилась великая, но нѣсколько темная роль,—этотъ переворотъ не только въ тѣ времена, но и въ настоящую минуту былъ нѣчто въ родѣ журавля въ небѣ, когда въ рукахъ и синица была довольно плохая. Время ли было (и есть) мечтать о панславянскомъ царствѣ, когда собственная ближайшая жизнь ставила еще самыя элементарныя задачи? Не было ли бы грубымъ самохвальствомъ—«освобождать» другіе народы, когда милліоны собственнаго народа были тогда крѣпостными рабами, и еще не предвидѣлось ихъ освобожденія? Имѣли ли какой-нибудь смыслъ угрозы западному просвѣщенію, когда собственное стояло еще на азбукѣ и подъ ферулой? Могъ ли панславизмъ помочь всѣмъ этимъ домашнимъ невзгодамъ, и напротивъ, не усилилъ ли бы онъ ихъ, отвлекая вниманіе и силы къ полу-фантастической цѣли?.. И наконецъ, возможно ли было какое-нибудь дѣйствительное, не воображаемое, участіе нашего общества въ подобномъ дѣлѣ—гдѣ могъ бы помочь только настоящій и свободный энтузіазмъ—когда это общество не имѣло простора и для своихъ домашнихъ скромныхъ желаній? Между тѣмъ наши партизаны панславизма не только не видѣли всего этого, но, напротивъ, въ домашнихъ вопросахъ еще являлись защитниками такихъ общественныхъ элементовъ, въ которыхъ Бѣлинскій и его друзья не безъ основанія видѣли наше бѣдствіе, причины нашего застоя. Съ патріотизмомъ панславянскимъ у насъ почти всегда соединялся домашній квасной патріотизмъ, и этого соединенія было довольно, чтобы возстановить Бѣлинскаго противъ панславизма, какъ противъ вреднаго и пустого фантазёрства.

Наконецъ, народныя литературы, или собственно малорусская. Бѣлинскій вообще не любилъ ея, отчасти по тѣмъ же общимъ причинамъ: онъ считалъ малорусскую литературу ненужнымъ провинціализмомъ и думалъ, что люди, посвящавшіе свои силы на созданіе особой малорусской литературы, съ гораздо бо́льшей пользой могли бы употребить ихъ для литературы русской, господствующей и въ образованныхъ классахъ самой Малороссіи.

---

[1]) „Москвитянинъ о Коперникѣ", ст. Г., въ „Отеч. Зап." 1843, кн. 11, смѣсь, стр. 56—58.

Во-вторыхъ, Бѣлинскій возставалъ противъ самаго содержанія малорусской литературы. Чистѣйшій великоруссъ, Бѣлинскій мало зналъ и не любилъ малорусскаго языка [1]) и, слѣдовательно, не могъ цѣнить внѣшней, формальной стороны этой литературы; что же касается до содержанія, оно различнымъ образомъ не удовлетворяло его. За немногими исключеніями, малорусская литература того времени не представляла ничего особенно талантливаго. Бѣлинскій видѣлъ довольно большое число малорусскихъ писателей, но въ ихъ произведеніяхъ находилъ или повтореніе на малорусскомъ языкѣ устарѣлыхъ романтическихъ и сантиментальныхъ темъ, надоѣвшихъ и въ русской литературѣ, или повтореніе темъ народной поэзіи, изложенныхъ хуже, чѣмъ въ подлинникѣ, или шутку и пародію, которыя не казались ему достаточно остроумными, или, наконецъ, встрѣчалъ проявленія мѣстнаго патріотизма, котораго вѣроятно не считалъ серьёзнымъ. Въ мѣстной поэзіи, какъ она создавалась въ то время, Бѣлинскій не находилъ ни достаточнаго обще-человѣческаго поэтическаго интереса, ни настоящаго удовлетворенія потребностямъ мѣстнаго народа: народно-поэтическіе элементы, вводимые въ литературу, должны были, по его мнѣнію, быть просвѣтлены этимъ высшимъ интересомъ, какъ въ поэзіи Кольцова; мѣстныя потребности могли быть достаточно удовлетворены книгами элементарными, которыя служили бы переходомъ къ обще-русской образованности. Знаменательнымъ явленіемъ былъ для него малоруссъ Гоголь, который могъ стать великимъ писателемъ только въ обще-русской литературѣ.

Вотъ, напр., нѣсколько словъ его изъ рецензіи вышедшей тогда поэмы Шевченка «Гайдамаки» [2]). Сославшись на прежде высказанныя мнѣнія свои о «такъ-называемой» малороссійской литературѣ, Бѣлинскій продолжаетъ:

..."Новый опытъ *спиваній* г. Шевченка, привилегированнаго, кажется, малороссійскаго поэта, убѣждаетъ насъ еще болѣе, что подобнаго рода произведенія издаются только для услажденія и назиданія самихъ авторовъ: другой публики у нихъ, кажется, нѣтъ. Если же эти господа *кобзари* думаютъ своими *поэмами* принести пользу низшему классу своихъ соотчичей, то въ этомъ очень ошибаются: ихъ поэмы, несмотря на обиліе самыхъ вульгарныхъ и площадныхъ словъ и выраженій, лишены простоты вымысла и разсказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всѣмъ плохимъ піитамъ,—часто

[1]) Въ перепискѣ намъ встрѣтились доказательства этой нелюбви еще въ 1840 г.
[2]) Эта рецензія въ „Отеч. Зап." 1842, кн. 5, не вошла въ изданіе „Сочиненій".

нисколько не народны, хотя и подкрѣпляются ссылками на исторію, пѣсни и преданія,—и слѣдовательно, по всѣмъ этимъ причинамъ—онѣ непонятны простому народу и не имѣютъ въ себѣ ничего съ нимъ симпатизирующаго. Для такой цѣли [1]) было бы лучше, отбросивъ всякое притязаніе на титло поэта, разсказывать народу простымъ, понятнымъ ему языкомъ о разныхъ полезныхъ предметахъ, гражданскаго и семейнаго быта, какъ это прекрасно началъ (и жаль, что не продолжалъ) г. Основьяненко въ брошюрѣ своей „Лысты до любезныхъ землякивъ"...

„Что касается до самой поэмы г-на Шевченко — „Гайдамаки", здѣсь есть все, чтó подобаетъ каждой малороссійской поэмѣ: здѣсь ляхи, жиды, казаки; здѣсь хорошо ругаются, пьютъ, бьютъ, жгутъ, рѣжутъ; ну, разумѣется, въ антрактахъ кобзарь (ибо безъ кобзаря какая ужъ малороссійская поэма!) поетъ свои вдохновенныя пѣсни, безъ особеннаго смысла, а дивчина плачетъ, а буря гомонитъ"...

Онъ приводитъ далѣе отрывки, въ которыхъ дѣйствительно «хорошо ругаются, бьютъ», и проч.

И здѣсь Бѣлинскій опять враждебно встрѣчается съ славянофилами. Эти послѣдніе относились (пока) сочувственно къ малорусской литературѣ, какъ «народной», и безъ сомнѣнія ставили ее параллельно съ другими народными славянскими литературами, которыя въ то время возрождались. Для Бѣлинскаго эта солидарность малорусской литературы съ славянофильскими и панславистическими тенденціями должна была внушать только новое недовѣріе—какъ ненавистное ему противоположеніе національности и общечеловѣческой цивилизаціи, какъ воскрешеніе старины противъ новаго времени...

Полагаемъ, что въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій также «не любилъ поляковъ». Въ его перепискѣ (съ 1841 года) мы находили ясныя свидѣтельства, что «нелюбовь» вовсе не простиралась на ихъ политическія отношенія; на эти отношенія, напротивъ, онъ смотрѣлъ теперь такъ, какъ можно было бы ожидать отъ его новаго образа мыслей. Выше мы указывали, какъ онъ осуждалъ себя за недружелюбный отзывъ о Мицкевичѣ, сказанный въ эпоху статей о «Бород. Годовщинѣ» и «Менцелѣ»...

Таковы были источники мнѣній Бѣлинскаго о славянствѣ и о движеніи народностей. Приписываемая ему вообще вражда къ славянскому движенію относилась въ сущности вовсе не къ самому дѣлу, а къ тогдашней постановкѣ его въ нашей литературѣ. Бѣлинскій не имѣлъ ничего противъ славянскаго и народнаго движенія, даже сочувствовалъ ему,—какъ «другъ человѣчества»,

---

[1]) Т.-е. для пользы народа.

когда дѣло шло «не о славянахъ, но о людяхъ» [1]; но онъ съ жаромъ возставалъ противъ тѣхъ толкованій этого движенія, какія дѣлались тогдашнимъ славянофильствомъ, противъ той узкой и несомнѣнно фальшивой и вредной точки зрѣнія, которая противопоставляла это движеніе западному просвѣщенію, отожествляла такимъ образомъ это движеніе съ обскурантизмомъ, строила свои идеалы на возвращеніи (невозможномъ) старыхъ преданій, высокомѣрно пророчила господство новаго славянскаго мира и гибель Запада и придавала вообще вопросу какой-то странный реакціонный смыслъ. Противъ этихъ-то извращеній дѣла, съ которыми Бѣлинскій постоянно встрѣчался въ «Москвитянинѣ», онъ и ратовалъ со всей своей страстностью, которая иногда дѣйствительно заставляла его высказываться съ чрезмѣрной рѣзкостью. Но, конечно, не эти рѣзкости, вырывавшіяся въ разгарѣ спора, составляли его настоящую мысль,—и на дѣлѣ, разбирая мнѣнія Бѣлинскаго объ этомъ предметѣ, слѣдуетъ поставить ему въ заслугу, что своимъ противодѣйствіемъ первому славянофильству онъ много способствовалъ новому, болѣе разумному пониманію вопроса, которое явилось потомъ въ самомъ видоизмѣнившемся славянофильствѣ. Болѣе благоразумные изъ нынѣшнихъ славянофиловъ сами не рѣшатся повторить тогдашнихъ мнѣній о славянскомъ вопросѣ, и устраненіе этихъ крайностей и преувеличеній есть въ большой степени дѣло Бѣлинскаго.

Сколько видно изъ переписки, Бѣлинскій, выѣхавши въ началѣ іюня изъ Петербурга, посѣтилъ на дорогѣ своихъ старинныхъ деревенскихъ друзей, и затѣмъ прожилъ въ Москвѣ до конца августа. Около 1-го сентября онъ былъ въ Петербургѣ, куда нѣсколькими днями раньше его пріѣхалъ Боткинъ... 4-го сентября Боткинъ уѣхалъ за границу, гдѣ остался нѣсколько лѣтъ (до конца 1846 года). Сношенія его съ Бѣлинскимъ почти прервались: Боткинъ надолго былъ связанъ тяжелыми обстоятельствами своей личной жизни, потомъ занятъ и развлеченъ путешествіемъ, главнымъ литературнымъ плодомъ котораго были впослѣдствіи извѣстныя «Письма объ Испаніи». Съ другой стороны, и въ жизни Бѣлинскаго произошла существенная перемѣна.

[1] См. статью по поводу „Денницы новоболгарскаго образованія"—въ „От. Зап." 1842, кн. 9; Соч. т. VI, стр. 447—449, гдѣ его отношеніе къ вопросу очень ясно.

Въ теченіи жизни въ Москвѣ Бѣлинскій сблизился съ особой, которая вскорѣ стала его женой. Важность этого событія для Бѣлинскаго должна быть ясна читателю изъ того, что̀ мы знаемъ о нравственномъ настроеніи Бѣлинскаго за эти годы. Онъ внесъ въ эти отношенія все увлеченіе, какое отличало его характеръ: онъ былъ исполненъ ожиданій — должно было кончиться одиночество, подавлявшее его среди трудной внѣшней дѣятельности; онъ ждалъ цѣлаго переворота въ своей жизни... Сентябрь и октябрь заняты усиленной перепиской съ Москвою; наконецъ, въ началѣ ноября, Бѣлинскій сталъ семьяниномъ.

За слѣдующіе годы, 1844—1845, мы почти не имѣемъ переписки Бѣлинскаго. Ея безъ сомнѣнія и не было въ томъ размѣрѣ, какъ прежде. У домашняго очага началась для него новая жизнь съ ея особыми интересами и особыми тревогами, которыя могли быть только его личной заботой... Бѣлинскій продолжалъ много работать, и работалъ даже больше прежняго.

А. Пыпинъ.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ

2) Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ *).

Почти во всѣхъ государствахъ Европы сѣверныя части получаютъ преобладающее значеніе надъ южными: относительно всюду болѣе скупая природа сѣвера сохраняетъ въ человѣкѣ бо́льшую крѣпость, энергію, устойчивость, трезвость мысли и чувства — качества, необходимыя для успѣха въ государственномъ зиждительствѣ, и отказываетъ ему въ другихъ качествахъ, которыя въ южномъ народонаселеніи производятъ бо́льшую быстроту и роскошь развитія. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ странахъ имѣютъ важное значеніе тѣ ихъ части, тѣ окраины, которыя подвергаются наибо́льшей опасности отъ внѣшнихъ враговъ, должны первыя принимать на себя ихъ удары: здѣсь народонаселеніе крѣпнетъ въ борьбѣ, принимаетъ воинственный, предпріимчивый характеръ, способность къ защитѣ, переходящую въ способность къ наступленію. Правителями такихъ частей могутъ быть только люди сильные духомъ, способные къ постоянной борьбѣ. Въ римской имперіи такою частью была Галлія, изначала подверженная нападенію германцевъ, изначала спорная между ними и Римомъ: отсюда важное значеніе Галліи,

---

*) См.: 1874, апр. 457 стр.

важное значеніе ея правителей и войска, въ ней расположеннаго. Галлія была украйною римскаго цивилизованнаго міра не по отношенію только къ варварамъ арійскаго племени, германцамъ, но и по отношенію къ азіятскимъ степнымъ кочевымъ варварамъ, которыхъ нельзя было усыновить цивилизаціи, которые кромѣ опустошенія не приносили ничего. Граница Европы съ Азіею, которая теперь, во второй половинѣ XIX-го вѣка, на берегахъ Аму и Сыръ-Дарьи, въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, была на берегахъ Рейна; гунскія кибитки раскидывались въ Галліи, на поляхъ каталонскихъ и были отброшены отсюда страшными усиліями римско-германскаго ополченія. Когда Галлія стала владѣніемъ германцевъ-франковъ, то значеніе ея не измѣнилось, значеніе украйны цивилизованнаго міра, возрожденнаго христіанствомъ. Вожди франковъ, ставши христіанами и римскими сановниками, начинають въ отношеніи къ своимъ одноплеменникамъ, за-рейнскимъ германцамъ, ту же дѣятельность, какъ знаменитые римскіе полководцы, начиная съ Цезаря. Они начинають наступательное движеніе на собственную Германію, а по ихъ слѣдамъ идутъ другіе завоеватели, проповѣдники христіанства, которые привязывали германцевъ духовною связью къ Риму и его цивилизаціи. Такая перемѣна въ движеніи, то-есть, когда, вмѣсто движенія германцевъ въ области имперіи и преимущественно въ Галлію, послѣдовало движеніе изъ Галліи въ Германію, условливалась прежде всего истощеніемъ Германіи. Никто, разумѣется, не предположитъ, что Германія во время перваго столкновенія своего съ Римомъ, дикая, покрытая дремучими лѣсами Германія, могла содержать большое народонаселеніе, особенно когда знаемъ, что германцы жили разбросанно, не скучиваясь въ городахъ, которыхъ не было. Конечно, мы не должны упускать изъ вниманія большой плодущности арійскихъ племенъ, слѣдовательно и германцевъ; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что это разбросанное въ дремучихъ лѣсахъ народонаселеніе ожесточенно дралось другъ съ другомъ, и кромѣ того въ продолженіе вѣковъ постоянно выдѣляло изъ себя толпы переселенцевъ, которыя подъ разными видами проходили въ области имперіи, и наконецъ перешли туда цѣлыми народами. Это послѣднее переселеніе, закончившееся утвержденіемъ франковъ въ Галліи, въ связи съ гунскимъ нашествіемъ, и обезсилило Германію, прекратило движеніе ея народовъ, привело ихъ въ состояніе покоя, которое заставило ихъ припасть къ землѣ, сродниться съ нею. Тутъ-то собственно и положено было начало Германіи, ибо до сихъ поръ страна, получившая это имя, была только перепутьемъ

для своего народонаселенія. Германія истощилась, а Галлія усилилась утвержденіемъ въ ней франковъ: это было самое сильное владѣніе въ цѣлой Европѣ, которое потому и начинаетъ наступательное движеніе на Германію, не могущую выставить ей сильнаго сопротивленія; одинъ германскій народъ за другимъ подчинялся франкскимъ вождямъ, которые самымъ фактомъ подчиненія прикрѣпляютъ германскія племена къ ихъ мѣсту жительства, вводятъ ихъ въ опредѣленныя границы, а идущее по слѣдамъ ихъ христіанство прикрѣпляетъ ихъ окончательно къ странѣ созданіемъ религіозныхъ церковныхъ центровъ, епископствъ, монастырей.

Но если мы знаемъ, что франкскія владѣнія въ Галліи раздѣлялись между потомками Кловиса, то имѣемъ право ожидать, что самою значительною, самою сильною частью между ними должна быть сѣверо-восточная часть, германская украйна, вожди и воины которой находились постоянно на самомъ опасномъ мѣстѣ, требующемъ особеннаго мужества, энергіи и искусства. И дѣйствительно, мы видимъ, что сѣверо-восточная часть франкскихъ владѣній, такъ-называемая Австразія беретъ явно перевѣсъ надъ юго-западною или такъ-называемою Нейстріею. Послѣ первыхъ Меровинговъ исторія франковъ въ Галліи представляетъ картину смутъ, усобицъ, оканчивающихся перемѣною владѣльческаго дома, и во все это время за-рейнскіе германцы оставляютъ франковъ спокойно устроивать свои дѣла въ Галліи, не пользуются удобнымъ случаемъ взять надъ ними верхъ, не трогаютъ ихъ въ богатой завидной Галліи: опять доказательство истощенія за-рейнской или собственной Германіи.

Какая же была причина смутъ и усобицъ между франками въ Галліи? Обнаруживается безсиліе, неспособность къ правительственной дѣятельности между членами меровингскаго королевскаго дома, являются такъ-называемые *лѣнивые*, *ничего не дѣлающіе короли*. Это явленіе объясняется легко, если вспомнимъ, съ какою варварскою алчностью Меровинги бросились на чувственныя наслажденія, благодаря средствамъ, которыя доставило къ тому ихъ верховное положеніе въ Галліи. Понятно, что такой образъ жизни долженъ былъ скоро повести къ физическому и нравственному ослабленію, одряхлѣнію рода. Прежде всего оказалось, что Меровинги больше не воины, а потому и не вожди, могутъ заниматься только мирными дѣлами, судомъ; впослѣдствіи оказалось, что они и ни къ чему негодны. Если короли не могутъ быть вождями, то на ихъ мѣсто должны быть другіе вожди. Меровинговъ вдругъ отстранить нельзя: это давній, знатнѣйшій владѣльческій родъ. Къ ихъ верховному значенію привыкли; но

главное, у этого рода большія матеріальныя средства; у Меровинговъ много земель, у нихъ большая *труста*, большое количество людей, связанныхъ съ ними земельными отношеніями, кормящимися отъ нихъ; главный между членами *трусты*, антрустіонами — это управляющій домомъ, хозяйствомъ королевскимъ, *major domus*, палатный мэръ; послѣ короля онъ виднѣе всѣхъ въ его домѣ; во время малолѣтства короля онъ его опекунъ, а если король постоянно будетъ недорослемъ, нравственно несовершеннолѣтнимъ, то палатный мэръ будетъ постоянно занимать его мѣсто, и если король будетъ постоянно недорослемъ, а должность палатнаго мэра будетъ оставаться въ одномъ родѣ, станетъ наслѣдственною, то рано или поздно родъ, дѣйствительно владѣющій, станетъ владѣющимъ и номинально, отнявъ у старой династіи и номинальное владычество.

Палатные мэры франковъ имѣютъ важное значеніе въ исторіи западной Европы, въ исторіи этихъ трехъ странъ — Галліи, Италіи и Германіи, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, потому что эта тѣсная связь явилась вслѣдствіе дѣятельности палатныхъ мэровъ. Организмъ въ новорожденныхъ государствахъ былъ крайне слабъ, внутренняго равновѣсія между органами быть не могло, вслѣдствіе чего сильнѣйшій стремился подчинить себѣ слабѣйшаго; при неразвитіи народной дѣятельности богатство, сила основаны исключительно на землевладѣніи, и сильнѣйшій землевладѣлецъ стремится подчинить себѣ слабѣйшаго; это подчиненіе происходитъ извѣстнымъ образомъ чрезъ обращеніе вотчинъ въ помѣстья: слабѣйшій отдаетъ свою вотчину сильнѣйшему и беретъ ее назадъ въ видѣ помѣстья и съ извѣстными обязанностями подчиненія, зависимости, ибо при господствѣ земельной собственности, полученіе земли въ бенефицій или помѣстье, было самымъ яснымъ выраженіемъ зависимости, подчиненія, а владѣніе своею землею, вотчиною, служило вѣрнѣйшимъ выраженіемъ независимости. При такомъ положеніи дѣлъ, при такихъ стремленіяхъ, бѣдный, слабый землевладѣлецъ могъ сохранить свою независимость, сохраняя свою вотчину, свой жребій или аллодъ только при помощи верховной власти, но это возможно было только въ томъ случаѣ, когда верховная власть была сильна, а при тогдашнемъ государственномъ бытѣ это могло быть только при условіяхъ личныхъ средствъ правителя, способности его бороться съ сильными, давать имъ чувствовать свою силу и защищать слабыхъ. Когда между Меровингами перестали являться такіе сильные правители, то сильные люди начали стремиться, съ одной стороны, къ независимости отъ короля: такъ

какъ эта зависимость выражалась въ полученіи отъ короля помѣстій или бенефицій и въ полученіи отъ него въ управленіе городовъ и областей, то освобожденіе отъ зависимости естественно состояло въ обращеніи помѣстій въ вотчины и въ обращеніи временныхъ правительственныхъ должностей въ наслѣдственныя; съ другой стороны, произошло стремленіе сильныхъ землевладѣльцевъ подчинить себѣ слабыхъ чрезъ обратное измѣненіе вотчинъ ихъ въ помѣстья; слабые, не находя себѣ защиты въ верховной власти, естественно должны были закладываться за сильныхъ, отдавая имъ свои вотчины и принимая ихъ обратно въ видѣ помѣстій. При долгомъ рядѣ королей-недорослей, т.-е. при продолжительной слабости верховной власти, оба эти стремленія должны были увѣнчаться вѣрнымъ успѣхомъ; Галлія должна была явиться подѣленною между извѣстнымъ количествомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, за которыми слабѣйшіе были бы въ закладникахъ, захребетникахъ, однимъ словомъ, гораздо ранѣе должно было бы произойти то же самое, что́ произошло позднѣе при паденіи карловингской династіи, именно при крайнемъ ослабленіи государственной власти, господство частнаго союза по землѣ, господство закладничества, или, по западному выраженію, феодализма. Разумѣется, столкновеніе между этими сильными землевладѣльцами, незнающими надъ собой никакой власти, повело бы къ войнамъ между ними; могла бы открыться возможность сильнѣйшимъ, способнѣйшимъ между ними подчинять себѣ другихъ; но все это потребовало бы времени, и Галлія или франки, ею владѣвшіе, не могли бы имѣть того вліянія на Италію и Германію, сыграть той посредствующей роли между ними, какую они сыграли при Карловингахъ.

Палатные мэры, перенеся на себя значеніе и средства Меровинговъ, сдержали на нѣкоторое время стремленіе, долженствовавшее необходимо привести къ феодализму, удержали, слѣдовательно, на нѣкоторое время франкское государство отъ феодализма и дали начало новой династіи, которая при Карлѣ Великомъ соединила съ Галліей, Италію и всю Германію. Какимъ же образомъ палатные мэры могли противодѣйствовать развитію закладничества или феодализма? Если антрустіоны, пользуясь слабостію Меровинговъ, стремились оставить за собой навѣки земли, полученныя отъ короля, обратить помѣстья въ вотчины, и должности сдѣлать наслѣдственными, то палатные мэры должны были ослаблять ихъ отнятіемъ у нихъ земель и должностей; этимъ отнятіемъ земель и должностей у слишкомъ богатыхъ и сильныхъ вельможъ они пріобрѣли средство набирать для себя болѣе покорныхъ слугъ,

раздавая новымъ, бѣднымъ людямъ конфискованныя земли и должности, набирать новыхъ, болѣе вѣрныхъ антрустіоновъ. Такъ поступалъ палатный мэръ Гримоальдъ, сынъ Пепина Ланденскаго, такъ поступалъ палатный мэръ Эброинъ, знаменитый своею ожесточенною борьбою съ старыми вельможами, замѣнявшій ихъ людьми новыми, покорными, Эброинъ, который, по свидѣтельству одного источника, наказавши людей несправедливыхъ и гордыхъ, водворилъ совершенное спокойствіе, а по свидѣтельству другого источника: человѣкъ худородный, Эброинъ заключилъ въ темницу всѣхъ франковъ знатнаго происхожденія; онъ замѣнилъ ихъ людьми худородными, которые не смѣли противиться его нечестивымъ приказаніямъ. Такъ поступалъ палатный мэръ Карлъ Мартеллъ, который, нуждаясь въ земляхъ для раздачи въ помѣстья своимъ антрустіонамъ, отбиралъ земли у епископовъ. Понятно, что борьба палатныхъ мэровъ съ старыми вельможами была тяжелая, что не всѣ они могли выходить изъ нея побѣдителями. Вельможи составляютъ заговоръ убить Пепина Ланденскаго, и онъ спасается отъ смерти только чудомъ; Гримоальдъ и Эброинъ гибнутъ въ борьбѣ. Вельможи стараются не допускать наслѣдственности въ должности палатнаго мэра, не хотятъ даже допускать пожизненнаго занятія этой должности однимъ лицомъ. Но, несмотря на все стараніе враговъ подавить эту силу, палатные мэры торжествуютъ, и опять повторяется то же явленіе, торжествуютъ палатные мэры изъ германской украйны, изъ Австразіи. Они даютъ франкамъ и новую династію. Попытка замѣнить династію королей-недорослей новою крѣпкою династіею изъ австразійскихъ палатныхъ мэровъ была сдѣлана давно, но, какъ обыкновенно бываетъ, первая попытка не удалась, ибо силы противниковъ были еще велики. Въ половинѣ VII вѣка извѣстный Гримоальдъ, палатный мэръ при австразійскомъ королѣ Сигибертѣ II, ведетъ сильную борьбу съ знатью, въ пользу короля отбираетъ у ней земли, которыя были ею получены до совершеннолѣтія короля, не щадитъ и духовенства; но когда Сигибертъ II умираетъ, Гримоальдъ постригаетъ его сына, отсылаетъ его въ монастырь въ Ирландію и провозглашаетъ королемъ своего сына, выставляя, что послѣдній былъ усыновленъ покойнымъ королемъ. Но попытка, какъ сказано, была преждевременна: Меровинги не превратились еще совершенно въ недорослей, и царствовавшій въ Нейстріи Меровингъ (Хлодовикъ II) не хотѣлъ спокойно перенести потери для своего рода Австразіи; враждебные Гримоальду австразійскіе вельможи соединились съ Меровингомъ, и Гримоальдъ умеръ въ темницѣ.

Первая попытка не удалась и долго не повторялась. Не поднимая опаснаго вопросъ о перемѣнѣ династіи, оставляя Меровинскихъ королей-недорослей владѣть по имени, довольствуясь скромнымъ, но многозначительнымъ титуломъ вождей франковъ, палатные мэры усиливались на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе; причемъ, какъ легко было предвидѣть, палатные мэры германской украйны, Австразіи, низлагаютъ палатныхъ мэровъ Нейстріи. Чтобъ вторая попытка замѣнить совершенно старую династію новою удалась, палатнымъ мэрамъ необходимо было сломить всякое сопротивленіе со стороны вельможества, со стороны свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, ибо со стороны Меровинговъ сопротивленія быть не могло. Это было сдѣлано окончательно палатнымъ мэромъ Карломъ, носившемъ знаменательное прозвище молота (Мартеллъ). Мы уже упоминали, что Карлъ для достиженія своей цѣли употребилъ тѣ же средства, которыя употреблялись его предшественниками палатными мэрами, которыя употреблялись и въ другія времена, въ другихъ, далекихъ странахъ, но при одинакихъ обстоятельствахъ, когда государства носятъ земледѣльческій характеръ, когда земля составляетъ главное богатство, главную силу. Онъ раздаетъ приближеннымъ, вѣрнымъ людямъ епископства и монастыри; у епископовъ, которые остались на прежнихъ мѣстахъ, онъ отнимаетъ часть земель, чтобъ раздать ихъ въ помѣстья своимъ людямъ. Мартеллъ покончилъ дѣло своихъ предшественниковъ, и сынъ его Пепинъ спокойно свелъ съ престола Меровинга и самъ сѣлъ на его мѣсто. Разумѣется, религіозное освященіе, данное новой династіи церковью, старшимъ римскимъ архіереемъ или папою, имѣло свое значеніе; но нельзя думать, чтобъ дѣло не обошлось и безъ этого освященія: все было приготовлено къ событію; Пепинъ получилъ новое значеніе, новый титулъ, благодаря преимущественно отцовской дѣятельности, уничтожившей всякое сопротивленіе окончательному возвышенію карловингской фамиліи.

Приготовленныя Карломъ Мартелломъ средства Пепинъ передалъ сыну своему, Карлу Великому, котораго важное значеніе состоитъ въ томъ, что онъ соединилъ судьбу трехъ главныхъ западно-европейскихъ континентальныхъ странъ, судьбу Италіи, Галліи и Германіи. Мы видимъ, что сѣверо-восточная часть Галліи представляла украйну римско-христіанскаго міра, хранившаго остатки древней языческой цивилизаціи и начатки новой, христіанской; далѣе, на востокѣ, былъ міръ варваровъ, варваровъ способныхъ по своей природѣ къ принятію цивилизаціи, германцевъ, и варваровъ, если не совершенно неспособныхъ, то крайне тугихъ къ

ея принятію, степныхъ варваровъ, обыкновенно знаменующихъ свою дѣятельность въ исторіи отрицательно, чрезъ опустошеніе, разрушеніе: таkими были въ описываемое время авары. Слѣдовательно, здѣсь, на границѣ двухъ міровъ, мы должны ожидать тѣхъ явленій, какія обыкновенно происходятъ на украйнахъ между цивилизованными и варварскими народами: постоянную борьбу между ними. Если цивилизованный народъ слабѣетъ въ силу какихъ-нибудь внутреннихъ причинъ, то варвары берутъ верхъ, усиливаютъ свои нападенія, даже покоряютъ цивилизованный народъ и, смотря по своей способности, или основываютъ новое государство и новое общество, или довольствуются только внѣшнимъ подчиненіемъ, данью. Если же усиливается цивилизованное государство, то оно тѣснитъ варваровъ, съ которыми мирное сожительство невозможно, покоряетъ ихъ и подчиняетъ цивилизаціи съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по способности варваровъ къ принятіи цивилизаціи. Таково было отношеніе Рима къ галламъ. Когда Римъ, пользуясь послѣдними своими силами, покорилъ Галлію и романизовалъ ее, то эта провинція явилась украйною римскаго цивилизованнаго міра относительно варварскаго міра германцевъ. Борьба между этими мірами началась немедленно, и такъ какъ римская имперія постоянно ослабѣвала, то варвары взяли верхъ, наводнили Галлію и утвердились въ ней. Образованіе въ этой богатой странѣ новаго владѣнія воинственными вождями варваровъ, и, съ другой стороны, указанное выше истощеніе Германіи, даетъ Галліи перевѣсъ надъ послѣднею, ближайшіе народы ея должны признавать свою зависимость отъ франксвихъ вождей, владѣтелей Галліи. Разумѣется, тутъ не могло быть прочности отношеній: при первомъ удобномъ случаѣ, при первой усобицѣ между франками германскіе князья свергали съ себя зависимость и начинали дѣйствовать враждебно противъ франковъ. Среди этихъ германскихъ народовъ мы встрѣчаемъ уже знакомое намъ явленіе: какъ въ Галліи временъ Цезаря тѣ народцы были суровѣе, энергичнѣе и крѣпче, которые были подальше отъ римскихъ владѣній, меньше были тронуты цивилизаціею; такъ и въ Германіи описываемаго времени: самыми суровыми изъ племенъ были тѣ, которыя были подальше отъ галло-франкской границы, самыми суровыми, энергичными и крѣпкими между германцами были саксонцы.

Среди саксонцевъ франки должны были встрѣтить самое упорное сопротивленіе, и время страшной, окончательной борьбы приближалось: силы франковъ сосредоточились, благодаря австразійскимъ вождямъ, преимущественно Карлу Мартеллу; средства

постояннаго, упорнаго наступленія на Германію, варварскую, раздѣленную и потому слабую, приготовились, но нападеніе на Германію шло съ двухъ сторонъ; кромѣ франкскихъ вождей, постоянно упорное наступательное движеніе на Германію видимъ со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ. Заодно съ Карломъ Мартелломъ дѣйствуетъ знаменитый проповѣдникъ Винфридъ или Бонифацій, но идетъ далѣе вождя франковъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, въ заповѣдныхъ языческихъ святилищахъ является безоружный богатырь, и свирѣпые варвары боязливо сторонятся передъ нимъ; въ его словахъ страшная сила, онъ проповѣдуетъ Бога, который сильнѣе ихъ боговъ, по его мановенію подсѣкаются, падаютъ священныя деревья, и ни одинъ богъ не приходитъ отмстить за свою обиду. Въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ жили только дикіе звѣри, слышится звукъ колокола: тамъ стоитъ деревянная церковь, около которой живутъ монахи; скоро къ этимъ мѣстамъ пролагается дорога отовсюду, а куда идетъ много народа, тамъ и начинаетъ постоянно жить много народа, и подъ сѣнью монастыря растетъ городъ. Но завоеванія христіанскихъ проповѣдниковъ подвергались иногда горькой участи: варвары, оскорбленные вторженіемъ чужихъ людей, чужой вѣры, собираются, истребляютъ церкви, монастыри, убиваютъ, выгоняютъ проповѣдниковъ. На мѣсто убитыхъ и прогнанныхъ являются другіе, но, желая обезопасить начатки христіанства, дать ему пустить корни, они ищутъ покровительства свѣтской силы, и вождь франковъ ихъ надежный покровитель, вѣрный союзникъ, ибо у нихъ одно общее дѣло. «Еслибы не страхъ предъ герцогомъ австразійскимъ», говорили миссіонеры, «то намъ нельзя было бы ни устанавливать городъ, ни защищать духовенство». Помощь была взаимная, и тотъ же Бонифацій помазываетъ на царство, провозглашаетъ королемъ Пепина, сына своего союзника и покровителя Карла Мартелла.

Пепинъ получилъ вѣнецъ королевскій; Бонифацій жаждалъ и получилъ вѣнецъ мученическій: семидесятилѣтній старикъ оставилъ свою майнцкую епископію, пошелъ проповѣдовать христіанство между фризами и былъ убитъ ими. Пепинъ опустошилъ за это земли фризовъ, но сынъ его Карлъ поставилъ задачею своей дѣятельности, чтобъ впередъ въ Германіи не убивали проповѣдниковъ христіанства. Въ исполненіи этой задачи и состоитъ историческое значеніе Карла Великаго. Онъ уничтожилъ черту, которая до него отдѣляла Германію отъ римско-христіанскихъ странъ— Италіи и Галліи, сдѣлалъ Германію также христіанскою и доступною къ принятію начатковъ цивилизаціи, далъ Германіи единство,

во сколько она была способна къ нему, ввелъ ее въ общую жизнь съ Италіею и Галліею, расширилъ историческую европейскую сцену, перенесши мѣсто борьбы съ варварскимъ міромъ изъ Галліи (изъ сѣверо-восточной ея части преимущественно) въ Германію, сдѣлалъ послѣднюю украйною европейскаго христіанскаго міра. То, что Цезарь сдѣлалъ съ Галліею, то Карлъ Великій сдѣлалъ съ Германіею, и понятно, что пріемы Карла въ войнѣ съ германцами очень сходны съ пріемами Цезаря въ войнѣ съ галлами. Состояніе германцевъ при Карлѣ было одинаково съ состояніемъ галловъ при Цезарѣ, какъ вообще съ состояніемъ всѣхъ варварскихъ племенъ, раздѣленныхъ и потому слабыхъ въ борьбѣ съ народомъ, обладающимъ извѣстною степенью цивилизаціи. Цивилизація даетъ широту и ясность взгляда, умѣнье сосредоточивать силы; у варваровъ достаетъ силы нѣсколько разъ подниматься противъ завоевателей, благодаря случайнымъ воинскимъ обстоятельствамъ, особенно благодаря личности какого-нибудь отдѣльнаго человѣка, вождя; но эти возстанія не возвращаютъ свободы, ибо внутренней органической народной и государственной связи нѣтъ; такія же черты представляетъ намъ и послѣдующая борьба западныхъ славянъ съ Карломъ и его германскими преемниками, и борьба пруссовъ съ тевтонскими рыцарями.

Но если борьба германцевъ (преимущественно саксонцевъ) съ Карломъ Великимъ представляетъ поразительное сходство съ борьбою галловъ противъ Юлія Цезаря; если, повидимому, она и кончилась одинакимъ образомъ, если Карлъ завоевалъ Германію и подчинилъ ее господствовавшему въ Галліи порядку, какъ Цезарь завоевалъ Галлію и подчинилъ ее римскимъ началамъ; то въ послѣдствіяхъ обоихъ явленій обнаруживается большое различіе. При завоеваніи Галліи Цезаремъ движеніе шло еще изъ крѣпкаго государственнаго тѣла, изъ страны, легко задавившей богатствомъ своей цивилизаціи варварскую Галлію, не дававшей развиться въ ней самостоятельности политической и нравственной; но другое было въ отношеніяхъ между Галліею и Германіею во времена Карла Великаго. Во-первыхъ, движеніе шло изъ страны внутренно далеко не сильной, изъ государства далеко еще не сложившагося, изъ государства, которое само переживало болѣзненное состояніе рожденія; во-вторыхъ, цивилизація въ Галліи была слаба, нисколько еще не сложилась, не опредѣлилась. Остатки римской цивилизаціи боролись съ германскимъ варварствомъ и заглушались имъ, еще не образовался языкъ. Въ дѣлѣ подчиненія Германіи сильнымъ, могущественнымъ средствомъ въ рукахъ галло-франкскихъ вождей было христіанство; но христіанство по своему существу, по все-

общности своей, не заключало въ себѣ условій подчиненія, поглощенія одной національности другою; церковныя же отношенія, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, связывали Германію съ Италіею, а не съ Галліею. Но если Галлія была слаба въ политическомъ и духовномъ отношеніяхъ, не имѣла средствъ держать Германію въ подчиненіи себѣ, то Германія въ то же время пріобрѣтала силу: она пріобрѣтала христіанство и начатки цивилизаціи, пріобрѣтала единство религіозное и сознаніе о единствѣ политическомъ, выражавшееся въ стремленіи имѣть одного короля; благодаря этимъ обстоятельствамъ, Германіи не только легко было пріобрѣсти самостоятельность, но и важное значеніе, значеніе украйны христіанскаго цивилизованнаго міра, перенявъ роль, которая до сихъ поръ принадлежала Галліи, роль, какъ извѣстно, благодарную, ибо она поддерживаетъ народныя силы постоянною борьбою и опасностію. Если эта роль дала въ Галліи первенство ея сѣверовосточной части, Австразіи, то она же давала теперь преимущество Германіи передъ Галліею, и была причиною, что германскій король удержалъ за собою первенство по титулу, удержалъ за собою императорское достоинство. Но, съ другой стороны, и Германія, ставши настолько сильною, чтобъ удержать самостоятельность и пріобрѣсть первенство положенія, была однако, какъ государство новорожденное, неустановившееся, заключавшее въ себѣ много борющихся другъ съ другомъ элементовъ, —такъ слаба, что не могла подчинить себѣ Галліи, и та спокойно могла переживать внутренніе процессы своего государственнаго образованія, ставши Франціею.

Такимъ образомъ, въ началѣ западно-европейской исторіи мы видимъ на континентѣ двѣ главныя страны, которыя обѣ настолько сильны, чтобъ сохранить свою самостоятельность, и настолько слабы, чтобъ посягнуть на самостоятельность другъ друга, и это равенство положенія двухъ главныхъ странъ западной Европы, не исключая ихъ постояннаго и сильнаго соперничества и борьбы, носило однако въ зародышѣ будущую политическую систему Европы, ея политическое равновѣсіе. Политическая связь Галліи и Германіи могла продержаться только при Карлѣ Великомъ, благодаря личнымъ качествамъ этого государя и тому, что Карлъ дѣйствительно воспользовался преимуществомъ положенія франкскаго владѣнія въ Галліи, чтобъ подчинить Германію христіанству и цивилизаціи; но какъ скоро это дѣло было совершено, то Германія получила такія силы, которыя уравнивали ея положеніе съ положеніемъ Галліи, что̀ дѣлало подчиненіе этихъ странъ другъ другу невозможнымъ, условливало ихъ раздѣльную, само-

стоятельную жизнь, тѣмъ болѣе, что знаменитый историческій дѣятель съ своею династіею, принадлежа Галліи какъ владѣтель, не принадлежалъ ея національности, которая еще не выработалась,—онъ принадлежалъ собственно германской національности, хотя несовершенно, принадлежа также міру римско-христіанскому и цивилизованному. Эта принадлежность двумъ мірамъ, двумъ странамъ, и дѣлала Карла способнымъ сыграть ту посредствующую между ними роль, которою онъ знаменитъ въ исторіи; но при этомъ для каждаго ясно, что Карлъ Великій есть собственно дѣятель германской исторіи и начальный ея дѣятель; онъ былъ то же для Германіи, чтó Кловисъ для Франко-Галліи или послѣдующей Франціи. Франко-Галлія отъ дѣятельности Карла не получила ничего; она потеряла только вслѣдствіе ея значеніе украйны цивилизованнаго міра, ибо это значеніе, благодаря Карлу, перешло къ Германіи; но Германія получила отъ дѣятельности Карла все.

Кромѣ Галліи и Германіи, дѣятельность Карла Великаго обняла также и Италію; но здѣсь эта дѣятельность должна была подчиниться условіямъ, въ которыхъ жила Италія, которыя она вынесла изъ прежней своей исторіи. Здѣсь римская старина была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; здѣсь былъ вѣчный городъ съ своимъ притязаніемъ на всемірное главенство, съ своимъ соперничествомъ относительно Византіи, которая предъявляла то же притязаніе, съ своею извѣчною борьбою противъ варварскихъ вождей, хотѣвшихъ владѣть Римомъ такъ, какъ владѣли другими городами Италіи; съ своею формою быта, кàкъ она образовалась во время религіознаго переворота, когда епископъ города получилъ первенствующее значеніе, а епископъ Рима былъ вѣренъ притязаніямъ своего города, и потому считалъ себя главою всѣхъ другихъ епископовъ. Карлъ явился въ Италію какъ вѣрный слуга Рима: онъ освободилъ его и отъ лонгобардовъ, и отъ византійскаго императора, и за это былъ выкрикнутъ въ Римѣ императоромъ. При подчиненіи варваровъ римской цивилизаціи, при господствѣ римскихъ представленій и формъ, могущественный обладатель Галліи, Германіи и Италіи получилъ и высшій титулъ императора, тогда какъ предки его назывались только римскими патриціями. Разъ этотъ высшій титулъ былъ переданъ сильнѣйшему изъ владѣтелей западной Европы, то онъ и остался между ними. Италія и Римъ оставались при этомъ въ томъ положеніи, какое началось для нихъ въ послѣднее время имперіи, когда императоры покинули Римъ для Равенны; теперь императоры жили еще дальше Равенны, за Альпами, и потому Римъ имѣлъ еще болѣе свободы опредѣлять

свои отношенія по новымъ историческимъ условіямъ. При этомъ главное явленіе прежнее—борьба за независимость противъ слишкомъ сильныхъ владѣльцевъ, стремившихся подчинить Италію, Римъ, своему вліянію, своей власти. Борьба происходила и теперь подъ знаменемъ Рима, но знамя, по условіямъ времени, имѣло другой видъ: Римъ развилъ особенную власть, власть папскую, имѣвшую притязанія на всемірное владычество; но тотъ же Римъ сохранилъ изъ своей старины другую власть, тѣсно, необходимо съ нимъ связанную въ мысли народовъ, власть римскаго императора, и двѣ эти власти должны были вступить въ борьбу, имѣвшую важное значеніе для жизни всей западной Европы.

Поэтому, возстановленіе титула римскаго императора для одного изъ государей новыхъ западно-европейскихъ владѣній имѣло важное значеніе для послѣдующей исторіи; но въ началѣ этого возстановленія, при Карлѣ Великомъ, разумѣется, никто не могъ предугадать всѣхъ послѣдствій. Римъ призналъ императоромъ сильнаго владѣльца, жившаго въ Ахенѣ, какъ признавалъ императорами государей, жившихъ въ Равеннѣ или Константинополѣ. На очереди было явленіе, къ которому уже давно привыкли: послѣ сильнаго человѣка, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ большое количество земель, владѣнія его распадались, ибо между ними не выработалась крѣпкая внутренняя органическая связь, которая бы поддержала единство и порядокъ и при отсутствіи силы въ правителѣ. Династическое начало, вмѣсто помощи единству, дѣйствовало противъ него разрушительно, ибо родовое начало не знало никакихъ сдѣлокъ съ государственнымъ. За всѣми сыновьями признавалось право наслѣдовать въ отцовскихъ владѣніяхъ, и только силѣ, жестокости и властолюбію предоставлялось возобновлять нарушенное единство, когда сильнѣйшіе владѣльцы отдѣлывались отъ младшихъ братьевъ и племянниковъ, убивая ихъ, ослѣпляя, заключая въ монастыри. Все зависѣло отъ случайности: будь преемникъ Карла похожъ на него, то единство сохранилось бы въ его царствованіе; но такъ какъ сынъ Карла вовсе не былъ похожъ на отца, то единство Карловыхъ владѣній рушилось; но дѣла Карла остались—основаніе новой Германіи и приведеніе ея въ связь съ Италіею; послѣ него на лицо было три страны, отъ взаимодѣйствія которыхъ зависѣла послѣдующая судьба западной Европы: Галлія, превращавшаяся во Францію, и Германія, одна подлѣ другой, съ равными силами, третья—Италія, замѣняющая недостатокъ политическаго вліянія нравственнымъ вліяніемъ, привносящая въ это народное взаимодѣйствіе особую силу.

Теперь посмотримъ, что было сдѣлано при Карлѣ Великомъ и владѣтеляхъ изъ его рода относительно внутренняго строя. Дѣятельность Карла носитъ тотъ же характеръ, какъ и дѣятельность наиболѣе энергичныхъ его предшественниковъ: онъ старался задержать установленіе того порядка вещей, который былъ необходимъ по тогдашнимъ условіямъ новорожденныхъ государствъ западной Европы, именно закладничества, или такъ-называемаго феодализма. Мы видѣли, что варвары наслѣдовали отъ имперіи самое жалкое состояніе экономическаго быта; городъ упалъ, жители его, не могшіе удовлетворить требованіямъ казны, бѣжали, мелкіе землевладѣльцы закладывались за богатыхъ, отдавали имъ свои земли, на которыхъ оставались уже въ видѣ временныхъ владѣльцевъ, что, по выраженію современниковъ, было первымъ шагомъ къ рабству. Подданные имперіи желали, говорятъ современники, владычества варваровъ; ихъ желаніе исполнилось, но могли ли они выиграть что-нибудь чрезъ эту перемѣну? Основныя отношенія остались прежнія. Новые варварскіе короли роздали своимъ сподвижникамъ земли въ помѣстья и вотчины, разослали своихъ сподвижниковъ правителями областей; по прежнему слабые и бѣдные явились безпомощными предъ сильными и богатыми, по прежнему, для полученія защиты отъ нихъ, они должны были за нихъ закладываться. Единственное, временное облегченіе происходило, когда сильный правитель, какое бы названіе онъ ни носилъ, начиналъ преслѣдовать другихъ сильныхъ, преслѣдовать людей, которые хотѣли усилиться около себя, набрать себѣ всякими средствами побольше земель, полученныя отъ короля помѣстья превратить въ вотчины, управленіе областями сдѣлать наслѣдственнымъ для себя. Истребленіе такихъ *тиранновъ*, какъ они называются въ источникахъ, разумѣется, должно было давать временное облегченіе угнетеннымъ, но только временное, ибо сильный правитель, истребившій опасныхъ для его власти тиранновъ, раздавалъ ихъ земли и должности преданнымъ себѣ людямъ, своимъ антрустіонамъ, которые опять пользовались своею силою и властью, чтобы обогащаться, усиливаться на счетъ слабыхъ, приводить послѣднихъ въ зависимость отъ себя. Внукъ Мартелла, Карлъ Великій, императоръ римскій, имѣлъ много побужденій водворить правду въ своихъ владѣніяхъ, защитить слабыхъ отъ сильныхъ, воспрепятствовать исчезновенію свободныхъ землевладѣльцевъ, переходу ихъ въ закладники или захребетники за частныхъ людей. Но какія были у него для этого средства, соотвѣтствующія собственному его представленію о своемъ характерѣ и представленію подчиненнаго населенія?

Представитель верховной власти былъ прежде всего для народа судья праведный, защитникъ отъ насилій. Епископъ говорилъ новому королю: «мы просили у Бога государя, который бы управлялъ нами по правдѣ, управлялъ каждымъ по его мѣсту и званію, государя, который былъ бы намъ покровомъ и защитою». Въ своихъ просьбахъ народъ говорилъ королю: «если хочешь, чтобъ мы были тебѣ вѣрны, дай силу законамъ». «Я буду судить по правдѣ,—говорилъ король,—если вы будете мнѣ воздавать честь и будете послушны». Мы хорошо знакомы съ этимъ общимъ для народовъ представленіемъ: «поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Какъ же могла доходить къ народу королевская правда, и прежде всего какъ могли доходить до ушей королевскихъ извѣстія о неправдахъ, жалобы на нихъ? Чѣмъ обширнѣе было новорожденное государство, тѣмъ, разумѣется, было больше препятствій этому. Извѣстная часть народонаселенія, именно: военная, свободные землевладѣльцы-вотчинники должны были собираться весною (сначала собирались въ мартѣ, а потомъ въ маѣ мѣсяцѣ) на военный сборъ или смотръ; но, какъ обыкновенно бываетъ въ государствахъ новорожденныхъ, неразвитыхъ, одинъ и тотъ же органъ служитъ для разныхъ отправленій, одно учрежденіе должно удовлетворять разнымъ потребностямъ, и потому майскіе военные сборы или смотры являлись сеймомъ, на которомъ король совѣщался съ вельможами и знатнымъ духовенствомъ о строѣ земскомъ и церковномъ, составлялись постановленія, которыя тутъ же объявлялись и утверждались одобрительными криками собранія; на сеймѣ рѣшались и важнѣйшія дѣла судныя. Пока каждый свободный человѣкъ могъ являться на сеймъ, до тѣхъ поръ онъ могъ на немъ представлять свои интересы и сдерживать сильныхъ. Но свободные люди, мелкіе землевладѣльцы-собственники не долго сохраняли возможность являться на сеймы. Обширность франкскихъ владѣній дѣлала эти путешествія затруднительными и тяжкими; поселеніе воиновъ на земельныхъ участкахъ необходимо производило перемѣну въ ихъ характерѣ, ослабляло воинственность, охоту къ движенію, выдвигало на первый планъ другіе интересы, хозяйственные: отсюда естественное стремленіе отбывать отъ походовъ и сеймовъ; отдаленные походы Карла Великаго не могли не имѣть вреднаго вліянія на мелкихъ, свободныхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, они должны были истреблять значительное ихъ число, вслѣдствіе чего въ вотчинахъ оставались вдовы и сироты, которыхъ легче было притѣснять насильникамъ; во-вторыхъ, отдаленность похода ужасала опасностями и разоре-

ніями вслѣдствіе покинутія хозяйствъ; по первой же причинѣ уменьшилось и число свободныхъ людей на сеймахъ; интересы ихъ оставались безъ защиты, а между тѣмъ стремленіе ихъ отбывать отъ военной службы, отговорки давали возможность областнымъ правителямъ обвинять ихъ въ непослушаніи, говорить, что съ ними нельзя ничего сдѣлать иначе, какъ силою, захватомъ ихъ домовъ. Чтобъ избѣжать военной службы, мелкіе землевладѣльцы стали закладываться за монастыри и за богатыхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ; но у правителей областныхъ были еще средства заставлять мелкихъ землевладѣльцевъ закладываться за себя; свободные люди несли тяжкія повинности: у нихъ останавливались королевскіе гонцы, кормились на ихъ счетъ и брали подводы даромъ; кромѣ того, свободные же люди должны были содержать въ исправности дороги и мосты; областные правители заставляли ихъ работать на себя, и для избѣжанія всѣхъ этихъ тягостей свободные люди закладывались, тѣмъ болѣе, что управы противъ насильниковъ получить было трудно. Сначала свободное населеніе небольшихъ округовъ или сотенъ должно было являться въ назначенные сроки, черезъ недѣлю или двѣ на мѣсто, назначенное для суда; но во время частыхъ и далекихъ походовъ, во время отсутствія областныхъ правителей, которые были вмѣстѣ и судьями, во время отсутствія свободныхъ людей, способныхъ носить оружіе, такое соблюденіе сроковъ и полноты суда было невозможно, особенно когда число свободныхъ людей становилось все меньше и меньше, вслѣдствіе закладничества. Послѣ, при Карлѣ Великомъ, надобно было ограничить число свободныхъ людей, собиравшихся на судъ; вмѣсто всѣхъ, должны были являться, такъ-называемые *scabini*, соотвѣтствующіе нашимъ *«лучшимъ людямъ»*, ибо одинъ указъ или капитулярій говоритъ о нихъ, какъ о «лучшихъ людяхъ, какихъ только можно найти, такихъ, которые Бога боятся, справедливы, кротки и добры». Скабины избирались государевыми посланцами, при содѣйствіи областныхъ правителей и народа, изъ среды свободныхъ людей.

Но подобныя мѣры только указывали на уменьшеніе числа свободныхъ людей, и никакъ не могли усилить ихъ благосостояніе и дать имъ средства удерживаться отъ закладничества. Карлъ очень хорошо понималъ, какъ важно было для его значенія и власти сохраненіе свободныхъ людей, которые давали ему независимыя средства вести внѣшнія войны и внутри держать въ повиновеніи сильныхъ людей; очень хорошо понималъ, что съ переходомъ вольныхъ людей въ захребетники къ богатымъ землевладѣльцамъ онъ или, по крайней мѣрѣ, его преемники

очутятся въ рукахъ послѣднихъ. Карлъ давалъ предписаніе за предписаніемъ въ пользу свободныхъ людей; но предписанія мало помогали въ новорожденномъ обществѣ, которое по своей слабости, по своему хаотическому состоянію, не могло помогать власти, и дѣйствіе власти ослаблялось самимъ Карломъ, который, расширивъ предѣлы своихъ владѣній и своей дѣятельности, тѣмъ самымъ отнималъ у себя средства прямо и сильно дѣйствовать въ предѣлахъ прежнихъ своихъ владѣній. У Карла оставалось одно средство — личное посредственное дѣйствіе, посылка довѣренныхъ людей для наблюденія за исполненіемъ предписаній, и Карлъ схватился за это средство, какъ наиболѣе дѣйствительное, и употреблялъ его въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что ему приписывается учрежденіе «государевыхъ посланцевъ» (missi dominici), хотя оно употреблялось и прежде него; при Карлѣ же это учрежденіе получило постоянство и правильное опредѣленіе; установлено было десять округовъ (missatica), изъ которыхъ каждый объѣзжали два лица — свѣтское и духовное; каждый округъ заключалъ въ себѣ шесть графствъ и четыре епископства. Разъѣзды государевыхъ посланцевъ увеличивали еще тягости, лежавшія на областныхъ жителяхъ, которые должны были содержать ихъ на свой счетъ и давать подводы; содержаніе доставлялось натурою: 40 хлѣбовъ, два поросенка, барашекъ, четыре цыпленка, двадцать яицъ и т. д. Брать деньги было строго запрещено. Прибывши въ назначенный округъ, посланецъ собиралъ всѣхъ свободныхъ франковъ и объявлялъ имъ о цѣли своего пріѣзда; не будучи въ состояніи обозрѣть лично всѣ мѣстности округа, missus избиралъ лучшихъ, самыхъ вѣрныхъ людей и разсылалъ ихъ повсюду для наблюденій. Предметомъ надзора посланцевъ были—правосудіе, общее управленіе, взиманіе податей, взиманіе штрафа, который назывался *heriban*, платимый тѣми, которые не являлись на воинскій сборъ (*были въ нѣтѣхъ*, по старому русскому выраженію). Посланецъ освѣдомлялся, кто изъ людей, приставленныхъ къ разнымъ дѣламъ, хорошо исполнялъ свою должность, чтобъ донести объ нихъ государю; самъ смѣнялъ дурныхъ, но главнаго областного правителя или графа смѣнить не могъ, а доносилъ только государю. Когда какой-нибудь сильный человѣкъ, свѣтскій или духовный, отказывался исполнять приказаніе посланца, то послѣдній оставался со всею свитою жить въ его владѣніяхъ, т.-е. кормился на его счетъ, до тѣхъ поръ, пока непокорный смирялся. Этотъ обычай замѣчателенъ, во-первыхъ, потому, что показываетъ, какъ тяжело было содержать посланца; во-вторыхъ, что̀ было общаго у средневѣковыхъ народовъ, и считалось

самымъ естественнымъ наказаніемъ для ослушниковъ; въ русской лѣтописи, въ разсказѣ о бѣлозерскихъ волхвахъ, говорится: «въ это время пришелъ отъ князя Святослава Янъ, сынъ Вышатинъ; вошедши въ городъ къ бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «если не перехватаете этихъ волхвовъ, то цѣлое лѣто не уйду отъ васъ. Бѣлозерцы привели къ нему волхвовъ».

И знаменитое установленіе государевыхъ посланцевъ не могло остановить усиленія закладничества. Чтобъ эта мѣра была успѣшна, надобно было, чтобы всѣ missi dominici были достойны королевскаго довѣрія, чтобы, кромѣ честности, имѣли много ума, проницательности, ловкости для усмотрѣнія злоупотребленій и ихъ прекращенія; но этимъ условіямъ удовлетворить было не легко. Впрочемъ, оставя въ странѣ злоупотребленія правителей, всякаго рода отягощенія, которыми сильные заставляли слабыхъ закладываться за себя, мы должны остановиться на одномъ побужденіи къ закладничеству, которое одно имѣло большую силу и противъ котораго missi dominici, при всей добросовѣстности, не могли ничего сдѣлать: это побужденіе было избываніе военной службы, дальнихъ походовъ. Какъ только воинъ, дружинникъ, дѣлался землевладѣльцемъ, хозяиномъ, то онъ терялъ военный характеръ, походъ, особенно отдаленный, былъ ему въ страшную, нестерпимую тягость, и чтобы избавиться отъ него, онъ закладывался за ближайшаго крупнаго землевладѣльца, выговаривая себѣ большія льготы, именно относительно военной повинности. «Эти люди были свободны, но такъ какъ они не могли выносить воинской повинности, то отдали свои земли (заложились)», говорятъ источники. Такимъ образомъ, закладничество, или феодализмъ знаменуетъ время усаживанія народовъ въ извѣстныхъ странахъ, прекращеніе воинственныхъ движеній, которымъ знаменуется предшествующее время, время движенія дружинъ, переселенія народовъ. Воины, получившіе земли, припадаютъ къ нимъ, не хотятъ съ ними разлучаться, вступаютъ въ частный союзъ, въ зависимость, лишь бы не отлучаться отъ своихъ земель, по крайней мѣрѣ на долго. Здѣсь обнаружилась необходимая реакція предшествовавшему направленію наступательному, здѣсь обнаружилось стремленія стать крѣпко, удержаться, сохранить пріобрѣтенное. Страна покрылась зáмками и всѣ землевладѣльцы уцѣпились, такъ сказать, другъ за друга, для защиты. Карлъ Великій былъ послѣдній завоеватель. Германское движеніе кончилось его походами, и кончилось обратнымъ путемъ: вождь франковъ, сначала называвшійся римскимъ патриціемъ, потомъ императоромъ, двигался съ запада на востокъ и подчинилъ себѣ Германію изъ Галліи. Морскія движенія нор-

манновъ, начавшіяся съ этого времени, уже показываютъ, что на сухомъ пути движеніе германскаго племени закончилось, что на сухомъ пути ему нѣтъ больше мѣста, что здѣсь великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло; излишку сѣвернаго народонаселенія, безпокойнымъ силамъ, богатырству оставалась одна морская дорога, завоеваніе острововъ и кое-какихъ оконечностей западной части континента.

Великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло, давши западной Европѣ новыя, свѣжія силы въ новомъ, свѣжемъ слоѣ народонаселенія, принадлежавшаго также къ любимому исторіею племени арійскому, способному перенять древнюю греко-римскую цивилизацію и, при ея помощи, создать новую. При ея помощи? Давно уже историческая наука трудится надъ опредѣленіемъ степени этой помощи и встрѣчаетъ, какъ обыкновенно случается, препятствія въ своемъ дѣлѣ отъ ложнаго пониманія патріотизма, вслѣдствіе котораго, съ одной стороны, преувеличивается доля участія новыхъ народовъ въ построеніи новаго общества, съ другой преувеличивается дѣло участія римскаго, т.-е. олатыненнаго народонаселенія; выставляютъ въ новыхъ народахъ ихъ варварство, страсть къ разрушенію, бѣдствія, которыя они причинили цивилизаціи. Но дѣло въ томъ, что еслибы цивилизація римскаго міра была сильна, еслибъ она давала обладающему ею народу нравственныя и матеріальныя средства, то отношенія были бы иныя: не варвары покорили бы римскія области, а Римъ покорилъ бы себѣ германцевъ, какъ покорилъ галловъ, и заставилъ бы ихъ совершенно подчиниться своей національности, олатынилъ бы ихъ. Таковы бываютъ всегда слѣдствія столкновенія сильныхъ цивилизованныхъ народовъ съ варварами; если же встрѣчаемъ обратное явленіе, т.-е. что варвары покоряютъ цивилизованный народъ, то это значитъ, что послѣдній одряхлѣлъ, вслѣдствіе чего пала и его цивилизація; такой упадокъ цивилизаціи и представляетъ намъ описываемое время, время разложенія римской имперіи; одряхлѣвшій римскій элементъ и его цивилизація были слишкомъ слабы, и потому не могли подчинить себѣ варваровъ, олатынить ихъ, и этимъ самымъ варварамъ была дана возможность начать жить своею жизнію, хотя и при новыхъ условіяхъ; ихъ національность не была задавлена чужою, римскою цивилизаціею, но отчасти только подчинилась ея вліянію, и подчиненіе это имѣло свои степени, что̀ обнаружилось на языкѣ, этомъ показателѣ народности: и въ прежнихъ римскихъ областяхъ варвары не приняли вполнѣ латинскаго языка, но измѣнили его, образовали особые языки изъ смѣшенія латин-

скаго съ германскимъ; а за Рейномъ, внѣ прежнихъ областей римскихъ, германскій языкъ сохранился свободнымъ отъ латинскаго вліянія. При столкновеніи съ Римомъ новые народы встрѣтили одну дѣйствительную силу и безусловно покорились ей: эта сила была сила новой религіи, христіанства; остатокъ нравственныхъ силъ древняго общества весь ушелъ сюда, новые народы также выставили на служеніе новой религіи лучшія свои силы, и началась новая сильная жизнь, преимущественно подъ вліяніемъ новаго начала; подъ покровомъ этого сильнаго начала нашла себѣ убѣжище и слабая цивилизація древняго міра.

Древнее государственное устройство и древній экономическій бытъ оказались несостоятельными, не могли служить непосредственному образованію прочныхъ государственныхъ тѣлъ. Самыми сильными внутренними и внѣшними средствами историческіе дѣятели не могли тутъ ничего сдѣлать, и государство Карла Великаго, знаменитаго возстановителя римской имперіи, представляло внутри хаосъ, разложеніе общества, безнаказанность силы за насиліе: «власть лежала тяжелымъ гнетомъ на слабыхъ; разбойники безнаказанно совершали свои грабительства; мстители беззаконій являлись сообщниками преступленій» (Алкуинъ).

Если такъ было при Карлѣ Великомъ, то легко понять, чтó стало послѣ него, когда личное ничтожество и междоусобныя войны еще болѣе ослабили власть его преемниковъ. Частный союзъ, частныя сдѣлки между слабыми и сильными явились единственнымъ средствомъ спасенія. Государство должно было отказаться отъ борьбы противъ частнаго союза, должно было отказаться отъ своихъ претензій, и мерзенскій эдиктъ 847 года провозглашаетъ: «всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина».

С. Соловьевъ.

I.

БАБУШКА

Послушай, Машенька, дружокъ,
Поправь въ каминѣ огонёкъ:
Намъ будетъ веселѣе;
И кресло то, чтó въ уголку,
Подвинь поближе къ камельку:
Мнѣ лучше, какъ теплѣе.

Я нынче, Маша, вся больна,
Всю ночь какъ есть лежу безъ сна,
А днемъ дремота клонитъ;
Къ дождю должно быть ноетъ бокъ,
Не въ силахъ я вязать чулокъ,
Въ могилу старость гонитъ.

Эй, Сенька! дровъ! Огонь потухъ.
Нейдетъ, не слышитъ, старый, глухъ,
Да, годы одолѣли!
Полвѣка Сеня отслужилъ;
Его мнѣ дѣдъ твой подарилъ,
Мы вмѣстѣ одряхлѣли.

Какъ пёсъ онъ преданъ, рѣдко пьетъ,
Въ передней все подтяжки шьетъ,
Меня къ обѣднѣ водитъ.
Гдѣ сыщешь нынче прежнихъ слугъ:
Все стало суетно вокругъ,
Знать, міръ къ концу приходитъ.

Мальчишки судятъ-рядятъ свѣтъ,
Къ роднымъ любви, почтенья нѣтъ,
Надъ всѣмъ смѣяться стали;
Быть можетъ, старые глупѣй,
А жили проще, веселѣй,
Хоть меньше книгъ читали.

Скучненько!.. Нотную тетрадь
Возьми, дружокъ, къ роялю сядь,
Потѣшь меня, старушку;
Спой пѣсню, знаешь, про купца,
Про удалого молодца,
И про его подружку.

Я пѣсни старыя люблю:
Въ нихъ память прошлаго ловлю,
И сердцемъ молодѣю;
Невольно вспомнишь домъ родной,
Тѣнистый садъ, оврагъ крутой
И старыхъ липъ аллею.

Мнѣ въ дѣвкахъ весело жилось,
(Эхъ, жаль!—не долго довелось),
Насъ было три сестрицы;
Въ селѣ Покровскомъ былъ нашъ домъ;
Красою славились кругомъ,
Покровскія дѣвицы.

Сосѣди съѣдутся подъ-часъ,
Веселый пиръ пойдетъ у насъ,
Смѣшки да прибаутки.
Лѣтъ шестьдесятъ съ тѣхъ поръ прошло,
Веселье время унесло—
Лѣтъ шестьдесятъ не шутки!

Болтать—не кружево плести,
Охота старой вздоръ нести,
Такъ думаешь ты,—Маша.
Болтливость—нашъ невольный грѣхъ,
У насъ вѣдь нѣтъ другихъ утѣхъ,
Тосклива старость наша.

Да ты не слушаешь меня,
Забилась въ уголъ безъ огня,
И дремлешь надъ иглою
(Мила лѣнивымъ темнота).
Чтò это? слезы, дурнота,
Ты плачешь, чтó съ тобою?

Съ утра сегодня цѣлый день
Ты бродишь пасмурна какъ тѣнь,
Задумчива, не въ духѣ,
Глаза туманны, смотрятъ въ даль,
Повѣдай мнѣ свою печаль
Откройся мнѣ, старухѣ.

Ужъ не зажгла-ль дѣвичью кровь
Шалунья вѣчная—любовь?
Но горю кто виновникъ?
Мнѣ видѣть все не по лѣтамъ,
А впрочемъ часто ходитъ къ намъ
Молоденькій чиновникъ.

Взойдетъ онъ, шляпу мнетъ, холитъ,
Умильно мнѣ въ глаза глядитъ,
Какъ дѣвушка робѣетъ,
Ведетъ лукавый разговоръ,
Порою, встрѣтивъ милый взоръ,
Запнется и краснѣетъ.

Смѣешься, Маша! въ добрый часъ,
Сыграемъ свадьбу мы какъ разъ,
Авось повеселѣемъ!
Куда бѣжишь ты?—А, звонокъ!
Продрогнулъ видно нашъ дружокъ,
Пускай войдетъ—согрѣемъ.

II.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

Старая пѣсня.

Ты умерла, дитя, сама того не зная,
На розовыхъ устахъ улыбка замерла,
Въ лазури глазъ твоихъ погасла мысль живая,
Сомнѣнью мѣста нѣтъ, дитя, ты умерла!

Я ночью лѣтнею, холодною, тоскливой,
Къ могилѣ несъ тебя въ объятіяхъ своихъ,
За нами звѣзды шли толпою молчаливой,
Намъ пѣли соловьи прощальный грустный стихъ.

Когда мы съ рощею высокой поравнялись,
Рядъ сосенъ съ грустію на шествіе глядѣлъ,
Въ одеждахъ траурныхъ ихъ вѣтви наклонялись,
Весь лѣсъ таинственно отходную гудѣлъ.

Пришли мы къ озеру: тамъ сильфы веселились
Вокругъ плакучихъ ивъ веселою толпой;
Замѣтивъ насъ вдали, они остановились,
Съ улыбкой скорбною, качая головой.

Къ могилѣ мы пришли, къ вѣнцу моихъ страданій,
Намъ мѣсяцъ рѣчь надгробную читалъ,
Онъ тихо говорилъ межъ вздоховъ и рыданій...
За лѣсомъ колоколъ уныло прозвучалъ.

III.

ЧЕШСКАЯ ПѢСНЯ

Слушай ты, холодная,
Блѣдная звѣзда,
Скорбь моя глубокая
Для тебя чужда!

Еслибъ ласку женскую
Ты могла узнать,
Еслибъ душу нѣжную —
Сердце тебѣ дать, —

Искрами горючими
Надъ моей бѣдой
До утра-бъ ты плакала,
Звѣздочка, со мной:

За другого выдали
Милую мою,
Нищаго не приняли
Въ гордую семью.

А. Языковъ.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846.

XI *).

Новые резиденты отъ трехъ покровительствующихъ державъ: Гартманъ, Лиманъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ.—Постоянная конференція изъ нихъ.—Дѣятельность польскихъ эмиграціонныхъ комитетовъ за-границей и сношенія ихъ съ Краковомъ.—Вопросъ о подданныхъ вольнаго города.—Столкновеніе конференціи резидентовъ съ сенатомъ.—Протестъ сенатора І. Мѣрошевскаго.—Арестъ К. Гуляницкаго.—Полемика въ англійскихъ газетахъ о нейтральности и независимости Кракова.—Отзывы французской печати.—Вопросъ о назначеніи британскаго и французскаго консуловъ въ Краковъ.—Наплывъ эмигрантовъ въ Краковъ.—Мнѣніе сената о нихъ.—Молчаніе резидентовъ.—Статьи нѣмецкихъ газетъ противъ краковскихъ властей.—Убіеніе Павловскаго.—Занятіе Кракова военными отрядами трехъ державъ.—Нота резидентовъ отъ 4-го февраля 1836 года.—Объявленія австрійскаго генерала фонъ-Кауфмана фонъ-Траунштейнбурга.—Очищеніе Кракова отъ эмигрантовъ.—Письмо президента краковскаго сената Велёгловскаго къ князю Меттерниху, и отставка его.

Введя въ политическую жизнь краковской республики новую конституцію, переустроивъ, при содѣйствіи особаго комитета, краковскія школы и назначивъ новыхъ сенаторовъ вмѣстѣ съ ихъ президентомъ, реорганизаціонная коммиссія выѣхала изъ Кракова и была замѣнена постоянными резидентами покровительствующихъ дворовъ: Гартманомъ отъ Пруссіи, Лиманомъ отъ Австріи и барономъ Унгернъ-Штернбергомъ отъ Россіи. Согласно § 27 новой конституціи, эти резиденты образовали изъ себя конференцію, которая имѣла право разбирать несогласія между сей-

---

*) См. выше: янв. 107; февр. 460; мар. 100 стр.

момъ и сенатомъ, между членами самаго сената, толковать основные законы, чтб давало имъ право постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла республики. Такимъ образомъ, сенатъ очутился подъ контролемъ власти, стоявшей несравненно выше его и имѣвшей свой источникъ внѣ Кракова. Между тѣмъ, эпоха, о которой у насъ идетъ рѣчь, была самою трудною для правительства небольшой республики, долженствовавшей всякими мѣрами и всякою цѣною поддерживать ея внѣшнее и внутреннее спокойствіе. По окончаніи революціи въ польскомъ королевствѣ, эмиграція толпами устремилась за-границу, преимущественно во Францію. 25-го октября (6-го ноября) 1831 года основанъ былъ въ Парижѣ временный эмиграціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Немоевскаго: здѣсь собрались главные вожди сеймовой оппозиціи, дѣйствовавшей до 1830 года, и чистые республиканцы. 26-го ноября (8-го декабря) образовался комитетъ Лелевеля, издавшій воззваніе, въ которомъ порицались непослѣдовательность и измѣна, подорвавшія успѣхъ возстанія. Два дня спустя утверждено было такъ-называемое «общество литовскихъ и русскихъ князей». 5-го (17-го) марта 1832 года открыло свои дѣйствія польское демократическое общество, главными вождями котораго были Гуровскій и Кремповецкій. Подъ рукою этихъ комитетовъ и обществъ, въ Парижѣ собралась значительная масса польскихъ эмигрантовъ. Вожди ихъ вошли въ тѣсныя сношенія съ вліятельнѣйшими членами во французскомъ министерствѣ и въ обѣихъ палатахъ. По ихъ ходатайству, польскимъ эмигрантамъ назначена была субсидія отъ Франціи въ 2,000,000 франковъ. Кромѣ того, многіе изъ магнатовъ, удаляясь изъ отечества, успѣли перевести свои капиталы за-границу. При такихъ средствахъ организація польской эмиграціи на первыхъ порахъ шла съ большимъ успѣхомъ. Князь Адамъ Чарторыйскій образовалъ даже польское литературное общество въ Парижѣ, открывшее свои дѣйствія 17-го (29-го) апрѣля 1832 года. 10-го (22-го) октября образованъ польскій народный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Дверницкаго, мечтавшаго сосредоточить около себя всѣ партіи, но ему удалось присоединить къ себѣ только нѣкоторыхъ членовъ Лелевелевскаго комитета, который былъ распущенъ въ декабрѣ того же года. Въ 1833 году эмиграція начинаетъ уже думать о поддержкѣ революціоннаго направленія во всей Европѣ, надѣясь извлечь изъ того выгоды для польскаго дѣла. 5-го (17-го) апрѣля этого года происходило въ Парижѣ засѣданіе бывшихъ членовъ варшавскаго сейма, на которомъ рѣшено было поддерживать намѣреніе эмиграціи. Часть эмигрантовъ удалилась чрезъ

Швейцарію въ итальянскія земли для возбужденія въ нихъ революціи. Въ маѣ, эмиграціонные комитеты уже выслали своихъ эмиссаровъ въ Галицію и Варшаву, дабы подготовить тамъ умы къ новому возстанію. Наконецъ, рѣшенъ былъ такъ-называемый партизанскій набѣгъ на Польшу, подъ начальствомъ Заливскаго, котораго поддерживали своими средствами не только польскіе комитеты, но также французскій и американскій. Заливскій уже выдалъ прокламацію къ жителямъ Галиціи, приглашая ихъ къ вторженію въ царство польское. Галиція наполнилась эмигрантами, но австрійское правительство приняло свои мѣры противъ ихъ замысловъ. Тогда эмиграція обратила вниманіе на Краковъ, какъ единственную польскую мѣстность, сохранившую свою независимость. Партизанскій набѣгъ не удался; только увеличилось число польскихъ узниковъ, интернированныхъ въ австрійской крѣпости Куфштейнѣ и прусской крѣпости Эльбингѣ; но Краковъ былъ скомпрометтированъ сношеніями эмиграціи съ его жителями и признанъ сосѣдними державами какъ пунктъ, опасный для спокойствія ихъ пограничныхъ областей. Въ сентябрѣ 1833 года реорганизаціонная коммиссія, еще не выѣзжавшая тогда изъ Кракова, объявила его сенату, что покровительствующіе дворы считаютъ свободный переходъ чрезъ Вислу по мосту въ Подгорье существенно опаснымъ для общественнаго спокойствія и порядка не только въ краковскомъ округѣ, но и въ сосѣднихъ областяхъ, а потому признаютъ навсегда за Австріей право держать гарнизонъ въ Подгорьѣ и уничтожаютъ торговыя привилегіи этой мѣстности. Въ ноябрѣ, Австрія уже успѣла удалить часть эмигрантовъ, скрывавшихся въ Галиціи, въ Америку. Оставалось только внимательно слѣдить за Краковомъ, чтобы онъ не наполнился революціонными эмиссарами. Эта обязанность лежала на резидентахъ покровительствующихъ дворовъ.

Первымъ вопросомъ, въ которомъ выразился надзоръ резидентской конференціи за распоряженіями краковскаго правительства, былъ вопросъ о принятіи въ подданство республики поляковъ, переходившихъ изъ сосѣднихъ областей. Резиденты противились дарованію правъ гражданства такимъ лицамъ, которыя не только принимали прямое или косвенное участіе въ польской революціи, но и считались подозрительными въ этомъ отношеніи. Противъ этого сенатъ не могъ возражать, ибо самая конституція требовала, чтобы подданные трехъ сосѣднихъ державъ, до перехода въ краковское подданство, представляли увольнительныя свидѣтельства отъ своихъ властей. Но въ началѣ 1834 года конференція вмѣшалась въ споръ между краковскимъ правитель-

ствомъ и начальствомъ госпиталя св. Лазаря, и приняла на себя организацію этого учрежденія, назначивъ для этой цѣли особый комитетъ. Тогда сенатъ, вооружившись храбростью, осмѣлился замѣтить резидентамъ, что § 27 конституціи предусматриваетъ лишь одинъ случай вмѣшательства конференціи, подъ который не подходитъ настоящее дѣло; а потому сенатъ не видитъ основаній, по которымъ конференція подвергаетъ своему надзору его дѣйствія, подлежащія, по основнымъ законамъ, контролю законодательной власти. Резиденты, поставленные въ необходимость отразить оппозицію сената при самомъ ея зарожденіи, отвѣчали сухо, «что они не имѣли въ виду изъясняться предъ сенатомъ относительно его дѣйствій; что они поступаютъ согласно съ предписаніями ихъ дворовъ, и, соединившись въ постоянную конференцію для дѣлъ сего края (conférence permanente pour les affaires de ce pays), дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ, и что сенатъ имѣетъ впредь признавать ихъ въ этомъ качествѣ». Сенатъ не рѣшился отвѣчать на такое заявленіе; но одинъ изъ членовъ его, прежній секретарь, а теперь сенаторъ, Іакинфъ Мѣрошевскій, предложилъ обратиться прямо къ покровительствующимъ дворамъ. Хотя это предложеніе и не было принято сенатомъ, но Мѣрошевскій навлекъ на себя неудовольствіе конференціи, которая опасалась, чтобы независимый голосъ давняго члена сената, извѣстнаго, впрочемъ, своею умѣренностью, не увлекъ къ подражанію остальныхъ сенаторовъ при будущихъ столкновеніяхъ между краковскимъ правительствомъ и конференціей. Даже еслибъ Мѣрошевскому удалось собрать около себя незначительное оппозиціонное большинство, то и тогда, при раздраженіи партій, существовавшихъ въ республикѣ, разногласіе между членами правительства могло быть причиной новыхъ раздоровъ и безпорядковъ. Но пока сенатъ не позволялъ себѣ входить въ препирательство съ конференціей резидентовъ.

Гораздо труднѣе было ладить съ учрежденіями, представлявшими власти законодательную и судебную, ибо ихъ независимость была признана конституціей и прямыя сношенія съ ними были невозможны: собраніе представителей собиралось, впрочемъ, не часто и потому столкновеній вскорѣ не ожидалось; но члены судовъ всѣхъ трехъ инстанцій дѣйствовали постоянно, и притомъ смѣщеніе ихъ зависѣло только отъ сейма, такъ что даже сенатъ не могъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. А сеймъ, какъ законодательная власть особаго государства, всегда могъ обратиться съ адресомъ если не къ покровительствующимъ дворамъ, то къ остальнымъ великимъ державамъ, подписавшимъ вѣнскіе договоры. Было

одно только средство держать и законодательную власть въ подчиненіи—военное занятіе краковской территоріи, и важность его одинаково сознавали всѣ три резидента, особенно австрійскій; но, съ другой стороны, вступленіе войскъ сосѣднихъ державъ въ краковскую территорію, безъ особенно важныхъ причинъ, представлялось тогда опаснымъ, ибо могло вызвать вмѣшательство Англіи и Франціи. Только происки польской эмиграціи могли вызвать на такой рѣшительный шагъ, и эмиграція не замедлила оказать эту печальную услугу городу Кракову. Уже въ концѣ 1834 и началѣ слѣдующаго года, въ газетахъ распространились слухи, что въ Краковѣ проживаютъ эмиссары польской эмиграціи, что они имѣютъ сношенія съ академической молодежью и склоняютъ ее, не безъ вѣдома со стороны властей, вторгнуться въ Польшу или въ Галицію, или въ Венгрію. Несмотря на то, краковская полиція не могла открыть ни одного иностранца, прибывшаго изъ Франціи, но нашла нѣсколько лицъ, прибывшихъ изъ царства польскаго, паспорты коихъ были визированы русскимъ резидентомъ. Они были арестованы и подвергнуты допросу. Одинъ изъ нихъ, Климентъ Гуляницкій, далъ, надѣлавшее въ свое время большой шумъ, показаніе, что онъ есть подставной агентъ русскаго резидента. Конференція потребовала выдачи арестованныхъ, и особенно долженъ былъ настаивать на этомъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ. Но сенатъ, ссылаясь на конституцію и уголовный кодексъ, представлялъ, что обвиняемые не принадлежатъ ни къ категоріи бѣглецовъ, ни къ категоріи военныхъ дезертировъ, выдавать которыхъ краковская республика была обязана, и что, совершивъ преступленіе на краковской территоріи, они должны быть судимы мѣстными властями. Тогда резиденты объявили сенату, что такова непремѣнная воля покровительствующихъ дворовъ, и споръ этимъ прекратился: заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ эмиграціей были выданы русскому правительству. Краковъ на время избѣжалъ военнаго занятія.

Въ это самое время англійскія газеты подняли вопросъ: почему великобританское правительство, участвовавшее въ вѣнскомъ конгрессѣ, не имѣетъ своего консула въ Краковѣ? Необходимость англійскаго консульства въ краковской республикѣ доказывалась лондонскою печатью преимущественно съ точки зрѣнія торговыхъ выгодъ. Выгодное положеніе Кракова между восточной и средней Европой внушало англичанамъ мысль сдѣлать его однимъ изъ складовъ для своихъ товаровъ, а для покровительства великобританскимъ подданнымъ необходимо было учредить консульство. Особенно подробная статья объ этомъ вопросѣ напечатана

была въ октябрьской книжкѣ журнала «British and Foreing Review» за 1835 годъ. Статья начиналась нападеніемъ на притязательныя стремленія Россіи на Востокъ, на ея почти исключительное покровительство Греціи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи, на распространеніе ея торговли подъ прикрытіемъ дипломатіи, и потомъ обращалась къ русскому вліянію въ польскихъ земляхъ. Обвинивъ французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ вѣнскомъ конгрессѣ, въ равнодушіи къ польскому вопросу, статья помянутаго журнала доказывала, что Англія и Франція не воспользовались даже тою долею покровительства надъ польскими провинціями, которую представляли имъ вѣнскіе договоры. Даже въ Краковѣ, городѣ вольномъ, независимомъ и строго-нейтральномъ, предназначенномъ преимущественно для торговли, Англія и Франція не позаботились открыть свои консульства. Это обстоятельство, по мнѣнію публицистовъ, повергло Краковъ въ подчиненіе Австріи, Пруссіи и Россіи, особенно послѣдней. Если когда-нибудь оправдается надежда на соперничество между покровительствующими державами, то, по мнѣнію англійскаго журнала, львиная доля достанется Россіи. Но не для одного только покровительства великобританской торговлѣ въ Краковѣ и защиты этого города отъ притязаній сосѣднихъ державъ представлялось необходимымъ для Англіи имѣть въ немъ своего консула. «Краковъ можетъ быть разсматриваемъ нынѣ», сказано было въ «Британскомъ Обозрѣніи», «какъ столица Польши, тѣмъ болѣе, что онъ былъ таковою въ теченіи десяти вѣковъ; ни одинъ изъ городовъ этой павшей страны не имѣетъ болѣе дипломатическихъ агентовъ отъ иныхъ земель. Въ столицахъ трехъ сосѣднихъ съ нимъ державъ мы можемъ бороться только съ каждой отдѣльно; но въ Краковѣ агенты англійскаго правительства могутъ убѣдиться въ ихъ замыслахъ съ полною достовѣрностью и противодѣйствовать соединеннымъ усиліямъ цѣлаго священнаго союза. Тамъ, и только тамъ мы можемъ видѣть подъ формою покровительства властолюбивые замыслы; тамъ мы можемъ видѣть эту коалицію, которая въ сосѣднихъ областяхъ ускользаетъ отъ нашего вниманія. Вы предстательствуете въ Вѣнѣ въ пользу охраненія польской народности и народныхъ учрежденій, обѣщанныхъ полякамъ по вѣнскому договору, но ваши требованія могутъ быть примѣнены только къ полякамъ Галиціи; въ Петербургѣ или въ Берлинѣ ваши представленія будутъ имѣть своимъ предметомъ только извѣстныя провинціи; а въ Краковѣ они могутъ добиться исполненія обѣщаній, выговоренныхъ для всѣхъ поляковъ. Тамъ мы будетъ обращаться разомъ къ тремъ покро-

вительствующимъ державамъ, къ ихъ представителямъ, дѣйствующимъ согласно и пользующимся нѣкотораго рода верховною властью надъ этимъ маленькимъ государствомъ,—властью, которую дипломатическіе запросы могутъ низвести на степень простого покровительства, какимъ она должна быть согласно договорамъ. Краковъ представляетъ еще другія выгоды для наблюдателя: онъ служитъ привычнымъ и любимымъ мѣстопребываніемъ для поляковъ, подданныхъ сосѣднихъ государствъ; они дышатъ свободнѣе въ его стѣнахъ; полиція трехъ державъ имѣетъ въ немъ меньшую силу; событія, совершающіяся въ другихъ частяхъ Польши, обсуждаются тамъ съ бо́льшею свободою. Такимъ образомъ, Краковъ представляетъ рѣдкую возможность наблюдать разомъ дипломатію Австріи, Пруссіи и Россіи».

Примѣру англійскихъ журналовъ и газетъ послѣдовала французская печать. Здѣсь не одни только торговые интересы дѣлали вопросъ о французскомъ консульствѣ въ Краковѣ желаннымъ и нуждавшемся въ скорѣйшемъ удовлетвореніи, но и давнія связи Франціи съ поляками, безпрестанныя ходатайства польской эмиграціи. Даже органы министерствъ французскаго и англійскаго стали поддерживать это предложеніе, которое было подсказано эмиграціонными публицистами. Заявленія англійской и французской печати отозвались немедленно въ краковскомъ обществѣ и возбудили надежды, какъ въ тамошней оппозиціонной партіи, такъ и во всѣхъ отдѣльныхъ лицахъ, имѣвшихъ поводъ къ неудовольствію по какимъ-либо личнымъ причинамъ. Но тѣ же личныя причины заставляли нѣкоторыхъ жителей Кракова, пользовавшихся опредѣленнымъ положеніемъ вслѣдствіе установившагося порядка вещей, противиться намѣренію Англіи и Франціи. Резиденты покровительствующихъ дворовъ должны были выслушивать съ разныхъ сторонъ опасенія, что прибытіе въ Краковъ консуловъ двухъ западныхъ державъ можетъ вызвать новыя волненія со стороны демократовъ и революціонеровъ. Резиденты донесли о томъ своимъ дворамъ, а послѣдніе чрезъ своихъ посланниковъ сообщили англійскому и французскому министерствамъ, что прибытіе ихъ оффиціальныхъ агентовъ въ Краковъ ободритъ мѣстныхъ демагоговъ и послужитъ сигналомъ къ новой революціи. Англія и Франція отложили на время свое намѣреніе.

Вскорѣ вопросъ объ эмигрантахъ сдѣлался вопіющимъ для Кракова. По § 8 дополнительнаго вѣнскаго договора, Кракову запрещено было держать свои границы закрытыми и охранять ихъ таможенною или пограничною стражею. Это давало любой изъ сосѣднихъ державъ возможность наполнить Краковъ такимъ

количествомъ эмигрантовъ, какое только было бы найдено необходимымъ, и въ то же время препятствовать ихъ выходу изъ краковской территоріи даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались открытыми для свободныхъ сношеній. Краковскій сенатъ поступилъ крайне непредусмотрительно, когда, узнавъ о занятіи Подгорья австрійскими войсками и лишеніи этой мѣстности правъ на свободную торговлю, не попытался возбудить вопросъ объ охраненіи собственныхъ границъ. Быть можетъ, онъ не надѣялся на благопріятный исходъ этого дѣла; тѣмъ не менѣе открытое положеніе границъ краковской республики послужило къ ея гибели. Въ это время прусская Силезія и австрійская Галиція были переполнены подданными царства польскаго, которые не рѣшались возвратиться въ свои земли, но и не хотѣли слишкомъ удаляться отъ своего отечества. Влача свое существованіе въ крайней бѣдности, они были въ тягость мѣстнымъ жителямъ; а потому власти этихъ провинцій получили приказаніе визировать всѣмъ этимъ лицамъ паспорты на Краковъ и увѣрить ихъ, что, вступивъ однажды на территорію этого города, они не будутъ болѣе обезпокоиваемы. Въ самое короткое время Краковъ наполнился польскими бѣглецами всякаго рода и всякаго поведенія. Подобное скопленіе людей безъ занятій, безъ всякихъ средствъ къ существованію, не могло укрыться отъ вниманія мѣстнаго правительства. Предвидя съ одной стороны сильныя затрудненія, которыя могли произойти изъ того, и принимая также во вниманіе бѣдствія и жалобы этихъ бѣглецовъ, краковскій сенатъ вошелъ съ представленіемъ въ конференцію резидентовъ, прося положить предѣлы такому наплыву иностранцевъ въ краковскую территорію. «Еще реорганизаціонной коммиссіи», сказано было въ этомъ представленіи, «сенатъ излагалъ тѣ необходимыя мѣры, которыя слѣдовало принять, чтобы облегчить людямъ, служившимъ въ прежнихъ польскихъ войскахъ, пребываніе въ здѣшнемъ краѣ, или возвращеніе на ихъ родину, или переѣздъ въ страны, гдѣ они могутъ скорѣй найти полезныя занятія, а чрезъ то и средства къ своему существованію. Сенатъ имѣлъ честь предлагать этотъ вопросъ и на усмотрѣніе конференціи; но до сихъ поръ не послѣдовало никакого удовлетворительнаго отвѣта. Между тѣмъ истощившіяся средства, невозможность получить новыя и вообще недостатокъ занятій могутъ вынудить этихъ людей къ такимъ дѣйствіямъ, которыя поведутъ къ нарушенію общественнаго спокойствія и ихъ личному бѣдствію. Еще нѣкоторое ручательство въ своемъ поведеніи могутъ представлять тѣ, которые, владѣя небольшою собственностію, расходуютъ понемногу

свои достатки, благословляя покровителей этой небольшой земли, давшей имъ убѣжище, или которые, обладая талантами, а чрезъ то и работою, могутъ поддерживать себя собственнымъ трудомъ. Но люди, которыхъ не могли исправить никакія испытанія, и которые своими безсмысленными рѣчами и распространеніемъ ложныхъ новостей или превратныхъ понятій совращаютъ своихъ товарищей и, что еще хуже, могутъ вліять на духъ молодежи, неукрѣпленной ни возрастомъ, ни размышленіемъ, такіе люди должны быть немедленно удалены. А посему конференція благоволитъ сообщить свое мнѣніе по сему вопросу и уполномочить сенатъ выдавать желающимъ паспорты для отъѣзда въ другія страны. Такая мѣра должна быть распространена и на будущее время относительно всѣхъ, кого полиція отнесетъ къ сему разряду». Но и это представленіе осталось безъ послѣдствій. Конференція хранила молчаніе и резиденты продолжали отказывать въ визированіи паспортовъ, которые выдавала иностраннымъ подданнымъ особая коммиссія, назначенная сенатомъ для сей цѣли. Обѣ стороны, каждая съ своей точки зрѣнія, были совершенно правы: резиденты не могли требовать отъ краковскаго правительства удаленія такихъ лицъ, относительно которыхъ не получалось указаній отъ подлежащихъ властей; сенатъ краковскій не могъ взирать спокойно на переполненіе своего города людьми бездомными, гулящими и безпокойными. Нравственная отвѣтственность лежала именно на этихъ людяхъ, которые вмѣсто того, чтобы возвратиться прямо въ мѣсто своего рожденія и подчиниться ожидавшей тамъ ихъ участи, предпочитали послѣдней безцѣльную, почти скитальческую жизнь въ городѣ, который самъ находился подъ чужимъ покровительствомъ. Конечно, у правительства этого города не хватало духа изгнать такихъ людей насильно.

Между тѣмъ наибольшее число бѣглецовъ, проживавшихъ въ Краковѣ, было изъ Галиціи, и президентъ сената, Велёгловскій, рѣшился самъ писать къ князю Меттерниху о принятіи нѣкоторыхъ изъ нихъ назадъ. Но австрійскія областныя власти выставили различныя затрудненія къ тому съ своей стороны. Австрійскій же резидентъ Лиманъ не упускалъ ни одного случая, чтобы выставить предъ Европой крайнюю необходимость рѣшительныхъ мѣръ относительно Кракова. Нѣмецкая «Аугсбургская газета», получавшая отъ австрійскаго правительства субсидію, напечатала въ послѣднихъ нумерахъ своихъ за 1835 годъ цѣлый рядъ новыхъ обвиненій противъ краковской республики. Въ этихъ статьяхъ представляли Краковъ какъ гнѣздо разбойниковъ; высказы-

вали сожалѣніе объ участи его жителей, трепетавшихъ подъ кинжалами якобинцевъ; оплакивали правительство, находившееся какъ-бы въ осадѣ среди разнузданной демагогіи. Краковскій сенатъ счелъ за нужное послать въ редакцію возраженіе съ изложеніемъ истиннаго положенія дѣлъ, но получилъ такой отвѣтъ: «редакціи запрещено публиковать чтó бы то ни было объ этомъ городѣ, чтó не сообщено ей изъ оффиціальныхъ источниковъ». Австрія тихо подкрадывалась къ Кракову, предвидя въ немъ лакомую добычу; но ея вожделѣніямъ не суждено было еще сбыться въ эпоху, о которой мы говоримъ, ей пришлось выжидать еще цѣлыя десять лѣтъ. Даже и теперь военное занятіе Кракова отрядами сосѣднихъ державъ не было бы приведено въ исполненіе, еслибъ въ самые первые дни 1836 года не совершилось происшествіе, которое могло оправдать подобную мѣру. Въ Краковѣ убитъ былъ временно проживавшій тамъ полякъ Павловскій, агентъ варшавской полиціи, и убійца остался неоткрытымъ. Общественное мнѣніе объясняло это преступленіе самою системою управленія, которое тяготѣло надъ городомъ. Дипломатія обвиняла въ этомъ польскихъ эмигрантовъ. Резиденты донесли объ этомъ происшествіи покровительствующимъ дворамъ, и вслѣдъ за тѣмъ возникла слѣдующая переписка между конференціею и сенатомъ.

28-го января (9-го февраля) резиденты извѣстили Каспера Велёгловскаго, что Австрія, Пруссія и Россія видятъ въ этомъ событіи новое непререкаемое доказательство глубоко вкоренившагося и распространившагося внутри краковской территоріи зла, которое возмущаетъ не только ея собственное спокойствіе, но и безопасность сосѣднихъ провинцій; что покровительствующіе дворы признаютъ себя обязанными принять всѣ мѣры, предписываемыя обстоятельствами, дабы оградить отъ заразы свои собственныя государства; что для нравственнаго очищенія Кракова и его округа необходимо удалить изъ нихъ всѣхъ польскихъ бѣглецовъ, которые собрались въ этой землѣ въ огромномъ количествѣ; что отъ немедленнаго исполненія этой мѣры, конечно, не откажется краковское правительство, которое и само неоднократно указывало на нее, и которому выполненіе ея готовы облегчить всѣми мѣрами покровительствующіе дворы. Удалить польскихъ эмигрантовъ предписывалось въ теченіи восьми дней. Для этой цѣли обѣщано было открыть для выходцевъ подгорскую территорію: тѣ изъ нихъ, которые бы пожелали водвориться въ мѣстахъ своего рожденія, получатъ всѣ средства къ тому; другіе могутъ выѣхать въ Америку. Подданные другихъ державъ и отмѣченные покровительствующими дворами, какъ люди опасные, также должны уда-

литься въ теченіи восьми дней; для этой цѣли резидентъ той покровительствующей державы, чрезъ которую эти люди пожелаютъ возвратиться въ свое отечество, выдаетъ имъ необходимые паспорты. Кромѣ того, всѣ три державы считали полезнымъ придвинуть къ краковскимъ границамъ свои войска для того, дабы съ одной стороны воспрепятствовать вышеозначеннымъ лицамъ удалиться отъ того пути, который будетъ открытъ для нихъ, а съ другой, чтобы поддержать краковское правительство при выполненіи этой мѣры. Сенату предоставлялось право самому потребовать предлагаемую ему помощь, но если онъ не обратится за ней и въ то же время не будетъ имѣть достаточно воли или силы выполнить требованіе высокихъ дворовъ, то послѣдніе примутъ на себя эту обязанность. Сенатъ въ тотъ же день отвѣчалъ конференціи, что онъ поспѣшилъ обнародовать волю покровительствующихъ дворовъ и принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ ея выполненію. Но въ то же время онъ указывалъ, что въ краковской республикѣ проживаетъ нѣсколько лицъ не изъ числа ея подданныхъ, но уже вступившихъ въ семейныя связи съ жителями края, или пріобрѣтшихъ недвижимую собственность, и потому спрашивалъ: не угодно ли будетъ покровительствующимъ дворамъ сдѣлать для нихъ великодушное исключеніе? Указанныя сенатомъ лица принадлежали большею частію къ числу сражавшихся въ 1830 и 1831 годахъ на сторонѣ польскаго возстанія, и нѣкоторые изъ нихъ даже были приняты на службу въ Краковъ. Покровительствующіе дворы отказались удовлетворить просьбу сената, и военное занятіе Кракова было рѣшено.

4-го (16) февраля конференція соединенныхъ резидентовъ обратилась къ краковскому сенату съ нотой такого содержанія: «Краковское правительство, принявъ мѣры нерѣшительныя, не обезпечивъ успѣхъ такими распоряженіями, какихъ должны были требовать отъ него покровительствующія державы, какъ въ интересахъ самого вольнаго города Кракова, такъ и въ интересахъ сосѣднихъ провинцій; пропустивъ срокъ, назначенный для полнаго и совершеннаго выполненія означенныхъ распоряженій и не воспользовавшись облегченіями и средствами, которыя были предложены ему для сей цѣли, дало ясное доказательство, что не только не имѣетъ силъ выполнить обязательства, проистекающія для него изъ 6-й статьи договора 3-го мая 1815 года, касательно бѣглецовъ и лицъ, находящихся внѣ закона, но даже не имѣетъ желанія удовлетворить ихъ. Три державы, будучи проникнуты обязанностями, каковыя налагаетъ на нихъ характеръ покровительницъ вольному городу Кракову, равно какъ и не-

обходимость положить предѣлъ безпорядкамъ, которые нарушаютъ спокойствіе этой страны и сопредѣльныхъ провинцій; принимая наконецъ во вниманіе, что ихъ обѣщаніе сохранять строгій нейтралитетъ свободнаго города Кракова имѣетъ силу лишь настолько, насколько послѣдній съ своей стороны выполняетъ условія, на коихъ единственно можетъ основываться его нейтралитетъ, вынуждены по необходимости принять на себя исполненіе всего, чтó ими признано неизбѣжнымъ для достиженія предположенной цѣли, чтобы дать мирнымъ обывателямъ сего края безопасность и спокойствіе и защитить ихъ собственныя государства отъ революціонныхъ замысловъ, для коихъ Краковъ и его территорія сдѣлались очагомъ. А посему нижеподписавшіеся имѣютъ честь увѣдомить г. президента и сенатъ, что военный отрядъ подъ начальствомъ генералъ-майора Кауфмана займетъ отъ имени трехъ покровительствующихъ державъ Краковъ и его территорію. Это военное занятіе имѣетъ цѣлію изгнать всѣхъ революціонныхъ бѣглецовъ, эмиссаровъ пропаганды и людей безпаспортныхъ, которые со времени польской революціи набрались въ Краковъ и его округъ, и оттуда проводятъ свои революціонные замыслы въ сосѣднія государства. Лишь только эта цѣль будетъ достигнута и возстановленъ будетъ твердый порядокъ въ Краковѣ, войска трехъ дворовъ оставятъ немедля городъ и его территорію. А потому сенатъ приглашается назначить съ своей стороны нѣсколько лицъ, съ коими военныя власти могли бы имѣть сношенія обо всемъ, чтó имѣетъ отношеніе къ ихъ порученію. Дѣятельность правительства и судовъ не будетъ «прекращена». При нотѣ приложены были два объявленія, подписанныя генералъ-фельдъ-вахтмейстеромъ австрійскимъ, Францемъ Кауфманомъ фонъ-Траунштейнбургомъ, изъ коихъ первое извѣщало жителей Кракова о причинахъ военнаго занятія и обѣщало соблюденіе строгой дисциплины между солдатами, а второе требовало, чтобы всѣ, прямо или косвенно, участвовавшіе въ польской революціи, и даже тѣ изъ нихъ, которые вступили въ краковскую службу или получили право гражданства въ республикѣ, должны удалиться въ теченіи шести дней чрезъ Подгорье; которые же не исполнятъ сего или захотятъ удалиться инымъ путемъ, а не указаннымъ выше, равно и жители вольнаго города, которые укроютъ бѣглецовъ или помогутъ имъ удалиться иными путями, подвергнуты будутъ наказанію. Эти объявленія обнародованы были 5-го (17-го) февраля, а на другой день послѣдовало третье объявленіе, которымъ предупреждались всѣ, кто надѣялся остаться въ Краковѣ при помощи ложныхъ документовъ, свидѣтельствовавшихъ о рожденіи въ Кра-

ковѣ или о неучастіи въ польской революціи, или кто изъ назначеннаго къ изгнанію укрывался подъ другимъ именемъ, что они будутъ задержаны и выданы правительству того мѣста, гдѣ они родились, и подвергнуты строгой отвѣтственности. Несмотря на рѣшительныя требованія австрійскаго генерала, немного находилось между лицами, назначенными къ изгнанію изъ Кракова, охотниковъ воспользоваться путемъ, открытымъ чрезъ Подгорье. Большинство старалось пробраться чрезъ австрійскую границу въ иныхъ мѣстахъ, и даже готово было, въ случаѣ надобности, пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ пограничную стражу. Это заставило Кауфмана обнародовать, 9-го (21-го) февраля, четвертое объявленіе такого содержанія: «Въ прошлую ночь многія лица пытались на разныхъ пунктахъ въ окрестностяхъ Плѣшова пробраться на австрійскую территорію и открыть себѣ массою и съ оружіемъ въ рукахъ дорогу въ этомъ направленіи; но эти смѣльчаки были прогнаны огнемъ, направленнымъ противъ нихъ австрійскими войсками. Это происшествіе обязываетъ меня довести до общаго свѣдѣнія, что всѣ тѣ, кто дерзнетъ напасть съ оружіемъ въ рукахъ на военный кордонъ, образованный въ настоящее время войсками трехъ великихъ державъ покровительницъ, будутъ преданы военному суду и разстрѣляны.

Австрія была не только главною руководительницею всего этого дѣла, но имѣла еще въ виду пожать безраздѣльно плоды его. Открывъ единственный выходъ изъ краковской территоріи чрезъ Подгорье, Австрія получала въ свои руки всѣхъ изгнанниковъ, и наиболѣе опасныхъ между ними посылала немедленно въ Америку; а людей, уже водворившихся въ Краковѣ, вступившихъ въ семейныя отношенія и имѣвшихъ опредѣленныя занятія, но не рожденныхъ въ краковской территоріи, водворяла въ своихъ владѣніяхъ. Главнымъ распорядителемъ очищенія Кракова отъ революціонныхъ элементовъ былъ австрійскій генералъ. Находившаяся подъ его начальствомъ сыскная полиція осматривала не только дома, но даже монастыри и церкви и находившіяся при нихъ кладбища. Каждый день высылались чрезъ Подгорье бо́льшіе или меньшіе транспорты изгнанниковъ. «Австрійскій Наблюдатель» объявлялъ съ торжествомъ объ успѣшныхъ результатахъ розыска, указывая на постоянно возраставшее число удаляемыхъ революціонеровъ. Собственное населеніе Кракова было страшно напугано всѣми этими мѣрами, и присмирѣло; нѣкоторые изъ жителей города, состоявшіе въ родственныхъ связяхъ съ удаленными, видѣли въ этомъ семейное несчастіе. Считая Австрію главною и почти единственною распорядительницею всего розыска,

они обращались къ сенату съ просьбой о ходатайствѣ предъ вѣнскимъ правительствомъ въ пользу близкихъ имъ людей, занесенныхъ въ общую категорію бѣглецовъ и революціонеровъ. Положеніе президента Велёгловскаго стало невыносимо, и онъ обратился, 13-го (25-го) февраля, съ такимъ письмомъ къ князю Меттерниху:

«Изъ оффиціальнаго письма, которымъ угодно было вашей свѣтлости почтить меня въ недавнее время, я вижу, по всѣмъ мѣрамъ, признаннымъ необходимыми и принятымъ отъ имени высокихъ дворовъ, что правительство, членомъ котораго я состою, обвиняется не только на основаніи фактовъ, но и простыхъ извѣтовъ, будто бы оно не только по моей неспособности, но, что̀ еще хуже, по преступной небрежности, поддерживало въ Краковѣ польскую эмиграцію, пребываніе которой сдѣлалось равно предосудительнымъ какъ для вольнаго города, такъ и для пограничныхъ провинцій покровительствующихъ державъ. Насколько это обвиненіе согласуется съ истиной, время и обстоятельства объяснятъ когда-нибудь. Въ краковской республикѣ, которую высокіе дворы желали видѣть управляемою на основаніи органическихъ законовъ, великодушно ей дарованныхъ, дѣятельность сенатскаго президента ограничивается только возможностью обращаться къ правительству съ предложеніями касательно улучшенія администраціи страны и утверждать своею подписью рѣшенія, принятыя большинствомъ сената; однакожъ нельзя указать ни на одно распоряженіе, ни на одно предписаніе сената, изъ коихъ можно было бы извлечь приписываемыя ему дѣйствія, или коими можно было бы доказать предполагаемое въ немъ намѣреніе. Поддержка и безопасность польскихъ эмигрантовъ въ Краковѣ не были никогда обсуждаемы въ сенатѣ, а тѣмъ менѣе подписываемы декреты о нихъ; ибо, во время еще реорганизаціи сей страны, правительство просило коммиссію, занимавшуюся этимъ дѣломъ, нотою отъ 14-го (26-го) сентября 1833 года, рѣшить участь бѣглецовъ и дать имъ возможность или свободно возвратиться на ихъ родину, или удалиться за границу; но представленія, сдѣланныя тогда по этому поводу, равно какъ и позднѣйшія неоднократныя ходатайства предъ конференціей, всегда оставались безъ отвѣта, вслѣдствіе чего число эмигрантовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ въ Краковѣ, особенно вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ противъ нихъ въ Галиціи, и такой наплывъ эмигрантовъ былъ тѣмъ легче, что переходъ изъ Подгорья въ Краковъ не былъ обставленъ никакими затрудненіями со стороны австрійскихъ властей.

«Второй упрекъ, дѣлаемый правительству, касается допущенія въ милицію или земскую стражу подданныхъ покровительствующихъ державъ и даже такихъ, которые поднимали оружіе противъ своихъ собственныхъ государей. Этотъ фактъ никогда не былъ отрицаемъ, напротивъ, вскорѣ послѣ своего устройства, нынѣшнее правительство предлагало господамъ полномочнымъ коммиссарамъ распустить милицію, которая уже существовала, удалить подозрительныхъ людей и замѣнить ихъ посредствомъ набора туземцевъ. Эта мѣра была отвергнута нотою отъ 19-го (31-го) марта 1833 года, и сенатъ вынужденъ былъ оставить милицію въ томъ же положеніи, въ какомъ нашелъ ее.

«Третье обвиненіе опирается на происшествія, которыя мы всѣ оплакиваемъ и горестныя послѣдствія которыхъ мы всѣ осуждены переносить. Я разумѣю: разбитіе оконъ 6-го (18-го) января, убійство Павловскаго и киданіе каштанами изъ оконъ въ день гражданскаго бала, о чемъ говорили вѣнскія газеты. Первое и второе изъ этихъ происшествій, конечно, не могли бы совершиться, судя по ихъ виновникамъ, еслибы конференціи резидентовъ угодно было обсудить благосклоннымъ образомъ сообщеніе нижеподписавшагося отъ 18-го (30-го) мая 1835 года, прилагаемое при семъ въ копіи, и согласиться на удаленіе изъ страны: Ксаверія Босскаго, который разбилъ окно, и Эйсмонта, одного изъ главнѣйшихъ участниковъ, какъ начинаетъ разъясняться теперь, въ убійствѣ Павловскаго. Итакъ, вышепомянутая нота, не вызвавшая ни малѣйшаго отвѣта въ теченіи времени, равняющагося почти цѣлому году, произвела тѣ печальныя послѣдствія, которыхъ опасался нижеподписавшійся и которыя онъ предугадывалъ по мятежному характеру помянутыхъ лицъ. Наплывъ политическихъ эмиссаровъ и присылка мятежныхъ сочиненій, издаваемыхъ польскою эмиграціею во Франціи и Бельгіи, не могли пугать правительство, которое знало, что каждая провинція, сосѣдняя съ нашимъ государствомъ, имѣетъ границу и таможню, хорошо охраняемые, и что всѣ почтовыя учрежденія въ нашемъ городѣ находятся въ рукахъ иностранныхъ властей. Что касается эмиссаровъ и ихъ пребыванія здѣсь, то да будетъ мнѣ позволено замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи доказать, что снабженъ паспортомъ для Кракова; всѣ они, имѣя паспорты для австрійской Галиціи, вступили въ наше государство только подъ видомъ проѣзда. Краковское правительство никоимъ образомъ не можетъ быть отвѣтственно за то, что дирекція бреславской полиціи позволила себѣ визировать на Краковъ паспорты, данные Пруссіею для въѣзда въ австрійскія земли, и совратить такимъ

образомъ помянутыя лица съ пути, который имъ былъ назначенъ надлежащими властями; тѣмъ болѣе, что президентъ, основываясь на фактахъ, предупреждалъ во-время конференцію о неудобствахъ, проистекавшихъ изъ того, что сюда прибываютъ различныя лица подъ вымышленными именами, и даже о томъ, что онъ, по мѣрѣ появленія въ Краковѣ такихъ лицъ, извѣщаемъ былъ о прибытіи Доливы подъ именемъ Бека, Цибульскаго подъ именемъ Ришара, Ѳаддея Забицкаго подъ именемъ Назарчука; въ доказательство такихъ подозрѣній онъ сообщалъ гг. резидентамъ паспорты въ оригиналѣ. Такова непререкаемая истина, ваша свѣтлость, которую легко доказать актами и оффиціальною корреспонденціею, и которой не можетъ отвергнуть резидентъ его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества, не ставъ въ видимое противорѣчіе съ документами, слѣды коихъ также находятся у него.

«Я буду ссылаться до конца для моей личной защиты на правительственные акты, чтобы доказать, каковы были мое поведеніе, предложенія, внесенныя въ сенатскія засѣданія, и мои усилія для поддержки и утвержденія общественнаго порядка. Но я не могу разъяснить вашей свѣтлости истинную причину столь великаго наплыва эмигрантовъ въ Краковѣ, ибо это можетъ имѣть нѣкоторый видъ обвиненія, и я предпочту всегда пасть одинокою жертвою, чѣмъ доносить на кого бы то ни было».

Указавъ, такимъ образомъ, на противорѣчіе между дѣйствіями реорганизаціонной коммиссіи и конференціей резидентовъ съ одной стороны, и послѣдними требованіями покровительствующихъ дворовъ съ другой, чрезъ что краковское правительство, по его мнѣнію, поставлено было въ ложное положеніе, Велёгловскій обращался къ оцѣнкѣ собственныхъ дѣйствій, извѣщая въ то же время князя Меттерниха о своемъ выходѣ изъ сената: «Вашей свѣтлости угодно было за три года предъ симъ призвать нижеподписавшагося, который уже сознавалъ слабость своихъ силъ, къ посту президента, сдѣлавшемуся чрезвычайно труднымъ въ силу обстоятельствъ; вамъ угодно было ясно выразить мнѣ свою волю. Желая всегда повиноваться верховной волѣ высокихъ дворовъ и вашей свѣтлости, я принялъ это званіе и, еслибъ имѣлъ какую-нибудь поддержку отъ конференціи, надѣюсь, что съ божіею помощью выполнилъ бы мои обязанности. Нынѣ же, видя, что всѣ мои усилія были парализованы, я нашелъ необходимымъ оставить мое мѣсто и представилъ просьбу объ отставкѣ гг. резидентамъ; конференція на основаніи полномочій, которыя у нея должны быть, приняла мою просьбу. А потому я желаю только

оправдаться предъ вашей свѣтлостью и принести жалобу вамъ на то, что неуличенный въ ошибкахъ, я подпалъ за нихъ наказанію въ виду населенія страны и чужеземцевъ, хотя польскіе бѣглецы по простому приглашенію правительства, когда имъ было указано на Подгорье, назначенное для выѣзда, удалились изъ Кракова съ покорностью и нравственною рѣшимостью, безпримѣрною въ подобныхъ случаяхъ, проявляя свои чувствованія только слезами и трогательными объятіями. Безпрестанно тревожимый, призываемый всякій день къ начальствующему генералу, я легко могъ видѣть съ первыхъ же минутъ военнаго занятія города, что благосклонность высокихъ покровительствующихъ дворовъ ко мнѣ, какъ къ главѣ правительства, была разрушена или пренебрегаема. Не мое дѣло судить о томъ, принесло ли пользу краковской территоріи и сосѣднимъ провинціямъ соединеніе воедино и гуртовое изгнаніе эмигрантовъ, ни доказывать, что правительство, которое могло простымъ воззваніемъ склонить почти всѣхъ бѣглецовъ къ удаленію изъ Кракова до вступленія войскъ, пользуется, несмотря на недостатокъ физической силы, яснымъ нравственнымъ вліяніемъ даже на иностранцевъ, которые пребывали въ его странѣ. Было бы, конечно, излишне останавливаться на этихъ разсужденіяхъ, ибо ваша свѣтлость съумѣете оцѣнить ихъ въ своей высокой мудрости, всегда руководимой чувствомъ справедливости и благоволенія. Если униженіе правительства, если мое личное уничиженіе, были недостаточны, чтобы удовлетворить волѣ высокихъ дворовъ и возстановить полный порядокъ, я отрекаюсь отъ своего званія безъ ропота и только прошу вашу свѣтлость разсмотрѣть мои оправданія, сравнить ихъ съ оригинальными актами и, обсудивъ такимъ образомъ все мое поведеніе, не оставить меня вашимъ милостивымъ покровительствомъ, которое я испытывалъ въ теченіи трехъ лѣтъ моего президенства и которое, какъ я льщу себя, не было никогда незаслуженнымъ». Такъ кончалъ свою дѣятельность первый президентъ, назначенный самою реорганизаціонною коммиссіею, второй со времени провозглашенія Кракова вольнымъ городомъ. Конференція резидентовъ въ тотъ же день назначила на его мѣсто сенатора Галлера, въ качествѣ временнаго президента до предстоящаго сейма, хотя право такого временнаго выбора по уставу, выработанному реорганизаціонною коммиссіею, и принадлежало самому сенату. «Выборъ трехъ дворовъ», сказано было въ сообщеніи конференціи сенату, «палъ на одного изъ членовъ сената, и нижеподписавшіеся питаютъ надежду, что этотъ знакъ довѣрія внушитъ гг. сенаторамъ чувства справедливой признательности

къ покровительствующимъ дворамъ и побудитъ ихъ къ новымъ усиліямъ для поддержанія порядка и общественнаго спокойствія въ Краковѣ».

XII.

Новый президентъ, Іосифъ Галлеръ. —Декретъ сената противъ эмигрантовъ.— Легитимаціонная коммиссія отъ трехъ дворовъ: Вольфартъ, Клейнъ, Коростовцевъ.—Выходъ русскихъ и прусскихъ войскъ изъ Кракова.—Условія полнаго очищенія краковской территоріи отъ иностранныхъ войскъ. — Устройство милиціи, полиціи.—Вмѣшательство австрійцевъ въ это дѣло.—Австрійскій полиціймейстеръ въ Краковѣ.—Столкновеніе его съ краковскими властями.—Преслѣдованіе запрещенныхъ книгъ. — Новое измѣненіе сеймовыхъ статутовъ.—Участіе сената въ томъ.—Оппозиція сенатора І. Мѣрошевскаго. — Нота резидентовъ отъ 4-го іюня 1837 г. объ его удаленіи изъ сената.—Сенаторъ Шиндлеръ.— Три ноты резидентской конференціи къ преобразованному сенату.—Усиленіе власти сената.—Жалоба его предъ конференціей на краковскіе суды.—Созваніе сейма 1837—1838 года.—Ограниченная программа для его дѣятельности.

Новый резидентъ сената, Іосифъ Галлеръ, хотя и считался краковскимъ обывателемъ, но имѣнія его находились въ Галиціи, и вслѣдствіе того онъ болѣе или менѣе находился въ зависимости отъ Австріи. На другой же день послѣ своего назначенія онъ склонилъ сенатъ къ подписанію декрета, которымъ объявлялось, что каждый житель Кракова, укрывающій лицо, предназначенное къ изгнанію, будетъ подвергнутъ пенѣ въ 500 флориновъ или двухгодичному заключенію въ тюрьмѣ, если не въ состояніи выплатить означенную сумму; а десять дней спустя сенатъ объявилъ, что немедленно приступитъ къ переписи населенія краковской территоріи, причемъ составленъ будетъ списокъ туземцевъ и иностранцевъ, принимавшихъ участіе въ революціи, чтобы пригласить первыхъ приготовиться къ выѣзду изъ страны, а послѣднихъ немедленно удалить изъ нея на родину. Въ началѣ марта сенатъ отнесся къ конференціи съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ очищенія города отъ подозрительныхъ лицъ, такъ или иначе участвовавшихъ въ возстаніи 1831 года. Онъ полагалъ, что для успѣшнаго выполненія такой цѣли необходимо составить особую коммиссію, которая бы пересмотрѣла легитимаціонныя бумаги всѣхъ жителей Кракова, и просилъ резидентовъ назначить въ эту коммиссію по одному члену отъ покровительствующихъ дворовъ. Резиденты увѣдомили сенатъ 1-го (13) апрѣля 1836 года, что членами этой коммиссіи назначаются отъ Австріи правительственный коммиссаръ Вольфартъ, отъ Пруссіи— Клейнъ, отъ Россіи коллежскій ассессоръ Коростовцевъ. Къ нотѣ

резидентовъ приложено было изложеніе основаній, по которымъ участвовавшіе въ польской революціи должны быть относимы или къ числу краковскихъ гражданъ, или къ числу подданныхъ другихъ державъ. Въ этомъ изложеніи было сказано: «всѣ тѣ, которые до участія въ польской революціи, то-есть до 18-го (30) ноября 1830 года, дѣйствительно владѣли правомъ гражданства въ Краковѣ, могутъ остаться въ немъ; всѣ другіе должны покинуть его территорію. Право краковскаго гражданства должно проистекать или отъ рожденія, или отъ принятаго подданства. Въ первомъ случаѣ надо доказать документами, заслуживающими довѣрія, что данное лицо рождено на краковской территоріи и не потеряло своего права, сдѣлавшись подданнымъ другого государя, вслѣдствіе различныхъ территоріальныхъ измѣненій, совершившихся съ того времени. Положеніе несовершеннолѣтнихъ должно было опредѣляться положеніемъ ихъ родителей. Пріобрѣтеніе права гражданства въ Краковѣ признано несомнѣннымъ: 1) если прибытіе въ Краковъ совершилось до 20-го мая (1 іюня) 1821 года, и если съ того времени поселившійся постоянно пребывалъ здѣсь; 2) если до 18-го (30) ноября 1830 года протекло пять лѣтъ со времени поселенія въ Краковѣ, и если при этомъ пріобрѣтена была недвижимая собственность; 3) если, наконецъ, до 18-го (30) ноября 1830 года полученъ былъ отъ сената декретъ, даровавшій право гражданства». Несмотря на опредѣленность этихъ условій, могли встрѣтиться спорные случаи, и потому въ нотѣ резидентовъ было сказано, что окончательное рѣшеніе такихъ случаевъ принадлежитъ имъ. Послѣ этихъ распоряженій дѣло очищенія Кракова отъ иностранцевъ пошло быстрѣе и вскорѣ приведено было къ концу. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было прекратиться и занятіе краковской территоріи войсками покровительствующихъ державъ; и дѣйствительно, русскіе и прусскіе солдаты возвратились въ свои земли, но австрійскій отрядъ съ генераломъ Кауфманомъ остался въ Краковѣ, съ общаго согласія всѣхъ трехъ дворовъ.

Сенатъ обратился къ резидентамъ съ запросомъ объ условіяхъ, при какихъ можетъ послѣдовать полное очищеніе Кракова отъ войскъ. 21-го мая (2 іюня) конференція отвѣчала: «давая существованіе краковскому государству посреди своихъ владѣній, августѣйшіе покровители его, конечно, не могли имѣть намѣреніе создать изъ него очагъ для заговоровъ противъ ихъ пограничныхъ провинцій, убѣжища для революціонеровъ и недовольныхъ всякаго рода, предметъ нескончаемаго безпокойства для сосѣдей, какимъ Краковъ сдѣлался въ послѣднее время. Законы и учреж-

денія, существующіе въ этомъ государствѣ, не могли устранить означенныхъ золъ и опасностей; а потому признано совершенно необходимымъ произвести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, согласныя съ обстоятельствами». При нотѣ находились три приложенія: въ одномъ заключались основанія для преобразованія милиціи, въ другомъ — основанія для преобразованія полиціи, въ третьемъ—законопроектъ о положеніи иностранцевъ въ Краковѣ. Резиденты требовали, чтобы начальникомъ милиціи былъ человѣкъ, способный возбудить довѣріе въ покровительствующихъ державахъ своими политическими убѣжденіями, и который въ то же время обладалъ бы качествами, необходимыми для своей должности; чтобы остальные офицеры милиціи, а также и рядовые ея, были изъ людей, не принимавшихъ никакого участія въ польской революціи. Офицеры и солдаты, уже служившіе въ милиціи, но не принадлежавшіе къ помянутой категоріи, должны составить зерно милиціи новой. Милиція можетъ быть усилена до 450 пѣхотинцевъ, включая сюда и полицію, и 40 конныхъ жандармовъ. Начальникъ милиціи изслѣдуетъ и оцѣняетъ качества лицъ, ищущихъ званія милиціоннаго офицера, и по его предложенію сенатъ назначаетъ ихъ. Чтобы быть солдатомъ милиціи, необходимо принадлежать къ подданнымъ Кракова или одной изъ покровительствующихъ державъ, имѣть 25 лѣтъ отъ рожденія, быть физически способнымъ къ службѣ, отличаться необходимыми нравственными качествами и, кромѣ того, подчиниться обязательству прослужить въ милиціи не менѣе шести лѣтъ. При соблюденіи всѣхъ этихъ условій начальникъ милиціи можетъ принять новопоступающаго и выдать ему задатокъ. По мнѣнію резидентовъ, необходимо было назначить офицерамъ и солдатамъ милиціи приличное жалованье, которое могло бы привлекать ихъ къ службѣ, а также назначать пособія въ случаѣ ихъ болѣзни и по выходѣ въ отставку. Для составленія болѣе подробныхъ правилъ устройства милиціи, устава объ ея службѣ, а также дисциплинарнаго и уголовнаго кодексовъ для нея, сенатъ долженъ былъ составить особую коммиссію съ участіемъ въ ея дѣйствіяхъ начальника милиціи. Уставы, выработанные этою коммиссіею, прежде чѣмъ вступить въ дѣйствіе, должны быть утверждены конференціею. «Такъ какъ окончательное очищеніе краковской территоріи, — сказано было въ концѣ перваго приложенія къ нотѣ резидентовъ, — зависитъ, главнымъ образомъ, отъ новаго устройства милиціи на предложенныхъ основаніяхъ, то три двора будутъ ожидать возможно скораго извѣщенія объ успѣхахъ этого устройства, и въ случаѣ, еслибы желаннаго успѣха не послѣдовало, сенатъ дол-

женъ изложить препятствія, которыя были причиною того, дабы можно было указать на средства къ устраненію ихъ».

Чтò касается полиціи, то резиденты требовали, чтобъ для удовлéтворительнаго управленія ею, быстроты и единодушія ея дѣйствій, нераздѣльной отвѣтственности за нихъ, высшее управленіе дѣлами ея, особенно полиціи, имѣвшей надзоръ за иностранцами, сосредоточено было въ рукахъ президента сената; а такъ какъ § 16 сенатскаго устава предоставлялъ президенту надзоръ за дѣлами только высшей полиціи, то конференція предлагала измѣнить этотъ параграфъ распространеніемъ президентскаго надзора на всю полицію вообще. Для содѣйствія президенту въ этомъ случаѣ, онъ самъ могъ назначить особый комитетъ изъ сенаторовъ, который выбиралъ бы полицейскихъ коммиссаровъ и ихъ помощниковъ, и въ этомъ смыслѣ долженъ былъ измѣниться и § 11 сенатскаго устава. Назначеніе директора полиціи оставлено было за сенатомъ, но выборъ его подвергался предварительному утвержденію резидентовъ. Директоръ полиціи могъ назначать и увольнять низшихъ полицейскихъ чиновъ; эти чины имѣли быть распредѣлены между всѣми округами краковской территоріи равномѣрно. Директоръ полиціи долженъ былъ имѣть соотвѣтственный фондъ на содержаніе тайной полиціи, «въ чемъ до тѣхъ поръ чувствовался недостатокъ, и въ расходованіи этой суммы онъ долженъ былъ отвѣчать впредь только предъ президентомъ сената». Прежнее содержаніе директора полиціи въ 5000 польскихъ злотыхъ (около 1250 нѣмецкихъ гульденовъ) предлагалось увеличить въ виду великой отвѣтственности директора. Для полиціи, слѣдящей за иностранцами, пребывающими въ Краковѣ, указаны были слѣдующія правила: иностранные подданные не должны быть допускаемы на краковскую территорію, если не имѣютъ при себѣ паспортовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ закона; такія лица должны быть немедленно удаляемы, подданные трехъ покровительствующихъ дворовъ въ страны, которымъ они принадлежатъ, а другіе же по направленію, по которому они прибыли; за поддѣлку паспортовъ и другихъ бумагъ подобнаго рода должно быть опредѣлено соотвѣтственное наказаніе, причемъ подданные сосѣднихъ дворовъ выдаются своему правительству, а подданные другихъ государствъ изгоняются изъ Кракова. Наказанія лицамъ, допустившимъ на краковскую территорію иностранцевъ съ неправильными паспортами, или непредставившимъ ихъ въ полицію, должны быть увеличены; что касается жителей сосѣднихъ съ Краковомъ областей, то живущіе на разстояніи трехъ часовъ отъ его границы пользуются всѣми

признанными въ этомъ отношеніи облегченіями паспортной системы. Равнымъ образомъ новый законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія для рабочихъ и служителей, прибывшихъ въ Краковъ безъ паспортовъ въ прежнее время, и невозбуждающихъ своимъ поведеніемъ никакого подозрѣнія. Кромѣ того, покровительствующіе дворы обѣщали, съ одной стороны, облегчить принятіе ихъ пограничными властями иностранцевъ, высылаемыхъ краковскимъ правительствомъ изъ предѣловъ краковскаго округа, а съ другой опредѣлить точныя правила для визированія паспортовъ лицамъ, желающимъ посѣтить Краковъ, что́ будетъ дозволяемо только по важнымъ причинамъ: «ибо,—сказано было въ концѣ третьяго приложенія къ нотѣ резидентовъ, — никто не желаетъ и не можетъ навязывать краковскому правительству обязанности принимать и терпѣть всѣхъ преступниковъ и дурныхъ людей, которые, убѣжавъ на его территорію, не были бы, однакожъ, требуемы пограничными властями».

Итакъ, переустройство милиціи и полиціи было указано, какъ условіе для окончательнаго очищенія Кракова отъ австрійскихъ войскъ. Преобразованная милиція должна была современемъ замѣнить собою австрійцевъ; а потому не удивительно, что австрійскій коммисаръ Вольфартъ, засѣдавшій въ комитетѣ, которому поручено было устройство милиціи, старался воспользоваться указанными конференціею основаніями въ выгодѣ Австріи. Основанія эти допускали строгую требовательность не только въ выборѣ самого начальника, но и остальныхъ милиціонеровъ. Подъ вліяніемъ генерала Кауфмана и подъ руководствомъ Вольфарта сенатъ призналъ, что краковская территорія не можетъ дать надлежащаго числа милиціонеровъ, подходящихъ подъ требованія, постановленныя конференціей резидентовъ. Не говоря уже о томъ, что большинство жителей Кракова не желало поступить въ милицію на вышеозначенныхъ условіяхъ, значительное число ихъ не могло быть принято потому, что самыя права ихъ на краковское гражданство были подвергнуты сомнѣніямъ. Сенатъ пришелъ мало по-малу къ мысли, что для пополненія милиціи, настоятельно требуемаго обстоятельствами, необходимо обратиться за подходящими людьми къ сосѣднимъ государствамъ. Вольфартъ подсказалъ сенату мысль обратиться съ спеціальною просьбой къ австрійскому двору, чтобы онъ позволилъ офицерамъ и солдатамъ своей арміи вступить на службу въ краковскую милицію. Сенатъ послушался совѣта и получилъ на этотъ разъ благопріятный отвѣтъ: австрійскій майоръ назначенъ былъ начальникомъ будущей милиціи; многіе изъ офицеровъ и солдатъ австрійскихъ полковъ,

размѣщенныхъ въ Галиціи, поступили на службу краковской республики, сохранивъ свои званія и служебныя права въ австрійской арміи. Организованная такимъ образомъ краковская милиція болѣе чѣмъ на половину могла считаться какъ-бы австрійскимъ гарнизономъ и, казалось, удаленіе отряда генерала Кауфмана было близко; но явились новыя препятствія къ тому. Начальникъ милиціи донесъ сенату, что безъ дисциплинарнаго и уголовно-военнаго кодекса онъ не можетъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей, причемъ предлагалъ избрать въ образецъ военный кодексъ Моденскаго княжества. Сенатъ однакожъ отвѣчалъ, что утвержденіе всякаго закона принадлежитъ собранію народныхъ представителей; ему же можетъ принадлежать только инціатива. Нельзя было надѣяться, чтобы кодексъ, предложенный начальникомъ милиціи для 400 слишкомъ такъ-называемыхъ подданныхъ Кракова, былъ принятъ сеймомъ, ибо онъ во многомъ противорѣчилъ все еще продолжавшей дѣйствовать конституціи. Какъ присяга, такъ и обязанности милиціонеровъ отличались характеромъ, параллельно противоположнымъ правамъ и обязанностямъ краковскаго гражданина; строгость наказаній и частая угроза смертною казнью не могли согласоваться со взглядами и привычками краковскихъ избирателей; наконецъ, неподсудность милиціи судебнымъ учрежденіямъ страны превращала ее изъ простой внутренней стражи, какою она должна была быть по смыслу первоначальной конституціи, въ спеціальную армію, находившуюся въ распоряженіи президента. Такое исключительное положеніе милиціи могло послужить только къ увеличенію внутреннихъ безпорядковъ. Кромѣ того, начальникъ ея, опираясь на формальный законъ, могъ не исполнять даже предписаній правительства каждый разъ, какъ признавалъ это нужнымъ. Можно ли было думать, что сеймъ утвердитъ подобное устройство милиціи? Такимъ образомъ, несмотря на то, что милиція уже была составлена и получала содержаніе, нельзя было признать ее дѣйствующею, и одно изъ условій, необходимое для удаленія изъ Кракова австрійскихъ войскъ, осталось неисполненнымъ.

Несравненно быстрѣе совершилось преобразованіе полиціи, и притомъ въ смыслѣ еще болѣе благопріятномъ для Австріи. По совѣту резидентовъ, сенатъ объявилъ конкурсъ на должность директора полиціи; но никто изъ жителей Кракова не отозвался на это предложеніе. Тогда Вольфартъ посовѣтовалъ сенату просить содѣйствія самой конференціи для пріисканія необходимаго лица. Вслѣдствіе открывшихся затѣмъ сношеній съ Австріей, признанъ

былъ достойнымъ званія директора и организатора краковской полиціи австрійскій полицейскій коммиссаръ въ Подгорьѣ, Гутъ. Такъ какъ сенатъ уже довѣрилъ конференціи избрать начальника для краковской полиціи, то назначеніе Гута не было даже облечено въ форму приказа, подписаннаго президентомъ Галлеромъ. Кромѣ того, онъ не давалъ присяги, предписанной для краковскихъ чиновниковъ конституціею; его содержаніе не вошло въ бюджетъ Кракова. А потому Гутъ не несъ никакихъ обязательствъ, никакой отвѣтственности передъ государствомъ, чиновникомъ котораго считался. До него австрійскія газеты выставляли Краковъ убѣжищемъ польскихъ эмигрантовъ и людей, опасныхъ для внутренняго спокойствія республики; со времени назначенія Гута появились намёки на скрывающійся въ нѣдрахъ Кракова политическій заговоръ противъ трехъ сосѣднихъ державъ. Дѣйствительно, не прошло двухъ мѣсяцевъ по вступленіи Гута въ должность, какъ начались ежедневные домовые обыски и политическіе аресты. Вскорѣ Краковъ увидалъ не только тюрьмы, переполненныя узниками, по даже главныя гостинницы, занятыя подобными жильцами. Наполнивъ ряды полиціи австрійскими агентами, Гутъ считалъ Краковъ какъ-бы объявленнымъ въ осадномъ положеніи. Номинальное правительство страны не имѣло возможности ни спрашивать о причинѣ арестовъ, ни даже знать о числѣ заключенныхъ; имена бо̀льшей части узниковъ оставались ему неизвѣстными, и только принадлежавшіе къ наиболѣе извѣстнымъ въ Краковѣ семействамъ возбуждали къ себѣ общее вниманіе. Къ числу послѣднихъ принадлежала бо̀льшею частію академическая молодежь. Послѣ арестовъ началось слѣдствіе о тайныхъ обществахъ. Средства для открытія истины употреблялись чисто австрійскія. Окончивъ свое дѣло, Гутъ долженъ былъ передать его судебному вѣдомству. На судѣ обвиняемые дали неожиданныя показанія о тѣхъ мѣрахъ, которыми вынуждали ихъ къ признаніямъ. Помимо того, самыя доказательства въ пользу существованія открытыхъ Гутомъ замысловъ были сомнительнаго достоинства. Уголовный судъ первой инстанціи призналъ всѣхъ обвиняемыхъ невинными, предписалъ освободить ихъ и въ то же время составилъ обвинительный актъ противъ директора полиціи въ злоупотребленіи властью. Но это не измѣнило участи обвиняемыхъ. Сенатъ, подчиняясь давленію извнѣ, аппеллировалъ противъ такого рѣшенія, и обвиняемые снова были заключены. Обвинительный актъ противъ Гута былъ пріостановленъ, а онъ самъ объявилъ, что считаетъ себя неподсуднымъ краковской юстиціи, ибо не зависитъ отъ мѣстныхъ властей. Равнымъ образомъ отка-

зано было въ допросѣ предъ краковскимъ судомъ свидѣтелей, выставленныхъ обвиняемыми въ качествѣ очевидцевъ насильственныхъ мѣръ, испытанныхъ надъ ними Гутомъ: предлогомъ къ такому отказу послужило то обстоятельство, что свидѣтели принадлежали бо̀льшею частію къ австрійскому гарнизону, и какъ таковые, никоимъ образомъ не могли быть предоставлены въ распоряженіе краковскихъ судовъ. Юридическій ходъ всего дѣла былъ надолго прерванъ: ни аппелляція сената не разсматривалась въ судѣ высшей инстанціи, ни дѣло по обвиненію Гута не могло состояться, ни обвиняемые, но уже оправданные низшей инстанціей, не были выпущены на свободу. Все это дало австрійскому директору краковской полиціи поощреніе къ новымъ преслѣдованіямъ, и общественное мнѣніе въ Краковѣ приняло волнующійся характеръ, что̀ также давало поводъ генералу Кауфману настаивать на продолженіи занятія Кракова австрійскими войсками.

Конференція резидентовъ обратила также свое вниманіе на ввозъ въ Краковъ книгъ, издававшихся за границей; ибо рѣдкое изъ изданій польской эмиграціи не поступало въ книжную торговлю Кракова, чрезъ который все печатавшееся эмиграціонными комитетами въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи, распространялось въ Галиціи, царствѣ польскомъ, Силезіи и Познани. Нотой отъ 19-го (31) марта 1836 года конференція сообщила сенату, что вопросъ о недопущеніи къ продажѣ запрещенныхъ книгъ сильно занимаетъ покровительствующіе дворы, почему управленіе этимъ дѣломъ не можетъ быть ведено безъ вѣдома резидентовъ. Конференція назначила съ этой цѣлью особыхъ коммиссаровъ отъ себя, для присутствованія при допросахъ лицъ, обвинявшихся въ распространеніи запрещенныхъ книгъ. Такое распоряженіе мотивировано было слѣдующимъ происшествіемъ. Домовые обыски, произведенные у книгопродавца Грабовскаго и купца Яна Бохенекъ, открыли у перваго большое число книгъ зажигательнаго содержанія, стремящагося раздуть ненависть противъ правительствъ покровительствующихъ государствъ, а у второго корреспонденцію, изъ которой видно, что онъ самъ, равно какъ и сынъ его Левъ, были наиболѣе дѣятельными агентами революціонной печати. «Такъ какъ правительство вольнаго города, чувствуя само всю тяжесть такихъ преступленій, выразило въ своей нотѣ отъ 24-го февраля (7 марта) рѣшительное намѣреніе подвергать виновныхъ всей строгости существующихъ законовъ, то нижеподписавшіеся имѣли честь пригласить и президента сената вызвать предъ соотвѣтствующій судъ обвиняемыхъ въ томъ книгопродавца Грабовскаго, равно какъ Яна и Льва Бохенекъ. Такъ

какъ очевидно, что названныя лица состояли въ недозволенныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, и что ихъ преступныя намѣренія стремились главнымъ образомъ распространить революціонный ядъ въ пограничныхъ областяхъ; то обязанность покровительствующихъ дворовъ—охранять общественное спокойствіе вообще и благосостояніе ихъ подданныхъ въ особенности—налагаетъ на нихъ долгъ и даетъ имъ право требовать со стороны краковскаго правительства, чтобы приняты были самыя подробныя разслѣдованія для раскрытія всѣхъ тайныхъ замысловъ со стороны обвиняемыхъ, и чтобы конференціи сообщены были свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ розыска, какой будетъ сдѣланъ съ этою цѣлью. Дабы достичь этой цѣли съ бо́льшею увѣренностью и легкостью, нижеподписавшимся поручено пригласить правительство вольнаго города присоединить къ судебному разслѣдованію коммиссаровъ, которыхъ назначатъ на сей случай миссіи трехъ дворовъ, для присутствованія отъ ихъ имени. Извѣщая о такомъ распоряженіи, нижеподписавшіеся имѣютъ честь предувѣдомить г. президента сената, что дѣятельность этихъ коммиссаровъ ограничится присутствіемъ на всѣхъ допросахъ, ознакомленіемъ съ тѣмъ, что́ можетъ бросить свѣтъ на объемъ преступныхъ сношеній обвиняемыхъ, и указаніемъ всего того, что́ можетъ интересовать высокіе покровительствующіе дворы въ видахъ охраненія порядка и общественнаго спокойствія въ ихъ провинціяхъ. Лица, назначенныя къ отправленію сихъ обязанностей, суть: со стороны австрійской миссіи правительственный концепистъ Вольфартъ, со стороны прусской миссіи чиновникъ Клейнъ, со стороны русской миссіи коллежскій ассессоръ Коростовцевъ». Мѣсяцъ спустя конференція должна была обратиться къ сенату съ замѣчаніемъ, что судъ, разбиравшій дѣло Грабовскаго и братьевъ Бохенекъ, имѣлъ засѣданіе, не увѣдомивъ о немъ коммиссаровъ, назначенныхъ конференціею; а потому послѣдняя считала своей обязанностью обратить вниманіе сената и его президента на такое обстоятельство, и приглашала ихъ потребовать отъ суда объясненій по этому поводу. «Конференція, — сказано было въ нотѣ отъ 19-го іюня (1 іюля) 1836 года,—должна настаивать на томъ, чтобы подобныя отступленія отъ воли высокихъ покровительствующихъ дворовъ не имѣли болѣе мѣста, и чтобы помянутое засѣданіе, равно какъ и всякое другое, которое могло происходить или произойдетъ по сему дѣлу безъ участія коммиссаровъ, назначенныхъ ad hoc, объявлены были какъ непроисходившія и неимѣющія никакихъ послѣдствій». Кромѣ того, конференція просила сенатъ сообщить ей, какія распоряженія будутъ приняты по этому случаю.

Намъ неизвѣстно однакожъ, чѣмъ кончилось дѣло книгопродавца Грабовскаго и купцовъ Бохенекъ.

Между тѣмъ истекало трехлѣтіе со времени послѣдняго сейма, принявшаго уставы отъ реорганизаціонной коммиссіи. Надлежало созвать новый сеймъ, который могъ обратиться къ правительству съ запросами о происходившемъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ того, сеймъ долженъ былъ приступить къ избранію новыхъ сенаторовъ и президента ихъ, разсмотрѣть административные отчеты за три года, и въ случаѣ надобности произнести обвиненіе противъ чиновниковъ, дѣйствія которыхъ не согласовались съ предписаніями конституціи. Предупредить грозу, или по крайней мѣрѣ ослабить силу сеймовыхъ преній можно было только введеніемъ новыхъ ограниченій въ сеймовый уставъ. Но сенатъ не могъ сдѣлать этого собственною властью, и потому прибѣгъ подъ покровъ конференціи. 15-го (27) сентября 1836 года обнародованы были шесть измѣненій, внесенныхъ въ сеймовый статутъ. Обнародованіе протоколовъ сеймовыхъ засѣданій подчинено было вполнѣ цензурѣ президента сената; опредѣлено было для сеймовыхъ секретарей, еслибы они допустили какія-либо дополненія въ изложеніи преній или внесеніе рѣчей на основаніи письменнаго текста, представленнаго имъ ораторами, соотвѣтственное наказаніе, заключавшееся въ томъ, что сенатъ, освѣдомившись о такомъ поступкѣ, долженъ былъ немедленно исключить виновнаго изъ собранія представителей и лишить его на шесть лѣтъ права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ и быть самому избраннымъ. Списокъ кандидатовъ на сенаторскія званія предписано было представлять на окончательное разсмотрѣніе конференціи резидентовъ, которая могла исключать кандидатовъ, признаваемыхъ ею ненадежными. Если сеймъ отвергнетъ какую-либо статью расходовъ въ новомъ бюджетѣ, а сенатъ не согласится съ тѣмъ, то споръ между ними рѣшено было разсматривать въ конференціи. Кромѣ того, сенатъ уполномоченъ былъ въ обстоятельствахъ, грозящихъ какою-либо опасностью странѣ, но непредвидѣнныхъ въ бюджетѣ, расходовать изъ общественныхъ суммъ по своему усмотрѣнію до 600,000 злотыхъ. Наконецъ, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ во время сеймовыхъ засѣданій, сенатъ получалъ право провозгласить дѣйствующимъ весь прежній составъ чиновниковъ на шесть мѣсяцевъ; если въ возобновившейся по истеченіи этого времени сессіи безпорядки повторятся, то сенатъ могъ распустить сеймъ и объявить новые выборы, сообщивъ о томъ предварительно конференціи и получивъ отъ нея согласіе; въ такомъ случаѣ всѣ административныя и судебныя учрежденія

могли дѣйствовать въ прежнемъ своемъ составѣ; выбывающихъ же изъ нихъ членовъ могъ замѣщать сенатъ до распоряженій новаго сейма, и наконецъ сохранялся старый бюджетъ. Такое ограниченіе сеймовой дѣятельности, кромѣ мѣстныхъ условій и отношеній, легко объяснялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Краковомъ, не было представительныхъ собраній въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, и примѣръ краковскаго сейма казался опаснымъ для ихъ населенія.

Обезпеченный отъ сеймовыхъ притязаній, сенатъ не только по своимъ новымъ правамъ, но и по личному составу ни въ чемъ не согласовался съ требованіями конституціи 1833 года: ни одинъ изъ сенаторовъ не удовлетворялъ условію, по которому долженъ былъ обладать въ краковской территоріи недвижимою собственностію, платящею прямыхъ податей по крайней мѣрѣ на сто злотыхъ; большая часть изъ нихъ до своего вступленія въ сенатъ принадлежала къ подданнымъ сосѣднихъ державъ, особенно Австріи, и имѣла тамъ свою недвижимую собственность, а стало быть находилась въ бо̀льшей или меньшей зависимости отъ резидентовъ, отъ которыхъ съ готовностію принимала личныя приказанія. Только одинъ Янъ Мѣрошевскій, бывшій сперва главнымъ секретаремъ сената съ самаго его основанія, и возведенный въ 1833 году въ званіе сенатора, оставался въ оппозиціи съ предписаніями конференціи. Онъ также имѣлъ недвижимую собственность за границей, но ему постоянно отказывали въ визированіи паспорта на выѣздъ изъ Кракова, чего онъ просилъ подъ предлогомъ посѣщенія своихъ имѣній. Поводовъ къ оппозиціи представлялось немало, и его дѣятельность шла въ разрѣзъ съ поведеніемъ остальныхъ сенаторовъ. Наконецъ, 4-го (16) іюня 1837 года конференція обратилась къ сенату съ такою нотою: «чрезвычайная коммиссія, учрежденная въ 1833 году для переустройства правительства вольнаго города Кракова, предоставила, въ силу своихъ полномочій, г. Іакинфу Мѣрошевскому мѣсто сенатора. Высокіе покровительствующіе дворы, обращая съ того времени особенное вниманіе на дѣйствія сего правительства, а особенно на политическое и административное поведеніе сенаторовъ, ими избранныхъ, получили горестное убѣжденіе, что г. Мѣрошевскій, руководясь внушеніями партіи, политическіе виды и намѣренія которой не согласуются съ благосостояніемъ сей страны, не оправдалъ довѣрія, оказаннаго ему реорганизаціонною коммиссіею, что онъ постоянно задерживалъ своею страстною оппозиціей самыя спасительныя мѣры и что его присутствіе въ сенатѣ не только не приносило содѣйствія обществен-

ному благу, но и препятствовало возстановленію твердаго и заслуживающаго довѣрія порядка вещей; посему, признавъ отозваніе сего чиновника необходимымъ въ интересахъ самого вольнаго города Кракова, высокіе покровительствующіе дворы постановили взять назадъ приказъ реорганизаціонной коммиссіи, по которому г. Мѣрошевскій назначенъ былъ сенаторомъ. Нижеподписавшіеся получили повелѣніе объявить г. президенту и сенату Кракова, что сенаторскія обязанности г. Мѣрошевскаго прекращаются съ сего дня, и что для замѣщенія его, равно какъ и для замѣщенія мѣстъ, сдѣлавшихся свободными вслѣдствіе назначенія г. Галлера временнымъ президентомъ и вслѣдствіе смерти сенатора Михаловскаго, нижеподписавшіеся, дѣйствуя согласно приказаніямъ и полномочіямъ отъ своихъ дворовъ, назначили временными сенаторами г. Соболевскаго, уже дѣйствующаго въ качествѣ чрезвычайнаго сенатора, каноника Шиндлера и Яна Мѣрошевскаго, которые имѣютъ немедленно вступить въ отправленіе своихъ должностей. Но такъ какъ, по § 8 конституціи, званіе сенатора не можетъ быть соединяемо ни съ какою другою оплачиваемою должностію, то каноникъ Шиндлеръ будетъ получать отнынѣ свое прежнее содержаніе, какъ правительственный коммиссаръ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, каковыя обязанности онъ будетъ отправлять какъ и прежде, но за труды по сенаторскому званію будетъ получать прибавку въ 3,000 злотыхъ на канцелярскія издержки». Такъ подвигался впередъ преобразователь Ягеллонскаго университета, еще бо́льшій приверженецъ Австріи, чѣмъ Галлеръ, имѣвшій современемъ занять его мѣсто въ сенатѣ. Австрійское вліяніе получало въ немъ прочную силу въ средѣ краковскаго правительства.

Преобразованный сенатъ сдѣлался постояннымъ и вѣрнымъ органомъ, чрезъ который отнынѣ проводились не только разъясненія существовавшихъ уставовъ, но и радикальныя измѣненія въ устройствѣ властей законодательной, судебной и исполнительной. Сенатъ не только принялъ тѣ ограниченія, которыя введены были въ сеймовый уставъ, но и весьма охотно согласился на измѣненіе своихъ собственныхъ правъ. 28-го августа (9-го сентября) того же года послѣдовали три ноты конференціи резидентовъ, касавшіяся отношеній между сенатомъ и сеймомъ, права помилованія, вопроса о томъ: какъ понимать выраженіе конституціи «лица, стоящія внѣ закона», и общиннаго устройства. Въ первой нотѣ излагался общій взглядъ покровительствующихъ дворовъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Краковѣ, оправдывавшее предложенныя измѣненія уставовъ. «Послѣ реоргани-

заціи вольнаго города Кракова въ 1833 году», сказано было въ этой нотѣ, «покровительствующіе дворы, слѣдя внимательнымъ взоромъ за развитіемъ реформъ, введенныхъ въ то время въ органическіе законы сей страны, увидѣли съ сожалѣніемъ, что значеніе этихъ реформъ не отвѣчало ихъ намѣреніямъ и не принесло должныхъ улучшеній въ дѣлѣ возстановленія порядка и въ общемъ ходѣ управленія. Посреди величайшихъ безпорядковъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ, правительство не обнаружило ни достаточнаго предвидѣнія, чтобы предупредить ихъ, ни достаточной энергіи, чтобы прекратить ихъ. Самые спасительные совѣты, равно какъ и самыя серьёзныя указанія, обращенныя къ сенату, остались безъ выполненія. Дерзость искателей мятежныхъ приключеній, увеличиваясь вмѣстѣ съ безнаказанностью преступленій, сильно нарушала личную безопасность и общественное спокойствіе, и три двора, убѣдившись наконецъ въ безсиліи сената устранить это зло, постоянно возраставшее, вынуждены были, наконецъ, прислать вооруженную силу, чтобы возстановить порядокъ и безопасность въ этой несчастной странѣ, благосостояніе которой отдано было на волю нѣсколькихъ темныхъ анархистовъ. При наступленіи минуты, въ которую краковское правительство по возстановленіи общественнаго спокойствія было бы снова предоставлено своимъ собственнымъ силамъ, три союзные двора сочли бы себя неисполнившими своихъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ званіемъ покровительницъ, еслибъ не приняли мѣръ, предупреждающихъ повтореніе происшествій, подобныхъ тѣмъ, которыя вызвали военное занятіе краковской территоріи, и возобновленіе которыхъ было бы столь же гибельно для благосостоянія вольнаго города, какъ и опасно для его добрыхъ отношеній съ сосѣдними и покровительствующими государствами, составляющихъ существенное условіе не только для его преуспѣянія, но и для его политическаго существованія. Такъ какъ опытъ достаточно доказалъ, что шаткость административныхъ пружинъ, равно какъ слабость и бездѣйствіе правительства, которое во всѣхъ случаяхъ оказывалось столь легко побѣждаемымъ смѣлостью людей, возбуждавшихъ волненія, были если не единственною, то по крайней мѣрѣ главною причиною всѣхъ этихъ безпорядковъ; то покровительствующіе дворы прежде всего обратили свое вниманіе на средства придать сенату силу и энергію, которыхъ ему до сихъ поръ недоставало, и замѣнить ихъ нравственною поддержкой» содѣйствіе матеріальной силы, которую они вскорѣ должны отнять у него. Съ этою преимущественно цѣлію составлены были измѣненія въ органическихъ статутахъ сената и по-

литическихъ собраній, каковыя нижеподписавшіеся имѣли честь сообщить сенату, согласно съ повелѣніями и полномочіями отъ ихъ высокихъ дворовъ, приглашая его привести ихъ въ исполненіе въ возможно кратчайшее время. Высокіе покровительствующіе дворы соглашаются равнымъ образомъ на измѣненія §§ 7 и 11 конституціонной хартіи, предложенныя сенатомъ съ цѣлію согласованія ихъ съ началами, усвоенными при переустройствѣ полиціи, почему новая редакція этихъ параграфовъ и прилагается при семъ. Въ то же время они считали необходимымъ присоединить къ конституціи прилагаемую при семъ же дополнительную статью, отмѣняющую общинныхъ мэровъ и вспомогательныхъ судей, дѣятельность которыхъ только затрудняла административныя управленія и осложняла дѣло. Само собой разумѣется, что всѣ статьи различныхъ уставовъ и конституціи, дѣйствующей съ 1833 года, которыя будутъ въ противорѣчіи съ постановленіями, изложенными въ приложеніяхъ къ настоящей нотѣ, должны быть разсматриваемы, какъ отмѣненныя». Въ заключеніи было сказано, что таковая воля покровительствующихъ дворовъ должна служить сенату новымъ доказательствомъ ихъ благоволенія къ нему и побудить его не только къ охраненію общественнаго порядка въ странѣ, но и къ устраненію безпорядковъ, какія могли бы возникнуть въ его собственной средѣ.

Изъ приложеній къ этой нотѣ видно было, что § 7-й конституціи, гласившій: «сенатъ пользуется исполнительною властію во всей ея обширности; всякая исполнительная и административная власть получаетъ свое начало только отъ него», былъ замѣненъ такимъ чтеніемъ: «сенатъ и его президентъ пользуются исполнительною властью, согласно дѣйствующимъ законамъ и уставамъ»; а § 11-й: «сенатъ назначаетъ на всѣ административныя мѣста, кромѣ изъятыхъ изъ того конституціей,» измѣненъ былъ такъ: «сенатъ назначаетъ на всѣ административныя мѣста, кромѣ изъятыхъ изъ того конституціей, или относительно которыхъ будетъ постановлено иначе». Новый текстъ опредѣлялъ шире права президента сената и вмѣстѣ съ тѣмъ вводилъ подъ общія выраженія тѣ распоряженія, которыя уже сдѣланы были касательно исполнительной власти конференціею резидентовъ. По § 7-му въ новомъ его видѣ президентъ могъ остановить, на своей отвѣтственности за то, любое изъ распоряженій сената, чѣмъ отстранялись отчасти несогласія въ средѣ послѣдняго, а по § 11-му назначеніе начальника милиціи и директора полиціи, равно и удаленіе ихъ, поставлены были въ зависимость отъ резидентовъ. Кромѣ того, изъ права помилованія, принадле-

жавшаго отчасти сенату, отчасти его президенту, изъяты были преступленія членовъ милиціи; ибо послѣдняя подчинена была особому исправительному и уголовному кодексу, согласно съ ея уставомъ, утвержденнымъ конференціей. Наконецъ, общинные мэры и добавочные судьи были отмѣнены и ихъ дѣятельность въ Краковѣ передана полицейской дирекціи, а въ территоріи окружнымъ коммиссарамъ; что же касается выдачи людей, стоявшихъ внѣ закона, то подъ таковыми предложено было разумѣть не однихъ осужденныхъ за участіе въ революціи 1830 и 1831 годовъ, но и могущихъ впредь подвергнуться подобной же участи.

Всѣ эти измѣненія введены были въ жизнь краковской республики въ то самое время, какъ процессъ о тайныхъ обществахъ, возбужденный Гутомъ, вызвалъ протестъ противъ судебнаго рѣшенія со стороны сената. 21-го октября (2-го ноября) сенатъ обратился къ конференціи съ нотой, прося резидентовъ довести до свѣдѣнія покровительствующихъ дворовъ о поступкѣ судебнаго вѣдомства и обратить ихъ вниманіе на необходимость произвести реформы въ краковской юстиціи, согласно указаніямъ опыта. 17-го (29) ноября резиденты увѣдомили сенатъ, что его просьба принята дворами, какъ новое доказательство его просвѣщенныхъ заботъ о благосостояніи управляемыхъ имъ и какъ совѣстливое исполненіе надзора, который возложенъ на него конституціей относительно судебнаго вѣдомства всего края, и что покровительствующіе дворы займутся безъ промедленія пріисканіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для устраненія недостатковъ, существующихъ въ краковскомъ судоустройствѣ и обнаруженныхъ опытомъ, дабы обезпечить жителямъ этой страны благодѣянія юстиціи болѣе правильной и болѣе безпристрастной. «Предметъ этотъ однакожъ», сказано было въ нотѣ, «такъ важенъ самъ по себѣ, что требуетъ глубокаго изученія и особаго соглашенія между тремя дворами. Въ ожиданіи, что нижеподписавшіеся сообщатъ тотчасъ же правительству вольнаго города мнѣнія дворовъ, на нихъ возлагается также обязанность довести до свѣдѣнія собранія представителей, которое созывается, намѣренія покровительствующихъ дворовъ и предложить, что въ виду перемѣнъ, какія могутъ совершиться въ организаціи судовъ, необходимо на время удержаться отъ всякаго назначенія на вакантныя мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ, за исключеніемъ мировыхъ судей».

Разрѣшивъ сенату созвать сеймъ для утвержденія всѣхъ административныхъ мѣръ, принятыхъ со времени удаленія изъ Кра-

кова реорганизаціонной коммиссіи, конференція резидентовъ того же 17-го (29) ноября извѣстила сенатъ, что покровительствующіе дворы рѣшились сохранить дѣйствующій составъ краковскаго правительства и потому созываемый сеймъ не долженъ заниматься ни выборомъ президента, ни выборомъ сенаторовъ. Сенатъ съ своей стороны представилъ конференціи два проекта бюджета на слѣдующее трехлѣтіе и семь законопроектовъ, относящихся къ тому же предмету. Конференція отвѣчала 10-го (22) декабря, что не имѣетъ съ своей стороны препятствій къ предложенію этихъ проектовъ на обсужденіе сейма; но замѣтила, что такъ какъ организація полиціи и милиціи уже утверждена покровительствующими дворами, то сенатъ долженъ извѣстить собраніе представителей, что суммы, назначенныя въ бюджетѣ на эти двѣ отрасли общественной службы, не могутъ быть предметомъ преній, и еще менѣе подвергаться какому-либо сокращенію.

Таковы были условія, при коихъ долженъ былъ открыть свои засѣданія сеймъ 1837—1838 года. Посмотримъ, какъ же онъ вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія.

XIII.

Противорѣчія между фундаментальными законами или конституціонной хартіей вольнаго города и органическими статутами его.—Смѣшеніе властей.—Отношенія сейма къ сенату.—Большой адресъ сейма къ покровительствующимъ дворамъ, отъ 26-го января 1838 года.—Краткій адресъ отъ 13-го февраля.—Сношенія сената съ резидентами.—Нота резидентской конференціи отъ 20-го мая.—Новыя перемѣны въ органическихъ статутахъ.—Столкновеніе между полицейскою и судебною властями.—Реформа судовъ въ іюнѣ 1839 года.—Вліяніе Австріи во всѣхъ этихъ дѣлахъ.—Дисциплинарный судъ.—Введеніе въ Краковѣ австрійскаго уголовнаго кодекса и судоустройства.—Отзывы французскихъ и англійскихъ газетъ объ этихъ реформахъ.

Когда сеймъ 1838 года, предпослѣдній въ исторіи вольнаго города, приступалъ къ своей дѣятельности, политическая жизнь Кракова управлялась двоякаго рода законами: основными или фундаментальными, которые состояли изъ конституціонной хартіи, включенной въ вѣнскіе договоры 1815 года, и произведенныхъ затѣмъ измѣненій въ ней въ 1818, 1833 и 1837 годахъ; такъ называемыми органическими законами или различными статутами и уставами, подвергавшимися безчисленнымъ измѣненіямъ, произведеннымъ еще организаціонною коммиссіей, потомъ ея преемницей, коммиссіей реорганизаціонной, конференціей резидентовъ

и отчасти сенатомъ, дѣйствовавшимъ то въ соглашеніи съ временными коммиссарами покровительствующихъ дворовъ, то съ властями военныхъ отрядовъ, занимавшихъ Краковъ. Конституціонная хартія заключала въ себѣ только главныя основанія политическаго устройства краковской республики; органическіе же статуты развивали и опредѣляли различныя части всего зданія; таковы были статуты сената, собранія представителей, судебныхъ учрежденій, университета, общиннаго управленія, милиціи и полиціи и т. п. Имѣвшіе цѣлію развивать начала, положенныя въ основаніе конституціи, эти статуты не могли, конечно, заключать въ себѣ никакихъ противорѣчій съ фундаментальными законами или отступленій отъ нихъ, и это признано было заключительнымъ постановленіемъ реорганизаціонной коммиссіи отъ 4-го (16-го) сентября 1833 года, обнародованнымъ въ «Дневникѣ» краковскихъ законовъ, по повелѣнію сената отъ 21-го сентября (3-го октября) того же года, гдѣ было сказано: «впрочемъ, чтобы устранить на будущее время всякія затрудненія, на случай какихъ-либо сомнѣній при толкованіи органическихъ статутовъ политическихъ учрежденій, коммиссія признала за неизмѣнное правило и основаніе, что органическіе статуты, вытекая изъ конституціи и будучи только ея развитіемъ, не должны быть объясняемы способомъ, противорѣчащимъ фундаментальному закону». Но со времени управленія Кракова конференціею резидентовъ, не только не соблюдалось на практикѣ это правило, но введено было немало измѣненій какъ въ статуты, такъ и въ нѣкоторыя изъ статей конституціонной хартіи, о чемъ оффиціальнымъ образомъ вѣдалъ одинъ только сенатъ. Вслѣдствіе этого происходило таковое противорѣчіе: конституція не была еще отмѣнена, и самыя измѣненія въ ней были незначительны, но она не могла вліять на практику, основывавшуюся на уставахъ, уже далеко разошедшихся съ конституціонною хартіею. Конституція предоставила всю законодательную власть сейму, а исполнительную—сенату; но практика мало-по-малу передала значительную часть законодательной дѣятельности въ руки сената, образовавъ, такимъ образомъ, изъ него и сейма какъ-бы двѣ палаты. Но въ то же время въ сенатѣ заключалось и все правительство Кракова, а такъ какъ члены его уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ назначались не по указаніямъ конституціонной партіи, а по волѣ конференціи резидентовъ, то сенатъ, не имѣя истиннаго характера первой палаты, не былъ въ то же время и самостоятельнымъ правительствомъ. Этотъ характеръ принадлежалъ конференціи, и фактически сенатъ уже признавалъ его, будучи только посред-

никомъ между конференціей и остальными органами политической жизни Кракова; сеймъ же не имѣлъ еще случая ни признать такого порядка вещей, ни отвергнуть его. Сеймъ 1838 года хотя и составился подъ сильнымъ вліяніемъ конференціи и сената, однакожъ большинство его членовъ состояло изъ обывателей, которые считали себя въ правѣ обвинять во всемъ, происшедшемъ съ конца 1833 года, однихъ только сенаторовъ. Изъ объясненій послѣднихъ сеймъ легко могъ замѣтить ту власть, какую пріобрѣла конференція надъ сенатомъ, а чрезъ него и надъ остальными органами краковской жизни. Такимъ образомъ, оппозиція сейма должна была проявиться двояко: противъ сената, и противъ конференціи. Не удивительно, что сенатъ вступилъ въ борьбу съ сеймомъ, ища опоры у конференціи.

Предметомъ для первыхъ споровъ на сеймѣ послужилъ бюджетъ. Сеймъ не хотѣлъ признать тѣ изъ расходовъ, сдѣланныхъ сенатомъ, которые не значились въ бюджетѣ, утвержденномъ предшествующимъ сеймомъ и основывались только на правѣ, данномъ сенату конференціей—производить расходы собственной властью въ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Сеймъ отвергалъ также право сената измѣнять бюджеты общинныхъ управленій и, кромѣ того, руководясь только конституціонною хартіею, рѣшился ввести значительныя измѣненія въ нѣкоторыхъ статьяхъ представленнаго на его обсужденіе бюджета. Сенатъ не протестовалъ противъ такихъ рѣшеній въ первую минуту, хотя въ сеймовыхъ статутахъ и значилось, что собраніе представителей можетъ лишь или отвергнуть, или принять весь бюджетъ, какъ финансовый законъ, въ цѣлой его совокупности, но не вносить въ него частныхъ измѣненій по собственной иниціативѣ, которая могла принадлежать, согласно уставамъ, только сенату. Послѣдній выждалъ, когда собраніе представителей вступитъ въ борьбу съ самою конференціею. И дѣйствительно, въ засѣданіи 26-го января (7 февраля) 1838 года сеймъ принялъ адресъ къ тремъ государямъ, покровительствовавшимъ вольному городу, въ которомъ изложилъ бѣдственное и печальное положеніе страны, вызванное безпрестанными измѣненіями въ фундаментальныхъ законахъ, органическихъ статутахъ, и открытіемъ новыхъ учрежденій, произведенными благодаря постоянному вмѣшательству во внутреннія дѣла Кракова трехъ резидентовъ. Вотъ этотъ адресъ:

«Высочайшіе, могущественнѣйшіе и августѣйшіе государи-покровители! Уже неоднократно законодательное собраніе вольнаго города Кракова было выразителемъ чувствованій, коими проникнуты всѣ его жители къ августѣйшимъ особамъ всемило-

стивѣйшихъ покровителей сего государства. Нынѣшнее собраніе предъ окончаніемъ своихъ занятій считаетъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ послѣдовать сему примѣру, что событія, совершившіяся въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, равно какъ и свойство нѣкоторыхъ предметовъ, представленныхъ на обсужденіе собранія, заставляютъ опасаться, что еслибъ оно не обратилось съ постоянно одинаковымъ и твердымъ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и живѣйшей признательности къ тремъ высокимъ покровительствующимъ дворамъ, и еслибъ оно въ то же время не ходатайствовало объ ихъ милости, въ виду настоящаго положенія страны, то его молчаніе дало бы поводъ предполагать, что оно равнодушно ко всѣмъ благодѣяніямъ, которыя получила отъ нихъ до сего времени страна эта, или, что оно не имѣетъ достаточнаго довѣрія къ тому, чего можетъ еще ожидать въ будущемъ. Конечно, не таковы убѣжденія жителей этой страны; и если законодательное собраніе, вынужденное настоятельною необходимостью, беретъ на себя смѣлость прибѣгнуть къ непосредственному покровительству августѣйшихъ государей, оно дѣлаетъ это въ полномъ убѣжденіи, что такой шагъ согласуется съ чувствованіями всей страны, которая, довѣряясь великодушію своихъ покровителей, ждетъ единодушно отъ нихъ исполненія надеждъ, какія она осмѣливается соединять съ своею участью. Моленія и просьбы, которыя собраніе представителей полагаетъ нынѣ у подножія троновъ августѣйшихъ покровителей, служатъ только выраженіемъ нуждъ всѣхъ обывателей, заявленныхъ отчасти яснымъ образомъ въ петиціи, которая подана была ремесленными цехами нашего города въ палату представителей. Пусть достигнетъ сей искренній и молящій голосъ, изображающій вѣрно несчастія и бѣдствія сего государства, до слуха его августѣйшихъ покровителей, которые, воззвавъ его къ политическому бытію, не откажутъ,—мы въ томъ не сомнѣваемся,—продолжить свое милостивое благоволеніе и свое покровительство, на коихъ исключительно покоится его преуспѣяніе! Нѣтъ сомнѣнія, до свѣдѣнія вашихъ величествъ дошло, что съ нѣкотораго времени торговля и промышленность нашей страны разрушены и источники ея преуспѣянія изсякли; и въ самомъ дѣлѣ, трудно найти страну, въ которой обѣднѣніе и общая нищета поражали бы больше, чѣмъ въ нашей. Такое матеріальное бѣдствіе является еще болѣе ощутительнымъ въ силу того обстоятельства, что личныя права подданныхъ этой страны не находятъ никакой гарантіи въ ея существующихъ учрежденіяхъ. Жители города Кракова видятъ себя лишенными двухъ существенныхъ условій для общественнаго пре-

успѣянія, именно: возможности развивать свою промышленную дѣятельность въ границахъ, необходимыхъ для ея успѣха, и достаточнаго покровительства частнымъ интересамъ противъ предпринимателей. Пренія настоящаго собранія представляютъ вѣрную картину отягощеній, которыя испытываетъ вся страна въ этихъ двухъ отношеніяхъ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, чтò сдѣлалось съ матеріальнымъ благосостояніемъ страны, достаточно прочесть оффиціальный отчетъ, представленный палатѣ правительствующимъ сенатомъ, и выслушать горькія жалобы, поданныя торговою корпораціею и ремесленными цехами нашего города. И въ виду такого-то разоренія требуютъ отъ собранія представителей, чтобы оно согласилось на огромный бюджетъ, бюджетъ, удвоенный сравнительно съ тѣмъ, который организаціонная коммиссія нашла возможнымъ возложить на страну среди обстоятельствъ, совершенно иначе сложившихся и болѣе удобныхъ для ея преуспѣянія! Вотъ уже два года, какъ наши свободныя сообщенія, нѣкоторымъ образомъ секвестрованныя въ нашихъ узкихъ границахъ, прерваны съ пограничными государствами и особенно съ царствомъ польскимъ, такъ что произведенія нашей промышленности имѣютъ затруднительный и ограниченный вывозъ, между тѣмъ какъ предметы, вывозимые изъ сосѣднихъ государствъ, находятъ на нашей территоріи свободный рынокъ. Краковскій университетъ, который, будучи посѣщаемъ юношествомъ сосѣднихъ странъ, согласно вѣнскому договору, могъ бы обезпечить краю извѣстное благосостояніе и выгоды, приносимыя научнымъ движеніемъ, имѣетъ нынѣ ограниченное число студентовъ, вслѣдствіе запрещенія молодежи сосѣднихъ провинцій учиться въ немъ. Эта мѣра удержана, несмотря на то, что университетъ преобразованъ согласно съ намѣреніями покровительствующихъ государей и конкурсъ для занятія каѳедръ профессорами подчиненъ рѣшенію университетовъ, находящихся въ государствахъ, покровительствующихъ Кракову. Удивляться ли тому, что кредитъ, промышленность и торговля разрушены въ этой несчастной странѣ, существованіе которой каждый мѣсяцъ, принося новыя перемѣны въ ея учрежденіяхъ, дѣлаетъ все болѣе и болѣе загадочнымъ и невѣрнымъ? Хотя самая конституція потерпѣла въ сентябрѣ 1837 года только легкія измѣненія, но перемѣны, внесенныя въ то же время въ органическіе статуты, имѣли цѣлію создать множество властей и независимыхъ другъ отъ друга учрежденій, такъ что въ этомъ смѣшеніи жители вольнаго города Кракова и его территоріи не знаютъ болѣе, къ какимъ властямъ или законамъ они должны прибѣгать? Эти перемѣны от-

няли у собранія представителей право избранія должностныхъ лицъ, чтó было обезпечено за нимъ конституціей, и оно лишено такимъ образомъ одного изъ самыхъ существенныхъ правъ своихъ. Наконецъ, эти перемѣны совлекли съ правительства нравственную силу и значеніе, столь необходимыя для охраненія порядка и поддержки довѣрія, которое власть должна внушать. Порядокъ вещей, введенный въ 1833 году единственно по непосредственной волѣ нашихъ августѣйшихъ покровителей, подвергнутъ былъ опять новымъ измѣненіямъ, внушающимъ тѣмъ бóльшее безпокойство, что страна совершенно не знаетъ, до какихъ предѣловъ они могутъ простираться. Наиболѣе важныя должности поручены иностранцамъ, которые не подчинены нашему правительству и не отвѣтственны предъ нимъ, и которые даже отказываются принести присягу законамъ страны. Надо полагать, что люди неблагосклонные и желающіе зла этому краю успѣли выставить его въ подозрительномъ свѣтѣ предъ августѣйшими покровителями, если высокіе дворы, считая его недостойнымъ привилегій, пользованіе которыми было ему предоставлено, нашли необходимымъ подчинить его дѣйствію новыхъ и унизительныхъ распоряженій. Собраніе представителей всегда было расположено принимать всякаго рода предложенія, въ коихъ оно могло видѣть какой-либо признакъ непосредственной воли августѣйшихъ покровителей, и при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оно не переставало имѣть въ виду живѣйшее желаніе довести о нихъ до свѣдѣнія высокихъ дворовъ чрезъ посредство ихъ представителей, присутствовавшихъ при его преніяхъ. Мало того, раздѣляя съ большинствомъ жителей сего государства глубокое убѣжденіе, что все счастіе и вся будущность нашей страны зависятъ отъ ея августѣйшихъ покровителей, собраніе представителей обращаетъ ихъ милостивые и отеческіе взоры на народъ, отъ имени котораго оно возвышаетъ голосъ, и который своимъ полномочіемъ ввѣрилъ ему наиболѣе дорогіе интересы свои. Оно проситъ ваши величества имѣть жалость къ безграничному несчастію сей страны; умоляетъ смотрѣть на ея жителей съ тѣми же чувствами благосклоннаго великодушія, какія оказываются собственнымъ подданнымъ. Мы не провозглашаемъ нынѣ никакихъ новыхъ конституціонныхъ прерогативъ; всѣ наши просьбы принадлежатъ къ числу такихъ, какія позволительно подавать вѣрнымъ подданнымъ вашихъ величествъ; всѣ наши желанія ограничиваются возможностью пользоваться съ твердою увѣренностью тихимъ и спокойнымъ существованіемъ и благосостояніемъ, основаннымъ на усердномъ и производительномъ трудѣ. Мы умоляемъ ваши величества

прислать новую коммиссію, столь же безпристрастную, какъ и совѣстливую, для изслѣдованія нынѣшняго порядка вещей и подтвержденія нашей невинности. Мы умоляемъ васъ возстановить правительствующій сенатъ въ его прежнемъ значеніи и, поставивъ его во главѣ всѣхъ властей, возвратить единство управленія, которое нынѣ не существуетъ болѣе. Благоволите дозволить, чтобы дарованы были облегченія въ нашихъ торговыхъ связяхъ и ежедневныхъ сношеніяхъ съ жителями вашихъ государствъ. Дозвольте наконецъ, чтобъ молодежь сосѣднихъ провинцій могла посѣщать наши школы и нашъ университетъ, устроенные на основаніяхъ, вами самими указанныхъ. Каково бы ни было рѣшеніе, которое угодно будетъ вашимъ величествамъ принять относительно предмета этой всепокорнѣйшей просьбы собранія представителей, страна и жители Кракова примутъ его съ уваженіемъ и признательностію, будучи вполнѣ убѣждены, что только отъ васъ однихъ они могутъ ожидать облегченія бѣдствій и страданій государства, которое уже пользуется величайшимъ счастіемъ находиться подъ вашимъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ,—покровительствомъ, счастливыя послѣдствія котораго, конечно, не замедлятъ распространиться на нихъ и устранить страданія, причиненныя временемъ и несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ».

Этотъ адресъ подписали: президентъ сейма Викентій Вольфъ, два ассессора: Францъ Липчинскій и Антонъ Гельцель, и секретарь Гиларій Мѣцишевскій. Сеймъ представилъ этотъ адресъ сенату, прося довести его до свѣдѣнія покровительствующихъ государей; сенатъ препроводилъ резидентамъ, но не получилъ отъ нихъ никакого отвѣта.

Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи 13-го (25-го) февраля сеймъ принялъ новый, самый краткій адресъ къ покровительствующимъ дворамъ. «Краковскій сеймъ», сказано было въ этомъ адресѣ, «заканчивая свою сессію, ходатайствуетъ предъ тремя покровительствующими державами: 1) чтобы австрійскія войска оставили территорію краковской республики; 2) чтобы границы этой республики были открыты для торговли и путешественниковъ, согласно конституціи, дарованной въ 1815 году вѣнскимъ конгрессомъ; 3) чтобъ учрежденія и регламенты 1833 года были снова объявлены дѣйствующими; 4) чтобы власть, сила и значеніе, которыми сенатъ пользовался издавна, были возстановлены; 5) чтобы отнынѣ управлялъ сенатъ, а не коммиссія, состоящая изъ трехъ резидентовъ покровительствующихъ державъ и генерала, командующаго австрійскимъ оккупаціоннымъ отрядомъ; 6) чтобы дирекція полиціи и дирекція таможенъ были возвращены въ руки

мѣстныхъ властей краковской республики». Этотъ адресъ былъ представленъ резидентамъ съ порученіемъ доставить его ихъ дворамъ; но и онъ остался безъ отвѣта. Только 6-го (18-го) апрѣля сенатъ, препроводивъ резидентамъ копію съ перваго адреса, о полученіи котораго не имѣлъ никакого увѣдомленія, рѣшился просить резидентовъ увѣдомить его о послѣдующемъ. Резиденты отвѣчали 2-го (14-го) мая, что они не находятъ возможнымъ представить своимъ дворамъ такой адресъ, тѣмъ болѣе, что и само краковское правительство, повидимому, сомнѣвается въ его приличіи; а потому онъ будетъ оставленъ безъ послѣдствій, какъ бы никогда и не было его. Такъ устранено было одно изъ важнѣйшихъ рѣшеній, принятыхъ сеймомъ 1838 года, на которое онъ повидимому возлагалъ серьёзныя надежды. Оставалось еще разрѣшить несогласія, возникшія между постановленіями сейма и предложеніями сената.

Еще 9-го января н. с. 1838 года сенатъ сообщилъ резидентамъ два проекта устава постоянной учетной коммиссіи, которая обыкновенно дѣйствовала въ промежутокъ между двумя созываемыми сеймами: одинъ изъ проектовъ былъ составленъ самимъ сенатомъ, другой означенною коммиссіею. Сообщены они были резидентамъ для того, чтобы покровительствующіе дворы утвердили который-либо изъ нихъ. 29-го марта (10-го апрѣля) резиденты отвѣчали сенату, что по важности тѣхъ операцій, которыя должны входить въ кругъ дѣятельности учетной коммиссіи, они разсмотрѣли оба проекта во всѣхъ подробностяхъ и пришли къ такому убѣжденію: проектъ, изготовленный сенатомъ, недостаточно углублялся въ важнѣйшія стороны вопроса, не указывалъ средствъ для устраненія столкновеній между правительствомъ и коммиссіей, и вообще носилъ на себѣ ясные слѣды тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ былъ составляемъ; проектъ же коммиссіи ясно стремился къ такому возвышенію ея собственной власти, къ надѣленію ея членовъ такими привилегіями и правами, что коммиссія становилась такъ сказать нѣкотораго рода финансовой диктатурой,— а потому резиденты не могли представить покровительствующимъ дворамъ ни одного изъ этихъ проектовъ. При такомъ исходѣ дѣла конференція резидентовъ считала за лучшее возвратить оба проекта сенату для составленія новой редакціи, и уполномочивала сенатъ отстранить требованія коммиссіи до того времени, когда будетъ утвержденъ окончательный уставъ ея.

Затѣмъ, сенатъ двумя нотами, отъ 11-го (23-го) марта и отъ 20-го апрѣля (2-го мая), увѣдомилъ резидентовъ сперва о множествѣ незаконныхъ постановленій, принятыхъ послѣднимъ сей-

момъ, потомъ о безвыходномъ положеніи, въ какое сенатъ былъ поставленъ дѣйствіями сейма, не имѣвъ возможности ни предвидѣть, ни остановить тѣ неправильности, въ какія вдался сеймъ. 20-го мая (1-го іюня) конференція резидентовъ отвѣчала сенату длинною нотой, въ которой входила въ подробный разборъ всѣхъ столкновеній между сенатомъ и послѣднимъ сеймомъ, а также письменныхъ сообщеній, которыми они обмѣнялись между собою.

Нота начиналась заявленіемъ, что покровительствующіе дворы раздѣляютъ мнѣніе сената относительно необходимости вновь пересмотрѣть политическое законодательство Кракова, и не замедлятъ сообщить сенату о результатахъ этого пересмотра. Что же касается финансовыхъ постановленій послѣдняго сейма, то они должны быть отвергнуты на основаніи § 15 конституціи и §§ 119 и 120 сеймоваго статута, изъ коихъ по первому сеймъ можетъ только или отвергать, или принимать предложенія сената, а по вторымъ не можетъ вносить никакихъ перемѣнъ въ финансовые проекты, не сообщивъ ихъ предварительно сенату; причемъ для вторичнаго обсужденія въ сеймѣ необходимо, чтобъ большинство сенаторовъ высказалось въ ихъ пользу. Далѣе, разсмотрѣвъ всѣ письменныя сношенія между сенатомъ и сеймомъ о законопроектѣ, увеличивавшемъ личную подать и промысловый налогъ, которые сеймъ не только понизилъ въ общей суммѣ, но и предложилъ иную раскладку ихъ на плательщиковъ, конференція сочла своею обязанностію заявить, что покровительствующіе дворы не могутъ признать въ этомъ дѣйствіи ничего другого, кромѣ рѣшительнаго нарушенія фундаментальнаго закона и органическихъ статутовъ; а потому она объявляетъ несостоявшимся постановленіе сейма отъ 26-го января (7-го февраля) по этимъ вопросамъ и предлагаетъ удержать финансовый законъ отъ 24-го декабря 1820 года (5-го января 1821) въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до послѣдняго сейма. Потомъ, назначивъ безъ согласія правительства несравненно бо́льшую сумму доходовъ отъ рубки лѣса въ государственныхъ рощахъ, сравнительно съ предложенною сенатомъ, которая представляла собою средній выводъ изъ доходовъ, получавшихся до тѣхъ поръ, и основывалась на началахъ систематической экономіи, собраніе представителей, по мнѣнію резидентовъ, превысило свои полномочія, ясно ограниченныя вышеприведенными параграфами, и въ то же время дало несомнѣнное доказательство того, какъ мало оно заботится о сохраненіи государственныхъ имуществъ края; а потому высокіе дворы должны признать это постановленіе сейма незаконнымъ и не подлежащимъ исполненію, и предложить сохраненіе дѣйствующей силы за

постановленіями сейма 1833 года. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что сенатъ, въ качествѣ высшей муниципальной власти, призванъ исключительно установлять и управлять общинные доходы города Кракова и его предмѣстій, изъ коихъ важнѣйшій заключается въ податяхъ, платимыхъ содержателями гостинницъ, трактировъ, харчевенъ и т. п. за право торговать различными питьями; принимая потомъ во вниманіе, что, со времени существованія краковской республики, сенатъ отправлялъ эту обязанность безъ содѣйствія сейма и собственною властью подчинялъ эти подати различнымъ правиламъ и новымъ уставамъ, особенно же 1-го (13-го) августа 1817 года и 19-го апрѣля (1-го мая) 1822 года, причемъ ни одно собраніе представителей не оспаривало у него такого права и никогда не подвергало его сомнѣніямъ; принимая, наконецъ, во вниманіе, что сеймъ 1820 года, къ которому обращались многіе граждане пятаго округа съ просьбой пересмотрѣть регламентъ, касающійся этихъ податей, отослалъ эту просьбу 7-го (19-го) декабря того же года въ сенатъ, который, назначивъ особый комитетъ для изслѣдованія помянутой просьбы, издалъ собственною властью регламентъ 1822 года, дѣйствовавшій до сихъ поръ, и что, стало быть, само собраніе признало сенатъ единственною властью, компетентною въ этомъ вопросѣ, — высокіе дворы пришли къ убѣжденію, что заявленія послѣдняго сейма, направленныя противъ предложеннаго сенатомъ новаго тарифа сихъ податей, не основываются ни на какомъ фундаментальномъ законѣ и должны быть считаемы неподлежащими къ исполненію, а потому признали за сенатомъ на будущее время право опредѣлять эти подати во всей его полнотѣ и уполномочили привести немедленно въ дѣйствіе представленный имъ новый тарифъ. Увеличеніе же этихъ податей должно было служить для покрытія дефицита въ бюджетѣ, вызвавшаго тѣ постановленія сейма, которыя отмѣнены высокими дворами, какъ незаконныя. Такъ какъ сеймъ могъ обсуждать бюджетъ только въ общемъ его составѣ, а не по частямъ, то и рѣшеніе его о закрытіи мѣста помощника городского эконома, которое внесено было еще въ первый бюджетъ республики 1816 года и утверждено организаціонною коммиссіей 19-го (31-го) іюля 1818 года, объявлено было само по себѣ неимѣющимъ никакого значенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было сенату обсудить, можетъ ли эта должность быть отмѣнена безъ ущерба для службы, или должна быть сохранена въ прежнемъ видѣ. Затѣмъ, нота резидентовъ касалась вопроса о правѣ сейма разсматривать подаваемыя ему петиціи о назначеніи пенсій, денеж-

ныхъ наградъ, объ увеличеніи жалованья и другихъ денежныхъ вопросовъ подобнаго рода. Еще сеймъ 1833 года выразилъ сомнѣніе не только на счетъ порядка, какимъ могутъ быть удовлетворяемы эти просьбы, но и на счетъ самаго права выслушивать ихъ, почему и просилъ реорганизаціонную коммиссію чрезъ сенатъ высказаться по этому поводу. Коммиссія тогда же рѣшила: «что петиціи, имѣющія предметомъ только частные интересы, напримѣръ, ходатайство о пенсіяхъ и т. п., не могутъ быть обсуждаемы въ собраніи представителей, но должны быть предварительно разсмотрѣны въ сенатѣ, который одинъ, какъ высшая административная и исполнительная власть, можетъ знать, имѣетъ ли проситель достаточныя права для полученія награды и основательны ли приведенныя имъ въ пользу того доказательства; что, на основаніи такихъ соображеній, вытекающихъ изъ духа конституціи, собраніе представителей должно сначала посылать въ сенатъ всѣ петиціи, которыя не требуютъ какого-либо измѣненія въ законодательствѣ или не содержатъ въ себѣ какой-либо жалобы, и что отъ сената зависитъ, если онъ найдетъ петицію заслуживающею обсужденія, представить ее на разсмотрѣніе сейма при своемъ мнѣніи, или же, въ противномъ случаѣ, оставить ее безъ движенія». Но сеймъ 1838 года, несмотря на такое ясное рѣшеніе реорганизаціонной коммиссіи, разсматривалъ подобныя петиціи и назначалъ многимъ лицамъ пенсіи, увеличивалъ жалованье, давалъ денежныя награды, не выслушавъ предварительнаго мнѣнія сената, чѣмъ вышелъ изъ предѣловъ своей власти и обнаружилъ неуваженіе къ одной изъ самыхъ существенныхъ прерогативъ правительства — оказывать прямое и рѣшительное вліяніе на раздачу наградъ. А потому покровительствующіе дворы сочли себя обязанными отмѣнить всѣ постановленія послѣдняго сейма по вопросамъ подобнаго рода; но такъ какъ въ числѣ награжденныхъ сеймомъ могли находиться люди, коимъ сенатъ не отказалъ бы въ своей поддержкѣ, еслибъ ихъ петиціи были ему сообщены сеймомъ, и такъ какъ высокіе дворы вовсе не имѣли намѣренія возлагать на лица, достойныя рекомендаціи, отвѣтственность за незаконныя дѣйствія сейма; то и уполномочили сенатъ и его президента исполнить постановленія сейма, хотя они и приняты въ порядкѣ незаконномъ, впрочемъ относительно тѣхъ только лицъ, которыя, по мнѣнію сената, заслуживали того. Далѣе, сеймъ 1838 года, по мнѣнію резидентовъ, нарушилъ постановленіе, изданное реорганизаціонною коммиссіей 10-го (22-го) августа 1833 года и гласившее такъ: «всѣ жалованья, назначенныя со времени первой

организаціи этой страны, равно какъ и предоставленныя самою коммиссіей 1833 года чиновникамъ какой бы то ни было административной отрасли служебныя льготы, не могутъ подвергаться никакому измѣненію; но что касается увеличеній содержанія, предлагаемыхъ сенатомъ, то собраніе представителей можетъ или принять ихъ, или отвергнуть». Между тѣмъ сеймъ 1838 года отмѣнилъ разъѣздныя деньги, назначенныя коммиссіей 1833 года, по надлежащемъ изслѣдованіи мѣстныхъ условій и служебныхъ потребностей, профессорамъ терапевтической и хирургической клиникъ и профессору астрономіи; а потому покровительствующіе дворы уполномочили сенатъ не давать никакого хода такому рѣшенію сейма. Кромѣ того, сеймъ поручилъ учетной коммиссіи управленіе денежнымъ вспомоществованіемъ, которое назначено было для краковскаго театра, но конференція пригласила сенатъ считать такое распоряженіе сейма не состоявшимся; ибо ни конституція, ни дѣйствовавшіе статуты не давали собранію представителей права ни опредѣлять условія для сохраненія какихъ-либо фондовъ, ни назначать лица для управленія ими и предписывать самый порядокъ ихъ расходованія, что, по мнѣнію резидентовъ, должно составлять исключительную обязанность властей административныхъ и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ предоставлено законодательному собранію, безъ нарушенія правильныхъ отношеній между установленными властями. Въ заключеніе нота резидентовъ указывала на такія замѣчанія сейма относительно бюджета, которыя, по мнѣнію покровительствующихъ дворовъ, оказывались вѣрнѣе и цѣлесообразнѣе предложеній, сдѣланныхъ самимъ сенатомъ. Сюда отнесено было замѣчаніе сейма, что прежде чѣмъ опредѣлять суммы, необходимыя для покрытія излишковъ, внесенныхъ въ государственную казну фермерами и крестьянами, живущими на государственныхъ земляхъ, необходимо высчитать какъ излишекъ, внесенный каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, такъ и общую сумму ихъ съ возможною точностью. Хотя покровительствующіе дворы и признавали, что было бы желательно, чтобъ фермеры и крестьяне возможно скорѣе получили суммы, причитавшіяся имъ вслѣдствіе поздняго назначенія выкупной платы, но полагали, что нѣтъ другого средства къ тому, кромѣ указаннаго сеймомъ; ибо сенатъ, съ одной стороны, не сообщалъ еще на утвержденіе сейма уже произведенныхъ имъ ликвидацій, а съ другой—поспѣшилъ представить о суммахъ, требуемыхъ на будущее время, для покрытія которыхъ должны быть указаны источники будущимъ сеймомъ, для котораго сенатъ и долженъ приготовить всѣ данныя, необходимыя для обсужденія

столь важнаго предмета. Равнымъ образомъ отвергнуто было предложеніе сената сохранить старый порядокъ содержанія военнаго отряда, занимавшаго Краковъ: съ одной стороны, покровительствующіе дворы согласились на просьбу краковскихъ домовладѣльцевъ, заявившихъ, что они готовы вознаградить тѣхъ домохозяевъ, которые въ состояніи были размѣстить у себя офицеровъ, принадлежащихъ краковскому гарнизону, съ тѣмъ, чтобы солдаты помѣщены были въ казармахъ; а съ другой—они предпочли разсчетъ, произведенный сеймомъ, объявившимъ, что расходы на австрійскій отрядъ по отопленію и освѣщенію вполнѣ могутъ быть покрыты изъ суммъ, назначенныхъ на милицію.

Изъ всѣхъ этихъ препирательствъ между сенатомъ и сеймомъ не трудно усмотрѣть, что оппозиція сейма касалась преимущественно бюджета, причемъ сеймъ, дѣлая измѣненія въ немъ, не хотѣлъ представлять ихъ на предварительное обсужденіе сената, какъ требовали органическіе статуты. Поступая такимъ образомъ, сеймъ долженъ былъ знать, что его постановленія не будутъ утверждены, но онъ и не разсчитывалъ на ихъ исполненіе: не имѣя надежды, что сенатъ приметъ эти измѣненія добровольно, онъ желалъ только выразить своими постановленіями неодобреніе распоряженіямъ сената и тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя, помимо сейма, воспользовались благосклонностью правительства. Но такія дѣйствія сейма не обошлись ему даромъ; конференція резидентовъ, согласно просьбѣ сената, занялась изготовленіемъ новаго сеймоваго устава, который долженъ былъ прекратить навсегда возможность малѣйшихъ столкновеній между правительствующимъ сенатомъ и утверждающимъ его законопроекты сеймомъ. Конференція, конечно, понимала при этомъ, что никакіе уставы не могутъ устранить подобныхъ столкновеній, если за обѣими дѣйствующими сторонами будутъ сохранены права, соотвѣтственныя съ назначеніемъ обоихъ учрежденій. Волей-неволей конференціи представлялась необходимость ограничить сеймъ обязанностью принимать только къ свѣдѣнію и утвержденію всѣ представленія сената, а недостаточность законодательной власти въ послѣднемъ восполнить собственною иниціативою и вмѣшательствомъ. Такимъ путемъ представители покровительствующихъ державъ должны были придти къ радикальному измѣненію первоначальныхъ оснований, заключавшихся въ конституціонной хартіи 1815 года. Но прежде чѣмъ совершена была эта перемѣна въ политическомъ устройствѣ Кракова, не менѣе сильныя нововведенія коснулись его судебныхъ учрежденій, будучи вызваны борьбою между послѣдними и начальствомъ австрійскаго окку-

паціоннаго отряда и полуавстрійской милиціи и полиціи, завѣдывавшихъ въ Краковѣ общественнымъ благочиніемъ.

Въ сентябрѣ 1838 года, извѣстный всему городу агентъ тайной полиціи Цѣлякъ найденъ былъ убитымъ въ одномъ изъ краковскихъ предмѣстій. Общественное мнѣніе обвинило въ этомъ преступленіи самую дирекцію полиціи, которая, по общему убѣжденію, нуждалась въ такого рода фактахъ, чтобы снова выступить съ преслѣдованіями противъ людей подозрительныхъ, на время прекратившимися послѣ обвиненія Гута въ превышеніи своей власти. Гутъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы открыть убійцу Цѣляка, но, кажется, не напалъ на слѣдъ истины. Полиціею арестованъ былъ одинъ изъ учениковъ гимназіи, противъ котораго она имѣла подозрѣніе если не въ совершеніи преступленія, то въ знаніи его виновниковъ. Гимназистъ настаивалъ на своей невинности, и одно изъ уважаемыхъ въ городѣ семействъ показывало въ его пользу, говоря, что обвиняемый провелъ въ его средѣ весь тотъ вечеръ, въ который совершено было убійство. Но это доказательство alibi обвиняемаго не было принято полиціею. Гутъ лично былъ убѣжденъ въ его виновности, и званіе гимназиста представлялось ему достаточнымъ указаніемъ на политическій характеръ преступленія. Чтобы вынудить признаніе у обвиняемаго, Гутъ подвергъ его допросу на одномъ изъ дворовъ полицейскаго дома, причемъ употреблено было тѣлесное наказаніе. Допросъ продолжался почти цѣлыя сутки, и допрашиваемый впалъ въ агонію. Полиція на другой день объявила по улицамъ при звукахъ трубъ, что обвиняемый отравился, но во время агоніи открылъ своихъ сотоварищей. Опасаясь за участь собственныхъ сыновей, жители Кракова не знали, куда обратиться за помощью. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Наиболѣе почетные граждане избрали однакожъ изъ среды своей 12 человѣкъ, и отправили ихъ въ качествѣ депутаціи къ президенту сената съ просьбой положить предѣлы полицейскимъ жестокостямъ. Президентъ отвѣчалъ, что онъ крайне сожалѣетъ обо всемъ случившемся, но не можетъ ничѣмъ помочь тутъ; что директоръ полиціи назначенъ конференціей и ему неподвѣдомственъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія сената о просьбѣ жителей. Само собой разумѣется, что посѣщеніе президента сената депутаціей стало извѣстно въ городѣ, и директоръ полиціи выразилъ передъ конференціей опасеніе за общественный порядокъ, который можетъ быть вновь нарушенъ взволнованной молодежью, на этотъ разъ поддерживаемою сочувствіемъ старшаго поколѣнія. Въ самой депутаціи, являвшейся отъ имени гражданъ къ

президенту, усмотрѣнъ былъ революціонный шагъ. Слѣдствіемъ всего этого было прибытіе въ Краковъ, 26-го сентября (8-го октября), еще 1,500 человѣкъ австрійской пѣхоты и конницы. Офицерамъ и солдатамъ, принадлежавшимъ къ этому новому отряду, сенатъ, подъ вліяніемъ стороннихъ приказаній, отвелъ квартиры именно въ домахъ тѣхъ гражданъ, которые осмѣлились протестовать передъ президентомъ противъ дѣйствій директора полиціи. Вновь прибывшіе австрійцы вели себя далеко не безукоризненно, и одинъ изъ домовладѣльцевъ, къ коему они были помѣщены, вынужденъ былъ удалиться изъ своего дома вмѣстѣ съ семействомъ. Между тѣмъ заподозрѣнный въ убійствѣ Цѣляка выздоровѣлъ и отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній, объявивъ ихъ вынужденными. Затѣмъ послѣдовалъ арестъ всѣхъ тѣхъ, кто свидѣтельствовалъ въ пользу alibi обвиняемаго. Судебныя власти Кракова пытались-было дать всему дѣлу обычное теченіе, но участь самихъ судебныхъ учрежденій была уже рѣшена. Члены судебной власти вскорѣ могли лично убѣдиться, до какой степени ихъ независимое положеніе возбуждало гнѣвъ въ представителяхъ Австріи и Пруссіи, Лиманѣ и Гартманѣ. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда обыкновенно совершались церемоніальныя представленія всѣхъ краковскихъ властей резидентамъ, Гартманъ обернулся спиной къ президенту высшаго суда, который, во главѣ всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, готовился принести ему обычныя поздравленія. При подобномъ же случаѣ Лиманъ объявилъ членамъ суда, что покровительствующіе дворы недовольны ихъ поведеніемъ и рѣшились преобразовать судебное вѣдомство, причемъ только тѣ изъ его членовъ, которые отнынѣ постараются заслужить благоволеніе высокихъ дворовъ, сохранятъ свои должности.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ введенія иностранныхъ коммиссаровъ въ разслѣдованіе дѣла о запрещенныхъ книгахъ, послѣ изъятія изъ вѣдѣнія общихъ судовъ дѣлъ съ политическимъ характеромъ, послѣ отмѣны общинныхъ мэровъ и вспомогательныхъ судей низшей инстанціи, и наконецъ послѣ жалобы сената на дѣйствіе судебныхъ властей въ процессѣ, затѣянномъ Гуттомъ, ничего болѣе не оставалось, какъ произвести рѣшительную реформу въ устройствѣ судовъ двухъ высшихъ инстанцій. Жалоба сената послужила въ этомъ случаѣ достаточнымъ основаніемъ, и 15-го (27-го) ноября сенатъ объявилъ суду первой инстанціи, что наканунѣ имъ получено сообщеніе конференціи, повелѣвавшее: «1) пріостановить всѣ дѣйствія судебныхъ властей края по дѣлу о тайныхъ обществахъ и по дѣлу объ убійствѣ Цѣляка; 2) пе-

редать въ особый слѣдственный комитетъ изъ юристовъ, присланныхъ покровительствующими дворами, все производство по вышеозначеннымъ дѣламъ, для разъясненія фактовъ, находящихся въ связи съ этими процессами, и всѣхъ преступныхъ дѣйствій, какія направлены были противъ спокойствія и общественнаго порядка въ Краковѣ». Членами же этого комитета назначались: отъ Австріи—совѣтникъ судебной палаты въ Галиціи Зайончковскій, отъ Пруссіи — совѣтникъ городского суда въ Берлинѣ Зульцеръ, отъ Россіи — членъ аппеляціоннаго суда въ царствѣ польскомъ Бржезинскій. Главнымъ поводомъ къ установленію этого чрезвычайнаго суда было недовѣріе къ краковскимъ судебнымъ властямъ. Само собою разумѣется, что такая мѣра разсматривалась какъ исключительная и временная; но 7-го (19-го) іюня 1839 года объявлена была полная реформа судебнаго вѣдомства, подробности которой сенатъ обнародовалъ 20-го іюня (2-го іюля) того же года. Вотъ въ чемъ состояли нововведенія въ краковскомъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ:

«1) 8-го (20-го) текущаго іюля теряютъ силу закона всѣ дополнительныя статьи и объяснительныя примѣчанія, введенныя во времена варшавскаго герцогства или позднѣе въ австрійскій кодексъ уголовнаго судопроизводства, обязательный для Кракова, какъ несогласныя съ духомъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, и съ того же времени всѣ уголовныя дѣла, по которымъ еще не объявлено окончательнаго приговора, имѣютъ быть разсматриваемы и судимы по австрійскому кодексу въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ 1809 году.

«2) Доколѣ не будетъ обнародованъ новый статутъ судебной организаціи, власти, имѣющія заниматься разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ уголовныхъ дѣлъ въ порядкѣ и въ предѣлахъ нижеобозначенныхъ, суть слѣдующія: а) дирекція полиціи; б) судъ первой инстанціи; в) аппеляціонный судъ; г) верховный уголовный судъ.

«3) Пространство и границы судебной власти полицейской дирекціи и подчиненныхъ ей чиновниковъ, участковыхъ и окружныхъ коммиссаровъ, какъ относительно опредѣленія виновности въ преступленіяхъ и важныхъ проступкахъ, такъ и относительно наказанія за сіи послѣдніе, будутъ обозначены въ особомъ регламентѣ дирекціи.

«4) Судъ первой инстанціи будетъ отправлять во всѣхъ уголовныхъ процессахъ обязанности, присвоенныя дѣйствующими законами уголовнымъ судамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ: а) когда дѣло будетъ касаться государственной измѣны, политиче-

скихъ злодѣяній и другихъ преступленій, вытекающихъ изъ нихъ, или связанныхъ съ ними; б) когда дѣло будетъ касаться злоупотребленій властью, взяточничества, подкупа или преступленій по должности членовъ сената (включая сюда и главнаго секретаря), президентовъ, судей и прокуроровъ сего суда и аппеляціоннаго, или директора полиціи, въ каковыхъ случаяхъ слѣдствіе должно быть производимо по предписаніямъ, заключающимся во 2-мъ прибавленіи къ настоящему повелѣнію, и нѣмецкій текстъ которыхъ долженъ считаться подлиннымъ и обязательнымъ.

«5) Для законности приговора суда первой инстанціи необходимо присутствіе по крайней мѣрѣ трехъ судей, включая въ то число и президента.

«6) Аппеляціонный судъ будетъ поступать при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ по предписаніямъ уголовнаго кодекса, относящимся къ высшему суду. Въ тяжкихъ преступленіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя въ силу 1-го приложенія къ сему акту и въ силу дѣйствующихъ регламентовъ, подчинены въ послѣдней инстанціи юрисдикціи полицейскаго отдѣленія сената, аппеляціонный судъ образуетъ вторую и послѣднюю инстанцію.

«7) Для законности приговора аппеляціоннаго суда необходимо присутствіе по крайней мѣрѣ пяти членовъ, когда дѣло будетъ касаться преступленій, и трехъ членовъ, когда будутъ разбираться проступки. Президентъ всегда включается въ это число.

«8) Верховный уголовный судъ будетъ состоять: а) изъ трехъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, назначенныхъ депутатами отъ трехъ покровительствующихъ дворовъ; б) изъ двухъ членовъ аппеляціоннаго суда, избранныхъ по жребію между тѣми, которые не присутствовали въ двухъ первыхъ инстанціяхъ при разсмотрѣніи дѣла, перенесеннаго въ верховный судъ.

«9) Президентство въ верховномъ судѣ будетъ принадлежать всегда одному изъ депутатовъ трехъ покровительствующихъ державъ, и будетъ отправляемо каждымъ изъ нихъ въ теченіи цѣлаго года; по истеченіи сего срока оно переходитъ по очереди къ другому депутату, причемъ алфавитный порядокъ наименованій державъ будетъ служить указаніемъ для очереди.

«10) Верховный уголовный судъ будетъ собираться обыкновенно въ Краковѣ чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ происшествій онъ можетъ собираться и чаще по желанію, выраженному резидентами, соединенными въ конференцію.

«11) Верховному уголовному суду будутъ принадлежать всѣ права, какія, на основаніи существующихъ законовъ, принадле-

жали въ Краковѣ высшей судебной инстанціи, насколько они могутъ имѣть мѣсто при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Особенно ему будетъ принадлежать право предписывать, чтобы уголовныя дѣла, производимыя въ другихъ судахъ, были представляемы на его пересмотръ, и въ случаѣ признанной неправильности ихъ веденія право отдавать виновныхъ подъ судъ.

«12) Для дѣйствительности приговора верховнаго уголовнаго суда необходимо присутствіе всѣхъ пяти членовъ его; для всѣхъ другихъ актовъ сего суда достаточно присутствія трехъ депутатовъ покровительствующихъ державъ.

«13) Всѣ уголовныя дѣла, по коимъ еще не объявлено окончательнаго приговора до 8-го (20-го) іюля, будутъ разсматриваться и обсуждаться по предписаніямъ сего декрета.

«14) Во всѣхъ инстанціяхъ число судей, разрѣшающихъ уголовное дѣло, должно быть всегда нечетное. Жребій будетъ указывать на членовъ суда, которые должны удалиться для сего; президентъ и докладчикъ не подлежатъ жребію.

«15) Всѣ существующіе законы, насколько они окажутся въ противорѣчіи съ настоящимъ повелѣніемъ и съ обоими приложеніями къ нему, навсегда отмѣняются.

«16) Исполненіе настоящаго повелѣнія, которое получаетъ силу дѣйствующаго закона съ 8-го (20-го) іюля текущаго года, поручается всѣмъ, кому надлежитъ то по праву».

Повелѣніе это было подписано, за президента сената, членомъ послѣдняго каноникомъ Быстржоновскимъ. Все значеніе этого новаго положенія о краковскомъ судоустройствѣ раскрывалось въ двухъ приложеніяхъ къ нему, подлинность коихъ удостовѣрялась подписью австрійскаго резидента Гартмана. Изъ нихъ оказывалось, что на первый разъ назначеніе всѣхъ членовъ преобразованнаго судебнаго вѣдомства принадлежало конференціи, которой сенатъ долженъ былъ представить списокъ кандидатовъ. Всѣ прежнія наименованія разсматривались какъ отмѣненныя, и особый комитетъ, составленный изъ резидентовъ и нѣсколькихъ членовъ сената, долженъ былъ рѣшить, какіе изъ членовъ прежде дѣйствовавшаго судебнаго состава могли быть приняты въ новыя учрежденія. При будущихъ назначеніяхъ резиденты сохраняли за собой право исключать изъ списка кандидатовъ имена лицъ, противъ которыхъ они имѣли важныя подозрѣнія, самый же выборъ судей по этому списку предоставлялся сенату. Для преслѣдованія новыхъ судей за преступленія по должности учреждался особый дисциплинарный судъ, причемъ дисциплинарный кодексъ поручено было изготовить сенату, съ обязательствомъ представить его

на утвержденіе покровительствующихъ дворовъ. Этотъ дисциплинарный судъ основывался главнымъ образомъ на томъ, что каждый судья, каждый членъ новыхъ судебныхъ учрежденій, при обсужденіи какого бы то ни было дѣла, долженъ былъ записывать свое мнѣніе въ судебный протоколъ, равно какъ и основанія, на коихъ оно утверждалось. Преступленія судей по должности, то-есть ихъ судебныя мнѣнія, и могли быть разсматриваемы и судимы этимъ дисциплинарнымъ судомъ, хотя рѣшеніе вопроса объ отдачѣ ихъ подъ судъ предоставлено чрезвычайному трибуналу, созываемому каждый разъ ad hoc резидентами трехъ дворовъ и состоящему изъ судей, бывшихъ депутатами въ верховномъ уголовномъ судѣ отъ имени покровительствующихъ дворовъ; этотъ же самый трибуналъ долженъ былъ производить и слѣдствіе по дисциплинарному дѣлу, и подвергать допросу обвиняемаго. Введя новымъ положеніемъ въ юридическую жизнь Кракова австрійскій уголовный кодексъ и австрійское судоустройство, за исключеніемъ того, что въ высшемъ судѣ присутствовали три иностранныхъ депутата, новая судебная реформа въ приложеніяхъ къ главному статуту предоставила сначала одной только конференціи резидентовъ право обвиненія въ политическихъ преступленіяхъ, а потомъ предписала имъ вызывать каждый разъ въ Краковъ особую слѣдственную коммиссію изъ депутатовъ покровительствующихъ державъ, для переспроса обвиняемыхъ и для полноты слѣдствія; наконецъ, она поручала произнесеніе приговора по этимъ преступленіямъ упомянутому верховному уголовному суду. О публичности судебныхъ преній не упоминалось ни въ самомъ законоположеніи судебной реформы, ни въ приложеніяхъ къ нему. Право помилованія или уменьшенія наказанія, принадлежавшее до тѣхъ поръ сенату и его президенту во всѣхъ дѣлахъ, новымъ положеніемъ было ограничено въ процессахъ политическихъ и дисциплинарныхъ необходимостью испрашивать согласіе на то конференціи резидентовъ. Наконецъ, такъ какъ краковская республика не владѣла никакимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, въ которомъ могли бы содержаться государственные преступники, то покровительствующіе дворы приглашались принимать обвиненныхъ въ мѣста заключенія, находившіяся въ ихъ государствахъ, и даже на свой собственный счетъ, если обвиненные были ихъ подданными; въ противномъ же случаѣ Краковъ долженъ былъ уплачивать одной изъ сосѣднихъ державъ за содержаніе этихъ новаго рода пенсіонеровъ.

Когда новая судебная реформа была обнародована въ «Дневникѣ» краковскихъ законовъ, а потомъ въ газетахъ, то въ за-

падной европейской печати появились статьи, порицавшія главныя основанія ея. Критики говорили, что покровительствующіе дворы произвели судебную реформу въ Краковѣ потому, что не довѣряли краковскимъ судамъ, и спрашивали: почему магистратура вольнаго и независимаго города должна заслуживать довѣріе иностранныхъ правительствъ? Выражая свое удивленіе по этому поводу, европейскіе публицисты замѣчали, что и преобразованные суды, повидимому, не пользуются требуемымъ довѣріемъ. Создавъ новый верховный судъ, трое членовъ котораго были непосредственными депутатами покровительствующихъ дворовъ и составляли абсолютное большинство предъ остальными двумя членами, реформа 1839 года отнимала однакожъ у этого судилища право обвиненія за политическія преступленія и ввѣряла эту власть конференціи трехъ резидентовъ, учрежденію совершенно не юридическому, а только дипломатическому. Кромѣ того, для разсмотрѣнія дисциплинарныхъ преступленій понадобилась новая спеціальная коммиссія, которая должна была обсуждать дѣйствія всѣхъ членовъ преобразованнаго судебнаго вѣдомства, очевидно не внушавшихъ довѣрія реформаторамъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ тремя инстанціями новое краковское судоустройство заключало въ себѣ еще три разнородныхъ элемента въ самомъ составѣ судебныхъ чиновъ. Подобныя замѣчанія доказывали, что вниманіе европейской публицистики къ положенію Кракова, ослабѣвшее послѣ 1836 года, снова было возбуждено и могло повести къ новымъ запросамъ въ парламентарныхъ собраніяхъ Франціи и Англіи. Но краковская жизнь представляла немало и другихъ предлоговъ къ тому.

Нилъ Поповъ.

ДВА РАЗА ЗАМУЖЕМЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Среди волнистой равнины, на рубежѣ Новороссійскаго края и Малороссіи, верстахъ въ двѣнадцати отъ желѣзной дороги, длинной и узкой полосой, по теченію мелкой и тинистой рѣчки, раскинулись Липовцы, мѣстечко, пожалованное нѣкогда вслѣдствіе административныхъ потребностей въ званіе уѣзднаго города, но сохранившее и донынѣ характеръ большого земледѣльческаго села.

Взорамъ наблюдателя, пожелавшаго обозрѣть Липовцы съ одного изъ пригорковъ, ихъ окружающихъ, представлялась обширная долина, по которой было разбросано среди садовъ и огородовъ тысячи полторы хижинъ и домиковъ. Только въ одномъ направленіи Липовцы пересѣкались широкою и прямою улицею, версты двѣ въ длину, съ чисто выбѣленными, очевидно недавно построенными зданіями. Прежде всего, у самаго спуска въ городъ стоялъ большой каменный домъ, обнесенный высокою стѣною. Полосатыя будки по угламъ и мѣрно расхаживавшіе часовые указывали его назначеніе. За острогомъ, на разстояніи четверти версты, виднѣлся среди обширнаго двора одноэтажный домъ уѣзднаго училища, съ садомъ и флигелемъ; за нимъ налѣво домъ земской управы; направо мировой съѣздъ, далѣе полицейское управленіе, почта, — и наконецъ, улица замыкалась большою и красивою церковью, возвышавшеюся среди базарной площади. Кругомъ были расположены грязные еврейскіе постоялые дворы, а возлѣ навѣсы и деревянные бараки, въ которыхъ продавались

самые разнообразные товары, отъ дегтя, гвоздей и веревокъ, до шелковыхъ матерій, лайковыхъ перчатокъ и поддѣльнаго шампанскаго включительно.

Было морозное январьское утро. Снѣгъ, большая рѣдкость въ Липовцахъ, обыкновенно утопавшихъ зимою въ липкой грязи, покрывалъ улицы довольно толстымъ слоемъ. Пользуясь удобнымъ путемъ, обозы саней, нагруженныхъ хлѣбомъ и мукою, тянулись въ направленіи къ желѣзной дорогѣ. Медленно выступали, жуя жвачку, сытые волы, медленно шли за возами погонщики малоруссы и молдаване, и степенно снимали свои высокія барашковыя шапки, завидя кого-нибудь изъ мѣстной аристократіи: достопочтеннаго Ицку, содержателя шинка и постоялаго двора; сосѣдняго помѣщика, поставляющаго хлѣбъ въ Одессу и спѣшащаго на станцію справиться, отправлены ли наконецъ его кули, или все еще благополучно гніютъ на открытой платформѣ; наконецъ, акцизнаго ревизора, объѣзжающаго районъ.

Небольшими шумными группами въ тулупчикахъ и ватныхъ пальтишкахъ бѣгутъ въ училище ученики, скользя какъ на конькахъ другъ за другомъ по каждой встрѣчной замерзшей лужѣ. До звонка еще далеко, но они спѣшатъ поиграть въ снѣжки и окончить битву, начатую еще наканунѣ и прерванную въ самый рѣшительный моментъ неумолимымъ звонкомъ.

Мы послѣдуемъ за ними и войдемъ въ небольшой флигель, примыкавшій къ училищу. Флигель этотъ, въ которомъ помѣщался смотритель училища, состоялъ изъ пяти небольшихъ чистенькихъ комнатъ съ простою опрятною мебелью.

Въ одной изъ комнатъ у большого круглаго стола сидѣлъ, съ газетою въ рукахъ, высокій худой мужчина лѣтъ сорока-пяти. Землянистый цвѣтъ его продолговатаго, испитого лица и глубоко-ввалившіеся сѣрые глаза обличали въ немъ давнишнюю и опасную болѣзнь. Видно было, что и въ настоящую минуту ему не здоровится: отхлебнувъ изъ стакана, онъ вдругъ сильно и продолжительно закашлялся.

Это былъ смотритель училища Воскресенскій. За тѣмъ же столомъ у самовара сидѣла жена его, молодая женщина лѣтъ двадцати-двухъ. Въ ея темныхъ глазахъ, устремленныхъ на мужа, сквозь безпокойство и даже жалость, просвѣчивало и утомленіе, и раздражительность. Когда мужъ кашлялъ, губы ея нервически вздрагивали.

— Тебѣ опять не хорошо, Николай Петровичъ, — сказала она:—ты бы лучше остался сегодня дома.

— Нельзя, Васюковъ боленъ, некому замѣнить его; и такъ

все пропуски да пропуски; объ этомъ ужъ и директоръ недавно писалъ. Впрочемъ, мнѣ сегодня не хуже, чѣмъ всѣ эти дни. Мнѣ пишутъ, что директоръ давно къ намъ собирается, да его все задерживаютъ неисправные поѣзды. Ну, ужъ эта дорога! Не знаю, какъ ты въ Краевъ поѣдешь.

— Если ты боленъ, я лучше не поѣду.

— Ахъ, матушка, ради-Бога безъ этихъ великодушныхъ порывовъ. Ты знаешь, что я терпѣть не могу жертвъ. Если я самъ сталъ никуда негодной клячей, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и тебѣ нужно закабалиться въ четырехъ стѣнахъ.

— За что́ ты сердишься? Изъ того, что мнѣ было бы непріятно оставить тебя больного, не сто́итъ раздражаться.

— Я и не сержусь, я только не хочу, чтобы изъ-за меня ты лишала себя тѣхъ немногихъ развлеченій, которыя возможны въ нашей глуши. Когда свадьба Гавриловой?

— Свадьба назначена девятнадцатаго.

— Сегодня девятое; значитъ, остается съ небольшимъ недѣля. Ну, и поѣзжай, пока хорошая погода, а то, пожалуй, снова начнутся мятели и опять не будетъ проѣзда. Нужно бы сказать кстати Паловцеву: ему все равно, гдѣ ни коптить небо. Пусть бы проводилъ тебя до Краева. Тебѣ было бы и удобнѣе и веселѣе. Да онъ чуть ли и не собирался.

— Слушай, Николай Петровичъ! не ѣхать въ Краевъ было бы дѣйствительно для меня большимъ лишеніемъ: ты знаешь, какъ я дружна съ Гавриловой. Но къ чему тутъ Паловцевъ? Недавно ты предполагалъ во мнѣ намѣреніе путешествовать съ Карбанардомъ, теперь чуть ли не боишься, что я уѣду съ Паловцевымъ. Неужели ты думаешь, что мнѣ хоть сколько-нибудь можетъ нравиться этотъ пустоголовый мальчишка!

— Съ тобой сегодня не сговоришь, — отвѣчалъ Воскресенскій, замѣтно повеселѣвшій отъ словъ жены:—послушать тебя, такъ я въ самомъ дѣлѣ Синяя-Борода, ко всѣмъ тебя ревнующій.

— Ты просто блажишь. Относительно же Паловцева у меня не разъ вертѣлось на языкѣ просить его избавить меня и отъ своихъ услугъ, и отъ своихъ посѣщеній, но это такое ничтожество, что какъ-то совѣстно обращать на него какое бы то ни было вниманіе.

— Богъ съ тобою, Маша; ты полная хозяйка, и можешь принимать или не принимать кого хочешь. Однако мнѣ пора. Прощай.

Воскресенскій ушелъ. Марья Игнатьевна осталась у стола съ тѣмъ же видомъ тоски и утомленія. Она глубоко задумалась. По

выраженію лица ея можно было судить о характерѣ ея мыслей, и выраженіе это постепенно мѣнялось: оставаясь по прежнему серьёзнымъ, оно дѣлалось менѣе мрачно, губы сжимались, глаза глядѣли бодрѣе и упорнѣе; въ нихъ начинали проглядывать и рѣшимость, и надежда... Это была и рѣшимость, и надежда—жить.

Марья Игнатьевна была уроженка далекаго сѣвера. Отецъ ея, Игнатій Васильевичъ Скоропадскій, былъ священникомъ въ Архангельскѣ. Сначала онъ пользовался репутаціей умнаго священника и хорошаго проповѣдника, но скоро не поладилъ съ благочиннымъ. Въ его проповѣдяхъ было усмотрѣно свободомысліе, и его перевели въ бѣдное село. Хотя, съ назначеніемъ новаго архіерея, ему и удалось возвратиться, но онъ оставался въ черномъ тѣлѣ. Проповѣди его строго цензировались. Его стали чуждаться. Богатыя свадьбы, крестины и похороны выпадали на долю другихъ, и тамъ, гдѣ эти другіе получали рубли, онъ долженъ былъ довольствоваться копѣйками. Правда, прихожане его любили: онъ не вымогалъ у нихъ платы за совершаемыя требы; не разъ видѣли, какъ онъ искренно плакалъ на похоронахъ; новобрачные съ глубокимъ вниманіемъ и почтительностію слушали его практическія, чуждыя рутины наставленія,— но въ неравной борьбѣ онъ падалъ духомъ и началъ пить.

— Умничанье всегда до этого доводитъ,—говорилъ благочинный.

Семья у отца Игнатія была большая: сынъ и три дочери, изъ которыхъ средняя была калѣка и больная. Сынъ кончилъ курсъ въ гимназіи и поступилъ въ петербургскій университетъ, но оказался замѣшанъ въ какую-то студенческую исторію, и его послали на житье въ Вятку.

— Яблочко отъ яблони не далеко катится, — говорили архангельскіе доброжелатели отца Игнатія, и не упускали случая при встрѣчѣ кольнуть его разглагольствованіями о пагубномъ вліяніи современнаго образованія, и пророчили полную гибель молодому человѣку. Пророчество не исполнилось: молодой Скоропадскій успѣлъ пристроиться въ Вяткѣ; честностію и исполнительностію пріобрѣлъ полное довѣріе одного богатаго купца, поручившаго ему чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ свои дѣла,—но невзгода сына подѣйствовала на отца Игнатія: онъ сталъ смиряться.

Марья Игнатьевна была младшая дочь. Она училась въ женской гимназіи, училась хорошо и была уже въ пятомъ классѣ, какъ заболѣла тифомъ. Послѣ болѣзни она оправлялась медленно,

и докторъ нашелъ, что ей по крайней мѣрѣ на годъ нужно оставить занятія. Въ это время къ ней посватался смотритель духовнаго училища Воскресенскій.

Воскресенскій давно былъ друженъ съ отцомъ Игнатіемъ, остался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ во время его опалы, и, какъ говорили, возвращеніемъ своимъ въ Архангельскъ отецъ Игнатій былъ обязанъ энергическому и не безъ риска ходатайству за него предъ преосвященнымъ молодого смотрителя. Такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ Воскресенскій былъ ближайшимъ человѣкомъ въ домѣ отца Игнатія, обращавшагося къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтомъ и помощію.

Матушка Дарья Никитишна въ первое время знакомства посматривала на Воскресенскаго, какъ на жениха для своей старшей дочери, Глашеньки, хорошенькой дѣвушки, любившей пофрантить и потанцовать, — но вскорѣ разочаровалась въ этой надеждѣ. Воскресенскій не выказалъ ни малѣйшаго расположенія къ женитьбѣ. Сама Глашенька, сдѣлавшая нѣсколько попытокъ обратить на себя вниманіе серьёзнаго смотрителя, тотчасъ же замѣтила тщету своихъ усилій и, вздернувъ свой хорошенькій носикъ и сжавъ презрительно розовыя губки, разъ навсегда отвернулась отъ Воскресенскаго и направила стрѣлы своихъ губительныхъ сѣрыхъ глазокъ на молодого семинариста, только-что окончившаго курсъ и по родству съ вліятельными членами мѣстной духовной іерархіи обѣщавшаго недолго остаться безъ мѣста. На этотъ разъ она не ошиблась: повинная отца Игнатія была уже въ это время заявлена и принята, и скоро Глашенька уѣхала попадьей въ богатое промышленное село, гдѣ имѣла полную возможность блистать среди женъ мѣстныхъ купцовъ-промышленниковъ полнотою кринолина и вычурностію купленныхъ въ Архангельскѣ шляпокъ.

Ни отцу Игнатію, ни Дарьѣ Никитишнѣ и въ голову не приходила мысль выдать за Воскресенскаго младшую дочь, Машу, которую еще пятилѣтнимъ ребенкомъ часто ласкалъ и держалъ на колѣняхъ степенный смотритель. Правда, въ послѣднее время они замѣчали, что Воскресенскій, почти ежедневно бывая у нихъ, вступалъ въ продолжительные разговоры съ пятнадцатилѣтней гимназисткой, подробно разспрашивалъ ее объ ея занятіяхъ и по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ нею надъ урокомъ славянской грамматики или русской словесности; но на это они смотрѣли какъ на доказательство расположенія Воскресенскаго вообще къ ихъ дому. Поэтому отецъ Игнатій былъ немало удивленъ, когда,

мѣсяца два спустя послѣ болѣзни Маши, Воскресенскій, уединясь съ нимъ въ его «кабинетѣ», игравшемъ въ то же время роль кладовой для наливокъ и банокъ съ вареньемъ, сталъ говорить о томъ, что въ женской гимназіи учатъ плохо, что по его мнѣнію Марья Игнатьевна легко могла бы чтеніемъ пополнить недостающія ей знанія; потомъ перешелъ къ скукѣ своей холостой жизни, никому не нужной, и наконецъ объявилъ, что, имѣвъ случай узнать довольно близко характеръ и наклонности Марьи Игнатьевны, думаетъ, что она была бы для него хорошею женою, и былъ бы счастливъ, еслибы ихъ долговременная дружба скрѣпилась этимъ союзомъ.

— Правда, — говорилъ Воскресенскій, — Марья Игнатьевна нѣсколько молода для меня: ей семнадцать лѣтъ, а мнѣ тридцать девять (онъ не хотѣлъ сказать—сорокъ, хотя до полныхъ сорока оставалось всего четыре дня), но у нея серьёзный характеръ и серьёзный взглядъ на вещи; что же до меня, то я буду любить и лелѣять ее... Впрочемъ, если вы имѣете для нея въ виду болѣе подходящую партію...

— Полноте, — перебилъ отецъ Игнатій, обнимая и цѣлуя его, — считаю за честь и за счастье. Все, разумѣется, зависитъ отъ Маши; да вотъ мы ее сейчасъ спросимъ.

— Позвольте мнѣ самому переговорить съ Марьей Игнатьевной, но не сегодня, а завтра. Пока же я просилъ бы васъ не сообщать ей о моемъ предложеніи. Посовѣтуйтесь съ матушкой, и если не раздумаете...

— Раздумать-то мы не раздумаемъ, но вы знаете, Николай Петровичъ, наше положеніе: достатковъ у насъ нѣтъ, едва-ли и приданое сможемъ сдѣлать порядочное, а ужъ дать за дочерью нечего.

— Что вы! Развѣ я ищу денегъ? Но знаете, пока дѣло не рѣшено въ главномъ, лучше не толковать о подробностяхъ. Въ случаѣ согласія Марьи Игнатьевны, все устроимъ. Еще разъ прошу не говорить ей пока ничего.

Но просить объ этомъ было легче, нежели это исполнить. Вечеромъ Дарья Никитишна подсѣла на постель дочери и, начавъ обиняками, кончила полнымъ изложеніемъ дѣла, приправляя свою рѣчь восторженными похвалами Воскресенскому и благодареніемъ небу за посылаемое счастіе.

Когда на другой день часовъ въ одиннадцать Воскресенскій пришелъ въ домъ священника, по виду встрѣтившей его дѣвушки онъ могъ догадаться, что ей дѣло уже извѣстно: яркій румянецъ

разлился по ея все еще блѣдному лицу; потупивъ глаза, подала она ему руку и въ замѣшательствѣ опустилась на стулъ.

— Вы вѣроятно догадываетесь о причинѣ моего сегодняшняго посѣщенія,—началъ Воскресенскій. — Я не стану говорить вамъ о своихъ чувствахъ: человѣкъ, предлагающій дѣвушкѣ свое имя, предлагающій ей навѣки соединить ея судьбу съ своею, тѣмъ самымъ доказываетъ ей высшую степень своего довѣрія, уваженія и привязанности. Родители ваши приняли мое предложеніе, но я хотѣлъ слышать отъ васъ самихъ, согласны ли вы быть моею женою?

— Я согласна,—прошептала дѣвушка.

— Марья Игнатьевна! бракъ имѣетъ важное значеніе: онъ соединяетъ двѣ жизни въ одну, соединяетъ ихъ на радость и горе, честь и безчестье, здоровье и болѣзнь. Назначеніе брака— образованіе семьи, а честное воспитаніе дѣтей возможно только тогда, когда мужа и жену связываютъ не одни только внѣшніе интересы, но когда у нихъ однѣ и тѣ же цѣли, надежды, и даже убѣжденія. Я прошу васъ подумать объ этомъ, вникнуть хорошенько въ себя, и тогда вполнѣ сознательно отвѣтить на мой вопросъ.

— Я согласна, — также тихо, но твердо отвѣчала дѣвушка, поднявъ на него свои большіе каріе глаза.

Рѣчь Воскресенскаго видимо произвела на нее впечатлѣніе.

Нѣсколько секундъ онъ молча глядѣлъ ей въ глаза; ему хотѣлось прочесть, что́ происходитъ въ ея душѣ. На лицѣ ея не было замѣтно ни радости, ни удивленія: оно было ясно, серьёзно и покойно.

«Она поняла значеніе моихъ словъ и съ полнымъ сознаніемъ принимаетъ на себя обязанности жены и матери», думалось ему.

Онъ горячо поцѣловалъ ей руку..

Тутъ въ первый разъ Воскресенскій взглянулъ на стоявшую предъ нимъ дѣвушку, какъ на женщину, подмѣчая детали, до сихъ поръ не останавливавшія его вниманія: въ его рукѣ лежала бѣлая, нѣсколько большая рука съ красивыми длинными пальцами; на него изъ-подъ темныхъ, рѣзко очерченныхъ бровей смѣло смотрѣли ясные каріе глаза, густая коса темнокаштановыхъ волосъ просто обвивала красивую голову съ правильными, нѣсколько крупными чертами выразительнаго лица, голубое форменное платье ловко охватывало стройный, хотя и не сложившійся еще станъ.

Привлекая къ себѣ дѣвушку и поцѣловавъ ее въ лобъ, Воскресенскій перешелъ съ нею въ другую комнату, гдѣ ждала ихъ

вся семья: отецъ и мать, сіяющіе радостью, и третья дочь ихъ Варвара, блѣдная, болѣзненная дѣвушка, горячо обнявшая сестру.

Марья Игнатьевна стала невѣстой. Это положеніе ей нравилось. Она съ веселой улыбкой встрѣчала Воскресенскаго, приходившаго къ нимъ каждый вечеръ, и безъ особенной скуки слушала его длинныя рѣчи на тэму объ обязанностяхъ жены, о священномъ долгѣ матери, хотя, правду сказать, немного въ нихъ понимала, такъ какъ онѣ не оставляли въ ней никакихъ отчетливыхъ представленій.

Впрочемъ, она давала себѣ слово быть хорошей женой, т.-е. заботиться о томъ, чтобы вó-время былъ готовъ обѣдъ, и стараться наливать мужу именно такой чай, какой онъ любитъ, не слишкомъ горькій и не слишкомъ сладкій; давала себѣ слово, если Богъ пошлетъ имъ ребенка, быть хорошей матерью: заботиться, чтобы у ребенка была всегда чистая рубашечка и чистый чепчикъ, —не такъ какъ у ребенка дьякона, вѣчно грязнаго,—и о томъ, чтобы онъ не плакалъ. Она по цѣлымъ днямъ будетъ играть съ нимъ, а когда онъ сдѣлается постарше, станетъ разсказывать ему сказки.

Ей нравилось ея положеніе относительно подругъ-гимназистокъ.

«Счастливая!» твердили онѣ, навѣщая ее послѣ классовъ и разсматривая шившееся приданое.

— Только онъ старый! Какъ ты его не боишься? — вырывался шопотъ болѣе откровенной и болѣе наивной дѣвочки.

— Онъ очень хорошій человѣкъ, только старъ для Маши,— говорила какая-нибудь молодая замужняя женщина.

— Ну, что-же, что старый,—возражала другая,—тѣмъ больше будетъ любить. Что толку-то въ молодыхъ? Только и блага, что каждый годъ по ребенку.

Эти рѣчи какъ-то безслѣдно проходили мимо ушей Маши. Почему старый? Чтó значитъ старый? Она видѣла, что молодыя дѣвушки выходили за людей еще болѣе пожилыхъ, и жили не хуже другихъ.

— Онъ старый, какъ ты будешь цѣловать его? — говорила та же наивная подруга; но Маша не рѣшила еще для себя вопроса, есть ли такая крайняя необходимость цѣловать мужа.

Серьёзный и увѣренный взглядъ, съ которымъ она объявила Воскресенскому свое согласіе и въ которомъ онъ прочелъ полное сознаніе того, чтò она дѣлала, былъ серьёзнымъ взглядомъ ребенка, обѣщающаго, «когда будетъ большой», снять и подарить вамъ мѣсяцъ.

Бракъ представлялся ей обрядомъ вѣнчанья, гдѣ ей будутъ говорить о чемъ-то и о чемъ-то спрашивать; — о чемъ? ей не могла точно передать ни одна изъ вышедшихъ замужъ подругъ; потомъ, болѣе или менѣе шумнымъ вечеромъ, гдѣ ей придется краснѣть, такъ какъ на нее будетъ обращено общее вниманіе. И только. Далѣе мечта не представляла ей ничего.

Съ недоумѣніемъ слушала Маша въ свадебный вечеръ какія-то наставленія кумушекъ, успѣвшихъ выхлопотать себѣ порученіе преподать ей напутствіе въ жизнь брачную.

Въ первые же дни послѣ свадьбы въ душѣ Марьи Игнатьевны возникло подозрѣніе, что бракъ дѣло болѣе сложное, нежели ей казалось, но она была какъ въ чаду и хорошенько не понимала, чтó съ нею дѣлалось. Воскресенскаго, къ которому до сихъ поръ она была довольно равнодушна, хотя ей и казалось, что она его любитъ, теперь она стала бояться. До замужства она относилась къ нему довѣрчиво, а въ то время, когда онъ былъ женихомъ ея, даже нѣсколько фамильярно, съ легкимъ оттѣнкомъ той бравады, которая такъ свойственна молодымъ дѣвушкамъ, только-что промѣнявшимъ свое форменное школьное платье на длинное. Но теперь она стала его чуждаться, и ей было неловко оставаться съ нимъ наединѣ.

Мужъ былъ съ нею ласковъ, предупредителенъ, даже нѣженъ, но это была предупредительность и нѣжность отца, это была ласковость взрослаго съ ребенкомъ. Она если еще не сознавала, то начинала чувствовать, что онъ старъ для нея.

Вѣрный программѣ, что жена должна раздѣлять интересы мужа, Воскресенскій сталъ-было посвящать Марью Игнатьевну въ свои дѣла, разумѣется, служебныя, такъ какъ другихъ у него не было. Жена понимала въ нихъ очень мало. Раза два она попыталась вставить свое мнѣніе, но оно оказалось неудачно и вызвало рѣзкое замѣчаніе со стороны Воскресенскаго. Съ тѣхъ поръ она обратилась въ терпѣливую, но безмолвную слушательницу его разсужденій и плановъ.

Предположеніе учить и развивать жену также не удалось. Въ первое время Маша часто обращалась къ нему съ просьбою объяснить какое-нибудь явленіе, фактъ или мысль, но обыкновенно оказывалось, что запасъ свѣдѣній Воскресенскаго, воспитанника семинаріи и духовной академіи, былъ слишкомъ скуденъ. Его объясненія были неопредѣленны и сбивчивы, постоянно ударялись въ отвлеченія, и онъ сердился на безтолковость Маши, когда она не понимала того, чего онъ и самъ не понималъ хорошенько. Воскресенскій сознавалъ недостаточность своихъ зна-

ній, послѣ какого-нибудь вопроса Маши принимался за книги, читалъ, справлялся, но эта была горчица послѣ ужина: онъ отучилъ Машу отъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, единство умственныхъ и нравственныхъ интересовъ оказалось недостигнутымъ. Маша уединилась. Посѣщеній и выходовъ въ гости она не любила, довольно рѣдко видѣлась даже съ родными, еще рѣже съ подругами; она пристрастилась къ чтенію, и цѣлые дни проводила за книгами, преимущественно за романами.

Впрочемъ, жизнь Воскресенскихъ шла мирно и правильно. Маша обладала бодрымъ и ровнымъ характеромъ, была аккуратна и заботлива, и съумѣла хорошо поставить домъ и хозяйство. Въ домѣ было чисто, во всемъ соблюдался порядокъ, и съ этой стороны Воскресенскій могъ только любоваться и хвастать своей молодой хозяйкой.

Но въ первый же годъ супружества Воскресенскій сталъ болѣть. Здоровье его уже давно было разстроено; теперь болѣзненные припадки стали чаще, обнаружился хроническій катарръ желудка и вмѣстѣ страданіе легкихъ. Маша и въ качествѣ сидѣлки явилась одинаково терпѣливой и заботливой.

Черезъ годъ Маша оказалась беременной. Радости Воскресенскаго не было границъ. Жена получила въ его глазахъ чуть не священное значеніе; онъ нянчился съ нею, старался предупредить всѣ ея желанія, постоянно приставалъ съ разспросами, какъ она себя чувствуетъ, и выводилъ ее изъ терпѣнія безпрерывными совѣтами, вычитанными въ разныхъ популярныхъ сочиненіяхъ, о томъ, какъ ей слѣдуетъ вести себя. Тѣмъ не менѣе Маша чувствовала себя одинокою: она старалась скрыть отъ мужа болѣзненные признаки беременности въ первые мѣсяцы; позднѣе, не смѣла взять его руку и, приложивъ ее къ груди, дать ему почувствовать первыя проявленія жизни существа, готовящагося увидѣть свѣтъ божій.

А между тѣмъ съ какимъ любопытствомъ она старалась изъ разговоровъ съ матерью разгадать совершающійся въ ней таинственный процессъ, съ какою любовью готовилась встрѣтить дорогого гостя, уносясь мечтою въ далекое будущее.

Роды были тяжелые. Маша сильно заболѣла. Кормить она не могла. Болѣла она долго, а когда выздоровѣла, существа, которое могло бы наполнить ея жизнь, уже не было: оно исчезло безслѣдно, правда, не причинивъ ей большой горести своею смертію, но сдѣлавъ пустоту ея жизни еще болѣе ощутительною. Она еще больше ушла въ себя, даже читать стала меньше. Вся жизнь

ея сосредоточилась въ мелкихъ хозяйственныхъ заботахъ и въ пассивномъ ухаживаньи за мужемъ. Это была спячка, грозившая обратиться въ хроническую, еслибы Машу не вывела изъ нея совершенная перемѣна ея жизни.

На Воскресенскаго смерть маленькой дочери произвела тяжелое впечатлѣніе; онъ сталъ мраченъ и раздражителенъ. Болѣзнь его усилилась. Доктора, къ которымъ онъ обращался, настоятельно совѣтовали ему поселиться въ климатѣ болѣе благопріятномъ, гдѣ-нибудь на югѣ. По словамъ доктора, здоровье его жены также требовало такой перемѣны. Послѣдній доводъ заставилъ его рѣшиться. Въ Краевѣ былъ у него пріятель и товарищъ по семинаріи, занимавшій въ это время видное мѣсто въ учебномъ округѣ. Воскресенскій написалъ ему и вскорѣ получилъ отвѣтъ. Воскресенскому предлагали въ Липовцахъ мѣсто смотрителя уѣзднаго училища, основаннаго на особыхъ правахъ земствомъ, которое намѣрено обратить его въ прогимназію. Пріятель увѣдомлялъ, что условія очень выгодны, жалованье относительно большое, притомъ Воскресенскій будетъ имѣть еще и уроки латинскаго языка съ особенною платой.

При другомъ душевномъ настроеніи Воскресенскаго ужаснула бы перспектива переселенія за двѣ тысячи верстъ, и перемѣна прочнаго и опредѣленнаго положенія на невѣдомое и, быть можетъ, невѣрное. Но теперь мысль о югѣ, о здоровьѣ, о возможности замѣнить недавнюю потерю радужными цвѣтами переливалась предъ нимъ.

Напротивъ, Марьей Игнатьевной вѣсть о предстоящемъ переѣздѣ была встрѣчена съ полной апатіей. Но чѣмъ ближе становилось время отъѣзда, тѣмъ болѣе она оживлялась. Ее начинала манить даль, въ ней пробудилась жажда впечатлѣній.

Длинный путь не оставилъ въ ней отчетливыхъ представленій: пароходы, тарантасы, вагоны желѣзной дороги, разноцвѣтныя главы московскихъ церквей и необъятный лабиринтъ московскихъ улицъ, пыль и безлюдье губернскихъ городовъ, грязь и безлюдье городовъ уѣздныхъ — быстро, какимъ-то хаосомъ промелькнули въ ея глазахъ. Истома лѣтняго пути въ накаленныхъ солнцемъ вагонахъ довела ее почти до одури. Но вотъ, отъ нихъ отобрали билеты, локомотивъ свиснулъ въ послѣдній разъ, и поѣздъ остановился у станціи, откуда Воскресенскіе должны были ѣхать въ Липовцы.

Радушная и элегантная предупредительность къ пріѣзжимъ нашихъ провинцій, и особенно южныхъ, если не вошла, то можетъ войти въ пословицу. Кто бы вы ни были, министръ или

фокусникъ, провинціалы встрѣтятъ васъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, нелишенномъ, впрочемъ, достоинства, и обворожительною любезностію. Правда, это не помѣшаетъ имъ (разумѣется, если вы не министръ) завтра же напакостить вамъ самымъ неджентльменскимъ образомъ, но зато сегодня вы готовы думать, что попали въ Аркадію.

Провинціальная любезность поджидала Воскресенскихъ у самаго преддверія Липовецъ. Едва вышли они изъ вагона съ сакъвояжами и пледами, какъ къ нимъ подошелъ прилично одѣтый человѣкъ и, освѣдомившись объ ихъ фамиліи, подалъ письмо и объявилъ, что ждетъ ихъ уже нѣсколько дней. Письмо было отъ предводителя дворянства и вмѣстѣ попечителя училища Карбонарда; онъ поздравлялъ Воскресенскихъ съ пріѣздомъ, писалъ, что посланному они могутъ безъ всякаго опасенія вручить свои багажные билеты, и наконецъ извинялся на случай, если въ приготовленной для них квартирѣ они встрѣтятъ какія-нибудь неудобства.

Природа была къ Воскресенскимъ также любезна, какъ и люди: вечеръ былъ восхитительный. Обычные августовскіе жары были въ этомъ году не такъ сильны, а перепавшій за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дождь освѣжалъ воздухъ и напоялъ его своеобразнымъ ароматомъ травы и скошеннаго хлѣба. Когда, черезъ нѣсколько минутъ по приходѣ поѣзда, Воскресенскіе въ щегольской и покойной коляскѣ выѣхали со станціи, глазамъ ихъ представилась безконечная равнина, кое-гдѣ перерѣзываемая зеленѣющими оврагами и усѣянная рядами копенъ. Со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ направленіяхъ тянулись высоко наложенныя длинныя телѣги, запряженныя волами. Черныя, густыя тучи скворцовъ, то сбиваясь въ плотную кучу, то снова разсыпаясь, вились надъ коляской, а когда кучеръ свернулъ на проселокъ, изъ густой травы по сторонамъ дороги стали поминутно шнырять куропатки, спѣша укрыться отъ зоркихъ глазъ неподвижно парившаго надъ ними ястреба. Издали взлетали тяжелыя драхвы и стаи журавлей, оглашавшихъ воздухъ звучнымъ, веселымъ и гармоническимъ крикомъ, между тѣмъ какъ невозмутимо оставались на своемъ посту аисты и, стоя на одной ногѣ, съ высоты копны, какъ вѣрные сторожа, пытливо провожали взорами проѣзжавшій экипажъ.

— Что за благодатный край!—говорилъ Воскресенскій.

Марья Игнатьевна молчала, но эта новая для нея природа, этотъ полный мягкости и нѣги воздухъ, туманно синѣющая даль, облитая слабыми лучами заходящаго солнца, какъ-то жутко, раз-

дражительно дѣйствовали на душу, возбуждая въ ней неясныя желанія невѣдомаго счастья.

Но вотъ и Липовцы. Справа, въ полуверстѣ отъ дороги, по ложбинѣ давно уже тянутся длинные ряды бѣлыхъ хатъ, крытыхъ соломой и окруженныхъ садами. Наконецъ, съ крутого холма открылась и главная часть города, также купающаяся въ зелени и обставленная высокими пригорками, увѣнчанными вѣтряными мельницами. Быстро спустившись по крутому спуску, экипажъ въѣхалъ во дворъ училища и подкатилъ къ подъѣзду смотрительскаго дома. На крыльцѣ стояла опрятная женщина среднихъ лѣтъ, и отвѣсила низкій поклонъ выходившимъ изъ экипажа Воскресенскимъ, между тѣмъ какъ два отставные солдата, сторожа училища, браво вытянулись по сторонамъ.

— Кто вы такая, милая?—спросилъ Воскресенскій женщину.

— Предводитель приказалъ мнѣ встрѣтить, какъ пріѣдете, вашу милость, а если господамъ будетъ угодно, то я и совсѣмъ могу остаться хоть бы въ кухаркахъ.

— Какимъ господамъ будетъ угодно?

— Да все-жъ вашей милости.

Пять небольшихъ комнатъ будущаго жилища Воскресенскихъ показались имъ очень уютными. Къ дому примыкалъ большой тѣнистый садъ, окаймленный рядомъ высокихъ тополей, трепетныя листья, которыхъ чуть слышно шелестѣли при легкихъ порывахъ набѣгавшаго вѣтерка.

— Чья же это мебель?—спросилъ Воскресенскій.

— Да вдовы прежняго смотрителя, Гавриловой. Она все жила здѣсь, а какъ почуяла, что вы пріѣдете, то наняла себѣ комнату тутъ черезъ дорогу, а мебель покинула пока: можетъ, купите.

— А смотритель давно умеръ?

— Слышно было, съ мѣсяцъ какъ померъ въ больницѣ въ Краевѣ, а то съ годъ какъ рехнувшись былъ.

На новомъ мѣстѣ, говорятъ, плохо спится. Долго не могла заснуть въ этотъ вечеръ Марья Игнатьевна. Ей было душно. Она открыла окно и долго сидѣла, вдыхая въ себя мягкій воздухъ, слушая заунывные крики ночныхъ птицъ и всматриваясь въ темное небо, усѣянное миріадами блестящихъ звѣздъ.

Безцвѣтные годы ея жизни проходили предъ нею. Неужели и здѣсь будетъ то же, думалось ей; неужели неизмѣнный удѣлъ женщины быть только отблескомъ чужой жизни, ея подкладкой, тѣнью, покорно повторяющею чужія движенія; вѣчнымъ недоросткомъ, не имѣющимъ ни возможности, ни права пріобрѣтать собственныя убѣжденія или руководиться собственными симпатіями?..

Мысль перешла въ грёзы: въ ея воображеніи рисовался образъ за образомъ. Она воображала себя «Татьяной» Пушкина съ Онѣгинымъ у ногъ, но отвергала его не во имя чужой воли (она читала Бѣлинскаго), а во имя возмутившагося чувства и оскорбленной гордости. Она была Тургеневской Еленой и смѣло шла въ борьбу съ предразсудками и лишеніями, но не ради Инсарова. Она была то Лизой, то Надеждой Павловной «Дворянскаго гнѣзда», и отъ восторженнаго аскетизма одной переходила къ беззаботному, разгульному хохоту второй. Вмѣстѣ съ Ириной, она воображала себя на верху какого-то могущества и повелительно бросала оттуда людямъ презрѣніе и сарказмы. Какъ Ребекка Шарпъ, терпѣливо и настойчиво создавала она себѣ карьеру, но, отдѣляясь отъ нравоучительнаго романа Теккерея, она останавливалась на высотѣ успѣха и звонко смѣялась надъ одураченными ею леди и лордами. То замыкалась въ себя, какъ «Юдифь» Домби, тая въ душѣ неизсякаемый источникъ ненависти и любви и переходя отъ безпощадно-суроваго презрѣнія къ безконечно-умилительной нѣжности...

Смутнѣе становились ея мечты, блѣднѣли образы, и, навѣвая дремоту, таинственно шумѣли надъ нею листья... Утренній холодъ и пѣніе пѣтуховъ, наконецъ, разбудили ее; бѣлая полоса горизонта показывала близкое утро. Когда она затворила окно и усталая шла къ постели, всѣ мечтанія ея приняли форму опредѣленнаго желанія извлечь изъ жизни все, что она можетъ дать, но предварительно узнать и людей, и жизнь. Изъ скромнаго, робкаго и, повидимому, апатичнаго ребенка, она вдругъ переходила въ смѣлую и самоувѣренную женщину, твердо рѣшившуюся стать на собственныя ноги, жить своимъ умомъ, если можно, быть счастливой, но своимъ счастьемъ; бороться, если будетъ нужно, собственными силами.

Обстоятельства способствовали такой перемѣнѣ: жизнь начиналась среди новой обстановки, приходилось встрѣтиться съ новыми людьми, и когда они явились, Воскресенскій первый не могъ достаточно надивиться ея самообладанію, свободѣ обращенія и находчивости.

Впрочемъ, предварительно познакомиться съ этими людьми помогъ ей случай.

На другой день, пока мужъ ея дѣлалъ оффиціальные визиты представителямъ мѣстнаго земства и администраціи, Марья Игнатьевна пошла къ Гавриловой поблагодарить ее не только за мебель, но за самоваръ и ужинъ, которымъ она снабдила ихъ наканунѣ.

Гаврилова была миловидная женщина лѣтъ 26 или 27, веселая и откровенная, очень понравившаяся Марьѣ Игнатьевнѣ. Уроженка Липовецъ, прожившая въ нихъ почти всю свою жизнь, Гаврилова знала какъ нельзя лучше всѣхъ здѣшнихъ обывателей, со всѣми ихъ тайными дѣлами и тайными помыслами. Ея указанія помогли Воскресенской выпутываться изъ лабиринта льстивыхъ фразъ и любезностей, которыми ее осыпали послѣ со всѣхъ сторонъ.

Особенно мелкимъ бѣсомъ разсыпался предъ нею Карбонардъ, богатый, холостой, хотя и немолодой помѣщикъ, живавшій когда-то въ столицахъ и любившій вспоминать объ этомъ, а теперь почти безвыѣздно поселившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города въ своей деревнѣ, гдѣ у него, какъ говорили, цѣлый гаремъ, что̀ однако не мѣшало ему ухаживать за всѣми болѣе или менѣе молодыми липовецкими женщинами.

— Будьте какъ можно осторожнѣе съ Карбонардомъ,—говорила Воскресенской Гаврилова.—Это человѣкъ, способный на все. Вотъ ужъ лѣтъ семь, какъ мать поссорилась съ нимъ и переѣхала въ Краевъ; они долго совсѣмъ не видѣлись, а теперь разъ въ годъ, дня на два, она пріѣзжаетъ къ нему. Ссора вышла изъ какихъ-то денегъ, которыя принадлежали ей и которыхъ онъ не отдалъ, а главное, изъ-за воспитанницы матери, которую онъ увлекъ, даже, какъ разсказываютъ, насильно. Онъ безсовѣстенъ и дерзокъ, а богатство и общее потворство сдѣлали его наглымъ. Если онъ не будетъ имѣть возможности повредить, онъ оклевещетъ васъ. Это я знаю не по наслышкѣ.

— Къ сожалѣнію, нашъ убогій городокъ,—говорилъ Карбонардъ Воскресенской въ первый визитъ свой,—представитъ вамъ немного заманчиваго, особенно теперь, когда почти всѣ разъѣхались по деревнямъ; но скоро настанетъ и нашъ сезонъ, съѣдутся наши помѣщики, и вы увидите, какъ, живя тѣснымъ и дружнымъ кружкомъ, мы все же меньше скучаемъ въ нашемъ захолустьѣ. Единственное, что̀ можно теперь предложить вамъ, это прогулки за городъ; мой экипажъ всегда къ вашимъ услугамъ. Если вамъ когда-нибудь вздумается почтить своимъ посѣщеніемъ мою деревню, я былъ бы очень радъ похвастать вамъ своимъ садомъ и оранжереями, а Николаю Петровичу конскимъ заводомъ и хозяйственными машинами.

— Ваша матушка, какъ я слышала, постоянно живетъ въ Краевѣ и рѣдко здѣсь бываетъ.

— Да, она почти постоянно хвораетъ... но вы, кажется, заочно успѣли хорошо познакомиться съ нами.

— Я успѣла уже слышать такъ много хорошаго о вашей матушкѣ, что очень бы желала, какъ и Николай Петровичъ, имѣть честь познакомиться съ нею, и впередъ прошу у васъ позволенія тотчасъ же пріѣхать къ вамъ, какъ только она будетъ здѣсь.

— Матушка моя дѣйствительно очень хорошая женщина, и я всегда искренно счастливъ, когда ее вижу; теперь же, заручившись вашимъ обѣщаніемъ быть у меня при первомъ ея посѣщеніи, стану ждать съ особеннымъ нетерпѣніемъ ея пріѣзда. Впрочемъ, когда мы поживемъ вмѣстѣ и ближе познакомимся, вы, надѣюсь, увидите, что къ такому старику, какъ я, можно иногда заѣхать и безъ особенныхъ церемоній.

Вмѣстѣ съ Карбонардомъ пріѣхалъ къ Воскресенскимъ и исправникъ, Кольскій, красивый, видный сорокалѣтній мужчина, прожившій въ молодости большое состояніе и имѣвшій нѣкогда большой успѣхъ въ салонахъ и будуарахъ московскихъ дамъ. Онъ былъ женатъ на какой-то щедушной княжнѣ, которая однако давно его покинула и переѣхала къ роднымъ въ Москву. Благодаря отчасти этому обстоятельству, а отчасти какой-то громкой скандальной исторіи за актрису, ему конфиденціально посовѣтовали въ столицахъ не жить, а поселиться гдѣ-нибудь подальше, и обязательно предложили мѣсто исправника въ Липовцахъ. Кольскій былъ мастеръ на всѣ руки; о немъ ходило множество легендъ. Разсказывали, напримѣръ, какъ на какой-то ярмаркѣ онъ обыгралъ шулеровъ, метавшихъ банкъ, прихлопнувъ рукою, намазанной чѣмъ-то липкимъ, по подтасованной колодѣ, отчего одна карта прилипла незамѣтно къ его ладони, и вмѣсто того, чтобы убить всѣ поставленныя карты, шулера, не вѣря глазамъ своимъ, всѣ ихъ дали. Разсказывали, какъ онъ увезъ жену у одного помѣщика-пріятеля, причемъ устроилъ такъ, что самъ же мужъ заготовлялъ ему лошадей на промежуточной станціи; но вмѣстѣ упоминали и о другой исторіи, когда мужъ купецъ, заставъ у себя Кольскаго не въ урочный часъ, такъ избилъ его съ помощію двухъ своихъ дюжихъ прасоловъ, что онъ лечился два мѣсяца. Бродяги и бѣглые боялись его, какъ огня, и клялись, что когда-нибудь его уходятъ. Не разъ, возвратясь поздно съ интимнаго свиданія или разгульной пирушки, онъ приказывалъ запречь въ телѣжку свою лихую тройку, вѣшалъ черезъ плечо револьверъ, и самъ-другъ, съ мѣщаниномъ, служившимъ ему помощникомъ и посредникомъ во всевозможныхъ дѣлахъ, скакалъ въ какой-нибудь отдаленный уголъ Ли-

повецъ или подгородное село, и навѣрное накрывалъ или дѣлателей фальшивыхъ бумажекъ, или бѣглаго каторжника.

«Кольскому не кончить добромъ», говорили о немъ знакомые, да и самъ онъ былъ увѣренъ, что жить ему недолго, что его или параличъ прихлопнетъ, или убьютъ бѣшеныя лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, или пырнетъ ножомъ бродяга. Онъ показывалъ пальто, прострѣленное какими-то молодцами, за которыми онъ гнался, и револьверъ, изъ котораго онъ положилъ на мѣстѣ бросившагося на него съ ножемъ бѣглаго каторжника. Но, въ ожиданіи безвременнаго конца, онъ жилъ пока во всю ширь своей уже износившейся и опошлившейся, но все еще мощной натуры.

Какъ слѣдуетъ полицейскому чиновнику, Кольскій былъ большой либералъ, врагъ бюрократіи и административнаго произвола. Это были любимыя тэмы его разговора. Просвѣщенію Кольскій покровительствовалъ.

— Да, батюшка Николай Петровичъ,—говорилъ онъ Воскресенскому,—пришлось намъ съ вами тянуть лямку на земской службѣ (служба его земству состояла въ томъ, что земство вмѣстѣ съ городомъ назначило ему полторы тысячи добавочнаго содержанія). Хорошая, скажу вамъ, штука земство, но наши администраторы таковы, что все съумѣютъ испортить, дай имъ только волю,—а ее-то, на бѣду, они теперь забрали довольно. Нѣтъ-нѣтъ, да и напакостятъ! Земство и бьется какъ рыба объ ледъ. Представитъ оно, напримѣръ, проектъ—какъ ни поверни, кромѣ общей пользы, ничего не можетъ выдти, анъ нѣтъ: «представленіе-молъ, какъ несогласное съ высшими соображеніями, оставить безъ послѣдствій». Вотъ и молоти рожь на обухѣ. Чтó имъ за дѣло до общественныхъ потребностей,—у нихъ есть высшія соображенія! Вотъ и по вашей части два года бьемся, а ничего не сдѣлаемъ. «Хотите—говорятъ—классическую прогимназію, открывайте хоть сейчасъ взамѣнъ училища. Если же желаете непремѣнно реальную, то это еще посмотримъ, а пока на уѣздное училище все-таки шесть тысячъ платите: потребно, молъ, по высшимъ соображеніямъ—тамъ все же-де вашихъ лавочниковъ да крестьянскихъ мальчишекъ латинской азбукѣ обучаютъ». У насъ непочатый край чернозема; у насъ работникъ полтора рубля въ день стóитъ; земледѣльческихъ машинъ нельзя завести потому, что управлять ими некому; у насъ моста построить не умѣютъ; на желѣзную дорогу машинистовъ на вѣсъ золота изъ-за тридевять земель выписываемъ; о толковомъ и раціональномъ земледѣліи и скотоводствѣ мы и понятія не имѣемъ, не умѣемъ на-

чертить плана скотнаго двора,—а мы себѣ сидимъ, да какъ дятлы отдалбливаемъ: mensa, mensae, mensam, mensa... виноватъ, впрочемъ, я увлекся и не спросилъ: вы за классицизмъ или за реализмъ?

— Я прежде всего за образованіе,—отвѣчалъ уклончиво Воскресенскій:—но въ томъ, что̀ вы сказали, нахожу много справедливаго и думаю, что образованіе должно соотвѣтствовать народнымъ потребностямъ.

— Да, дѣла здѣсь и вамъ, и намъ, и земству довольно. Добро бы только со стороны: на то они и администраторы, чтобы не видѣть нуждъ народныхъ,—а то и свои не лучше; два-три лица дѣйствительно понимаютъ дѣло и заботятся о немъ; а остальные—мошенникъ на олухѣ сидитъ и олухомъ погоняетъ. Вотъ увидите въ сентябрѣ наши земскія собранія. Намъ нужна пропаганда и пропаганда. А ужъ это дѣло дамское,—продолжалъ ораторствовать Кольскій, сдѣлавъ любезный полупоклонъ по направленію къ Воскресенской:—любая изъ нихъ каждаго классика обратитъ въ реалиста, впрочемъ, и отъявленнаго реалиста можетъ заставить пѣть Тибулломъ и Овидіемъ.

— Ну, ты, пессимистъ!—прервалъ Кольскаго Карбонардъ; ты такъ распишешь наши дѣла Николаю Петровичу, что онъ—чего добраго—повернетъ отъ насъ оглобли, а что̀ мы безъ него станемъ дѣлать! Что же до пропаганды, ты правъ, она намъ нужна, и, я увѣренъ, Марья Игнатьевна будетъ на нашей сторонѣ, а съ такой союзницей мы много сдѣлаемъ. Попечитель обѣщалъ мнѣ скоро пріѣхать къ намъ, и тогда мы къ вамъ съ низкимъ поклономъ: не обратите ли вы его на путь истины.

— А вамъ это не удалось?

— Что̀ дѣлать! Наши средства убѣжденія ограничены, женская же власть не имѣетъ границъ, сказалъ, или могъ сказать какой-нибудь поэтъ. Еслибы не дамы, съ этими господами и сладу бы не было.

Когда, черезъ четверть часа, Карбонардъ и Кольскій выходили отъ Воскресенскихъ и садились въ коляску, между ними происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Ну, что̀?—спросилъ Кольскій.

Карбонардъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.

— Куда всѣмъ нашимъ до этой. А мужъ-то, кажись, плохъ.

— Тебѣ-то она отлила ужъ пилюлю.

— Должно быть, Гаврилова наболтала. Распишетъ она ей насъ съ тобою.

— Велика бѣда! Онѣ—что перепелы: одинъ попался, другого приманятъ.

— А ты тоже намѣренъ силки-то раскинуть?

— Не лыкомъ же шитъ,—знаемъ толкъ, въ апельсинахъ.

— Значитъ, соперничество. Хочешь пари?

— Съ тобою-то? Прихвастнешь.

— Шила въ мѣшкѣ не спрячешь.

— Пари, такъ пари: дюжина шампанскаго, да твоего вороного въ придачу. Только условіе—несомнѣнныя доказательства.

— На твоего сѣраго?—идетъ. Ты-то поосторожнѣе: неравно Александра Петровна уши надеретъ.

— Свои люди—сочтемся.

Чрезъ нѣсколько дней Воскресенскихъ посѣтила еще одна группа липовецкихъ обывателей: предсѣдатель земской управы съ двумя ея членами.

Предсѣдатель Сорокинъ былъ человѣкъ далеко еще не старый, но расплывшійся, какъ сорока-ведерная бочка, и потерявшій способность и говорить, и двигаться. Что касается до способности мыслить, то Сорокинъ никогда ея не обнаруживалъ; это, вѣроятно, и было причиной, что всѣ партіи согласно выбрали его въ предсѣдатели. Въ дѣлахъ онъ во всемъ полагался на Василія Васильевича Потапенко, маленькаго, невзрачнаго человѣчка, повидимому робкаго и застѣнчиваго, но въ сущности проныру и мошенника, державшаго въ рукахъ весь уѣздъ, полнаго хозяина земскаго собранія, благодаря вліянію на сельскихъ гласныхъ своего тестя, мирового посредника.

Другой членъ управы, юный Паловцевъ, былъ богатый маменькинъ сынокъ, когда-то съ трудомъ дотащившійся до третьяго класса гимназіи и выбывшій оттуда тотчасъ по смерти матери. Но ни юность, ни природная тупость не помѣшали ему сдѣлаться хозяиномъ-кулакомъ, у котораго не пропадала ни одна копѣйка. Своимъ членствомъ, которымъ очень гордился, онъ былъ обязанъ Потапенко, имѣвшему въ немъ удобное и покорное орудіе. У липовецкихъ дамъ Паловцевъ пользовался большою популярностью и служилъ на посылкахъ, особенно у одной изъ нихъ, жены земскаго доктора, Залѣской, что не мѣшало однако влюбчивому молодому человѣку таять и предъ всѣми остальными. Воскресенская произвела на него сильное впечатлѣніе; онъ млѣлъ и трепеталъ, маленькое личико его то блѣднѣло, то краснѣло; а отъ сильнаго волненія онъ захлебывался и едва могъ произ-

нести нѣсколько словъ, между тѣмъ какъ въ другомъ углу комнаты Потапенко плавно излагалъ Воскресенскому свой взглядъ на преобразованіе училища.

Нужно замѣтить, что хотя проныры новаго пошиба обыкновенно либералы, но Потапенко принадлежалъ къ дѣльцамъ стараго закала, и былъ консерваторъ.

— Оно конечно-съ,—повѣствовалъ онъ,—васъ назначилъ попечитель, вы вполнѣ отъ него зависите и не можете считаться, такъ сказать, земскимъ человѣкомъ; можно бы подумать, что на земскіе интересы вы и вниманія не обратите, а вы вотъ, я вижу, иначе на это смотрите. Да оно и резонно. Какъ бы то ни было, все же мы съ вами получаемъ земскія, а не какія-нибудь иныя деньги, такъ кому же, какъ не намъ, и радѣть о нуждахъ земства. А у земства нуждъ много-съ, и на земство все больше и больше валятъ. Начнешь соображать, голова кругомъ пойдетъ: мировые суды, мировые посредники, разныя воинскія повинности, земскія почты, тюрьмы, больницы, продовольствіе, уѣздное училище, сельскія школы, дорожныя повинности, постройки да поправки то мостовъ, то амбаровъ... да и не перечтешь всего. На все это денежки подай, денежки, нажитыя не спекуляціей, а пóтомъ да кровью. На училище мы вотъ тратимъ шесть тысячъ, а на прогимназію слишкомъ вдвое пойдетъ. А кому она нужна? Двумъ-тремъ помѣщикамъ, да и тѣ легко могутъ отправить своихъ дѣтей въ Краевъ или Одессу. Остальнымъ же и училища много, особенно такого, какъ наше, съ латынью да французскимъ и нѣмецкимъ языками. Пять лѣтъ существуетъ это училище, а въ немъ ни одинъ годъ болѣе пятидесяти учениковъ не было, а курсъ кончили пока всего только три человѣка. Повѣрьте, тутъ не забота членовъ объ общей пользѣ или просвѣщеніи, тутъ все личное самолюбіе дѣйствуетъ: «какая бы молъ шальная мысль ни пришла намъ въ голову, — поставимъ-таки на своемъ, да и памятникъ себѣ воздвигнемъ: прогимназію устроимъ, да не какую-нибудь, а самую модную — реальную; знай нашихъ! Намъ-то тридцать-сорокъ рублей ничего не значитъ, остальные земство заплатитъ, а честь-то вся на нашу долю. «Московскія Вѣдомости» о насъ ядовито отзовутся, «Петербургскія» сдуру похвалятъ,—вотъ мы и пріобрѣли несокрушимую россійскую славу либераловъ и прогрессистовъ; а до того, что мы въ былыя времена до полусмерти засѣкали людей на конюшнѣ, что и теперь держимъ гаремъ изъ крестьянскихъ дѣвокъ и аѳинскіе вечера устраиваемъ съ друзьями-пріятелями, кто станетъ доискиваться!» Такъ-то, добрѣйшій Николай Петровичъ, и у насъ не все то

золото, чтó блеститъ. Возьмемъ съ другой стороны и ваше положеніе. Конечно, тысяча двѣсти рублей въ настоящее время не Богъ-знаетъ какія деньги, а все съ грѣхомъ пополамъ жить можно, а тамъ еще, поди, добивайся инспекторства. Людей по достоинству нынче мало цѣнятъ: подвернется какой подлипало, поди и соперничай съ нимъ. Повѣрьте, почтеннѣйшій Николай Петровичъ, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Я это и про васъ говорю, да и про насъ тоже: ну ихъ, съ безпрестанными реформами да передѣлками!

— Да я вообще, многоуважаемый Василій Васильевичъ, держусь мнѣнія, что эти вопросы до меня не касаются. Постараюсь дѣлать свое дѣло, не мѣшаясь ни въ какія реформы, пользу или вредъ которыхъ мнѣ, какъ человѣку новому, незнакомому съ мѣстными обстоятельствами, и опредѣлить трудно.

— То-то и бѣда, что у насъ никто не хочетъ сообразоваться съ обстоятельствами: лошади чужія, хомутъ не свой—лупи во всю ивановскую.

— Хотя и нельзя не согласиться вполнѣ съ тѣмъ, чтó говоритъ Василій Васильевичъ, но я долженъ заявить, что стою за просвѣщеніе,—говорилъ въ это время Воскресенской Паловцевъ.

— За какое же, классическое или реальное?

— Вотъ видите ли... я больше за классическое: оно открываетъ болѣе широкую карьеру; притомъ, всѣ мы сознаемъ крайнюю потребность въ государственныхъ дѣятеляхъ... Вы не повѣрите, какъ мало развито у насъ просвѣщеніе: во всемъ городѣ едва ли найдется три человѣка, которые выписывали бы журналъ или газету.

— Но вы вѣрно выписываете?

— Да, я получаю «Петербургскія» и «Русскій Вѣстникъ».

— Я не читала послѣднихъ нумеровъ «Вѣстника»; есть тамъ что-нибудь занимательное?

— Да, есть интересныя статьи... впрочемъ, я тотчасъ по полученіи отдалъ ихъ Ольгѣ Платоновнѣ; если прикажете, я завтра же возьму и принесу вамъ. Вы не любите ѣздить верхомъ?

— Нѣтъ, я не ѣзжу.

— Очень жаль, у меня есть пресмирная дамская лошадь. Ольга Платоновна собиралась устроить на-дняхъ прогулку большимъ обществомъ. Впрочемъ, можно и въ экипажѣ. Если вамъ будетъ угодно, я устрою это завтра же и пришлю вамъ свой фаэтонъ.

— Благодарю васъ, при случаѣ я воспользуюсь вашимъ предложеніемъ, но завтра было бы слишкомъ скоро.

Мужъ нѣсколько разъ упомянутой Ольги Платоновны, Осипъ Викентьевичъ Залѣскій скоро сталъ у Воскресенскихъ своимъ человѣкомъ. Онъ былъ земскимъ врачомъ въ Липовцахъ со времени открытія земскихъ учрежденій. Залѣскій слылъ большимъ шутникомъ и большимъ философомъ, что не мѣшало ему однако пользоваться славой врача, глубоко знающаго свое дѣло. Когда, опустивъ немного голову, сжавъ брови и выставивъ впередъ нижнюю губу, онъ сосредоточенно выслушивалъ больного, а потомъ, кивнувъ увѣренно головой, быстро прописывалъ рецептъ, самому отъявленному скептику могъ вселить полное довѣріе его внушительный видъ и не менѣе внушительный жестъ въ отвѣтъ на нескромные разспросы любознательнаго паціента о причинахъ и ходѣ болѣзни.

— Объ этомъ ужъ предоставьте судить намъ, — говаривалъ онъ обыкновенно:—ваше же дѣло слушаться да выздоравливать.

Разговоровъ о медицинѣ Залѣскій вообще не любилъ ни съ больными, ни съ здоровыми. Если какой-нибудь не въ мѣру начитавшійся липовецъ заводилъ съ нимъ рѣчь о вліяніи жилища и одежды на человѣка, о причинахъ холеры или несостоятельности коровьей оспы, Залѣскій слушалъ его нѣкоторое время съ своимъ обычнымъ глубокомысліемъ и въ такомъ же молчаніи, но лѣвый глазъ его постепенно щурился, а лѣвый уголъ рта немного приподнимался.

— Разскажите-ка намъ, батенька, лучше о томъ, почемъ пшеницу въ Одессѣ продали,—прерывалъ онъ собесѣдника, потрепавъ его по плечу и слегка подмигнувъ присутствующимъ,— а то Петтенкоферы да вакцинаціи, — куда намъ до такихъ премудростей!

Еще въ молодости, Залѣскій перешелъ въ православіе и былъ глубоко религіозенъ, впрочемъ, не столько по буквѣ, сколько по духу: въ церкви бывалъ онъ только по табельнымъ днямъ, но съ глубокимъ убѣжденіемъ, на основаніи несомнѣнныхъ физіологическихъ данныхъ, толковалъ съ пріѣзжавшимъ архіереемъ о безсмертіи души, а съ губернаторомъ о благотворномъ вліяніи религіи на народное здоровье. Почти старикомъ женился онъ на двадцатилѣтней дѣвушкѣ, дочери аптекаря въ Краевѣ, и съ добродушной усмѣшкой слушалъ въ продолженіи десятилѣтняго супружества безцеремонныя шуточки подкутившихъ пріятелей на счетъ своей дражайшей половины. Но шутки оставались шутками, а философъ-докторъ, благодаря ловкости супруги, безпрестанно получалъ то денежную награду отъ земства, то суточныя на какую-нибудь экстраординарную командировку, то изрядную сумму въ

безконтрольное распоряженіе по устройству или ремонту больницы. Въ сущности, Залѣскій былъ добрый человѣкъ, искренно сошелся съ Воскресенскимъ, и былъ съ нимъ откровененъ.

— Эхъ, коллега,—говаривалъ онъ, какъ себѣ ни толкуйте, а лучше казенной службы нѣтъ. Говорятъ: жалованья мало. Да умѣй только повести дѣло, такъ ты на законнѣйшемъ основаніи получишь втрое больше, чѣмъ здѣсь. Ладь только съ начальствомъ, да не будь слишкомъ ретивъ, а то надоѣшь. Главное то́, что ты всегда знаешь, чего отъ тебя хотятъ; а на земской службѣ, какъ ни работай, всегда точно подъ судомъ находишься. Сколько головъ, столько пановъ: одинъ тебя бранитъ за то, что халаты на больныхъ грязны, а другой—за то, что слишкомъ чисты: интересовъ земства, молъ, не соблюдаешь, много на мыло выходитъ. Иной Иванъ Иванычъ и въ больницѣ ни разу не былъ, и тебя въ глаза не видалъ, а ужъ врагъ тебѣ потому, что о тебѣ хорошаго мнѣнія Петръ Петровичъ, перебившій у него мѣсто мирового судьи. Врагъ бранитъ тебя потому, что онъ тебѣ врагъ, а другъ потому, что иначе-де заподозрятъ въ пристрастіи.—«Да за что же бранить? Развѣ я поступилъ неправильно?»—Нѣтъ, на мой взглядъ совершенно правильно; но вы знаете, учрежденіе земское, нужно обращать вниманіе на общественное мнѣніе, а ужъ объ этомъ и статья анонимная въ газетахъ была.—Значитъ, если правильно поступать не хорошо, нужно поступать неправильно?—Нѣтъ, какъ можно!—Вотъ наша логика, вы и ладьте съ нею. Разумѣется, я все это не къ себѣ отношу: меня считаютъ хорошимъ медикомъ, а умирать никому не хочется. Но вамъ скажу одно: держитесь вы казенной службы и не гонитесь за инспекторствомъ въ земской прогимназіи. Вашъ предшественникъ и на вашемъ мѣстѣ съ ума сошелъ, гоняясь, какъ за вѣтромъ въ полѣ, за общественнымъ мнѣніемъ. Другой совѣтъ: ладьте съ Потапенко; онъ всѣмъ здѣсь ворочаетъ; третій—не обращайте вниманія на сплетни. Сплетничать будутъ и про васъ, и про Марью Игнатьевну, а вы дѣлайте какъ я, слушайте да улыбайтесь. Dixi, collega!

Вслѣдъ за знакомствомъ съ мужчинами послѣдовало и знакомство съ дамами. Выждавъ время, полагаемое этикетомъ на отдыхъ съ дороги и устройство домашняго быта, Воскресенскіе начали свои визиты. Дамы приняли Марью Игнатьевну съ обворожительною любезностію, хотя нѣкоторыя и не упустили случая показать ей самый маленькій кончикъ остренькаго жала. Особенно радушно отнеслась къ ней жена толстаго предсѣдателя

управы, Александра Петровна, видная тридцатилѣтняя кокетка, очень разбитная, большая модница, хотя и глуповатая нѣсколько.

— Какая вы миленькая,—говорила она Воскресенской при первомъ ея визитѣ, уводя ее въ свой «будуаръ» и дружески обнимая ее,—не даромъ всѣ наши мужчины бредятъ вами. Вы скоро всѣхъ ихъ съ ума сведете, особенно брата моего, Жана. Онъ служитъ въ гусарахъ, и его эскадронъ стоитъ недалеко отсюда. Прежде онъ часто пріѣзжалъ въ Липовцы, но окончательно разочаровался въ нашихъ дамахъ, хотя, какъ кажется, и имѣлъ у нихъ успѣхъ. Но я увѣрена, что вы произведете на него сильное впечатлѣніе, и отъ него опять отбою не будетъ, а онъ, скажу вамъ по секрету, прехорошенькій.

Залѣская приняла Воскресенскую не совсѣмъ доброжелательно: она косилась на нее за Паловцева, не умѣвшаго достаточно искусно скрыть своего восторга отъ пріѣзжей.

— Я сплю и мечтаю о томъ, когда мы выберемся изъ этой трущобы, — говорила она. — Признаюсь, меня даже нѣсколько сердитъ беззаботность Осипа Викентьича. Онъ имѣлъ прекрасную практику въ Краевѣ, и съ его знаніями и опытностію легко пріобрѣсть ее въ любомъ городѣ. Но онъ просто влюбленъ въ свои земскія больницы и на всѣ мои просьбы постоянно отвѣчаетъ одно: «погоди, ma chère, устрою все, какъ слѣдуетъ, передамъ въ надежныя руки, и тогда уѣдемъ, куда хочешь.»

— Сколько я слышала, Осипъ Викентьевичъ пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ и довѣріемъ.

— Но у него есть обязанности болѣе серьёзныя, нежели дружба къ людямъ, которые льстятъ ему въ глаза, а украдкой вредятъ, гдѣ только могутъ: нашей дочери скоро семь лѣтъ, пора подумать объ ея воспитаніи. Да и я, признаюсь вамъ, привыкла къ обществу болѣе... разборчивому, между тѣмъ какъ здѣшнее... но вы его сами скоро увидите въ полномъ составѣ и во всемъ блескѣ, отъ сорокалѣтнихъ кокетокъ, всѣмъ строющихъ глазки, до наивныхъ дѣвицъ, или сидящихъ вдоль стѣнъ, или хихикающихъ по угламъ съ юнкерами и канцеляристами; узнаете лучше и мужчинъ нашихъ, которые всѣ, начиная отъ пятидесятилѣтнихъ селадоновъ до безбородыхъ мальчишекъ, готовы, какъ сумасшедшіе гоняться за каждымъ личикомъ, напоминающимъ вербнаго херувима.

— Да, мы засидѣлись-таки въ Липовцахъ, — говорилъ Залѣскій:—давно бы пора двинуться.

Остальныя дамы отнеслись къ Воскресенской сдержаннѣе, и пока не выказали ни покушеній на ея личность, ни ревности.

Между тѣмъ приближалось время, о которомъ давно уже всѣ толковали въ Липовцахъ: наступало земское собраніе и ярмарка. Въ этомъ году съѣздъ предстоялъ особенно многолюдный, такъ какъ должны были происходить выборы гласныхъ управы и мировыхъ судей. Уже недѣли за двѣ до собранія постоялые дворы, а особенно два изъ нихъ, либерально именовавшіеся гостинницами, были биткомъ набиты. Общественный клубъ съ утра до ночи былъ полонъ посѣтителей, изъ которыхъ только половина, не теряя золотого времени, уединялась за зелеными столами. Остальные въ билліардной, столовой и читальной вели шумные и оживленные разговоры. Поминутно раздавались слова: почтовая повинность, реальная прогимназія, нерадѣніе мирового съѣзда,—очевидно, липовцы занимались политикой.

Въ обширномъ предводительскомъ сараѣ, ежегодно превращавшемся на это время въ театръ, гдѣ давались представленія странствующей труппой, производились капитальныя передѣлки. Было заранѣе извѣстно, что въ этомъ году составъ труппы будетъ особенно блестящій, что будетъ поставлено нѣсколько балетовъ и даже оперетокъ Оффенбаха, въ томъ числѣ и «Прекрасная Елена». На площади рано стали разбиваться балаганы: ожидался усиленный съѣздъ купцовъ, привлеченныхъ молвой объ особенно сильномъ урожаѣ въ этомъ году. Наконецъ, ходили слухи, что нѣсколько первоклассныхъ артистовъ, переѣзжавшихъ вмѣстѣ съ ярмаркой изъ одного города въ другой и пользующихся европейскою извѣстностію въ пяти уѣздныхъ и одномъ губернскомъ городахъ, намѣрены дать въ клубѣ три или четыре концерта, за которыми послѣдуютъ танцы и ужинъ по подпискѣ. Поговаривали даже о маскарадѣ, но вліятельнѣйшія дамы нашли, что это лишнее: «подъ маской душно, много хлопотъ съ костюмами, а между тѣмъ всѣ такъ хорошо знаютъ другъ друга, что ни отъ кого не спрячешься».

Жидки суетились необыкновеннѣйшимъ образомъ. Было извѣстно, что балаганы ихъ полны самыми свѣжими модными матеріями (изъ числа залежавшихся въ московскихъ и харьковскихъ магазинахъ) и грудами ящиковъ съ *самымъ настоящимъ шампанскимъ*, а ихъ конторки кипами вексельной бумаги. Дамы, какъ мотыльки, порхали изъ балагана въ балаганъ, а оттуда мимоходомъ къ какой-нибудь Марьѣ Семеновнѣ съ затаенной надеждой, воспользовавшись ея оплошностію, провѣдать, во что она будетъ одѣта на первомъ семейномъ вечерѣ. Но Марья Семеновна была себѣ на умѣ и томно распѣвала, что она еще не знаетъ, будетъ ли на семейныхъ вечерахъ въ этомъ году; что это такъ утоми-

тельно, а удовольствія такъ мало... притомъ ея слабое здоровье... и любопытные уходили ни съ чѣмъ, не успѣвъ убѣдиться, сказалъ ли правду или солгалъ Берко, увѣряя, что Марья Семеновна купила матерію именно въ томъ же необыкновенномъ родѣ, какую онъ предлагалъ имъ. Пытались-было онѣ справиться о нарядахъ у трехъ модистокъ, заваленныхъ работой, но тѣ держали себя недоступно и въ рабочія комнаты не пускали ни подъ какимъ предлогомъ.

Предводитель дворянства собирался предъ открытіемъ земскаго собранія дать большой обѣдъ и уже зубрилъ по утрамъ рѣчь, въ которой, по примѣру англійскихъ государственныхъ людей, намѣренъ былъ изложить программу своей политики. Въ этой рѣчи была даже одна чрезвычайно смѣлая и либеральная тирада, цѣликомъ заимствованная изъ какого-то давнишняго спича лорда Пальмерстона.

Словомъ — городъ кипѣлъ. Страсти, желанія, надежды и сомнѣнія, волновали сердца и были причиной не одной безсонницы.

Хотя Марья Игнатьевна и не понимала всего значенія предстоявшихъ дней, но и она была наконецъ втянута въ вихрь общей суеты. Сердобольныя дамы, заходя или заѣзжая къ ней на минуту, жужжали ей о наступающихъ увеселеніяхъ.

— А какое я сейчасъ видѣла платье у Ицки въ лавкѣ,— говорила одна: — оно такъ было бы вамъ къ лицу и стóитъ не дорого, всего двадцать-два рубля.

— Вы не думайте, что у насъ столица, — говорила другая: — трехъ-четырехъ платьевъ вамъ станетъ на цѣлую зиму, развѣ только придется слегка измѣнить отдѣлку, да и съ одной и той же можно быть два-три раза, разумѣется не кряду.

Воскресенскій морщился, слушая эту болтовню, но пришелъ къ заключенію, что нельзя же будетъ сидѣть имъ взаперти среди общихъ увеселеній.

— Въ самомъ дѣлѣ, Маша, тебѣ бы пора позаботиться о своемъ туалетѣ. Ужъ вы, Надежда Васильевна, — обратился онъ къ Гавриловой: — помогите ей въ этомъ.

Но вотъ и сезонъ въ разгарѣ. Ярмарка давно началась. Факторы-жидки бѣгаютъ по городу съ пробою пшеницы, завязанною въ платкѣ; по улицамъ скачутъ офицерскія телѣжки, запряженныя борзыми тройками въ наборныхъ хомутахъ съ бубенчиками. Въ театрѣ давалась уже «Прекрасная Елена» съ артист-

кой, выписанной изъ Одессы нарочно для этой роли. Пьеса произвела впечатлѣніе; когда говорятъ о ней, дамы презрительно сжимаютъ губы и отворачиваются, мужчины признаются, что ожидали бо́льшаго. Рѣчь предводителя комментируется во всѣхъ углахъ. Одинъ артистъ далъ концертъ и потерпѣлъ полнѣйшее фіаско: зала была пуста. Два другіе, пріѣхавшіе съ тою же цѣлью, поспѣшили убраться вмѣстѣ со своимъ злополучнымъ собратомъ.

Земское собраніе на носу. Предсѣдатель управы по всѣмъ угламъ шаритъ клочки бумажекъ, замѣнявшіе ему приходорасходныя книги, и, повѣряя суммы, то не досчитывается десяти тысячъ, то вдругъ находитъ пятитысячный излишекъ. Писцы день и ночь перебѣливаютъ отчеты. Потапенко ухмыляется, держится въ сторонѣ и что́-то готовитъ.

За день до земскаго собранія назначенъ первый *семейный вечеръ* въ общественномъ клубѣ. Въ этотъ день дамскія сердца бьются такъ же сильно, какъ черезъ два дня будутъ биться сердца ихъ мужей. Впрочемъ, послѣдніе и въ этотъ вечеръ не совсѣмъ покойны; имъ будетъ не мало дѣла. Подъ звуки музыки, гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ, въ буфетѣ или курильной, будутъ происходить таинственныя шептанья, скрѣпятся союзы, устроятся компромиссы, окончательно обсудятся планы нападенія или защиты, между тѣмъ какъ въ залѣ подъ звуки той же музыки будетъ вестись уже настоящая аттака, будутъ попытки защиты, хотя и слабой, и наконецъ заключатся компромиссы, какъ нельзя болѣе льготные для каждой изъ договаривающихся сторонъ.

Десять часовъ; балъ во всемъ ходу. Въ боковой комнатѣ гремитъ оркестръ, составленный изъ выписныхъ артистовъ-жидковъ. Пары кружатся въ быстромъ вальсѣ; глазамъ наблюдателя представляются то бѣлоснѣжная спина прекрасной липовянки, то золотые шнурки гусарскаго мундира. Распорядитель танцевъ бѣснуется отъ усердія; на-скоро поклонившись своей дамѣ, онъ летитъ какъ вихрь по залѣ и отдаетъ приказаніе играть кадриль. Первая кадриль перваго бала! Сколько въ ней значенія! Сколько тутъ успокоившагося и обманутаго чувства, удовлетвореннаго и оскорбленнаго самолюбія!

Эту первую кадриль Воскресенская танцовала съ Кольскимъ.

— Если вы любите наблюдать,—говорилъ онъ ей,—то лучшаго случая не найдете. При нѣкоторомъ вниманіи, вы могли бы читать въ сердцахъ какъ въ открытой книгѣ. Посмотрите, съ какой страстной нѣжностію глядитъ тотъ черноволосый юноша на

танцующую съ нимъ полную блондинку. Посмотрите, какъ она вспыхнула: дѣлая съ нею туръ, онъ навѣрное пожалъ ей руку. Но она не сердится: видите ли, какъ томно подняла она на него свои небесные взоры. Но, къ сожалѣнію, не мы одни это видѣли, —видѣла и та маленькая старуха, мать ея; оттого-то такъ и сморщилось ея лицо, и блондинкѣ не танцовать больше сегодня со своимъ брюнетомъ, потому что онъ не болѣе какъ вольнопрактикующій адвокатъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, а такая профессія защитника вдовъ и сиротъ не внушаетъ большого довѣрія маменькамъ, хотя и можетъ воспламенить сердца дочекъ. Посмотрите еще на ту брюнетку. Какъ разсѣянно слушаетъ она своего длинноногаго кавалера; взоръ ея ищетъ встрѣтиться съ другимъ взоромъ, со взоромъ того блестящаго гусара, который, какъ видите, разсыпается мелкимъ бѣсомъ предъ томной дамой, занятой однако, повидимому, гораздо больше своимъ двухаршиннымъ шлейфомъ, нежели своимъ кавалеромъ, несмотря на его очаровательные черные усики и румяныя щеки. Если бы вы захотѣли знать причину такого равнодушія, вамъ стоило бы только обратить вниманіе на стоящую какъ разъ напротивъ нихъ въ дверяхъ приземистую фигуру купца, вперившаго въ дражайшую и дрожащую половину свои ястребиныя очи. Повторяю вамъ, смотрите, и вы прочтете и видимый міру смѣхъ, и невидимыя слезы.

— Смотрѣть мало: чтобы читать такъ, какъ вы, нужно еще имѣть ключъ этихъ іероглифовъ. Такъ, напримѣръ, я давно вижу, что и въ нашу сторону часто обращается пара гнѣвныхъ глазъ, хотя и не могу понять причины.

— Между тѣмъ о причинѣ догадаться не трудно... впрочемъ, главное въ томъ, что вы это замѣтили; это показываетъ въ васъ хорошую наблюдательницу. Хотите, я дамъ вамъ совѣтъ, какъ эти гнѣвные взоры обратить въ самые ласковые: вамъ стоитъ только быть полюбезнѣе вонъ съ тѣмъ бѣлокурымъ гусаромъ, такъ живописно красующимся въ задумчивой позѣ на фонѣ бѣлой печки и такъ меланхолически крутящимъ усы, посматривая на васъ.

— Благодарю за совѣтъ; мнѣ тѣмъ легче имъ воспользоваться, что именно съ этимъ гусаромъ я танцую слѣдующую кадриль.

— Придумайте же заранѣе тэму для разговоровъ, такъ какъ онъ умѣетъ только крутить усы. Впрочемъ, зная за собой недостатокъ краснорѣчія, онъ уполномочиваетъ услужливую сестрицу быть его говорящимъ министромъ во всѣхъ объясненіяхъ, даже, какъ кажется, и въ любовныхъ.

— Какъ вы злы. Я готова думать, что вы и съ нимъ держали какое-нибудь пари на сѣраго, и боитесь проиграть.

Кольскаго точно укололо. Онъ быстро взглянулъ на Воскресенскую.

— Марья Игнатьевна, позвольте мнѣ перемѣнить тонъ нашего разговора. Знаете ли вы подробно сущность пари, на которое намекнули?

— Знаю.

— Нечего говорить, что это пари величайшая пошлость. Небольшимъ извиненіемъ можетъ служить для меня то, что не я его предложилъ и не я разболталъ о немъ. Гораздо бóльшимъ— мое чистосердечное раскаяніе. Если вы захотите повѣрить моей искренности—а увѣряю васъ, я не часто расплываюсь въ изліяніяхъ—если захотите простить мнѣ эту глупость, позвольте мнѣ смотрѣть на васъ какъ на лучшаго друга, какъ на любимую сестру, покой и счастіе которой для меня будутъ всегда дороже собственнаго.

— Я очень рада этому. Я всегда была увѣрена, что при вашемъ умѣ вы сочтете недостойнымъ себя дѣлать честь женщины игрушкой мелочного самолюбія, а ея имя забавой застольной бесѣды. Поэтому-то я такъ прямо и высказалась вамъ.

— Клянусь вамъ, что вы и ваше имя будете для меня святыней, быть можетъ единственной—я говорю чуть не стихами Пушкина; но слушайте, Марья Игнатьевна: мы всѣ, все наше общество испорчено до мозга костей, въ немъ всюду ложь и притворство. Пусть же вина моя будетъ имѣть и полезныя для васъ слѣдствія: позвольте мнѣ беречь и охранять васъ, позвольте предупредить, если вамъ будетъ грозить какая-нибудь опасность, и дайте слово тогда повѣрить мнѣ.

— Николай Александровичъ! Я замужемъ, я не измѣняла мужу и не предполагаю въ кого-нибудь влюбиться. Но вы жили, а я не жила, говорю вамъ это съ полною откровенностію; между тѣмъ я хочу жить, хочу сама за себя думать и сама за себя дѣйствовать. Пусть мнѣ предстоятъ ошибки, увлеченья, даже, какъ вы говорите, опасности; всѣ онѣ не очень серьёзны, но во всякомъ случаѣ я сама хочу изъ нихъ выпутаться, мнѣ не нужно опекуновъ. Будемъ же только друзьями, а главное перестаньте играть со мною въ любовь, какъ вы это до сихъ поръ дѣлали.

— Игра въ любовь! Да, дѣйствительно я много игралъ и въ любовь и любовью. Ну, а если это будетъ уже не игра, если пустота всей жизни станетъ давить невыносимымъ кошмаромъ; если душа, одинаково измученная и окружающею и своею соб-

ственною пошлостію, невольно прорвется горячимъ признаньемъ, безъ надежды на взаимность и только съ мольбой о состраданіи—что вы сказали бы тогда?

«Это кажется изъ «Каменнаго гостя», мелькнуло у него въ головѣ; «ничего, сойдетъ».

— Сказала бы, что если не добиваться взаимности, то не для чего и признаваться, тѣмъ болѣе, что мнѣ, какъ замужней женщинѣ, неудобно слушать такія признанія. Но если бы я и повѣрила искренности вашихъ словъ, то подумала бы, что тотъ, кто всю жизнь шутилъ чувствомъ, долженъ ждать, что и чувство въ свою очередь подшутитъ надъ нимъ, и что для васъ спасеніе отъ пошлости не въ чувствѣ, а въ дѣлѣ; подумала бы, что демонъ, какъ я гдѣ-то читала, всего опаснѣе тогда, когда имѣетъ хорошія намѣренія, и мнѣ пришла бы въ голову сѣрая лошадь.

«Чтобъ чортъ ее побралъ», — сказалъ Кольскій про себя, а вслухъ отвѣчалъ:

— Вы жестоки, но я считаю это для себя справедливымъ наказаніемъ. Будемте же друзьями и, по вашему желанію, въ почтительномъ отдаленіи; но это не помѣшаетъ дружбѣ съ моей стороны быть вполнѣ искреннею.

— Ба, да ты имѣешь такіе серьёзные виды на моего вороного,—сказалъ чрезъ нѣсколько минутъ Кольскому Карбонардъ, встрѣтивъ его въ буфетной.

— Послушай ты, шутъ гороховый!—отвѣчалъ Кольскій, отводя его въ сторону: — если ты еще разъ мнѣ или кому бы то ни было заикнешься объ этомъ глупомъ пари, я размозжу тебѣ голову, а если вздумаешь селадонничать съ Воскресенской, то надаю публично оплеухъ. Я не шучу, ты меня знаешь. Смотри же.

Карбонардъ взглянулъ на Кольскаго и ему показалось, что тотъ точно не шутитъ.

— Эта бабенка его совсѣмъ съ ума свела, — пробормоталъ онъ отходя.

Начиная разговоръ съ Кольскимъ, Воскресенская вовсе не имѣла намѣренія коснуться пари, о которомъ разгласилъ Карбонардъ и о которомъ она узнала отъ Гавриловой. Оборотъ, который принялъ этотъ разговоръ, показался ей выиграннымъ сраженіемъ и наполнилъ ее самонадѣянностію и отвагой, ее самое немного дивившей. Щеки ея раскраснѣлись, она танцовала до упаду и была весела чуть не до истерики.

— Ну, какъ вы нашли моего брата? — спрашивала ее Сорокина.

— Премилый молодой человѣкъ, — отвѣчала она,—и какой скромный: во всю кадриль мы съ нимъ только и проговорили, что зимою пріятно ѣздить въ саняхъ на тройкѣ съ бубенчиками.

— Какая вы злая, но къ вамъ идетъ и это. Я узнаю Жана: онъ всегда становится нѣмъ какъ рыба, если что-нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣніе. Но завтра, я увѣрена, онъ цѣлый день будетъ жужжать мнѣ въ уши объ одной особѣ. Кстати, вы позволите мнѣ привезти его къ вамъ?

— Мужу моему навѣрное будетъ очень пріятно видѣть у себя Ивана Петровича.

— Злая вы, злая! — повторила ей шопотомъ Сорокина, пускаясь вальсировать съ пригласившимъ ее кавалеромъ.

Пароксизмъ веселости Воскресенской не проходилъ. Она видѣла, какъ Залѣская что-то сказала Паловцеву и какъ тотъ устремился по залѣ.

— Григорій Ивановичъ!—окликнула она его.

— Чтó прикажете?

— Присядьте на минуту. Не стыдно ли, не подойдете цѣлый вечеръ, а мнѣ нужно бы поговорить съ вами. Но, быть можетъ, вамъ некогда?

— Нѣтъ-съ, ничего; меня только Ольга Платоновна просила приказать въ буфетѣ...

— Такъ, пожалуйста, идите скорѣе.

— Я сейчасъ возвращусь.

— Зачѣмъ же, я вовсе не хочу мѣшать вамъ быть тамъ, гдѣ вамъ пріятнѣе. Къ тому же, я хочу танцовать. Идите и не мѣшайте другимъ приглашать меня, если сами не хотите. Что же, хотите, или нѣтъ? Давайте же скорѣе руку.

Воскресенская сдѣлала съ нимъ два тура и потомъ удержала его возлѣ себя, принявшись разсказывать ему планъ какой-то фантастической загородной поѣздки. Такое вниманіе было черезчуръ сильно для Паловцева. Онъ впивался глазами въ необыкновенно оживленное лицо Воскресенской, и забывалъ все на свѣтѣ.

— Merci, monsieur Паловцевъ, за вашу готовность исполнить мою просьбу, — проговорила проходившая мимо Залѣская,—но не трудитесь, мнѣ уже подали лимонадъ.

— Да, я приказывалъ,—смущенно отвѣчалъ Паловцевъ.

— Я это видѣла. Но извините, madame Воскресенская, я, кажется, прервала очень интересующій васъ разговоръ.

Залѣская величественно удалилась.

— Ну, надѣлали же мы съ вами бѣдъ, — говорила Воскресенская.—Какъ же быть вамъ такъ невѣжливу и невнимательну къ порученіямъ дамъ. Ольга Платоновна никогда не проститъ вамъ этого, да и я вѣчно буду раскаяваться, что черезъ меня она на васъ разсердилась.

— Марья Игнатьевна, повѣрьте, когда я имѣю счастіе быть возлѣ васъ, я готовъ забыть о цѣломъ свѣтѣ, и мнѣ все равно...

— Ба, да какой вы опасный человѣкъ, какъ нужно быть осторожной съ вами. Николай Петровичъ! — позвала она стоявшаго недалеко мужа.

— Что вы хотите дѣлать? — въ волненіи проговорилъ Паловцевъ.

— Николай Петровичъ! Григорій Ивановичъ сейчасъ объяснился мнѣ въ своей страсти... къ загороднымъ прогулкамъ. Мы хотимъ устроить съ нимъ какую-нибудь прогулку большимъ обществомъ. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Ты знаешь, Маша, что я никогда ничего не имѣю противъ того, что̀ можетъ доставить тебѣ удовольствіе.

— Ну, такъ идите же и устроивайте, но помните, что безъ Ольги Платоновны я не поѣду.

— Наконецъ-то я улучилъ минуту побесѣдовать съ вами,— говорилъ Карбонардъ, подсаживаясь къ Воскресенской.—Ну, какъ вамъ понравилось наше общество и наши увеселенія?

— Я въ своей жизни такъ мало предавалась удовольствіямъ, что теперь веселюсь отъ всего сердца, а обществу могу быть только благодарной за его любезность и привѣтливость.

— Очень радъ, что оно произвело на васъ такое впечатлѣніе, и еще болѣе былъ бы радъ, еслибы это впечатлѣніе не измѣнилось впослѣдствіи, хотя и сильно въ этомъ сомнѣваюсь: наше общество слишкомъ разнокалиберно и слишкомъ... tranchons le mot... какъ бы это сказать по-мягче... слишкомъ первобытно, оно не умѣетъ себя сдерживать. Рядомъ съ любезностію оно обнаружитъ себя проявленіемъ самаго непозволительнаго инстинкта. Да-съ, мы не воспитаны; мы все еще медвѣди, хотя и выучились танцовать по временамъ на заднихъ лапкахъ и снимать шапку... Кстати, о медвѣдяхъ. Что̀ у васъ было за объясненіе съ Кольскимъ? Онъ что-то болталъ мнѣ, но мнѣ было некогда.

— Право, не знаю. Я танцовала съ нимъ, мы говорили о разныхъ разностяхъ, но, сколько помню, не было ничего похожаго на объясненіе. Да и съ какой стати?

— Въ томъ то и дѣло, что для этого у насъ не нужно ни причины, ни повода. Въ сущности, Кольскій не такой ужъ дур-

ной человѣкъ, какъ о немъ говорятъ, но это одна изъ тѣхъ дикихъ натуръ, съ которыми ни за что нельзя ручаться. Но такъ какъ мы уже заговорили о дикаряхъ, то по праву старика — а я, какъ видите, почти старикъ — маленькое дружеское предостереженіе и вмѣстѣ просьба. Нашъ городъ, какъ и вообще провинція, любитъ скандалы. Намъ оно ни почемъ, мы къ нимъ привыкли, и съ насъ они скатываются какъ съ гуся вода. Но на васъ они могутъ подѣйствовать иначе. Поэтому, не говоря уже объ осторожности, позвольте просить васъ въ случаѣ, если бы вы имѣли причину быть кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь недовольны, не тревожа Николая Петровича, обратиться ко мнѣ. Я думаю, что мнѣ будетъ легче и уладить все, и подать нужный совѣтъ. Надѣюсь, я смѣю разсчитывать на такое дружеское довѣріе съ вашей стороны?

— Очень вамъ благодарна. Но, извините, два вопроса. Скажите мнѣ, неужели положеніе женщины въ здѣшнемъ обществѣ таково, что она безъ всякаго повода съ своей стороны должна постоянно бояться какой-нибудь непріятности, и для избѣжанія скандала искать чьего-нибудь покровительства? Но если ужъ это такъ, то кто ей поручится, что избранный ею покровитель не будетъ лисицей, приставленной стеречь курятникъ, и самъ именно не сдѣлается для нея причиной непріятностей и скандала?

— На вашъ первый вопросъ вамъ вѣроятно не замедлятъ отвѣтить очевидность и собственный опытъ. Что касается до второго, то, восхищаясь его остроумной формой, я все-таки попеняю вамъ за скрытое въ немъ недовѣріе къ человѣку, искренно расположенному къ вамъ и къ Николаю Петровичу; къ человѣку, который былъ причиной пріѣзда вашего сюда и отъ души желаетъ, чтобы вы въ этомъ не раскаялись; который, наконецъ, предлагалъ вамъ себя не въ качествѣ покровителя, а смиреннаго и преданнаго друга, готоваго, даже съ рискомъ прослыть навязчивымъ, помѣшать нашей провинціальной грязи запачкать хотя бы подошвы вашихъ сапожекъ. Но мы еще поговоримъ объ этомъ, когда подозрѣнія, какъ видно, очень искусно внушенныя вамъ со стороны, нѣсколько разсѣются. А пока самый прозаическій переходъ — пойдемте ужинать: у насъ здѣсь это принято. Мнѣ кстати нужно поговорить кое-о-чемъ съ Николаемъ Петровичемъ. Я пойду и приведу его сейчасъ.

Поздно воротились Воскресенскіе домой, но долго не могла заснуть еще Марья Игнатьевна. Послѣ тихой, почти затворни-

ческой жизни въ Архангельскѣ, двухмѣсячное пребываніе ея въ Липовцахъ было для нея шумно и разнообразно, а нынѣшній вечеръ могъ считаться даже полнымъ приключеній. Воображеніе ея работало, развивая въ затѣйливые романы недавніе разговоры, не потому, чтобы она придавала имъ какое-нибудь значеніе: она повторяла себѣ, что во всякомъ случаѣ Карбонардъ, Кольскій или бѣлокурый гусаръ Жанъ—герои не ея романа; болтовня съ ними—игра безъ ставки, и по необходимости должна кончиться ни въ-чью. Но ее занимала новость положенія, она испытывала упоеніе интриги, хотя и ни къ чему не ведущей. Правда, когда фантазія, утомленная пестрымъ калейдоскопомъ фигуръ и положеній, замолчала и заговорилъ разсудокъ, Воскресенской стало нѣсколько не ловко. Припоминая все сказанное, она не находила ничего, въ чемъ прямо могла бы упрекнуть себя, многое казалось ей очень находчивымъ и даже остроумнымъ, но ее тревожила мысль, не зашла ли она слишкомъ далеко, не была ли слишкомъ развязна. Ей чудилось, что почва ускользаетъ у нея изъ-подъ ногъ. Размышленіе привело ее скоро къ вопросу, должна ли она разсказать мужу о подробностяхъ этого вечера? Она разбирала этотъ вопросъ, отыскивала доводы, но этотъ анализъ, точно также какъ и предшествовавшая фантазія, не имѣлъ цѣли: въ ней еще раньше сложилось не выговоренное, но твердо принятое рѣшеніе ничего не говорить мужу. Этимъ рѣшеніемъ создавался для Марьи Игнатьевны важный прецедентъ. Хотя и до сихъ поръ она не была особенно сообщительна съ мужемъ, но ей, кромѣ своихъ думъ, мечтаній и чувствъ нечего было и сообщать ему. Теперь являлось нѣчто фактическое, дѣло шло о тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ людямъ и, скрывая ихъ отъ мужа, она тѣмъ самымъ начинала отдѣлять свою судьбу отъ его судьбы, и принимала на себя отвѣтственность за дальнѣйшее. Марья Игнатьевна если не сознавала вполнѣ, то чувствовала важность своего поступка и, переходя такимъ образомъ Рубиконъ, была не совсѣмъ покойна.

Впрочемъ, природный здравый смыслъ Воскресенской не допустилъ ее на первый разъ вполнѣ подчиниться атмосферѣ интриги, самомнѣнія и нервнаго раздраженія, и когда она наконецъ спросила себя, такая ли это жизнь, о какой она мечтала и на пароходѣ, глядя при закатѣ солнца на убѣгающія струи рѣки, и въ лунные вечера у открытаго окна быстро несущагося вагона, и въ ночь своего пріѣзда въ Липовцы,—отвѣтъ получался отрицательный: она чувствовала, что въ душѣ ея та же пустота, умъ также не занятъ.

— Михаилъ Ивановичъ!—обратилась она на другой день къ учителю, пришедшему къ нимъ въ промежуткѣ уроковъ,—приходите къ намъ сегодня обѣдать, я имѣю къ вамъ дѣло: я хочу просить васъ разсказать мнѣ, что̀ такое земскія учрежденія и о чемъ будутъ толковать въ нашихъ земскихъ собраніяхъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, насколько съумѣю,—отвѣчалъ тотъ.—Я кстати принесу вамъ и самыя положенія о земствѣ.

— Что это тебя интересуетъ?—спросилъ мужъ.

— Говорятъ, здѣсь и женщины постоянно бываютъ въ земскомъ собраніи; мнѣ тоже хотѣлось бы пойти, но я боюсь, что ничего не пойму, если раньше не узнаю, въ чемъ дѣло.

Предшествовавшую ночь не спала не одна Воскресенская: думая о ней, и мужъ ея тоже долго ворочался въ своей постели. Онъ не могъ не замѣтить перемѣны, происшедшей въ послѣднее время въ женѣ, не могъ не видѣть ея одушевленія на вечерѣ и ея оживленныхъ бесѣдъ. Все это его безпокоило и вызывало въ немъ чувства, въ которыхъ ему совѣстно было признаться. Воскресенскій былъ человѣкъ далеко неглупый, а сравнительно съ средою, въ которой жилъ, и развитый, но разумѣется не стоялъ впереди ни вѣка, ни общества. Онъ смотрѣлъ на женщину такъ же, какъ на нее смотрятъ въ Архангельскѣ и въ Липовцахъ, въ Петербургѣ и въ Парижѣ—какъ на существо неполноправное, низшее по крайней мѣрѣ по положенію, и вполнѣ мирился съ такимъ взглядомъ не только практически, но и теоретически, если можно назвать теоріей убѣжденіе, хотя и не высказанное, но руководившее всѣми поступками и даже ощущеніями.

Постоянно толкуя объ обязанностяхъ женщины, какъ жены и матери (объ обязанностяхъ дочернихъ онъ не имѣлъ случая размышлять), онъ ни разу не задумался о правахъ ея и, кажется, признавалъ за нею только право на кровъ и пищу. Ему въ голову не приходило, что у жены его могутъ быть взгляды и убѣжденія помимо его взглядовъ и убѣжденій; привязанности и связи, не совпадающія съ его связями и привязанностями (допускалась только разница въ степени); интересы, не вытекающіе болѣе или менѣе изъ его особы. Въ его умѣ, быть можетъ, невѣдомо для него самого, сложилось представленіе, что жена не болѣе какъ спутникъ главнаго свѣтила—мужа, обладающій весьма ограниченнымъ правомъ собственнаго движенія, покорно слѣдящій за движеніями своего солнца и свѣтящійся заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ круга своихъ интересовъ онъ, разумѣется, не исключалъ жену, она была даже его главнымъ интересомъ; ея покой,

ея здоровье (хотя и не ея счастіе) онъ предпочелъ бы своему; но для своего *я* онъ требовалъ полнаго господства. Оскорбленіе жены онъ почувствовалъ бы сильнѣе своего, но почувствовалъ бы какъ свое личное оскорбленіе; отъ жены же былъ готовъ требовать, чтобы и въ этомъ случаѣ она оскорбилась не столько за себя, сколько за него. Словомъ, онъ почти не признавалъ въ женѣ того *я*, которымъ такъ дорожилъ въ себѣ; *я* было для него, для жены допускалось *мы*, но и въ этомъ *мы* ей выпадала не равная доля.

Три первые года ихъ жизни могли только утвердить его въ этихъ воззрѣніяхъ; онъ окончательно привыкъ смотрѣть на жену, какъ на свое пассивное пополненіе. Теперь же онъ съ какимъ-то безпокойнымъ удивленіемъ сталъ замѣчать, что жена его думаетъ о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ никогда не думалъ; высказывается по вопросамъ, о которыхъ онъ не могъ бы сказать ни слова; интересуется вещами, не только вовсе его не касающимися, но и не интересующими его. Вдумываясь въ ея слова и поступки, онъ не могъ не замѣтить, что у нея образовался цѣлый міръ идей и потребностей, ему неизвѣстныхъ и недоступныхъ; она жила своею собственною жизнью, она отъ него ускользала. Это производило на него впечатлѣніе, если не столь же сильное, то однородное съ тѣмъ, какое произвела бы его собственная рука или нога, задумавшая жить самостоятельно. Безпокойная мысль его бродила во всѣхъ направленіяхъ. Онъ задалъ себѣ даже вопросъ, не можетъ ли для жены его возникнуть къ кому-нибудь серьёзная привязанность, не можетъ ли она полюбить кого-нибудь (онъ не прибавлялъ — *другого:* онъ сознавалъ, что чувство Марьи Игнатьевны къ нему—не любовь), не можетъ ли измѣнить ему? Кровь бросилась ему въ голову при этомъ вопросѣ, но съ ослѣпленіемъ, свойственнымъ всѣмъ мужьямъ, даже самымъ ревнивымъ, остающимся по большей части при одномъ такомъ подозрѣніи тамъ, гдѣ для другихъ полная очевидность,—онъ поспѣшилъ рѣшить его отрицательно. «Это невозможно», думалъ онъ. «Да и кто же? Карбонардъ и Кольскій слишкомъ стары, да и слишкомъ развратны—Маша это знаетъ; Паловцевъ слишкомъ ничтоженъ, гусаръ слишкомъ глупъ... къ тому же Маша и горда, и честна»... Но на послѣднемъ словѣ Воскресенскій задумался еще больше и скоро впалъ въ цѣлый лабиринтъ мыслей, сталкивавшихся одна съ другою и представлявщихъ, вмѣсто какого-нибудь вывода, нескончаемый рядъ вопросовъ. «Во всякомъ случаѣ, она слишкомъ правдива», заключилъ онъ, «и не станетъ

меня обманывать. Нужно только постараться, чтобы она не скучала, нужно найти ей занятіе, нужно поговорить съ нею».

Средство найдено — поговорить, и все какъ рукой сниметъ. Воскресенскій начиналъ даже жалѣть, что три года не говорилъ съ женою.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, Маша,—сказалъ онъ ей вечеромъ, допивая второй стаканъ чаю.—Я замѣчаю, Маша, что ты скучаешь.

— Напротивъ, мнѣ здѣсь гораздо веселѣе, нежели было въ Архангельскѣ.

— Такъ, тебя занимаютъ и новыя мѣста, и новые люди; но такое веселье не прочно, все это скоро пріѣстся, если не будетъ какого-нибудь постояннаго интереса, на которомъ была бы основана жизнь.

— Его у меня и прежде не было. Я сама объ этомъ думала, но ничего не могла придумать. Я буду очень рада, если ты найдешь мнѣ что-нибудь.

— Объ этомъ я и хотѣлъ обстоятельно поговорить съ тобою, и просилъ бы тебя внимательно выслушать меня.

— Я слушаю.

— Видишь ли, въ основѣ образованнаго современнаго общества лежитъ семейство—едва ли когда-нибудь и возможно другое разумное основаніе, но я умышленно оставляю въ сторонѣ какъ этотъ вопросъ, такъ и то, насколько семейство связано съ христіанской религіей (я, молъ, разсуждаю, а не поучаю), я заявляю только фактъ: господство семейнаго начала, на которомъ основана вся современная цивилизація. Семейство не есть случайное сотоварищество двухъ личностей, оно есть ихъ полное сліяніе въ одно органическое цѣлое, такъ что каждая изъ частей организма имѣетъ свое опредѣленное назначеніе. Какъ въ физіологическомъ отношеніи, такъ и въ общественномъ и духовномъ роль мужчины дѣятельная и творческая, роль женщины—охранительная; сфера мужчины—общество и улица, со всѣми ея бурями и треволненіями; сфера женщины—тѣсный кружокъ знакомыхъ, но главное—семья, домъ и очагъ. И здѣсь назначеніе женщины не менѣе славно и, во всякомъ случаѣ, не менѣе почетно, чѣмъ роль мужчины. Женщина не можетъ быть Сципіономъ, но можетъ быть женою Сципіона; она можетъ отереть его потъ, перевязать его раны; она не можетъ быть Гракхомъ или Вашингтономъ, но можетъ быть ихъ матерью, можетъ вдохнуть въ нихъ и гражданское чувство, и непоколебимое сознаніе долга.

— Но чтобы все это вдохнуть, нужно самой имѣть объ

этомъ какое-нибудь понятіе не по наслышкѣ. Откуда же его взять, сидя у очага?.. Но ты хотѣлъ отыскать мнѣ какое-нибудь дѣло. Я думала, нельзя ли мнѣ открыть школу для дѣвочекъ, хотя бы безплатную. Въ здѣшнемъ женскомъ училищѣ, какъ мнѣ говорили, учатъ плохо; къ тому же оно на томъ концѣ города, и многіе затрудняются посылать туда дѣтей.

— Да, разумѣется, это было бы очень хорошо. Но не придется ли тебѣ въ такомъ случаѣ совершенно бросить хозяйство. Потомъ, это легко можетъ повести къ какимъ-нибудь непріятностямъ, особенно для меня.

— Почему же непремѣнно къ непріятностямъ? Но такъ можно бояться непріятностей, за какое бы дѣло ни взяться; точно также всякое дѣло оставитъ менѣе времени сидѣть у печки. Но чтó же ты собственно имѣлъ въ виду?

— Я дѣйствительно нахожу, что преподаваніе въ школѣ или завѣдываніе ею могло быть для тебя лучшимъ занятіемъ, и постараюсь современемъ это устроить. Но, начиная съ тобою разговоръ, я имѣлъ въ виду не столько найти тебѣ какое-нибудь внѣшнее дѣло, сколько указать на другую цѣль: я думаю, что тебѣ слѣдовало бы систематически поработать надъ собой и подготовить изъ себя жену и мать.

— Объ этомъ самомъ была рѣчь нѣсколько разъ три года тому назадъ, но и тогда мы ни до чего не договорились и не рѣшили, чтó нужно дѣлать для такой подготовки. Впрочемъ, если ты находишь, что я недостаточно хорошая жена, то скажи въ чемъ, и я постараюсь измѣниться. О подготовкѣ же изъ себя матери, нечего и хлопотать, такъ какъ у меня дѣтей нѣтъ.

— Могутъ быть. Но ты не хочешь понять меня, Маша! Я вовсе не думалъ упрекать тебя въ чемъ-нибудь, я хотѣлъ только указать тебѣ на необходимость какого-нибудь внутренняго интереса, который придавалъ бы цѣль и смыслъ жизни. Я знаю, напримѣръ, что ты читала много, но читала чтó попадетъ подъ руку. Я бы думалъ, что для тебя было бы и полезнѣе и интереснѣе систематическое чтеніе, которое постепенно разъясняло бы тебѣ окружающее и развивало твои понятія.

— Ты выберешь мнѣ книги и скажешь, кáкъ читать ихъ?

— Да, я постараюсь найти... вотъ, напримѣръ, прекрасная книга «Самодѣятельность» Смайльса...

— Ты говоришь со мною, какъ съ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой. Смайльса я читáла еще въ гимназіи, и тогда не видѣла отъ нея особенной пользы. Надѣюсь, ты началъ со мною этотъ

разговорѣ не потому, что я вчера много танцовала, или что хочу быть въ земскомъ собраніи!

— Гм... разумѣется нѣтъ, хотя, какъ я тебѣ сказалъ, я стою за то, что сфера, преимущественно свойственная женщинѣ,—это домъ и семья. Но, разумѣется, нужны иногда развлеченія...

— А ты не думаешь, что, кромѣ развлеченія, мнѣ можетъ доставить и пользу тó, что я лучше узнаю людей и дѣла, которыя ихъ занимаютъ?

— Но такая польза можетъ иногда достаться женщинѣ слишкомъ дорогою цѣною. Еслибы я былъ самый ярый поборникъ такъ-называемой эманципаціи женщинъ, то и тогда я все-таки желалъ бы, чтобы она началась не съ моей жены, сестры или дочери.

— Я и не подозрѣвала, что посѣщеніе вечера или управы можетъ имѣть связь съ эманципаціей, о которой ты говоришь. Но я все-таки хочу знать, можно ли мнѣ посѣщать собраніе. Признаюсь, я бы очень желала этого.

— Ты знаешь, что я тебя ни въ чемъ не стѣсняю. Высказывая мое мнѣніе, я вовсе не хотѣлъ мѣшать тебѣ идти туда завтра. Ты съ кѣмъ располагаешь быть тамъ?

— Съ Гавриловой.

— Иди; если успѣю пораньше освободиться въ училищѣ, то тоже приду.

Между тѣмъ, въ Липовцахъ событія текли подобно бурному потоку мутныхъ весеннихъ водъ. Наступилъ наконецъ день открытія земскаго собранія. Съ ранняго утра на улицахъ стали появляться экипажи помѣщиковъ, безвыѣздно живущихъ въ деревнѣ и пріѣзжавшихъ въ городъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Около девяти часовъ густая толпа сельскихъ гласныхъ направилась отъ постоялаго двора къ управѣ и смиренно усѣлась у крыльца въ ожиданіи «начальства». Писцы суетились съ бумагами. Зала понемногу наполнялась. Около десяти часовъ явился предсѣдатель собранія, Карбонардъ; онъ очаровываетъ всѣхъ своею добродушною любезностію, нелишенною однако величавости. Вотъ и члены управы. Отдуваясь, вваливается Сорокинъ. Онъ покоенъ и почти доволенъ: ему удалось собрать свои клочки, и онъ остается въ сомнѣніи только насчетъ пятисотъ рублей, не рѣшивъ окончательно, попали ли эти рубли ошибкой изъ его кармана въ сундукъ земства или, наоборотъ, изъ кармана земства въ его собственный. Онъ убѣжденъ въ первомъ, Потапенко доказываетъ второе, и намѣренъ представить свои со-

ображенія собранію. Такое разномысліе могло бы навести уѣзднаго премьера на мысль, что положеніе его не совсѣмъ прочно, но тяжелый умъ его, повидимому, и не пытался заняться этимъ вопросомъ.

Войдя однако въ залу, Сорокинъ начинаетъ тотчасъ чувствовать, что что-то неладно: его или не замѣчаютъ, или отъ него сторонятся, сухо съ нимъ раскланиваясь. Даже письмоводитель и писцы обращаются не къ нему, а къ Потапенко, и въ крайнемъ случаѣ къ Паловцеву. Потапенко, напротивъ, встрѣченъ съ низкими поклонами. Онъ держитъ себя важно и молчаливо, но любезно жметъ всѣмъ руки, не исключая и сельскихъ гласныхъ. Мизерная фигурка Паловцева дышетъ самодовольствомъ и напыщенностью, доходящими до комизма.

Мы не станемъ подробно слѣдить за ходомъ собранія и разматывать запутанную нить сложной провинціальной интриги. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ выдающихся пунктахъ.

Уже съ перваго собранія Карбонардъ, имѣвшій и безъ того довольно многочисленную партію, успѣлъ значительно усилить ее, сдѣлавъ предложеніе выдавать денежное пособіе сельскимъ гласнымъ, являющимся въ собраніе. Слышится голосъ, что предложеніе это незаконно, но оно принято большинствомъ, и управѣ поручено привести его въ исполненіе. Въ первый же перерывъ засѣданій депутація сѣрыхъ свитокъ окружаетъ въ корридорѣ Карбонарда и изъявляетъ ему свою признательность. Сторонники Карбонарда ликуютъ и видятъ въ этомъ залогъ полной побѣды его надъ Потапенко. «Независимые» волнуются и называютъ Карбонарда продувной шельмой. Потапенко молчитъ и потираетъ руки.

Особенный интересъ начинается со второго дня. Гласные въ полномъ составѣ, посторонняя публика особенно многочисленна. Коммиссіи для повѣрки счетовъ управы только-что выбраны, но одинъ изъ гласныхъ дѣлаетъ предложеніе теперь же приступить къ выбору членовъ управы. Кто-то замѣчаетъ, что нужно бы подождать отчета коммиссій, но другіе находятъ это лишнимъ.

— Чтó мы были бы за гласные, если бы только изъ доклада коммиссій узнавали, кáкъ ведутъ дѣла члены управы.

Предложеніе пущено на голоса, и принято.

— Это дѣло подпольной интриги одного изъ членовъ управы! — раздается громкій голосъ на скамьѣ оппозиціи.

Управа устами Потапенко проситъ разъяснить, кого именно изъ членовъ разумѣетъ почтенный гласный.

— Кого же, какъ не васъ! — гремитъ оппозиція.

Потапенко, чрезъ предсѣдателя, требуетъ, чтобы эти слова были взяты назадъ.

— Умудритесь прежде взять назадъ свои поступки!—рѣжетъ оппозиція.

Но голосъ ея заглушается; собраніе волнуется; парламентаристы требуютъ призыва къ порядку. Предсѣдатель баллотируетъ вопросъ, одобряются ли собраніемъ выраженія, подобныя словамъ: «подпольная интрига»? По большинству десяти голосовъ оказывается, что собраніе ихъ не одобряетъ. Предсѣдатель звонитъ, и все успокоивается. Одинъ изъ оппозиціонеровъ, съ очевидными признаками негодованія, выходитъ изъ залы и въ дверяхъ произноситъ слово, еще менѣе парламентское:

— Бараны!

Многіе дивятся безпристрастію предсѣдателя, вражда котораго съ Потапенко длилась уже цѣлые годы; но вскорѣ между Карбонардомъ и Потапенко замѣчается еще болѣе удивительное единомысліе почти по всѣмъ вопросамъ, хотя они по прежнему держатся далеко другъ отъ друга.

Сорокинъ забаллотированъ, но собраніе великодушно: по предложенію Карбонарда, недочетъ въ пятистахъ рубляхъ оно приписываетъ недоразумѣнію и принимаетъ ихъ насчетъ земства. Предсѣдателемъ управы выбранъ Потапенко, членами Паловцевъ и Ивановъ, бывшій секретарь уѣзднаго суда, закадычный другъ и повѣренный по дѣламъ Карбонарда.

— Можно бы теперь приступить и къ выбору мировыхъ судей,—предлагаетъ одинъ изъ сторонниковъ Карбонарда, видя его силу и желая ему прислужиться.

Но Карбонардъ возражаетъ, что будетъ гораздо лучше выбирать мировыхъ судей послѣ:

— Многіе помѣщики еще не съѣхались; мы еще не знаемъ, кто хочетъ быть мировымъ судьей, выберемъ—а тѣ станутъ отказываться. Лучше подождать.

— Разумѣется,—подхватилъ Потапенко.

Оппозиція промолчала.

— Вы хорошо понимаете, чтó здѣсь дѣлается?—спрашивалъ Кольскій Воскресенскую, сдѣлавшуюся одной изъ самыхъ аккуратныхъ посѣтительницъ земскаго собранія.

— Не совсѣмъ. Для чего спѣшили такъ выборомъ членовъ управы, и почему теперь откладываютъ выборы мировыхъ судей?

— Во-первыхъ, потому, что управа интересуетъ ихъ больше, нежели мировые судьи: здѣсь замѣшаны ихъ постоянные интересы, а тамъ случайные. Собраніе въ настоящую минуту состав-

лено и настроено именно такъ, какъ имъ нужно для желанныхъ выборовъ. Кромѣ того, такимъ благопріятнымъ расположеніемъ собранія они спѣшатъ воспользоваться для того, чтобы провести еще нѣсколько интересующихъ ихъ вопросовъ. Къ выбору же мировыхъ судей имъ хочется приступить, когда половина гласныхъ разъѣдется.

— Кому это—имъ?

— Карбонарду и Потапенко.

— Почему же они не воспользуются своимъ вліяніемъ, чтобы выбрать и мировыхъ судей по своему вкусу?

— Они имъ и воспользуются, но для этого нужно выждать время. Кандидаты, любезные имъ, таковы, что если ихъ предложить теперь, они возбудятъ неудержимый хохотъ. Съ другой стороны, вотъ эта сѣрая братія, такъ послушно подающая голосъ за того или другого предсѣдателя управы — чтó ни попъ, то батька—иначе отнесется къ выбору мирового судьи. Поэтому-то и нужно подождать, пока и ихъ поубавится, а они разбѣгутся тотчасъ, какъ только «позволятъ», да и вообще разойдутся тѣ, кто прямо въ выборахъ не заинтересованъ. Останутся или кандидаты на эту должность, или ихъ покровители и сторонники. Начнутся выборы. Всѣ сколько-нибудь годные на эту должность окажутся забаллотированными, потому что каждый баллотирующій, кладя черный шаръ, тѣмъ самымъ думаетъ очистить дорогу себѣ или своему. Когда наконецъ баллотировка кончится, всѣ аспиранты пожрутъ другъ друга, и окажется, что число выбранныхъ далеко не полно; тогда-то ловкіе дѣятели и подсунутъ своихъ кандидатовъ, которые до сихъ поръ сидѣли въ какой-нибудь щели и носу не показывали. «Такъ и такъ, молъ—судей недостаетъ; стыдъ и срамъ не найти ихъ у себя. Есть еще, правда, нѣсколько человѣкъ, да не знаемъ, пойдутъ ли. Иванъ Ивановичъ, Петръ Петровичъ! согласитесь пожалуйста». Иванъ Ивановичъ и Петръ Петровичъ соглашаются, и ихъ выбираютъ отчасти по необходимости, отчасти съ досады: «меня, молъ, не выбрали, такъ пусть же будетъ у васъ такой судья, за котораго сами станете краснѣть». Потомъ дѣйствительно весь уѣздъ, а особенно гласные только руками разводятъ: «былъ, молъ, и такой-то и такой-то, а мы навыбирали чортъ знаетъ кого; самимъ гадко». Но послушаемъ, чтó еще будетъ.

Въ это время раздавался звонокъ предсѣдателя. Гласные шумною гурьбою разсаживались по мѣстамъ.

— Въ прошлое собраніе,—обратился съ рѣчью Карбонардъ,— избрана коммиссія, которой поручено разработать вопросъ объ

учрежденіи у насъ прогимназіи. Коммиссія довольно давно уже представила свой докладъ въ управу, и интересущіеся вѣроятно съ нимъ уже познакомились. Коммиссія, какъ и слѣдовало ожидать, высказалась въ пользу учрежденія у насъ реальной прогимназіи. Вамъ извѣстно, господа, мое давнишнее, не разъ высказанное убѣжденіе въ крайней необходимости въ настоящее время реальнаго образованія какъ для всѣхъ вообще, такъ и для нашего края въ особенности. Но, господа, я долженъ сознаться... сказать мимоходомъ, мнѣ очень прискорбно употребленіе этого *но,* повидимому совершенно у насъ неизбѣжнаго, какъ только рѣчь зайдетъ о пользѣ образованія, особенно реальнаго... Но, господа, должно признаться, что для полнаго успѣха этого образованія нужна твердая и испытанная почва. Чѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе отнесемся мы къ дѣлу, тѣмъ вѣрнѣе обезпечимъ ему несомнѣнный успѣхъ. Кто также коротко, какъ я познакомился съ докладомъ коммиссіи, тотъ не можетъ не отдать ей полной справедливости. Поэтому, прежде всего я предлагаю собранію высказать коммиссіи искреннюю признательность собранія какъ за трудъ ея, такъ еще болѣе за вполнѣ успѣшное и раціональное рѣшеніе вопроса. Во-вторыхъ, я предлагаю избрать новую коммиссію, которая, заручившись прекраснымъ трудомъ предшествовавшей, и такимъ образомъ работая, такъ сказать, на твердой почвѣ, могла бы еще всестороннѣе разсмотрѣть вопросъ и подготовить его къ слѣдующему собранію для окончательнаго рѣшенія. Тѣхъ изъ господъ гласныхъ, которые согласны съ моимъ предложеніемъ, прошу встать.

Гласные стали подниматься. Сельскіе гласные однако оставались на своихъ мѣстахъ, очевидно недоумѣвая, въ чемъ дѣло.

— Что же вы!—шепнулъ имъ кто-то сзади,—вставайте! Хоть одинъ годъ еще не придется платить даромъ деньги на какую-то прогимназію.

Они встали.

— Надъ нами смѣются, что-ли?—раздался дикій возгласъ какого-то дикаго липовца лѣвой стороны.

— Вопросъ рѣшенъ!—провозгласилъ Карбонардъ,—и я попросилъ бы собраніе, отдохнувъ четверть часа, перейти къ другимъ очереднымъ вопросамъ.

— Браво, браво! — восхищался Кольскій. — Наши гласные мудры какъ сорокъ Кунктаторовъ вмѣстѣ. Ничѣмъ нельзя больше угодить имъ, какъ предложеніемъ выбрать коммиссію для повѣрки, а главное для всесторонняго, непремѣнно всесторонняго, обсужденія рѣшеній предшествовавшей коммиссіи. Впрочемъ, во

избѣжанія повторенія въ будущемъ году придется предложить уже не коммиссію, а комитетъ. Видно еще не скоро придется намъ поздравить васъ инспекторшей.

— Вѣдь, кажется, реальная прогимназія была любимой мечтой Карбонарда; по крайней мѣрѣ онъ постоянно толковалъ объ этомъ. Почему же онъ теперь отступаетъ?

— Вѣтеръ подулъ съ другой стороны. Почтмейстеръ говоритъ, что на-дняхъ Карбонардъ получилъ два конфиденціальные пакета... Да вѣрно въ этомъ они и съ Потапенко условились: видите ли, какъ эти враги теперь усердно поддерживаютъ другъ друга.

— Но я все-таки не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло: или они дѣйствительно поступаютъ по убѣжденію, или имѣютъ какія-нибудь личныя цѣли, но какія же?

— Неужели вы думаете, что мы, — русскіе вообще, а мы, провинціалы, въ особенности, дѣлаемъ что-нибудь ради убѣжденій или цѣлей, хотя бы и личныхъ? Правда, объ убѣжденіяхъ мы кричимъ много, благо и убѣжденій у насъ всегда пропасть въ запасѣ, благодаря легкому способу составлять ихъ: какой-нибудь несимпатичный или несимпатизирующій намъ Θедоръ Θедоровичъ сболтнулъ, что классическое образованіе въ нѣкоторомъ смыслѣ столбъ—и я распинаюсь за образованіе реальное; или, наоборотъ, пожаловался онъ, что сахаръ дорогъ, потому что пошлина велика, — я становлюсь защитникомъ отечественной промышленности; похвалилъ онъ Каткова, — я громлю лордовъ и изъ кожи лѣзу за меньшую братію. Чтó до цѣлей, то Потапенко знаетъ еще пожалуй, чего хочетъ; Карбонардъ же просто болтаетъ и политика корчитъ.

— Но есть же какое-нибудь средство выдти изъ этого хаоса?

— Какъ не быть; самое вѣрное, не разъ испытанное: стóитъ кого-нибудь кликнуть. Когда-то у насъ порядка не было, — позвали нѣмцевъ, и они разомъ завели столько порядковъ, что мы и сами не рады. Теперь придется позвать если не американцевъ—тѣ, пожалуй, не пойдутъ, какъ ни любятъ насъ,—то хоть чеховъ.

Дѣла не мѣшали бездѣлью; спектакли, концерты и танцовальные вечера смѣняли другъ друга, служа мѣстомъ отдохновенія и дебатовъ липовецкимъ политикамъ. Но Марья Игнатьевна на нихъ не бывала; Воскресенскій заболѣлъ, и она сидѣла дома, несмотря на убѣдительныя, почти назойливыя просьбы Сорокиной, которой удалось-таки вытащить ее на одинъ изъ концертовъ.

— Ну, положимъ, танцовальный вечеръ — я еще согласна, но концертъ—тутъ ужъ рѣшительно нѣтъ ничего такого. Впрочемъ, какъ я недогадлива: я не сообразила, что именно со мною вы и не хотите ѣхать послѣ этой гнусной интриги противъ моего мужа. Да вы и правы: мы въ настоящее время не можемъ защитить васъ; Карбонардъ и Потапенко именно за близость съ нами могутъ надѣлать Николаю Петровичу тысячу непріятностей.

— Что за вздоръ, Александра Петровна!—прервалъ ее Воскресенскій. — Защищать насъ и не отъ кого, и не отъ чего, да и что намъ за дѣло до всѣхъ этихъ дрязгъ. А тебѣ, Маша, въ самомъ дѣлѣ не дурно разсѣяться. Поѣзжай, если только Александра Петровна пообѣщаетъ привезти тебя обратно.

Концертъ былъ удачный, благодаря тому, что догадливый артистъ упросилъ дирекцію клуба назначить послѣ концерта танцы и принялъ на свой счетъ музыку и освѣщеніе. Впрочемъ, и музыкальная часть заслужила одобреніе публики. Чувствительные русскіе романсы, въ родѣ «Матушки-голубушки», вызывали общій восторгъ; особенно восхищался уланскій полковникъ, длинный, рыжій баронъ изъ остзейцевъ. По-русски онъ зналъ не лучше того статскаго совѣтника русской службы, который не могъ попасть въ присяжные по незнанію русскаго языка, но, какъ и всѣ наши нѣмцы, былъ большой русскій патріотъ и покровитель отечественныхъ дарованій,—если не Глинки, то Варламова. «Прифосхотно, прифосхотно!» приговаривалъ онъ, поднявъ голову и вытянувъ впередъ губы, что должно было изображать крайнюю степень упоенія. Бѣлокурый адъютантъ почтительно кланялся.

Воскресенскую общество встрѣтило съ замѣтнымъ оживленіемъ: дамы косились и перешептывались, мужчины поспѣшно раскланивались. Рыжій полковникъ, считавшій себя почему-то петербуржцемъ и потому позволявшій себѣ быть нахальнымъ, лорнировалъ ее въ двухъ шагахъ, склонивъ немного голову въ сторону что-то шептавшаго ему адъютанта. Карбонардъ и Кольскій подсѣли къ ней въ первомъ антрактѣ; Паловцевъ вертѣлся все время возлѣ, не смѣя подойти. Самъ Потапенко не преминулъ освѣдомиться о здоровьѣ Николая Петровича, выразилъ удивленіе къ терпѣнію, съ которымъ она слѣдитъ за ходомъ земскаго собранія, и заявилъ желаніе, чтобы такое же вниманіе къ общественному дѣлу явилось и у другихъ дамъ. Братецъ-гусаръ былъ, разумѣется, здѣсь же. Сидя рядомъ съ Воскресенской, онъ краснѣлъ и волновался, побрякивалъ шпорами, крутилъ усы, но не могъ придумать ни одной фразы, несмотря на то, что еще дома,

упрашивая сестру привезти Воскресенскую въ концертъ, далъ себѣ слово быть краснорѣчивымъ.

— Вы не были здѣсь въ прошломъ собраніи?—нашелся наконецъ спросить онъ.

— Нѣтъ.

— Всѣ объ этомъ очень жалѣли, особенно я и сестра.

— Я очень благодарна Александрѣ Петровнѣ за вниманіе.

— А послѣ-завтра вы будете на вечерѣ?

— Едвали; мужъ нездоровъ, и сегодня только по неотступной просьбѣ Александры Петровны я рѣшилась пріѣхать.

— Позвольте просить васъ на кадриль послѣ концерта.

— Послѣ концерта я тотчасъ уѣду домой.

Несмотря на убѣжденія Карбонарда, Кольскаго, Потапенко и особенно Сорокиной, она дѣйствительно собралась ѣхать.

— Но вы не безпокойтесь, Александра Петровна, я доѣду одна.

— Одну я васъ никакъ не отпущу; чтó сказалъ бы въ такомъ случаѣ Николай Петровичъ! Если позволите, я провожу васъ вмѣстѣ съ братомъ.

Гусаръ звякнулъ шпорами.

Они ѣхали въ фаэтонѣ. Гусаръ помѣщался впереди на скамейкѣ. Ночь была очень хороша—мягкая, нѣсколько прохладная октябрьская ночь, съ ярко-блестящими звѣздами и голубымъ небомъ.

— Что за погода! Не хотите ли проѣхаться немного?

— Я спѣшу домой.

— Мы сейчасъ же вернемся.

Городъ спалъ или казался сроннымъ, только въ двухъ-трехъ окнахъ мерцалъ огонекъ; по дворамъ лаяли собаки, гдѣ-то скрыпѣла телѣга. Разговоръ не клеился. Марья Игнатьевна чувствовала, какъ колѣно гусара нѣсколько разъ слегка дотронулось до ея колѣнъ; онъ подвинулся къ ней, и ноги его сжали ея ногу, его рука искала ея руки.

Да простятъ намъ благонравные критики: на одно мгновенье ее всю обдало жгучимъ чувствомъ томящей страсти, но только на мгновенье; затѣмъ, это нехитрое ухаживанье, со всею его подготовкой, показалось ей отвратительно до омерзѣнія.

— Мнѣ холодно, прикажите ѣхать домой,—сказала она такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Сорокина не противорѣчила.

— Иванъ Петровичъ! вы мнѣ мнёте платье и отдавили ногу,—обратилась Марья Игнатьевна къ гусару.

— Какой ты неловкій, Жанъ; садись ко мнѣ поближе,—замѣтила Сорокина.

У воротъ училища Воскресенская сухо простилась съ Сорокиной и едва кивнула головой гусару.

— Ради Бога, что съ вами вчера сдѣлалось?—заботливо спрашивала на другой день Сорокина, явившись утромъ къ Воскресенской.—Въ чемъ провинился передъ вами бѣдный братъ мой? Онъ въ отчаяніи; онъ самъ хотѣлъ пріѣхать просить у васъ прощенія, но не посмѣлъ.

— И хорошо сдѣлалъ, такъ какъ я его ни въ чемъ не обвиняю. Но мы при каждой встрѣчѣ только и говоримъ, что о вашемъ братѣ. Это, наконецъ, можетъ вывести изъ терпѣнія.... Ивана Петровича. Однако, извините, двѣнадцатый часъ, я собираюсь въ земское собраніе.

— Не хотите ли, я довезу васъ?

— Благодарю васъ, но я обѣщала зайти къ Гавриловой, мы идемъ вмѣстѣ съ нею.

Липовцы принимали мало по-малу свой обычный будничный видъ. Ярмарочная площадь пустѣла: наскоро уложивъ товары, купцы спѣшили въ сосѣдній городъ на новую ярмарку. Спектакли въ театрѣ прекратились по несостоятельности антрепренера, который, несмотря на очень хорошіе сборы, не доплатилъ жалованья труппѣ и скрылся неизвѣстно куда. Актеры попробовали-было дать спектакль отъ себя, но неудачно, и они разбрелись искать новыхъ кондицій, за исключеніемъ нѣсколькихъ актрисъ, нашедшихъ себѣ временный пріютъ у гостепріимныхъ сыновъ Марса.

Земское собраніе кончилось и гласные разъѣхались: одни на собраніе въ губернскій городъ, другіе въ Кіевъ или Одессу, третьи по деревнямъ или на ближайшую ярмарку, съ надеждой реванша на зеленомъ полѣ. Лихія офицерскія тройки рѣже и рѣже катились по опустѣлымъ улицамъ; рѣже бряцали плѣнительныя шпоры, рѣже какой-нибудь прекрасной, но томящейся одиночествомъ липовянкѣ удавалось замѣтить изъ окна красиво-нафабренные молодецкіе усики. По улицамъ скрипѣли нагруженные пшеницею возы, переваливался тяжелою поступью малоруссъ въ свиткѣ и бараньей шапкѣ, или мелькала растрепанная и тощая фигурка вѣчно торопящагося еврея.

Скука царила въ Липовцахъ. Семейные вечера, дававшіеся два или три раза въ мѣсяцъ въ общественномъ клубѣ, были скромны и немноголюдны. Ихъ посѣщалъ только мелкій людъ: семейства мѣстныхъ купцовъ, незначительныхъ чиновниковъ и бѣдныхъ землевладѣльцевъ. Липовецкій фешіенъ, и особенно жен-

скаго пола, презрительно ихъ игнорировалъ. Въ Липовцахъ во всей красѣ ея наступала та аркадски счастливая жизнь, которая заставляетъ жалѣть о томъ, что человѣкъ не можетъ спать по пятнадцати часовъ въ сутки. Пошли дожди; улицы обратились въ сердито-журчащіе ручьи, а площади въ топкія болота. Съ фонаремъ въ рукахъ и съ геройской рѣшимостью въ сердцѣ, тяжело шлепая по жидкой грязи, мужское населеніе Липовецъ, едва наступалъ вечеръ, шло искать гдѣ-нибудь пріюта отъ одуряющей скуки, и находило его обыкновенно въ клубѣ, гдѣ тотчасъ же и усаживались за преферансъ или мушку, между тѣмъ какъ населеніе женское, собравшись у кого-нибудь тѣснымъ кружкомъ, отводило душу въ вѣчно занимательныхъ разговорахъ о томъ, въ которомъ часу ночи видѣли надняхъ Кольскаго у калитки какой-нибудь Прасковьи Венедиктовны, или сколько дней Залѣская съ дочерью гостила у Карбонарда. На Воскресенской нерѣдко останавливалось вниманіе этихъ дамскихъ комитетовъ общественной нравственности.

— Боже ты мой, что это за кокетка!—говорила въ одномъ изъ такихъ кружковъ высокая и худая жена Потапенко, счастливая мать пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое тутъ же вертѣлись у ея подола,—кому только она не строитъ глазокъ: и Карбонарду, и Кольскому, и Паловцеву, и гусарамъ, — даже моему мужу.

— А вы слышали,—прервала другая,—съ Сорокиной у нея цѣлая исторія вышла. Она до того явно стала вести съ ея братомъ всякія шуры да амуры, что даже и ту въ краску бросило. Они почти цѣлый день не разставались: утромъ въ земскомъ собраніи, вечеромъ или въ клубѣ, или кататься за-городъ ѣздили; у Сорокиныхъ за это время она просто пороги отбила. Такъ что уже сама Александра Петровна не вытерпѣла: начисто объявила Воскресенской, что если это будетъ продолжаться, то она все разскажетъ ея мужу, потому что не хочетъ за нее попасть потомъ въ исторію. Мнѣ объ этомъ тогда же сама Александра Петровна разсказала.

— Впрочемъ, и то сказать: она женщина молодая, а мужъ у нея—только слава, что мужъ.

— Они и живутъ врозь, мнѣ ихъ кухарка сказывала: онъ себѣ въ кабинетѣ, а она совсѣмъ въ другомъ концѣ.

— Вѣдь есть же мужья колпаки такіе, которые не видятъ, что у нихъ подъ носомъ творится.

— А что проку видѣть-то? Да у нихъ, чай, такая круговая

порука заведена: небось, самъ съ молоду чужими женами пользовался, за то теперь и своей, пожалуй, готовъ поступиться.

— Воскресенская и Паловцева совсѣмъ у Залѣской отбила.

— Залѣская опять въ милость къ Каборнарду попала.

— А пари у Кольскаго съ Карбонардомъ чѣмъ кончилось? Кто изъ нихъ выигралъ?

— Должно быть оба выиграли, такъ при своемъ и остались.

Для Воскресенской опять началась жизнь, похожая на ту, какую она вела въ Архангельскѣ. Напоивъ утромъ мужа чаемъ и проводивъ его на службу, она заказывала завтракъ и обѣдъ, одѣвалась и потомъ ходила изъ угла въ уголъ, или перебирала до-нельзя надоѣвшія книжки журналовъ. Къ завтраку приходилъ мужъ съ кѣмъ-нибудь изъ учителей, чаще всего со священникомъ, и между ними завязывался разговоръ о какомъ-нибудь новомъ распоряженіи попечителя или директора; затѣмъ, до обѣда она оставалась снова одна съ книгами и безконечными думами. Въ будни рѣдко кто заходилъ къ нимъ въ это время, только разъ или два въ недѣлю являлся неизбѣжный Паловцевъ съ только-что полученной книжкой журнала или свѣжей новостью.

— Я вамъ не помѣшалъ?—спрашивалъ онъ, раскланиваясь.

— Нисколько. Сдѣлайте одолженіе, садитесь.

— Я шелъ мимо и зашелъ узнать о здоровьѣ Николая Петровича.

— Ему гораздо лучше. А вы изъ управы?

— Да... нѣтъ, у насъ сегодня въ управѣ нѣтъ занятій, никого нѣтъ: Василій Васильевичъ уѣхалъ смѣту составлять, — на Быковой-Балкѣ мостъ сорвало.

— Это тотъ мостъ, на который столько денегъ вышло и о которомъ такъ много толковали въ собраніи?

— Да.

— Но его весной только-что кончили, самъ же Василій Васильевичъ его и строилъ.

— Да, но теперь его снесло водою.

— Не хотите ли кофе?

— Благодарю васъ, мнѣ некогда.... А вы слышали, чтó случилось съ Александрой Петровной?

— Нѣтъ, ничего не слышала.

— Она поссорилась съ мужемъ за Кольскаго, взяла дѣтей и переѣхала къ матери. Данило Данилычъ пошелъ-было туда, но его не пустили. Онъ хочетъ подавать жалобу въ судъ и со-

бирается выписать изъ Краева адвоката. Нужно признаться, что Александра Петровна кругомъ виновата передъ Даниломъ Данилычемъ...

— Какой вы строгій судья; это не потому ли, что, какъ говорятъ, вы сами недавно очень усердно, но неудачно за ней ухаживали?

— Ахъ, ей-Богу неправда! Это все Ольга Платоновна выдумала, за то, что въ маскарадѣ я какъ-то угостилъ Александру Петровну мороженымъ, а ее нѣтъ. Ради Бога не вѣрьте. Это все равно, какъ она теперь и про васъ выдумываетъ за то, что я не подалъ ей тогда лимонаду; она говоритъ, будто...

— Постойте, постойте; я ужъ замѣчала вамъ, какой вы опасный человѣкъ, а теперь должна признаться, что откровенность къ вамъ вовсе нейдетъ, вы такой сосредоточенный. Разскажите лучше, чтó вы читали новаго въ газетахъ?

Приходилъ мужъ изъ училища, и если заставалъ Паловцева, то морщился, сухо кланялся съ гостемъ, удалялся въ свою комнату, за обѣдомъ дулся и молчалъ, а послѣ обѣда снова уходилъ къ себѣ. Нѣсколько часовъ до вечера Марья Игнатьевна проводила съ Гавриловой за работой или за чтеніемъ. Вечеромъ собиралась обычная компанія: два-три учителя съ женами, иногда Потапенко, изрѣдка Кольскій, бóльшую часть времени проводившій или въ уѣздѣ, или въ Одессѣ, куда его вызывали какъ свидѣтеля по дѣлу открытой имъ шайки дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій. Разговоръ шелъ о предметахъ учебнаго міра, о преимуществѣ классическаго или реальнаго образованія, съ ссылками на подлежащіе журналы и газеты. Но даже и эта, въ то время животрепещущая тэма, отъ частаго повторенія, заставляла зѣвать самыхъ завзятыхъ спорщиковъ, и бесѣда шла оживленнѣе только въ тѣ дни, когда получался номеръ Краевской или Одесской газеты съ обличительною статьей, касающеюся Липовецъ.

— А каково отдѣлали нашу больницу, да и Карбонарду порядкомъ досталось; на Залѣсскую очень остроумно намекнули.

— Любопытно бы знать, кто это писалъ; подписано: «Проѣзжій», но это вздоръ, у насъ и проѣзжихъ никакихъ не бываетъ.

— Алексѣевъ писалъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— Я отъ него слышалъ одну фразу, которая и въ статьѣ есть.

— Какая фраза?

— Да вотъ у меня есть газета съ собою. «Не можетъ же

либералъ не поднять ноги тамъ, гдѣ поднялъ ее передъ его носомъ другой». Да и вся статья гладко написана,—кромѣ Алексѣева некому.

— Ну вотъ, нашли доказательства: фразу эту и Алексѣевъ, и авторъ статьи могли вычитать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а что гладко написана, такъ въ редакціи поправили. А пожалуй, что и Алексѣевъ, онъ что-то больно за Залѣской ухаживалъ,—такъ съ досады.

Впрочемъ, и интересные разговоры скоро прекращались, и собесѣдники усаживались за вистъ или ералашъ, а Марья Игнатьевна, полудремля, слушала безконечные разсказы какой-нибудь чадолюбивой маменьки о томъ, какъ у Пети рѣзались зубы.

Съ Сорокиной Марья Игнатьевна не видѣлась; Залѣская также давно у нихъ не была, но наконецъ какъ-то въ праздникъ заѣхала съ короткимъ визитомъ въ коляскѣ Карбонарда.

— Ахъ, ma chère, сколько времени мы съ вами не видѣлись, а я давно уже собираюсь къ вамъ между прочимъ и для того, чтобы заявить, какъ гнусна сплетня, распущенная о васъ Сорокиной, и какъ мало придаемъ мы ей значенія; для этого мы слишкомъ хорошо знаемъ и Сорокину, и ея брата.

— Какая сплетня, чтó такое?

— А вы не знаете? Ахъ, pardon, какая же я неосторожная! Я думала, что вамъ извѣстно, объ этомъ говоритъ весь городъ.

— Но въ чемъ же дѣло, наконецъ?—спросилъ нетерпѣливо Воскресенскій.

— Извините, но право, мнѣ не хотѣлось бы быть сплетницей; я и такъ уже наказана за свою неосторожность... Да, я забыла сказать вамъ, порадуйтесь за насъ: вчера мы получили письмо отъ Карбонарда изъ Одессы; онъ увѣдомляетъ, что мужу уже послано оффиціальное предложеніе мѣста въ одесской городской больницѣ, и есть надежда, что мы скоро разстанемся съ прелестными Липовцами. Кстати, чтó вы, все о нихъ такого же хорошаго мнѣнія, какъ и прежде?

— Все такого же, несмотря даже на существованіе сплетницъ, ѣздящихъ изъ дома въ домъ со вздорными вѣстями,—рѣзко сказалъ Воскресенскій.

— Очень рада за васъ; но позвольте проститься съ вами, мнѣ нужно еще заѣхать къ Сорокиной.

— О чемъ это она болтала? Какая сплетня?—спросилъ Воскресенскій жену.

— Не знаю.

— Но было же что-нибудь.

— Было то, что Сорокина слишкомъ настойчиво навязывала мнѣ своего брата съ его любезностями, и я дала ей понять, что не желаю продолжать съ нею знакомства.

— Почему же ты ничего не сказала мнѣ объ этомъ.

— Я не считала нужнымъ говорить о такомъ вздорѣ.

— Но ты видишь, къ какимъ сценамъ приводитъ этотъ вздоръ. Да и такъ ли еще!

Воскресенскій, разсерженный, вышелъ изъ комнаты.

— Подумайте хоть вы за меня, чтó мнѣ дѣлать; я пропадаю съ тоски, — говорила чрезъ нѣсколько дней Воскресенская Гавриловой.

— Влюбиться,—отвѣчала, улыбаясь, Гаврилова.

— Развѣ въ Паловцева, чтобы по крайней мѣрѣ не даромъ Залѣская гнѣвалась... Но право, я не шутя вамъ завидую въ томъ, что у васъ будетъ дѣло.

— Я думала—въ другомъ; что же касается до дѣла, то вѣдь это будетъ только приготовленіе къ нему; да и будто ужъ акушерство такъ заманчиво.

— Все-таки это нѣчто опредѣленное; вы будете имѣть хоть какое-нибудь положеніе, и можете ни отъ кого не зависѣть.

— Зависѣть я буду, такъ какъ вы знаете, что я выхожу замужъ; да и не гонюсь за независимостью, еслибы даже она и была возможна. Когда-то и я о ней мечтала, и вотъ стала совершенно независима: у меня нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ; надняхъ продамъ домъ и у меня будетъ достаточно денегъ, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ; потомъ надѣюсь ихъ заработывать,—а между тѣмъ, признаюсь вамъ, я не дождусь дня, когда мнѣ снова придется отказаться отъ этой независимости.

— То-есть, вы просто любите вашего жениха.

— Но гдѣ любовь и бракъ, тамъ и зависимость.

— Да и я не говорю о такой независимости, при которой мнѣ ни до чего не было бы дѣла. Независимостію я называю такое положеніе, въ которомъ знаешь, что чужой капризъ не заставитъ тебя отказаться отъ желаній, самыхъ безобидныхъ; что имѣешь право думать и чувствовать такъ, какъ думается и чувствуется; знаешь, что ты не раба, которая молча должна глотать обиды и оскорбленія.

— Но въ этомъ отношеніи и положеніе мужчинъ не лучше нашего; и они не могутъ думать и чувствовать, чтó хотятъ; имъ

также приходится подчиняться чужимъ капризамъ и молча терпѣть обиды и оскорбленія изъ-за куска хлѣба, о которомъ часто они заботятся вдобавокъ не столько для себя, сколько для насъ же.

— Мужчина знаетъ по крайней мѣрѣ, что этотъ кусокъ хлѣба вполнѣ его, а женщина и въ этомъ должна считать себя обязанною.

— Почему же? Если она хозяйка, особенно если она мать, и смотритъ за дѣтьми, то заработываетъ по крайней мѣрѣ столько, сколько заработала бы на ея мѣстѣ ключница и нянька, — значитъ, живетъ не на чужой счетъ.

— Но ужъ и то, что женщина должна быть только ключницей и нянькой, не кажется вамъ унизительнымъ?

— Вы берете крайность. Для чего быть непремѣнно только ключницей и нянькой, если можно заниматься еще чѣмъ-нибудь другимъ? На вашемъ мѣстѣ я непремѣнно постаралась бы занять мѣсто учительницы въ здѣшнемъ училищѣ, а современемъ и начальницы.

— Но вы видите, что мужъ этого не хочетъ.

— Мнѣ кажется, что вы сами пока не очень этого хотѣли, хотя много говорили и спорили объ этомъ. Вѣдь вамъ нужно еще подготовиться и держать экзаменъ. Примитесь за дѣло, и вы увидите, что вашъ мужъ самъ же будетъ помогать вамъ.

— Да, пока, — а когда придется ѣхать держать экзаменъ или опредѣляться на мѣсто, онъ опять станетъ находить препятствія.

— Едва ли, такъ какъ въ сущности онъ ничего не можетъ имѣть противъ этого. Правда, мужчины слишкомъ самолюбивы и любятъ видѣть себя во всемъ творцами, но мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи не грѣхъ и уступить: обратитесь къ мужу за совѣтомъ и помощью, и онъ самъ же все это вамъ устроитъ.

— Видите ли, я должна хитрить, поддѣлываться, просить совѣта и помощи, когда мнѣ не нужно ни того, ни другого, въ дѣлѣ, которое касается главнымъ образомъ меня.

— Ну, а мужъ вашъ никогда не совѣтовался съ вами, не спрашивалъ вашего мнѣнія о томъ, чтó касалось исключительно его?

— Сейчасъ видно, что вы собираетесь замужъ; оттого-то вы такъ и благодушны къ мужьямъ, и видите все въ розовомъ свѣтѣ.

— Мнѣ очень жаль, что вамъ все это кажется слишкомъ

чернымъ. Вашъ мужъ всего менѣе похожъ на тирана, и право, только отъ нечего дѣлать вы создаете себѣ разныя бѣды.

— Бѣда въ безправьѣ. Бѣда въ томъ, что я не принадлежу себѣ, что я не только не вольна въ своихъ поступкахъ, не только вещь, которую по произволу можно оторвать отъ всего и увезти за тридевять земель,—но я не вольна въ своихъ словахъ, не вольна въ мысляхъ. Какъ собака, привыкшая къ ошейнику, какъ рабъ, чувствующій себя неловко безъ колодки, я сама готова считать проступкомъ мысль, невольно забредшую въ голову, преступленіемъ — откровенный разговоръ въ родѣ этого. Бѣда въ томъ, что мнѣ душно, что я задыхаюсь. Я—живая; я не могу и не хочу быть прикованною къ трупу или за-живо погребенною.

Воскресенская зарыдала. Гаврилова взяла ее за руку и обняла ее.

— Успокойтесь, Марья Игнатьевна, — говорила она:—ваша жизнь еще впереди, и вы испытаете еще много радостей и много горя. Избытокъ ощущеній, быть можетъ, будетъ томить васъ современемъ такъ же, какъ томитъ теперь ихъ недостатокъ, и вы пожалѣете о мирной жизни, которая кажется вамъ столь ужасною. Назовемъ пока бѣду ея настоящимъ именемъ — скукой, и постараемся какъ-нибудь помочь ей. Я разузнáю въ Краевѣ, какъ и когда можно вамъ держать экзаменъ, и пришлю книги, какія нужны. Потомъ вы и сами ко мнѣ пріѣдете. Не забудьте, что вы дали мнѣ слово непремѣнно быть у меня на свадьбѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гавриловой уѣзжалъ изъ Липовецъ и Кольскій. Часовъ въ одиннадцать утра онъ пришелъ къ Воскресенскимъ.

— Я пришелъ къ вамъ проститься, — говорилъ онъ Марьѣ Игнатьевнѣ,—и очень радъ, что засталъ васъ одну; правду сказать, на это я немножко и разсчитывалъ.

— Вы снова ѣдете, и на долго?

— Собственно я ѣду на мѣсяцъ, въ отпускъ, въ Петербургъ, но думаю, что сюда уже не вернусь, а останусь или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Изгнаніе мое, кажется, кончается,—дѣло о фальшивыхъ бумажкахъ помогло. Но право, мнѣ и думать не хочется, что мы съ вами если и встрѣтимся, то не скоро.

— Я сама искренно жалѣю объ этомъ.

— Какимъ тономъ вы это говорите! Точно олимпійская богиня, которая и не прочь бросить милостыню нашему брату

грѣшному смертному, но которой въ сущности мало дѣла до нашихъ печалей и радостей... Смѣйтесь надо мною, сколько хотите, но, право, я снова готовъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, разсыпаться предъ вами пылкимъ признаньемъ.

— Дурная привычка. Я думаю, безъ двухъ-трехъ признаній въ недѣлю вы умерли бы отъ скуки.

— Вы угадали. Но мнѣ хотѣлось поговорить съ вами не столько о себѣ, сколько о васъ. Вы позволите мнѣ быть совершенно откровеннымъ.

— До сихъ поръ вы обходились, кажется, въ этомъ безъ особенныхъ позволеній.

— Вамъ хочется дать мнѣ урокъ терпѣнья. Богъ съ вами, на прощаньи не стану ссориться... но серьёзно, скажите мнѣ, чтó вы намѣрены съ собою дѣлать?

— Какъ это? Я не понимаю вопроса.

— Не могу же я думать, что вся ваша жизнь должна пройти въ этомъ захолустьѣ, среди Карбонардовъ, Паловцевыхъ, Залѣскихъ и Сорокиныхъ. Надѣетесь же вы на что-нибудь лучшее?

— На чтò и какимъ образомъ могу я надѣяться?

— Простите, если я коснусь предмета, быть можетъ, очень щекотливаго. Вашъ мужъ боленъ весьма серьёзно, и долго прожить не можетъ; вы должны къ этому приготовиться. Чтó будетъ съ вами въ случаѣ его смерти, чтó вы имѣете въ виду?

— Для чего вы спрашиваете меня о томъ, на чтò, какъ вы сами понимаете, мнѣ нечего вамъ отвѣтить. Что это? Привычка ли непрошенно забираться въ чужую душу и безцеремонно копошиться въ ней?—въ такомъ случаѣ избавьте меня отъ удовольствія помогать вамъ въ этомъ; или слова ваши имѣютъ цѣль, и вы дѣйствительно хотите и можете сказать что-нибудь для меня полезное?

— Изъ разговора съ вами я и хотѣлъ выяснить, нельзя ли чего-нибудь придумать; но меня прежде всего поражаетъ горечь вашихъ словъ и тѣхъ чувствъ, которыми эти слова вызваны.

— Только-то! и вы вѣроятно думали подсластить эти чувства вашими признаніями и вопросами. Если вы не пятнадцатилѣтній мальчикъ, вамъ пора бы знать, что не слѣдуетъ такъ легкомысленно играть постоянно словами. Вамъ угодно моей откровенности, — извольте, я буду откровенна и о себѣ, и о васъ. Вы хотите знать, люблю ли я мужа?—Нѣтъ. Буду ли жалѣть о его смерти?—Снова нѣтъ и нѣтъ, хотя и стану ходить за нимъ до послѣдней минуты. Чтó будетъ со мною затѣмъ, не знаю; знаю только одно, что не буду мухой, которая легко позволила

бы проглотить себя какому-нибудь пауку, называйся этотъ паукъ Карбонардомъ или Кольскимъ. Теперь о васъ. Вы показывали мнѣ постоянно расположеніе и дружбу; я ей всегда вѣрила: вы слишкомъ умны для того, чтобы не быть въ сущности добрымъ. Но положиться серьёзно въ чемъ-нибудь на вашу дружбу я никогда не думала: вы одинъ изъ тѣхъ людей, пріязнь которыхъ опаснѣе вражды. Но ваши отношенія ко мнѣ опредѣляются не одною дружбой. Васъ интересуетъ моя будущность, признайтесь, положа руку на сердце: если бы я была вашей любовницей, вы покидали бы меня съ меньшей заботой и васъ не очень занималъ бы вопросъ о томъ, кому я достанусь, Карбонарду или Паловцеву. Но теперь васъ точно преслѣдуетъ угрызеніе совѣсти: вы видите, что женщина отъ васъ ускользаетъ, и хотите по крайней мѣрѣ подчинить себѣ ея мечты и надежды; не успѣвъ увлечь ее, вы готовы даже проповѣдывать ей добродѣтель въ отношеніи къ другимъ ловеласамъ вашего покроя... Но, повторяю, вашей дружбѣ, подъ условіемъ, впрочемъ, не класть вамъ пальца въ ротъ, я вѣрю, и въ благодарность за нее успокою ваше самолюбіе: если вы держали пари не съ однимъ Карбонардомъ, а также и съ другими пріятелями на всѣхъ вашихъ сѣрыхъ,—можете ѣхать покойно: сѣрые останутся при васъ, но и вороные вашихъ друзей ни въ какомъ случаѣ не подвергались и не подвергнутся ни малѣйшей опасности. Вотъ вамъ мое вполнѣ откровенное признаніе.

— Я не прерывалъ васъ, и очень радъ, что вы подъ конецъ развеселились, хотя и на мой счетъ, и готовъ въ сотый разъ повторить, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Правду сказать, я никакъ не думалъ, что своими вопросами, въ сущности вовсе не такими коварными, какъ это вамъ показалось, заслужу такую горячую филиппику, но готовъ признаться, что во многомъ на мой счетъ вы правы. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что еслибы вы были моей женою, никто лучше меня не цѣнилъ бы васъ, но это не помѣшало бы мнѣ, пожалуй, измѣнить вамъ ради Залѣской или Сорокиной. Да будутъ же сохранны вороные и сѣрые, и на томъ простимся.

— Подождите Николая Петровича, онъ сейчасъ придетъ... да вотъ, онъ и идетъ ужъ кстати.

— Мужья приходятъ всегда кстати, какъ разъ во́-время, чтобы не слышать того, чего имъ слышать не слѣдуетъ.

Такъ мало-по-малу пустѣли для Воскресенской Липовцы, и ей почти не съ кѣмъ было обмѣняться словомъ. Мужъ постоянно хворалъ и день ото-дня становился капризнѣе и подозрительнѣе. Присутствія постороннихъ онъ не выносилъ: Карбонардъ, Паловцевъ, Потапенко одинаково поднимали въ его душѣ цѣлую бурю сомнѣній и ревности. Онъ ничего не говорилъ женѣ, но его неотступный взоръ тяжело ее преслѣдовалъ. Пересуды досужихъ кумушекъ, постоянно доходившіе до него то подъ видомъ наивной болтовни, то дружескаго предостереженія или негодованія, еще болѣе раздражали его. Жизнь Воскресенской сдѣлалась невыносимой.

— Эхъ барыня, барыня!—говорилъ ей какъ-то Карбонардъ,—скучаемъ мы съ вами. Чтó дѣлать: плохъ нашъ городишко! Ну, да не только свѣту, что въ окно. Вотъ, Богъ дастъ, лѣто придетъ, — пусть Николай Петровичъ и не думаетъ провести его здѣсь: въ Крымъ его, на кумысъ. У меня есть маленькое имѣніе возлѣ Алушты; доходу оно даетъ столько, что на жалованье прикащику не хватаетъ, но зато есть пріютъ, гдѣ иногда съ удовольствіемъ можно провести лѣто, а особенно осень. Какъ засадимъ мы тамъ Николая Петровича на виноградъ да баранину, онъ у насъ на десять лѣтъ помолодѣетъ. А природа! Горы да море — Швейцаріи не нужно. Васъ, уроженку сѣвера, она поразитъ особенно, вы и скучать забудете. А то теперь такая работа нашимъ кумушкамъ: не могутъ рѣшить, по комъ вы скучаете: однѣ говорятъ по Гавриловой, другія по Кольскомъ. Ну-ка на ушко: кто изъ нихъ правъ?

— И тѣ, и другія: мнѣ дѣйствительно жаль, что Кольскій уѣхалъ. Это былъ единственный у насъ человѣкъ, отъ котораго можно было услышать живое слово.

— Спасибо за то, что насъ не балуете. Впрочемъ, такимъ сорванцамъ, какъ Кольскій, всегда у женщинъ везетъ. По немъ, говорятъ, и жена его соскучилась и выпросила ему прощеніе чрезъ своихъ вліятельныхъ дядюшекъ, и онъ, глядите, кàкъ въ гору пойдетъ. Только едва ли надолго; натура ужъ слишкомъ цыганская, опять накуролеситъ. А Гаврилова замужъ выходитъ за бывшаго нашего слѣдователя, Соколова; вы, я слышалъ, на свадьбу къ ней собираетесь?

— Да, она взяла съ меня слово, что я къ ней непремѣнно пріѣду.

— А когда свадьба?

— Въ началѣ января.

— Жаль, что нужно въ Москву ѣхать, а то бы вмѣстѣ от-

правились. Впрочемъ, я къ тому времени и успѣю еще вернуться въ Краевъ; съ матушкой кстати васъ познакомлю. На свадьбѣ потанцуемъ; такъ и быть, и я стариной тряхну. Полноте тосковать, барыня, будетъ еще и на нашей улицѣ праздникъ.

— Да отчего вы думаете, что я тоскую? Я по крайней мѣрѣ этого вовсе не замѣчаю.

— Толкуйте. Посмотрите на себя, на чтò вы похожи. Въ былое время и мы немножко въ медицинѣ мороковали; знаемъ мы эти нервныя натуры, для которыхъ волненье—жизнь, а скука—смерть.

— Я къ вамъ безъ церемоніи на обѣдъ, дорогой Николай Петровичъ, — говорилъ Карбонардъ Воскресенскому, когда тотъ возвратился изъ училища. Пріѣхалъ невзначай изъ деревни, и пользуюсь случаемъ провести съ вами лишній часокъ.

— Милости просимъ, очень радъ.

— А мы тутъ съ Марьей Игнатьевной о васъ толковали. Что вамъ за охота такъ убивать на службѣ свое здоровье? Этимъ, батюшка, никого не удивите. Знаете, чтó бы я вамъ посовѣтовалъ: берите на нѣсколько мѣсяцевъ отпускъ за-границу; земство авось не поскупится выдать вамъ на поѣздку нѣсколько сотенъ; объ этомъ мы ужъ похлопочемъ. Скуки боитесь,—насъ прихватите. Мнѣ и то ужъ, признаться, надоѣло наше сѣрое небо. Вамъ въ такомъ случаѣ и чичероне не будетъ нужно: по этимъ Римамъ да Неаполямъ я въ свое время пошлялся-таки. А, какъ вы думаете? Въ Вѣнѣ съ докторами посовѣтуетесь, весну въ Италіи, на лѣто въ Крымъ. Къ осени такимъ молодцомъ станете, что васъ не узнаешь. Да и Марья Игнатьевна поправится. Самъ-другъ поѣдете, самъ-третей, пожалуй, вернетесь.

Воскресенскій блѣднѣлъ, кусалъ губы и едва сдерживался.

— Благодарю васъ, но на такія путешествія у меня нѣтъ ни времени, ни денегъ, а на чужія я кататься не намѣренъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился Воскресенскій къ женѣ по уходѣ Карбонарда,—не вамъ ли принадлежитъ планъ этихъ блистательныхъ вояжей втроемъ?

— Чтó ты говоришь, Николай Петровичъ!

— Не позавидовали ли вы той роли, какую играетъ при Карбонардѣ Залѣская, а въ былое время играла, какъ говорятъ, и пріятельница ваша, Гаврилова?

— Это низко! — вскричала внѣ себя Воскресенская, выходя изъ комнаты.

Эта первая рѣзкая семейная сцена очень взволновала Воскре-

сенскую. Она цѣлый день проплакала у себя въ комнатѣ; мужъ также просидѣлъ у себя.

— Маша, не сердись пожалуйста за вздоръ, который я наговорилъ тебѣ,—сказалъ онъ женѣ на другой день.—Я боленъ и раздражителенъ, а нахальство этихъ праздныхъ баръ не знаетъ границъ. Если бы ты знала, какая сѣть грязныхъ интригъ и сплетенъ окружаетъ насъ.

Марья Игнатьевна промолчала. Какъ-бы стараясь загладить свою выходку, Воскресенскій нѣсколько дней былъ веселѣе и привѣтливѣе съ женою, но наступившіе праздники съ ихъ визитами и необходимостію принять приглашенія на два-три вечера снова заставляли его дуться, хотя онъ и старался себя сдерживать. Марья Игнатьевна, дома обыкновенно серьёзная и молчаливая, въ обществѣ являлась одушевленною и разговорчивою. Воскресенскій самъ старался убѣдить себя, что это очень естественно, понималъ, что печальный видъ жены былъ бы упрекомъ ему, что въ такомъ случаѣ она имѣла бы видъ жертвы,— но не имѣлъ силы сладить съ тревожнымъ чувствомъ, и, проводя безсонныя ночи, не могъ окончательно рѣшить вопроса, было ли обращеніе жены слѣдствіемъ живого и общительнаго характера, или направленнаго противъ него кокетства.

Но прошли праздники и наступило наконецъ утро, съ котораго мы начали разсказъ.

Къ завтраку Воскресенскій пришелъ съ священникомъ.

— Написала ты Гавриловой о томъ, когда она должна ждать тебя? — спросилъ онъ жену.

— Я не знала, рѣшено ли окончательно, когда я поѣду.

— Да вотъ батюшка говоритъ, что сегодня возвратился изъ Краева дьяконъ, дорогу очистили, нужно ѣхать, пока ее опять не замело; но, правду сказать, мнѣ немного страшно отпускать тебя одну: не лучше ли, какъ я говорилъ, попросить Паловцева проводить тебя.

— Къ чему ты хочешь давать поводъ новымъ сплетнямъ; до Краева менѣе пятнадцати часовъ ѣзды, а если бы что́ и случилось, то Паловцевъ ничему не поможетъ.

— Но кто проводитъ тебя до станціи?

— Я бы могъ свезти Марью Игнатьевну въ своихъ саночкахъ,—предложилъ священникъ, и во всей сохранности усадить въ вагонъ.

— Ну, и прекрасно,—очень вамъ благодаренъ; значитъ, въ среду ты можешь ѣхать.

— Вы съ какимъ поѣздомъ поѣдете?

— Съ вечернимъ, въ семь часовъ, чтобы въ Краевъ пріѣхать утромъ.

Послѣ обѣда, въ среду маленькія санки священника подъѣхали къ крыльцу смотрительскаго дома.

— Ну, съ Богомъ, Маша, прощай, да смотри, пиши же. Не забудь увѣдомить, къ какому дню выслать за тобою экипажъ на станцію.

— Однако не тепло,—говорилъ Марьѣ Игнатьевнѣ священникъ, когда они выѣхали за городъ.—Какъ мететъ, не замело бы опять дороги.

Бодрыя лошадки священника бѣжали быстро, и скоро показался освѣщенный домъ стоявшей среди поля станціи.

— Скоро будетъ поѣздъ?—спрашивалъ священникъ у станціоннаго служителя.

— Не могу знать, должно будетъ, но пока ничего не слышно.

Наступило семь часовъ, прошло восемь, девять,—поѣзда все не было. Въ это время соблаговолилъ наконецъ явиться начальникъ станціи.

— Поѣздъ придетъ черезъ два часа,—объявилъ онъ Воскресенской.

— Отчего онъ такъ опоздалъ?

— Богъ его знаетъ, кажется, подъ Краевомъ дорогу занесло, да должно быть вода въ водокачальняхъ мерзнетъ.

— Ужъ не вернуться ли вамъ лучше,—спросилъ Воскресенскую священникъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, лучше недѣлю просидѣть въ снѣгу среди дороги.

Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ, гремя и сверкая фонарями, къ платформѣ подкатилъ поѣздъ.

Марья Игнатьевна поспѣшила въ вагонъ.

— Такъ до свиданья, — говорилъ ей священникъ:—будьте благополучны, кланяйтесь Надеждѣ Васильевнѣ, да возвращайтесь скорѣе.

Раздался звонокъ, и длинный поѣздъ, мало по-малу ускоряя ходъ, скрылся во мглѣ снѣжной и вѣтряной ночи.

II.

[Изъ записокъ А. В. Вощинникова].

...Болѣе пяти лѣтъ не былъ я въ Москвѣ, успѣвъ въ это время исколесить по крайней мѣрѣ половину Россіи. Наконецъ, судьба снова привела меня въ Бѣлокаменную.

По пріѣздѣ я тотчасъ пустился отыскивать университетскаго товарища и когда-то весьма близкаго пріятеля, Вилантьева, о которомъ давно уже не имѣлъ никакихъ извѣстій. Вначалѣ, по отъѣздѣ моемъ, мы были съ нимъ въ перепискѣ, но вскорѣ, какъ это обыкновенно бываетъ между русскими людьми, переписка становилась отрывочнѣе и наконецъ совсѣмъ прекратилась.

Вилантьева я оставилъ тридцатилѣтнимъ холостякомъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ частныхъ банковъ, получалъ прекрасное содержаніе и былъ на виду, вообще же принадлежалъ къ числу людей, которымъ особенно легко живется на свѣтѣ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, но обладалъ тѣмъ практическимъ складомъ ума, который избавляетъ отъ поползновеній бороться съ вѣтряными мельницами. Въ университетѣ онъ былъ хорошимъ студентомъ и хорошимъ товарищемъ. Отъ студенческихъ исторій, которыхъ было много въ то историческое время, Вилантьевъ старался держаться дальше, но тамъ, гдѣ дѣло было серьёзнѣе, онъ не отставалъ отъ другихъ и по выбору товарищей храбро шелъ депутатомъ въ переговоры съ университетскимъ начальствомъ, выполняя эти порученія съ свойственнымъ ему достоинствомъ и хладнокровіемъ и умѣя безъ особеннаго старанія и безъ задней мысли сохранить и довѣріе товарищей, и хорошее мнѣніе о себѣ начальства. Товарищи не могли не сознаться, что слова и совѣты Вилантьева полны благоразумія, а начальство видѣло, что если Вилантьевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и бунтуетъ, то бунтуетъ самымъ благонамѣреннымъ образомъ, не столько по наклонности къ бунту, сколько по обязанности. По выходѣ изъ университета, Вилантьевъ не утратилъ умѣнья невредимо проходить между Сциллой и Харибдой. По службѣ постоянно аккуратный и исполнительный, онъ однако никогда не грѣшилъ тѣмъ избыткомъ усердія, которое часто, какъ говорятъ, вредитъ дѣлу и постоянно вредитъ дѣльцу. Съ своими патронами по банку онъ держалъ себя съ независимою почтительностію, въ одно и то же время льстившею ихъ самолюбію и удалявшею мысль о какой-нибудь подчиненности.

По убѣжденіямъ, Вилантьевъ былъ оптимистъ,—не настолько, чтобы называть бѣлымъ черное, если оно непрошенно лѣзло въ глаза, но не поставлявшій себѣ въ обязанность непремѣнно всюду его отыскивать; по образу жизни—жуиръ, знавшій толкъ и въ хорошей книгѣ, и въ хорошемъ обѣдѣ. Онъ имѣлъ десятки пріятелей и сотни близкихъ знакомыхъ, и со всѣми оставался въ лучшихъ отношеніяхъ, умѣя снисходить къ людскимъ слабостямъ, хотя и позволяя себѣ иногда добродушно надъ ними подтрунивать.

Знаніе людей и умѣнье ладить съ ними, постоянно бодрствующій здравый смыслъ, веселый характеръ и готовность всегда всѣмъ и каждому оказать услугу—заставляли всѣхъ высоко цѣнить знакомство Вилантьева; а способность усидчиво заняться дѣломъ, схватить его сущность и передать ее въ короткой и понятной рѣчи, нелишенной, когда нужно, остроумія и ироніи, дѣлали его неоцѣнимымъ членомъ разныхъ компаній, обществъ, коммиссій и комитетовъ.

Словомъ, Вилантьевъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, и я искренно любилъ его.

Была и у него маленькая слабость—женщины. Онъ тратилъ на нихъ много времени и много денегъ. Онъ былъ другомъ пяти-шести хорошенькихъ замужнихъ дамъ, за которыми слегка ухаживалъ, и хорошимъ пріятелемъ десятка дѣвицъ, которымъ возилъ конфекты и книги. Но и съ тѣми и съ другими Вилантьевъ держался твердыхъ принциповъ и тщательно избѣгалъ отношеній, которыя могли бы имѣть болѣе или менѣе серьёзныя послѣдствія. Не стѣсняться онъ позволялъ себѣ только съ метрессами своихъ пріятелей—коммерческихъ тузовъ.

Таковъ былъ другъ мой Вилантьевъ пять лѣтъ тому назадъ, такимъ же я разсчитывалъ найти его и теперь. На прежней квартирѣ я уже не засталъ его. «Года два ужъ будетъ, какъ переѣхалъ»,—сказалъ мнѣ дворникъ.

— Куда?

— А вотъ ужъ дома-то не знаю, чей называется. Да какъ поѣдете по Арбату,—первый переулокъ налѣво; на правой рукѣ церковь будетъ, такъ отъ церкви второй домъ, на углу.

Я отыскалъ указанный домъ и позвонилъ у квартиры Вилантьева. Мнѣ отворила дверь пожилая, прилично одѣтая женщина, за платье которой держался прехорошенькій мальчикъ лѣтъ четырехъ.

Вилантьевъ былъ дома и принялъ меня съ распростертыми объятіями. Въ его наружности я не нашелъ почти никакой пере-

мѣны, онъ только раздобрѣлъ немного, но глядѣлъ по прежнему красивымъ мужчиной, съ густыми темными волосами и аккуратно подстриженной бородкой.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, довольно несвязнаго, какъ это обыкновенно бываетъ между людьми когда-то близкими, но долго не видавшимися, я вспомнилъ о встрѣтившемъ меня мальчикѣ.

— Да ты не женатъ ли?—спросилъ я.

— Пока еще нѣтъ, а что?

— Что это у тебя за ребенокъ?

— Сынъ мой, Андрюша.

— Откуда же онъ у тебя? Ты, помнится, и *гражданскихъ* браковъ избѣгалъ такъ же тщательно, какъ и законныхъ.

— Конь о четырехъ ногахъ, и тотъ спотыкается. Это цѣлая исторія. Пойдемъ обѣдать, и я разскажу ее тебѣ, благо ты пріѣхалъ кстати, чтобы принять маленькое участіе въ ея развязкѣ.

— Кушанье подано!—доложила няня.

Мы вышли въ столовую. Вбѣжалъ Андрюша. Сначала, увидѣвъ меня, онъ было смутился, но скоро освоился со мною и сталъ вѣшаться на шею большому водолазу. Вилантьевъ схватилъ его на руки, нѣсколько разъ перевернулъ въ воздухѣ, посадилъ верхомъ на спину сильной и терпѣливой собаки, и затѣмъ отправилъ съ няней обѣдать въ столовую.

Послѣ супа Вилантьевъ началъ разсказъ.

— Если помнишь, мы въ одно время съ тобой выѣхали изъ Москвы; ты на востокъ, я на югъ: правленіе посылало меня въ Одессу и въ Краевъ для ревизіи отдѣленій банка. Это было въ декабрѣ. Покончивъ скоро дѣла въ Одессѣ и съѣздивъ, въ виду наступавшихъ праздниковъ, на нѣсколько дней въ Крымъ, чтобы хоть зимою увидѣть Севастополь, въ началѣ января я долженъ былъ отправиться изъ Одессы въ Краевъ. На бѣду зима въ этотъ годъ стояла снѣжная, мятели не прекращались и дорогу отъ Одессы до Краева то-и-дѣло заносило снѣгомъ, такъ что поѣзды по нѣскольку дней простаивали у какой-нибудь станціи среди пути. Тщетно прождавъ перемѣны погоды, я наконецъ рѣшился ѣхать, улучивъ день, когда, по имѣвшимся въ Одессѣ свѣдѣніямъ, путь до Краева былъ свободенъ. Сначала мы дѣйствительно ѣхали какъ слѣдуетъ, но вскорѣ поѣздъ сталъ опаздывать. На наши разспросы о причинахъ, желѣзнодорожный персоналъ стоически отмалчивался. Наконецъ мы узнали, что гдѣ-то впереди, недалеко отъ Краева, дорогу снова занесло, и насъ везутъ такъ тихо для того, чтобы выиграть время для очистки пути и предупредить

скопленіе многочисленной публики на маленькой станціи, гдѣ, пожалуй, и ѣсть будетъ нечего. На такое объясненіе можно бы возразить много, но приходилось быть благодарнымъ и за него, такъ какъ разговоры съ публикой не входятъ въ программу нашихъ желѣзнодорожныхъ администрацій, особенно одесской. Я радъ былъ бы возвратиться въ Одессу, но обратныхъ поѣздовъ не было. Скука была смертная. Даже поговорить было не съ кѣмъ, потому что въ углу вагона, носившемъ названіе перваго класса, я былъ одинъ. Проклиная дорожные порядки и поплотнѣе закутавшись, я улегся спать.

Проснувшись утромъ и замѣтивъ, что поѣздъ долго не двигается, я хотѣлъ-было пойти отвести душу и съ кѣмъ-нибудь побраниться,—но перемѣнилъ намѣреніе. Дѣло въ томъ, что рядомъ со мною сидѣла молодая и прехорошенькая женщина.

Я ей поклонился, она отвѣчала на поклонъ. Неаккуратность поѣзда служила отличной тэмой для разговора, и мы разговорились. Оказалось, что она жена смотрителя въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ, и ѣдетъ въ Краевъ на свадьбу къ пріятельницѣ. Вскорѣ затѣмъ я узналъ, что у Марьи Игнатьевны нѣтъ дѣтей, что мужъ слишкомъ вдвое старше ея, что въ своихъ Липовцахъ она страшно скучаетъ и, наконецъ понялъ, что въ ней что-то бродитъ. Впрочемъ, въ ней броженье было серьёзнѣе обычнаго броженья многихъ изъ нашихъ барынь въ ихъ поискахъ того —

Кто-бъ имъ помогъ упасть...

— Если судьба дала тебѣ роль Агамемнона,—прервалъ я Вилантьева,—не становись Терситомъ и не клевещи. Повѣствуй, и оставь прокурорамъ доказывать, будто всѣ наши помыслы вокругъ клубнички вертятся.

— Виноватъ, я и забылъ, что на тэму о женскихъ стремленіяхъ ты написалъ когда-то забористую статейку. Продолжаю. Поѣздъ подвигался черепашьимъ шагомъ и времени поговорить было достаточно. Досада ли на снѣгъ и управленіе дороги, голодъ ли,—но я наговорилъ вещей, о которыхъ и теперь не могу вспомнить не краснѣя, но которыя тѣмъ не менѣе произвели эффектъ. На языкъ лѣзло такое, что давно ужъ кануло и сгинуло въ треволненьяхъ жизни сей, и такое, что до этой минуты никогда и не мерещилось. Словомъ, вмѣсто сытаго буржуа, какимъ я былъ въ дѣйствительности, я могъ показаться Марьѣ Игнатьевнѣ Чайльдъ-Гарольдомъ, одержимымъ міровою скорбью. Правда, я скоро спохватился и перешелъ въ другой тонъ, но впечатлѣніе было сдѣлано, и барыня стала видѣть во мнѣ провозвѣстника

любезныхъ ей идей и вѣщателя новыхъ для нея словъ; она слушала меня съ любопытствомъ, въ ея взорахъ свѣтилось участіе.

— Нельзя ли узнать, что это были за слова и за идеи?

— Да тѣ же, которыми и ваша братья безкорыстно вертѣла въ былое время бабьи головы, только въ болѣе удобопонятной формѣ. Должно быть, я и изъ твоей статьи прихватилъ кое-что. Вообще вы, рыцари печальнаго образа, оказали намъ у женщинъ много неоцѣнимыхъ услугъ, и намъ, баранамъ, куда какъ бываетъ привольно щеголять въ вашей львиной шкурѣ.

— Не проглянули бы уши рано или поздно.

— Да мы ихъ и не прячемъ, они драгоцѣннѣйшее наше украшеніе. Благодаря имъ, и своя шкура цѣла, и ваша на плечахъ. Вся задача—однихъ убѣдить въ томъ, что они настоящія, а другихъ заставить думать, что поддѣльныя, и привѣшаны только для отвода глазъ кому слѣдуетъ.

— Впередъ, веселый философъ!

— Такимъ образомъ, мы успѣли уже очень хорошо сойтись съ Марьей Игнатьевной къ тому времени, когда поѣздъ пришелъ на станцію верстахъ въ пятидесяти отъ Краева, гдѣ намъ объявили, что дальше ѣхать нельзя.

— Долго ли поѣздъ простоитъ здѣсь?—спрашивали мы у начальника станціи.

— Пока очистятъ дорогу.

— А когда ее очистятъ?

— Какъ только найдутъ рабочихъ; въ такую погоду никто не хочетъ идти; впрочемъ, теперь и очищать безполезно: опять тотчасъ заноситъ.

— Еще бы найти рабочихъ,—заговорилъ кто-то,—если ихъ постоянно обсчитываютъ: наймутъ рубля по полтора въ день, а потомъ станутъ высчитывать время проѣзда, остановокъ, и заплатятъ по полтиннику. Съ чего-жъ бы и наживаться инженерамъ!

— До Краева недалеко; нельзя ли лошадей нанять?—спросилъ я у начальника.

— Не знаю, это меня не касается,—сухо отвѣчалъ онъ, но тотчасъ прибавилъ:—въ верстѣ отсюда есть село, тамъ, быть можетъ, и найдете.

Я отправилъ въ село одного изъ служителей, и черезъ часъ онъ привелъ мнѣ рыжебородаго еврея Янкеля, который, послѣ долгихъ переговоровъ и безконечной божбы, согласился наконецъ свезти меня въ Краевъ за десять рублей. Я выговорилъ при

этомъ, что къ санямъ онъ приладитъ будку, которая хотя немного защитила бы отъ вѣтра.

— Не возьмете ли вы и меня съ собою?—спросила меня Марья Игнатьевна, когда я сообщилъ ей о своемъ намѣреніи.

— Съ большимъ удовольствіемъ, но я боюсь, нѣтъ ли въ этомъ риска; я мѣстности не знаю и никакой отвѣтственности на себя принять не могу.

— Да если я замерзну, такъ вѣрно и вы тоже; значитъ, и отвѣчать вамъ не придется. Здѣсь же, на станціи, все равно умрешь со скуки.

Часа въ три сани явились. Пассажиры цѣлой гурьбой высыпали на крыльцо провожать насъ, и среди шутливыхъ пожеланій всего хорошаго, мы выѣхали.

Въ полѣ лежалъ глубокій снѣгъ и лошади, едва вытягивая ноги, шли почти шагомъ. Холодный сѣверовосточный вѣтеръ не замедлилъ дать себя почувствовать, особенно моей спутницѣ, одѣтой довольно легко для такой погоды. Я вытащилъ одѣяло, закуталъ ей ноги, прикрылъ ее пледомъ, и она скоро согрѣлась.

Намъ весело болталось. Марья Игнатьевна разсказывала мнѣ о своей жизни въ Липовцахъ, о тамошнихъ дѣлахъ и людяхъ. Я засматривался на ея выразительное личико и забылъ и о мятели, и о дорогѣ. Между тѣмъ вспомнить о томъ и о другомъ было давно пора: нашъ Янкель давно уже какъ-то неодобрительно покрякивалъ и нѣсколько разъ, не останавливая лошадей, соскакивалъ съ козелъ, забѣгалъ впередъ и тыкалъ кнутовищемъ въ снѣгъ, надѣясь ощупать дорогу. Вѣтеръ не утихалъ, снѣгъ валилъ хлопьями; въ двухъ-трехъ шагахъ уже не было ничего видно.

— Что, далеко отъѣхали?—спросилъ я.

— А кто его знаетъ! Не разберешь, по дорогѣ ли мы ѣдемъ, или нѣтъ. Ѣдемъ, кажется все прямо: вѣтеръ все съ одной стороны,—между тѣмъ деревни нѣтъ, а ей давно бы пора быть.

Я посмотрѣлъ на часы, былъ шестой часъ; слѣдовательно, мы ѣхали больше двухъ часовъ и должны были сдѣлать по крайней мѣрѣ верстъ пятнадцать. Начинало темнѣть. Янкель остановилъ лошадей и пошелъ осматривать дорогу; уже чрезъ нѣсколько секундъ мы потеряли его изъ глазъ, а минутъ черезъ пять услышали его голосъ. Онъ звалъ насъ. Я откликнулся, и онъ подошелъ.

— И зналъ, въ которой сторонѣ оставилъ сани, а все не могъ найти, говорилъ онъ. Недалеко влѣво примѣтна дорога; наша или нѣтъ, не знаю, а нужно ѣхать, чтобы хоть куда-нибудь добраться: бѣда, если придется ночевать въ полѣ. Селъ и

деревень кругомъ много, но при такой мятели по улицѣ проѣдешь, а избы не замѣтишь.

Мы повернули нѣсколько влѣво, и на пригоркѣ, гдѣ снѣгу было меньше, замѣтили, какъ намъ казалось, слѣды колеи. Скоро сдѣлалось совершенно темно. Янкель чаще и чаще слѣзалъ съ козелъ и разсматривалъ дорогу. Спутница моя дремала, склонясь головой въ мою сторону; я почти совершенно укуталъ ее своей шубой. Сани сильно наклонились на ухабѣ, она схватила мою руку и уже не выпускала ее. Голова ея лежала на моемъ плечѣ, и когда я наклонился немного, почти машинально,—губы наши встрѣтились: Маша не отвела своихъ, и хотя слабо, но отвѣчала на мой поцѣлуй.

Я въ свою очередь забывался въ какой-то полудремотѣ, мало заботясь о томъ, скоро ли мы доѣдемъ, да и доѣдемъ ли куда-нибудь. Мнѣ было почти досадно, когда раздался голосъ Янкеля:

— Слава Богу, впереди слышенъ собачій лай и что-то чернѣетъ.

— Марья Игнатьевна! — тихо заговорилъ я, — проснитесь: куда-то пріѣхали.

Она приподнялась, взглянула на дорогу, потомъ еще крѣпче прижалась ко мнѣ и вдругъ, обвивъ мою шею руками, крѣпко и горячо меня поцѣловала.

— Э, да это Лейбинъ шинокъ,—говорилъ Янкель.—Верстъ пять мы дали крюку; отсюда до Краева еще двадцать пять верстъ. Зато вамъ здѣсь будетъ покойно, комната есть, и чаю напиться, и поужинать можно.

Вилантьевъ замолчалъ на минуту и отхлебнулъ изъ стакана нѣсколько глотковъ лафиту.

— Если я останавливаюсь на всѣхъ этихъ подробностяхъ,— продолжалъ онъ,—то не столько для того, чтобы тебя посвятить въ нихъ, сколько потому, что мнѣ самому пріятно о нихъ вспомнить, и ты долженъ извинить старческую болтливость. Что же касается до разныхъ лирическихъ отступленій, которыя ты встрѣтишь въ моемъ разсказѣ, то, признаюсь тебѣ, я радъ случаю подвести нѣкоторые итоги, и знаешь ли, не во гнѣвъ твоей милости, во многомъ доволенъ этими итогами. Повѣривъ когда-то въ призваніе вашей братіи нести свѣточъ жизни, я не разъ, въ былое время, упрекалъ себя за несчастную привычку чхать, когда чхалось, и хотѣть ѣсть, когда былъ голоденъ. По лѣни и безпечности, я исправиться не могъ, но часто считалъ себя преступнымъ въ lèse-majesté какого-нибудь великаго принципа, ко-

торый вы для насъ измыслили. «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы», соображалъ я себѣ въ утѣшеніе, но это мнѣ самому казалось неблаговидной увверткой, и я иногда дорого бы далъ за способность зябнуть, задыхаясь отъ жару.

— Я вижу, что въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ ты чувствуешь себя не совсѣмъ ловко, ты ударяешься въ диверсію и начинаешь громить какую-то воображаемую нашу братію, якобы (говорю излюбленнымъ московскимъ слогомъ) въ чемъ-то тебя обвиняющую. Впрочемъ, это хорошій признакъ, и лучше всего доказываетъ благотворность тѣхъ принциповъ, которые тебѣ мерещатся въ нашемъ образѣ. Поэтому, я возражать тебѣ не буду и только съ удовольствіемъ замѣчу, что манера выражаться, которую ты пріобрѣлъ, дѣлаетъ много чести московскому краснорѣчію.

— Благодарю за комплиментъ и себѣ, и московскому краснорѣчію... но ты отчасти правъ: на другой день, когда мы довольно поздно покинули корчму, въ которой ночевали, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Маша была задумчива, ея рука лежала безучастно въ моей. Она долго молчала.

— Владиміръ,—заговорила она наконецъ, поднявъ на меня глаза, полные печали и смущенья,—ради Бога, не думай обо мнѣ очень дурно послѣ того, что̀ случилось. Вѣрь, что до тебя я никого не любила. Ты мнѣ понравился, какъ только я тебя увидѣла. Теперь я люблю тебя, и никого, кромѣ тебя, никогда любить не буду.

Я крѣпко обнялъ Машу, ничего ей не отвѣчая. Въ ея словахъ и въ голосѣ было столько искренности и застѣнчивой нѣжности, что во мнѣ шевельнулось тревожное чувство. То, что̀ въ другомъ случаѣ мнѣ самому могло казаться, такъ-сказать, удачнымъ приключеніемъ, теперь возбуждало во мнѣ печаль и безпокойство. Я съ удивленіемъ замѣчалъ, что Маша мнѣ слишкомъ близка, и меня заботила и пугала ея будущность.

Подъѣзжая къ Краеву, мы рѣшили дня два прожить въ Краевѣ вмѣстѣ. Краевъ—городъ большой, и было мало опасности, что контрабандное пребываніе Маши будетъ открыто, тѣмъ болѣе, что поѣздъ, который мы покинули, долженъ былъ придти еще не скоро. Мы остановились въ гостинницѣ подальше отъ центра города и заняли два сосѣдніе номера.

Описать подробно, какъ мы провели эти три дня, было бы для меня чрезвычайно трудно. Когда я впослѣдствіи думалъ объ этомъ времени, оно казалось мнѣ какимъ-то фантастическимъ

сномъ, но сномъ настолько живымъ и рельефнымъ, что предъ нимъ блѣднѣла дѣйствительность.

Маша непремѣнно настаивала, чтобы мы отправились въ одно время,—я въ Москву, она къ Гавриловой. Она говорила, что ей было бы слишкомъ тяжело знать, что я такъ близко отъ нея, и не имѣть возможности меня видѣть; а возможности этой не было, такъ какъ она не могла ни видѣться со мной тайкомъ отъ Гавриловой, ни дѣлать ее участницей своей измѣны мужу.

Я видѣлъ, какъ при каждомъ обстоятельствѣ, которое должно было напомнить Машѣ о мужѣ, она мрачно задумывалась. Ей было очень тяжело, но и мнѣ глядѣть на нее было не легче.

— Маша,—началъ я въ одну изъ такихъ минутъ,—между нами есть много невыговореннаго. Мы оба поступили неосторожно, но того, что̀ случилось, не вернемъ. Нужна какая-нибудь развязка. Ты страдаешь и теперь. Разлука будетъ горемъ одинаково и для тебя, и для меня. Поѣдемъ со мною.

— Это невозможно.

— Послушай, бываютъ въ жизни положенія, изъ которыхъ нельзя придумать вполнѣ удовлетворительнаго выхода. Таково теперь наше. Изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее. Я не смѣю тебѣ совѣтовать; что̀ тебѣ дѣлать—рѣши сама, но нѣтъ жертвы, на которую я не рѣшился бы ради тебя. Хочешь, я поѣду въ Липовцы и объяснюсь съ твоимъ мужемъ.

— Въ чемъ ты можешь съ нимъ объясниться? Ты скажешь ему, что я его бросаю. Послѣ того, что̀ случилось, онъ имѣетъ право бросить меня, а не я его. Но и то, и другое его убьетъ одинаково, точно также, какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ я буду одинаково несчастна. Бросить его, больного, одинокаго, бросить на жертву и собственной скорби, и грязнаго хихиканья кругомъ,—это не только измѣна, это предательство. Я этого никогда не сдѣлаю, какъ ни люблю тебя.

Я не возражалъ. Ты вѣроятно готовъ замѣтить, что въ словахъ Маши было мало логики; я думалъ это тогда же, но о логикѣ я вообще не высокаго мнѣнія и полагаю, что часто безъ нея не только можно, но и должно обходиться въ жизни. Къ тому же, настаивать на своемъ предложеніи—значило бы брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность за всю будущность Маши, а, признаюсь, я и въ себѣ не былъ достаточно увѣренъ. Наконецъ, я не могъ не замѣтить, что при характерѣ Маши трудно заставить ее измѣнить то, на что̀ она твердо рѣшилась.

Согласно ея желанію, я спѣшилъ покончить дѣла свои въ Краевѣ. Въ два утра дѣятельность банка была обревизована, къ

великому удовольствію, какъ завѣдывающихъ банкомъ, такъ и ихъ пріятелей, болѣе или менѣе вліятельныхъ Ицекъ и Гершекъ. Впрочемъ, сказать къ слову, по пріѣздѣ въ Москву, я откровенно заявилъ правленію, что ревизія произведена мною далеко не полно, намекнулъ на кое-какія плутни, концы которыхъ мнѣ удалось подмѣтить, и просилъ послать кого-нибудь для новой, болѣе тщательной ревизіи. Такъ и сдѣлали. Но это къ дѣлу не идетъ.

Три дня быстро прошли. Нужно было разстаться. Маша непремѣнно хотѣла проводить меня на дебаркадеръ.

— Маша, ѣдемъ со мною,—говорилъ я ей еще разъ.

— Нѣтъ. Прощай. Не забывай меня. Я буду писать тебѣ. Пиши, если будешь меня помнить.

Я уѣхалъ.

Я никогда не считалъ себя способнымъ къ глубокимъ чувствамъ и, признаюсь, покидалъ Марью Игнатьевну безъ раздирающей скорби. Но воспоминаніе трехдневной семейной жизни (съ ея розами, безъ ея шиповъ) наполняло меня сознаніемъ невознаградимой утраты и заставило предаться печальнымъ размышленіямъ на соціальныя тэмы. Я думалъ объ уродливой молодости нашего брата-бурлака, выросшаго внѣ общества, и главное, внѣ семьи и объ уродливыхъ отъ этого отношеніяхъ къ женщинѣ. Это точно отношеніе двухъ враждебныхъ породъ, кошки и собаки, такъ что наша нѣжность едва ли не опаснѣе для нея нашего гнѣва. Въ послѣднемъ случаѣ она по крайней мѣрѣ на сторожѣ, а въ первомъ мы того и гляди, совершенно неожиданно и для нея и для себя, прихватимъ ее зубами. Отъ этого женщина или наша жертва, или игрушка, или тиранъ. Иногда все вмѣстѣ. Истребить въ насъ такіе инстинкты бываетъ очень трудно, и отъ женщины, которая поставила бы себѣ цѣлью воспитать въ этомъ смыслѣ мужа, потребовались бы не только развитіе, умъ, сильный характеръ и большое умѣнье, но еще и то ясное, всеобъемлющее великодушіе, которое менѣе всего свойственно женщинамъ. Я не буду излагать тебѣ всей цѣпи моихъ мыслей въ вагонѣ по выѣздѣ изъ Краева, но онѣ приводили къ тому, что трехдневное пребываніе въ Краевѣ представлялось мнѣ благодатнымъ оазисомъ среди пустынной степи, безконечно тянувшейся отъ него какъ въ прошедшее, такъ и въ будущее. Ближайшимъ результатомъ этого было первое, весьма нѣжное, хотя и короткое письмо мое къ Машѣ изъ Курска.

Дня черезъ три по пріѣздѣ въ Москву я получилъ отъ нея длинное посланіе; оно было веселое: Маша въ шутливомъ тонѣ

описывала свадьбу Гавриловой и своихъ новыхъ краевскихъ знакомыхъ; въ заключеніе просила чаще писать ей.

Переписка наша велась чрезъ Соколову, бывшую Гаврилову. Въ количествѣ писемъ я былъ довольно исправенъ, но, правду сказать, роль Абеляра была вовсе не по мнѣ, все это стало скоро казаться мнѣ слишкомъ монотоннымъ и слишкомъ прѣснымъ. Нашъ романъ кончился бы, вѣроятно, на нѣсколькихъ десяткахъ писемъ, еслибы новое обстоятельство не измѣнило совершенно характера нашихъ отношеній.

Мѣсяца черезъ три Маша написала мнѣ, что она беременна. Ка́къ ей сказать объ этомъ мужу, который не могъ, въ настоящемъ случаѣ, не изумиться такому извѣстію...

Извѣстіе было серьёзное. То, что́ до сихъ поръ могло считаться пикантнымъ приключеніемъ, теперь становилось жизненнымъ вопросомъ. Я старался отдать себѣ отчетъ, какое впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе. Впечатлѣніе, какъ мнѣ казалось, было болѣе радостное, нежели тревожное. На меня налагалась обязанность, влекущая за собой и щекотливыя отношенія, и серьёзную отвѣтственность, но жизни моей давался смыслъ, въ ней являлась цѣль и содержаніе.

Я написалъ Машѣ горячее письмо, умоляя ее, оставивъ мужа, пріѣхать ко мнѣ полной хозяйкой и женой, насколько это возможно.

Отвѣтъ я получилъ не скоро. Маша писала, что она все разсказала мужу, предлагала ему разъѣхаться, предлагала даже начать съ нею процессъ о разводѣ за невѣрность, но мужъ не согласился. Онъ объявилъ, что рѣшается признать ребенка своимъ, позволяетъ ей кормить его, но желаетъ, чтобы, отнявъ отъ груди, она отослала его къ отцу, т.-е ко мнѣ.

«Но до этого еще долго,—прибавляла Маша,—и тогда увидимъ, на что́ рѣшиться, а теперь я не могу оставить мужа; онъ хвораетъ, онъ тоскуетъ; меня онъ любитъ, и бросить его было бы безчеловѣчно. Правда, несмотря на все свое стараніе быть мягкимъ, онъ сталъ еще болѣе капризенъ и раздражителенъ, но не мнѣ жаловаться на это. По крайней мѣрѣ теперь онъ пересталъ ревновать меня къ первому встрѣчному».

Наконецъ, я получилъ извѣстіе о рожденіи Андрюши. «Онъ совершенно похожъ на тебя,—писала мнѣ Маша мѣсяца черезъ два:—у него такіе же быстрые черные глаза, такой же складъ губъ, даже рука твоя».

Мысль о находящемся гдѣ-то маленькомъ, безпомощномъ и пока еще безсмысленномъ, но почему-то мнѣ близкомъ существѣ,

и о его матери неотступно преслѣдовала меня; съ нею я засыпалъ и съ нею просыпался. Увидѣть Машу и ея ребенка сдѣлалось наконецъ для меня непреодолимою потребностью, и я написалъ ей объ этомъ.

«Пріѣзжай въ Краевъ», отвѣчала она, «я хоть на одинъ день найду возможность пріѣхать туда съ Андрюшей. По пріѣздѣ обратись къ Соколовой, но прежде точно назначь время своего пріѣзда и приготовься, если будетъ нужно, недѣлю прожить въ Краевѣ въ ожиданіи насъ».

Возможность продолжительной отлучки изъ Москвы представилась мнѣ не раньше мая, да прежде я и боялся подвергать Машу съ ребенкомъ неудобству зимней или весенней поѣздки. Извѣстивъ за недѣлю Машу, я отправился въ Краевъ и остановился въ той же гостинницѣ, въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ мы жили когда-то. Послѣ двухъ дней томительнаго ожиданія, утромъ часовъ въ одиннадцать постучались въ дверь моего нумера, и въ комнату вошла Маша съ черноглазымъ, здоровымъ и веселымъ семимѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ. Объясняй какъ хочешь, но въ то время мнѣ казался самымъ счастливымъ часомъ жизни тотъ, когда я въ первый разъ держалъ у себя на колѣняхъ мать, ставшую для меня вдвое красивѣе прежняго, и сына, теребившаго меня за бороду, смотрѣвшаго мнѣ въ глаза своими глазенками и гримасничавшаго отъ усилій что-то пролепетать.

— Ты надолго, Маша! Гдѣ ты остановилась, почему не пріѣхала прямо сюда?

— Я остановилась у Соколовой, и сегодня же ѣду обратно.

— Что такъ скоро.

— Дольше нельзя. Да повѣрь, Андрюша скоро бы надоѣлъ тебѣ. Это теперь только для перваго знакомства онъ такой умникъ, а то съ нимъ много возни. Потомъ, я обѣщала мужу возвратиться тотчасъ же. Я уѣхала подъ предлогомъ необходимости посовѣтоваться съ докторомъ Верникомъ о своемъ здоровьѣ и объ Андрюшѣ, но мужъ, кажется, догадывается объ истинной причинѣ моей поѣздки. «Маша, будь благоразумна ради себя и ради ребенка», сказалъ онъ мнѣ на прощаньи, «и не забудь, что я вѣрю твоей чести».

— Но такое положеніе невыносимо. Я имѣю на тебя больше правъ, нежели твой мужъ. Маша, уѣдемъ со мною.

— Это невозможно. Я тебѣ говорила, что это значило бы убить человѣка, имя котораго я ношу и которому многимъ обязана.

— Но ребенокъ мой, и ты отдашь мнѣ его.

— Когда выкормлю, отдамъ. Отдамъ ради мужа. Сколько онъ ни старается быть ласковымъ со мною и съ Андрюшей, какъ ни заботится о насъ, я вижу, что одинъ видъ Андрюши постоянно раздражаетъ его и усиливаетъ и до сихъ поръ неизгладившуюся въ немъ скорбь о потерѣ нашей дочери. Это раздраженіе тѣмъ вреднѣе, что онъ старается подавить его... Послушай, мужъ мой очень боленъ. Силы его падаютъ съ каждымъ днемъ, онъ проживетъ не долго, но я не хотѣла бы ни однимъ днемъ ускорить смерть его. Я отдаю тебѣ ребенка, чтобы видъ его не дѣйствовалъ вредно на мужа, и для того, чтобы посвятить уходу за нимъ все свое время, но предупреждаю тебя, если я останусь одна, ты возвратишь мнѣ Андрюшу.

— Объ этомъ нѣтъ надобности говорить заранѣе.

Мы разстались, условившись, что Маша зимою привезетъ мнѣ сына. Я уѣзжалъ съ тяжелымъ сердцемъ и далеко не въ такомъ романтическомъ настроеніи духа, въ какомъ пріѣхалъ. Но въ концѣ-концовъ долженъ былъ сознаться, что Маша права: было бы очень печально, если бы отношенія, создававшіяся и поддерживавшіяся годами, разлетались вдругъ прахомъ въ вихрѣ неизвѣстно откуда явившагося *чувства;* слово «чувство» я произносилъ даже съ нѣкоторой ироніей, а самое чувство, къ которому до сихъ поръ я питалъ по-наслышкѣ большое довѣріе, стало терять въ моихъ глазахъ свой авторитетъ. Я, очевидно, старѣлъ.

Къ осени я нанялъ помѣстительную квартиру, обзавелся хозяйствомъ и пріискалъ хорошую женщину въ няньки для Андрюши. Маша привезла мнѣ его въ январѣ. Онъ былъ здоровый мальчикъ, забавно ковылялъ на своихъ крохотныхъ ножкахъ и начиналъ уже лепетать.

Сколько я ни убѣждалъ Машу поселиться въ Москвѣ, она не соглашалась. Она не хотѣла даже остановиться у меня на время пріѣзда.

— Ты не любишь меня,—говорилъ я ей.

— Я тебя крѣпко люблю; я тебѣ оставляю ребенка, котораго люблю больше жизни, и оставляю охотно, потому что онъ будетъ служить связью между нами. Мысль и сердце мое постоянно будутъ съ вами, но я и такъ ужъ много виновата предъ мужемъ и дала ему слово при жизни его не принадлежать больше ни тебѣ, ни кому другому.

Маша пробыла въ Москвѣ дней пять. Няня оказывалась хорошей, ребенокъ привыкъ къ ней, и Маша уѣхала, взявъ съ меня слово писать ей какъ можно чаще и какъ можно больше объ Андрюшѣ, и писать уже прямо на ея имя въ Липовцы.

Наканунѣ отъѣзда я подалъ Машѣ пакетъ съ нѣсколькими стами рублей.

— Ты вѣрно даешь мнѣ деньги? Какъ мнѣ ни совѣстно брать ихъ отъ тебя, но еще болѣе совѣстно заставлять мужа тратиться на мои поѣздки. Но здѣсь слишкомъ много. Я возьму сто рублей, изъ которыхъ останется довольно, чтобы пріѣхать сюда весною взглянуть на Андрюшу.

По отъѣздѣ, Маша писала мнѣ часто. Содержаніемъ цѣлаго письма былъ обыкновенно Андрюша. О мужѣ она писала, что онъ все хвораетъ, хотя зимою ему стало замѣтно лучше. Съ нею онъ ласковъ и внимателенъ, объ Андрюшѣ не говоритъ. Знакомымъ они сказали, что отвезли его къ одной родственницѣ, такъ какъ весною собираются въ Пятигорскъ на воды; съ собою взять ребенка не могутъ, а оставить его въ Липовцахъ не на кого.

Весною пріѣздъ Маши въ Москву не состоялся. Она заболѣла корью, и проболѣла долго, а въ маѣ доктора настоятельно совѣтовали мужу ѣхать на-воды. Начальство дало ему довольно продолжительный отпускъ и выхлопотало у земства пособіе на поѣздку. Получивъ извѣстіе, что Маша ѣдетъ на Кавказъ, я послалъ ей-было чрезъ Соколову триста рублей, но получилъ ихъ обратно въ листѣ бѣлой бумаги съ надписью отъ Николая Воскресенскаго, а черезъ нѣсколько времени и письмо отъ него. Оно у меня цѣло.

Вилантьевъ досталъ изъ письменнаго стола почтовый листъ большого формата, исписанный крупнымъ почеркомъ. Въ это время мы уже сидѣли у него въ кабинетѣ и вели нашу бесѣду за рюмками какого-то хитраго ликера.

«Милостивый государь,—писалъ Воскресенскій,—я не имѣю чести знать васъ, но такъ какъ судьба поставила насъ въ близкія отношенія, то я считаю за нужное написать вамъ. Я вѣроятно очень виноватъ передъ Машей: я былъ уже въ лѣтахъ, когда женился на ней, молоденькой дѣвушкѣ. Разница въ возрастѣ была бы, можетъ быть, не такъ замѣтна, если бы не болѣзнь, которая меня преждевременно состарила. Вдобавокъ, у насъ былъ только одинъ ребенокъ, и тотъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія; жена моя по болѣзни его не кормила, и потому почти не знала материнскихъ чувствъ, а отъ надежды имѣть другихъ дѣтей мы должны были отказаться... Я не буду говорить вамъ о чувствахъ, которыя должна была возбуждать во мнѣ мысль о томъ, что, лишившись собственнаго ребенка, я сталъ номинальнымъ отцемъ чужого: я принялся писать вамъ не о себѣ, да вы и не поймете этого.—Я не обвиняю Машу, тѣмъ бо-

лѣе, что свой проступокъ она искупила предо мною терпѣніемъ и кротостью, съ какими выносила и мою болѣзнь, и подчасъ капризы, и даже несправедливость. Если она и была три года тому назадъ легкомысленной женой, то въ послѣднее время оказала себя вполнѣ честною и хорошею женщиною, хорошею матерью, а въ отношеніи ко мнѣ заботливой, преданной и искренней дочерью. Я не только прощаю ее: я благодаренъ ей. — Обращаюсь къ вамъ. Поступокъ вашъ съ Машею былъ болѣе, нежели легкомысленъ: подъ вліяніемъ минутной прихоти, даже, положимъ, болѣе глубокаго минутнаго увлеченія, вы не побоялись рискнуть репутаціей, совѣстью и счастьемъ женщины. Но готовность, съ которою вы взяли на себя заботы о ребенкѣ и ваши письма къ Машѣ — я читалъ нѣкоторыя изъ нихъ — показываютъ, что вы можете руководиться и лучшими побужденіями. Я боленъ, боленъ сильно и неизлечимо; жить остается мнѣ не долго, а съ моею смертію для васъ возникаютъ серьёзныя обязанности какъ въ отношеніи Андрея, такъ и въ отношеніи Маши. Чтобы вы лучше могли понять значеніе этихъ обязанностей, я и допустилъ Машу передать вамъ ребенка. Я далъ вашему сыну свое имя, имя человѣка честнаго; небольшія крохи, которыя мнѣ удалось собрать честнымъ, прилежнымъ, а подчасъ и тяжелымъ трудомъ, я оставляю Машѣ и вмѣстѣ Андрею; — прошу не возражать: Маша жена моя, а Андрей мой сынъ! Вашъ долгъ — честное имя сохранить честно за Андреемъ, прежде всего тѣмъ, чтобы не сдѣлать изъ его матери свою конкубину. Или оставьте ее, возвративъ ей сына, или женитесь на ней. Въ послѣднемъ случаѣ вы найдете въ ней хорошую жену. Вотъ все, что́ я хотѣлъ сказать вамъ. Затѣмъ, прощайте. Да будетъ на васъ благословеніе божіе, если вы его заслу́жите.

Николай Воскресенскій.

«PS. Отвѣта не ожидается».

Только въ октябрѣ Маша собралась пріѣхать на два дня въ Москву. Она похудѣла и видимо измучилась. Воды мало помогли ея мужу, и здоровье его было хуже, чѣмъ когда-либо; онъ былъ такъ слабъ, что едва ходилъ. Эти два дня Маша провела безвыходно съ ребенкомъ и была въ страшной тревогѣ: мысль о больномъ мужѣ не давала ей покою; она послала нѣсколько телеграммъ и безпрестанно порывалась ѣхать.

— Владимиръ, — говорила она: — я должна ѣхать. Если тебя не затруднитъ, проводи меня съ Андрюшей до Краева.

— Меня это нисколько не затруднитъ, и я провожу тебя,

но для Андрюши такой путь взадъ и впередъ будетъ очень тяжелъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я не подумала. Проводи меня до Курска, и возвратись.

Изъ Липовецъ Маша стала писать чаще, чѣмъ прежде, но письма ея были коротки. Все ея время было отдано уходу за мужемъ, который уже не вставалъ съ постели и тосковалъ, если Маша отъ него отходила. Она читала ему или работала у его постели. «Нѣсколько разъ,—писала Маша,—поднимая глаза отъ книги или газеты, я встрѣчала пристальный взглядъ мужа. Въ этомъ взглядѣ бывало столько кротости и вмѣстѣ столько печали, что мнѣ становилось невыносимо больно. Меня брало раскаяніе, хотѣлось создать что-то невозможное, возвратить то, чего никогда не существовало. Въ эти минуты, признаюсь, я больше его, нежели твоя, нежели Андрюшина: мнѣ кажется, нѣтъ жертвы, предъ которой я остановилась бы для него. Разъ я съ рыданіемъ упала предъ постелью и стала цѣловать его руку.— «Будь счастлива,—Маша, сказалъ онъ...—поди, успокойся... пошли узнать, не принесли ли почту; я жду важную бумагу отъ попечителя».

Въ началѣ марта я получилъ письмо за черною печатью: Маша увѣдомляла, что двѣ недѣли назадъ Воскресенскій умеръ.

Письмо это было вообще странное. Маша извинялась предо мною въ хлопотахъ, которыя мнѣ надѣлала; писала, что намѣрена ѣхать въ Краевъ держать экзаменъ на званіе учительницы, и что ей обѣщали мѣсто въ женской прогимназіи; затѣмъ просила прислать ей какъ-нибудь Андрюшу въ Краевъ, куда она за нимъ пріѣдетъ.

Я, разумѣется, отвѣчалъ, что все это вздоръ, дѣлающій весьма мало чести ея сердцу и ея характеру, что Андрюши я посылать къ ней не буду, а пріѣду за нею, какъ за женою.

Отвѣтъ ея былъ снова лаконическій: она просила въ десятыхъ числахъ апрѣля пріѣхать, хотя бы и безъ Андрюши, въ Краевъ, если только я не перемѣню намѣренія ее видѣть.

Нечего говорить, что десятаго апрѣля я былъ въ Краевѣ, и черезъ часъ Маша рыдала на груди моей.

— Дорогой мой Владиміръ! — говорила она,—наконецъ эти страшные четыре года миновали. Если бы ты зналъ, сколько я страдала въ разлукѣ съ тобою, въ разлукѣ съ Андрюшей... Помню я, какъ я была беременна, была больна и ни съ кѣмъ не смѣла говорить о своемъ положеніи, съ горечью думая о будущности ребенка, тоскуя объ отцѣ его... Потомъ, когда у

меня родился Андрюша, мнѣ не съ кѣмъ было порадоваться его улыбкѣ... Я запиралась съ нимъ въ комнатѣ и, припавъ губами къ его ножкамъ, горько и горько рыдала... А болѣзни Андрюши!.. Одна сидѣла я надъ колыбелью горящаго въ жару и стонущаго ребенка, не рѣшаясь даже говорить объ его опасномъ положеніи, изъ боязни подмѣтить невольную радость при этомъ извѣстіи...

— Полно, Маша, успокойся; все это прошло; мы больше не разстанемся и завтра же можемъ обвѣнчаться. Я взялъ всѣ нужныя бумаги...

— Послушай, Владимиръ! можешь вѣрить, что мнѣ самой тяжело то, что̀ я скажу тебѣ. Я готова ѣхать съ тобою, готова жить у тебя, но не принуждай меня быть твоею раньше, нежели пройдетъ годъ со дня смерти мужа. Ты скажешь, что это предразсудокъ; пусть такъ, но этимъ я обязана его памяти. Мы долго ждали, теперь остается ждать не долго, и ждать уже не въ разлукѣ, но если ты думаешь, что жить такъ вмѣстѣ намъ будетъ неудобно, я останусь пока здѣсь.

Я, разумѣется, предпочелъ первое предложеніе второму, и Маша поселилась у меня. Правду сказать, такая жизнь была мнѣ вовсе не по-нутру. Маша была для меня самой заботливой хозяйкой, нѣжной сестрой и веселой собесѣдницей, но меня томило неопредѣленное положеніе. Оно продолжалось уже черезчуръ долго.

На мои замѣчанія объ этомъ Маша отвѣчала постоянно одно:

— Если ты станешь настаивать, я готова быть твоею сегодня же,—женой или не женой, все равно,—но это будетъ противъ моей совѣсти, и ты долженъ быть снисходителенъ. Притомъ, въ это время мы лучше узнаемъ другъ друга. Знаешь ли, что̀ я дѣлала эти четыре года въ Липовцахъ: я очень прилежно училась и читала; я выучилась хорошо по-французски, порядочно по-нѣмецки, выучила нѣсколько учебниковъ, прочла и составила извлеченіе изъ многихъ книгъ по исторіи, путешествіямъ, физикѣ и даже физіологіи. Я не хотѣла, чтобы ты краснѣлъ за мое невѣжество, если мнѣ придется стать твоею женою, чего я всегда желала и на что̀, признаюсь, втайнѣ надѣялась.

Въ февралѣ Маша объявила, что ей необходимо съѣздить по дѣламъ въ Краевъ, но я думаю, что всѣ дѣла заключались въ намѣреніи отслужить панихиду на могилѣ мужа.

— По возвращеніи я твоя, и твоя на всю жизнь,—говорила она мнѣ, прощаясь.

Я ее жду на-дняхъ.

— Андрюша! скоро мамà прiѣдетъ? — обратился Вилантьевъ къ мальчику, уже нѣсколько разъ выглядывавшему въ дверь во время разсказа.

— Завтла плiѣдетъ,—отвѣчалъ ребенокъ.

— А кого ты больше любишь, маму или меня?

— Маму люблю.

— А еще кого?

— Няню люблю, Тлезола люблю,—отвѣчалъ Андрюша, теребя махавшаго хвостомъ и повернувшаго къ нему голову водолаза.

— Ну, а меня любишь?

— А ты мнѣ дась конфектъ?

— Трезоръ же не даетъ тебѣ конфектъ?

— У Тлезола нѣту, онъ самъ бы съѣлъ, онъ конфекты любитъ.

Около недѣли не видалъ я Вилантьева. Онъ заѣзжалъ нѣсколько разъ, но не заставалъ меня: я рыскалъ по старымъ знакомымъ. Наконецъ, онъ оставилъ записку съ просьбою непремѣнно прiѣхать вечеромъ къ чаю.

Въ залѣ встрѣтилъ меня Вилантьевъ, и рядомъ съ нимъ стройная и миловидная молодая женщина.

— Наконецъ-то ты пожаловалъ, а мы тебя давно ждемъ; иди же и знакомься. Представляю тебѣ жену мою, Марью Игнатьевну, которая кстати имѣетъ на тебя кое-какiе виды.

— Не совсѣмъ еще жену,—замѣтила та, улыбаясь, и именно я хотѣла просить васъ, Андрей Васильевичъ, быть моимъ шаферомъ.

Я долго просидѣлъ у Вилантьевыхъ. Марья Игнатьевна пришлась мнѣ очень по душѣ. Она держала себя необыкновенно просто и мило. Каждое слово и движенiе ея дышали тою женственною прелестiю, которая одна можетъ надолго привязать мужчину, но въ то же время было видно, что она умѣетъ хотѣть и умѣетъ достигнуть того, чего хочетъ. Мнѣ особенно нравилось, какъ она обходилась съ сыномъ, какъ однимъ взглядомъ умѣла остановить слишкомъ разрѣзвившагося ребенка. Но это не былъ строгiй взглядъ,—это былъ взглядъ какой-то безконечно-внимательный, точно магнетическiй, подъ влiянiемъ котораго сынъ угадывалъ желанiя матери.

«Съ нею Вилантьевъ будетъ вполнѣ счастливъ» думалось

мнѣ. Марья Игнатьевна разсказывала о Липовцахъ; мы сравнивали съ нею свои провинціальныя впечатлѣнія.

— Кстати, Владиміръ, я забыла сказать тебѣ: на обратномъ пути я встрѣтила на желѣзной дорогѣ Кольскаго. Онъ постарѣлъ и сталъ какъ-то мраченъ. Я приглашала его какъ-нибудь побывать у насъ, съ условіемъ, впрочемъ, не дѣлать мнѣ больше признаній.

Черезъ недѣлю я былъ шаферомъ Марьи Игнатьевны. Свадьба была, разумѣется, самая простая. Но несмотря на то, что она имѣла значеніе, такъ сказать, констатированья свершившагося факта, въ ней все-таки чувствовалось нѣчто торжественное. Казалось, все остается по прежнему, тѣмъ не менѣе это прежнее получало новый характеръ, точно начиналась новая жизнь.

Въ числѣ пяти или шести человѣкъ товарищей Вилантьева, и двухъ-трехъ дамъ, ихъ женъ, мы весело провели свадебный вечеръ, много болтали, много смѣялись. Одна Марья Игнатьевна была задумчивѣе обыкновеннаго, почти не говорила, и какъ бы нехотя улыбалась, если обращались прямо къ ней. Но взоры ея съ такой любовью останавливались на мужѣ и на сынѣ, сначала рѣзвившемся, а потомъ заснувшемъ у нея на колѣняхъ, что вѣроятно не одинъ я позавидовалъ Вилантьеву.

Въ немъ самомъ, несмотря на его напускную развязность и шутливость, проглядывало нѣчто торжественное. Мнѣ удалось подмѣтить два-три взгляда, брошенные имъ на жену и полные такой нѣжности и вмѣстѣ гордости, что, прощаясь съ нимъ, я отъ души его обнялъ и отъ всего сердца пожелалъ имъ счастія.

«Ужъ не записаться ли и мнѣ въ Донъ-Кихоты, и пуститься разыскивать по свѣту свою Дульцинею»? раздумывалъ я возвращаясь въ тотъ вечеръ домой, въ свою одинокую, холостую квартиру. «Пора», шептало въ одномъ ухѣ; «берегись»—шептало въ другое: «бракъ—лоттерея очень рискованная. Благо, кто вынетъ счастливый нумеръ, но горе и гибель тому, кто вытянетъ неудачно».

Прошло три года. Я уѣзжалъ изъ Москвы и вновь вернулся, но все еще не женатъ, и едва ли скоро женюсь, хотя Вилантьевы и сватаютъ мнѣ свою двухлѣтнюю дочь Сашу, мою крестницу. Она, кажется, больше похожа на отца, нежели на мать, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть прелестнымъ ребенкомъ. Я заслушиваюсь ея звонкаго веселаго смѣха и готовъ по цѣлымъ часамъ просиживать на коврѣ, пуская съ нею оловянные кораблики или отыскивая въ книгѣ съ картинками «Му-му» и «Та-

таку» (Каштанку), между тѣмъ, какъ мать разучиваетъ на фортепьяно сонату Бетховена, а отецъ помогаетъ Андрюшѣ клеить изъ картона какую-то чудовищно-громадную крѣпость. Нужно сказать, что Марья Игнатьевна тотчасъ послѣ свадьбы стала брать уроки музыки, прилежно занимается и обѣщаетъ стать хорошей музыкантшей. Что касается до Вилантьева, онъ безъ ума любитъ дѣтей и не наглядится на жену. Онъ по прежнему немного сибаритъ, но во многомъ значительно измѣнился. Марья Игнатьевна, какъ кажется, имѣетъ на него сильное вліяніе, хотя это и незамѣтно. На мой взглядъ онъ сталъ менѣе индифферентенъ, меньше трунитъ надъ нашей «братіей», и по временамъ обнаруживаетъ поползновеніе черное передѣлать, если не совсѣмъ въ бѣлое, то хоть въ сѣрое. Домъ ихъ полная чаша; они вполнѣ счастливы; но... но ровно нѣтъ никакого *но*. Я хотѣлъ сказать только, что въ послѣднее время Марья Игнатьевна сдѣлалась какъ-то задумчивѣе и какъ будто похудѣла немного, хотя и увѣряетъ меня, что совершенно здорова. Впрочемъ, чуть-ли она опять не беременна. Но... наконецъ, отыскалось это *но*... Но я самъ, какъ кажется, впадаю въ ипохондрію и серьёзно начинаю подумывать о поѣздкѣ въ Ташкентъ...

Ѳ. Стулли.

ОТРЫВКИ
ВИЗАНТІЙСКАГО ЭПОСА
ВЪ РУССКОМЪ.

Посв. А. Н. Пыпину.

I.

Поэма о Дигенисѣ.

Въ сборникѣ Мусина-Пушкина, заключавшемъ въ себѣ «Слово о полку Игоревѣ», находилось также, въ числѣ прочихъ повѣствовательныхъ статей, «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита». Первымъ знакомствомъ съ содержаніемъ этой повѣсти мы обязаны Карамзину (2. прим. 333; 3. прим. 272); съ утратой сборника, дальнѣйшія свѣдѣнія о ней сдѣлались невозможными, такъ какъ другихъ списковъ повѣсти не встрѣчалось, пока г. Пыпину не удалось найти ее въ одной рукописи XVII—XVIII вѣка [1]). Карамзинъ, послѣ нѣкотораго колебанія, призналъ ее не русскимъ сочиненіемъ; г. Пыпинъ увидѣлъ въ ней, совершенно справедливо, византійскій героическій романъ, относящійся къ темному въ византійской литературѣ отдѣлу повѣстей и сказаній о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ тѣми полуфантастическими исторіями, которыя порождены были крестовыми

---

[1]) Напечатано г. Пыпинымъ въ приложеніи къ его „Очерку литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ", 1857, стр. 316—332; и Костомаровымъ въ „Пам. стар. русск. литер.", II, стр. 379—87.

походами и странствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ византійско-палестинскій. Для Греціи противоборство восточнымъ завоевателямъ наступило гораздо ранѣе, и какъ въ памятникахъ западныхъ отражалась эпоха столкновенія Запада съ Востокомъ, ожесточенная борьба съ невѣрными, романтическіе эпизоды далекихъ странствованій — такъ подобные мотивы существовали и для византійской литературы. Впрочемъ, памятники византійскіе, обязанные своимъ происхожденіемъ этому историческому факту, извѣстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ «Девгеніева Дѣянія», доказывающаго съ своей стороны давнишній переходъ къ намъ произведеній повѣствовательной византійской литературы. Переходъ этотъ совершался, по всей вѣроятности, при посредствѣ южно-славянскаго перевода, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «сухое злато» — обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ сербской народной поэзіи; «тисуща» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-славянскимъ нарѣчіямъ; слово «фарь» встрѣчается также въ исторіи Александра и въ сказкѣ о Синагрипѣ, иногда въ формѣ «фарижь», и происходитъ отъ средне-греческаго φάρας, также φάρης, φαρίον=арабская лошадь, вообще лошадь благородной крови [1]).

Имена лицъ, дѣйствующихъ въ повѣсти, хотя и испорченныя, не менѣе свидѣтельствуютъ въ пользу греческаго ея происхожденія. Всего болѣе затрудненія представляло имя Девгенія. Онъ сынъ сарацинскаго эмира и гречанки; это давно повело меня къ предположенію, что Девгеній не что иное, какъ испорченное греч. δίγενης, какъ звали дѣтей отъ разноплеменныхъ браковъ [2]). Дигенисъ—извѣстный герой народныхъ греческихъ пѣсенъ; но что поется и разсказывается о немъ, слишкомъ мало подходило къ подробностямъ нашего «Дѣянія» и не давало повода къ сближенію, пока не найденъ былъ посредствующій членъ сравненія. Этой находкой мы обязаны Саввѣ Іоанниду [3]). Онъ первый сообщилъ о существованіи большой византійской поэмы

---

[1]) Пыпинъ, Очеркъ,стр. 88—9.

[2]) Пахимеръ прилагаетъ это названіе къ дѣтямъ, происшедшимъ отъ греческихъ матерей и отцовъ—итальянцевъ. Понятіе принималось, вѣроятно, и шире, какъ турецко-монг. Arghún, армян. Arkaiun, Arkaun, старофранц. guasmul, gasmul. См. Yule, The book of ser Marco Polo. I, p. 254—7, note 4.

[3]) Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας ὡς καὶ τὰ περὶ τῆς ἐντάυθα ἑλληνικῆς γλώσσης, ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κονσταντινουπόλεως. 1870, стр. 35—39.

(болѣе 3,000 стиховъ), написанной до взятія Трапезунта, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ событій X-го вѣка, временъ императоровъ Романа II и Никифора Фоки (960—990). Саѳа [1]) полагаетъ, что и самая поэма написана въ томъ же столѣтіи. Ея герой—Василій, по прозванію *Акритъ*, потому что онъ старожилъ границы (τὰς ἄκρας ἢ τὰ ὅρια) византійской имперіи, былъ клейсурархомъ халдійскихъ и каппадокійскихъ областей до Евфрата; также *Дигенисъ*, потому что происходилъ отъ отца сирійца и матери гречанки. Іоаннидъ, къ сожалѣнію, сообщилъ лишь въ весьма краткихъ чертахъ содержаніе поэмы; небольшой отрывокъ подлинника (53 стиха), напечатанный имъ, представляетъ résumé поэмы, нисколько не знакомя насъ съ ея подробностями. Содержаніе ея слѣдующее.

При Никифорѣ Фокѣ начальствовалъ въ Хайріанѣ и Каппадокіи стратегъ Андроникъ, возводившій свой родъ къ Кинамадамъ; онъ жилъ въ Левкопетрѣ и ему поручено было сторожить эти области отъ нападеній враждебныхъ народовъ, особенно сарацинъ. У него было пять сыновей, отправлявшихъ ту же должность. Однажды, когда они были на стражѣ противъ враговъ, набѣгавшихъ къ Евфрату, эдесскій [2]) эмиръ (Ἀμηρᾶς) Мусулъ, внукъ тарсійскаго султана Амврона и стратегъ киликійскихъ сарацинъ, вторгся въ Каппадокію во главѣ 3000 войска и, найдя страну беззащитной, захватилъ въ плѣнъ, въ числѣ прочихъ, дочь Андроника, знаменитую своею красотою. Узнавъ о томъ, ея братья нападаютъ на Мусула врасплохъ, убѣждаютъ его креститься, принять имя Іоанна и стать ихъ зятемъ. Отъ этого брака родится сынъ Василій, котораго отецъ воспиталъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ доблестяхъ. Этотъ Василій, по прозванію Дигенисъ и Акритъ—былъ одаренъ отъ природы необыкновенной силой и ростомъ; военныя упражненія развили его мощь и онъ сдѣлался непобѣдимымъ, безстрашно нападая на дикихъ звѣрей и на людей; вскорѣ онъ достигъ званія своихъ дядей, и благодаря своей предпріимчивости и мужеству, не только освободилъ Романію отъ всякаго набѣга, но и присоединилъ къ византійской имперіи многія области Сиріи и Вавилоніи, также одно племя, по ту сторону Евфрата, царица котораго, Максима, по словамъ поэта, происходила отъ амазонокъ. Разъ увидѣлъ онъ дочь одного изъ сосѣднихъ вождей, полюбилъ ее и похитилъ. Женившись на ней съ согласія отца, онъ поселился съ ней на

---

[1]) Constant. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi, II, p. 46, прим. 2.

[2]) См. Саѳа, l. c., стр. 47, въ концѣ.

Евфратѣ и жилъ въ великомъ благополучіи до самой смерти, не проживъ дѣтей.

Жизнь Василія, говоритъ Іоаннидъ, полна любовныхъ приключеній и воинскихъ подвиговъ. Слава его дошла и до Византіи; самъ императоръ не только хвалилъ его въ своемъ посланіи за его мужество и вѣрность, но и посѣтилъ его въ Каппадокіи и обмѣнялся съ нимъ дарами, причемъ Акритъ поучилъ его многому относительно царскаго управленія, можетъ быть познавъ слабость самого императора.

Θαμπούρα (=ταμπούρι, цитра), кивара, копье и мечъ — вотъ въ чемъ состояли забавы и развлеченія Акрита. Хотя весь разсказъ о немъ, какъ и оставшіяся о немъ пѣсни отличаются романтическимъ и миѳическимъ содержаніемъ, тѣмъ не менѣе они интересны и какъ историческій матеріалъ. Мы узнаемъ изъ нихъ, что какъ Трапезунтская, такъ и Каппадокійская область, до Сиріи и Вавилоніи, были страны греческія, что ихъ жители часто были въ состояніи счастливо отражать враговъ; что ихъ дуки и правители, даже тѣ, которые казались наполовину независимыми, тѣмъ не менѣе тѣсно связаны были съ Византіей, потому что масса продолжала смотрѣть на нее, какъ на очагъ народности. То была эпоха, когда оружіе императоровъ Никифора, Цимисхія и Василія II внушало уваженіе даже за пустынями Аравіи и Каспія.

Къ этимъ немногимъ указаніямъ на содержаніе поэмы Іоаннидъ присоединяетъ еще замѣтку, что въ ней выведены на сцену другіе витязи: Филопаппъ и Іоанникій, которыхъ Акритъ побѣждаетъ въ поединкѣ. Небольшой отрывокъ той же поэмы (26 стиховъ), напечатанный Саѳой [1]), знакомитъ насъ съ Филопаппомъ: онъ — изъ тѣхъ удальцевъ, крѣпкихъ духомъ и мышцами, полу-разбойниковъ и полу-героевъ, которыхъ тогда звали *апелатами*, а потомъ *паликарами, клефтами*. Войны противъ сарацинъ породили ихъ во множествѣ. Дигенисъ приходитъ къ Филопаппу, съ желаніемъ пристать къ этой вольницѣ; онъ находитъ его на ложѣ, устланномъ шкурами дикихъ звѣрей; Филопаппъ вначалѣ относится къ нему подозрительно, затѣмъ пытается отвлечь его отъ его намѣренія, представляя ему трудности и неудобства ихъ быта.

Слѣдующая кипрская пѣснь, съ именами Дигениса (Διεννής), Хиліопаппа (=Филопаппа) и Янниса (Γιάννης = Іоанникій?), доскажетъ намъ, съ чертами народной передѣлки, эпизодъ поэмы,

[1]) Саѳа, l. c., стр. 46—7.

слишкомъ краткій въ изложеніи Іоаннида. Дигенисъ увозитъ себѣ жену; такъ и въ поѳмѣ [1]):

Три архонта сидятъ за столомъ и хвалятся: одинъ хвалится своей саблей, другой своимъ копьемъ, третій своими дальними странствованіями. Много дворцовъ онъ видѣлъ, но нѣтъ краше дворца Аліантриса: его двери украшены мозаикой, стѣны точеныя, жемчугъ виситъ съ выгнутыхъ оконницъ; у окна стояла дѣвушка и печалилась, что ее просватали за Янниса; ей пристало быть за Дигенисомъ. Внезапно появляется Дигенисъ, его приглашаютъ раздѣлить трапезу, но онъ отказывается. Ему повторяютъ, что говорено было о немъ и дочери Аліантриса. Дигенисъ тотчасъ же ѣдетъ къ Хиліопаппу и проситъ его быть ему сватомъ. Тотъ отказывается, ссылаясь на свое грязное платье, ржавое оружіе и хромую лошадь. Когда Дигенисъ предлагаетъ ему свои доспѣхи и коня, онъ ѣдетъ; архонты встаютъ, увидѣвъ его, и приглашаютъ отвѣдать ихъ хлѣба-соли, выпить за здоровье хозяина и хозяйки. Хиліопаппъ, однакожъ, отказывается и говоритъ, что онъ явился сватомъ отъ Дигениса. Мать дѣвушки отказываетъ ему, подъ предлогомъ, что мать Дигениса—сарацинка, отецъ еврей, онъ самъ—бродяга; а хозяинъ говоритъ, что онъ надѣется прижить еще другихъ дочерей, и одну изъ нихъ готовъ просватать за Дигениса. Когда Хиліопаппъ приноситъ этотъ отвѣтъ Дигенису, онъ приходитъ въ ярость: «слѣзай съ коня, Хиліопаппъ, ты замаралъ мое платье, мое оружіе на тебѣ заржавѣло, конь захромалъ». Онъ самъ пускается въ путь; Хиліопаппъ даетъ ему совѣтъ срубить по дорогѣ сосну, сдѣлать изъ нея скрипку, чтобъ игрой и пѣніемъ привлечь красавицу къ окну и затѣмъ увезти ее. Такъ и дѣлаетъ Дигенисъ; видя за собой погоню, онъ считаетъ постыднымъ бѣжать далѣе, останавливается вмѣстѣ съ похищенной дѣвушкой у одной скалы и готовится защищаться. Но онъ боится, какъ бы изъ утеса не вышелъ змѣй (драконъ) и не поглотилъ дѣвушки; онъ ударяетъ по камню кулакомъ, и змѣй дѣйствительно выходитъ. Дигенисъ ушибъ его такъ сильно, что своротилъ ему челюсть. «Смотри, змѣй, вотъ твоя повелительница». Затѣмъ, онъ снова садится на лошадь и нападаетъ на гнавшихся за нимъ, причемъ убиваетъ мать и отца своей милой въ отместку за тотъ презрительный отзывъ о немъ, который передалъ ему Хиліопаппъ.

---

[1]) Τὰ Κυπριακὰ t. III ὑπὸ 'Αθ. 'Α. Σακελλάριου (Ἀθήνησι 1868): Ἄσματα, № 4, p. 11—15. Сл. F. Liebrecht, Ueber cyprische Volkslieder, p. 27—28.

II.

Девгеній—Дигенисъ.

Рукопись, въ которой сохранилась поэма о Дигенисѣ, отнесена Іоаннидомъ, въ общихъ чертахъ, ко времени до взятія Трапезунта турками (въ 1461 г.). Въ ожиданіи изданія полнаго текста поэмы, которая явится съ примѣчаніями Legrand'а и Вагнера [1]), интересно обратить вниманіе на русскій пересказъ, находившійся, какъ извѣстно, въ сборникѣ XIV—XV в. [2]), содержавшемъ и «Слово о полку Игоревѣ». Отрывки этого пересказа, сохраненные Карамзинымъ [3]), позволяютъ заключить, что онъ принадлежитъ къ одной редакціи съ текстомъ, обнародованнымъ Пыпинымъ. Разница представляется въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, такъ впрочемъ, что древнія черты сохранены поперемѣнно то тѣмъ, то другимъ текстомъ. Такъ въ Мусино-Пушкинскомъ сборникѣ — греческій Филопаппъ пишется: Филопатъ; въ текстѣ Пыпина: Филипапа; наоборотъ, послѣдній называетъ Максимьяной воинственную дѣву, которую и греческій подлинникъ и пересказъ Мусина-Пушкина зоветъ Максимой. Главный герой носитъ въ томъ и другомъ спискѣ имя Девгенія; въ Мусинъ-Пушкинскомъ, кромѣ того, и Девгѣй («о свадьбѣ Девгѣевѣ»). Замѣтимъ особенность русскаго пересказа: исключены или обобщены всѣ мѣстныя, географическія и историческія пріуроченія, дѣлающія византійскую поэму о Дигенисѣ дѣйствительнымъ памятникомъ X-го столѣтія. Въ отдѣлѣ географіи русское изложеніе ограничивается простымъ упоминаніемъ греческой и аравитской земли, греческаго города, Евфрата и т. п.; императоры не названы, какъ не названъ Андроникъ, дѣдъ Девгенія. Онъ даже не является дѣйствующимъ лицомъ; о немъ нѣтъ рѣчи, и на сценѣ его вдова. Эпитеты и прозвища возведены въ значеніе собственныхъ именъ, а имена отсутствуютъ. Въ греческомъ текстѣ герой названъ Василіемъ съ двоякимъ прозвищемъ: Дигениса и Акрита; въ русскомъ просто: Девгеній Акритъ; въ греческомъ эмиръ (Ἀμηρᾶς) Мусулъ крестится и названъ Іоанномъ; въ русскомъ онъ просто Амиръ, т.-е. эмиръ. Послѣ того легко пред-

---

[1]) Саѳа, l. c., стр. 46, прим. 2.

[2]) Я держусь хронологическаго опредѣленія И. И. Срезневскаго. См. его. „Древніе памятники русск. письма и языка“, стр. 135.

[3]) Пыпинъ, Очеркъ, 85—6.

положить, что и Стратиговна (отъ стратигъ — воевода, вождь), воинственная дѣва, которую увозитъ Девгеній, названа такъ отъ прозвища, и что при немъ пропало собственное имя.

Вотъ содержаніе русскаго Девгенія.

Жила была бѣдная вдова, царскаго роду; у ней три сына, прекрасныхъ и храбрыхъ, и дочь, о красотѣ которой наслышался Амиръ, царь аравитской земли. Съ большимъ войскомъ онъ нападаетъ на греческую землю и похищаетъ красавицу, когда ея мать была въ церкви, а братья «въ иной странѣ, на ловлѣ»; только одна старуха была свидѣтельницею этого похищенія; на вопросы матери она отвѣчаетъ: «пришелъ, госпожа, аравитской земли Амиръ царь, и, похитивъ дочь твою, а нашу госпожу, мудростію своею невидимъ сталъ въ землѣ нашей». Мать горько плачется по своей дочери; когда возвратившіеся сыновья спрашиваютъ ее о причинахъ ея скорби, она говоритъ, что царь Амиръ увезъ ихъ сестру «и вырвалъ у меня сердечное кореніе и подсѣкъ меня, какъ бездушную трость». Она заклинаетъ сыновей пуститься въ погоню за хищникомъ, и они тотчасъ же сбираются въ путь, принявъ благословеніе матери: «и возсѣли на коней своихъ и поѣхали, будто златокрылатые ястребы, кони летятъ подъ ними». На межѣ сарацинской земли они встрѣчаютъ одного Сарацина, стража, который, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить имъ, далеко ли до жилища царя Амира, бросается на нихъ съ оружіемъ. Они привязываютъ его къ дереву, а сами ѣдутъ дальше и встрѣчаютъ у рѣки Багряницы (Ксаноъ?) новую многочисленную стражу Амира: было ихъ числомъ три тысячи. Братья раздѣлились: большой братъ заѣзжаетъ съ правой руки, меньшой съ лѣвой, а средній нападаетъ на большой полкъ. И начали они Амировыхъ стражей побивать, что добрые косцы траву косятъ, а иныхъ связали, погнали передъ собою, какъ добрый пастухъ овецъ, и побили ихъ на высокой горѣ; только трехъ оставили въ живыхъ, чтобы было кому провести ихъ къ Амиру. Плѣнники говорятъ, что Амиръ стоитъ въ шатрахъ за семь поприщъ отъ города; его собственный шатеръ червленый, «а по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчугомъ усаженъ и драгимъ каменіемъ украшенъ». Братья посылаютъ плѣнныхъ сарацинъ къ Амиру, пусть не говоритъ, что они пришли къ нему, какъ тати. Получивъ это извѣстіе, царь ужаснулся, собралъ своихъ приближенныхъ и говоритъ: «братья мои, сильные кметы, видѣлъ я ночью сонъ, будто три ястреба били меня своими крыльями и чуть не изранили; это три брата пріѣдутъ и начнутъ брань». Между тѣмъ они уже прибыли къ шатру и вызы-

ваютъ Амира: не умѣешь ты, царь Амиръ, на пути сторожей ставить; вотъ мы пріѣхали, и никто насъ не задержалъ. А теперь скажи намъ, зачѣмъ ты воровски похитилъ нашу сестру? Гдѣ она?—Амиръ отвѣчаетъ: «братья мои милые! Видите вы ту гору: тамъ много женъ и прекрасныхъ дѣвицъ посѣчено; тамъ посѣчена и сестра ваша, потому что не сотворила воли моей».— Зло тебѣ будетъ отъ насъ, говорятъ братья, и ѣдутъ на гору искать тѣла сестры; не найдя ея въ числѣ убитыхъ, они снова скачутъ къ шатру Амира и поднимаютъ его на копья. Царь предлагаетъ имъ бросить между собою жребій: на кого онъ падетъ, съ тѣмъ онъ будетъ биться; если побѣдитъ его противникъ, онъ отдастъ дѣвушку, если онъ побѣдитъ, ему вольно умертвить всѣхъ троихъ братьевъ. Три раза мечутъ жребій, и всякій разъ онъ падаетъ на младшаго, потому что онъ былъ единоутробный съ своей сестрой. Братья снаряжаютъ его къ бою, и гдѣ снаряжаютъ, тамъ сіяетъ солнце, а гдѣ Амира, тамъ какъ тьма темно; братья же возсылаютъ къ Богу ангельскую пѣсню: Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуются поганые, оскверня христіанскую дѣвицу.

Амиръ, побѣжденный въ поединкѣ, обѣщаетъ принять святое крещеніе «любви ради той дѣвицы», и женится на ней.— «Ты нашъ рабъ, убить тебя или отпустить — въ нашей волѣ; какъ же намъ за раба выдать свою сестру? А ты скажи намъ, гдѣ она?» Такъ говорятъ Амиру братья, и по его указанію находятъ сестру, сидящею на золотомъ стулѣ, въ шатрѣ, устланномъ золотыми паволоками, «а лицо ея покрыто драгимъ магнитомъ (?)». Дважды обращаются они къ ней съ вопросомъ, какъ обошелся съ ней Амиръ; если прикоснулся хоть единымъ словомъ, они снимутъ съ него голову и отвезутъ въ греческую землю. Но сестра успокоиваетъ ихъ: Амиръ пріѣзжалъ къ ней лишь однажды въ мѣсяцъ и смотрѣлъ на нее издалека; онъ велѣлъ ей закрывать лицо отъ сродичей, и никто не смѣлъ входить въ ея шатеръ. «Если же Амиръ крестится», прибавляетъ она, «то другого такого зятя вамъ не найти: онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ».—Да совокупитъ васъ матерня молитва съ Амиромъ царемъ, говорятъ братья, и предлагаютъ Амиру тотчасъ же креститься и ѣхать съ ними въ греческую землю. Но онъ не хочетъ идти полонянникомъ; пусть отправятся они впередъ, да не томятъ коней и его подождутъ по дорогѣ; онъ явится самъ съ богатствами и людьми и наречется ихъ зятемъ съ великою честью.

Братья пустились въ путь, а Амиръ идетъ къ матери и брату и заводитъ хитрыя рѣчи: былъ онъ въ греческой землѣ, увезъ оттуда дѣвицу, пришли ея братья и отняли ее. Бился съ нимъ меньшой братъ и побѣдилъ его, а еслибы стали биться всѣ трое, то всю бы землю поработили. Мать выходитъ изъ себя отъ гнѣва, терзаетъ лицо, рветъ на себѣ волосы. «Зачѣмъ же ты называешься царемъ?» говоритъ она сыну:—«собери войско и иди въ греческую землю, братьевъ побѣди и мнѣ приведи любимую дѣвицу». Амиръ тотчасъ же соглашается съ матерью, устраняетъ предложеніе брата—сопутствовать ему въ походѣ, и садитъ его на мѣсто себя на престолъ. Затѣмъ онъ начинаетъ собирать войско и богатства со всей земли: навьючилъ на верблюдовъ дорогого золота аравитскаго и каменія драгоцѣннаго. Видятъ сарацины, что такъ въ походъ не ходятъ, но ничего не сказали Амиру. Прибывъ на границу греческой земли, онъ обращается къ своимъ аравитянамъ: кто изъ нихъ хочетъ идти съ нимъ разорять греческую землю? Отвѣчаетъ ему одинъ аравитянинъ, съ двѣнадцатью замками на устахъ: «Одинъ юноша побѣдилъ твою крѣпость, трое все бы царство твое поработили; а ты хочешь идти въ греческую землю! Они насъ всѣхъ до остатка погубятъ». Тогда Амиръ, отпустивъ часть рати и пославъ впередъ свои сокровища, самъ пошелъ далѣе съ немногими кметами. Братья, по просьбѣ сестры, ждали его на дорогѣ; большой и средній братъ съ сестрою отправились впередъ и вошли въ городъ ночью, «народа ради». Какъ увидѣла ихъ мать, заплакала: сестрицу вы свою добыли, а братца изгубили! Но тѣ утѣшаютъ ее: братъ остался позади «съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, съ Амиромъ царемъ. А нынѣ ты, мати, доспѣвай бракъ великъ».

Амира креститъ въ купели на Евфратѣ самъ патріархъ; воспріемникомъ былъ царь того города. Брачный пиръ длился три мѣсяца, послѣ чего Амиръ поставилъ себѣ особый дворъ и палаты, и сталъ жить съ женою.

Между тѣмъ прослышала о немъ его мать, что онъ отвергся своей вѣры; пришла въ ярость, собираетъ многое множество войска и говоритъ: кто изъ васъ хочетъ идти въ греческую землю и увезти Амира царя вмѣстѣ съ его любимою дѣвицею? Три сарацина выходятъ на вызовъ; царица даетъ имъ золото, три (вѣщія?) книги и трехъ коней: одинъ конь *вѣтренница*, другой *громъ*, третій *молнія*. Какъ выведете Амира съ его дѣвицею изъ греческой земли и сядете на вѣтренницу, никѣмъ не будете видимы; какъ войдете въ сарацинскую землю и сядете на громъ-коня, тогда услышатъ всѣ аравитяне сарацинской земли; какъ

сядете на коня-молнію, невидимы будете въ греческой землѣ. Сарацины прибыли подъ греческій городъ и остановились въ потаенномъ мѣстѣ. Въ ту ночь женѣ Амира видѣлся страшный сонъ: златокрылатый соколъ влетѣлъ въ ея палату и унесъ ее; затѣмъ прилетѣли три ворона и напали на сокола, и соколъ упустилъ ее. Волхвы и книжники, спрошенные братьями, такъ толкуютъ сонъ: Амиръ—соколъ, по повелѣнію матери своей, хочетъ похитить свою жену и увезти въ свою землю; три ворона—три сарацина, стоящіе за городомъ и присланные къ Амиру съ граматами отъ его матери. Амиръ клянется живымъ Богомъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ замыслѣ; вмѣстѣ съ братьями онъ отправляется за-городъ, гдѣ находитъ скрывавшихся сарацинъ. Они во всемъ сознались, приняли святое крещеніе и начали жить у Амира, который роздалъ ихъ коней своимъ шурьямъ.

Вскорѣ книжники возвѣщаютъ царю рожденіе сына, котораго назвали Акритомъ, а по божественномъ крещеніи—Девгеніемъ. Слѣдуютъ подробности о воспитаніи мальчика: на 11—12-мъ году онъ началъ копьемъ играть, на 13-мъ на добрыхъ коняхъ ѣздить; «и былъ горараздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша прекрасенъ, лицо его, чтó снѣгъ, а румяно, какъ маковъ цвѣтъ, волосы его, чтó золото, очи у него великіе, какъ чаши; страшно смотрѣть на него. Отецъ его выбралъ ему коня бѣлаго, какъ голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы: отъ гудѣнія ихъ умъ человѣческій не можетъ смыслить». На 14-мъ году прекрасный Девгеній сталъ выѣзжать на всякаго звѣря безъ оружія. «Чадо! рано тебѣ о ловахъ звѣриныхъ помышлять», говоритъ ему отецъ, и посылаетъ его съ шурьями своими на охоту за зайцами. Но Девгеній смѣется надъ такой забавой и зоветъ отца въ дальные пустые лѣса: тамъ онъ догоняетъ «борзѣе борзаго фарыжа (коня), лося и медвѣдя и раздираетъ ихъ руками на полы; убиваетъ «лютаго звѣря», который готовился поглотить его [1]). Отецъ любуется подвигами сына и зоветъ его къ находившемуся въ лѣсу источнику: «въ немъ что свѣча сіяетъ, изъ простыхъ людей не можетъ никто къ нему подойти, потому что въ немъ многія чудеса творятся»; онъ хочетъ своими руками омыть лицо, руки и ноги своего сына. Но Девгеній говоритъ: «ты моешь мнѣ руки, а имъ еще грязнымъ быть». Только-что онъ сказалъ это, какъ великій змѣй прилетѣлъ къ источнику; у него четыре головы человѣчьи. Девгеній срубаетъ ихъ, къ удивленію отца и всѣхъ

---

[1]) Ср. „лютаго звѣря", рядомъ съ туромъ, оленемъ и др. въ „Поученіи Мономаха".

предстоящихъ, и съ торжествомъ возвращается домой: конь подъ нимъ играетъ, звонцы же его доброгласные начали гудѣть. Мать радуется его пріѣзду; самъ же Девгеній началъ съ той поры помышлять о ратныхъ дѣлахъ.

Услышали объ его силѣ и храбрости Филопаппъ и дочь его Максима, и стали помышлять, какъ бы уловить его, какъ зайца въ тенета. Филопаппъ и Максима сами отличались мужествомъ и силой, и воины ихъ были храбры, какъ македоняне. Придя подъ греческій городъ, они остановились съ войскомъ на Евфратѣ, и Максима послала Девгенію грамоту, въ которой просила придти къ ней съ немногими людьми; она хочетъ полюбоваться на его юность и храбрость: «ты царствуешь надъ всѣми нами, храбрыми и сильными, какъ май мѣсяцъ надъ всѣми мѣсяцами». Амиръ отговариваетъ Девгенія отъ поѣздки: «ты еще въ ратяхъ не бывалъ, а Филопаппъ силенъ и дочь его мужескую дерзость имѣетъ, и войска у нихъ много». Но Девгеній, по нѣкоторомъ колебаніи, рѣшается ѣхать: когда онъ прибылъ къ Евфрату и его люди переправились черезъ рѣку, Филопаппъ и Максима стали гоняться за нимъ со всѣмъ войскомъ. Девгеній не вытерпѣлъ: упершись концомъ копья въ берегъ, онъ перескочилъ черезъ рѣку, «словно соколъ дюжій отъ руки ловца», и, сѣвъ на коня, началъ тысячами побивать непріятельское войско. Самого Филопаппа онъ свалилъ съ коня, ударивъ его тупымъ концомъ копья промежъ плечей. Максима, увидѣвъ, что Девгеній вяжетъ ея отца, готовится проколоть Девгенія сзади; но онъ ухватилъ ея копье, и ударивъ ее по лицу, повергъ на землю и связалъ вмѣстѣ съ отцомъ. Филопаппъ обращается къ своему побѣдителю: «О, злато-крылатый ястребъ! ты сильнѣе и храбрѣе всѣхъ насъ, но есть тебя еще храбрѣе и сильнѣе: преславный Стратигъ, у него четыре сына и дочь Стратиговна: у ней мужская дерзость и храбрость, и нѣтъ никого на семъ свѣтѣ краше ея; многіе цари и короли за нее сватались, но никто не отъѣзжалъ живъ отъ ихъ царства; развѣ тебѣ поможетъ Господь». И онъ проситъ Девгенія пощадить его старость и отпустить его. Девгеній обѣщаетъ ему это, если все имъ сказанное окажется справедливымъ, а пока хочетъ возложить на лицо его «знаменіе». Максима также молитъ Девгенія: «многихъ царей и королей она побѣждала; теперь Господь покорилъ меня тебѣ; если ты сочетаешься со мною и мы будемъ вмѣстѣ, никто не будетъ въ силахъ противостоять намъ». Но мудрый Девгеній посмотрѣлъ въ вѣщую книгу «о житіи своемъ и о смерти», и досмотрѣлся въ ней: коли Девгеній соединится съ Максимой, жить ему шестнадцать

лѣтъ, если же овладѣетъ прекрасной Стратиговной, то тридцать-шесть. Онъ отправляетъ Филопапша и Максиму къ своимъ родителямъ, съ тѣмъ, чтобы они держали плѣнниковъ въ чести, а самъ ѣдетъ на новые подвиги. Отецъ останавливаетъ его: «многіе помышляли о Стратиговнѣ, но никому еще не сбылось увидѣть ее». Собравъ большое войско, взявъ съ собою драгоцѣнныя одежды и «коня своего съ звончатыми гуслями», онъ доходитъ до границы Стратиговой земли. Здѣсь онъ оставляетъ войско и ѣдетъ одинъ къ городу Стратига. Юноша съ его двора говоритъ Девгенію, что самого царя съ сыновьями нѣтъ дома, что они отправились въ другую страну ловы дѣять; дома Стратиговна: краше ея нѣтъ на свѣтѣ, многіе цари и царевичи пріѣзжали сюда, но никто въ очи ее не видалъ и живъ отсюда не выѣзживалъ. Такова сила Стратига; но и сама Стратиговна мужскую дерзость имѣетъ, и никому не подобаетъ на нее зрѣть, развѣ тебѣ. Девгеній ѣдетъ городомъ и останавливается передъ дворцомъ стратиговымъ; красавица смотритъ на него въ окно и думаетъ: красивъ витязь, но не силенъ. Вернувшись въ свой станъ, Девгеній веселится всю ночь, велитъ бить въ тимпаны и набаты, въ сурны и гусли играть. Стратиговна спрашиваетъ у своихъ мамокъ: «чтó это значитъ?» —Это пріѣхалъ изъ греческой земли царевичъ, хочетъ тебя взять за себя.—На другое утро Девгеній снова является передъ дворомъ Стратиговны, на бѣломъ конѣ, у котораго въ гриву вплетены гудцы и звонцы. Стратиговна опять смотритъ на него въ оконце и высылаетъ къ нему кормилицу съ такою рѣчью: «О, свѣтозарное солнце, молодой юноша! велѣла тебѣ сказать государыня наша, жалуючи тебя: красивъ ты, а не силенъ; зачѣмъ имѣлъ ты дерзость пріѣхать къ ея двору? Лучше отправляйся домой, пока не пріѣхали мой отецъ и братья».

На этомъ останавливается, къ сожалѣнію, текстъ, найденный г. Пыпинымъ. Отрывки Мусинъ-Пушкинскаго текста, сообщенные Карамзинымъ, досказываютъ остальное. Девгеній играетъ подъ окнами Стратиговны на серебряныхъ гусляхъ съ золотыми струнами и говоритъ: «скажи мнѣ про отца своего и братьевъ, каковы они?» Отвѣчаетъ ему дѣвица: «на отцѣ моемъ броня золотая и шлемъ золотой, каменіемъ драгимъ и жемчугомъ саженъ, конь у него покрытъ паволокою зеленою; у братьевъ—брони серебряныя, только шлемы золотые, кони, покрытые паволокою червленою». Девгеній побѣждаетъ отца и братьевъ Стратиговны и отпускаетъ ихъ на свободу, взявъ у Стратига, «за знаменія мѣсто», крестъ его прадѣда многоцѣнный, у сыновей его жуко-

вины съ дорогимъ каменіемъ. Онъ женится на дѣвушкѣ: тесть и теща и шурья предлагаютъ ему богатые дары, между прочимъ 30 фаревь (коней), 30 пардусовъ и соколовъ съ кормильцами своими [1]), шатеръ, шитый золотомъ, вмѣщавшій многія тысячи воиновъ, икону св. Ѳеодора, четыре копья аравитскіе, 50 поясовъ златокованныхъ.

Нельзя не пожелать, чтобы византійская поэма о Дигенисѣ была напечатана въ скоромъ времени. Она не только уяснитъ намъ характеръ передѣлокъ русскаго Девгенія, но и представитъ намъ, въ памятникѣ Х-го вѣка, любопытный прототипъ многихъ фантастическихъ образовъ, получившихъ право народной давности въ эпосѣ средневѣковой Европы. Таковы, напр., дѣвы-воительницы, въ родѣ Максимы, образъ которой мы найдемъ и въ Брунгильдѣ Нибелунговъ, и въ «свѣтломъ мѣсяцѣ», дочери хана Кайду, которая хочетъ отдаться жениху лишь подъ условіемъ— быть имъ побѣжденной въ поединкѣ [2]). Таковы служебные великаны Ротера: одинъ изъ нихъ, Витольдъ, такъ свирѣпъ, что его принуждены держать на цѣпи; я не прочь сблизить его съ тѣмъ аравитяниномъ Девгенія, у котораго уста замкнуты двѣнадцатью замками. Нѣмецкая поэма о Ротерѣ принадлежитъ къ особому циклу эпическихъ сказаній, который принято называть ломбардскимъ; но ихъ главное мѣсто дѣйствія Константинополь; Ротеръ царитъ въ Бари, королю Ортниту повинуются Абруццы (Brussen, Bruzzen). Было бы, можетъ быть, правильнѣе назвать этотъ циклъ византійско-ломбардскимъ, принимая Ломбардію въ смыслѣ южной Италіи. Главное содержаніе этихъ поэмъ: добываніе невѣсты, при столь же затруднительныхъ условіяхъ, при какихъ Дигенисъ добываетъ Стратиговну. Изученіе византійской поэмы будетъ, можетъ быть, не безполезно и по отношенію къ другому ряду средневѣковыхъ разсказовъ, poèmes d'aventures, избирающихъ мѣстомъ дѣйствія Востокъ и переносящихъ насъ въ міръ такихъ же диковинокъ, какія мы видѣли въ «Девгеніѣ»: волшебные кони, вѣщія книги, чудесные источники и бои съ драконами. Всё это отзывается восточной фантазіей, опредѣляя посредствующую роль Византіи между Востокомъ и Западомъ.

Что изученіе Дигениса-Девгенія не безъинтересно и по отношенію къ русскому былинному эпосу, я попытаюсь показать на частномъ примѣрѣ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Извѣстно, что на Востокѣ пардусы, равно какъ и соколи, употреблялись на охотѣ.

[2]) Yule, The book of sir Marco Polo. II, 393—6.

III.

Дигенисъ-Аника и «старшіе богатыри».

Молва о Дигенисѣ, объ его невиданной силѣ и чудныхъ подвигахъ до сихъ поръ живетъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ греческаго народа. Указываютъ на крѣпости, будто-бы имъ построенныя; одно селеніе въ Халдіи до сихъ поръ зовется Акританте; встрѣчаются многія семейныя прозвища, связанныя съ его именемъ: Акритиды и Акритопулы; близъ Трапезунта, около Телекли-тази, показываютъ его могилу и на нее, по обычаю, носятъ новорожденныхъ, чтобы предохранить ихъ отъ чаръ.

Народная фантазія продолжала работать надъ его образомъ. Интересно было представить себѣ, какимъ образомъ его, никѣмъ не побѣжденнаго, побѣдила смерть—и вотъ явился цѣлый рядъ греческихъ пѣсенъ о борьбѣ Дигениса съ воплощенной смертью, Харономъ [1]).

Во вторникъ родился Дигенисъ, и во вторникъ онъ долженъ умереть! Зоветъ къ себѣ своихъ друзей и всѣхъ храбрыхъ: Мину и Мавруди, и сына Драка, Триматохила, отъ котораго дрожитъ земля и весь свѣтъ. Они пришли и увидѣли его лежащимъ на полѣ. «Что съ тобой, Дигенисъ, ты не сбираешься ли умирать?» —Ѣшьте и пейте, друзья мои, я стану вамъ разсказывать. Въ горахъ у Аламаны, въ полѣ у Арапіи, не пройти бывало пятидесяти человѣкамъ, а прошло ихъ 50 и сто вооруженныхъ. И я бѣдный прошелъ пѣшкомъ, вооруженный; триста медвѣдей, 62 льва убилъ я, убилъ и вѣщаго оленя съ распятіемъ среди роговъ, звѣздой на лбу и образомъ Богородицы среди лопатокъ. За этотъ грѣхъ я и долженъ умереть. Триста лѣтъ жилъ я на этомъ свѣтѣ, никакого храбреца не боялся, а теперь увидѣлъ храбраго, босого, въ пестрой одеждѣ, съ блестящими, какъ молнія глазами; какъ увидѣлъ, мое сердце содрогнулось. За тотъ грѣхъ я и умру [2]).—

Другая греческая пѣсня [3]) развиваетъ подробнѣе мотивъ этой послѣдней встрѣчи. На вопросы друзей Дигенисъ отвѣчаетъ, что онъ долженъ умереть: «восемьдесятъ лѣтъ жилъ я на этомъ свѣтѣ, не боялся никакого храбреца, а теперь увидѣлъ босого, въ бога-

---

1) О Харонѣ см. Полита, Μελέτη, Ἐπὶ τοῦ βίου τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων, т. I, стр. 236 и слѣд.

2) Kind, Anthologie neugriechischer Volkslieder, стр. 62.

3) Тамъ же, стр. 66.

тыхъ одеждахъ; его волосы блистали, какъ солнце, какъ молнія его глаза. Онъ звалъ меня на бой на томъ мраморномъ току; кто кого побѣдитъ, тому взять душу побѣжденнаго». Они пошли и стали биться на мраморномъ току; ударитъ Дигенисъ, потоками течетъ кровь; ударитъ Харонъ, течетъ рѣкою.

Въ слѣдующей пѣснѣ [1]) Харонъ не названъ, но содержаніе то же, что и въ предыдущей. Являются нѣкоторыя новыя подробности, хотя вообще изложеніе спутано:

Умираетъ Дигенисъ, и земля пугается. Узнали о томъ три друга его, три вѣрные друга. Одинъ приноситъ ему холодной воды, другой свѣжаго мускуса, а третій зелья (ἀντίφυχον) для того, чтобы не умереть. За столомъ, гдѣ они сидѣли и обѣдали, не было у нихъ распри, а распрю нашли. — «Насъ было три удальца, всѣ трое истые храбрецы; но какого мужа я видѣлъ вчера на лугу Драка! Привѣтъ тому, кто его посѣялъ и кто его въ утробѣ носилъ! Подобны утесу были его плечи, подобна крѣпости голова его, а широкія груди, что стѣна, заросшая травою». Какъ будто услышалъ это мертвый (умирающій?), тяжело застоналъ. «Принесите мнѣ сюда вина напиться, принесите хлѣба поѣсть; а ты, сынъ писца, сними со стѣны саблю и тяжелое мое копье, чтобы воскресло мое сердце». Ободрился и поднялся, одѣвается въ двѣнадцать броней, въ пятнадцать плащей, надѣлъ мѣдную кольчугу и желѣзную шапку, пошелъ и нашелъ его (Харона) въ полѣ, гдѣ онъ охотился. «Кто это ты, охотящійся на лугу Драка?» — Себѣ хозяинъ и твой господинъ, и господинъ моего господина. — «Бей меня, чтобы и я тебя ударилъ, бей меня, чтобы и я тебя билъ».—Словно молнія глазъ его, а голосъ его, что громъ. Разъ его ударилъ, и второй разъ; гротъ наполнился кровью, и онъ (Харонъ) растянулъ его въ длину. Весь свѣтъ сбѣжался посмотрѣть на раненаго. Привѣтъ мой лежачему, полумертвому, привѣтъ и тому врачу, что излечиваетъ мертвыхъ.

Кипрская пѣсня изъ собранія Сакелларія [2]) такъ поетъ о борьбѣ Дигениса съ Харономъ. Облеченный въ черныя одежды, съ золотымъ мечомъ при бедрѣ, садится Харонъ на вороного коня и хочетъ ѣхать. Мать проситъ его на прощаньи не трогать женщинъ,

---

[1]) Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris, № CCCCXCI. Переводомъ я обязанъ проф. Г. С. Дестунису.

[2]) Сакелларій, l. c. t. II, № 17; Liebrecht, Ueber cyprische Volkslieder, стр. 42—4. Съ началомъ этой пѣсни см. Tommaseo, Canti del popolo Greco, p. 293: La madre di Caronte.

ни старыхъ, ни красивыхъ, ни маленькихъ дѣтей, потому что матери станутъ о нихъ плакать. «Если ему всего этого не дѣлать, зачѣмъ же ему и зваться Харономъ», отвѣчаетъ Харонъ и уѣзжаетъ. Съ вершины холма онъ видитъ садъ, въ которомъ пируютъ нѣсколько архонтовъ. Они приглашаютъ Харона къ участію, но тотъ отказывается: не затѣмъ онъ пришелъ, чтобы пировать, а чтобы увлечь съ собою самаго храбраго изъ нихъ. Спрошенный ими, онъ называетъ себя длинноперстымъ, беззубымъ. Слышитъ это Дигенисъ и, разгорѣвшись гнѣвомъ, опрокидываетъ столъ, и стулья и посуду, и вызываетъ Харона на борьбу. Условіе такое: если побѣдитъ Дигенисъ, Харонъ пощадитъ его жизнь. Они схватились: гдѣ хватитъ Харонъ, брыжжетъ кровь, гдѣ Дигенисъ, ломаются камни. Бой длится три дни и три ночи, побѣждаетъ Дигенисъ и благодаритъ Бога за побѣду. А Богъ говоритъ Харону: не затѣмъ посылалъ я тебя, чтобы бороться, а чтобы отнимать души. Золотой орелъ спускается на голову Дигениса и точитъ ее своими когтями. Дигенисъ лежитъ въ предсмертныхъ мукахъ.

Послѣдняя изъ приводимыхъ мною греческихъ пѣсенъ [1]) записана въ Трапезунтской области, и интересна тѣмъ въ особенности, что Дигенисъ, обычно являющійся въ борьбѣ со смертью, названъ здѣсь другимъ своимъ прозвищемъ: Акритомъ.

«Слышишь, слышишь, мой Акритъ, что̀ говорятъ птицы? Всегда пѣли онѣ и говорили: долго проживетъ Акритъ; а теперь поютъ и говорятъ: умретъ Акритъ». Слышитъ это Акритъ, смѣется и говоритъ: «онѣ маленькія, глупыя птицы и пѣть не умѣютъ; оставьте этихъ глупыхъ; пусть поютъ и радуются. А принесите мою стрѣлу, что́ длиною въ триста локтей; приведите моихъ охотничьихъ собакъ, привязанныхъ на цѣпь; я пойду на охоту и въ отъѣзжія мѣста. Если не найдется птицы, чтобы мнѣ поохотиться, тогда въ самомъ дѣлѣ я умру». Акритъ ѣдетъ на охоту и въ отъѣзжія мѣста, и нечѣмъ ему поохотиться, нигдѣ не нашелъ ни птицы... «Куда идешь, куда идешь, Харонъ, чему такъ обрадовался?»—Я къ тебѣ прихожу, оттого я такъ веселъ.—«Меня зовутъ Акритомъ, непобѣдимымъ Акритомъ».—Ты, Акритъ, не слишкомъ-то хвастай. Знаешь ли кто меня послалъ къ тебѣ, къ такому молодцу? Ну-ка, выходи, поборемся на мѣдномъ току. Если будетъ такъ, что ты побѣдишь, то возьми мою душу и уходи; если я буду побѣдителемъ, я возьму твоего вороного.—Вы-

---

[1]) Іоаннидъ, l. c., стр. 282—3, № 14. Пѣсня приводится въ приблизительной передачѣ проф. Дестуниса.

ступили и поборолись, и побѣдилъ Харонъ. «Возьми серебра, Харонъ, возьми золота, сколько хочешь; если хочешь и коня моего; такого и у царя нѣтъ; возьми мою стрѣлу, чтó длиною въ триста локтей; возьми и охотничьихъ собакъ, возьми, коли желаешь». — Кто меня послалъ къ тебѣ, я не помню, только онъ сказалъ мнѣ: возьми душу его и приходи.—«Горе мнѣ, несчастному, мнѣ ли помирать! Пусть радуются высокія горы и долины! Приди, красавица моя, и постели мнѣ смертное ложе, положи фіалки къ головѣ моей и цвѣты долины». Вышла красавица и разостлала цвѣты.

Я остановлюсь на одномъ выраженіи этой пѣсни, имѣющемъ для меня особое значеніе: Акритъ-Дигенисъ зоветъ себя *Аникитомъ* (ἀνίκητος), т.-е. *непобѣдимымъ*. Но то же значеніе имѣетъ и имя *Аники*, сказочнаго богатыря старинныхъ русскихъ повѣстей, народныхъ пѣсней и поговорокъ (Оникой глядитъ, щелчкомъ свалитъ), даже мѣстныхъ преданій, въ которыхъ Аника является разбойникомъ, могилу котораго до сихъ поръ показываютъ гдѣ-то близъ Вологды: на Аникину могилу всякій прохожій обязанъ бросить прутъ [1]). Такъ глубоко обнародилось и вмѣстѣ съ тѣмъ исказилось у насъ преданіе о византійскомъ Аникитѣ; потому что въ такомъ именно происхожденіи нашего Аники едва ли возможно сомнѣваться. Главное и исключительное содержаніе повѣстей и пѣсней объ Аникѣ-воинѣ — его борьба со смертью. Онъ — сильный и храбрый богатырь, много войнъ повоевалъ, много городовъ разорилъ на своемъ вѣку. Одна пѣсня [2]) заставляетъ его жить «въ славномъ городѣ, въ Евлесѣ (Эфесѣ?); старыя лубочныя картинки изображаютъ его въ восточной красной шапочкѣ, съ мечомъ. Какъ и Дигенисъ греческихъ пѣсней, онъ живетъ долгіе годы (222, 331 и даже 390 лѣтъ). Разбойникъ Аника, вологодскаго преданія, отчасти объясняется тѣмъ особымъ освѣщеніемъ, въ которомъ выступаетъ Аника народныхъ пѣсенъ: много онъ церквей разорилъ, иконъ поругалъ, многихъ христіанъ облатынивалъ; подъ конецъ онъ собирается на «начальный градъ Ерусалимъ». Выѣхалъ въ поле, и тутъ повстрѣчалось ему чудо чудное, диво дивное—смерть: голова у него че-

---

[1]) См. Пыпина, Очеркъ, стр. 135—6; Тихонравова; Повѣсть о преніи живота съ смертію въ „Лѣтоп. русск. лит. и древн.“ 1859. II, стр. 183 и слѣд.; Пѣсни, собранн. Кирѣевскимъ, вып. IV, замѣтка Безсонова, стр. CVIII и слѣд.; Пѣсни объ Аникѣ, тамъ же, стр. 115—138 (5 №№); Пѣсни, собранн. Рыбниковымъ, I, стр. 465—466; II, стр. 255—258; Варенцова, Сборн. русск. духовн. стиховъ, стр. 100—127 (3 №№) и др.

[2]) Варенцовъ, стр. 110.

ловѣческая, туловище звѣриное, ноги лошадиныя, волосы до пояса; фантазія русскихъ пѣвцовъ не поскупилась, рисуя этотъ образъ. Греческія пѣсни заставляютъ Дигениса вступить въ рукопашный бой съ Харономъ: иначе—русскій стихъ. Когда смерть объявляетъ, на вопросъ Аники, кто она такая, Аника грозитъ зашибить ее палицей, потоптать конемъ. Смерть говоритъ, что она искосила и другихъ богатырей, искоситъ и его. Тогда Аника прямо обращается къ мольбамъ, сулитъ золотую казну, проситъ отсрочки на годъ, на полгода, на мѣсяцъ; онъ хочетъ проститься съ отцомъ, съ матерью. Но всѣ просьбы оказываются тщетными: смерть «вынимаетъ пилы невидимыя, потираетъ его по костямъ и по жиламъ», и Аника валится съ коня.

Каковъ былъ источникъ русскаго стиха объ Аникѣ, обыкновенно помѣщаемаго подъ лубочными картинками, изображающими его встрѣчу со смертью? Прозаическій пересказъ, иногда заступающій мѣсто объяснительнаго стиха, легко могъ быть составленъ на основаніи послѣдняго и не приближаетъ насъ къ его оригиналу. Имя Аники—Аникита и нѣсколько книжный стиль пѣсенъ, о немъ сохранившихся, побуждаютъ искать ихъ первичнаго источника въ какой-нибудь византійской аскетической статьѣ, и непосредственнаго—въ русской переводной статьѣ того же содержанія. Такою могла быть распространенная въ рукописяхъ повѣсть о «Преніи живота со смертію», на связь которой съ пѣснями объ Аникѣ указалъ уже г. Тихонравовъ [1]). Мотивъ этотъ долженъ былъ нравиться читателямъ многочисленныхъ преній религіозно-поучительнаго содержанія, распространенныхъ въ средневѣковой литературѣ. Выводились на сцену въ разговорѣ и борьбѣ другъ съ другомъ личности, носители противоположныхъ принциповъ и понятій, либо эти принципы и понятія олицетворялись въ стилѣ аллегорическихъ moralités: препирались душа и тѣло, вода съ виномъ, синагога съ церковью и т. п. Преніе живота со смертію принадлежитъ къ тому же циклу школьно-поэтическихъ упражненій, иногда переходившихъ въ народную поэзію. На такомъ школьномъ источникѣ основана сициліянская пѣсня, выводящая на сцену юношу, препирающагося со смертью [2]), и отрывокъ нѣмецкаго стихотворенія, записанный въ началѣ XVI-го вѣка на оборотѣ стариннаго переплета: можетъ быть, отрывокъ какой-нибудь драмы, какъ полагаетъ Вакернагель [3]). Онъ начинается

---

1) „Лѣтоп. русск. лит.“ l. с., стр. 185.

2) Pitrè, Canti popolari siciliani, II, стр. 423—5: La morte e l'ignorante.

3) Haupt's Zeitschrift f. d. Alterth. IX, 345—6; Wackernagel, Kleinere Schriften I, стр. 353; приведено г. Тихонравовымъ, l. c., 189—190.

вопросомъ воина, повстрѣчавшагося со смертью и пораженнаго ея видомъ:

Wer bis tu den ich nie sich
Ainer Gestalt so erschröckenlich?

Онъ никогда не видалъ ничего столь ужаснаго: его сила и мужество, не оставлявшее его во многихъ бояхъ, его покинули. «Я думаю, что ты горькая (bitter) смерть». Смерть называетъ себя; противъ нея нѣтъ оружія; она велитъ воину слѣдовать за собою.

Въ русскомъ преніи [1]) также вступаетъ на сцену воинъ, или же олицетворенію смерти противопоставляется такое же олицетвореніе жизни: «животъ бѣ человѣкъ». Онъ ѣздитъ по полю чистому, по раздолью широкому, конь у него крѣпкій, звѣровидный, мечъ обоюду наточенъ и оружіе твердое. «Онъ побивалъ много полковъ, прогонялъ сильныхъ царей и побѣждалъ богатырей. Всегда отличался великою силой и храбростью, исполненъ разума и всякой мудрости. И говорилъ высокія и гордыя слова: на семъ свѣтѣ и подъ всей поднебесной кто бы могъ со мною биться или противостать мнѣ — царь или богатырь или звѣрь сильный? И еще, помышляя въ себѣ, говорилъ: *еслибъ я былъ на облакахъ небесныхъ, а въ землѣ было бы кольцо утверждено, и я бы всю вселенную подвизалъ.* И внезапу пришла къ нему смерть, образъ имѣя страшенъ, обличіе имѣя человѣческое и грозный видъ. Ужасно было смотрѣть на нее. И несла она съ собою много мечей, скованныхъ на человѣка, и ножей, и пилъ, и рожновъ, и серповъ, и сѣчивъ, и косъ, и бритвъ, а также несла и члены человѣческаго тѣла, отсѣченные, и многое другое, невѣдомое, чѣмъ она кознодѣйствуетъ на разрушеніе человѣка» [2]).

---

[1]) Я слѣдую тексту, напечатанному г. Тихонравовымъ, l. c., стр. 186—188, и отрывкамъ другого текста у г. Буслаева, Очерки, I, 635—7.

[2]) На миніатюрѣ къ пренію Ж. и С., помѣщенной въ сборникѣ Буслаева, животъ и смерть изображены пѣшіе, первый въ одеждѣ римскаго воина, поверхъ которой накинутъ плащъ, съ мечомъ, занесеннымъ надъ головою, тогда какъ другая держитъ ножны; Смерть-скелетъ, съ колчаномъ позади плечъ, изъ котораго выглядываютъ различныя смертоносныя орудія: серпъ, топоръ, копья и т. п.; она замахнулась косой, которой дѣлаетъ движеніе, какое обычно при косьбѣ; ниже ея, подъ ногами, выставились изъ земли три фигуры, изъ нихъ двѣ въ вѣнцахъ, одна протянула руки, какъ будто въ моленіи: это сильные міра сего, скошенные смертью. Фонъ ландшафта: гора и зданіе. Въ миніатюрѣ лицевой библіи, принадлежащей гр. Уварову, встрѣча живота со смертью ближе отвѣчаетъ подробностямъ пѣсенъ объ Аникѣ: въ полѣ, сзади котораго поднимаются лѣсъ и горы, животъ и смерть встрѣтились; первый на конѣ, грозитъ поразить копьемъ противника; Смерть-скелетъ сидитъ на

Слѣдуетъ преніе живота со смертью, открывающееся похвальбой воина и кончающееся его мольбами о пощадѣ и его пораженіемъ—существенно такъ же, какъ и въ стихѣ объ Аникѣ. Смерть хвалится въ свою очередь: «отъ Адама и до сего дни сколько было людей, царей, и князей, и воеводъ, и простыхъ людей, и женъ и дѣвицъ, и младенцевъ—всѣхъ тѣхъ азъ прибрала. *Самсонъ* не богатырь-ли былъ? Не силенъ-ли былъ? Такъ говорилъ: *аще бы днъ было кольце въ землѣ утверждено, и азъ бы днъ всю землю поворотилъ* [1]). Да того азъ взяла. *Александръ*, царь македонскій, удалецъ и храбръ былъ... Царь *Давыдъ* въ пророцѣхъ пророкъ былъ... *Соломонъ* царь сколь хитръ и мудръ былъ... *Акиръ премудрый* былъ въ алевгитскомъ царствѣ: такого мудреца и въ подсолнечной не было, да и тотъ со мною не смѣлъ говорити, и того азъ взяла».

Упоминаніе Акира принадлежитъ, вѣроятно, русскому пересказчику и отвѣчаетъ той особой репутаціи святости и мудрости, какую получилъ у насъ этотъ герой старой арабской сказки. Самсонъ, Александръ, Давидъ и Соломонъ могли находиться и въ византійскомъ оригиналѣ. Преніе, школьное происхожденіе котораго обличается, между прочимъ, и эпизодическою подробностью о кольцѣ,—это, очевидно, переиначенный анекдотъ объ архимедовой точкѣ.

Отношеніе этой византійской статьи къ ново-греческимъ пѣснямъ о Дигенисѣ и смерти я представляю себѣ такимъ образомъ: когда содержаніе ея стало достояніемъ народной поэзіи, разсказы о славномъ витязѣ Дигенисѣ были уже въ ходу, и анонимный воинъ—жизнь, хвалящійся своею непобѣдимостью при встрѣчѣ со смертью, естественно представился въ чертахъ Дигениса. Этому соглашенію аскетическаго содержанія съ народными мотивами греческія пѣсни о Дигенисѣ одолжены своими поэтическими достоинствами, своею свѣжестью. У насъ произошло другое, хотя тотъ же переходъ отъ школьной статьи къ народному стиху совершился: никакой народный герой не подставился на мѣсто анонимнаго олицетворенія «живота»; русскіе пересказчики шли ближе по слѣдамъ подлинника, не претворяя его въ плоть и

какимъ-то звѣрѣ, напоминающемъ своими статями льва; она вооружена косой, за плечами колчанъ со стрѣлами; она цѣлится въ воина изъ лука. Ниже—какъ послѣдній эпизодъ борьбы—лежащая на землѣ фигура: воинъ, сраженный смертью. См. Буслаева, Очерки, I, стр. 625 и изображенія къ стр. 624 (чит. 625): №№ 5 и 6.

[1]) Въ другомъ пересказѣ эта похвальба приписана Александру Великому. См. Пыпина, Очеркъ, стр. 136.

кровь; оттого слѣды оригинала здѣсь замѣтнѣе—даже въ имени Аники. Я предполагаю, что и въ этомъ случаѣ употребленъ былъ пріемъ, съ которымъ познакомилъ насъ русскій пересказчикъ поэмы о Дигенисѣ: эпитетъ Аникиты, непобѣдимаго, сталъ собственнымъ именемъ.

Но возвратимся къ стиху объ Аникѣ и остановимся на нѣкоторыхъ его подробностяхъ.

Въ одномъ пересказѣ [1]) Аника такъ похваляется своею мощью:

Кабы далъ да мнп-ка, Господи,
Съ небеси во столбы колецюшко булатно,
Повернулъ бы я всю землю на сине небо,
А сине небо на сыру землю:
На міру бы смерти не было.

Далѣе онъ встрѣчаетъ на пути двѣ сумочки переметныя и хвалится, что задѣнетъ ихъ ногой — и сумокъ, какъ не бывало. Обличенный въ хвастовствѣ, онъ разсердился:

Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть:
Задѣлъ Оника ноженькой правою—
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.

Чѣмъ болѣе онъ хочетъ показать свою богатырскую силу, тѣмъ меньше успѣха; и онъ отъ чрезмѣрнаго усилія уходитъ въ землю по колѣна, по поясъ, по грудь. Со стыдомъ садится онъ на добраго коня и ѣдетъ на встрѣчу Чуда.

То же самое разсказывается въ русскихъ былинахъ и про такъ-называемыхъ старшихъ богатырей: про Святогора [2]), Самсона и др. [3]).

Та же похвальба: еслибы было кольцо въ небѣ, другое въ землѣ, они повернули бы землю. Господь наказываетъ ихъ за эту похвальбу: сумка, которую они напрасно пытаются поднять, заключаетъ въ себѣ именно всю «тягу» земную—какъ въ болгарскомъ сказаніи о Маркѣ Кралевичѣ, похвалившемся, что онъ на копье подниметъ всю землю: Господь посылаетъ къ нему ангела, который проситъ его взвалить ему на плечу торбу съ землею— а въ ней заключалась тяжесть всей земли. Марко едва можетъ

1) Рыбниковъ, II, 255 и слѣд.
2) Рыбн. I, 32—8; Миллеръ, Илья Муромецъ, 213, 244.
3) Гильфердингъ, Олонецкія былины, стр. XLI—II, № 270; Миллеръ, l. c., 215.

приподнять торбу и съ тѣхъ поръ теряетъ силу [1])—наши старшіе богатыри погрязаютъ въ землю отъ усилія. Они или случайно находятъ сумку, или имъ предлагаетъ сдвинуть ее прохожій, отвѣчающій ангелу болгарскаго преданія; одинъ прозаическій пересказъ [2]) зоветъ его Микулушкой; можетъ быть, св. Никола. Въ этомъ видѣ существуетъ сходный, хотя и сильно искаженный разсказъ объ Аникѣ: однажды онъ остановилъ старика, несшаго за плечами сумку; онъ хочетъ его ограбить; въ сумкѣ оказались *узелки съ землею*, пескомъ—и части св. мощей. Аника разбрасываетъ съ досады узелки, старикъ грозитъ ему скорымъ наказаніемъ и исчезаетъ — послѣ чего разсказъ переходитъ ко встрѣчѣ Аники со смертью [3]).

Указанное сходство легенды объ Аникѣ съ пѣснями о Святогорѣ и Самсонѣ дѣлаютъ для насъ особенно интереснымъ тотъ фактъ, что именно съ этими богатырями сопоставляется и Аника въ отповѣди Смерти своему противнику:

Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
Былъ на землѣ Святогоръ богатырь:
И я ихъ искосила;
Хочу и тебя, Аника, искосити [4]).

Эти имена встрѣчаются вмѣстѣ постоянно; Самсонъ извѣстенъ намъ изъ «Пренія»; иногда къ нимъ присоединяются и другіе богатыри: Малафей — Молоферъ (Олофернъ), Соловей (Соломонъ «Пренія»?) и даже Полканъ, заимствованный, какъ извѣстно, изъ итальянской народной книги. Насъ занимаетъ въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что на ряду съ Аникой не упомянутъ ни одинъ изъ тѣхъ богатырей, которые обыкновенно являются въ окруженіи Владиміра: ни одного богатыря съ собственно русскимъ, мѣстнымъ пріуроченіемъ. Если Аника—Дигенисъ, то кто же эти такъназываемые «старшіе» наши богатыри?

Между ними и Аникой есть много общаго. Аника стоитъ особнякомъ отъ русскаго былиннаго эпоса, въ небольшомъ циклѣ пѣсенъ объ его борьбѣ со смертью. «Старшіе богатыри» хотя и введены въ составъ русскаго эпоса, но какъ-то стороною, слу-

---

[1]) Миллеръ, ib. 213.

[2]) Рыбниковъ, I, стр. 39—40, въ выноскѣ.

[3]) Кирѣевскій, П. IV, замѣтка Безсонова, стр. CXII.

[4]) Кирѣевскій, IV, 121, 128.

чайно. Они почти не принимаютъ участія въ интересахъ русской земли. Святогоръ—

Былъ богáтырь чюдный,
Что-ль во весь же міръ онъ дивный,
. . . .
Не ѣздилъ онъ на святую Русь.

Илья Муромецъ ѣдетъ къ нему —

На тыи было горы на высокія.

Святогоръ говоритъ ему:

Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,
Не носитъ меня мать сыра земля,
Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ по высокіимъ,
Да по щелейкамъ по толстыимъ [1]).

Какъ и Аника, старшіе богатыри отличаются необычайной, нечеловѣческой силой, до которой далеко русскимъ, земскимъ богатырямъ. «Нѣтъ-то мнѣ, видно, поларщичка, а нѣтъ-то мнѣ да поединщичка» [2]), говоритъ о себѣ Святогоръ; никому не совладѣть съ его конемъ. Слѣпому отцу Святогора Илья Муромецъ подаетъ, вмѣсто руки, кусокъ раскаленнаго желѣза; тотъ, «какъ захватилъ желѣзо, сдавилъ его и говоритъ: крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!» [3]) О. Миллеръ [4]) сравниваетъ съ этимъ сказаніемъ греч. сказку о Дракѣ [5]); но подобное же разсказывается въ Греціи о старухѣ-эллинкѣ: раздавивъ кочергу, поданную ей вмѣсто руки, она говоритъ: «сильные вы, но не такъ, какъ мы бывали сильны» [6]). Въ преданіи новыхъ грековъ, эллины такіе же необыкновенные люди, необычайнаго роста и силы, какими представляются намъ наши старшіе богатыри [7]). Ихъ трудно сломить самой смерти: Аника-Дигенисъ борется съ

---

1) Гильфердингъ, l. c., № 1.

2) Миллеръ, l. c., 244.

3) Рыбн. III, 3.

4) О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 241.

5) Hahn, Griechische und albanesische Märchen, I, 39, 40 (и прим.).

6) Πολίτης, l. c., стр. 503—504. См. также *датскія* преданія о Holger Danske у Pio, Sagnet om Holger Danske, стр. 17, (№ 1), 19—20 (№ VII); о Göde Opsal, ib. стр. 26—7 (№ XI); шведскія преданія, ib. стр. 39—40: о великанѣ Gällas Döa.

7) Πολίτης ib. весь отдѣлъ объ ἕλληνες.

нею; старшіе богатыри погрязають въ землю отъ избытка собственной силы; обыкновенная смерть имъ не писана.

Я остановлюсь на имени Святогора не затѣмъ, чтобы объяснить его, а чтобы обратить вниманіе на народную этимологію, къ нему привязавшуюся. Его связывають съ горами, или даже съ святыми горами; онъ живетъ на высокихъ горахъ и въ скалахъ. Горы часто встрѣчаются въ русскомъ былинномъ эпосѣ: и какъ опредѣленіе мѣстности—обыкновенно горы Сарачинскія,—и какъ составная часть собственныхъ именъ и эпитетовъ: Горынычъ; бабы: Горынчанка, Горынинка, Латыгорка, Семигорка; Загорскій. Легко предположить, что такое богатство производныхъ словъ, заимствованныхъ отъ горы, не могло быть внушено преимущественно равниннымъ характеромъ русской мѣстности. Съ образомъ горы часто соединяется образъ змѣя: змѣй-Горынычъ живетъ на Сарачинскихъ горахъ [1]); Тугаринъ Змѣевичъ Загорскій [2]). Я не отрицаю возможности, что въ этихъ образахъ горы и змѣя дозволено искать и даже находить народно-миѳическое содержаніе. Въ другомъ мѣстѣ [3]) я указалъ, что при объясненіи былиннаго змѣя слѣдуетъ обратить вниманіе, помимо народныхъ повѣрій, и на апокрифическія легенды, имѣвшія сильное вліяніе на народную словесность. Но необходимо замѣтить, что эти змѣи носятъ характеръ двойственный: Тугаринъ то изображается чудищемъ, съ головой что пивной котелъ, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ; онъ летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является богатыремъ, въ цвѣтномъ дорогомъ платьѣ, конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь [4]). Интересно было бы различить, чтó въ этомъ образѣ первоначальнаго, и какія черты принадлежатъ искаженію.

Разбирая византійскаго Дигениса, я указалъ на типъ *апелатовъ*, удалыхъ молодцовъ, съ которыми пришлось перевѣдаться Дигенису. Филопаппъ является представителемъ этой воинственной вольницы, любимымъ орудіемъ которой былъ ἀπελατίκιον [5]), *палица*, «тяги желѣзныя» нашихъ *паленицъ;* въ Стратиговнѣ и амазонкѣ Максимѣ византійской поэмы наши женщины-паленицы

---

[1]) Кир., II, стр. 23—25.

[2]) Ib. I, стр. 57.

[3]) Калѣки перехожіе и богомильскіе странники, „Вѣстн. Европы" 1872, апр., стр. 712.

[4]) Кир. IV, указатель, стр. 145—8.

[5]) Саѳа, l. c., стр. 45—6.

находятъ себѣ интересную параллель. Но я обращу вниманіе на другую черту сравненія: съ VII-го столѣтія обычнымъ именемъ для воинственной вольницы, гнѣздившейся въ ущельяхъ и *горахъ Тавра*, было: *Драки* (Δράχοι), т.-е. драконы, *змѣи*, либо Драки Эллины (Δράχοι ἕλληνες), или *драконтопулы* (δραχοντόπουλα), т.-е. *змѣевичи*, или змѣеныши [1]). Нашъ Тугаринъ Змѣевичъ — собственно драконтопулъ, т.-е. витязь; Тугаринъ не имя собственное: въ одной сказкѣ [2]) онъ носитъ имя Ѳедора; онъ царскій сынъ, женится на Анастасіи Прекрасной, удалой паленицѣ, побившей три рати, и освобождаетъ ее отъ похитившаго ее змѣя. Тугаринъ, Тугаретинъ образовано какъ болгар-инъ, твер-ит-инъ.

Я позволю себѣ, на основаніи сказаннаго, нѣсколько общихъ выводовъ, а вмѣстѣ и предположеній. Съ конца IX-го в. и въ X-мъ, отрывки византійскаго эпоса, апокрифическія легенды и тому подобный литературный матеріалъ могъ приходить на Русь книжнымъ путемъ, чаще путемъ устнымъ. Это былъ міръ чудесныхъ подвиговъ, героевъ и чудовищъ, воинственныхъ дѣвъ-паленицъ, которыя связывались для грека съ его древними преданіями объ амазонкахъ. Въ пересказахъ русскихъ людей всѣ эти образы должны были отразиться съ чертами болѣе грубаго реализма, въ соотвѣтствіи съ умственнымъ развитіемъ новой среды. Когда впослѣдствіи, въ по-татарскую эпоху, развился нашъ собственный земскій эпосъ съ Ильей Муромцемъ и другими мѣстными богатырями, онъ долженъ былъ сосчитаться съ элементами болѣе древняго, пришлаго эпоса. Онъ или устранилъ его отъ себя, удаливъ Анику-Дигениса въ небольшой циклъ пѣсенъ объ его борьбѣ со смертью, или пріурочилъ его къ себѣ частями, но такъ, что слѣды спая остаются замѣтны и теперь. Наши «старшіе богатыри», собственно не наши, это «сила нездѣшняя». Въ своей нечеловѣческой мощи они смотрятъ на земскихъ богатырей, какъ на новое, имъ чуждое поколѣніе, проходятъ передъ нами какъ-то таинственно-безучастно и также таинственно исчезаютъ. Другая метаморфоза постигла другой рядъ óбразовъ, опредѣливъ ихъ особое пріуроченіе въ средѣ новаго русскаго эпоса: змѣи и змѣевичи-воители приняли въ нашихъ пересказахъ черты змѣевъ обрядоваго повѣрья, сдѣлались силой нечистою, отождествились съ та-

---

[1]) Саѳа, l. c., 42—3; Πολίτης, l. c., 502, прим. 3.

[2]) Аѳанасьевъ, изд. 2-е, № 95, т. I.

тарщиной, когда татарщина явилась общимъ выраженіемъ всего вражьяго, съ чѣмъ приходилось биться русскимъ богатырямъ. Тугаринъ дѣйствительно пріѣзжалъ изъ-за горъ, оттого его эпитетъ «загорскій»; впослѣдствіи его заставили пріѣзжать изъ «улусовъ» загорскихъ [1]). Но другая пѣсня осталась о немъ [2]), гдѣ онъ является цареградскимъ богатыремъ, при царѣ Константинѣ Боголюбовѣ и царицѣ Еленѣ Александровнѣ; его мать живетъ въ Царьградѣ; онъ сбирается на Кіевъ, но взятъ русскими богатырями и отвезенъ къ Владиміру, который отпускаетъ его назадъ по просьбѣ матери и честному слову русскихъ богатырей. Другая пѣсня [3]) доказываетъ, что онъ жилъ въ чести у Владиміра и особенно у его жены, княгини Апраксѣевны. Эти былинныя связи между Кіевомъ и Константинополемъ не указываютъ ли на тѣ пути, которыми пришли къ намъ нѣкоторые элементы нашего стариннаго эпоса?

Александръ Веселовскій.

---

1) Кир., I, стр. 57.

2) Ib. IV, № 5, и сказаніе о Седьми русскихъ богатыряхъ, напечатанное по рук. XVII вѣка въ „Пам. старин. русск. литер.“, II, стр. 311—315.

3) Кир., II, стр. 75, слѣд.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.

Сборникъ государственныхъ знаній, подъ ред. В. П. Безобразова, д. ч. имп. акад. наукъ, при ближайшемъ содѣйствіи профессоровъ имп. Спб. университета: о. М. Б. Горчакова (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. Градовскаго (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. Мартенса (по международному праву), В. И. Сергѣевича (по исторіи русскаго права), Ю. Э. Янсона (по статистикѣ), и профессора академіи генеральнаго Г. А. Леера (по военнымъ наукамъ). Томъ I. Спб. 1874.

Въ нашей періодической литературѣ давно чувствовался недостатокъ такого изданія, которое могло бы служить центромъ для разработки „государственныхъ знаній" въ формѣ общедоступной для образованнаго большинства. Новый спеціальный органъ, основанный обществомъ петербургскихъ профессоровъ въ концѣ прошедшаго года, можетъ весьма кстати пополнить этотъ недостатокъ; первый, появившійся выпускъ служитъ достаточнымъ тому ручательствомъ. Основатели задались, какъ то и слѣдовало, весьма широкою програмою, включивъ въ предѣлы государственныхъ знаній „публичное право (церковное, государственное, международное, административное), полицію, финансы, государственное хозяйство, военныя науки, судебную часть и статистику, въ ихъ ближайшихъ отношеніяхъ къ государству". Програма—весьма обширная: она обнимаетъ собою почти всѣ вопросы, которые называются политическими и соціальными. Своевременность появленія „Сборника" въ свѣтъ и свою вѣру въ успѣхъ „Сборника" издатели объясняютъ „пробужденіемъ" въ русскомъ обществѣ „интересовъ къ сознательному участію въ государственной жизни отечества", а это пробужденіе вызвано всѣми новѣйшими преобразованіями, которыя „пріобщили само общество къ государственному дѣлу: въ мѣстномъ управленіи, судѣ и отчасти законода-

тельствѣ". „Сборникъ" имѣетъ въ виду „усилить способы изученія и публичнаго обсужденія вопросовъ государственной науки". И онъ, дѣйствительно, достигаетъ своей цѣли, такъ какъ многія изъ его статей вполнѣ заслуживаютъ вниманія образованныхъ читателей.

Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ современнымъ государственнымъ вопросамъ, „Сборникъ" заключаетъ въ себѣ довольно обширный отдѣлъ „критики и библіографіи" новыхъ книгъ того же содержанія, и „обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія въ Россіи за первую половину 1874 года". Такое же обозрѣніе за послѣднюю половину 1874 года издатели обѣщаютъ дать въ своемъ второмъ томѣ, который долженъ былъ появиться въ первыхъ мѣсяцахъ нынѣшняго года.

Итакъ, въ этихъ двухъ томахъ русская образованная публика получитъ довольно подробный обзоръ политической жизни Россіи за 1874 годъ, а также критику и библіографію всего наиболѣе выдающагося въ нашей литературѣ по государственнымъ вопросамъ, и, сверхъ того, до двадцати статей, имѣющихъ цѣлью объяснить разныя стороны и разныя потребности нашего общественнаго и государственнаго быта. Правда, что не всѣ статьи отличаются одинаковымъ достоинствомъ, но есть между ними весьма замѣчательныя не только по своимъ литературнымъ свойствамъ, но и по самому предмету изложенія: особенно пріятно встрѣтить опыты гг. Градовскаго и Фойницкаго въ ихъ инициативѣ относительно обсужденія важнѣйшихъ потребностей современнаго русскаго законодательства; съ большимъ интерессомъ читается живая статья князя Васильчикова о соціальномъ значеніи эмиграціи въ современной Европѣ; очень дѣльно составлено предложеніе г. Янсона объ устройствѣ правильной переписи населенія въ Россіи, и есть нѣсколько полезныхъ замѣчаній въ статьѣ профессора Бунге о нашихъ банковыхъ законахъ.

Остальныя статьи не представляютъ ничего выдающагося. Обширное разсужденіе русскаго дипломата Мартенса о брюссельской конференціи, — разсужденіе, ловко составленное, но оно односторонне и объясняетъ неудачу этой конференціи однимъ лишь недоброжелательствомъ „коварнаго Альбіона"; даже наши газеты разсматривали этотъ вопросъ гораздо шире.

Г. Вешняковъ, сравнительно съ выведеннымъ имъ результатомъ, слишкомъ долго останавливается на разсужденіи о привилегіяхъ изобрѣтателей: въ концѣ-концовъ онъ все же приходитъ къ такому заключенію, что хотя, кромѣ самихъ привилегированныхъ и раздающихъ привилегіи, никто въ современной Европѣ не одобряетъ раздачи привилегій, и хотя „все могло бы убѣдить въ томъ, что

и для Россіи, какъ для Голландіи, въ существованіи законовъ, ограждающихъ изобрѣтенія, не настоитъ существенной надобности и выгоднѣе было бы совершенно отмѣнить эти законы, въ интересахъ промышленности",—однако дѣйствительная отмѣна ихъ все-таки была бы поступкомъ „поспѣшнымъ и крайне неблагоразумнымъ". Даже число дѣйствительно осуществляющихся привилегій этого рода ясно показываетъ, что о подобномъ вопросѣ говорить не стóитъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 527 привилегій, выданныхъ съ 1867 года по 1874, только по 95 привилегіямъ представлены законныя удостовѣренія объ осуществленіи ихъ въ дѣйствительности! Да и эти 95 привилегій принадлежатъ по бóльшей части „иностранцамъ, которые привыкли за-границею на каждый новый предметъ испрашивать привилегію не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ, гдѣ ожидаютъ сбыта для своихъ произведеній" (стр. 307). Чему же послѣ этого удивляться, что въ нашей литературѣ никто не занимается этимъ вопросомъ, и что лишь нѣкоторые профессора (гг. Бунге и Андреевскій) заносятъ въ свои курсы *полицейскаго права* фактъ существованія *оппозиціи* противъ привилегій на изобрѣтенія?.. Мы готовы допустить, что въ настоящее время наша литература сильно ограничена въ своемъ выборѣ подлежащихъ ея обсужденію вопросовъ, однако бѣдность эта все-таки еще не такъ велика, чтобы ей необходимо было разсуждать объ интересахъ одной сотни людей, жаждущихъ личной наживы. О „поспѣшности" и „крайнемъ неблагоразуміи" въ рѣшеніи участи этихъ интерессовъ, намъ кажется, не можетъ быть и рѣчи.

Профессоръ Андреевскій представляетъ отчетъ объ устройствѣ призрѣнія бѣдныхъ во Франціи, составленный на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ трехтомнаго парламентскаго изданія: „Enquête parlementaire sur l'organisation de l'assistance publique dans les campagnes". Версаль, 1873—1874. Въ этомъ отчетѣ собрано много интересныхъ фактовъ, но изъ нихъ можно заключить лишь только то, что французская администрація не понимаетъ въ этомъ вопросѣ своего собственнаго призванія.

Профессоръ Григорьевъ помѣстилъ въ „Сборникѣ" историческій очеркъ о русской политикѣ въ отношеніи къ Средней Азіи; разсказъ начинается съ исторіи XVI вѣка и кончается 40—50-ми годами нашего столѣтія.

Наконецъ, есть еще статья профессора Сидоренко, который предлагаетъ нѣсколько оригинальный проектъ о новомъ налогѣ на всѣхъ лицъ, освобождающихся по жребію или по какимъ-либо другимъ причинамъ отъ личнаго несенія военной службы. Этотъ налогъ авторъ намѣренъ употребить на нужды обязательнаго образованія народа;

авторъ полагаетъ, что такъ какъ всѣ люди, пробывавшіе въ народной школѣ, служатъ въ рядахъ арміи вмѣсто шести лѣтъ только четыре, то стóитъ лишь ввести обязательное посѣщеніе народныхъ школъ, и срокъ армейской службы тотчасъ сократится на два года. Этотъ удивительный проектъ основывается на слѣдующихъ примѣрахъ, отысканныхъ авторомъ въ жизни европейскихъ народовъ. Во Франціи, напримѣръ, существовалъ съ 1798 по 1818 годъ военный законъ, который постановлялъ, чтобы всѣ тѣ, которые по какой-либо причинѣ будутъ освобождены отъ исполненія военной службы, платили особый, соразмѣрный съ ихъ имущественными средствами налогъ. Зачѣмъ этотъ законъ былъ отмѣненъ—г. Сидоренко ничего не говоритъ. Въ Швейцаріи, въ 1846 году, введенъ сперва въ кантонѣ Ваатландскомъ, а потомъ и во всѣхъ другихъ, кромѣ двухъ, ежегодный *военный налогъ* въ 5 франковъ и 2 процента подоходнаго налога съ каждаго лица, не несущаго воинской службы. Вся сумма этого налога предназначается тамъ на облегченіе служащихъ, и именно на ихъ вооруженіе и обмундированіе, которыя въ Швейцаріи вообще падаютъ на частныя средства самихъ служащихъ. Такой же налогъ взимается въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ: въ Виртембергѣ съ 1868 года, въ Баваріи съ 1869 и въ Саксоніи съ 1866 г., и распредѣляется между служащими. Въ первомъ изъ этихъ государствъ берутъ по 20-ти гульденовъ, во второмъ—по 3 и до 100 гульденовъ, смотря по ежегодному доходу лицъ (съ 200 до 1600 гульденовъ и свыше), а въ Саксоніи слѣдуетъ уплатить выкупъ въ 300 талеровъ разомъ или по частямъ. Профессоръ Сидоренко, не обративъ никакого вниманія на разницу, какая существуетъ между богатствомъ населенія въ этихъ процвѣтающихъ и малыхъ странахъ и бѣдностью нашей обширной, но вѣчно въ недоимкахъ пребывающей Россіи, и нисколько не думая о томъ, что русскій народъ и безъ новаго налога уже давно оплачиваетъ своими общими налогами какъ вооруженіе, такъ и обмундированіе нашихъ войскъ,—прямо рѣшаетъ, что и у насъ можно найти до 550,000 человѣкъ, съ которыхъ слѣдуетъ будто бы брать не по 5-ти франковъ, какъ въ Швейцаріи, а по 5 рублей, да потомъ еще съ неподатныхъ лицъ отъ 20-ти рублей до 200. И вотъ, на эти-то новыя деньги мы устроимъ обязательность народной школы, и чрезъ нея сократимъ воинскую повинность съ шести лѣтъ на четыре!..

Но обратимся къ статьямъ съ серьёзными и широкими предложеніями, и прежде всего къ статьѣ профессора Градовскаго: „Законъ и административное распоряженіе по русскому праву". Цѣль этой статьи заключается въ опредѣленіи средствъ и способовъ, посредствомъ которыхъ административныя распоряженія имѣли бы силу

только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ закону, чтобы такимъ образомъ царство закона вполнѣ замѣняло старый порядокъ. При новомъ порядкѣ вещей, который уже упрочился и продолжаетъ упрочиваться въ большинствѣ европейскихъ законодательствъ, проведенъ принципъ раздѣленія властей, законодательной и административной, и вся задача въ этомъ раздѣленіи заключается въ томъ, чтобы отношеніе между волею верховной власти, выражающейся въ *законѣ*, къ волѣ исполнительной, выражаемой *административнымъ распоряженіемъ*, способствовало упроченію той степени *законности*, при какой можетъ существовать и развиваться каждое цивилизованное общество.

Старый порядокъ вещей не замѣчалъ различія между дѣятельностью законодательной и исполнительной властей; онъ видѣлъ въ этомъ различіи лишь форму. Но въ новомъ порядкѣ хотя законодательная власть продолжаетъ издавать общія нормы или законы, а исполнительная—примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, административныя распоряженія, сверхъ того, начинаютъ становиться столь же *общими*, какъ законы, такъ что разница между ними и дѣйствительными законами можетъ быть опредѣлена лишь по внутренней природѣ ихъ, по цѣли и содержанію. Дѣятельность государства при нынѣшнемъ развитіи цивилизаціи не можетъ ограничиваться одною прежнею задачею: ставить законные предѣлы всѣмъ сторонамъ жизни; нынѣшняя государственная власть можетъ сама участвовать въ расширеніи общественной дѣятельности и жизни. Само собою разумѣется, что прежняя задача остается и теперь на плечахъ государства: оно должно создавать и сохранять юридическое опредѣленіе всѣмъ правоотношеніямъ, какъ между отдѣльными людьми, такъ и между властью и гражданами; оно должно опредѣлять *мѣру свободы* каждаго общими и равными для всѣхъ положеніями, а также *кругъ вѣдомства* и *степень власти* каждаго изъ своихъ органовъ. Все это достигается закономъ, и законъ, слѣдовательно, есть юридическая основа всѣхъ правоотношеній, а также мѣра свободы каждаго частнаго лица и граница власти каждаго органа государства. Итакъ, въ законѣ каждый гражданинъ обязанъ и имѣетъ право видѣть мѣру дозволеннаго и недозволеннаго; и въ томъ же законѣ каждый органъ управленія и суда обязанъ находить предѣлы своей дѣятельности и власти.

Другая сторона государственной дѣятельности состоитъ въ изысканіи способовъ и мѣръ, необходимыхъ для осуществленія лежащихъ на немъ общественныхъ задачъ. Здѣсь уже дѣло идетъ не о правоотношеніяхъ, а объ общественной пользѣ: это мѣры экономическія, педагогическія, врачебныя и т. п., не заключающія въ себѣ ничего

юридическаго. Правда, что законъ можетъ вводить свои постановленія и въ эту область административной дѣятельности, но практика доказала многими вѣскими примѣрами, что прочная и однообразная регламентація здѣсь скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Какъ бы то ни было, здѣсь открыто широкое поприще для свободной и творческой дѣятельности администраціи, для ея распоряженій. И административныя распоряженія, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ самостоятельное содержаніе: это уже не простое примѣненіе закона къ частному случаю, но общія правила, приложимыя къ цѣлому ряду однородныхъ случаевъ, которыхъ не касается законъ чисто-юридическаго свойства.

Разумѣется, что и въ этой новой сферѣ государственной дѣятельности возможны злоупотребленія административной власти, и что противъ нихъ законъ долженъ быть охраненъ соотвѣтственными мѣрами.

Противъ *неправильныхъ* административныхъ распоряженій есть три рода мѣръ, которыя всѣ имѣютъ въ виду одну общую цѣль: *отмѣну* распоряженія. Первая мѣра этого рода есть *право представленія*, даваемое подчиненнымъ мѣстамъ въ случаѣ полученія ими неправильныхъ распоряженій. Затѣмъ, есть *право судебнаго контроля*, которымъ пользуются суды при разсмотрѣніи дѣлъ о неисполненіи административныхъ распоряженій частными лицами. Наконецъ, есть еще *право жалобъ*, которымъ пользуются частные люди и общественныя учрежденія ради огражденія ихъ правъ, въ случаѣ нарушенія путемъ административнаго распоряженія.

Въ наше время, когда въ Россіи совершилась уже отмѣна крѣпостного права и введены судебныя учрежденія, которыя имѣютъ цѣлью создать въ нашемъ отечествѣ царство закона, и когда такія общественныя учрежденія, какъ земство и городскія думы, организованы тоже на новомъ началѣ, на принципѣ *законности*, — необходимо, разумѣется, чтобы законность вошла во всѣ области нашего законодательства. „Не настала ли пора, — говоритъ профессоръ Градовскій, — занести въ основные законы начала, проникшія въ нашъ общественный бытъ, благодаря реформамъ послѣдняго времени, начала, подъ вліяніемъ которыхъ у насъ зарождается право судебнаго контроля, и право жалобы получаетъ болѣе широкое основаніе. Занесенныя въ основные законы, подобныя правила получили бы болѣе прочности и общности, чѣмъ теперь, когда они разсѣяны въ разныхъ частяхъ свода, въ спеціальныхъ учрежденіяхъ и положеніяхъ“ (стр. 31).

Посмотримъ теперь, что̀ говорятъ наши основные законы, и что̀ нужно сдѣлать, по мнѣнію профессора Градовскаго, чтобы эти за-

коны удовлетворяли новымъ потребностямъ государственной жизни Россіи, возникшимъ изъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія.

Законодательная власть, во всемъ ея объемѣ, сосредоточивается въ Россіи въ рукахъ верховной власти: „никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона". Что же касается до распоряженій, исходящихъ отъ исполнительныхъ властей, они могутъ касаться лишь мѣръ, необходимыхъ для лучшаго *исполненія* закона, для *разрѣшенія недоумѣній* или *затрудненій* въ порядкѣ этого *исполненія*, или, наконецъ, общихъ *подтвержденій* объ исполненіи изданнаго закона. Сенату, какъ „*хранилищу законовъ*", дается право наблюдать за исполненіемъ законовъ, разрѣшать „ихъ силою" различныя затрудненія и недоразумѣнія. То же право дается и министерствамъ, сущность власти которыхъ опредѣляется особымъ закономъ: „министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ ихъ дѣйствіемъ и надзоромъ доставить законамъ скорое и точное исполненіе". Поэтому, имъ предоставлено: 1) „разрѣшеніе, силою существующихъ законовъ и учрежденій, всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи, и 2) принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣйствію законовъ". Отсюда очевидно, что наше законодательство не признаетъ въ административныхъ распоряженіяхъ самостоятельнаго содержанія, а только порядокъ примѣненія изданныхъ законовъ. Законность министерскихъ распоряженій опредѣляется, съ одной стороны, по согласію ихъ съ законами вообще, и съ другой,—ихъ *компетентностью* по роду дѣлъ, такъ какъ каждое министерство не должно входить въ управленіе дѣлъ, ввѣренныхъ другому министерству. Основные законы имѣютъ въ виду лишь согласіе административныхъ распоряженій съ закономъ; они узаконяютъ, поэтому, что каждое начальство, подчиненное министру, обязано представлять объ его распоряженіи, несогласномъ съ законами, прежде всего ему. Въ случаѣ подтвержденія со стороны министра, дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе въ сенатъ, который, слѣдовательно, поставленъ судьею *законности* распоряженій, исходящихъ изъ министерствъ, въ случаѣ сомнѣнія въ этой законности. Но нѣсколько иначе бываетъ въ случаяхъ нарушенія министромъ своей компетенціи. Подчиненное мѣсто, получивъ некомпетентное предписаніе министра, обязано, не исполняя его, испросить разрѣшеніе отъ того министра, къ которому относится предметъ предписанія. Здѣсь переносъ дѣла на разрѣшеніе сената зависитъ уже отъ министра другого вѣдомства. На подобныхъ же основаніяхъ построены отношенія мѣстныхъ учрежденій къ предписаніямъ, исходящимъ отъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ.

Законность административныхъ распоряженій утверждается и обезпечивается лишь въ томъ случаѣ, когда законодательство страны признаетъ въ извѣстной степени принципъ закономѣрнаго повиновенія въ противоположность повиновенію пассивному. При существованіи въ законодательствѣ лишь одного пассивнаго принципа, о законности административнаго распоряженія не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ подобное распоряженіе имѣетъ тогда такую же обязательную силу, какъ и законъ. Русское законодательство довольно удачно проводитъ начало закономѣрнаго повиновенія лишь въ области правительственныхъ установленій, или въ общемъ порядкѣ дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ: это—*право представленія*. Но въ примѣненіи того же принципа къ обществу и къ частнымъ лицамъ наше законодательство сдѣлало только очень недавно нѣкоторую уступку. Что же касается до уложенія о наказаніяхъ, которое продолжаетъ имѣть свою обязательную силу, оно и теперь основано исключительно на одномъ пассивномъ повиновеніи: въ одной изъ своихъ статей оно прямо угрожаетъ карою всѣмъ, кто „явно и упорно не повинуется или сопротивляется какой-либо власти", всякое „противодѣйствіе" тоже присоединяется этимъ уложеніемъ къ числу наказуемыхъ преступленій. Между тѣмъ, новѣйшая наука, въ лицѣ Бернера и другихъ писателей по уголовному праву, признавая вполнѣ, что „власть не можетъ поставить рѣшеніе о правомѣрности своихъ дѣйствій въ зависимость отъ взглядовъ тѣхъ, противъ кого направлены эти дѣйствія", допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что приказанія власти, „видимо не облеченныя въ законную форму и очевидно противозаконнаго содержанія, безъ сомнѣнія, считаются по общему праву необязательными". Въ этомъ научномъ положеніи признается не открытое сопротивленіе, но именно пассивное неповиновеніе правомъ частнаго лица противъ незаконнаго распоряженія. Согласившись съ такимъ научнымъ положеніемъ, законодательству приходится создать органъ, который могъ бы лишать обязательной силы всѣ незаконныя распоряженія: эти органы—*право судебнаго контроля* и *право жалобы*. Судъ дѣйствительно можетъ судить о степени *законности* распоряженій, вызвавшихъ пассивное неповиновеніе, и тѣмъ удовлетворять обѣ стороны. Однако судъ не даетъ окончательнаго рѣшенія по вопросамъ о законности распоряженій; онъ имѣетъ дѣло лишь съ *отдѣльными дѣйствіями* администраціи, основанными на какомъ-либо *общемъ* распоряженіи; онъ разбираетъ поступки подчиненныхъ, примѣняющихъ распоряженіе лицъ, но не имѣетъ дѣла съ властью, издавшею его; онъ не допускаетъ примѣненія общаго распоряженія къ извѣстному случаю, но не вообще. Поэтому необхо-

димо право жалобъ высшему установленію, имѣющему возможность *отмѣнить* незаконное распоряженіе въ цѣломъ его составѣ.

Принципъ судебнаго контроля „въ зародышѣ, по крайней мѣрѣ", введенъ новыми учрежденіями, и именно 29 статьею уст. о наказ., налагаемыхъ миров. судьями; но она примѣняется исключительно къ случаямъ пассивнаго неповиновенія *одного лица*, безъ предварительнаго уговора съ другими. Во всѣхъ другихъ случаяхъ пассивное неповиновеніе преступно. Въ указанной 29-й статьѣ дѣло идетъ о наказаніи за неисполненіе *законныхъ* распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій; но такъ какъ это наказаніе примѣняется лишь къ неисполнителямъ *законныхъ* требованій и т. п., то судъ долженъ прежде всего рѣшить, законно ли требованіе административной или общественной власти. Рѣшеніемъ кассаціоннаго департамента сената опредѣлено именно въ этомъ смыслѣ предписаніе 29 статьи. Въ этомъ рѣшеніи сказано: „распоряженіе можетъ быть признано незаконнымъ, и обвиняемый можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, хотя бы онъ не обжаловалъ въ установленный срокъ этого распоряженія и даже далъ подписку въ его исполненіи".

Другое условіе закономѣрнаго повиновенія, право жалобъ, предоставлено у насъ какъ общественнымъ и сословнымъ собраніямъ, такъ и частнымъ лицамъ, но не коллективно, а каждому лицу въ отдѣльности. Есть два рода жалобъ: по искамъ о вознагражденіи, и объ отмѣнѣ распоряженій. Что касается до частныхъ лицъ, имъ дозволено жаловаться лишь по искамъ о вознагражденіи съ административныхъ лицъ, и объ отмѣнѣ такихъ распоряженій, которыя касаются спеціально ихъ личныхъ правъ; относительно же распоряженій высшихъ административныхъ органовъ русское законодательство еще скупѣе на точное опредѣленіе порядка ихъ обжалованія. Право сената принимать жалобы отъ частныхъ лицъ на министерства, и право частныхъ лицъ приносить ихъ, вытекаетъ изъ общихъ опредѣленій компетенціи сената, какъ хранилища законовъ; первому департаменту спеціально принадлежитъ, между прочимъ, надзоръ за дѣйствіями разныхъ мѣстъ управленія, особенно министерствъ и губернскихъ мѣстъ,—однако при всѣхъ такихъ широкихъ правахъ сената, законодательство не установило точнаго и яснаго порядка отмѣны неправильныхъ распоряженій, особенно высшихъ административныхъ органовъ, и права сената имѣютъ лишь относительное значеніе.

Относительно жалобъ общественныхъ и сословныхъ собраній права сената опредѣлены гораздо яснѣе. Въ дѣлахъ этого рода вся-

кое столкновеніе съ административною властью всегда можетъ достигнуть до суда сената и получить его рѣшеніе. Профессоръ Градовскій приводитъ одинъ примѣръ изъ дѣятельности самарскаго губернскаго земства, гдѣ сенатъ возстановилъ истинный смыслъ закона въ пользу земства и не согласно съ сообщеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ (стр. 22 и 23).

Изъ всего этого обзора мѣръ нашего законодательства къ поддержанію силы закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ приходитъ въ столкновеніе съ распоряженіями подчиненныхъ властей, профессоръ Градовскій выводитъ такое лестное заключеніе о нашемъ правительствующемъ сенатѣ, что этому установленію, *по его идеѣ*, могло бы позавидовать, напримѣръ, французское законодательство. Но, къ сожалѣнію, такимъ оно является лишь по идеѣ, а не въ практическихъ или техническихъ подробностяхъ и условіяхъ нашего права: оно нуждается еще во многихъ „существенныхъ улучшеніяхъ", и—что̀ особенно печально—эти улучшенія могутъ совершиться лишь одновременно съ важными преобразованіями „большихъ несовершенствъ нашего свода". Уже въ 1858 г. въ правительственныхъ сферахъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости точно опредѣлить: что̀ именно въ нашемъ законодательствѣ должно составлять законъ, и что̀ административное распоряженіе. Но такъ какъ это вопросъ не теоретическаго свойства, а чисто-практическій, то въ практической же жизни слѣдуетъ искать и разрѣшенія его. При изданіи каждаго закона, въ *немъ самомъ* должно быть опредѣлено, что̀ именно законодатель предоставляетъ распорядительной власти администраціи; тогда только судъ или сенатъ будутъ въ состояніи судить въ каждомъ случаѣ, насколько распоряженіе согласно съ закономъ. Законодательство наше, до извѣстной степени, усвоило себѣ этотъ пріемъ. Однако въ послѣднее время у насъ вошло въ обычай, при изданіи новыхъ законовъ, предоставлять высшей административной власти право издавать отъ себя постановленія *въ ихъ развитіе*. Такъ это случилось, между прочимъ, и съ уставомъ о воинской повинности. Редакція „Сборника государственныхъ знаній" объясняетъ этотъ фактъ усложненіемъ и расширеніемъ круга административной дѣятельности и господствомъ въ ней бюрократической или приказной организаціи, требующей для себя несравненно болѣе административныхъ постановленій и инструкцій, чѣмъ самоуправленіе. Но съ расширеніемъ круга административной дѣятельности возрастаетъ все сильнѣе необходимость въ установленіи границъ для административныхъ распоряженій и гарантіи противъ нарушенія этихъ границъ. Такою гарантіею можетъ служить, по мнѣнію редакціи „Сборника" и профессора Градовскаго, власть правительствующаго сената по I-му де-

партаменту. „Безъ этого, — объясняетъ свою мысль редакція (стр. 19),—власть законодательная можетъ практически быть совсѣмъ поглощена во власти административной: инструкція и циркуляръ, не поставленные ни подъ чей контроль, могутъ совсѣмъ парализовать дѣйствіе закона; вмѣсто усиленія того духа законности и правомѣрности въ нашемъ государственномъ строѣ, который, очевидно, воодушевлялъ законодателя въ нынѣшнее царствованіе, во всѣхъ главнѣйшихъ его дѣяніяхъ, сталъ бы усиливаться у насъ административный произволъ. Этого никто не можетъ желать, а всего менѣе сама верховная власть,—высшая представительница законности въ государствѣ".

Профессоръ Градовскій называетъ защищаемое имъ право сената *правомъ противиться обнародованію* неправильнаго распоряженія, и ему кажется, что задача современнаго законодательства состоитъ въ преобразованіи перваго департамента сената „въ *верховное административное судилище,* поставленное на стражѣ закона и правъ частныхъ лицъ". Хорошимъ образцомъ для этой реформы онъ считаетъ учрежденіе новыхъ кассаціонныхъ департаментовъ по судебнымъ дѣламъ...

Статья г. Фойницкаго: „Русская карательная система", занимается критикою работъ двухъ коммиссій, учрежденныхъ для введенія въ русское законодательство и въ русскую жизнь коренной тюремной реформы. Одна изъ этихъ коммиссій, подъ предсѣдательствомъ графа Соллогуба, занималась составленіемъ проекта преобразованія нашихъ тюремъ на новыхъ началахъ, а другой, подъ предсѣдательствомъ сенатора Фриша, порученъ былъ пересмотръ того раздѣла „Уложенія о наказаніяхъ", въ которомъ изложены постановленія существующей въ Россіи карательной системы. Обѣ коммиссіи „вели свои работы, не условившись предварительно въ существѣ и цѣляхъ наказанія, не выяснивъ внутреннихъ законовъ, заправляющихъ развитіемъ и состояніемъ карательной системы. Мѣсто почвы эмпирической, расчищенной согласно логическимъ началамъ мышленія и оплодотворенной дозрѣвшими идеями о преступленіи и наказаніи, въ работахъ ихъ, къ сожалѣнію, занимало субъективное отношеніе къ карательнымъ мѣрамъ". Этими причинами объясняетъ нашъ авторъ полное разнообразіе въ выводахъ обѣихъ коммиссій, и неспособность ихъ предложить строго выдержанную карательную систему, проникнутую одною цѣльною идеею. Обѣ коммиссіи пришли къ тому заключенію, что нужны разныя карательныя мѣры, и такимъ образомъ спутали въ своихъ предложеніяхъ прежнія воззрѣнія на наказаніе съ новѣйшими. Такъ, напр., коммиссія гр. Соллогуба, заявляющая свою преданность системѣ исправленія бывшихъ преступни-

ковъ мѣрами тюремнаго содержанія, допускаетъ въ то же время начало пожизненнаго заключенія, прямо противоположное всякому исправленію. Коммиссія сенатора Фриша тоже не безукоризненна въ этомъ отношеніи: возставая противъ кары лишеніемъ правъ, которую она считаетъ институтомъ отжившимъ, она тутъ же предлагаетъ замѣнить лишеніе правъ „гражданскою смертью", которая еще менѣе соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ.

Современный взглядъ на наказанія, принятый и уже примѣняемый съ успѣхомъ почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, имѣетъ совершенно не тѣ стремленія и цѣли, какія проводились въ жизнь мѣрами старой системы, недостигнувшей никакого нравственнаго результата. Та, старая система, была основана на чувствѣ мести: око за око, зубъ за зубъ; ее вовсе не занимала участь преступника, въ которомъ она видѣла лишь открытаго врага общества, а общественную пользу наказанія она находила лишь въ устрашеніи другихъ варварскими карами. Этихъ каръ было много: однѣ наносили моментальное или тѣлесное страданіе (смертная казнь, различнаго рода бичеванія, цѣпи, кандалы и т. п.), другія — вѣчное или соціальное (изгнаніе, конфискація, лишеніе правъ, гражданская смерть, вѣчное заточеніе и т. п.). Эта старая система стала исчезать изъ европейскихъ законодательствъ только въ очень недавнее время, но и то лишь по частямъ; но у насъ въ Россіи она господствуетъ пока со всѣми своими страшными аттрибутами. Правда, что нынѣшнее царствованіе, отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, нанесло рѣшительный ударъ старой системѣ, но до сихъ поръ все еще остаются въ законодательствѣ разныя другія наказанія, проникшія въ него какъ необходимыя послѣдствія такой кары, какъ тѣлесное наказаніе. Г. Фойницкій изумляется, что обѣ коммиссіи, имѣвшія правильные взгляды на измѣнившіяся задачи наказанія, удерживаютъ однако нѣкоторыя изъ этихъ послѣдствій въ своей лѣстницѣ наказаній, и между прочимъ институтъ лишенія правъ, который прямо противоположенъ новой тюремной системѣ. „Мы, — говоритъ авторъ, — не можемъ не протестовать противъ этой попытки примиренія непримиримыхъ, одно другому враждебныхъ, взаимно себя ослабляющихъ институтовъ. Идеи, лежащія въ основаніи мѣръ моментальныхъ по исполненію и вѣчныхъ по дѣйствію съ одной стороны, и мѣръ продолжительныхъ (тюремныхъ) по исполненію съ другой, расходятся во всѣхъ точкахъ. Тамъ все построено на недовѣріи къ личности преступника, на убѣжденіи въ полной и безповоротной его нравственной испорченности; здѣсь—на надеждѣ встрѣтить въ немъ чувствительныя струны добра и правды, могущія выработать его въ полезнаго члена общества. Тамъ выходятъ изъ мысли, что злая воля, разъ укоренившись, жи-

ветъ постоянно въ человѣкѣ и составляетъ единственную причину его преступныхъ актовъ; здѣсь — злая воля расчленяется на свои составные элементы, открывается связь ихъ съ массою другихъ условій, лежащихъ внѣ личности преступника, и является увѣренность, что съ измѣненіемъ ихъ можетъ быть измѣнено и направленіе воли. Тамъ, наконецъ, вѣрятъ въ возможность, оставляя преступника среди общества, изолировать его и сдѣлать безвреднымъ при помощи фиктивныхъ преградъ; здѣсь — опытъ расшаталъ эту вѣру, показалъ ея полное несогласіе съ дѣйствительностью и поставилъ на ея мѣсто другое убѣжденіе, что безопасность общественная лежитъ не въ такихъ фиктивныхъ преградахъ, а въ извѣстномъ, дружественномъ цѣлямъ общежитія, настроеніи воли бывшихъ преступниковъ, достигнуть котораго почти невозможно при институтѣ вѣчнаго праволишенія. Идеи эти генерически различны, онѣ не могутъ быть практикуемы одновременно“ (стр. 119, 120).

Тюрьма новаго времени имѣетъ цѣлью не возмездіе преступнику, не преслѣдованіе его всѣми злыми мѣрами, которыя когда-либо изобрѣтались мстительнымъ воображеніемъ прежнихъ законодателей, но, напротивъ, исправленіе преступника и даже *перевоспитаніе* его. Современный взглядъ на преступленіе, какъ на признакъ общественной болѣзни, заставляетъ законодателей искать средствъ не въ отмщеніи вреда на преступникѣ, но для прямой борьбы съ самимъ преступленіемъ. Съ этою цѣлью общество можетъ принимать разнообразныя мѣры соотвѣтственно разнымъ причинамъ, такъ или иначе вліяющимъ на увеличеніе или уменьшеніе преступленій. Такъ какъ самъ преступникъ есть то же одна изъ такихъ причинъ, то нужно дѣйствовать и на него. Всѣ другіе люди въ обществѣ находятся подъ вліяніемъ тѣхъ же общественныхъ условій, но далеко не всѣ покушаются на нарушеніе чужихъ правъ; — преступниками, слѣдовательно, слѣдуетъ считать такихъ людей, которые не въ состояніи противодѣйствовать подавляющимъ ихъ обстоятельствамъ или не умѣютъ побороть ихъ такими средствами, которыя признаны безвредными для достиженія личныхъ цѣлей въ обществѣ. Но эта самая несостоятельность и это самое неумѣнье бываютъ почти всегда, въ бо́льшей части преступныхъ случаевъ, результатомъ отсутствія всякаго воспитанія или просто дурного воспитанія. Въ этомъ и заключается обыкновенно вся вина преступника; мстить ему за то безполезно, но исправить его недостатки, это—долгъ общества. Отсюда—право общества лишить преступника свободы, и тюрьма, какъ средство для его исправленія или перевоспитанія.

Тюрьма, какъ учрежденіе исправительное и воспитательное, не имѣетъ ничего общаго съ тюрьмою мести и позора. Тюрьма новаго

направленія и не можетъ существовать въ томъ государствѣ, гдѣ карательная система основана на началѣ возмездія. Вотъ почему и у насъ, когда поднялся вопросъ о преобразованіи прежней тюремной системы, вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и потребность въ коренной реформѣ самаго уложенія о наказаніяхъ. Только тогда русская тюрьма станетъ дѣйствительно исправительнымъ учрежденіемъ, когда самое уголовное законодательство наше приметъ новые взгляды на преступленіе и преступниковъ, и когда оно станетъ посылать преступниковъ въ тюрьмы ради общественной пользы, а не ради общественной мести.

Новая тюремная система, какъ она практикуется во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, еще далеко не достигла до полнаго совершенства, но хорошо и то, что всѣ проводники ея прониклись уже воспитательною идеею и направляютъ свои усилія къ удовлетворенію всѣхъ потребностей, соотвѣтствующихъ воспитательнымъ цѣлямъ тюрьмы. Въ нынѣшней тюрьмѣ всѣ распоряженія тюремнаго начальства, принимаются ли они ради соблюденія дисциплины или ради содержанія заключенныхъ вообще, имѣютъ характеръ чисто воспитательный. „Арестантская работа необходима пенитенціарнымъ учрежденіямъ не какъ источникъ дохода, ни тѣмъ менѣе какъ средство изнуренія арестантовъ, а именно какъ одна изъ важныхъ воспитательныхъ мѣръ; въ способахъ содержанія и порядкѣ подчиненности арестантовъ господствуетъ та же воспитательная идея. Она же вызвала къ жизни арестантскую школу, бесѣды, визиты въ ихъ новѣйшей обрисовкѣ, классификацію арестантовъ, тюремную библіотеку; она поставила запросъ на пенитенціарный институтъ для образованія тюремныхъ дѣятелей, на газету для арестантовъ. Ею, и только ею, держатся тюремныя учрежденія на той высотѣ, которая принадлежитъ имъ въ общественномъ мнѣніи Запада, а забывая ее, становятся негодными даже тѣ тюрьмы, въ которыхъ отдѣльныя мѣры тюремной дѣятельности: арестантская работа, арестантскія прогулки, школа и т. п., продолжаютъ оставаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: живительный духъ этихъ мѣръ вылетаетъ изъ такихъ тюремъ, остается аггрегатъ распоряженій, слѣпо бредущихъ по невѣдомымъ тропинкамъ и къ невѣдомой цѣли“ (стр. 141).

Въ русской карательной системѣ, какъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ и въ тюремныхъ постановленіяхъ XIV тома, г. Фойницкій не находитъ воспитательной идеи; напротивъ, въ ея мѣрахъ видѣнъ только „грубый эмпиризмъ“ и въ ней нѣтъ даже сознанія, что карательныя мѣры, направленныя противъ преступниковъ, должны имѣть своею задачею противодѣйствіе преступленію“. Одинъ изъ рельефныхъ примѣровъ такого отношенія къ дѣлу представляетъ ссылка

на житье для лицъ привилегированныхъ классовъ. Когда существовали въ законодательствѣ тѣлесныя наказанія для лицъ непривилегированныхъ, то ссылка на житье была замѣною этихъ наказаній. Но тѣлесныя наказанія уничтожены, а ссылка на житье осталась, хотя она не заключаетъ въ себѣ ни одного воспитательнаго элемента. „Ее, очевидно, нельзя объяснить соображеніями колонизаціи, такъ какъ члены привилегированныхъ классовъ представляютъ изъ себя наименѣе пригодный для этого матеріалъ; она не только не противодѣйствуетъ рецидиву, но даже создаетъ для него богатую почву, ставя ссылаемаго въ безпомощное положеніе въ странѣ ему незнакомой, и отводя ему такія сферы дѣятельности, къ которымъ онъ вовсе не привыченъ". Обѣ коммиссіи предлагаютъ уничтожить ссылку на житье. Но и въ самомъ тюремномъ законодательствѣ нѣтъ ничего воспитательнаго. О мѣрахъ этого рода законъ постоянно выражается условными оборотами: „кажется, лучше бы", или „полезно, можетъ быть", и т. п.; сами отдѣльныя мѣры слишкомъ разрознены и даже ослабляютъ другъ друга, такъ что тюремное начальство принуждено было отказываться отъ исполненія ихъ. Классификація арестантовъ, напримѣръ, почти не существовала; тюремныя власти „легко обходили постановленія объ арестантской работѣ, объ обученіи мастерствамъ, —и только тѣ узаконенія, которыми опредѣлялись наказанія для арестантовъ, исполнялись аккуратнѣе, потому именно, что они логически вытекали изъ ясно сознанной тогда идеи наказанія, какъ зла или лишенія". Въ числѣ этихъ тюремно-дисциплинарныхъ взысканій были: заключеніе въ цѣпи, бритье половины головы, *тяжкая* работа съ цѣлью наибольшаго изнуренія арестанта; наконецъ, самый фактъ лишенія свободы сопровождается физическимъ томленіемъ арестантовъ съ доходящимъ до мелочей надзоромъ, возбуждающимъ и затѣмъ ослабляющимъ нервную систему арестантовъ. „Подобныя мѣры,—говоритъ г. Фойницкій,—идутъ противъ натуры человѣческой, а не за-одно съ нею; онѣ могутъ создать хорошихъ арестантовъ, исполняющихъ всѣ распоряженія тюремнаго начальства, пока они состоятъ арестантами, но онѣ не въ силахъ создать хорошихъ гражданъ" (стр. 139). Коммиссіи не обратили достаточнаго вниманія на этотъ предметъ: онѣ удержали цѣпи для каторжныхъ и заботились гораздо болѣе о мѣрахъ физическаго, чѣмъ о мѣрахъ нравственнаго воздѣйствія на арестантовъ. И относительно всего тюремнаго воспитанія вообще обѣ коммиссіи, хотя заявили, что тюремная дѣятельность, по ихъ мнѣнію, должна быть системою мѣръ для предупрежденія причинъ преступленія въ лицѣ объявленныхъ преступниковъ,—сдѣлали очень мало для обще-воспитательнаго назначенія тюрьмы, увлекаясь тѣми или другими отдѣльными тюремными мѣрами. Такъ, напр.,

обѣ коммиссіи, и особенно графа Соллогуба, возлагаютъ преувеличенныя надежды на арестантскую работу. Послѣдняя коммиссія ждетъ отъ этой работы удивительныхъ вещей не только для самой арестантской жизни, но даже для финансоваго положенія самихъ тюремъ; увлекаясь этою стороною дѣла, она оставляетъ на заднемъ планѣ другія важныя мѣры: классификацію арестантовъ, тюремную школу, библіотеку, тюремныя, бесѣды и т. п. Обѣ коммиссіи, сверхъ того, не даютъ полнаго развитія такъ-называемому принципу постепенности, въ силу котораго каждый арестантъ, въ какое бы онъ неблагопріятное положеніе поставленъ ни былъ, долженъ имѣть возможность постепенно выбиваться изъ него путемъ честнаго поведенія. Эта возможность обусловливается тѣмъ, что тюремному начальству предоставлено право облегчать участь арестанта по мѣрѣ его успѣховъ въ воспитаніи, по мѣрѣ его исправленія. Въ европейскихъ и американскихъ тюрьмахъ для этой цѣли служатъ система отмѣтокъ съ досрочнымъ освобожденіемъ: „въ проектахъ нашихъ коммиссій система отмѣтокъ совсѣмъ неизвѣстна, а досрочное освобожденіе — и то только для арестантовъ каторжныхъ тюремъ—получило частичное и весьма неудовлетворительное развитіе. Каторжные, поступающіе на льготный срокъ (для приговоренныхъ къ пожизненной каторгѣ— не ранѣе 20 лѣтъ, а для приговоренныхъ къ срочной каторгѣ—по истеченіи двухъ-третей назначеннаго судомъ времени), за хорошее поведеніе и работы, содержатся не въ острогѣ, но въ правительственной колоніи, до истеченія срока судебнаго приговора, отправляя въ ней тѣ же тяжкія работы, какъ и въ острогѣ. Нельзя не согласиться съ г. Фойницкимъ, что въ этой льготѣ слишкомъ мало привлекательнаго для того, чтобы направить всѣ силы арестанта къ наблюденію за собою и заставить его отказаться отъ привычекъ прежней, порочной жизни. Что касается до приговоренныхъ къ пожизненной каторгѣ, для нихъ эта льгота даже не льгота вовсе; и, вообще говоря, тюрьма не можетъ стать исправительнымъ учрежденіемъ для лицъ, приговариваемыхъ къ *пожизненному* заключенію или рабству: лишить человѣка всякой надежды на возможность пріобрѣтенія полной свободы, значитъ лишить его всякихъ побужденій къ исправленію. Иностранныя законодательства смотрятъ на этотъ предметъ иначе,—да и неужели изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ одинъ только русскій человѣкъ уродился такимъ звѣремъ, что даже 20 лѣтъ его хорошаго поведенія и добросовѣстнаго труда не могутъ обратить его въ человѣка, способнаго мирно и честно жить въ обществѣ?..

Такимъ же вопіющимъ противорѣчіемъ противъ правильной дѣятельности тюремнаго исправленія или воспитанія служатъ и всѣ другія кары, имѣющія пожизненный характеръ, какъ, напр., лишеніе

гражданскихъ правъ или гражданской чести. Подъ этою группою правъ разумѣются слѣдующія: „право на честный трудъ и на пользованіе его плодами, право на честный семейный союзъ, и вообще такія права, совокупность которыхъ образуетъ юридическое понятіе гражданской личности и безъ которыхъ остается только физическій человѣкъ, предоставленный всецѣло своимъ матеріальнымъ инстинктамъ“. Безъ этихъ правъ, однимъ словомъ, отъ человѣка остается только его животная натура. Между тѣмъ, наше уложеніе о наказаніяхъ примѣняетъ кару пожизненнаго лишенія правъ съ такою послѣдовательностью, что тюремное исправленіе преступниковъ становится совершенно невозможнымъ. Законодательство само отчасти смягчаетъ суровость уложенія, вводя въ постановленія о ссыльныхъ предоставленіе послѣднимъ правъ на имущество, пріобрѣтенное на мѣстѣ ссылки, но и требуетъ, чтобы возвращали имъ и то прежнее ихъ имущество, которое они принесли съ собою въ ссылку. Мало того, законодательство поощряетъ браки ссыльныхъ, со всѣми ихъ законными послѣдствіями, какъ у полноправныхъ гражданъ, и даже открываетъ доступъ къ общественной дѣятельности на правахъ свободныхъ крестьянъ, лишь бы только, съ момента водворенія ихъ на поселеніи, истекъ 10-тилѣтній срокъ, который можетъ быть сокращаемъ мѣстнымъ начальствомъ. Нашимъ коммиссіямъ слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ фактъ, и вмѣсто того, чтобы рекомендовать замѣну лишенія правъ пожизненнымъ лишеніемъ свободы или французскимъ институтомъ гражданской смерти (mort civile), отмѣненнымъ въ самой Франціи закономъ 1854 года, высказаться прямо противъ института лишенія правъ. Относительно лишенія *гражданскихъ* правъ г. Фойницкій высказывается рѣшительно: „сдать въ архивъ безъ всякихъ ограниченій“; но онъ стоитъ за „временное сохраненіе лишеній нѣкоторыхъ политическихъ правомочій и полномочій, имѣющихъ общественный характеръ, пока тюремная реформа не сдѣлаетъ ихъ излишними“.

Еще г. Фойницкій упрекаетъ обѣ коммиссіи въ томъ, что онѣ въ своихъ работахъ отвели лишь „едва замѣтное мѣсто“ принципу индивидуализаціи тюремнаго заключенія. Есть нѣсколько разныхъ видовъ тюремнаго заключенія. Въ проектѣ графа Соллогуба ихъ принято три: 1) каторжная тюрьма, построенная на началѣ *общаго* заключенія и назначаемая для тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ; 2) исправительный домъ, допускающій оба начала заключенія: *одиночное* и *общее*, и принимающій въ себя преступниковъ средней важности; и 3) смирительный домъ, на началѣ *одиночнаго* заключенія, для менѣе важныхъ преступниковъ. Но проектъ требуетъ, чтобы правила, устанавливаемыя для каждаго вида заключенія, исполнялись без-

условно, и чтобы отъ разъ принятыхъ правилъ содержанія арестантовъ никакія отступленія не допускались. Проектъ сенатора Фриша совсѣмъ ничего не говоритъ о возможности измѣненій въ предписываемыхъ тюрьмамъ правилахъ содержанія арестантовъ, но за то, съ другой стороны, онъ избѣгаетъ дробной регламентаціи этихъ правилъ и тѣмъ открываетъ возможность индивидуализаціи ихъ путемъ тюремной практики. Для воспитательныхъ цѣлей чрезвычайно важно отличать арестантовъ одной и той же тюрьмы по личному характеру, по ихъ образу жизни, по роду преступленій, однимъ словомъ, по всѣмъ индивидуальнымъ отличіямъ; воспитательныя или исправительныя цѣли тюремныхъ мѣръ достигаются гораздо легче не рутиннымъ исполненіемъ тѣхъ или другихъ правилъ, иногда придирчивыхъ до мелочей, но разнообразнымъ приложеніемъ разныхъ пріемовъ, соотвѣтствующихъ личнымъ особенностямъ арестантовъ...

Намъ остается еще познакомить читателей съ интересною статьею почтеннаго земскаго дѣятеля и неутомимаго изслѣдователя всѣхъ сторонъ самоуправленія, князя Васильчикова. Эта статья разбираетъ, съ соціальной точки зрѣнія, вопросъ объ европейской эмиграціи, и приходитъ къ слѣдующимъ четыремъ выводамъ:

I. „Европейская эмиграція приняла особенный характеръ нормально періодическаго явленія только съ начала настоящаго столѣтія, и съ тѣхъ поръ развивается прогрессивно, достигнувъ повидимому максимума въ Англіи, но еще постоянно усиливаясь въ Германіи и другихъ странахъ средней Европы, такъ что это движеніе находится еще въ періодѣ развитія и, вѣроятно, при быстромъ усовершенствованіи путей сообщенія, приметъ вскорѣ еще бóльшіе, небывалые размѣры.

II. „Главнѣйшимъ побужденіемъ къ переселенію оказывается не столько абсолютная густота населенія, сколько стѣсненіе, причиняемое одними классами народа другимъ вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія поземельной собственности, и большая часть выходцевъ принадлежитъ къ тѣмъ областямъ Англіи и Германіи, гдѣ населеніе менѣе густо, чѣмъ въ другихъ, но гдѣ помѣстное сословіе завладѣло бóльшею частью территоріи. Такими главными источниками эмиграціи, гдѣ ежегодныя переселенія достигли уже пропорціи 1% всѣхъ жителей, являются все такія страны или провинціи, въ которыхъ крупное землевладѣніе и вотчинныя права (*и майоратъ*, прибавимъ мы отъ себя) преобладаютъ и поддерживаются законодательствомъ или помимо закона вліяніемъ и происками помѣстнаго сословія, а именно Ирландія, горная Шотландія, Мекленбургское, Гессенъ-Кассельское герцогства и другія.

III. „Большинство эмигрантовъ состоитъ не изъ бѣднѣйшихъ, ни-

щихъ, чернорабочихъ, а изъ ремесленниковъ, торговцевъ, фермеровъ и вообще людей не вовсе еще разоренныхъ и неимущихъ, но сохранившихъ еще нѣкоторый достатокъ, нѣкоторыя сбереженія, которыя они спѣшатъ помѣстить въ другихъ странахъ, не находя выгоднаго помѣщенія въ своихъ отечествахъ.

IV. „Люди эти составляютъ безспорно лучшую часть рабочихъ классовъ, самую бережливую, трудолюбивую и бодрую. Это ясно доказывается, во-первыхъ, крупными цифрами суммъ, вывозимыхъ эмигрантами, отъ 280 до 546 руб. на душу, и во-вторыхъ, громадными сбереженіями, которыя они реализуютъ въ Америкѣ и отчасти высылаютъ обратно въ Европу".

Свои четыре положенія авторъ очень убѣдительно доказываетъ статистическими данными объ эмиграціи и устройствомъ землевладѣнія въ странахъ, изъ которыхъ происходитъ эмиграція. Въ Германіи, кромѣ дурного распредѣленія въ землевладѣніи и дороговизны земли, на усиленіе эмиграціи много вліяетъ тяжесть воинской повинности: значительная часть нѣмецкихъ переселенцевъ — бѣглые рекруты. Князь Васильчиковъ указываетъ еще на одно отличіе между обѣими эмиграціями. Англійская эмиграція сохраняетъ свои связи съ Англіей, потому что она отправляется въ англійскія колоніи или въ Соединенные Штаты, между тѣмъ какъ для Германіи эмиграція— чистый проигрышъ, ибо нѣмцы, переселяясь въ чужія страны, мало по-малу теряютъ свой національный характеръ.

Князь Васильчиковъ приписываетъ эмиграціи роль *охранительнаго клапана*, выпускающаго излишніе пары изъ котла: „она даетъ выходъ тревожной дѣятельности народныхъ массъ, замкнутыхъ въ слишкомъ тѣсной средѣ современныхъ обществъ". Въ доказательство этого мнѣнія онъ указываетъ на Англію и Германію, какъ на страны, въ которыхъ „соціальныя смуты какъ будто нѣсколько укрощаются, по крайней мѣрѣ не доходятъ до революціонныхъ и междоусобныхъ браней, между тѣмъ какъ французское общество, лишенное этого охранительнаго снаряда, бродитъ и вскипаетъ періодически". Что связь между этими явленіями существуетъ, это—несомнѣнно, но только связь эта не такъ близка, какъ полагаетъ почтенный авторъ. Соціальное положеніе Германіи нисколько не лучше французскаго, и въ ней происходили соціальныя смуты въ очень широкихъ размѣрахъ; отсутствіе эмиграціи во Франціи можно объяснить однимъ тѣмъ фактомъ, что народонаселеніе во Франціи почти не возрастаетъ въ числѣ. И про Англію нельзя сказать, что только эмиграція спасаетъ ее отъ соціальныхъ смутъ. Это правда, что не будь въ Англіи эмиграціи, заработная плата могла бы падать ниже нынѣшняго, и пролетаріатъ возросталъ бы въ болѣе усиленной про-

порціи; но и объ этомъ можно говорить лишь гадательно, такъ какъ въ Англіи есть еще много другихъ „клапановъ", которыхъ нѣтъ ни во Франціи, ни въ Германіи. Но эмиграція во всякомъ случаѣ указываетъ на глубокое разстройство въ народномъ хозяйствѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она находится въ тѣсной связи съ устройствомъ поземельной собственности и съ ненормальнымъ развитіемъ городской промышленности...

Итакъ, мы нашли не мало интереснаго и оригинальнаго въ первомъ томѣ „Сборника".

О критическомъ отдѣлѣ его можно сказать, что онъ довольно полонъ и составленъ вообще хорошо; впрочемъ, критическія статьи объ иностранныхъ книгахъ не оригинальныя, а переводныя.

По политическому обзору можно судить, что издатели одушевлены наилучшими намѣреніями, что они готовы защищать все, что способствуетъ у насъ правильному развитію самоуправленія и свободы, что они если и не прямые враги привилегій, то во всякомъ случаѣ не питаютъ къ нимъ особаго расположенія, и не ждутъ отъ нихъ общественной пользы.

Ю. Р.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1875.

Судебная реформа въ царствѣ польскомъ. — Сессія петербургскаго дворянства. — Всесословная волость. — Дѣло г. Безъобразова. — Приговоръ по дѣлу Исаева. — Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки.

Судебная реформа въ царствѣ польскомъ, обнародованная 19-го минувшаго февраля, въ главныхъ чертахъ совершенно соотвѣтствуетъ тому, чего можно было ожидать по слухамъ о ходѣ предварительныхъ работъ. Объ этихъ слухахъ мы упоминали въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній, говоря о десятилѣтнемъ юбилеѣ обнародованія общихъ судебныхъ уставовъ. Весьма существенныя, коренныя отступленія отъ этихъ уставовъ представляются въ судебной реформѣ для царства польскаго слѣдующими условіями. Мировые судьи и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ опредѣляются правительственной властью, и по ея же усмотрѣнію предоставлено увольнять ихъ отъ службы или перемѣщать ихъ; института присяжныхъ засѣдателей не вводится, и окружные суды будутъ постановлять свои приговоры, рѣшая сами и вопросъ о виновности; совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ также не образуется; изъ предсѣдателей и членовъ общихъ судебныхъ установленій въ царствѣ будутъ пользоваться несмѣняемостью только тѣ, которые прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ той же должности. Такимъ образомъ, въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ въ царствѣ несмѣняемыми членами въ окружныхъ судахъ и судебной палатѣ будутъ только тѣ лица, которыя перейдутъ въ царство съ подобной же должности въ имперіи, предполагая, что они выслужили трехлѣтній срокъ; по прошествіи же трехъ лѣтъ, несмѣняемостью будутъ пользоваться какъ эти лица, такъ и всѣ тѣ, которыя, бывъ назначены при введеніи реформы, не были смѣнены въ теченіи трехлѣтія. Вообще же, впослѣдствіи трехлѣтній срокъ для судей и

слѣдователей въ царствѣ будетъ какъ бы пробою ихъ благонадежности; заявивъ ее въ теченіи этого періода, они уже будутъ пользоваться несмѣняемостью (кромѣ мировыхъ судей, которые по самому учрежденію будутъ смѣняемы). Для точности слѣдуетъ замѣтить, что статьи о невведеніи въ царствѣ института присяжныхъ и полнаго примѣненія несмѣняемости членовъ общихъ судебныхъ установленій оговорены въ положенія словами: „впредь до особаго распоряженія"; стало быть, въ принципѣ предположено ввесть со временемъ то и другое и въ царствѣ. Можно только пожелать, чтобы это признано было возможнымъ въ неотдаленное время, въ особенности чтó касается учрежденія присяжныхъ. Если по политическимъ соображеніямъ предвидится затрудненіе допустить въ краѣ какіе-либо самостоятельные óрганы, хотя бы óрганы судебной власти, и потому начало несмѣняемости вводится пока только въ весьма ограниченной степени, то трудно объяснить себѣ въ равной степени возможность политическаго препятствія къ введенію института присяжныхъ. Противъ удобопримѣнимости его въ царствѣ возможно привесть только одно, далеко не вполнѣ убѣдительное соображеніе: что присяжные въ Польшѣ стали бы дѣлать различіе между поляками и русскими въ уголовныхъ дѣлахъ. Всѣ же прочія соображенія могли бы быть только въ пользу учрежденія присяжныхъ: относительная многочисленность образованнаго класса въ краѣ, существованіе Наполеонова кодекса, и существованіе самаго учрежденія присяжныхъ засѣдателей въ древнѣйшемъ польскомъ законодательствѣ.

Весьма важное различіе противъ общихъ судебныхъ уставовъ постановляется настоящимъ положеніемъ еще въ правѣ, предоставляемомъ правительственной власти переносить дѣла изъ одного суда и округа въ другой судъ и округъ; право это будетъ имѣть тѣмъ бóльшее значеніе, что такъ какъ все царство составитъ одинъ судебный округъ, то перенесеніе дѣла изъ одного округа въ другой означаетъ перенесеніе дѣла изъ вѣдѣнія суда, находящагося въ царствѣ, въ одинъ изъ судовъ, находящихся въ имперіи. Право перенесенія дѣлъ изъ одного судебнаго округа въ другой существуетъ и въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 г.; но тамъ, во-первыхъ, случаи его примѣненія опредѣлены съ точностью; во-вторыхъ, оно предоставлено высшему суду, а не администраціи. Въ статьяхъ 247 и 248 устава уголовнаго судопроизводства установлено, что въ двухъ случаяхъ, именно: когда бóльшее число обвиняемыхъ и свидѣтелей по преступленію имѣютъ жительство въ округѣ другого суда, и еще когда по отдаленности мѣста, гдѣ совершено преступленіе, отъ суда, которому оно подсудно, дѣло можетъ быть переносимо въ другой судъ, по разрѣшенію высшаго въ порядкѣ подчиненности суда. Сверхъ этихъ слу-

чаевъ, дѣло можетъ быть переносимо въ другой судебный округъ въ случаѣ, если обвиняемыми являются сами члены суда, или если они же оказываются прикосновенными къ злоупотребленіямъ, допущеннымъ по дѣлу, имъ подвѣдомственному; въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ разрѣшеніе и перенесеніе дѣла зависитъ отъ кассаціоннаго департамента сената. Таковы опредѣленія судебныхъ уставовъ, дѣйствующихъ въ имперіи; они весьма точны и прямо указываютъ, въ какихъ именно случаяхъ перенесеніе дѣла допускается, притомъ не иначе, какъ съ разрѣшеніи высшаго суда. Въ „Положеніи" же о судоустройствѣ въ царствѣ польскомъ соотвѣтствующая статья 94-я постановляетъ, что „сверхъ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 247 и 248 устава уголовнаго судопроизводства, министру юстиціи предоставляется право, по представленіямъ прокуроровъ, переносить дѣла изъ одного судебнаго округа въ другой, въ видахъ огражденія государственнаго или общественнаго интереса, испрашивая на сіе каждый разъ особое высочайшее разрѣшеніе". Такимъ образомъ случаи, въ которыхъ перенесеніе можетъ быть допускаемо, не опредѣлены и не выражены прямо: касается ли это постановленіе только уголовныхъ дѣлъ или и дѣлъ гражданскихъ? Опредѣленіе „въ видахъ огражденія государственнаго и общественнаго интереса" скорѣе указываетъ, что перенесенію, въ указанномъ порядкѣ, могутъ подлежать и гражданскія дѣла.

Указавъ на тѣ особенности „Положенія" 19-го февраля, въ которыхъ представляются коренныя различія отъ общаго судоустройства, существующаго въ имперіи, обратимся къ другимъ особенностямъ судебной организаціи, вводимой въ царствѣ. Главная изъ нихъ та, что судебная организація здѣсь будетъ обнимать и волостной судъ, остающійся въ имперіи совершенно внѣ судебной системы безъ всякой съ нею связи и отношенія. Волостные, то-есть гминные суды, въ царствѣ будутъ представлять одну изъ отраслей мировой юстиціи, отличаясь отъ мировыхъ установленій въ тѣсномъ смыслѣ, какъ они вводятся въ царствѣ, своимъ выборнымъ характеромъ. Итакъ, сельская среда въ краѣ единственная, которой предоставляется участіе общественнаго элемента въ судебномъ дѣлѣ. Въ гминахъ, то-есть сельскихъ волостяхъ, будетъ выборный гминный судъ, а въ городахъ мировые судьи, хотя и не выборные, но состоящіе въ связи съ гминными судами, такъ что нѣсколько уѣздовъ, съ находящимися въ нихъ городами, посадами и сельскими гминами будутъ составлять одинъ мировой округъ, имѣющій высшую инстанцію—мировой съѣздъ. Въ мировомъ округѣ, кромѣ участковыхъ городскихъ мировыхъ судей, будутъ еще добавочные мировые судьи (почетныхъ не будетъ). Мировой съѣздъ въ царствѣ будетъ составляться въ каждомъ миро-

вомъ округѣ изъ мировыхъ и гминныхъ судей того округа. Предсѣдатели съѣздовъ, какъ уже сказано выше, назначаются правительственной властью, какъ и мировые судьи. Вѣдѣнію мировыхъ съѣздовъ въ царствѣ подлежать аппелляціонныя и кассаціонныя жалобы не только на рѣшенія мировыхъ судей, но и на рѣшенія сельскихъ, т. е. гминныхъ судовъ. Эти послѣдніе суды и по аттрибуціямъ, и по подчиненности поставлены здѣсь на одномъ уровнѣ съ мировыми судьями: общею второю инстанціею для тѣхъ и другихъ здѣсь служатъ мировые съѣзды.

Весьма раціональною частью новаго судебнаго положенія для царства польскаго является сохраненіе и организація гминныхъ судовъ, какъ судовъ сельскихъ всесословныхъ. Эта часть реформы имѣетъ весьма благопріятное значеніе въ троякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, сохраненіе гминнаго выборнаго суда, устроеннаго на основаніи Положенія 1864 года, показываетъ довѣріе правительства къ сельскому населенію, къ польскому крестьянству, показываетъ, что та политическая мысль, которая внушила отмѣну натуральныхъ повинностей и помѣщичьей опеки въ краѣ, сохранила свою убѣдительность и въ настоящее время; что правительство продолжаетъ питать надежду на возможность, посредствомъ освобожденія и улучшенія быта большинства жителей въ царствѣ, создать въ немъ такое новое, не только многочисленное, но надѣленное правами, сознательное и дѣйствующее общество, которое будетъ относиться дружелюбно къ русской власти, осуществившей преобразованія, много разъ обѣщанныя, но никогда не исполненныя дворянствомъ, стремившимся къ независимости посредствомъ революцій. Во-вторыхъ, сохраненіе и окончательная организація внѣ городовъ суда національнаго, выборнаго должно быть тѣмъ болѣе принято населеніемъ съ удовольствіемъ, что вмѣсто него могло быть только одно: введеніе и въ сельскихъ округахъ юрисдикціи мировыхъ судей, которые назначаются административнымъ порядкомъ и отъ которыхъ не требуется ценза, и которые, стало быть, въ большинствѣ случаевъ были бы наѣзжіе чиновники, ничѣмъ не связанные съ мѣстностью. Наконецъ, въ-третьихъ, та организація, которая дается теперь гминнымъ судамъ, сама по себѣ представляетъ значительныя гарантіи правильности ихъ дѣйствій и ставитъ ихъ, безъ всякаго сравненія, выше нашихъ русскихъ волостныхъ судовъ. Гминные суды не только будутъ входить въ правильную систему общаго судоустройства, подлежа аппелляціи и ревизіи, но и во внутреннихъ своихъ условіяхъ представятъ бóльшія гарантіи правильности дѣйствій. Гминный судъ состоитъ изъ гминнаго судьи и лавниковъ (засѣдателей), которыхъ должно быть не менѣе трехъ; судья и лавники избираются гминнымъ сходомъ на три года.

Въ гминные судьи избираются только жители гмины и притомъ только такіе, которые имѣютъ отъ роду не менѣе 25-ти лѣтъ, имѣютъ право участія въ дѣлахъ схода, получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и начальныхъ училищъ, или выдержали соотвѣтствующій экзаменъ, или же прослужили трехлѣтіе въ такихъ должностяхъ, въ которыхъ они могли пріобрѣсть практическія свѣдѣнія въ судопроизводствѣ, и наконецъ, владѣютъ въ предѣлахъ гмины, на правѣ собственности, землею въ размѣрахъ, установленныхъ для избранія въ должность гминнаго войта. Въ лавники могутъ быть избираемы только грамотные жители гмины. Такимъ образомъ и мѣстному дворянству не закрывается доступъ къ участію въ сельскомъ судѣ, что, во-первыхъ, совершенно правильно, такъ какъ судъ этотъ долженъ быть всесословнымъ, а во-вторыхъ, желательно и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ невозможно навсегда устранить образованные классы отъ участія въ правильномъ отправленіи общественныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ какъ-бы поддерживать ихъ въ искусственныхъ стремленіяхъ или замыкать эти классы въ область мечтаній, не имѣющихъ никакой связи съ реальными условіями. Политическая программа 1864 года ясна: нельзя создать правильной и прочной системы управленія краемъ на одной военной силѣ, хотя и не можетъ быть сомнѣнія, что ея у насъ слишкомъ достаточно, чтобы подавить всякую новую попытку къ мятежу, еслибы таковая произошла; польское крестьянство, новое, гораздо болѣе многочисленное противъ прежняго, надѣленное правами польское общество должно примирить Польшу съ Россіею; но для того, чтобы примиреніе это было прочное и полное, нельзя оставлять совершенно въ сторонѣ отъ участія въ общественной жизни образованные классы, какое бы меньшинство они ни представляли въ сравненіи съ массою крестьянства. Крестьянство, надѣленное правами и призванное къ самоуправленію и самосуду, должно поглотить въ себѣ и образованные классы, которые примкнутъ къ нему въ силу необходимости, если только не будутъ отстраняемы отъ практической дѣятельности искусственными преградами. Вотъ эта, совершенно ясная программа 1864 года, единственная вдобавокъ, которой можно держаться теперь послѣ всего, что сдѣлано для преобразованія края именно въ этомъ смыслѣ. Теперь уже мѣнять программы нельзя. Организація гминныхъ судовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ этой программѣ, хотя и можно указать въ подробностяхъ провѣрки списковъ избираемыхъ кандидатовъ на нѣкоторыя, быть можетъ, излишнія предосторожности. Но, несмотря на нихъ и говоря вообще, гминный судъ въ царствѣ представитъ весьма благопріятныя условія правильности, какъ всесословный судъ въ сельскихъ округахъ, и можно даже пожелать, чтобы онъ послужилъ

образцомъ для созданія такихъ же всесословныхъ волостныхъ судовъ и въ русскихъ губерніяхъ, если замѣна нашихъ нынѣшнихъ волостныхъ судовъ мировыми судьями оказывается намъ не по средствамъ.

Годъ тому назадъ мы излагали ходъ преній въ здѣшнемъ губернскомъ дворянскомъ собраніи по вопросу о всесословной волости; пренія эти заключились тѣмъ, что представленные собранію проекты о всесословной волости были отвергнуты, и коммиссіи поручено было составить новый проектъ на основаніи шести пунктовъ, предложенныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Пункты эти сводились на то, чтобы помѣщики получили въ своихъ имѣніяхъ полицейскую власть, а волостной старшина избирался земствомъ изъ „образованныхъ лицъ". Въ истекшемъ мѣсяцѣ происходило опять губернское собраніе петербургскаго дворянства, которому и былъ представленъ новый проектъ всесословной волости, составленный коммиссіею. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ самъ князь Лобановъ-Ростовскій, и проектъ, ею составленный, былъ совершенно согласенъ съ духомъ предложенной имъ програмы, хотя и не вполнѣ соотвѣтствовалъ ея буквѣ, такъ какъ первымъ пунктомъ програмы было устраненіе всякаго предположенія хозяйственной - всесословной волости, а проектъ предлагаетъ разрѣшить частнымъ сельскимъ сходамъ право отмѣнять общинное владѣніе землею простымъ большинствомъ голосовъ, то-есть вторгается въ хозяйственную область самымъ рѣшительнымъ образомъ. При этомъ, предполагаетъ ограничить право голоса въ частныхъ сходахъ — установленіемъ ценза трехъ душевыхъ надѣловъ, стало быть, отдаетъ рѣшеніе вопроса объ общинѣ въ руки зажиточныхъ крестьянъ, которые скорѣе могутъ быть заинтересованы въ ея отмѣнѣ. Замѣчательно вообще, что програма, составленная кн. Лобановымъ, поручила коммиссіи составить только проектъ „о территоріальныхъ *волостныхъ* старшинахъ", а проектъ, составленный коммиссіею подъ предсѣдательствомъ кн. Лобанова и съ участіемъ, въ числѣ ея членовъ, г. Безъобразова, по поводу *волостныхъ* старшинъ, предложилъ передѣлку даже не волости, а самихъ сельскихъ обществъ, введеніе въ нихъ ценза и облегченіе къ устраненію общиннаго пользованія землею.

Но выйдя, такимъ образомъ, изъ границъ, положенныхъ буквою програмы, проектъ тѣмъ самымъ только полнѣе согласовался съ *духомъ* предложенныхъ кн. Лобановымъ пунктовъ. Сущность заключалась въ томъ, что въ каждую волость назначаются губернаторомъ нѣсколько земскихъ головъ изъ лицъ образованныхъ и имѣющихъ цензъ мировыхъ судей, для наблюденія за крестьянскимъ самоуправ-

леніемъ, а помѣщики получаютъ въ своихъ имѣніяхъ званіе помѣстныхъ старостъ съ полицейской властью. Было бы совершенно излишне долѣе останавливаться надъ проектомъ коммиссіи дворянства петербургской губерніи. Онъ заслуживалъ вниманіе развѣ только какъ образчикъ тѣхъ „вотчинныхъ" идей, которыя съ нѣкотораго времени стали носиться въ воздухѣ и нашли себѣ талантливаго, хотя и неглубокаго теоретика въ г. Фадѣевѣ. Но едва ли и самъ авторъ брошюры „Чѣмъ намъ быть" рѣшился бы подписаться подъ проектомъ коммиссіи, о которомъ достаточно отозваться заключительными словами одного изъ лицъ комедіи Дюма̀ „Les idées de m-me Aubray": c'est raide!

Судьбѣ не даромъ приписывается иногда свойство ироніи. Тому самому собранію дворянства, въ которое былъ внесенъ проектъ, предлагавшій отдать волость въ дворянскую опеку, для спасенія крестьянства отъ неправильностей его самостоятельнаго самоуправленія, пришлось обсуждать вопросъ о неправильности дѣйствій предводителя петербургскаго уѣзднаго дворянства, г. Безъобразова, одного изъ членовъ коммиссіи, составившей этотъ знаменитый проектъ,—о неправильности его дѣйствій по храненію и расходованію суммъ, въ томъ числѣ именно и по дворянской опекѣ. Дѣло это весьма любопытно и должно имѣть во всякомъ случаѣ болѣе практическихъ послѣдствій, чѣмъ то дилеттантское преобразованіе крестьянскихъ учрежденій, въ которомъ участвовалъ г. Безъобразовъ. Поэтому, мы разскажемъ его съ возможной краткостью. Ровно годъ тому назадъ, 6-го марта 1874 г., бывшій письмоводитель предводителя дворянства петербургскаго уѣзда Безъобразова, г. Александровъ, явился къ предводителю дворянства петербургской губерніи, графу Шувалову, и сдѣлалъ ему, для передачи дворянству, „заявленіе", сущность котораго была такая: г. Безъобразовъ уволилъ г. Александрова отъ должности; а г. Александровъ, „оставляя" должность,—но, замѣтимъ, не во время исправленія имъ должности,—счелъ своей обязанностью сдѣлать извѣстнымъ дворянству тотъ фактъ, что, какъ по суммамъ частной съ дворянскихъ имѣній повинности, такъ и по имуществу, завѣщанному г-жею Уткиной, „отчетность ведется не въ порядкѣ". Графъ Шуваловъ посовѣтовался съ царскосельскимъ предводителемъ Платоновымъ, и тотъ, съ общаго ихъ согласія, отправился къ г-ну Безъобразову предложить, „не пожелаетъ ли онъ" обратиться самъ въ собраніе предводителей и депутатовъ съ просьбою о ревизіи. Г. Безъобразовъ однако этого „не пожелалъ", но потребовалъ, чтобы г. Александровъ формулировалъ свой „доносъ" письменно, для того, чтобы его можно было преслѣдовать за клевету судебнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала, представители дворян-

ства обратились въ этомъ дѣлѣ на путь частныхъ переговоровъ для скорѣйшаго прекращенія всѣхъ толковъ, а г. Безъобразовъ, съ самого же начала, ни на какія частныя соглашенія не пошелъ, но твердо сталъ на почву строго-легальную, оперся на букву закона, и такъ и оставался въ этомъ положеніи до конца. Объясненія, данныя впослѣдствіи г. Безъобразовымъ о порядкѣ храненія и расходованія имъ суммъ, можно признавать какъ угодно—удовлетворительными, или неудовлетворительными; скорѣе послѣднее, конечно. Но въ одномъ нужно отдать ему справедливость: онъ твердо стоялъ на легальной почвѣ, а графъ Шуваловъ, и впослѣдствіи большинство, какъ въ уѣздныхъ, такъ и въ дворянскомъ собраніяхъ, взглянули на лучшіе способы вести это дѣло болѣе съ точки зрѣнія правилъ „общежитія" и „товарищества", чѣмъ съ точки зрѣнія буквы закона. Вотъ почему первыя возраженія г. Безъобразова положительно сбивали графа Шувалова съ занятой позиціи, и почему, въ концѣ-концовъ, веденіе этого дѣла дворянствомъ не разъяснило въ немъ ни спорныхъ вопросовъ, ни даже нравственной сущности этого дѣла въ тѣхъ размѣрахъ, какіе оно затѣмъ приняло. Дѣло разъяснится только путемъ судебнаго разбирательства.

Г. Александровъ, по требованію, изложилъ свое „заявленіе" письменно. Въ немъ указывалось въ сущности, что въ суммахъ сбора частной повинности остатка оказывалось на 5,000 р. менѣе, чѣмъ бы слѣдовало по отчету, и что г. Безъобразовъ, состоя, въ качествѣ предводителя, исполнителемъ духовнаго завѣщанія Уткиной, выдавалъ наслѣдникамъ ея только незначительныя суммы, несмотря на ихъ жалобы, а какое далъ назначеніе значительному остатку—г-ну Александрову не было извѣстно. Это заявленіе было внесено графомъ Шуваловымъ въ собраніе предводителей и депутатовъ дворянства и въ собраніи этомъ записано въ протоколъ, съ отсрочкою сужденія до представленія г. Безъобразовымъ объясненій. Объясненія свои г. Безъобразовъ изложилъ въ запискѣ, замѣчательной по юридической ясности и силѣ, хотя менѣе удовлетворительной для разъясненія оборотовъ дворянскихъ суммъ. Онъ доказывалъ неопровержимыми ссылками на законы, что губернскій предводитель, графъ Шуваловъ, не имѣлъ права принимать доносъ на предводителя уѣзда, такъ какъ это прямо запрещено закономъ; что тотъ же предводитель не имѣлъ права обратить въ судилище вопросовъ, для депутатскаго собранія совершенно чуждыхъ, собраніе это, которое по закону занимается только составленіемъ родословныхъ книгъ, формулярныхъ списковъ и т. п. На этомъ основаніи, г. Безъобразовъ признавалъ собраніе, требовавшее у него объясненій, незаконнымъ, произвольнымъ, но соглашался дать объясненія „для круга товарищей и

знакомыхъ". Сущность этихъ объясненій заключалась въ томъ, что г. Александровъ былъ у него вольнонаемнымъ письмоводителемъ и уволенъ имъ по неблагонадежности, не возвративъ нѣкоторыхъ суммъ, и всѣ его показанія отрицаются подробно и довольно убѣдительно, но именно только отрицаются, а полнаго изложенія, въ какомъ положеніи находились дѣйствительно суммы, г. Безъобразовъ не давалъ и утверждалъ даже, что „доброхотные ревизоры" могли бы уяснить себѣ положеніе дѣлъ по книгамъ, такъ какъ „предводитель не казначей, а хозяинъ" и „отвѣчаетъ передъ дворянствомъ не за количество денегъ, у него въ каждую минуту находящихся, а за распоряженіе въ течении трехлѣтія". Кромѣ того, въ своихъ объясненіяхъ г. Безъобразовъ намекалъ на интриги противниковъ, въ рукахъ которыхъ г. Александровъ могъ быть только орудіемъ, и весьма ѣдко описывалъ положеніе, занятое въ этомъ дѣлѣ разными членами дворянства, выражая главнымъ образомъ удивленіе, что губернскій предводитель „бросается во всѣ стороны совѣтоваться и разсуждать, какъ ему поступить, и распространяетъ слухъ о небывалой растратѣ денегъ". Вмѣстѣ съ этими объясненіями г. Безъобразова, собраніе предводителей и депутатовъ получило чрезъ графа Шувалова новое „заявленіе" г. Александрова, въ которомъ онъ просилъ дозволить ему явиться лично въ собраніе и между прочимъ „представить собранію новое заявленіе по поводу производящагося въ настоящее время г. вице-губернаторомъ по здѣшней дворянской опекѣ конфиденціальнаго дознанія о займѣ г. Безъобразовымъ у двухъ опекуновъ денегъ изъ опекунскихъ суммъ въ количествѣ 68 тысячъ руб. сер., безъ разрѣшенія на то присутствія опеки, и незаконномъ расходованіи имъ, Безъобразовымъ, на содержаніе чиновъ опеки денегъ 8 тыс. руб. изъ % капиталовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ". Собраніе предводителей и депутатовъ не вошло въ разсмотрѣніе этого новаго заявленія, а по сущности объясненій г. Безъобразова пришло къ заключенію, что „законность собранія не подлежитъ его обсужденію" и что само оно начать ревизіи не можетъ „за отсутствіемъ прямыхъ на сей предметъ указаній въ постановленіяхъ губернскихъ собраній", между тѣмъ какъ „не только ревизія въ данную минуту, но самое обсужденіе о необходимости оной" уѣзднымъ предводителемъ признаются незаконными. Короче: собраніе предводителей и депутатовъ, предпринявшее оффиціальнымъ образомъ, съ составленіемъ протоколовъ, повѣрять дѣйствія г. Безъобразова, по жалобѣ г. Александрова, въ виду позиціи, занятой г. Безъобразовымъ, и положительнаго закона, потерпѣло въ этомъ пунктѣ пораженіе и должно было отказаться отъ своего предпріятія. Но оно все-таки нашло въ самомъ содержаніи записки

г. Безъобразова доказательство, что отчетность велась имъ несогласно съ общепринятыми правилами, и постановило просить губернатора передать это дѣло министру юстиціи для законнаго направленія.

Оказалось, что и это постановленіе собранія были ошибочно. Министръ юстиціи въ ноябрѣ 1874 г. возвратилъ представленія губернатора министру внутреннихъ дѣлъ „на дальнѣйшее распоряженіе", такъ какъ по закону повѣрка отчетности въ расходованіи дворянскихъ суммъ по уѣзду подлежитъ разсмотрѣнію губернскаго собранія дворянства. Поэтому, министръ внутреннихъ дѣлъ, чрезъ губернатора, просилъ предложить это дѣло на разсмотрѣніе имѣвшаго открыться, въ мартѣ 1875 года, очередного петербургскаго губернскаго собранія дворянства. Между тѣмъ г. Безъобразовъ былъ устраненъ сенатомъ отъ должности уѣзднаго предводителя дворянства, а самъ возбудилъ противъ г. Александрова судебное дѣло о клеветѣ. Губернское собраніе, въ засѣданіи 10-го марта, положило передать вопросъ по дѣлу г. Безъобразова и Александрова на обсужденіе въ уѣзды, и въ губернскомъ собраніи разсмотрѣть его 13-го марта. Уѣзды всѣ выразили болѣе или менѣе порицаніе дѣйствіямъ бывшаго уѣзднаго предводителя, но при этомъ большинство уѣздовъ стало опять на точку внѣ-легальную, на точку зрѣнія общежитія, осуждая г. Безъобразова за то, что онъ въ теченіи цѣлаго года не принялъ мѣръ къ тому, чтобы очиститься отъ взведеннаго на него нареканія. Такъ какъ г. Безъобразовымъ между тѣмъ начато противъ г. Александрова судебное дѣло, то это мнѣніе уѣздовъ слѣдуетъ, очевидно, понимать въ такомъ смыслѣ, что г. Безъобразовъ поступилъ не по-товарищески, отказавшись отъ какой-бы то ни было ревизіи и ставъ въ отношеніи къ своему обществу въ позицію, обороняемую строгою буквою закона. Важнѣе другихъ въ этомъ дѣлѣ постановленія петербургскаго уѣзднаго собранія, которыя затѣмъ было приняты и большинствомъ губернскаго собранія. Петербургское уѣздное собраніе постановило: 1) „извѣщеніе г. Александрова считать не доносомъ, а заявленіемъ". Это странное постановленіе комментаторскаго свойства было принято по перевѣсу всего 4-хъ голосовъ, такъ что, не говоря уже о юридическомъ смыслѣ, и нравственнаго значенія въ немъ немного, ибо противъ 26 голосовъ, признавшихъ извѣщеніе „заявленіемъ", были 22 голоса, положительно признавшихъ его „доносомъ"; 2) признать порядокъ храненія и расходованія суммъ г. Безъобразовымъ несоотвѣтствующимъ общепринятому порядку (большинствомъ 47 голосовъ противъ 1); 3) за представленіемъ г. Безъобразовымъ оставшихся суммъ, заявленіе Александрова о неправильности расхода дворянской кассы оставить безъ послѣдствій (39 голосовъ противъ 9); 4) относительно послѣдоваван-

шаго по этому дѣлу сношенія г. Безъобразова съ собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства, выразить со стороны уѣзднаго собранія неодобреніе дѣйствіямъ г. Безъобразова; 5) депутатамъ же дворянства выразить, въ лицѣ губернскаго предводителя, признательность за всѣ дѣйствія по настоящему дѣлу. Относительно дѣла Уткиной собраніе нашло себя не вправѣ его разсматривать. Само собою разумѣется, что какъ уѣздное, такъ и губернское собраніе не могли входить въ разсмотрѣніе дѣла по дворянской опекѣ, возбужденнаго губернаторскою ревизіею.

Итакъ, собственно по дѣлу, подлежавшему собранію, ревизія документовъ по дворянскимъ сборамъ показала, что остатокъ ихъ сданъ г. Безъобразовымъ въ цѣлости и начетовъ на него нѣтъ. Это только одна часть всего дѣла, по обвиненіямъ г. Александрова; остальное должно разъясниться на судѣ, такъ или иначе. Губернское собраніе, въ засѣданіи 13-го марта, имѣло весьма оживленныя пренія, въ которыхъ г. Безъобразовъ былъ слабъ только въ защитѣ своего хозяйственнаго порядка, но въ юридической постановкѣ отношеній между дѣйствовавшими въ этомъ дѣлѣ лицами оказался гораздо сильнѣе и графа Шувалова, и барона Корфа. Замѣчательно было объясненіе графа Шувалова, почему онъ не принялъ предложенія г. Безъобразова явиться лично, какъ дворянинъ уѣзда, ревизовать кассу уѣзда, но желалъ ревизіи болѣе формальной. Гр. Шуваловъ заявилъ, что „какъ дворянинъ петербургскаго уѣзда, онъ не имѣлъ *ни малѣйшаго любопытства знать*, въ какомъ состояніи находится касса и не имѣлъ причины сомнѣваться въ ея цѣлости; онъ не пошелъ ревизовать на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ не пошли и всѣ другіе дворяне; забота его была совершенно другого рода: задача его состояла въ томъ, чтобы способствовать скорѣйшему разъясненію истины, такъ какъ дѣло было крайне неблаговидно". Невозможно было яснѣе выразить той чисто-житейской, свѣтской точки зрѣнія, которою руководствовался въ этомъ дѣлѣ губернскій предводитель дворянства: вся суть въ томъ, что дѣло было неблаговидно, а относительно реальнаго, общественнаго интереса, который представлялся вопросомъ, въ самомъ ли дѣлѣ въ общественной кассѣ есть недочетъ или нѣтъ, графъ Шуваловъ не имѣлъ „ни малѣйшаго любопытства", по крайней мѣрѣ, какъ дворянинъ, хотя, въ оправданіе противъ этого признанія, нельзя не признать, что все-таки, въ качествѣ губернскаго предводителя, гр. Шуваловъ такое законное любопытство имѣлъ, потому что иначе не препроводилъ бы этого дѣла для „законнаго направленія" министру юстиціи, который впрочемъ, на основаніи закона, нашелъ его подлежавшимъ губернскому собранію самого дворянства. Во всемъ этомъ дѣлѣ далеко не про-

явилось такой общей со всѣхъ сторонъ правильности дѣйствій, твердости въ пониманіи своихъ правъ и обязанностей, чтобы петербургскому собранію дворянъ могло быть доступно съ легкимъ сердцемъ и искреннимъ убѣжденіемъ впослѣдствіи относиться сочувственно къ проектамъ о ломкѣ крестьянскаго самоуправленія для спасенія его посредствомъ дворянской опеки. Имъ могутъ сказать не безъ основанія: „врачу, исцѣлися самъ“.

Прибавимъ для полноты обзора, что въ губернскомъ собраніи, при баллотированіи постановленій собранія петербургскаго уѣзда, состоялось весьма значительное большинство по пунктамъ о признаніи отчетности г. Безъобразова несогласною съ общепринятымъ порядкомъ (118 голосовъ противъ 27) и объ оставленіи заявленія г. Александрова безъ послѣдствій (120 гол. противъ 24). Гораздо слабѣе было большинство, выразившее г. Безъобразову неодобреніе за сношенія его по этому дѣлу съ собраніемъ предводителей и депутатовъ (93 голоса противъ 51), и по выраженію этому послѣднему собранію признательности губернскаго собранія (99 голосовъ противъ 42).

Въ здѣшнемъ окружномъ судѣ разбиралось на-дняхъ дѣло, которое по обнаруженнымъ имъ порядкамъ должно произвесть повсемѣстное и самое прискорбное впечатлѣніе. Двѣ дѣвушки, бывшія на гуляньѣ съ своими родными братьями, были оскорблены неизвѣстнымъ человѣкомъ, а когда братья заступились за нихъ, то неизвѣстный, оказавшійся смотрителемъ врачебно-полицейскаго комитета, съ досады отправилъ ихъ въ полицію, куда онѣ потомъ были вытребованы еще нѣсколько разъ и затѣмъ подвергнуты освидѣтельствованію, причемъ оказались дѣвственными. Окружной судъ приговорилъ виновнаго къ лишенію особенныхъ правъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію. О немъ мы говорить не будемъ, хотя нельзя не пожалѣть, что законъ не предоставлялъ средствъ подвергнуть его наказанію еще болѣе чувствительному для подобнаго человѣка, а именно заключенію, съ обязательнымъ трудомъ. Но насъ, и всѣхъ русскихъ гражданъ съ нами должно было поразить въ этомъ дѣлѣ слѣдующее обстоятельство: если, какъ то положительно удостовѣрено предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, дѣвушки не подавали ни малѣйшаго повода заподозрить свое поведеніе, сидѣли на скамейкѣ съ братьями и разговаривали съ ними, а въ результатѣ оказалось, что никакихъ поводовъ къ подозрѣнію и быть не могло; если городовой, околоточный и даже приставъ сами колебались исполнить требованіе смотрителя, а приставъ даже зналъ этихъ дѣвицъ и полагалъ, что смотритель ошибся, но тѣмъ не менѣе

эти полицейскіе чины были *вынуждены* исполнить требованіе, — то спрашивается, какою же властью облечены люди, подобные гг. смотрителямъ врачебно-полицейскаго комитета, то-есть, говоря просто — сыщики развратныхъ женщинъ? Вѣдь это значило бы, что каждый изъ нихъ можетъ остановить любую женщину на улицѣ и отправить ее въ комитетъ, наблюдающій за развратными женщинами, несмотря на чьи-либо убѣжденія, и хотя бы даже полицейскіе чины — что́, конечно, рѣдко можетъ случиться — могли имѣть лично свѣдѣнія, что женщина это порядочная. Ошибки въ данномъ случаѣ не могло быть никакой, была сознательная злая воля, и оказалось полное безсиліе и правъ, долженствующихъ ограждать неприкосновенность личности и даже убѣжденія самихъ полицейскихъ — передъ всесильнымъ произволомъ какого-нибудь сыщика. Но если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то намъ не нужно врачебно-полицейскаго комитета, съ его дѣятельностью, которая ограждаетъ здоровье нѣсколькихъ развратниковъ съ такимъ рискомъ для всего общества. Злая воля всегда и вездѣ можетъ встрѣтиться; но если установленія или правила таковы, что все должно преклоняться передъ произволомъ какого-нибудь агента, то главная вина безотговорочно падаетъ на самыя эти установленія, на эти правила, и общество вправѣ желать ихъ опубликованія, для своей безопасности. Здѣсь кстати будетъ замѣтить на счетъ общаго нашего прогресса, что у насъ, въ Россіи, въ настоящее время потомокъ Рюрика и сынъ крестьянина сидятъ рядомъ въ земскихъ собраніяхъ, съ равнымъ голосомъ, и въ юнкерскихъ училищахъ съ равными правами, оба обязаны личною воинскою повинностью, оба судятся однимъ судомъ, въ которомъ послѣднему негодяю предоставлены всѣ права защиты, такъ что ему могутъ быть извѣстны точные предѣлы власти каждаго судебнаго о́ргана, отъ слѣдователя до предсѣдателя кассаціоннаго департамента сената, и можно только радоваться, что Россія доросла до этого. Но нельзя не удивляться, что рядомъ съ этимъ ни одинъ человѣкъ въ государствѣ, какъ бы ни заслуживалъ уваженія, и какое бы положеніе онъ ни занималъ, скромное или высокое, не знаетъ своихъ правъ по отношенію къ полиціи, потому только, что полицейскія правила объ отношеніяхъ къ частнымъ лицамъ остаются негласными. Можетъ ли всякій городовой „отправить въ участокъ" всякаго идущаго мимо него по улицѣ, и въ случаѣ отказа послѣдняго, подать свистокъ и повалить его въ сани, при помощи дворниковъ, или не можетъ? Если нѣтъ, то въ какой именно мѣрѣ рѣшеніе подобнаго вопроса, въ случаѣ если городовой имѣетъ на прохожаго подозрѣніе, предоставлено усмотрѣнію городового, или въ какой мѣрѣ оно ограничено правилами и какими именно? Обязанъ ли каждый слѣдовать за городовымъ въ участокъ,

если нѣтъ къ тому повода, подъ опасеніемъ ослушанія власти, или обязанъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и въ какихъ именно? Не знаемъ какъ теперь, но всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ городовые тащили въ участокъ всякаго осмотрѣвшаго нумеръ на ихъ бляхѣ, хотя повидимому онъ и выставленъ для того, чтобы быть замѣчаемъ. Это объяснялось „необходимостью", чтобы мѣстное полицейское начальство не было застигнуто врасплохъ жалобою къ высшему начальству полиціи, какъ будто въ интересы высшаго контроля могло входить, чтобы низшіе агенты были напередъ приготовлены къ „отпискѣ". Много вопросовъ, ежедневно встрѣчающихся въ уличной жизни, такъ и остаются загадочными для всѣхъ. Стбитъ подойти къ толпѣ, составившейся на улицѣ вокругъ какой-нибудь „исторіи", чтобы убѣдиться изъ словъ свидѣтелей, до какой степени публика ничего не знаетъ о своихъ правахъ по отношенію къ полиціи; а пока ихъ не знаетъ, она ихъ въ дѣйствительности вовсе и не имѣетъ. Мы знаемъ свои права передъ судомъ, передъ присутственнымъ мѣстомъ, передъ министрами, но совершенно не знаемъ своихъ правъ передъ городовыми, околоточными и приставами, даже передъ дворниками, когда они сидятъ у своихъ воротъ со знаками на шапкахъ. И дворникъ можетъ подать свистокъ—и признаемся въ невольномъ невѣжествѣ—можетъ даже, хотя бы члена судебной палаты, „отправить въ участокъ", съ прибавленіемъ обычныхъ словъ: „много васъ тутъ такихъ ходитъ".

При такой общей безвѣстности, не мудрено, что и для высшаго полицейскаго начальства весьма труденъ контроль надъ правильностью дѣйствій низшихъ полицейскихъ чиновъ. Въ толпѣ, смотрящей на „исторію", обыкновенно слышатся самые противорѣчивые отвѣты на вопросы, которые должны бы быть совершенно ясны для всѣхъ. Напримѣръ: имѣлъ ли право офицеръ приказать городовому отправить человѣка въ участокъ, и имѣлъ ли городовой право исполнить это „приказаніе", или былъ даже обязанъ его исполнить, ибо иначе нарушилъ бы чинопочитаніе и дисциплину? Чтб можетъ ожидать въ участкѣ того, кто туда отправленъ, или, выражаясь полицейскимъ слогомъ „доставленъ?" Можетъ ли онъ быть задержанъ тамъ на ночь, или на сутки, или не можетъ, и въ какихъ именно случаяхъ то и другое? Можетъ ли всякій человѣкъ быть вытребованъ во всякое время въ участокъ, или когда именно и по какому поводу? Есть ли какія-либо взысканія, которымъ должны подлежать полицейскіе чины за напрасное безпокойство, причиняемое ими частнымъ лицамъ, или нѣтъ?

Такъ какъ ни намъ, ни всѣмъ, не вращавшимся въ этой области, никакихъ подобныхъ правъ и правилъ неизвѣстно, то извинительна

была бы съ нашей стороны и ошибка, еслибы мы сказали, что никакихъ такихъ правъ, ни правилъ вовсе не существуетъ, и что полицейскіе агенты—единственная власть, дѣйствующая просто „по благоразумію", и общество въ отношеніи ихъ можетъ руководствоваться однимъ только „благочиніемъ". Но мы въ эту ошибку не впадемъ потому, что намъ случилось когда-то читать о какой-то школѣ или курсѣ, куда ходятъ полицейскіе агенты для изученія своихъ обязанностей, и правъ, и полицейскихъ правилъ. Къ сожалѣнію, не можетъ существовать школы, куда могла бы ходить публика для ознакомленія со своими правами и обязанностями по отношенію къ полицейскимъ чинамъ. Но, вѣдь если они обучаются правиламъ, стало-быть, правила существуютъ, а правило въ томъ и состоитъ, что указываетъ предѣлы; права и обязанности полиціи немыслимы безъ ограниченій, которыя, по сущности дѣла, и представляютъ права публики. Отчего же эти правила остаются негласными? Правила о дѣйствіи полицейскихъ властей въ общественныхъ мѣстахъ и о правахъ ихъ по отношенію къ частнымъ лицамъ вообще должны бы быть изданы особой брошюрой, и эта брошюра находиться въ каждомъ участкѣ, у каждаго городового, и сверхъ того—въ продажѣ. Этого, кажется, общество могло бы ожидать отъ дѣятельности и усердія къ улучшеніямъ нынѣшняго начальника города. Когда въ другихъ городахъ послѣдовали бы такому примѣру, то только тогда и могла бы открыться необходимость установленія какихъ-нибудь общихъ, основныхъ правилъ; теперь же можно себѣ представить, какіе курьёзы должны заключать въ себѣ полицейскія инструкціи въ разныхъ мѣстахъ провинціи. Желаніе, нами высказываемое, не можетъ показаться несправедливымъ и петербургскому полицейскому управленію. Оно не возразитъ намъ указаніемъ на все, что́ имъ сдѣлано для улучшенія состава полиціи, на вѣжливость полицейскихъ чиновъ и т. д. Улучшенія прекрасны, и ихъ сдѣлано не мало; но по отношенію къ самой лучшей полиціи въ мірѣ мы все-таки хотимъ знать наши права и обязанности, уже для того, чтобы не оказать иногда ослушанія законному требованію по незнанію полицейскаго закона, то-есть правилъ. Какъ бы удовлетворителенъ ни былъ во всѣхъ отношеніяхъ нынѣшній составъ петербургской полиціи, но одни личныя качества не могутъ и не должны замѣнять обществу ту гарантію, какую представляло бы знаніе предѣловъ ихъ правъ. Нельзя не согласиться, что составъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ обусловливаетъ личныя свойства гораздо высшія, а между тѣмъ обществу даны въ гласности законовъ и правилъ судопроизводства всевозможныя гарантіи, чтобы провѣрять каждое дѣй-

ствіе судебныхъ óргановъ и твердо отстаивать свои права на почвѣ законности.

Въ минувшемъ февралѣ появился отчетъ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, представленный министру народнаго просвѣщенія. Отчеты библіотеки за послѣдніе годы вообще весьма сухи; они представляютъ свѣдѣнія о расходованіи суммъ, измѣненіяхъ въ личномъ составѣ, и обычныя, весьма подробныя, впрочемъ, данныя о важнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ библіотеки, о числѣ и родѣ вытребованныхъ публикою книгъ, числѣ и категоріи лицъ, взявшихъ билеты на чтеніе. Изъ работъ библіотекарей указаны только особыя, выдающіяся изъ ряда; относительно же работъ по каталогизаціи также упомянуты только отдѣльные результаты, но нѣтъ свѣдѣній о совокупности достигнутыхъ доселѣ въ этомъ отношеніи результатовъ. Такъ, мы узнаемъ, что въ 1873 году окончено печатаніе каталога иноязычныхъ писателей о Россіи, такъ-называемой коллекціи Rossica, устроенной прежнимъ директоромъ библіотеки, графомъ Корфомъ, который и впослѣдствіи продолжалъ заботиться объ ея пополненіи и о составленіи ея каталога. Это, безспорно, весьма благопріятный результатъ, но все-таки было бы интересно знать, въ какомъ положеніи находятся нынѣ работы по общей каталогизаціи. Такъ какъ притомъ въ отчетѣ не показывается и настоящій составъ самой библіотеки, то-есть количество находящихся въ ней книгъ и другихъ предметовъ — хотя эти свѣдѣнія были бы важнѣе и полезнѣе того исчисленія наградъ чинами и орденами лицъ служащихъ при библіотекѣ, которое наполняетъ обыкновенно первыя страницы ежегодныхъ отчетовъ,—то по нимъ нельзя составить себѣ понятія именно о важнѣйшемъ фактѣ, о томъ, въ какомъ положеніи и порядкѣ библіотека нынѣ находится. Въ отчетѣ библіотеки за 10 лѣтъ по управленію ею прежняго директора (1849—1859 г.) значилось, что библіотека въ 1860 году имѣла: 849,946 томовъ печатныхъ книгъ, 29,867 рукописей и 65,875 эстамповъ. Но нельзя, даже и просмотрѣвъ послѣдовавшіе затѣмъ ежегодные отчеты, вывесть нынѣшній составъ библіотеки посредствомъ сложенія цифръ ея ежегодныхъ пріобрѣтеній, нельзя потому, что приращенія библіотеки съ 1860 по 1873 г. показывались не во всѣхъ годовыхъ отчетахъ. Только за девять послѣднихъ лѣтъ такое свѣдѣніе въ отчетахъ встрѣчалось непрерывно, и въ теченіи этого ближайшаго періода библіотека пріобрѣтала ежегодно среднимъ числомъ около 20 тыс. печатныхъ сочиненій, 600 рукописей и 800 эстамповъ. Здѣсь надо замѣтить, что за послѣдніе два года число вновь пріобрѣтенныхъ какъ рукописей, такъ и эстамповъ было значительно ниже средней цифры восьмилѣтія. При

сравнительной немногосложности сообщенныхъ отчетами Публичной библіотеки свѣдѣній, непонятно еще, почему отчетъ ея за 1873 г. является только въ 1875 году. Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета 1873 года, конечно, не можетъ быть сравниваемъ, по объему и разработкѣ данныхъ, съ отчетомъ библіотеки; самые предѣлы исполненія росписи 1873 г. захватывали половину слѣдовавшаго года; тѣмъ не менѣе контрольный отчетъ за 1873 г. вышелъ все-таки нѣсколькими мѣсяцами ранѣе отчета публичной библіотеки. Здѣсь кстати упомянуть мимоходомъ о характеристическомъ фактѣ, что не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ постоянно требовалось, чтобы даже отчетъ государственнаго контроля представлялся непремѣнно въ началѣ года слѣдующаго за отчетнымъ, и требованіе это во всей точности исполнялось.

Переходя къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ свѣдѣніямъ нынѣшняго отчета библіотеки, замѣтимъ, что изъ общей суммы 82½ т. р., представляющей итогъ расходовъ библіотеки за 1873 годъ, наибольшая часть, около 33½ т. р., шла на содержаніе личнаго состава всѣхъ служащихъ и служителей; затѣмъ, двѣ главныя, почти равныя части употреблены были на пріобрѣтеніе рукописей и книгъ—17 т. 700 р., и на хозяйственные расходы по помѣщенію—17 т. 113 р.; на переплеты книгъ и печатаніе каталоговъ, изданій и др. издержано около 14 т. р. Такимъ образомъ, собственно содержаніе библіотеки требуетъ болѣе 50 тысячъ р. изъ 82½-тысячнаго бюджета. Средства свои библіотека почерпаетъ почти исключительно изъ казны, такъ какъ отъ продажи ея изданій выручено за годъ только 662 р., а никакихъ частныхъ пожертвованій деньгами не оказалось, хотя приношенія книгами, рукописями и т. д. были весьма значительны, особенно по числу. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ сочувствіе, что и такая сумма, какъ 17,700 р., была употреблена въ теченіи года на обогащеніе библіотеки покупкою. Въ числѣ покупокъ библіотеки слѣдуетъ упомянуть коллекцію рукописей, принадлежавшую писателю Гильфердингу, коллекцію рѣдкихъ русскихъ изданій, принадлежавшую библіографу Соболевскому, коллекцію бумагъ, оставшихся послѣ бывшаго министра Норова, и коллекцію книгъ генерала Лазарева, купленную и подаренную библіотекѣ австрійскимъ каммергеромъ графомъ Видманомъ Седльницкимъ, большое число купленныхъ библіотекою роскошныхъ иллюстрованныхъ изданій по части искусствъ, и нѣсколько писемъ историческихъ лицъ, въ томъ числѣ Меньшикова, Потемкина, Пушкина (письмо на французскомъ языкѣ къ Н. И. Гончаровой, съ предложеніемъ руки ея дочери, напечатанное въ 1873 въ „Р. Арх.“), Екатерины II-й и т. д. Говоря о пріобрѣтеніяхъ библіотеки, мы должны обратить вниманіе на одно особенное обстоя-

тельство. Изъ обозрѣнія приложенныхъ къ отчету вѣдомостей оказывается, рядомъ съ 10,137 выданныхъ русскихъ сочиненій 3,134 отказа въ требованіяхъ; изъ этихъ отказовъ почти половина (1,382) послѣдовали только потому, что книги во время требованія находились уже въ чтеніи у другого лица. По иностраннымъ книгамъ, мы находимъ соотвѣтствующія цифры: выдано 5,823 сочиненія, и послѣдовало 2,846 отказовъ, въ томъ числѣ здѣсь уже главнымъ образомъ по неимѣнію потребованнаго (въ 2,009 случаяхъ), и затѣмъ за отдачею потребованнаго другому лицу 461. Итакъ, посѣтитель библіотеки, требующій себѣ книгу въ 1 случаѣ изъ 4 получаетъ отказъ, если книга русская, и болѣе чѣмъ въ 1 случаѣ изъ 3-хъ, если она иностранная. Это, очевидно, несоразмѣрно много; это обстоятельство весьма затрудняетъ пользованіе библіотекою для публики и отталкиваетъ отъ нея весьма многихъ посѣтителей, особенно такихъ, которые приходятъ за справкою иногда настоятельно нужною. Если книга новая, т.-е. издана въ послѣднемъ пятилѣтіи, то она не получена, если старая—то зачастую отдана въ переплетъ (гдѣ и остается нѣсколько мѣсяцевъ); если требователь минуетъ эти шансы отказа, то ему представляется еще главный — книга находится въ чтеніи. Намъ, и вѣроятно не намъ однимъ случалось иногда удовольствоваться менѣе точной справкой, лишь бы не обращаться къ содѣйствію библіотеки, несмотря на всю легкость обращенія къ ней.

Сравненіе приведенныхъ цифръ указываетъ прямо на необходимость принятія двухъ мѣръ въ интересѣ обыкновенной публики, посѣщающей библіотеку. Огромное число отказовъ должно быть во всякомъ случаѣ устранено. Замѣтимъ здѣсь, что въ сравненіи съ 1872 годомъ числа читателей и требованій книгъ въ библіотекѣ упали, а число отказовъ возрасло. Это обстоятельство требуетъ самаго серьёзнаго вниманія и должно быть, повторяемъ, устранено во что бы то ни стало, если не хотятъ, чтобы Публичная библіотека обратилась въ сокровище, существующее для самого себя и десятка избранниковъ, могущихъ работать въ отдѣленіяхъ, а не для публики. Намъ могутъ возразить, что бываютъ требованія ни съ чѣмъ несообразныя, требованія несуществующихъ и даже немогущихъ существовать сочиненій, затѣмъ требованія неопредѣленныя, неточныя, неразборчивыя. Все это весьма вѣроятно, но мы видимъ изъ самаго отчета, что число отказовъ по требованіямъ „неопредѣленнымъ, неточнымъ, неразборчивымъ“, требованіямъ романовъ (которые по уставу не выдаются), сочиненій, „никогда не появлявшихся въ печати“, наконецъ—книгъ запрещенныхъ, составляло всего 1,053, то-есть цифру незначительную въ сравненіи съ общимъ числомъ отказовъ. Мы имѣемъ основаніе полагать, что и эту цифру можно было

значительно сократить при нѣкоторомъ стараніи со стороны библіотекарей. Въ настоящее время требуется безусловно, чтобы всякое требованіе было совершенно точно; неопредѣленныя требованія не допускаются. Но такое условіе было бы справедливо только въ такомъ случаѣ, еслибы въ читальной залѣ находился полный каталогъ всего состава библіотеки. Тогда, дѣйствительно, библіотекари могли бы предоставить каждому, кто ищетъ источника или пособія,—трудъ отыскать его въ каталогѣ и затѣмъ указать на него въ требованіи съ точностью. Но вѣдь полный систематическій каталогъ, если онъ и оконченъ, не напечатанъ и никогда напечатанъ не будетъ, и для посѣтителей недоступенъ. Въ такомъ случаѣ, очевидно, иногда невозможно обойтись безъ неопредѣленныхъ требованій. Положимъ, напримѣръ, приходитъ ученикъ духовной академіи, который желаетъ составить себѣ понятіе о направленіи католичества за послѣдніе вѣка, въ виду послѣдствій ватиканскаго собора; онъ предполагаетъ, что должно же быть что-нибудь по этой части и по всей вѣроятности есть цѣлая литература по этому предмету. Но если онъ напишетъ такое требованіе: „что нибудь по исторіи римской церкви за послѣдніе вѣкà, на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ"—онъ непремѣнно получитъ отказъ по неопредѣленности требованія; между тѣмъ библіотекарь, при малѣйшемъ вниманіи, долженъ былъ признать это требованіе вовсе не неопредѣленнымъ, но напротивъ совершенно достаточно опредѣленнымъ, и выдать ему, напр., сочиненіе Ранке или назначить ему часъ для личнаго объясненія въ отдѣленіи. Мы не видимъ, почему вообще библіотекари не могли бы каждый день приходить въ читальную залу, въ опредѣленное время, хоть на полчаса, для подобной консультаціи. Между тѣмъ ничего подобнаго у нихъ нѣтъ, и обыкновенная публика совершенно отчуждена отъ библіотекарей. Служащіе въ нашей библіотекѣ раздѣляются на двѣ категоріи: одна категорія — дежурные въ читальной залѣ чиновники, которые на столь же приготовлены къ этому дѣлу, какъ и къ дежурству въ любой канцеляріи; ни совѣта, ни объясненія они дать не въ состояніи; прикащикъ книжнаго магазина скорѣе можетъ быть полезенъ въ этомъ смыслѣ; другая категорія—ученые библіотекари-спеціалисты. Въ лучшемъ случаѣ они—библіофилы, и болѣе ихъ интересуетъ коллекція, независимо отъ пользы, какую она можетъ принесть, цѣнность, рѣдкость книгъ, пополненіе коллекціи чѣмъ-либо выдающемся изъ ряда, хотя бы древнимъ переплетомъ; читальная же зала ихъ вовсе не интересуетъ, и они относятся къ ней съ довольно естественнымъ со стороны библіофиловъ, но несовсѣмъ полезнымъ въ чиновникахъ Публичной библіотеки пренебреженіемъ. Между тѣмъ, безъ читальной залы вся библіо-

тека представляла бы (за рѣдкими исключеніями) совершенно мертвый капиталъ. Публика имѣетъ дѣло исключительно съ первою категоріею служащихъ, которымъ интересы образованія и научнаго изслѣдованія должны быть нисколько не ближе, чѣмъ чиновникамъ государственнаго казначейства или военнаго министерства. Вторая категорія—библіотекари живутъ исключительно въ горнихъ областяхъ своихъ отдѣленій; допустимъ, что они и тѣлесно бываютъ тамъ каждый день; но они все-таки доступны только для немногихъ изслѣдователей, которые нашли возможнымъ и пожелали заручиться компетентными рекомендаціями и разрѣшеніемъ директора. Этимъ немногимъ избранникамъ библіотекари согласны посодѣйствовать иногда и въ „неопредѣленныхъ“ поискахъ. Они дѣлаютъ это съ удовольствіемъ и большой любезностью, но считаютъ истиннымъ своимъ призваніемъ все-таки нѣчто совсѣмъ иное. Напримѣръ—открыть въ числѣ старинныхъ книгъ на старомъ историческомъ разсказѣ переплетъ знаменитаго переплетчика Маіоли, собранный съ „архитектуры“ Витрувія—вотъ истинное торжество ученаго библіотекаря. И безспорно, торжество это вполнѣ законное; вполнѣ понятно, что ученый библіофилъ дорожитъ имъ болѣе, чѣмъ цѣлой сотней совѣтовъ, которые онъ далъ бы какимъ-нибудь ученикамъ или ученымъ in spe, указавъ имъ какое-либо вульгарное пособіе. Однако и послѣднее, согласитесь, имѣло бы свою цѣну, сравнительно даже весьма большую, реальную цѣну.

Публичная библіотека вездѣ имѣетъ двоякій идеалъ: 1) быть собраніемъ книгъ рѣдкихъ и цѣнныхъ, и 2) быть собраніемъ всѣхъ книгъ. Само собою разумѣется, что идеалъ библіофиловъ исключительно—первый. Инкунабулы, Альды, Эльзевиры,Гриффы—вотъ божества ихъ въ мірѣ печати; ихъ дѣло — настоящій культъ. Вздорнѣйшій календарь XVI вѣка, если поля у него не слишкомъ обрѣзаны при переплетѣ, для нихъ цѣннѣе, чѣмъ Бокль. Такъ, любители фарфора предпочтутъ хотя бы надломленную чашку, съ двумя мечами подъ дномъ, — фаянсовой мискѣ съ дюжиною тарелокъ, при посредствѣ коихъ питается почтенное семейство. И нѣтъ сомнѣнія, что владѣльцы частныхъ библіотекъ вольны ограничиваться собираніемъ рѣдкостей; вопросъ о вульгарной полнотѣ и утилитарности для нихъ можетъ не существовать. Но въ совершенно иномъ положеніи представляется задача библіотекъ публичныхъ, говоря вообще. Этимъ вопросомъ о полнотѣ и утилитарности онѣ никакъ пренебрегать не могутъ. Мы были бы варварами, еслибы не согласились, что Остроміровo евангеліе — украшеніе здѣшней библіотеки; но мы были бы маніаками, еслибы присутствіе въ ней такого сокровища и многихъ другихъ дѣлало насъ совершенно равнодушными къ факту,

что, изъ трехъ или четырехъ требованій обыкновенной публики въ библіотекѣ, одно навѣрное встрѣчается съ отказомъ, что число требованій за послѣдній годъ уменьшилось, а цифра отказовъ возрасла. Если изъ двухъ указанныхъ направленій было бы необходимо избрать исключительно одно, то мы все-таки отдали бы предпочтеніе направленію утилитарному. Дѣло въ томъ, что публичныя библіотеки менѣе приносятъ пользы соединеніемъ въ себѣ рѣдкостей, чѣмъ сосредоточеніемъ полныхъ литературъ по каждой отрасли знанія. Еслибы плиты, содержащія подлинныя хроники ассирійскихъ царей, и не были доставлены Леярдомъ въ Британскій музей, онѣ не были бы недоступны ученымъ; при нынѣшней системѣ сообщеній, ученымъ легко предпринимать поѣздки для обозрѣнія нужныхъ имъ источниковъ, хотя бы послѣдніе находились въ раскопкахъ Ниневіи. Здѣсь главная заслуга — открытіе источника; разъ онъ открытъ и извѣстенъ, онъ доступенъ людямъ, которые посвящаютъ всю свою жизнь ихъ изученію. Что извѣстная рукопись библіи IV-го вѣка находилась въ Синайскомъ монастырѣ,—это не помѣшало Тишендорфу описать ее и издать ее на средства русскаго правительства, прежде чѣмъ она сдана была въ здѣшнюю Публичную библіотеку, между тѣмъ какъ нѣкоторыя драгоцѣнныя рукописи доселѣ не изданы, несмотря на то, что составляютъ собственность библіотеки. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ публичная библіотека, какъ собраніе по возможности полной литературы по каждой отрасли знанія. Ученыя занятія были бы доступны только богачамъ, то-есть рѣшительно недоступны для тѣхъ классовъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ выходятъ ученые, еслибы каждый студентъ долженъ былъ имѣть полную библіотеку пособій, а приготовляться къ магистерской степени можно было не иначе, какъ предварительно купивъ все важнѣйшее, что только было напечатано по всѣмъ факультетскимъ предметамъ. Итакъ, полнота и доступность публичной библіотеки для обыкновенныхъ ученыхъ и даже учебныхъ работъ — вотъ важнѣйшія и драгоцѣннѣйшія свойства публичной библіотеки. Пусть она удовлетворяетъ идеалу музея рѣдкостей печатныхъ и рукописныхъ, но только никакъ не въ ущербъ утилитарному своему назначенію, пусть она будетъ непремѣнно „библіотекою", въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова библіотекою, и даже до нѣкоторой степени—читальнею.

Изъ весьма подробныхъ свѣдѣній о категоріяхъ лицъ, взявшихъ въ 1873 г. билеты на чтеніе, мы выписали отдѣльныя цифры учащихся всѣхъ вѣдомствъ, и итогъ ихъ оказался у насъ 3,588; всѣхъ же выданныхъ билетовъ было 10,451, въ томъ числѣ 848 лицамъ женскаго пола, изъ которыхъ нѣкоторая часть, очень можетъ быть по-

ловина, принадлежали также къ категоріи учащихся. Если принять, что въ числѣ 10,451 взявшихъ билеты до 4,000 были учащіеся въ разныхъ заведеніяхъ, то это одно уже указываетъ на одно изъ отличительныхъ условій, въ которыхъ стоитъ библіотека. Мы видѣли, что по части русскихъ книгъ главное число отказовъ послѣдовало по той причинѣ, что требованная книга находилась въ чтеніи. Опытъ долженъ показывать, какія сочиненія наиболѣе требуются, и такихъ сочиненій библіотека должна была бы имѣть по-нѣскольку экземпляровъ. Если намъ возразятъ, что удовлетворять требованіямъ данной публики, какъ она есть, есть дѣло читальни, а не публичной библіотеки, то это возраженіе будетъ неосновательно. Въ томъ-то и дѣло, что въ публичной библіотекѣ изучающій ожидаетъ найти соединенною и доступною себѣ всю литературу по извѣстной части. Онъ потребуетъ въ библіотекѣ учебное руководство, но рядомъ съ нимъ ему доступны въ ней источники, и пользоваться учебникомъ въ библіотекѣ или внѣ библіотеки—совсѣмъ не все равно. Встрѣтивъ отказъ въ выдачѣ того или другого руководства, которое ему потребовалось для справки, онъ можетъ встрѣтить препятствіе къ пользованію самими источниками или спеціальными трудами. По части книгъ иностранныхъ главной причиной отказовъ было неимѣніе въ библіотекѣ потребованныхъ сочиненій. Мы не ошибемся, предположивъ, что при этомъ отказывалось главнымъ образомъ въ иностранныхъ трудахъ, вышедшихъ за послѣдніе годы, въ новѣйшихъ книгахъ. Въ самомъ дѣлѣ, библіотека не торопится пріобрѣтать новѣйшія, хотя бы и замѣчательнѣйшія книги, и вотъ важный недостатокъ, подлежащій устраненію. Онъ значительно уменьшаетъ ту пользу, какую библіотека могла бы приносить для обыкновенныхъ изучающихъ и учащихся, а между тѣмъ эта польза библіотеки реальнѣе всякой иной. Необходимо было бы улучшеніе въ этомъ смыслѣ. Библіотекѣ все равно приходится, рано или поздно, пріобрѣтать новѣйшіе труды ученыхъ; почему же не дѣлать этого по возможности скоро, такъ чтобы посѣтитель могъ всегда найти въ ней не только устарѣлые труды и старыя изданія, когда уже явились труды новые и изданія дополненныя, но и въ самомъ дѣлѣ полную, доведенную до послѣдняго года литературу по каждой отрасли знанія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1875.

Программа министерства Бюффè. — Закрытіе сессіи національнаго собранія.— Докладъ Саварѝ.—Прокламація Кабреры. — Его прошлое, и его отношенія къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій.

Хотя республика и установлена во Франціи конституціею 25-го февраля, которою опредѣлены отношенія между государственными властями, но доселѣ еще не замѣтно ни изъ заявленій, ни изъ дѣйствій правительства, чтобы оно признавало республику дѣйствительно существующею, не говоря уже о признаніи ее окончательною, безповоротно-установленною формою правленія. Относительно расположенія самого президента этой республики весьма характеристиченъ тотъ фактъ, что при образованіи кабинета, исшедшаго изъ соглашенія, которое было вызвано страхомъ передъ бонапартистами, маршалъ самъ рѣшительно устранилъ отъ включенія въ этотъ кабинетъ герцога Одиффре́-Пакье́, рѣшительнаго врага бонапартистовъ. Герцогъ Пакье́ былъ избранъ президентомъ собранія, вмѣсто Бюффе́. Въ засѣданіи національнаго собранія 12-го марта, вице-президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффе́ прочли слѣдующую програму новаго кабинета: „новое министерство, облеченное довѣріемъ г. маршала-президента республики, не было бы въ состояніи исполнить свою задачу, еслибы оно не нашло въ національномъ собраніи поддержку большинства, одобряющаго его политику и рѣшившагося содѣйствовать ей. Итакъ, первый его долгъ—объяснить вамъ эту политику. Она будетъ чисто-консервативна, но свободна, какъ отъ вызывательнаго характера, такъ и отъ слабости. Это объявленіе, которому не представитъ противорѣчія ни одно изъ дѣйствій министерства, могло бы показаться излишнимъ, если бы толкованія, къ какимъ послужило поводомъ утвержденіе учредительныхъ законовъ и слѣдствія, которыя были изъ него выводимы, не произвели нѣкотораго колебанія въ общественномъ мнѣніи и даже—мы должны при-

знаться въ томъ — извѣстныхъ опасеній въ умахъ, которые необходимо успокоить. Слѣдуетъ прежде всего устранить недоразумѣнія и внушить каждой общинѣ во Франціи убѣжденіе, что населеніе честное, мирное, трудолюбивое, привязанное къ порядку своими чувствами и своими интересами, имѣетъ правительство на своей сторонѣ и можетъ разсчитывать на насъ противъ порывовъ разрушительныхъ страстей. Мы не сомнѣваемся, что для исполненія такой задачи встрѣтимъ содѣйствіе въ томъ разумномъ и преданномъ административномъ составѣ, который съумѣлъ поддерживать порядокъ среди пережитыхъ нами трудныхъ обстоятельствъ, и который можетъ разсчитывать съ нашей стороны на постоянную поддержку. До тѣхъ поръ, пока вопросъ объ устройствѣ государственныхъ властей оставался открытымъ, онъ могъ раздѣлять и такихъ людей, которые совершенно согласны между собою, относительно духа управленія (la direction à donner au gouvernement). Но такъ какъ вопросъ этотъ нынѣ разрѣшенъ, то и произведенное имъ разногласіе должно исчезнуть. Тѣ, кто нашли въ устройствѣ, данномъ государственнымъ властямъ, болѣе или менѣе полное удовлетвореніе своихъ видовъ, потрудятся доказать согласіемъ съ единственной политикой, могущей успокоить страну, что нынѣшній порядокъ не несовмѣстенъ съ общественной безопасностью. Что́ же касается тѣхъ, которые желали дать конституціонному вопросу рѣшеніе иное, не почерпнутъ ли они въ своемъ патріотизмѣ совѣта—соединить свои усилія съ нашими для защиты принциповъ порядка и охраненія общества (conservation sociale)?

„Итакъ, мы съ довѣріемъ возобновляемъ тотъ патріотическій призывъ, съ которымъ г. президентъ республики обратился къ умѣреннымъ людямъ всѣхъ партій и настойчиво просилъ ихъ содѣйствія. Нашъ долгъ—обезпечить учредительнымъ законамъ, принятымъ національнымъ собраніемъ, послушаніе и уваженіе всѣхъ; наше твердое желаніе—защищать ихъ противъ всякой мятежной интриги (menée factieuse); но, будучи служителями закона, мы никогда не сдѣлаемся орудіями какой-либо мести. Во Франціи, гдѣ перемѣны въ учрежденіяхъ и династіяхъ были столь часты, и гдѣ каждое изъ этихъ разрушеній оставило въ сердцѣ большого числа хорошихъ гражданъ сожалѣнія и убѣжденія, которыя достойны уваженія, когда они не выражаются никакимъ предосудительнымъ дѣйствіемъ, всякій иной образъ дѣйствій не былъ бы согласенъ ни съ справедливостью, ни съ благоразумною политикой. Духъ подозрительности не только не укрѣпилъ бы нынѣшняго правительства, но лишилъ бы его такого содѣйствія, которое необходимо, раздражилъ и упрочилъ бы раздоры, которые всякое управленіе должно стараться изгладить. Твердый и

примирительный образъ дѣйствій казался бы намъ наилучшимъ во всякое время; но нынѣ только онъ одинъ и можетъ соотвѣтствовать положенію дѣлъ, возникшему изъ нашихъ бѣдствій. Можетъ ли кто-либо полагать, что теперь время для внутреннихъ распрей и выставленія ихъ на показъ міру? Не значило ли бы это, что мы собственными руками наносимъ послѣдній ударъ могуществу Франціи? Передъ этимъ соображеніемъ, которое должно преобладать надъ всѣмъ остальнымъ, всякое колебаніе, какъ намъ кажется, должно исчезнуть. Правительство намѣрено поднесть вамъ измѣненія законовъ, нынѣ опредѣляющихъ положеніе печати. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ обезпечить правильнымъ образомъ дѣйствительное подавленіе такихъ крайностей, которыя въ умахъ самыхъ умѣренныхъ людей могли бы наконецъ дискредитировать законное право свободнаго обсужденія. До тѣхъ же поръ, пока не утверждено подобнаго закона, правительство не можетъ отказаться отъ полномочій чрезвычайныхъ, которыя предоставляются ему осаднымъ положеніемъ въ нѣкоторомъ числѣ департаментовъ. Мы желаемъ также сохраненія, на опредѣленный періодъ времени, нынѣ дѣйствующихъ законовъ о способѣ назначенія мэровъ, которыхъ будемъ однакоже, по мѣрѣ возможности, назначать изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ. Еслибы собраніе не раздѣляло тѣхъ видовъ относительно направленія правительственной политики, которые мы имѣли честь изложить ему, то мы просили бы его выразить это безотлагательно и не уклонились бы отъ исполненія того долга, который представился бы намъ вслѣдствіе такого отказа въ содѣйствіи".

Отъ „дня учрежденія республики", т.-е. отъ 25-го февраля и до отсрочки сессіи, на семь недѣль, по поводу праздниковъ пасхи, программа, прочтенная главою новаго кабинета, была главнымъ и даже единственнымъ событіемъ во Франціи, такъ какъ всѣ остальные факты группировались около нея и болѣе или менѣе относились къ ней. Вотъ почему необходимо было привесть самый текстъ этого тяжеловѣснаго, многорѣчиваго и вмѣстѣ неяснаго документа. Наборъ общихъ мѣстъ консервативнаго свойства, представляемый этою программой, не могъ однако не имѣть своего спеціальнаго значенія. Спрашивалось только, вправѣ ли было новое министерство подвесть подъ эти общія мѣста то положеніе партій, которое создало республику и изъ котораго возникло самое это министерство? Такъ, напримѣръ, то мѣсто, которое относилось къ „духу подозрительности", вредному для дѣйствій новаго кабинета, не было ли правильнѣе, согласнѣе съ положеніемъ дѣлъ отнесть къ лѣвой сторонѣ, чѣмъ къ бонапартистамъ, къ которымъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, относилось по мысли кабинета? Дѣйствительно, относиться съ подозрительностью

къ умѣренной части лѣвой стороны, къ лѣвому центру, который былъ главною дѣйствующею стороною въ новомъ соглашеніи, произведшемъ республику и министерство Бюффé, очевидно, не могло бы быть ни раціонально, ни полезно для этого кабинета; политика подозрительности къ лѣвой сторонѣ и республикѣ требовала бы кабинета Брольи, опиравшагося на прежнее большинство, въ которомъ лѣвый центръ не участвовалъ, а не кабинета Бюффé, который возникъ изъ новаго большинства, состоявшагося при участіи лѣваго центра. А между тѣмъ, никто не сомнѣвался, что приведенное мѣсто программы провозглашало вовсе не необходимость довѣрія къ лѣвой, но желаніе кабинета „менажировать" бонапартистовъ, изобилующихъ въ составѣ администраціи. Съ какой же стати новое министерство заговорило именно о необходимости щадить бонапартистовъ, которые подавали голосъ противъ учредительныхъ законовъ и должны были считаться въ рядахъ самой непримиримой оппозиціи новому порядку?

Объяснить себѣ этотъ фактъ можно было не иначе, какъ вспомнивъ, что самъ Бюффé былъ министромъ имперіи, а президентъ республики—маршаломъ Франціи императорской, и что, принимая изъ рукъ новаго большинства республику, они хотѣли прежде всего разсѣять слишкомъ оптимистскія надежды республиканцевъ, предупредить либеральнѣйшую часть новаго большинства, что они не намѣрены принесть ему въ жертву бонапартистскій составъ администраціи и даже желали подать руку возстановленію, буде возможно, прежняго чисто-консервативнаго республиканскаго большинства 24-го мая. „Общія мѣста" имѣютъ весьма различный смыслъ, смотря по обстоятельствамъ, и вотъ тотъ смыслъ, какой могли имѣть нынѣ въ программѣ министерства тѣ изношенныя формулы консерватизма, изъ которыхъ она была составлена. Ее легко было значительно сократить, переведя ее на общепонятный и опредѣленный языкъ, нисколько не отступая отъ точнаго смысла, единственнаго, какой могли имѣть изложенные выше ея пункты. Установленіе учредительныхъ законовъ было истолковано какъ окончательное установленіе во Франціи республики, и это произвело безпокойство, какъ въ консервативныхъ населеніяхъ и классахъ, такъ и въ средѣ чиновничества, гдѣ есть много бонапартистовъ. Но пусть консерваторы успокоятся: мы будемъ продолжать борьбу съ радикализмомъ; пусть успокоится и многочисленная армія бюрократіи, со всей ея роднею: мы не намѣрены „очищать" ея состава въ угоду республиканцамъ. Напротивъ, мы желали бы, чтобы возсоздалось въ собраніи прежнее, монархистское большинство, большинство 24-го мая. Оно разрушилось только потому, что, опасаясь успѣховъ бонапартистовъ, прочія монархическія

партіи согласились съ желаніемъ республиканцевъ дать устойчивость нынѣшнему порядку, опредѣливъ способъ передачи властей изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но теперь, когда это сдѣлано, уже нѣтъ повода къ разъединенію монархистовъ, которые всѣ прежде всего консерваторы, и должны дружно поддерживать правительство въ томъ направленіи, которое знаменуется формулами: „поддержаніе порядка" и „спасеніе общества". Республиканцамъ же, то-есть той умѣренной ихъ части, съ которою возможно разговаривать, остается только довольствоваться буквою республики, прописанною въ законѣ, и не добиваться дѣйствительнаго осуществленія республики въ политикѣ и отдѣльныхъ законахъ, если они не хотятъ испугать всѣхъ консерваторовъ и понудить монархистовъ къ рѣшительному шагу для отмѣны того порядка, который вслѣдствіе ихъ агитаціи оказался бы несовмѣстимымъ съ общественной безопасностью. Мы исполнимъ желаніе орлеанистовъ и будемъ слѣдить за дѣятельностью бонапартистскихъ комитетовъ въ странѣ, но мы отказываемся изгонять ихъ изъ должностей, потому что уважаемъ ихъ „сожалѣнія и убѣжденія". Въ этихъ видахъ, мы представимъ вамъ проектъ суроваго закона относительно печати; пока такого закона нѣтъ, мы оставляемъ почти половину Франціи въ осадномъ положеніи. Изъ этого признанія вы усмотрите, что для удержанія его нѣтъ рѣшительно никакого иного повода, кромѣ того полнаго произвола для стѣсненія печати, который предоставляется намъ осаднымъ положеніемъ и который особенно необходимъ именно въ Парижѣ, такъ какъ парижская печать вліяетъ на всю страну. Законъ, предоставившій администраціи право назначенія мэровъ, заимствованъ у второй имперіи; онъ прямо противоположенъ началу республиканскому; онъ былъ вотированъ прежнимъ монархистскимъ большинствомъ. Но онъ годится для республики, какъ понимаемъ ее мы, и мы не намѣрены отъ него отказаться потому, что иначе мы лишились бы вліянія на будущіе выборы. Но тамъ, гдѣ въ самой средѣ муниципальнаго совѣта найдется человѣкъ, внушающій намъ довѣріе, мы охотно назначимъ его въ должность мэра, предпочтительно передъ какимъ-нибудь наѣзжимъ чиновникомъ.

Таковъ былъ истинный смыслъ програмы новаго кабинета. Такъ должны были понять ее республиканцы, и такъ они ее поняли. При чтеніи Бюффе, важнѣйшія мѣста были подчеркнуты одобреніемъ правой стороны, и только вставки о послушаніи учредительнымъ законамъ и о защитѣ противъ бонапартистскихъ происковъ (toute menée factieuse) вызвали одобреніе лѣвой стороны собранія. Впрочемъ, нѣкоторые республиканскіе органы, и въ числѣ ихъ „Journal des Débats", утѣшали себя мыслью, что министерство Бюффе, выступивъ

съ такою почти прямо враждебною республикѣ программою, хотѣло тѣмъ только заявить свою самостоятельность отъ лѣваго центра, увѣрить консерваторовъ, что оно не пойдетъ на буксирѣ за лѣвой стороной; органы эти думали, что на практикѣ новое министерство все-таки принуждено будетъ сообразовать свои дѣйствія съ тѣмъ положеніемъ, которое было создано голосованіемъ 25-го февраля и присутствіемъ членовъ лѣваго центра въ кабинетѣ. Насколько этимъ оптимистскимъ воззрѣніямъ органовъ лѣваго центра, столь искренно преданнаго соглашенію, суждено оправдаться теперь—сказать еще нельзя, такъ какъ сессія прервалась слишкомъ скоро послѣ заявленія министерской программы. Но практика, успѣвшая обнаружиться за это короткое время, показывала скорѣе, что слова программы имѣли болѣе значенія, чѣмъ полагали умѣренные республиканскіе брганы. Въ самомъ дѣлѣ, при послѣдовавшихъ назначеніяхъ нѣсколькихъ мэровъ, почти всѣ они не были избраны изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ, но взяты на сторонѣ. Что же касалось печати, то виды министерства обнаружились весьма ясно случаемъ, представившимся въ Парижѣ. Нѣкто Пессаръ просилъ разрѣшенія издавать новую политическую газету, подъ заглавіемъ „Le Jour"; министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффé отвѣчалъ ему, 25-го марта, письмомъ: „имѣю честь увѣдомить васъ, что рѣшеніемъ, принятымъ въ совѣтѣ министровъ и сообщеннымъ парижскому губернатору, 31-го іюля 1873 года, правительство постановило не давать ни одного разрѣшенія этого рода. Такъ какъ рѣшеніе это не было отмѣнено, то мнѣ невозможно сообщить г. генералу де-Ладмиро отзыва, благопріятнаго вашему желанію". Итакъ, „республиканское" министерство Бюффé основываетъ свою политику въ вопросѣ, столь близкомъ къ основнымъ принципамъ—на рѣшеніи министерства Брольй, рѣшеніи, принятомъ чрезъ два мѣсяца послѣ ниспроверженія Тьера, въ самое цвѣтущее время „политики борьбы" и „нравственнаго порядка!"

Послѣ закрытія засѣданій собранія уже распространились слухи о несогласіяхъ, возникшихъ между членами лѣваго центра, вошедшими въ министерство и прочими министрами. Говорили, что самъ президентъ совѣта считаетъ нынѣшнее министерство непрочнымъ, и находили доказательство тому въ словахъ, сказанныхъ самимъ Бюффè при пріемѣ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Весьма понятно, что разногласія успѣли уже возникнуть, хотя министерство еще ничего не сдѣлало. Вредить упроченію республики оно можетъ двоякимъ образомъ: во-первыхъ, проводя реакціонные законы и, во-вторыхъ, воздерживаясь отъ всякаго „очищенія" административнаго состава отъ бонапартистовъ, какъ оно уже заявило о томъ. Коммиссія, назначенная собраніемъ по поводу выборовъ въ Ньеврѣ, гдѣ избраніе бона-

партиста Бургуэна сопровождалось стараніями его партіи выставить самого маршала Макъ-Магона тайнымъ приверженцемъ падшей династіи, представила свой докладъ 25-го февраля, въ самый день окончательнаго принятія учредительныхъ законовъ. Докладчикомъ ея былъ Саварй. Его изложеніе показало, какими обширными средствами располагаетъ бонапартистская пропаганда, какую стройную она имѣетъ организацію, какую неусыпную дѣятельность она проявляетъ, и какъ выгодно именно для нея продолженіе непрочности и недоразумѣній въ политической жизни Франціи. Содержаніе доклада Саварй было извѣстно депутатамъ ранѣе, чѣмъ онъ былъ прочтенъ, и по всей вѣроятности оказало очень большое вліяніе на готовность праваго центра къ соглашенію съ умѣренными республиканцами. Важнѣйшія данныя были доставлены этой коммиссіи полицейскимъ префектомъ Парижа, Леономъ Рено. Въ докладѣ объяснялось, какъ цѣлая сѣть бонапартистскихъ комитетовъ, имѣя во главѣ главный комитетъ, управляемый бывшимъ „вице-императоромъ" Руэ, опутываетъ Францію. Организація эта располагаетъ 80-ю газетами, и органы ея выходятъ за недѣлю въ числѣ полумилліона экземпляровъ. Въ каждомъ департаментѣ, рядомъ съ правительственнымъ префектомъ, есть прежній префектъ имперіи, сохранившій вліяніе; рядомъ съ государственной полиціею—правильно-организованная полиція бонапартистовъ, и нерѣдко одно и то же лицо состоитъ въ обоихъ службахъ. Такъ какъ на государственной службѣ, особенно въ арміи, немалое число бонапартистовъ находится доселѣ въ высшихъ должностяхъ, то бонапартистскіе комитеты тамъ, гдѣ не могутъ привлечь къ себѣ чиновника, пугаютъ его своими связями съ прямымъ его начальствомъ и достигаютъ иногда смѣщеній, которыя поселяютъ страхъ въ мірѣ служащихъ и убѣжденіе, что само правительство втайнѣ предано бонапартизму и что возстановленіе имперіи неминуемо. Многочисленность же бонапартистовъ въ составѣ низшей администраціи дѣлаетъ то, что заявленія и дѣйствія каждаго лица, должностного или частнаго, на виду у этой партіи, и потому весьма многіе боятся получить у нея дурную отмѣтку и затѣмъ, по возстановленіи имперіи, подвергнуться преслѣдованіямъ. Въ докладѣ Саварй сообщалось между прочимъ письмо одного изъ бонапартистскихъ агентовъ, Пьетри, въ которомъ выражалось, что массы убѣждены въ намѣреніи маршала Макъ-Магона возстановить имперію, и замѣчалось, что это было бы естественно со стороны маршала, но что, какъ бы онъ самъ ни думалъ на этотъ счетъ, бонапартисты должны пользоваться такимъ убѣжденіемъ и распространять его. Докладъ объяснялъ, что въ особенности въ сельскомъ населеніи недоразумѣніе это пускаетъ корни, и весьма распространено убѣжденіе,

что имперія будетъ возстановлена, а потому крестьяне охотно и подаютъ голоса на выборахъ за бонапартистскихъ кандидатовъ.

Положимъ, во Франціи нѣтъ большой партіи, которая не имѣла бы своей организаціи, своихъ комитетовъ, органовъ въ палатѣ и т. д. Но огромное преимущество бонапартизму въ этомъ отношеніи даетъ то обстоятельство, что имперія пала всего 4 года тому назадъ, просуществовавъ 18 лѣтъ, и что въ ея распоряженіи находится готовый правительственный составъ, что въ пользу ея возстановленія ратуютъ интересы огромнаго числа живыхъ людей, такъ сказать еще только вчера лишившихся какого-нибудь положенія или дохода, что въ числѣ ея агентовъ находится много людей, которыхъ населенія долгое время привыкли видѣть своими начальниками, и наконецъ, что истинные виды правительства массамъ непонятны, а понятно имъ только одно, именно, что Макъ-Магонъ—маршалъ императорской Франціи. Достаточно, чтобы новое министерство не дѣлало ничего, пусть бы только не очищало администраціи отъ бонапартистовъ и не разсѣявало недоразумѣнія рѣшительными заявленіями въ пользу республики и мѣрами къ ея упроченію — чего трудно ожидать отъ министерства Бюффè—и очевидно, что массы бонапартизма должны постоянно возрастать. Вотъ почему для упроченія республики прежде всего необходимо было бы рѣшительно отстранить всякое недоразумѣніе относительно окончательныхъ видовъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ очистить администрацію отъ бонапартистовъ. Но если признавать, что задачею новаго министерства должно быть не упроченіе республики, а продолженіе того консервативнаго „упроченія основъ", а говоря проще — подготовленія законовъ и другихъ средствъ для доставленія консерваторамъ торжества на будущихъ выборахъ, тогда, разумѣется, оно должно щадить бонапартистовъ и въ собраніи, и въ администраціи. Стало быть, настоявъ въ своей программѣ на томъ, что никакихъ измѣненій въ составѣ администраціи произведено не будетъ, Бюффè тѣмъ самымъ принялъ положеніе неблагопріятное видамъ на упроченіе республики и члены лѣваго центра въ кабинетѣ не могли не быть недовольны тѣми комментаріями, которые появились по этому поводу въ „Ordre" и другихъ органахъ бонапартизма. Дюфоръ, по слухамъ, рѣшительно требовалъ увольненія нѣкоторыхъ префектовъ, слишкомъ явныхъ бонапартистовъ; Бюффè соглашался только перевесть ихъ въ другіе департаменты. Вопросъ о 12-ти дополнительныхъ выборахъ, которые имѣютъ быть произведены для замѣщенія открывшихся въ національномъ собраніи вакансій, остался нерѣшеннымъ. Бюффè опасался, что они послужатъ новымъ проявленіемъ силы бонапартизма, и полагалъ не торопиться ими, выждавъ истеченія полнаго законнаго срока. Пока Бюффè давалъ свои объяс-

ненія по этому предмету коммиссіи, новый президентъ его, герцогъ Одиффрé-Пакьé закрылъ сессію, исполняя состоявшееся по этому предмету рѣшеніе собранія. Вакаціи его начались съ 21-го марта, и окончатся 11-го мая. Въ постоянную коммиссію, назначенную по этому случаю, собраніе на этотъ разъ избрало членовъ всѣхъ партій, за исключеніемъ однихъ бонапартистовъ. Упомянемъ еще объ извѣстіи, уже дошедшемъ до насъ во время заключенія этого обзора, что разладъ въ кабинетѣ проявился рельефно по поводу циркуляра министра юстиціи, республиканца Дюфора къ прокурорамъ, относительно возбужденія дѣлъ противъ печати, съ которымъ не соглашался Бюффè.

Въ положеніи карлистскаго дѣла произошли въ прошломъ мѣсяцѣ неожиданныя и довольно существенныя перемѣны: первое проявленіе усталости и недовольства со стороны преданныхъ дону-Карлосу провинцій и разладъ, произведенный въ самыхъ рядахъ арміи посредничествомъ Кабреры. Рамонъ Кабрера—единственный уцѣлѣвшій еще изъ старинныхъ карлистскихъ вождей, котораго имя имѣло большую популярность на сѣверѣ. Во время первой карлистской войны, его мать и три сестры были умерщвлены христиносами, приверженцами того самаго дома, который вновь воцарился нынѣ въ Испаніи въ лицѣ дона-Альфонса. Кабрера щедрою рукой отплатилъ своимъ врагамъ за это убійство. Онъ прославился своей жестокостью даже въ такое время, когда обѣ стороны разстрѣливали плѣнныхъ. Кабрера принималъ дѣятельное участіе во многихъ карлистскихъ попыткахъ, и имя его значило бы очень много для поднятія карлистскаго дѣла въ 1870 году. Но нынѣшній донъ-Карлосъ разошелся съ нимъ. Вообще, судя о претендентѣ по его частымъ смѣнамъ генераловъ, слѣдуетъ полагать, что онъ человѣкъ въ одно время и нетвердый, и своенравный. Отношеніе къ нему Кабреры, если признать достовѣрность собственныхъ его словъ, какъ и передавалъ сотрудникъ французской газеты „Figaro", видѣвшій теперь генерала въ Парижѣ, были слѣдующаго рода: Кабрера, которому теперь 65 лѣтъ, давно живетъ въ Англіи, гдѣ и женился, и убѣдился изъ размышленій и примѣра правильной конституціонной жизни, что дѣло карлизма въ Испаніи въ настоящее время должно быть ведено путемъ не возстанія, которое не можетъ привести къ цѣли, но избирательной агитаціей и парламентской тактикой. Въ 1869 году, какъ увѣрялъ онъ, благодаря избирательной агитаціи, какъ она была устроена при его участіи, изъ 300 избранныхъ депутатовъ 72 были карлисты, и карлизмъ сталъ рѣшительно „входить въ моду". Въ началѣ 1870 года, Кабрера имѣлъ свиданіе съ донъ-Карлосомъ въ Баденъ-Баденѣ, и принцъ въ то время совершенно согласился со взглядами Кабреры

о возможности вступленія на престолъ мирнымъ путемъ, но впослѣдствіи онъ поддался совѣтамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ, составившихъ партію войны. Въ апрѣлѣ 1870 года, при новомъ совѣщаніи карлистскихъ вождей, донъ-Карлосъ взялъ свои обѣщанія назадъ и объявилъ себя за войну. „Я сказалъ ему: вы сами — единственное препятствіе къ осуществленію нашихъ плановъ", такъ разсказывалъ Кабрера сотруднику „Figaro". Все остальное въ этомъ разсказѣ можно оставить безъ вниманія; достаточно привесть еще показаніе Кабреры, что карлистская армія въ настоящее время состоитъ всего изъ 25 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ только 6 тыс. находятся въ удовлетворительномъ устройствѣ. Вѣрно или невѣрно переданы газетою слова знаменитаго карлистскаго генерала, но главному факту, который ими обнаруживается, легко повѣрить: Кабрера не хотѣлъ войны, отсовѣтывалъ отъ войны, считалъ успѣхъ войны невѣроятнымъ. Это вполнѣ авторитетное мнѣніе весьма важно для нашего сужденія о шансахъ карлистовъ. Повѣрить, что таково именно было мнѣніе Кабреры съ самаго начала, тѣмъ легче, что иначе было бы непонятно, почему донъ-Карлосъ не поручилъ бы ему съ самаго начала командованіе своей арміей. Мы помнимъ изъ первыхъ газетныхъ корреспонденцій изъ сѣверныхъ провинцій, при началѣ войны, что тамъ ждали донъ-Рамона, ждали его съ фанатическимъ вѣрованіемъ въ его почти легендарную силу. Въ то время появленіе его въ горахъ одно равнялось бы для донъ-Карлоса цѣлой арміи. Если Кабрера не явился, то этому не могло быть иной причины, кромѣ его собственнаго нежеланія. Какъ бы своенравенъ ни былъ претендентъ, его интересъ привлечь къ себѣ Кабреру былъ слишкомъ очевиденъ.

Но отъ нежеланія участвовать въ войнѣ, по его мнѣнію, напрасной, до личнаго вмѣшательства для ея прекращенія еще далеко. Для того, чтобы рѣшиться на это, для того, чтобы стать на сторону донъ-Альфонса противъ донъ-Карлоса во время военныхъ дѣйствій, Кабрерѣ нужно было принять на себя отвѣтственность въ измѣнѣ тому дѣлу, котораго онъ являлся доселѣ знаменитѣйшимъ представителемъ, и признаться самому себѣ, что тѣ потоки крови, которые были пролиты имъ прежде, тѣ безчисленныя казни, которыя онъ предъ своей совѣстью, вѣроятно, извинялъ святостью дѣла законнаго короля, необходимостью спасти Испанію отъ революціоннаго начала, были напрасны и должны лечь на его личную отвѣтственность, какъ ужасная ошибка, нынѣ торжественно имъ сознанная. Быть можетъ, этотъ вопросъ, который не могъ ему не представиться, онъ рѣшилъ противъ себя, вооружась особымъ нравственнымъ геройствомъ, счелъ долгомъ лучше запятнать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ соотечественниковъ, чѣмъ не сдѣ-

лать того, что онъ сдѣлалъ для возстановленія мира. Но свѣтъ недовѣрчиво относится къ возможности такой нравственной высоты, и не только въ Испаніи, но и за ея границами найдется немного людей, которые не сочтутъ Кабреру предателемъ. Богатое приданое, которое онъ взялъ за женой, и обѣщаніе, высказанное имъ нынѣ, не принимать отъ правительства дона-Альфонса никакой платной должности, никакого почетнаго титула, до нѣкоторой степени могутъ освобождать его отъ прямого подозрѣнія въ подкупѣ. Но дѣло тѣмъ не менѣе выходитъ нехорошее, хотя и нельзя не пожелать, чтобы хоть такимъ путемъ положенъ былъ конецъ безплодной рѣзнѣ.

Пріѣхавъ, въ началѣ марта, въ Парижъ, Кабрера вступилъ въ переговоры съ агентами альфонсистскаго правительства, заключилъ съ ними формальный трактатъ (convenio) отъ имени карлистской арміи, и написалъ прокламацію отъ своего имени къ карлистамъ. Приводимъ эту прокламацію. „За Бога, отечество и короля—гласитъ наше знамя. Впереди—Богъ, потомъ—отечество, и наконецъ—король. Забывать для короля Бога и губить отечество, значило бы разорвать наше знамя. Тѣ же причины, которыя уничтожили наши усилія въ 1839 и 1848 годахъ, проявились и нынѣ. Обязаны ли же мы вѣчно взращивать то зерно раздора, которое осуждаетъ наше отечество на вѣчное мученіе? Обязаны ли мы провозглашать христіанскую любовь, стоя на трупахъ? Благородная кровь нашихъ солдатъ проливается въ славныхъ, но безполезныхъ бояхъ. Страна, которая сознаетъ свою цѣну и свои силы, тщетно ждетъ малѣйшаго указанія отъ тѣхъ, кто ведетъ ее, на политику, которой они намѣрены держаться. Предъ нами либеральная Европа, и доселѣ ничего не сдѣлано, чтобы привлечь къ нашему дѣлу добрые ея элементы. Обращаюсь къ вашему разсудку и вашимъ чувствамъ. Если вы послѣдуете за мною, вы совершите великое дѣло, ибо въ такомъ случаѣ вы послушаетесь голоса любви къ отечеству, которая выше всего ставитъ миръ. Если же нѣтъ—то знамя наше будетъ разорвано: вы останетесь при королѣ, а я становлюсь на сторону Бога и отечества“. Къ этой прокламаціи приложенъ былъ текстъ трактата въ 9-ти пунктахъ, заключеннаго Кабрерою съ правительствомъ Альфонса XII-го въ пользу карлистовъ, которые пожелаютъ, подобно ему, покориться царствующему государю. Сущность этого convenio состояла въ слѣдующихъ условіяхъ: правительство признаетъ и подтверждаетъ за бискайскими провинціями и Наваррой ихъ особыя права (fueros), въ томъ видѣ, какъ они существовали до настоящей войны; но правительство отказывается впередъ отъ этого обязательства по отношенію къ той провинціи, которая въ теченіи мѣсяца, со дня

обнародованія договора въ „Мадридской оффиціальной газетѣ“, не покорится королю Альфонсу XII. Генералы и офицеры карлистской арміи вступаютъ въ армію правительства съ сохраненіемъ ихъ чиновъ и орденовъ за тѣми изъ нихъ, которыхъ патенты будутъ признаны правильными Кабрерою, при возлагаемой лично на него повѣркѣ; тѣмъ же преимуществомъ могутъ воспользоваться и гражданскіе чиновники карлистской службы. Но преимуществомъ этимъ могутъ воспользоваться только тѣ лица, которыя покорятся правительству въ мѣсячный срокъ. Генералу Кабрерѣ предоставляется представлять къ должностямъ и наградамъ и такихъ офицеровъ, которые, хотя бы и не состояли прежде дѣйствительными начальниками, но заслуживали своимъ поведеніемъ такой милости. Наконецъ, правительство обязывается, въ согласіи съ кортесами, дать общинамъ и частнымъ лицамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, вознагражденіе за понесенныя ими матеріальныя потери. Договоръ былъ помѣченъ 11-мъ марта 1875 года и носилъ на себѣ слѣдующія подписи: Рамонъ Кабрера—со стороны карлистовъ; герцогъ де-Сантонья, маркизъ Мансанедо и Мерри-дель-Валь—со стороны правительства.

Предположено было одновременно напечатать этотъ договоръ и прокламацію Кабреры въ оффиціальной мадридской газетѣ и распространить ихъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ карлистами, и въ ихъ арміи. Но донъ-Карлосъ узналъ о „заговорѣ“ ранѣе, отъ племянника самого Кабреры, Гомедеса. Затѣмъ еще ранѣе, чѣмъ документы были оффиціально обнародованы, они появились въ парижской клерикальной газетѣ „Univers“. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обратной измѣны, окружавшей самую попытку Кабреры къ измѣнѣ, донъ-Карлосъ могъ принять мѣры къ предупрежденію ея дѣйствія, насколько то отъ него зависѣло. Онъ предупредилъ свои войска насчетъ попытокъ непріятеля къ поселенію среди нихъ недовѣрія и раздора, вызвалъ объявленія нѣскольких муниципальныхъ юнтъ, осуждавшія измѣну Кабреры; а когда прокламація его и текстъ convenio были обнародованы, издалъ декретъ, лишавшій Кабреру титуловъ, чиновъ, орденовъ и предписывавшій немедленное разстрѣляніе его, согласно приговору военнаго суда, какъ только онъ попадетъ въ руки карлистовъ. Тѣмъ не менѣе, вмѣшательство Кабреры произвело то дѣйствіе, что въ рядахъ карлистовъ усилилось дезертирство. Главные вожди карлистовъ, Доррегарэ, Мендири, Сабалльсъ, Тристани, съ своей стороны, протестовали противъ прокламаціи Кабреры. Но не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы альфонсистскимъ войскамъ удалось вскорѣ одержать значительную побѣду надъ карлистами, то готовый договоръ, подписанный Кабрерою, произвелъ бы весьма сильное дѣйствіе. Но

Кабрера очевидно думалъ, что достаточно будетъ появленія его прокламаціи, чтобы произвесть немедленно отпаденіе значительной части карлистской арміи; иначе онъ не назначилъ бы въ договорѣ именно мѣсячнаго срока. Но если онъ ожидалъ такого результата, то ошибся. Во всякомъ случаѣ, онъ нанесъ значительный ударъ карлистскому дѣлу, возбудивъ недовѣріе къ успѣху. Вскорѣ послѣ обнародованія договора, нотабли, созванные въ Наваррѣ донъ-Карлосомъ для установленія дополнительныхъ налоговъ, рѣшились прямо отвергнуть это требованіе, ссылаясь на истощеніе страны.

Что касалось военныхъ дѣйствій, то и они въ послѣднее время не были благопріятны карлистамъ. Когда по воцареніи Альфонса онъ самъ отправился въ армію, состоявшую подъ главнымъ начальствомъ Лосерны, въ концѣ января, и генералы его, Моріонесъ и Примо-де-Ривера, двинулись изъ Тафалльи на Пампдону, то единственнымъ результатомъ такого движенія было освобожденіе этого горбда, столицы Наварры, отъ осады. Затѣмъ, они аттаковали карлистовъ въ крѣпкихъ позиціяхъ на Карраскалѣ, и взявъ нѣкоторыя изъ этихъ позицій, подошли довольно близко къ Эстелльѣ. Моріонесъ и Примо-де-Ривера хотѣли воспользоваться этимъ успѣхомъ, чтобы взять укрѣпленныя позиціи карлистовъ вокругъ Эстелльи, завладѣли Лоркою, Мурилльо и Лакаромъ и открыли огонь по Санта-Барбара, и снаряды ихъ попадали уже въ самую Эстеллью. Но карлистскій генералъ Мендири нанесъ бригадѣ Бархеса чувствительное пораженіе при Лакарѣ 3-го февраля, отнявъ у нихъ снова эту позицію и тѣмъ лишивъ ихъ возможности приступить къ осадѣ Эстелльи. Это пораженіе побудило Ласерну къ отступленію, и серьёзныя военныя дѣйствія, по обычаю, прервались на цѣлый мѣсяцъ. Испанскій солдатъ, получая по тегету (франку) въ день, не хочетъ серьёзно драться болѣе раза въ мѣсяцъ, оцѣнивая, такимъ образомъ, свое участіе въ генеральной битвѣ въ 30 франковъ. Донъ-Альфонсъ 13-го февраля возвратился въ Мадридъ не въ особенно хорошемъ настроеніи духа и занялся пріемомъ иностранныхъ посланниковъ, подносившихъ ему грамоты, свидѣтельствовавшія о признаніи его державами. Изъ числа посланниковъ, представители Англіи и Германіи выразили въ своихъ рѣчахъ надежду, что король будетъ править согласно конституціоннымъ принципамъ и сохранитъ вѣротерпимость, установившуюся за послѣдніе годы. Альфонсъ XII, повидимому, усмотрѣлъ въ такихъ совѣтахъ оскорбительное вмѣшательство во внутреннія дѣла Испаніи, потому что ни словомъ не отвѣчалъ на заявленіе такихъ надеждъ, но ограничился увѣреніемъ въ своей дружбѣ къ королевѣ великобританской и германскому императору. Сестра дона-Альфонса, вдова графа Джирдженти, прибыла въ мартѣ въ Мадридъ,

чтобы помогать молодому королю въ „представительствѣ", то-есть пріемахъ. Декретомъ, вышедшимъ въ мартѣ, ей, какъ наслѣдницѣ своего брата (вслѣдствіе отмѣны салическаго закона при вступленіи на престолъ Изабеллы) присвоенъ былъ титулъ принцессы астурійской. Принцессу считаютъ преданною клерикальной партіи. Другимъ декретомъ возвращены были титулы и чинъ генерала герцогу Монпансьé.

Еще до этихъ декретовъ, въ половинѣ февраля, Альфонсъ смѣнилъ Ласерну, назначивъ главнокомандующимъ сѣверной арміею генерала Кесаду, который до этого времени командовалъ центральнымъ корпусомъ и уступилъ начальство надъ нимъ генералу Эчагэ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отозваны были съ сѣвера Моріонесъ и Примо-де Ривера: Моріонесъ, какъ говорили, по интригамъ клерикаловъ, которые ненавидятъ его за либерализмъ, а Примо—вслѣдствіе сильнаго ропота между солдатами, которые обвиняли его въ томъ, что при послѣднихъ штурмахъ карлистскихъ позицій онъ напрасно велъ ихъ на убой. Вмѣсто этихъ генераловъ, корпуснымъ командиромъ въ сѣверную армію назначены были Бассольсъ и Эчеваррія. Карлисты думали воспользоваться своимъ успѣхомъ, чтобы внезапно овладѣть неприступнымъ Бильбао, котораго имъ еще ни въ одну изъ войнъ не удавалось взять и отъ котораго отбилъ ихъ въ прошломъ году Конча. Но это предпріятіе не удалось. Приступъ, при которомъ обѣ стороны дрались съ большимъ упорствомъ и понесли значительныя потери, былъ отбитъ, и карлисты удалились отъ Бильбао. Затѣмъ, съ театра войны сообщалось много извѣстій о побѣдахъ той и другой стороны, но всѣ эти извѣстія или не оправдались, или оказались преувеличенными, и не было ни одного значительнаго дѣла до половины марта, когда въ Каталоніи Мартинесъ-Кампосъ разбилъ карлистскій отрядъ вблизи Олота, и 21-го марта занялъ этотъ городъ, взявъ у карлистовъ 300 плѣнныхъ. Разбитый при этомъ карлистскій отрядъ состоялъ изъ 6 т. чел., подъ начальствомъ Сабалльса, Тристани и Лиссарраги. Потеря Олота, convenio Кабреры и отказъ наваррскихъ нотаблей въ новыхъ налогахъ—вотъ послѣдніе факты въ карлистской войнѣ, и всѣ они неблагопріятны дѣлу претендента. Послѣднія извѣстія, какія мы имѣемъ подъ рукою, доходятъ до 1-го апрѣля и сообщаютъ о вторженіи карлистовъ въ Сантандеръ, о слухахъ, будто донъ-Карлосъ предпринимаетъ вторгнуться въ Кастилью, чтó было бы съ его стороны отчаяннымъ поступкомъ, и вмѣстѣ о заявленіяхъ въ пользу мира нѣсколькихъ карлистскихъ офицеровъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 марта 1875.

ОБЗОРЪ СЕССІИ ПРУССКАГО ЛАНДТАГА.

Три дня тому назадъ наконецъ настало затишье въ мельничномъ шумѣ парламентскихъ преній. Въ самомъ дѣлѣ, кто не переживаетъ самъ, тотъ едва ли въ состояніи представить себѣ, какъ утомительны эти парламентскія пренія, и если кто способенъ сжиться съ прусскимъ парламентаризмомъ, доведеннымъ теперь до излишества, тотъ дѣйствительно долженъ отличаться особеннымъ здоровьемъ. Если бы въ Германіи старались убить скуку, какъ во Франціи, то убили бы парламентаризмъ, и государственный переворотъ, затѣянный для этого правительствомъ, заслужилъ бы общее одобреніе; но въ Германіи всякое дѣло ведется съ педантическою серьёзностью, и терпѣніе есть національная добродѣтель, или, можетъ быть, порокъ нѣмцевъ, отъ котораго они никогда не избавятся. До какихъ размѣровъ онъ доходитъ, доказываетъ лучше всего то обстоятельство, что проектъ государственныхъ расходовъ на 1875 годъ при второмъ чтеніи въ палатѣ депутатовъ занялъ 12 долгихъ засѣданій, весь результатъ которыхъ заключался въ томъ, что измѣнены были три статьи правительственнаго проекта, а притомъ двѣ изъ нихъ выброшены, именно 40,000 талеровъ на покупку помѣщенія для провинціальнаго управленія въ Данцигѣ и 630 талеровъ на издержки по устройству помѣщенія для полиціи въ Висбаденѣ, тогда какъ палата увеличила требуемыя правительствомъ 400,000 талеровъ на уплату старыхъ военныхъ долговъ Шлезвигъ-Голштиніи до 1.500,000 талеровъ, такъ что сумма бюджета увеличена на 1,1 милліона талеровъ или 3,3 милліона марокъ, при общей суммѣ бюджета почти въ 695 милліоновъ марокъ.

По строго-конституціоннымъ понятіямъ, задача парламента при обсужденіи бюджета состоитъ въ томъ, чтобы умѣрять требованіе правительства, однако мыслимы и такіе случаи, когда парламентъ съ полнымъ правомъ можетъ требовать даже увеличенія издержекъ; но достигнутые въ настоящемъ случаѣ результаты совершенно ничтожны, въ особенности если считать потери. Вслѣдствіе этого замедленія становится въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы относительно расширенія самоуправленія (парламентаризмомъ и т. п.) былъ достигнутъ хотя какой-нибудь замѣтный результатъ, и опытнѣйшіе члены парламента даже имѣли въ виду, чтобы сессія въ этомъ на-

правленіи не дала никакого результата. Откуда ведетъ начало это стремленіе, трудно сказать. Можетъ быть, не ошибаются тѣ, которые объясняютъ это чувствомъ общаго утомленія отъ такой продолжительной сессіи, а также въ чувствѣ подчиненности сравнительно съ рейхстагомъ, который низвелъ всѣ собранія отдѣльныхъ государствъ на степень провинціальныхъ собраній, какъ ни стремятся они къ противоположному.

Послѣдняя сессія палаты депутатовъ,—единственное, могущее интересовать иностранцевъ, — есть принятіе предложеннаго правительствомъ закона объ уничтоженіи государственнаго содержанія для католическихъ епископствъ и духовенства, до тѣхъ поръ пока они не подчинятся государственнымъ законамъ. Проектъ закона содержитъ только 15 параграфовъ. Въ первомъ постановлено, что въ прусскихъ епархіяхъ, а также въ прусскихъ частяхъ епархій Пражской, Ольмюцкой, Фрейбургской и Майнцкой со дня обнародованія закона всѣ суммы, назначенныя на епископства и на принадлежащія къ нимъ учрежденія и духовенство, причисляются къ государственнымъ суммамъ. Отчисленныя суммы (такъ постановлено въ § 2) вновь начинаютъ выдаваться, какъ только находящійся теперь въ должности епископъ или управляющій епархіею письменно обяжется передъ правительствомъ подчиниться государственнымъ законамъ. Въ § 3 опредѣлено, что архіепископство Гнѣзенско-Познанское и епископство Падерборнское (епископы которыхъ лишены должностей по приговору духовнаго суда) получатъ суммы тотчасъ же, такъ только управляющіе епархіею или новые епископы будутъ постановлены по указаніямъ закона.—Извѣстно, что духовенство отказывается признать компетентность духовнаго суда и приступить къ новымъ выборамъ. Ближайшіе затѣмъ §§ заключаютъ только выводы или дополненія предыдущихъ, а въ основаніи важны тѣ, которые имѣютъ въ виду возможность разногласія между епископомъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ относительно вопроса о подчиненіи. Въ этомъ отношеніи возможны два случая: или можетъ подчиниться епископъ, а всѣ или нѣкоторые духовные его епархіи не сдѣлаютъ этого, или наоборотъ. Въ первомъ случаѣ правительство возобновляетъ плату суммъ подчинившемуся духовенству. Второй случай въ практическомъ отношеніи важнѣе, такъ какъ вообще болѣе можно надѣяться на то, что нѣкоторые члены низшаго духовенства подчинятся скорѣе епископовъ, стоящихъ вообще во главѣ сопротивленія. На этотъ случай постановлено: если духовное лицо само за себя даетъ правительству обязательство повиноваться государственнымъ законамъ, или если оно обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ склонность къ этому, то правительство можетъ возобновить ему содержаніе. Осо-

бенно важно еще положеніе, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ возобновлено содержаніе для духовныхъ изъ государственныхъ суммъ, правительство не считаетъ своею обязанностью заботиться о частныхъ доходахъ и расходахъ епископствъ и принадлежащихъ къ нимъ учрежденій. Это относится къ тѣмъ частнымъ доходамъ, по которымъ духовныя учрежденія и лица имѣютъ право обращаться къ суду, какъ только лица обязанныя платить имъ прекращаютъ платежи.

Законъ былъ предложенъ палатѣ депутатовъ 4-го марта (20-го февраля), слѣдовательно нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ сдѣлалась извѣстною здѣсь папская энциклика отъ 5-го февраля. Очень естественно, что существуетъ общее мнѣніе, будто бы предложеніе закона сдѣлано вслѣдствіе этого новаго акта папы; въ этомъ предположеніи утвердились тѣмъ сильнѣе, что и въ числѣ мотивовъ къ предложенію было точно указано на энциклику, причемъ было сказано, что государство не можетъ допускать своихъ противниковъ усиливаться въ ихъ сопротивленіи, и всего менѣе въ тотъ моментъ, когда „энциклика папы отъ 5-го февраля прусскіе и германскіе церковные законы называетъ для католическаго міра негодными и санкціонируетъ сопротивленіе противъ нихъ“.

Впослѣдствіи однако это предположеніе,—я не совсѣмъ понимаю, по какимъ причинамъ,—оспаривалось, причемъ полагали, что совпаденіе внесенія закона въ парламентъ съ обнародованіемъ энциклики было чисто случайное, и что законъ былъ подготовленъ еще раньше. Послѣднее во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что князь Бисмаркъ, какъ хорошій полководецъ, предусмотрѣлъ всѣ вѣроятности борьбы противъ Рима и подготовилъ средства къ нападенію. Но точно также вѣроятно и то,—и министръ народнаго просвѣщенія подтвердилъ это,—что энциклика ускорила предложеніе закона. Между правительственными дѣятелями господствуютъ два направленія,—во главѣ одного стоитъ имя Фалька, во главѣ другого—имя Бисмарка. Фалькъ стоитъ за болѣе медленное, Бисмаркъ—за быстрое совершеніе дѣлъ. Первый всегда хочетъ посмотрѣть сперва, какое дѣйствіе будетъ имѣть существующій законъ, послѣдній считаетъ, что чѣмъ скорѣе готовъ весь аппаратъ, тѣмъ лучше. Этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто между ними есть разногласіе въ принципахъ; напротивъ, очень рѣдко, можетъ быть, можно встрѣтить въ одномъ правительствѣ двухъ человѣкъ, которые бы дѣйствовали столь единодушно, какъ эти. Точно также нельзя предполагать въ Фалькѣ недостатка энергіи или мужества, но это только слѣдствіе темперамента. Натуры ихъ можно сравнить съ неукротимымъ Блюхеромъ и осмотрительнымъ Гнейзеномъ, которые, несмотря на различіе, превосходно ладили. Надъ

обоими стоитъ король, какъ рѣшающій факторъ. Навѣрное ему борьба не совсѣмъ пріятна, и онъ съ удовольствіемъ прожилъ бы свои послѣдніе годы въ мирѣ, но въ немъ надъ всѣмъ берутъ верхъ заботы о государствѣ, можетъ быть болѣе, чѣмъ въ великомъ его предшественникѣ. Когда ему кажется, что государство подвергается опасности, когда онъ видитъ стремленіе уничтожить его самостоятельность, тогда онъ становится тверже и неподатливѣе камня. Только вслѣдствіе этого согласія и возможна борьба, о трудностяхъ которой иностранцы до сихъ поръ не имѣютъ настоящаго понятія, и можетъ быть даже думаютъ, что она направлена противъ свободы совѣсти и религіи.—Въ насмѣшку указываютъ на то, что культурная борьба обнаруживается въ цѣлой массѣ ежедневныхъ обвиненій въ судахъ. Но я того мнѣнія, что уже самое слово „культурная борьба" само по себѣ не должно бы вышучивать. Впервые оно сказано Вирховымъ, который хотя по временамъ и можетъ заблуждаться, но безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ и наиболѣе свободномыслящихъ людей, изъ всѣхъ современниковъ; онъ навѣрное ни за что не согласился бы дать свое согласіе на такую мѣру, которая была бы по его мнѣнію вредна для свободы.

Главный пунктъ, на которомъ сосредоточивается церковная борьба, со времени закона объ іезуитахъ, есть главенство, требуемое для себя католическою церковью въ церковныхъ дѣлахъ. Епископы сознаются, что они могли бы дѣлать многое изъ того, чтó отъ нихъ требуется государствомъ. Они и дѣлаютъ это въ другихъ мѣстахъ, и только въ Пруссіи отказываются отъ этого. Такимъ образомъ, еще недавно папа дозволилъ епископу Рюдигеру въ Линцѣ (въ Австріи), большому охотнику до споровъ, подчиниться церковнымъ законамъ, которые тотъ сперва отвергъ и которые основаны на тѣхъ же началахъ, какъ и прусскіе. Причина этого очевиднаго противорѣчія, которое обнаруживается постоянно со стороны ультрамонтановъ, заключается въ самой сущности ихъ понятія о католической церкви. Католическая церковь признаетъ, такъ же, какъ и евангелическая, что она выполняетъ свое назначеніе, въ качествѣ учителя людей, по опредѣленію Бога; но въ политическомъ отношеніи между обѣими церквами замѣчается громадная разница: по отношенію къ государству, евангелическая церковь выполняетъ свое призваніе, *уча* и управляя только *священными* предметами; католическая, напротивъ, имѣетъ притязаніе на *господство*. Католическая церковь полагаетъ, что епископы, если только имъ это кажется необходимымъ въ интересахъ спасенія душъ, имѣютъ отъ Бога полномочіе править и издавать законы. Признавая этотъ догматъ, вслѣдствіе логической послѣдовательности, необходимо придти къ признанію того, что только

папа и епископы могутъ опредѣлять границы своей власти надъ управляемой ими областью. Ясно, что въ этомъ-то и заключается и заключалась вся суть столкновеній между церковью и государствомъ.

Если кто захочетъ уяснить себѣ, что̀ собственно заключаетъ въ себѣ упомянутое положеніе католической церкви, къ какимъ выводамъ оно неизбѣжно приводитъ, тотъ не долженъ забывать, что, по католическому вѣрованію, церковная община, управляемая папою, *одна только и составляетъ церковь*; другихъ христіанскихъ церквей, кромѣ нея, не существуетъ. Въ церковь, т.-е. въ эту единственную церковь, принимаются вслѣдствіе крещенія, слѣдовательно, каждый духовно-крещеный принадлежитъ къ католической церкви. Это неоспоримая догма, которую самъ папа призналъ въ письмѣ къ королю Вильгельму, отъ 7-го августа 1873 года, причемъ онъ сказалъ, что каждый крещеный, такимъ или инымъ образомъ, подлежитъ наблюденію папы. Папа, слѣдовательно, считаетъ себя призваннымъ заботиться о душахъ всѣхъ крестившихся. Выполняя это призваніе чрезъ посредство епископовъ и духовенства, онъ передаетъ ихъ заботамъ души всѣхъ крестившихся въ ихъ округахъ: послушныхъ католиковъ—ихъ молитвамъ о спасеніи душъ, а еретиковъ—ихъ заботамъ объ обращеніи на путь истинный.

Что̀ же дѣлаетъ церковь относительно душъ еретиковъ?—спрашиваетъ извѣстный преподаватель церковнаго права, д-ръ Мейеръ.

Она имѣетъ на счетъ этого подробныя предписанія, которыя исходятъ изъ ея мнѣнія о сущности вѣры, необходимой для спасенія. Евангелическая церковь считаетъ вѣру божественнымъ даромъ, который не можетъ быть навязанъ насильственно; католическая церковь считаетъ вѣру, напротивъ, подчиненіемъ церковному авторитету, признанному божественнымъ, т.-е. считаетъ ее послушаніемъ. Послушаніе же можетъ быть вынуждено, и оно должно быть вынуждено, если оно составляетъ необходимое условіе для спасенія, и это должно лежать на обязанности лицъ, призванныхъ для этого Богомъ и имѣющихъ необходимую для этого силу. На этомъ зиждется церковный порядокъ о способахъ, посредствомъ которыхъ выражается забота о душахъ еретиковъ. Сперва попытка обратить ихъ поученіями; если она окажется неудачною, тогда очевидно, что ересь является не простымъ, но упорнымъ заблужденіемъ (технически, разница эта выражается словами—матеріальная и формальная ересь), и тогда для ея искорененія употребляется сила. Если кроткія мѣры оказываются неудачными противъ непослушанія, то употребляютъ болѣе сильныя, а если и эти не дѣйствуютъ, то остаются еще костры. Вотъ установленное церковью въ средніе вѣка право объ еретикахъ. Для выполненія его употреблялась государственная власть, пока она

подчинена была церкви, и это право, какъ всѣ церковныя права, строго соблюдалось. Послѣднее понудительное средство наиболѣе нравилось церкви. Формы, въ которыхъ оно прилагалось, измѣнялись, но само оно оставалось неизмѣннымъ. Церковь не взяла назадъ еще ни одного изъ своихъ положеній; она даже не можетъ сдѣлать этого, такъ какъ ея право объ еретикахъ есть только выраженіе ея догмата.

Что католическая церковь не взяла назадъ ни одного изъ своихъ положеній, въ достаточной мѣрѣ доказано силлабусомъ 1864 года. Кто изъ свободно-мыслящихъ и просвѣщенныхъ людей нашего времени хотя на минуту впалъ въ сомнѣніе при настоящемъ спорѣ относительно того, не грозитъ ли дѣйствительно опасность свободѣ вѣрованій кого-нибудь, не есть ли лицемѣріе признаніе германскихъ либераловъ этой борьбы—борьбою культурною, тому слѣдуетъ прочесть силлабусъ, положенія котораго облечены высшимъ авторитетомъ. Вотъ, напримѣръ, § III, въ которомъ сказано: „индифферентизмъ и вольнодумство приводятъ къ слѣдующимъ *заблужденіямъ* (силлабусъ имѣетъ, какъ извѣстно, такую форму, что въ немъ перечисляются заблужденія, проклинаемыя папою): „Каждый человѣкъ свободенъ принимать и исповѣдывать ту религію, которую онъ, по своему разуму, считаетъ истинною". „Люди могутъ найти путь къ спасенію и достигнуть вѣчнаго блаженства, исповѣдуя какую бы то ни было религію". „Протестантизмъ есть не что иное, какъ другая форма той же истинной христіанской религіи, въ которой можно также угодить Богу, какъ и въ католической церкви". Въ § 10-мъ, который говоритъ о заблужденіяхъ, связанныхъ съ современнымъ либерализмомъ, отвергаются слѣдующія положенія: „77) Въ наше время нѣтъ никакой пользы признавать одну только католическую религію государственною религіею, исключая всѣ другія. 78) Поэтому похвально, что въ извѣстныхъ католическихъ странахъ постановлено закономъ, что поселенцамъ дозволяется открыто совершать богослуженія, какой бы религіи они ни были. 79) Такъ какъ совершенно ложно, будто бы государственная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій и гарантированная для всѣхъ полная свобода обнародовать свои мнѣнія и взгляды легко приводитъ къ порчѣ нравовъ и нравственности, и способствуетъ распространенію заразы индифферентизма". Слѣдовательно, папа считаетъ государственную свободу безбожнымъ заблужденіемъ, онъ считаетъ безбожнымъ заблужденіемъ признаніе протестантской религіи одною изъ формъ истинной религіи и т. д.

Ультрамонтаны, конечно, оказываются вездѣ, гдѣ они остаются въ меньшинствѣ, пламенными защитниками свободы; они, напр., въ предпослѣднемъ рейхстагѣ не могли и слышать о какихъ-либо законахъ о печати, который, по ихъ мнѣнію, стѣсняетъ свободу, тогда

какъ силлабусъ самымъ рѣзкимъ образомъ отвергаетъ свободу печати; но это двоедушіе и лицемѣріе въ настоящее время настолько прозрачны, что не способны никого ввести въ заблужденіе, и союзъ между либералами и ультрамонтанами теперь болѣе не возможенъ. Но какъ только ультрамонтаны гдѣ-либо захватываютъ власть, то они совсѣмъ забываютъ свои прежнія фразы о свободѣ, и думаютъ только о насильственномъ введеніи силлабуса. Такимъ образомъ, правительство короля Альфонса, въ которомъ ультрамонтанскіе элементы хотя не всемогущи, но все-таки очень вліятельны, скорѣе всего позаботилось объ уничтоженіи закона о гражданскихъ бракахъ, тогда какъ Германія въ этомъ году установила такой законъ.

Либералы въ Германіи издавна имѣютъ одинъ и тотъ же недостатокъ, которому подвержены и германскіе ученые (германская наука представляетъ главнѣйшій источникъ германскаго либерализма)—всѣ они идеологи. Стóитъ только вспомнить 1848 годъ, когда франкфуртскій парламентъ, полный патріотическихъ стремленій, но не имѣя ни малѣйшаго практическаго политическаго понятія о государственномъ строѣ Германіи, настроилъ воздушныхъ зáмковъ, которые никогда не могли сдѣлаться обитаемыми. Стóитъ подумать о томъ, что съ 1848 по 1850 годъ не было ни одного человѣка, который бы въ опредѣленія понятій объ управленіи внесъ хотя малѣйшее сомнѣніе относительно полной независимости церкви (чтó, конечно, шло во благо только католической церкви). Причина этого главнымъ образомъ заключалась въ заблужденіи, которое само по себѣ достойно уваженія, но способно приводить къ страшнымъ ошибкамъ,—это вѣра въ могущество духовныхъ средствъ, просвѣщенія и прогресса. Я, конечно, питаю къ нимъ величайшее уваженіе и вполнѣ цѣню справедливость словъ въ Фаустѣ:

Verachte nur Vernunft und Wissenschaft,
Der Menschen allerhöhste Kraft!

но думать, что они одни въ состояніи подвигать міръ впередъ—роковое заблужденіе. Еслибы это было справедливо, то никогда не могло бы быть регресса: мудрость египтянъ не была бы покрыта развалинами, а Греція и Римъ не были бы разрушены варварами. Эта связь между духомъ и матеріею до сихъ поръ остается мало понятною для людей и постоянно забывается, хотя все понятіе о современномъ государствѣ основано на ней, и хотя на нее обращали вниманіе еще греческіе мудрецы (ἓν καὶ πᾶν).

Римско-католическая церковь, напротивъ (т.-е. въ противоположность либераламъ), вполнѣ практична; она вездѣ пользуется политическими и дипломатическими средствами—*силою*. Въ превосходномъ, извѣстномъ и у васъ въ Россіи, сочиненіи объ исторіи раціонализма

въ Европѣ, англичанинъ Лекки говоритъ: „вмѣшательство мірской власти оказываетъ почти столь же сильное вліяніе на религіозныя убѣжденія, какъ и на ихъ признаніе. Такъ какъ, хотя въ исторіи мнѣній, какъ въ степеняхъ развитія отражающейся въ нихъ цивилизаціи, дѣйствительно существуетъ извѣстный порядокъ и послѣдовательность, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вполнѣ нарушены, однако не менѣе справедливо и то, что человѣкъ можетъ въ высшей степени ускорить, замедлить и видоизмѣнить ихъ. Мнѣнія 99-ти человѣкъ изъ 100 главнымъ образомъ развиты воспитаніемъ, а правительство можетъ рѣшить, въ какія руки слѣдуетъ передать воспитаніе, какіе предметы оно должно обнимать и къ какимъ началамъ должно стремиться. Изслѣдованіе показываетъ, что въ великихъ борьбахъ между разумными основаніями и преслѣдованіемъ послѣднее всегда побѣждаетъ. Преслѣдованіе истребило христіанство въ Японіи и разрушило прекрасныя надежды альбигойцевъ; оно истребило всякіе слѣды протестантизма въ Испаніи. Франція представляетъ повидимому, и долгое время была на самомъ дѣлѣ главною представительницею католицизма, но ея католичество произошло главнымъ образомъ изъ Вареоломеевской ночи и уничтоженія Нантскаго эдикта. Англія сдѣлалась теперь главнымъ образомъ страною протестантскою, но народъ долго ошибался между тою и другою религіею, пока наконецъ умная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественная политика Елизаветы покончила это колебаніе".

Въ австрійскихъ государствахъ въ третьей четверти XVI-го столѣтія казалось, будто бы протестантизмъ получитъ почти всеобщее распространеніе. Императоръ Максимиліанъ II-й отличался терпимостью. Въ 1568 и 1569 году онъ даровалъ протестантскимъ рыцарямъ и дворянамъ дозволеніе безпрепятственно отправлять богослуженіе въ ихъ зàмкахъ и имѣніяхъ. Знатные и низшіе съ жадностью читали лютеранскія книги, и необходимость церковной реформы была повсемѣстна. Между 1574 и 1576, когда императоръ Максимиліанъ II-й былъ близокъ къ смерти, подъ вліяніемъ іезуитовъ началась реакція, и она велась съ такою послѣдовательностью, что въ наслѣдственныхъ земляхъ Австріи и въ Богеміи протестантизмъ былъ совершенно уничтоженъ. Послѣ нѣсколькихъ поколѣній это измѣненіе вѣры было совершенно забыто. Я, конечно, не хочу писать здѣсь исторію преслѣдованій; факты, доказывающіе мое положеніе, безъ сомнѣнія останутся непоколебимыми; также точно несомнѣнно, что послѣ Вестфальскаго мира, когда въ Германіи насилія католическихъ правительствъ противъ евангелическихъ подданныхъ, и протестантскихъ правительствъ противъ католическихъ подданныхъ, встрѣчались какъ исключенія, численное отношеніе между ка-

толиками и протестантами существенно не измѣнилось. Вестфальскій миръ (1648) первый упрочилъ мирную совмѣстную жизнь вѣроисповѣданій въ Германіи. Каждый католикъ могъ безпрепятственно послѣ этого вести свою католическую жизнь, но возлѣ него также безпрепятственно шла протестантская жизнь. Подъ защитою такихъ условій, католики и протестанты въ Германіи выучились узнавать и переносить другъ друга. Хотя Римъ и не призналъ Вестфальскаго мира, и объявлялъ его въ своихъ главнѣйшихъ постановленіяхъ ничтожнымъ, но германскіе епископы считали за лучшее примѣниться къ условіямъ, и Римъ, въ основаніяхъ дѣлавшій то же самое и соблюдавшій только принципъ, ничего не имѣлъ противъ этого. Подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ терпимости бо̀льшее число нѣмецкихъ католиковъ пришли къ мысли, что ихъ протестантскіе согражданe не просто отлучены отъ ихъ церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ люди, достойные полнаго уваженія. Но дѣйствительные единомышленники Рима считали такую терпимость еретическою заразою, которая постепенно должна быть искоренена.

Эта реакція началась въ 1814 году, когда папа Пій VII-й опять возстановилъ уничтоженный 40 лѣтъ тому назадъ орденъ іезуитовъ, не измѣняя его цѣлей, слѣдовательно для той цѣли, для которой онъ былъ учрежденъ, именно для возвышенія власти папъ надъ епископами и возстановленія римской ортодоксіи противъ протестантовъ. Орденъ іезуитовъ есть настоящій представитель ученія ультрамонтановъ, и пламенно заботится объ его распространеніи. Изъ его школы происходитъ католическій клиръ, ведущій борьбу съ государствомъ въ настоящее время. Ультрамонтаны противопоставляютъ слабости религіозныхъ воззрѣній, на которыхъ основана терпимость, упомянутыя выше церковныя догмы, считая ихъ безусловно, безвозвратно и неизбѣжно справедливыми. Германское государственное церковное право, въ томъ видѣ, въ какомъ оно образовалось со временъ реформаціи, они считаютъ не правомъ, а только фактомъ. Государство будто бы не имѣло никакого права давать религіозную свободу протестантамъ. Однако католическая церковь не можетъ не признать, что она въ настоящее время не можетъ устранять такіе факты, и ограничивается поэтому тѣмъ, что старается укрѣплять въ вѣрѣ оставшихся католиками, обращать отпавшихъ отъ нея; но она дѣлаетъ это въ надеждѣ, что здѣсь, какъ вообще во всякой ереси, силы постепенно ослабнутъ и тогда снова возстановлены будутъ католическія правила, даже и относительно обращенія съ еретиками. Въ этомъ отношеніи имъ оказывало услуги (я обращаюсь опять къ вышеупомянутому сочиненію Мейера) въ особенности прежняя германская имперія, распаденіе которой точно также не признается церковью,

и она, можетъ быть, надѣется на возстановленіе ея для прежнихъ услугъ. Для ультрамонтанства подобныя вещи кажутся не совсѣмъ невѣроятными, такъ какъ государства, государственныя формы, образованіе государствъ,—все это кажется имъ явленіями столь же преходящими, какъ и еретичество, и только церковь кажется вѣчною. Она можетъ ждать, пока ея права не будутъ возстановлены. Въ этомъ лежитъ смыслъ той политики ультрамонтановъ, которую иногда считаютъ не имѣющею значенія, но которая всегда находится въ связи съ тѣми прочными формулами, которыми выражались въ прежнее время права и привилегіи церкви. Духовенство знаетъ очень хорошо, что теперь эти формулы есть слова безъ содержанія, но они сберегаютъ ихъ и крѣпко держатся за нихъ, въ надеждѣ на ихъ употребленіе въ благопріятномъ будущемъ.

Вмѣстѣ съ этою принципіальною политикою католичество слѣдуетъ другой, въ высшей степени практической. Недавно умершій Вольфгангъ Менцель въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „*Rom's Unrecht*“ приводитъ слѣдующія слова, сказанныя въ Фрейбургѣ баденскимъ ультрамонтаномъ, профессоромъ Бушемъ, въ пятидесятыхъ годахъ: „мы соберемъ католиковъ, разсѣянныхъ въ самыхъ глухихъ округахъ сѣверной Германіи, снабдимъ ихъ денежными средствами, чтобы они удержали католицизмъ и служили бы піонерами для будущаго. Мы опутаемъ старый протестантизмъ въ Пруссіи отъ востока до запада цѣлою сѣтью католическихъ общинъ, безчисленнымъ множествомъ монастырей, укрѣпимъ эти общины и такимъ образомъ подавимъ протестантизмъ“. Въ какой мѣрѣ шла работа въ этомъ направленіи, показываетъ превосходная статья Швитцке, въ послѣдней тетради журнала королевскаго прусскаго статистическаго бюро, о находившихся въ Пруссіи орденахъ и конгрегаціяхъ въ 1872—1873 годахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые были высланы по имперскому закону 4-го іюля 1872 года, именно іезуитовъ и сродныхъ съ ними конгрегацій, — лазаристовъ, отцевъ Святого Духа, сестеръ святого сердца Христова и др. Авторъ при своей работѣ пользовался находящимися въ министерствѣ схематизмами различныхъ епископствъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ другимъ источникамъ. Общее число орденскихъ поселеній въ 1873 году доходитъ до 958, именно 79 мужскихъ съ 1037 монахами, и 879 женскихъ съ 8011 монахинями. Авторъ, само собою разумѣется, перечисляетъ всѣ ордена и конгрегаціи поодиночкѣ, указываетъ число членовъ, цѣли учрежденія сообразно уставу и т. п., точно также какъ и нѣкоторыя другія обстоятельства, изъ которыхъ въ политическомъ отношеніи важнѣе всего—большое число тѣхъ орденовъ, начальники которыхъ живутъ за границей. Такимъ образомъ, картезіанцы (Carthaüser) со-

стоятъ подъ управленіемъ французскаго генералъ-пріора, пріора „Grande Chartreuse“ близъ Гренобля; братья христіанскихъ школъ—подъ управленіемъ французскаго начальника; капуцины, францисканцы и доминиканцы подъ управленіемъ генералъ-министра въ Римѣ; въ высшей степени вліятельныя и многочисленныя „сестры милосердія святого Винцента“, носящія нѣсколько другихъ названій, имѣютъ отечество въ Парижѣ. Имѣетъ ли вліяніе начальница ихъ въ Пруссіи и какое именно, не изслѣдовано,—говорится очень наивно въ упомянутой статьѣ. Начальница имѣетъ право поселять сестеръ куда угодно, я даже думаю, что онѣ живутъ нѣкоторое время въ главномъ монастырѣ въ Парижѣ, и такимъ образомъ имъ сообщается космополитическій характеръ, столь существенный для цѣлей Рима, потому что, только потерявши всякія національныя связи, можно видѣть единственное отечество въ Римѣ. Результатъ изслѣдованій, произведенныхъ Швитцке, заключаетъ интересныя данныя о распространеніи нѣкоторыхъ орденовъ и конгрегацій съ 1850 года, которое дѣйствительно необычайно велико. Такимъ образомъ, въ архіепископствѣ Кёльнскомъ съ 1850 по 1863 годъ число монаховъ возрасло съ 32 до 205, число монахинь до 1132; въ 1869 году число ихъ было 243 и 2322; въ 1872 году—405 и 2826, или монаховъ и монахинь было въ упомянутые годы 272, 1337, 2665, 3131. Въ епископствѣ Бреславльскомъ возрасло число монаховъ съ 1853 по 1865 годъ съ 57 до 78, число монахинь съ 171 до 847 (въ суммѣ—отъ 228 до 924); въ 1869 году число ихъ было—126 и 1223 (въ суммѣ 1349); въ 1871 году — 130 и 1328 (въ суммѣ 1458). Въ архіепископствѣ Познанско-Гнѣзенскомъ въ 1851 году не было ни одного поселенія; въ 1860 году было 19 монаховъ и 94 монахини; въ 1865—37 монаховъ и 134 монахини, наконецъ въ 1871 году 93 монаха и 244 монахини. Подобное же отношеніе и въ епископствѣ Кульмскомъ.

Въ тѣсной связи съ распространеніемъ орденовъ и конгрегацій находится повсемѣстное учрежденіе многочисленныхъ католическихъ общинъ и братствъ, изъ которыхъ почти всѣ относятся ко времени послѣдняго десятилѣтія. Въ особенности это можно сказать относительно епископства Кульмскаго, гдѣ въ 1867 году учреждено 526 братствъ, изъ которыхъ 373 братства умѣренности,—остальныя бóльшею частію духовнаго характера. Эти братства распредѣлены между пасторами епископства и руководятся духовными лицами. Въ архіепископствѣ Кёльнскомъ въ 1872 году были католическія общины въ 42 городахъ, и общее число католическихъ членовъ этихъ общинъ во всей Германіи доходило до 8000. Сюда слѣдуетъ причислить еще весьма распространенныя мужскія католическія общины (община Пія, Варѳоломея и т. д.) и женскія разныхъ наименованій, а также строго

организованныя розенкранцовскія общины мужскія и женскія, для наблюденія надъ образованными семействами и для религіознаго вліянія на нихъ. Пятнадцать человѣкъ образуютъ „розу", 11 розъ „божье дерево", а пятнадцать божьихъ деревъ „садъ пресвятой дѣвы Маріи"

Всѣ эти общины и братства, также какъ ордена и конгрегаціи, имѣютъ религіозную или гуманную цѣль, но въ дѣйствительности уже давно приняли политическій характеръ и почти вездѣ управляются духовными лицами, и составляютъ въ ихъ рукахъ страшное оружіе, такъ что гдѣ подобнаго рода организаціи прочно укоренились, тамъ уже нѣтъ бургомистровъ и собраній городскихъ представителей, которые занимались бы городскими дѣлами, и ведутся только дѣла духовныя. Отъ времени до времени снимается покрывало съ этой тихой дѣятельности, и тогда ужасаются передъ этимъ страшнымъ положеніемъ дѣлъ. Такъ, недавно въ „Kölnische Zeitung" разсказанъ случай, по истинѣ постыдный, о которомъ я упомяну вкратцѣ, не зная, извѣстенъ ли онъ въ Россіи, и по возможности смягчая отвратительное. Въ одномъ небольшомъ вестфальскомъ городкѣ капланъ, относительно одной дѣвушки, дочери уважаемаго купца, приходившей къ нему на уроки для конфирмаціи, позволилъ себѣ такія вещи, которыя кладутъ на женщину пятно на всю жизнь. Объ этомъ заговорили въ городѣ и, какъ водится, до отца вѣсть объ этомъ дошла послѣ всѣхъ. Онъ отослалъ свою дочь въ пансіонъ въ другой городъ и думалъ, что эта исторія забудется. Но когда черезъ годъ дочь его возвратилась уже не дитятею, но взрослою дѣвушкою, капланъ началъ преслѣдовать ее снова. Нашелся претендентъ на руку дѣвушки, но капланъ всячески навлекалъ на него подозрѣніе и клеветалъ на него даже съ каѳедры. Между тѣмъ состоялась помолвка, но оказалось, что отношенія дѣвушки къ каплану продолжаются. Тогда несчастный отецъ обратился къ каплану съ просьбою хотя оставить городъ, чтобы онъ не былъ вынужденъ ежедневно видѣть соблазнителя своей дочери, но его просьбы были напрасны. Онъ обратился къ начальству каплана, и также безуспѣшно. Только случайно узналъ онъ впослѣдствіи, что капланъ приговоренъ былъ къ 14-дневному духовному покаянію. Проступокъ купца былъ разукрашенъ капланомъ такъ, что отъ него всѣ отвернулись, перестали ему кланяться и покупать у него; наконецъ, онъ обратился съ жалобою на каплана въ судъ, который, къ счастію, не состоя подъ вліяніемъ ультрамонтановъ, приговорилъ преступника къ двухгодичному заключенію въ смирительномъ домѣ. Разсказъ „Кёльнской газеты" не вызвалъ ни одного слова въ возраженіе, хотя онъ былъ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ (за исключеніемъ, конечно, ультрамонтанскихъ). Я привелъ эту исторію, какъ одинъ примѣръ изъ мно-

гихъ тысячъ, чтобы показать, какую громадную силу имѣетъ клиръ даже теперь, и какъ справедливъ былъ князь Бисмаркъ, сказавши въ началѣ борьбы, что не долго ждать того времени, когда войсками будутъ командовать капланы вмѣсто капитановъ.

Каждая католическая община, какъ я сказалъ, имѣетъ какую-нибудь религіозную или гуманную цѣль. Но католическая церковь съ удовольствіемъ облегчаетъ жизнь людей, если они только послушны. Жизнь католическихъ общинъ очень часто есть не что иное, какъ рядъ удовольствій. Сегодня балъ, завтра театральная репетиція, затѣмъ театръ, концертъ, собраніе, а лѣтомъ—прогулка. Католическая церковь въ этомъ отношеніи дѣлаетъ почти то же, что ультра-соціальная демократія. Послѣдняя также не выпускаетъ изъ рукъ своихъ приверженцевъ и заботится о всѣхъ ихъ потребностяхъ. Эти „рабочіе", которые въ ихъ газетахъ и собраніяхъ декламируютъ о бѣдности рабочихъ и проклинаютъ капиталъ, выражаются и поступаютъ такъ, какъ будто бы они вынуждены умереть съ голоду, а между тѣмъ у нихъ постоянные праздники, собранія, балы, театры и развлеченія всякаго рода. „*Соціальный демократъ*" — главный органъ здѣшней соціальной демократіи, на трехъ страницахъ громитъ и жалуется, а на четвертой помѣщаетъ превосходно составленный указатель развлеченій.

Это сходство въ тактикѣ между римско-католическою церковью и ультра-соціальной демократіей понять легко, но оно все-таки заставляетъ задуматься. Я позволю себѣ уклониться въ сторону, чтобы разъяснить мою мысль. Давно, когда я пришелъ въ Берлинъ еще молодымъ человѣкомъ, я былъ такъ восхищенъ обширностью и красотою города, что рѣшилъ остаться въ немъ, во что бы то ни стало. У меня былъ другъ, съ которымъ мы пришли вмѣстѣ, и вмѣстѣ вкушали всѣ берлинскія удовольствія. Но вотъ приблизилось то время, когда намъ нужно было оставить Берлинъ, и онъ радовался этому, чего я никакъ не могъ понять. Наконецъ я спросилъ его, какъ онъ можетъ радоваться этому. „Да, ты этого не понимаешь", отвѣчалъ онъ: „когда я пойду въ провинцію, то буду референдаріемъ (онъ былъ юристъ и сдавалъ тогда свои экзамены), замѣтною личностью, съ удовольствіемъ принимаемою во всѣхъ домахъ, и буду львомъ на всѣхъ балахъ. Здѣсь меня никто не знаетъ".

Я тогда не совсѣмъ понялъ это, но впослѣдствіи постигъ, потому что узналъ лучше и себя, и міръ. Я былъ восхищенъ тѣмъ, что того пугало. Здѣсь, въ большомъ городѣ, никто обо мнѣ не заботится, и я ни о комъ не забочусь. Если я тѣмъ или другимъ способомъ заработаю достаточно денегъ, чтобы устроить безбѣдную жизнь, тогда я свободенъ, какъ желалъ бы философъ или поэтъ. Но, конеч-

но, такое положеніе имѣетъ свою темную сторону. Я совершенное *ничто*; въ государствѣ не только референдарій гораздо выше меня, но даже ночной сторожъ. У меня нѣтъ честолюбія, и я чувствую себя хорошо въ такомъ одиночествѣ. Этому, конечно, способствуетъ то, что я былъ настолько счастливъ, что достаточно заработывалъ и не нуждался въ помощи другихъ. Такимъ образомъ, во мнѣ преобладало либеральное направленіе, которое возникло въ политической жизни въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, и выразилось наиболѣе ясно въ области политической экономіи въ манчестерской школѣ: наивозможная свобода для развитія всѣхъ силъ, которая имѣетъ слѣдствіемъ совершеннѣйшее развитіе индивидуализма. Дальнѣйшій опытъ жизни привелъ меня къ тому заключенію, что этотъ принципъ имѣетъ преходящее значеніе, потому что онъ не соотвѣтствуетъ многимъ существеннымъ потребностямъ людей. Немного найдется людей, которымъ бы не хотѣлось имѣть побольше власти и значенія. Бѣднѣйшій человѣкъ въ большинствѣ случаевъ есть король въ своемъ семействѣ, которое оказываетъ ему извѣстную степень подчиненія. Еще сильнѣе дѣйствуетъ на людей ассоціація, гдѣ каждый старается занять видное положеніе. На это-то чувство и спекулируетъ католическая церковь и ультра-соціальная демократія. Какъ только отдѣльныя личности потеряютъ чувство индивидуализма, то они охотно причисляютъ себя къ чему-нибудь цѣлому, въ которомъ они представляютъ хотя незначительную дѣятельную единицу, но раздѣляютъ чувство его могущества. Многія тысячи изъ принадлежащихъ къ католическимъ мужскимъ общинамъ совсѣмъ не рьяные католики, но они получаютъ при этомъ значеніе, какого не имѣли бы въ качествѣ отдѣльныхъ личностей, и такимъ образомъ вполнѣ удовлетворяются. Въ промышленной жизни мѣсто церкви занимаютъ ассоціаціи соціальныхъ демократовъ, въ которыхъ также строго наблюдаютъ другъ за другомъ. Отдѣльныя личности сливаются съ общимъ, работа становится общею, удовольствія общими, и никто не можетъ освободиться изъ-подъ надзора начальства. Если бы кто сдѣлалъ это, тотъ былъ бы дурнымъ членомъ общества. Современное старое поколѣніе, выросшее на идеѣ индивидуализма, глубоко ненавидитъ это стремленіе, и не постоитъ ни передъ какими средствами противъ него; но нельзя не признать, что юношество живетъ въ иномъ кругѣ идей, и что оно не чувствуетъ такого отвращенія отъ этого стремленія; что̀ изъ этого выйдетъ—сказать трудно. Я думаю, что реакція противъ индивидуализма побѣдитъ, не сегодня или завтра, но тогда, когда сила перейдетъ въ руки молодого поколѣнія. Эта побѣда произведетъ тогда могущественную революцію въ соціальныхъ условіяхъ, не потрясая государства, которое по

своей сущности отрицаетъ индивидуализмъ, не уничтожая арміи и чиновничества, которыя не совсѣмъ уживаются съ индивидуализмомъ. Конечно, тогда опять возникнетъ противоположный потокъ индивидуализма.

Однако, время обратиться къ предмету моего письма. Однообразіе тактики римской церкви и соціальныхъ демократовъ не мѣшаетъ имъ быть злѣйшими врагами, такъ какъ въ современномъ государствѣ религія уважается и защищается до тѣхъ поръ, пока она не вредитъ его могуществу; поэтому, соціальные демократы рѣшительные противники религіи, и если они достигнутъ могущества, то тотчасъ же вступятъ между собою въ ожесточенную войну. Я далекъ отъ того, чтобы признавать протестантизмъ единственнымъ представителемъ прогресса и просвѣщенія. Въ этомъ спорѣ онъ противникъ ультрамонтанизма только въ Германіи, и спеціально въ Пруссіи. Офиціальная газета куріи, издающаяся въ Римѣ „Voce della Verita" высказала это съ полною откровенностью. „Справедливо,—говорилось въ ней,—что князь Бисмаркъ сильный противникъ католической церкви, и можетъ быть онъ вызвалъ противъ нея борьбу въ ея теперешней формѣ. Но не онъ началъ ее. Князь раньше или позже сойдетъ со сцены, господствующіе теперь либералы смѣнятся другою партіею, но борьба будетъ продолжаться въ той или иной формѣ, пока будетъ существовать Пруссія. Истинная причины борьбы заключается во внутренней сущности этого государства. Пруссія, какъ по своему возникновенію, такъ и по своему развитію, на всѣхъ ступеняхъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ римскою церковью, и по этой своей натурѣ есть главный и смертельный врагъ Рима. Пруссія въ ея теперешней формѣ и составѣ основана на протестантизмѣ и его ученіи, Пруссія представляетъ крѣпость протестантской Германіи. На Пруссію обращены взоры тѣхъ, которые, вслѣдствіе достойнаго сожалѣнія спора, отторглись отъ католической церкви въ XVI столѣтіи. Пруссіею держится и съ нею падетъ борьба противъ церкви въ Европѣ".

Вотъ послѣднее слово и послѣдняя мысль теперешней ультрамонтанской партіи,—мысль, санкціонированная также папою. И какъ же кто-нибудь, не принадлежащій къ ультрамонтанской партіи, можетъ полагать, что борьба противъ нихъ, которая ведется въ Пруссіи, есть борьба противъ религіи! Это чисто политическая борьба, которая ведется германскимъ правительствомъ за Пруссію, за имперію, за свободу науки и изслѣдованія, и наконецъ за свободу совѣсти, такъ какъ подъ *тою* свободою совѣсти, какой требуютъ *они*, слѣдуетъ разумѣть католическую догму, которая не знаетъ иного исповѣданія, кромѣ римско-католической церкви.

Законъ о прекращеніи содержанія, до сихъ поръ уплачиваемаго

епископамъ со стороны государства, вызвалъ сравнительно слабыя пренія въ палатѣ депутатовъ, во время которыхъ князь Бисмаркъ подтвердилъ справедливость того обстоятельства, о которомъ упоминали оффиціозные корреспонденты, именно, что папская энциклика отъ 5-го февраля подѣйствовала на него освѣжающимъ образомъ. Первое его появленіе сопровождалось въ высшей степени замѣчательнымъ случаемъ, который у древнихъ римлянъ сочли бы счастливымъ предзнаменованіемъ. Депутатъ Зибель (извѣстный историкъ) указывалъ на опасную дѣятельность мелкой ультрамонтанской прессы, такъ-называемой „капланской прессы". Въ послѣдніе годы въ Рейнской провинціи основано до 80 мелкихъ ультрамонтанскихъ газетъ, которыя популяризируютъ то, что печатается въ большихъ руководящихъ газетахъ, напримѣръ, именно въ „Germania", съ цѣлью познакомить съ этимъ даже бѣднѣйшія хижины. Въ этихъ листкахъ при каждомъ удобномъ случаѣ задѣваютъ правительство, и если дѣйствительно случится судебное преслѣдованіе или наказаніе, то это считается для каплана патентомъ на благодарность и награду отъ его начальства и на поощреніе. Но ультрамонтаны не довольствуются журнальной прессой. Въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ являются календари (они теперь освобождены отъ пошлины, и могутъ продаваться по невѣроятно дешевой цѣнѣ). Календарь, мимоходомъ сказать, можетъ быть самая вліятельная книга на народныя массы, единственная, которая проникаетъ даже въ бѣднѣйшія хижины, такъ какъ и самые бѣдные обзаводятся календаремъ, и для безчисленнаго множества, нечитающаго даже газетъ, календари представляютъ единственный источникъ политическихъ свѣдѣній. Зибель говорилъ на эту тэму, причемъ превосходно и тонко коснулся многихъ вещей, напримѣръ того, что ультрамонтаны имѣютъ особенное понятіе о свободѣ прессы, желая дозволенія печатать все, что они хотятъ, но учить народъ только тому, чему они дозволятъ. Законоучители и патеры требуютъ, чтобы либеральныя сочиненія скрывались отъ учениковъ и горничныхъ, если они находятъ такія сочиненія у родителей или лицъ, нанимающихъ прислугу. Зибель разсказываетъ, что когда одинъ школьный инспекторъ спросилъ дѣвочку въ женской школѣ, какъ зовутъ императора, то она послѣ долгаго молчанія отвѣтила: Піемъ. Одно патріотическое общество, къ которому принадлежитъ Зибель, ко дню рожденія императора приготовило 100,000 портретовъ его для распространенія, но учителя школъ уклонялись отъ принятія ихъ, боясь духовенства. Одинъ изъ искуснѣйшихъ ультрамонтанскихъ писателей—патеръ, пишущій подъ псевдонимомъ Конрада фонъ-Роландена. Новый его романъ „Врагъ имперіи" напечатанъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Въ немъ разсказы-

вается о гоненіи противъ христіанъ при Діоклетіанѣ (ультрамонтаны полагаютъ, что теперешнее „преслѣдованіе" таково же, какъ при Неронѣ и Діоклетіанѣ). У императора Діоклетіана, человѣка очень строгаго, есть министръ Маркъ-Требоній, называемый вездѣ для краткости просто Маркомъ. Это лысый человѣкъ въ 6 футовъ ростомъ, дьявольски суровый, который руководитъ императоромъ во всѣхъ злыхъ дѣлахъ. Наконецъ, однако, императоръ узнаетъ истинное положеніе дѣлъ, велитъ арестовать его, но Маркъ убѣгаетъ и скитается въ болотахъ. Христіанскіе солдаты, которые его преслѣдуютъ, настигаютъ его и удивляются правосудію божію.

Въ то мгновеніе, какъ Зибель проговорилъ эти слова, вошелъ совершенно неожиданно канцлеръ (неожиданно потому, такъ какъ было извѣстно, что онъ не хотѣлъ присутствовать при преніяхъ о новомъ церковномъ законѣ, и такъ-какъ вообще совсѣмъ не бывалъ въ палатѣ депутатовъ); онъ вошелъ съ веселымъ выраженіемъ лица, и вообще имѣлъ видъ человѣка, котораго не легко загнать въ болото. Я самъ не видѣлъ этого, но многіе депутаты передавали мнѣ, что едва ли видано было что-либо подобное. Появленіе его произвело такое потрясающее впечатлѣніе, что вся палата (за исключеніемъ центра) поднялась съ своихъ мѣстъ и привѣтствовала князя крикомъ и смѣхомъ; онъ не понималъ, чтó это значитъ, пока его сосѣди министры не разсказали ему въ чемъ дѣло.

Когда волненіе улеглось, началъ рѣчь депутатъ Герлахъ, извѣстный прежній составитель обозрѣній въ „Крестовой газетѣ", который по своимъ неистовымъ реакціоннымъ стремленіямъ постоянно отдалялся все болѣе и болѣе отъ правительства, и наконецъ онъ, протестантъ, перешелъ въ центръ. Герлахъ считаетъ ультрамонтановъ вполнѣ справедливыми, и церковную политику называетъ войною противъ католическихъ подданныхъ, и декламируетъ противъ всемогущества государства и противъ идолопоклонства передъ нимъ (излюбленное выраженіе ультрамонтановъ противъ всякаго проявленія государственной жизни), затѣмъ повторяетъ нѣсколько разъ, что Бога слѣдуетъ болѣе слушать, чѣмъ людей. Бисмаркъ отвѣчалъ ему, и очень основательно отдѣлалъ своего бывшаго политическаго друга. „Ультрамонтаны говорятъ, — сказалъ онъ, — будто они повинуются Богу болѣе, чѣмъ людямъ, какъ предписываетъ библія. На самомъ же дѣлѣ они болѣе повинуются папѣ, чѣмъ королю. Когда церковныя дѣла устроены были сообразно прусскому праву, по которому верховный надзоръ государства надъ церковью долженъ быть обширнѣе, чѣмъ по майскимъ законамъ, то ни одинъ католикъ не думалъ о томъ, что этимъ стѣсняется его совѣсть". Еще сильнѣе было другое возраженіе канцлера. Герлахъ сказалъ, между прочимъ, что до

сихъ поръ борьба только усиливаетъ и подкрѣпляетъ католическую церковь. Возражая на это, князь Бисмаркъ спросилъ: „улучшило ли въ сущности поведеніе епископовъ положеніе католической церкви? Центръ отвѣчаетъ на это утвердительно. Но зачѣмъ же тогда лицемѣрныя жалобы, будто бы мы уничтожили церковь. Мыслимы ли тогда эти жалобы, если мы только укрѣпляемъ церковь, какъ вы теперь утверждаете? Или жалобы на преслѣдованіе церкви простое лицемѣріе, и я всегда скажу это, какъ только услышу ихъ, или вы не имѣли никакого успѣха".

Послѣднее вполнѣ справедливо. Борьба колеблется туда и сюда безъ всякаго результата, и вопросъ заключается только въ томъ, какія силы продержутся долѣе. По моему мнѣнію, конечно, силы государства, потому что оно предъявляетъ весьма умѣренныя требованія римскому престолу. Я попрошу русскаго читателя поставить себя въ положеніе нѣмца: пусть онъ представитъ себѣ, что въ вашей странѣ поселено 20 или 30 милліоновъ католиковъ, которые требовали бы, чтобы въ религіозныхъ дѣлахъ они имѣли право повиноваться болѣе папѣ, чѣмъ правительству, и желали бы сообразныхъ съ этимъ законовъ. Я думаю, что такое положеніе нельзя не признать невыносимымъ для государства.

Я долженъ извиниться за свои долгія разъясненія. Но они имѣютъ главною цѣлью дать по возможности полное понятіе о стремленіяхъ, идеяхъ и работахъ нѣмецкихъ либераловъ. Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ мысль, что наши либералы въ настоящее время сдѣлались прислужниками Бисмарка. Можетъ быть, ни въ одной странѣ столь заслуженный человѣкъ, какъ Бисмаркъ, не нашелъ бы меньшаго поклоненія, чѣмъ въ Германіи. Въ каждую сессію рейхстага бываетъ до дюжины столкновеній съ нимъ, и онъ, въ большинствѣ случаевъ, долженъ уступать, какъ ни непріятно ему это.

Безконечно труднѣе вполнѣ умственная, ни разу не прерванная насильственнымъ актомъ работа,—это созданіе широкихъ основаній для свободной, конституціонной государственной жизни; прогрессъ въ этомъ отношеніи медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, у жителей которыхъ горячѣе кровь, но онъ тѣмъ основательнѣе, и относительно пріобрѣтенныхъ правъ и свободы едва ли можно бояться реакціи, такъ какъ они пріобрѣтены безъ всякаго внѣшняго побужденія отъ такого осторожнаго и по своимъ годамъ, опытности и образу мыслей консервативнаго государя, какъ императоръ Вильгельмъ.

Точно также иностранцы заблуждаются—я не говорю здѣсь о предвзятыхъ сужденіяхъ, какія встрѣчаются, напр., у французовъ, которые не хотятъ знать состоянія Германіи или даютъ преднамѣренно иска-

женныя свѣдѣнія о нихъ—когда придаютъ слишкомъ большое значеніе отдѣльнымъ явленіямъ. Я раздѣляю сожалѣніе о томъ, что не вездѣ можно читать „Frankfurter Zeitung", и вполнѣ понимаю это. Газета эта радикальная, и ея редакторъ и издатель Зоннеманъ, занимаясь между прочимъ биржевыми спекуляціями, пріобрѣлъ очень большое богатство, и вмѣстѣ съ тѣмъ *почти* соціальный демократъ. Въ рейхстагѣ, членомъ котораго онъ состоитъ, онъ обыкновенно вотируетъ за-одно съ соціальными демократами. Но тотъ же самый Зоннеманъ во время трудныхъ преній по поводу закона объ имперскомъ банкѣ, въ которыхъ онъ принималъ самое живое участіе, какъ знатокъ этого дѣла, обратилъ на себя большое вниманіе какъ рейхстага, такъ и правительства, такъ что банковый законъ во многомъ носитъ на себѣ слѣды его дѣятельности. Я не знаю, есть ли у васъ пословица: нельзя ѣсть кушанья, пока оно кипитъ. Она можетъ быть цѣликомъ отнесена къ преніямъ въ свободной странѣ. Обыкновенно, разногласія выходятъ очень рѣзкими и явными, а то, въ чемъ всѣ согласны, проходится молчаніемъ. Напримѣръ: князь Бисмаркъ далъ недавно парламентскій обѣдъ, на который, какъ это бываетъ на всѣхъ его празднествахъ, приглашены были нѣкоторые представители прогрессивной партіи. Между ними находился одинъ простой человѣкъ, владѣлецъ помѣстья въ Силезіи, г. Альнахъ, который съ 1849 года былъ представителемъ во всѣхъ парламентскихъ собраніяхъ. Бисмаркъ представилъ его, какъ своего старѣйшаго сотоварища по парламенту, сказавши: прежде мы боролись другъ противъ друга, теперь боремся за-одно. Я еще живо помню, что въ 1863 году при изданіи закона, по которому государство тогдашній судебный порядокъ относительно преступленій въ печати замѣнило французскою системою предостереженій, то г. Альнахъ протестовалъ противъ этого въ „Schlesische Zeitung", вслѣдствіе чего эта уважаемая и уже полтора столѣтія издававшаяся газета получила второе предостереженіе, послѣ котораго она тотчасъ же могла быть закрыта. Такъ измѣнилось время! Наиболѣе сильная перемѣна есть совершенный разгромъ староконсервативной партіи, которая была господствующею въ періодъ борьбы отъ 1849 до 1858 года. Эта партія представляла просто собраніе допотопныхъ ископаемыхъ, тогда какъ теперешняя консервативная партія по необходимости признаетъ прогрессъ, и при всѣхъ реформаціонныхъ работахъ держится въ области законодательства".

Что касается дальнѣйшаго развитія церковно-политической борьбы, то можно полагать, что правительство едва ли будетъ вносить какія новыя предложенія въ эту парламентскую сессію. Теперешніе законы въ дѣйствіи, и нужно подождать результатовъ, какіе они принесутъ. Напротивъ, все указываетъ на то, что правительство съ

напряженнымъ вниманіемъ ожидаетъ того момента, когда теперешній папа умретъ, и должно будетъ выбрать новаго. По всему можно заключить, что папа принялъ мѣры для того, чтобы измѣнить существующій до сихъ поръ выборъ папы; онъ возвелъ множество лицъ въ кардиналы, изъ которыхъ пятеро сдѣлаются извѣстными только послѣ его смерти; между извѣстными въ настоящее время находится отрѣшенный и заключенный въ тюрьму архіепископъ графъ Ледоховскій (возведеніе котораго въ кардиналы было особенно сильнымъ вызовомъ прусскому правительству), и его можно считать итогомъ всѣхъ остальныхъ.

Князь Бисмаркъ при прежнихъ обстоятельствахъ много разъ выражался, что германское правительство не намѣрено вмѣшиваться въ выборъ папы, но что оно посмотритъ, свершится ли оно законно. Для непризнанія выборовъ достаточно уже измѣненія въ ихъ формѣ. Съ того времени, какъ это было сказано, несогласіе между Римомъ и Германіей настолько усилилось, что германское правительство можетъ быть пойдетъ и далѣе, и не признáетъ такого папу, который будетъ имѣть о границахъ своей власти такія же понятія, какъ Пій IX. Во всякомъ случаѣ столкновеніе, которое произойдетъ тогда, получитъ международное значеніе. Французскія газеты обсуждаютъ этотъ случай уже теперь, и наиболѣе горячіе требуютъ, чтобы Франція поддержала папу, тогда какъ умѣренные думаютъ, что Франція не въ состояніи будетъ сдѣлать этого. При такихъ условіяхъ отношенія между Германіей и Италіей получаютъ особенно важное значеніе. Я не настолько знакóмъ съ этимъ, чтобы сказать, справедливы ли извѣстія о переговорахъ съ Италіей относительно гарантіи независимости папы (полагаютъ, что итальянское правительство гарантируетъ независимость папы, а германское правительство требуетъ, чтобы гарантія дана была подъ условіемъ, чтобы папа не предпринималъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ другихъ государствъ); намѣреніе императора Вильгельма предпринять путешествіе въ Италію, чтобы отдать визитъ королю Виктору-Эммануилу, бывшему въ Берлинѣ два года тому назадъ, повидимому, рѣшено въ положительномъ смыслѣ, хотя глубокая старость императора дѣлаетъ мало вѣроятною возможность такого далекаго путешествія. Хотя въ настоящее время въ Европѣ повсюду господствуютъ дружественныя отношенія, но если принять во вниманіе, на чемъ основываются эти дружественныя отношенія восточныхъ государствъ, то нужно признать, что добрыя отношенія между Италіей и Германіей—растеніе очень нѣжное, требующее заботливаго ухода. Я, конечно, не имѣю въ виду той связи, которая основывается на опредѣленныхъ интересахъ и обусловливается извѣстной цѣлью, и легко можетъ быть ра-

зорвана, но такую, которая основана на постоянныхъ взаимныхъ интересахъ двухъ народовъ. Извѣстно, какія препятствія могутъ мѣшать Италіи доброжелательно смотрѣть на Германію. Многія столѣтія Италія была предметомъ германскаго властолюбія при прежней германской имперіи. Въ новѣйшее время господство Австріи, которая также принадлежала къ германскому союзу, тяжело отзывалось на Италіи. Еще въ 1859 году, во время первой итальянской войны, а въ 1860 году во время присоединенія Неаполя и т. д. замѣтно было недружелюбное отношеніе Италіи къ Пруссіи. Только князь Бисмаркъ понялъ истинное положеніе дѣла, и только съ 1866 года проявилось обоюдное вниманіе и уваженіе не со стороны однихъ государственныхъ людей. Италія съ тѣхъ поръ, какъ она достигла національной независимости и единства, представляетъ выдающійся факторъ въ комбинаціяхъ европейской политики уже по своему географическому положенію между Германіей, Франціей и Австріей, и это значеніе гораздо болѣе усилится, когда она преодолѣетъ всѣ внутреннія затрудненія вслѣдствіе своихъ переворотовъ, и достигнетъ надлежащаго устройства.

Сравнительно съ церковною борьбою почти всѣ другіе вопросы отошли на задній планъ. Теперь нельзя и думать, чтобы въ эту же сессію прошелъ законъ о провинціяхъ (Provinzialordnung), такъ какъ хотя коммиссія окончила свою работу вполнѣ, такъ что пренія въ общемъ собраніи могутъ начаться тотчасъ же по открытіи засѣданій, но обсужденія его будутъ очень продолжительны; такъ какъ, кромѣ того, этотъ закона перейдетъ въ палату господъ послѣ того, какъ онъ вполнѣ будетъ обсужденъ въ палатѣ депутатовъ, то онъ окончательно можетъ пройти только осенью. Вообще, многіе не совсѣмъ довольны тѣмъ, что въ послѣдніе годы издано слишкомъ много новыхъ законовъ, и нѣкоторое затишье въ этомъ отношеніи очень желательно.

Всѣ умы давно уже заняты продолжающимся неблагопріятнымъ хозяйственнымъ положеніемъ Германіи, и въ особенности потерею цѣнности желѣзныхъ дорогъ. До кризиса во всякомъ случаѣ еще очень далеко, чтобы положеніе можно было признать опаснымъ для промышленности, и въ дѣлахъ нигдѣ довѣріе не уменьшается. Можно вообще принять, что во время головокруженія сдѣлано было много ошибокъ противъ здравой хозяйственной политики, но все-таки нельзя не признать, что существенною причиною этого положенія слѣдуетъ признать недостатокъ мужества и энергіи. Въ *этомъ* отношеніи слѣдуетъ отдать преимущество французамъ, что они безконечно бо́льшія затрудненія перенесли и преодолѣли съ необыкновенною эластичностью, и конечно нѣмцы должны чувствовать стыдъ при

этомъ, хотя, какъ всегда, порицанія обращаются не къ самимъ себѣ, а къ правительству. Министры рѣшительно и побѣдоносно опровергаютъ эти порицанія, если они дѣлаются въ парламентѣ. Именно, Кампгаузенъ чрезвычайно удачно высказался по поводу торговаго баланса, который въ настоящее время неблагопріятенъ для Германіи, что онъ видитъ единственное средство поправить его, — это болѣе сберегать и работать. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другого вѣрнаго средства предотвратить потерю народнаго богатства, какъ трудъ и бережливость. Относительно послѣдней Германію обвинять нельзя, но относительно перваго можно, и всѣ согласны въ томъ, что уменьшеніе труда обусловливается не однимъ возвышеніемъ заработной платы (хотя и оно оказываетъ свое дѣйствіе въ международной конкурренціи), но въ ослабленіи интензивности труда, т.-е. рабочіе стали не только дороже, но они и работаютъ и меньше, и хуже. Это дѣйствительно печальное положеніе, и необходимо отыскать средства помочь ему. Въ самой организаціи общества лежитъ невозможность отдѣльнымъ лицамъ возвыситься надъ своею средою и стать въ положеніе хозяевъ. Поэтому, лица выдающіяся берутъ на себя роль руководителей, но они прикованы къ своимъ товарищамъ, оставить которыхъ считается за измѣну. Поэтому, сословіе мелкихъ ремесленниковъ по необходимости уменьшается (на что́ жалуются уже давно), и поэтому вражда между крупными хозяевами и рабочими дѣлается все ожесточеннѣе. Странно, что несмотря на финансовый кризисъ и несмотря на общее мнѣніе объ упадкѣ торговли, спросъ на рабочихъ все-таки остается болѣе предложенія, и рабочая плата совсѣмъ не такъ низка, какъ утверждаютъ теоретики.

Какъ въ финансовой области послѣдняя война съ ея мильярдами контрибуціи не соотвѣтствовала ожиданіямъ, но вызвала скорѣе горькія разочарованія, такъ точно и другое предсказаніе относительно возвышенія литературы не оправдалось. Обыкновенно, считается непреложнымъ положеніе, что за большой войной должно слѣдовать сильное умственное возбужденіе народа; но какъ же можно объяснить себѣ, какъ послѣ столь геройскихъ подвиговъ нѣтъ Гомеровъ, которые воспѣли бы ихъ, нѣтъ великихъ драматурговъ и блестящихъ историковъ. Ничего подобнаго! Нѣсколько блестящихъ, или по крайней мѣрѣ талантливыхъ историковъ было въ Германіи еще до начала великой воинственной эры, и они дѣйствуютъ попрежнему, но новыхъ талантовъ на этомъ поприщѣ не является. Во всѣхъ другихъ областяхъ литературы совершенная бѣдность, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, еслибы долженъ былъ по-прежнему дать вамъ краткую литературную хронику. Фактъ этотъ можно объяснить себѣ. Нація еще не чувствуетъ спокойствія, и всѣ ея силы направлены на службу государства (на поприщѣ чиновниковъ

въ парламентѣ), а кромѣ того, самое время отличается общимъ стремленіемъ къ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Каждый стремится упрочить сперва свое матеріальное положеніе, прежде чѣмъ пуститься въ ту область, гдѣ выводы весьма проблематичны.

Только въ одномъ отношеніи замѣтенъ успѣхъ послѣ войны, это въ искусствѣ, и въ особенности выиграла архитектура Берлина. Въ прежнее время улицы были похожи на длинныя казармы и одинъ домъ былъ такъ похожъ на другой, что можно было смѣшать одинъ съ другимъ. Со времени войны начали появляться, напротивъ, большія красивыя постройки, которыя придаютъ городу совсѣмъ иную физіономію. Въ нихъ, конечно, нѣтъ опредѣленнаго и оригинальнаго стиля, но уже употребляемый на элегантныя постройки матеріалъ, песчаникъ, гораздо красивѣе кирпича. Одно искусство вліяетъ на другое, и если Берлинъ становится красивымъ городомъ, то можно надѣяться и на то, что искусство мало по-малу распространится повсюду. Предварительное необходимое условіе для этого состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы городъ сдѣлался богаче, такъ какъ до сихъ поръ онъ далеко отставалъ въ этомъ отношеніи отъ большихъ городовъ Европы—Парижа, Лондона, Вѣны или Петербурга.

Искусство въ сильной степени поощряется кронпринцессою, которая сама опытный художникъ, и съ удовольствіемъ видитъ близъ себя художниковъ. Во время этого карнавала она представила новое доказательство своего художественнаго вкуса, устроивши съ помощію лучшихъ берлинскихъ художниковъ, во главѣ которыхъ въ качествѣ главнаго руководителя былъ Гейденъ, большой костюмированный праздникъ въ своемъ дворцѣ, причемъ всѣ костюмы съ пунктуальною точностью были приготовлены по средневѣковымъ итальянскимъ и нѣмецкимъ образцамъ. Главное на этомъ праздникѣ — была процессія—торжество искусства. Праздникъ восхваляется всѣми участвующими въ немъ, какъ нѣчто небывалое. Императоръ былъ такъ восхищенъ, что пожелалъ повторить процессію на другой день въ своемъ дворцѣ во время бала. На балѣ участвовали, само собою разумѣется, всѣ представители и представительницы красоты, и только присутствіе художниковъ обусловливалось единственно ихъ искусствомъ. Вообще, предпочтеніе художникамъ составляетъ характеристическую черту теперешней жизни двора. На вечерахъ у императрицы по четвергамъ бываютъ Адольфъ Менцель, Бертольдъ Ауэрбахъ и другіе корифеи литературы и искусства. Точно также ихъ принимаютъ и въ другіе салоны, и Адольфъ Менцель недавно превосходно изобразилъ салонъ г-жи Тлейпицъ (супруги министра двора), со всѣми его посѣтителями.

К.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

по поводу спиритизма *)

М. Г. „Есть много на свѣтѣ вещей, другъ Горацiо, которыя во снѣ не снились нашимъ мудрецамъ!". Эти общеизвѣстныя слова Шекспира были публично высказаны непремѣннымъ секретаремъ академiи наукъ, К. С. Веселовскимъ, по поводу открытiя мною педогенезиса у насѣкомыхъ, открытiя, которому ученый мiръ долгое время не хотѣлъ вѣрить. Теперь мнѣ приходится самому повторить эти слова по поводу фактовъ, о которыхъ я желаю разсказать вамъ и которымъ, надѣюсь, также не повѣритъ ни ученый мiръ, ни наша скептическая публика. Тѣмъ не менѣе я рѣшился на ихъ сообщенiе, заранѣе извиняясь передъ вами за длинноту моего письма, и убѣдительнѣйше прося васъ помѣстить его на страницахъ вашего журнала.

Четыре года тому назадъ, по возвращенiи моемъ изъ-заграницы, я былъ немало удивленъ, услыхавъ, что другъ мой, профессоръ Бутлеровъ, человѣкъ, котораго я знаю болѣе 20 лѣтъ и мнѣнiямъ котораго я привыкъ вѣрить и дорожить ими, совершенно увлеченъ спиритическими воззрѣнiями. Толкуя съ нимъ нѣсколько разъ о спиритизмѣ, я вѣрилъ и не вѣрилъ въ существованiе тѣхъ явленiй, о которыхъ онъ заявлялъ, какъ очевидецъ, тѣмъ болѣе, что не задолго передъ этимъ опытъ съ спиритическими явленiями, произведенный въ стѣнахъ университета, въ присутствiи Юма, потерпѣлъ полнѣйшее фiаско. Кромѣ того, мнѣнiе нашихъ журналовъ и заграничной прессы было далеко не въ пользу Юма. Понятно послѣ этого, что я съ крайней недовѣрчивостью и даже неохотой воспользовался приглашенiемъ Бутлерова посѣтить сеансы Юма, который жилъ въ его квартирѣ. Въ одинъ вечеръ я, вмѣстѣ съ двумя моими добрыми знакомыми, явился на приглашенiе. Юмъ былъ боленъ, и я предложилъ

*) Имя автора и избранный имъ предметъ, обратившiй на себя въ послѣднее время, такъ или иначе, вниманiе въ обществѣ, и не въ одномъ нашемъ обществѣ, побуждаютъ насъ исполнить выраженное почтеннымъ профессоромъ зоологiи здѣшняго университета Н. П. Вагнеромъ желанiе сообщить нашимъ читателямъ его обращенiе къ намъ.—М. С.

сдѣлать опытъ безъ его участія,—на чтó Бутлеровъ и присутствующіе согласились. Я самъ выбралъ столъ, который ни разу не былъ употребляемъ въ спиритическихъ сеансахъ, небольшой, но довольно тяжелый круглый столъ на четырехъ прямыхъ ножкахъ. Мы сѣли впятеромъ: я, двое моихъ знакомыхъ, также ни разу не видавшихъ спиритическихъ явленій, Бутлеровъ и одна, также моя давнишняя знакомая, весьма почтенная дама, крайне боявшаяся этихъ явленій, какъ несомнѣнной чертовщины. Мы сидѣли и разговаривали, положивъ руки на столъ, минутъ двадцать; столъ не двигался. Вдругъ дверь отворяется и входитъ Юмъ, до половины закутанный плэдомъ.

— А! вотъ вы чѣмъ занимаетесь?! Позвольте и мнѣ присѣсть...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. говоримъ мы.—Васъ-то намъ и не надо!...

— Позвольте, я только на одну минутку, tout un petit moment!...—И онъ садится подлѣ меня.

Не прошло пяти минутъ, какъ столъ началъ двигаться ко мнѣ.

— Это вы двигаете?—говорю я сидѣвшей противъ меня дамѣ.

— Положите,—говоритъ Юмъ,—всѣ руки ладонями кверху; — и самъ дѣлаетъ тоже.

Столъ продолжаетъ двигаться.

— А ноги ваши гдѣ?—спрашиваю я Юма.

— Вотъ мои ноги!—И онъ кладетъ обѣ свои ноги, закутанныя пледомъ, на мои и смотритъ на меня въ упоръ. Столъ продолжаетъ двигаться все въ томъ же направленіи, и притискиваетъ меня къ стулу.

Таково было мое первое знакомство съ спиритическими явленіями. Результатъ опыта былъ рѣзокъ, поразителенъ. Я былъ въ положеніи человѣка, передъ глазами котораго свершилось нѣчто необыкновенное, въ чемъ онъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета.

Столъ двигался, это несомнѣнно, — двигался безъ участія кого-либо изъ присутствующихъ, потому что эти присутствующіе не могли, не имѣли ни цѣли, ни выгоды меня мистифицировать. Исключеніе составлялъ только одинъ Юмъ. Но его руки и ноги были подъ контролемъ моихъ глазъ.

Съ одной стороны, я дѣлалъ различныя предположенія, ставилъ одну теорію за другой, чтобы объяснить видѣнное. Но тамъ, гдѣ нѣтъ данныхъ для этой постановки, тамъ поле для теорій не имѣетъ границъ.

Съ другой стороны, мнѣ невольно представлялся вопросъ: ну, а если все это фокусничество, ловкое престидижитаторство, искусство, доведенное до тонкости, неуловимой для нашего глаза? Признаюсь, это предположеніе мнѣ казалось наиболѣе вѣроятнымъ. Я даже не могъ совершенно отрѣшиться отъ него. Я припоминалъ различные

слухи и журнальные толки о спиритическихъ сеансахъ. Для меня становилась подозрительна эта постоянная, казалось мнѣ, игра однихъ и тѣхъ же условій, постоянное верченье столовъ, явленіе стуковъ и рукъ. Не найдено ли было такъ-называемыми „медіумами" какого-нибудь средства или способа постоянно мистифицировать и эксплуатировать публику, довѣрчивую и склонную къ мистицизму? Но въ то же время допускать фокусничество въ данномъ случаѣ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходили спиритическія явленія въ присутствіи Юма, мнѣ казалось дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ.

Юмъ, родственникъ по женѣ профессору Бутлерову, жилъ въ его квартирѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, Бутлеровъ и его домашніе имѣли случай наблюдать за нимъ постоянно въ теченіи довольно долгаго періода времени. Невозможно, чтобы кто-либо въ это время не подмѣтилъ какихъ-либо подготовленій; а тѣ явленія, которыя происходили въ его сеансахъ, требовали не одного ловкаго престидижитаторства, а махинацій болѣе или менѣе сложныхъ и, слѣдовательно, весьма затруднительныхъ для выполненія.

Изъ личнаго моего знакомства съ Юмомъ и разсказовъ Бутлерова я узналъ о немъ слѣдующее. Юмъ прежде всего человѣкъ болѣзненно-нервный, способный впадать въ сомнамбулическое состояніе, человѣкъ, подверженный почти постоянно разнымъ припадкамъ, о которыхъ наши медицинскія познанія слишкомъ недостаточны и темны. Во время его пребыванія здѣсь, въ Петербургѣ, я имѣлъ случай присутствовать на двухъ его спиритическихъ сеансахъ. Въ одномъ изъ этихъ сеансовъ ровно ничего не произошло. Были легкія, незначительныя движенія стола, слабые, едва уловимые, неопредѣленные стуки. Мы сидѣли около полутора часа вокругъ ломбернаго стола, и разошлись весьма недовольные этой неудачей. А между тѣмъ на эффектъ этого сеанса Юмъ очевидно разсчитывалъ. Сеансъ былъ заранѣе указанъ и обставленъ мистическими подготовленіями. Во время его одна дама постоянно играла въ сосѣдней комнатѣ разныя шотландскія мелодіи. Этотъ сеансъ мнѣ ясно показалъ, что Юмъ не можетъ управлять или располагать спиритическими явленіями, что они находятся внѣ его воли.

Другой сеансъ былъ довольно удаченъ; онъ точно такъ же, какъ и первый, происходилъ за ломбернымъ столомъ, раскинутымъ и покрытымъ тонкой шерстяной салфеткой. На столѣ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, лежалъ колокольчикъ и гармоника. За столомъ, кромѣ Юма и меня, сидѣло пять человѣкъ, изъ которыхъ трое были мои хорошіе знакомые или товарищи. Одинъ изъ незнакомыхъ, сидѣвшій по лѣвую руку Юма, былъ старый генералъ, давно уже занимающійся

спиритизмомъ. Я сидѣлъ по правую сторону Юма. Минутъ черезъ десять-пятнадцать послѣ начала сеанса, начались легкія движенія, дрожанія стола и стуки. Столъ слегка наклонялся то на ту, то на другую сторону, и это движеніе, очевидно, не было произведено Юмомъ. Его руки свободно лежали на столѣ; онъ часто снималъ ихъ, складывалъ ладонями вмѣстѣ, и очевидно, не обращалъ на нихъ, занятый разговоромъ, никакого вниманія. Раза два кресло его вмѣстѣ съ нимъ отодвигалось отъ стола, онъ преспокойно придвигалъ его снова, говоря: „меня оттолкнули!"—Чѣмъ дольше мы сидѣли, тѣмъ сильнѣе становились явленія, причемъ въ нихъ замѣчалась очевидная періодичность. Они какъ-бы наплывали волнами, дорастали до очевиднаго максимума, послѣ котораго наступало полное затишье. Стуки, сперва едва уловимые, которые были слышны только Юму и людямъ, привыкшимъ къ нимъ, сдѣлались вполнѣ явственны. Стуки глухіе, какъ-бы подъ сурдинкой, но происходившіе безъ сомнѣнія въ опредѣленныхъ мѣстахъ — въ столѣ, въ стѣнахъ, въ полу, подъ нашими ногами. Одинъ разъ, когда столъ очень сильно и послѣдовательно наклонялся на всѣ четыре стороны, каждый наклонъ его сопровождался очень сильнымъ рѣзкимъ стукомъ, какъ будто внутри стола, въ самую его середину, кто-то ударялъ со всего размаха кулакомъ. При этихъ стукахъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ послѣдовательно, одинъ изъ присутствовавшихъ, постоянно занимавшійся спиритизмомъ, спросилъ, нужна ли будетъ азбука; вслѣдъ за этимъ вопросомъ раздались три удара, и присутствовавшій началъ отчетливо и мѣрно произносить французскій алфавитъ. Съ нѣкоторыми буквами совпадали стуки въ столѣ и принимались за указанія на эти буквы. Но никакого слова изъ этихъ буквъ не составилось. Признаюсь, этотъ процессъ стологоворенія на меня произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе. Я уже прежде слышалъ объ этихъ таинственныхъ и ребяческихъ сообщеніяхъ съ духами, и мнѣ непріятно было сознавать, что я самъ теперь принимаю до нѣкоторой степени участіе въ этомъ суевѣрномъ пріемѣ. Я очень былъ радъ, что этотъ пріемъ оказался неудачнымъ, но въ то же время думалъ, что онъ могъ удасться, и что очень легко могло, вслѣдствіе случайныхъ совпаденій, образоваться изъ указанныхъ буквъ слово къ крайнему удовольствію присутствовавшихъ спиритовъ.

Вскорѣ послѣ этого неудачнаго стологоворенія, салфетка на столѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Юмъ, начала натягиваться, какъ будто кто-нибудь тащилъ ее внизъ. Вслѣдъ затѣмъ около лѣвой руки Юма, ближе ко мнѣ, появилось небольшое возвышеніе или бугорокъ, который двигался и переходилъ съ одного мѣста на другое. Я быстро положилъ на него свою руку, и бугорокъ исчезъ. Вскорѣ онъ снова

появился, почти на томъ же мѣстѣ, ближе ко мнѣ, причемъ форма его яснѣе опредѣлилась. Онъ напоминалъ сложенный кулакъ или горсть руки. Я снова быстро прижалъ его рукой, и онъ опять мгновенно исчезъ. Юмъ взялъ со стола гармонику, опустилъ ее внизъ клавитурою, держа на вѣсу въ уровнѣ со столомъ въ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ генералъ. Гармоника начала дѣлать сильные размахи, качаясь свободнымъ концомъ то въ ту, то въ другую сторону. Черезъ нѣсколько минутъ Юмъ отнялъ свою руку, гармоника держалась на воздухѣ.

— Monsieur le général!—обратился онъ къ генералу—посмотрите пожалуйста, внизу ее кто-то держитъ.

Генералъ нагнулся и провелъ рукою между поломъ и гармоникою.

— Никого нѣтъ!—сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она упала. Юмъ поднялъ ее. Доска съ клавитурою оказалась отклеенною.

— А! вотъ почему она не могла играть!—догадался онъ.

Но почему же она могла держаться въ воздухѣ, и притомъ съ отклеенной доской?

Изъ всѣхъ видѣнныхъ явленій я вынесъ одно ясное, неопровержимое убѣжденіе: движеніе стола и стуки дѣйствительно существуютъ. Это суть явленія чисто-реальныя, объективныя, вѣроятно принадлежащія съ одной стороны къ области физики, а съ другой—къ явленіямъ психическимъ. Но далѣе слѣдуетъ, казалось мнѣ, другая сторона этихъ явленій. При особенномъ настроеніи всѣхъ присутствующихъ и въ особенности медіума, который представляетъ нѣчто въ родѣ камертона въ засѣдающемъ кружкѣ,—эти явленія переходятъ незамѣтно въ субъективныя, въ область галлюцинацій, паники, психіатріи. Вотъ почему въ этихъ явленіяхъ сильно играетъ мистическій элементъ и тѣ странныя толкованія, которыя приписываютъ имъ спириты. Нѣсколько разъ во время послѣдняго засѣданія Юмъ спрашивалъ присутствующихъ: не видятъ ли они что-то бѣлое, чтó стоитъ впереди его передъ столомъ? Но этотъ предметъ былъ видѣнъ только для Юма, или, лучше сказать, онъ существовалъ только въ его воображеніи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что еслибы особенное, загадочное нервное настроеніе, которое можетъ эпидемически распространяться, охватило насъ, то и мы стали бы участниками этой галлюцинаціи, и мы точно также увидали бы это нѣчто бѣлое, которое при дальнѣйшемъ развитіи болѣзненнаго настроенія могло бы принять форму человѣческой фигуры. Точно также могли показаться объективными тѣ кажущіяся прикосновенія, которыя ощущали нѣкоторые изъ присутствующихъ. Я самъ чувствовалъ, какъ что-то касалось моего колѣна, но ощущеніе было такъ слабо, такъ неопредѣ-

ленно, что я нисколько не затруднился принять его за чисто субъективное. Мнѣ казалось, что рядъ спиритическихъ явленій начинается всегда съ объективныхъ, совершенно реальныхъ, выраженныхъ болѣе или менѣе опредѣленно стуками и движеніями стола. Затѣмъ, когда присутствующіе, съ одной стороны утомятся долгимъ сидѣньемъ, а съ другой—нервная система ихъ начнетъ приходить въ особенное возбужденное состояніе, въ это время начинается рядъ тѣхъ обманчивыхъ явленій, которыя всѣ спириты признаютъ за дѣйствительныя.

Но какія же причины вызываютъ реальныя спиритическія явленія? Этотъ вопросъ остался для меня и остается до сихъ поръ совершенно темнымъ. Я весьма желалъ бы изслѣдовать ихъ, но для этого у меня не было средствъ. Для этой цѣли, какъ я убѣдился, необходимо присутствіе медіума, т.-е. лица, котораго нервная система вѣроятно имѣетъ весьма тонкое, но тѣмъ не менѣе достаточно сильное отличіе отъ нервной системы обыкновенныхъ людей и можетъ вызывать всѣ эти явленія, которыя, мнѣ кажется, можно назвать психодинамическими. Я сильно нападалъ на Бутлерова и А. Н. Аксакова, который принималъ почти постоянное участіе въ спиритическихъ сеансахъ Юма, нападалъ за то, что они не ведутъ дѣло чисто-научнымъ путемъ и не превратятъ свои сеансы въ рядъ психо-физическихъ опытовъ и изслѣдованій. Въ отвѣтъ на эти нападки я постоянно получалъ отговорки, что всѣ эти явленія чрезвычайно капризны, измѣнчивы, что они трудно подчиняются условіямъ опыта и необходимы цѣлые годы для того, чтобы получить здѣсь что-либо опредѣленное. И въ доказательство этому приводилось изслѣдованіе надъ этимъ предметомъ извѣстнаго англійскаго химика Крукса. Я прочелъ объ этихъ изслѣдованіяхъ въ небольшой брошюркѣ, изданной г. Аксаковымъ для русской публики [1]).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года я снова былъ приглашенъ г. г. Аксаковымъ и Бутлеровымъ участвовать въ спиритическихъ сеансахъ, которые обусловливались другимъ медіумомъ, г. Бредифомъ. Я принялъ приглашеніе, и въ свою очередь пригласилъ одного моего добраго пріятеля, физіолога, доктора А. Въ кружкѣ нашемъ пожелала принять также участіе жена г. Аксакова, и такимъ образомъ онъ составился изъ шести постоянныхъ участниковъ. Кромѣ того, въ эти сеансы были приглашаемъ одинъ изъ моихъ товарищей, натуралистовъ, одинъ молодой, но извѣстный намъ зоологъ, и одинъ также молодой химикъ, ученикъ Бутлерова.

Камиллъ Бредифъ принадлежитъ къ числу профессіональныхъ медіумовъ, т.-е. такихъ, которые являются въ сеансы по найму. Фран-

---

[1]) „Спиритуализмъ и наука", 1872, 120 стр.

цузъ изъ Парижа, торговецъ фарфоромъ, пожелавшій, съ выгодой для собственнаго кармана, воспользоваться тѣми медіумическими способностями, которыми природа довольно щедро снабдила его организацію, молодой человѣкъ, небольшого роста, съ довольно благообразной, добродушной, хотя нѣсколько тривіальной физіономіей, и живыми черными глазами. Понятно, что личность подобнаго рода внушала очень мало довѣрія, и необходимо было почти постоянно контролировать его руки и ноги, для того, чтобы убѣдиться, что явленія, происходившія въ этихъ сеансахъ, совершались безъ участія этихъ рукъ и ногъ. Я буду говорить здѣсь только о явленіяхъ, которыя происходили въ то время, когда руки медіума были подъ руками или въ рукахъ его сосѣдей, и на его ногахъ также стояли ноги лицъ рядомъ съ нимъ сидѣвшихъ. Притомъ въ реальности и неподдѣльности совершавшихся явленій я убѣдился неоднократнымъ повтореніемъ ихъ при различныхъ условіяхъ. Такъ, напр., движенія стола, хотя очень слабыя, совершались въ томъ случаѣ, когда руки и ноги присутствующихъ не касались его.

Всѣхъ сеансовъ было десять, и всѣ они происходили въ квартирѣ г. Аксакова, за различными столами. Всего чаще употреблялся столъ небольшой, квадратный, на четырехъ прямыхъ ножкахъ безъ перекладинъ. Освѣщеніе обыкновенно состояло изъ одной стеариновой свѣчи, но такъ какъ спиритическія или, правильнѣе, медіумическія явленія при слабыхъ медіумахъ удобнѣе совершаются въ темнотѣ, то иногда мы заслоняли свѣчу ширмочкой, или гасили ее, причемъ руки и ноги медіума находились въ рукахъ и подъ ногами сосѣдей. Съ правой стороны его обыкновенно сидѣлъ я.

Пять-десять минутъ спустя послѣ начала сеанса, начинались явленія. Сила ихъ, интензивность зависѣли отъ различныхъ, въ большинствѣ случаевъ неопредѣлимыхъ причинъ. Такъ, присутствіе лицъ внѣ кружка обыкновенно вредило имъ, но всего болѣе мѣшало этимъ явленіямъ присутствіе такихъ лицъ, которыхъ организація представляетъ какую-то удивительную неспособность къ восприниманію и участію въ этихъ явленіяхъ. Свойства индивидуальности здѣсь, очевидно, играютъ значительную роль, и это всего болѣе доказывается существованіемъ медіумовъ. Ниже я буду имѣть случай говорить объ этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе.

Движенія стола можно раздѣлить на дрожанія, перемѣщенія или приближенія его къ одному изъ присутствующихъ, качанья, наклоны, выстукиванья и поднятія. Дрожанія или сотрясенія стола всего чаще являются при началѣ сеанса. Иногда они бываютъ такъ сильны, что пламя свѣчи, стоящей на столѣ, также дрожитъ. Я не придаю особеннаго значенія этимъ движеніямъ, такъ какъ они легко могутъ

быть произведены искусственно быстрыми сокращеніями двуголовыхъ мышцъ рукъ. Вообще, я долженъ сказать, что за неподдѣльность всѣхъ описываемыхъ движеній я не могъ бы ручаться, еслибы не убѣдился въ томъ посредствомъ небольшого кружка́ лицъ мнѣ хорошо знакомыхъ, которыя всѣ пожелали убѣдиться въ дѣйствительности этихъ явленій. Наши маленькіе сеансы были безъ оффиціальнаго или признаннаго медіума, и медіумическія явленія безъ сомнѣнія были вызваны однимъ изъ присутствующихъ, на котораго выпала доля взять на себя физіологическую роль медіума.

Качанія и передвиженія стола—одно изъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ медіумическихъ явленій. Всего чаще онъ придвигается къ медіуму, какъ будто въ немъ присутствуетъ и развивается какая-то притягательная сила, которая сообщаетъ столу это движеніе. Но точно также онъ двигается безразлично во всѣ стороны. Эти движенія, и въ особенности качанія стола, почти всегда предшествуютъ какимъ-нибудь особеннымъ явленіямъ; такъ, напримѣръ, поднятію стола на всѣхъ четырехъ ножкахъ кверху. Этотъ послѣдній родъ движенія безспорно принадлежитъ къ самымъ страннымъ и убѣдительнымъ. Первоначально столъ начинаетъ сильно раскачиваться и наклоняться во всѣ стороны. Затѣмъ, онъ упираетъ только одной ножкой въ полъ и вдругъ плавно, ровно поднимается на воздухъ. Я припомню здѣсь, что руки присутствующихъ лежатъ всѣ *на* столѣ. Если всѣ другія движенія еще можно объяснить, разумѣется, гипотетически, безсознательнымъ сокращеніемъ мышцъ, которое передается то тому, то другому изъ присутствующихъ, то эти поднятія стола не подлежатъ такому объясненію. Столъ поднимается на вершокъ, на четверть, даже на полъ-аршина отъ полу, и тотчасъ мгновенно снова падаетъ. Но иногда онъ держится въ этомъ положеніи нѣсколько мгновеній, а одинъ разъ онъ висѣлъ въ воздухѣ въ продолженіи двѣнадцати секундъ. Два раза я былъ свидѣтелемъ, какъ столъ совершенно взлеталъ на воздухъ. Оба эти раза въ комнатѣ была или полная темнота, или освѣщеніе входило сквозь растворенную дверь изъ другой комнаты. При такомъ поднятіи всѣ присутствующіе, разумѣется, должны были встать съ своихъ мѣстъ. Въ первый разъ Бредифъ торопливо положилъ обѣ свои руки мнѣ на голову, крича: вотъ мои руки! — съ цѣлью убѣдить меня въ неподдѣльности этого движенія съ его стороны. Во второй разъ я быстро ощупалъ ножку, которая обращена была къ Бредифу; руки его на ней не было, а вѣсъ стола былъ таковъ, что поднять его, а тѣмъ болѣе держать на воздухѣ за одну ножку, хотя бы обѣими руками, было положительно невозможно. Вѣсъ стола равнялся девяти кило.

Не менѣе поразительное явленіе представляетъ измѣненіе тяжести стола, которое совершается по желанію присутствующихъ. Къ одной сторонѣ стола былъ прикрѣпленъ динамометръ, и вѣсъ этой стороны равнялся 7-ми кил6. Когда же тяжесть стола увеличивалась, то динамометръ показывалъ отъ 25-ти до 30-ти кил6. Для доказательства, что это увеличеніе тяжести не зависѣло отъ рукъ присутствующихъ, всѣ эти руки держались надъ столомъ, не касаясь его.

Самое убѣдительное доказательство неподдѣльности этихъ явленій представляетъ движеніе предметовъ, находящихся въ сторонѣ отъ стола, за которымъ происходятъ сеансы. Такъ, довольно большой столъ, который стоялъ позади меня и болѣе чѣмъ на полъ-аршина отъ столика, за которымъ мы сидѣли, вдругъ быстро двинулся къ намъ и ударилъ меня въ спину съ такой силой, что на спинкѣ моего стула остались знаки.

Интересны также тѣ стуки, которые почти всегда сопровождаютъ медіумическіе сеансы. Обыкновенно они находятся въ компенсаціи съ движеніями стола, такъ что одни замѣняютъ другія. Чѣмъ сильнѣе вообще медіумическія явленія, тѣмъ опредѣленнѣе и рѣзче эти стуки. Слабые медіумы не способны вызывать ихъ, и всегда они начинаются послѣ того, какъ движенія стола уже ясно опредѣлились. Интенсивность и характеръ этихъ стуковъ бываютъ чрезвычайно разнообразны. Въ одномъ случаѣ это глухіе, неопредѣленные удары чѣмъ-то мягкимъ, которые слышатся въ столѣ, въ стѣнахъ, шкафахъ, въ полу комнаты. Въ другомъ случаѣ это рѣзкіе, опредѣленные удары чѣмъ-то твердымъ, которые слышатся въ разныхъ точкахъ стола, но всегда на его нижней поверхности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти стуки напоминаютъ удары ногтей въ ножки стола или въ нижнюю поверхность столешницы. Самыя интересныя изъ этихъ явленій представляютъ звукоподражающіе шумы. Такъ, напримѣръ, если кто-либо изъ участвующихъ проводитъ по столу чѣмъ-либо твердымъ, бородкой ключа, или дѣлаетъ на немъ кругъ и ударяетъ въ центръ его, то тотчасъ же на нижней поверхности слышится точно такой же звукъ, но болѣе глухой.

Но самыя удивительныя медіумическія явленія представляютъ тѣ заранѣе условленные, осмысленные знаки, которыя составляютъ сущность стологоворенія. Для меня эта область явленій, какъ я выше замѣтилъ, была внѣ всякаго вѣроятія, и только рядомъ несомнѣнныхъ доказательствъ я пришелъ къ убѣжденію въ ея существованіи. Столъ представлялъ очевидно орудіе какой-то интеллектуальной силы, которая болѣе или менѣе опредѣлительно и вполнѣ осмысленно отвѣчала на наши вопросы или говорила съ нами. При этомъ, по предварительному соглашенію одинъ ударъ принимался за отрицаніе,

два за сомнѣніе, три за утвержденіе. Эти удары выражались или стуками, или ударами ножки стола въ полъ. Нерѣдко при этомъ столъ придвигался къ стулу, на которомъ сидѣлъ докторъ А., и ударялъ ножкой въ этотъ стулъ. Докторъ А. отодвигался отъ этого надоѣдливаго сосѣда, но столъ упорно преслѣдовалъ его и продолжалъ свое дѣло. Обыкновенно кто-либо изъ участвующихъ, по указанію стола, произносилъ азбуку русскую, французскую или нѣмецкую, и стуки отмѣчали тѣ буквы, которыя были необходимы. Нерѣдко процессъ этотъ, утомительный и скучный для произносящаго, замѣнялся просто печатной азбукой, на буквы которой указывалъ одинъ изъ насъ. Очень часто по нашему желанію столъ произносилъ цѣлыя длинныя фразы на выворотъ, или русскими буквами складывалъ французскія и итальянскія слова. Такимъ образомъ русскими буквами была сложена цѣлая фраза изъ Данте:

Nessun maggior dolore che ricordarsi dei tempi felici nella miseria...

Какъ образчикъ такого стологоворенія, я приведу разговоръ, полученный нами въ одномъ изъ первыхъ засѣданій. Столъ вытребовалъ французскую азбуку, которую произносилъ Бредифъ, и совершенно правильно сложилъ:

Licht! mehr Licht!

—къ крайнему удивленію всѣхъ насъ, которые очень хорошо знали, что Бредифъ ни слова не знаетъ по-нѣмецки. Мы приняли эту фразу буквально, и свѣчу, которая стояла въ сторонѣ, поставили прямо на столъ. Затѣмъ уже, послѣ сеанса, мы вспомнили, что эта фраза были послѣднія слова умирающаго Гёте.

— Göthe hergeben!—выговорилъ столъ.

— Требуются сочиненія Гёте?—спросилъ Бутлеровъ по-нѣмецки, и столъ отвѣчалъ утвердительно.

— Который томъ?

Столъ простучалъ три раза.

— Чтó это? Стихи или проза?

— Стихи.

— На которой страницѣ слѣдуетъ читать?

Столъ указалъ на 21-ю страницу.

— Сверху?

— Да.

— Къ кому относится это мѣсто?

Было выговорено имя доктора А., и затѣмъ по прочтеніи указанной строфы сложено:

— Du zollst der Wissenschaft mit Zeit und Geduld!

Изъ приведеннаго образчика можно ясно видѣть общій характеръ тѣхъ фразъ и разговоровъ, которые ведутся въ медіумическихъ сеансахъ. Въ этихъ разговорахъ постоянно встрѣчаешь таинственность, неопредѣленность и уклончивость въ отвѣтахъ. На прямой вопросъ никогда не получается отвѣта также прямого. Докторъ А. предложилъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыми полагалъ хотя нѣсколько уяснить сущность дѣла. Столъ или отказывался отвѣчать, или отвѣчалъ отрицательно и уклончиво. Правда, всѣ эти вопросы были предложены письменно. Но точно то же случается и съ словесными вопросами. Такъ, напримѣръ, на вопросъ, въ чемъ источникъ той силы, которая производитъ медіумическія явленія—полученъ отвѣтъ:

— Geist und Stoff!

И на предположеніе доктора А., что духъ здѣсь есть синонимъ силы—столъ отвѣчалъ:

— Kraft ist nicht immer Geist, Geist ist immer Kraft.

Нѣсколько разъ въ сложенныхъ фразахъ высказывалось ребячество или чистое сумасбродство. Эти бесѣды мнѣ удивительно напоминаютъ тѣ спутанные, безалаберные разговоры, которые часто ведутся во снѣ.

Позвольте остановиться здѣсь, чтобы поговорить вообще о медіумическихъ явленіяхъ, насколько этотъ предметъ мнѣ извѣстенъ.

Повторяю еще разъ, я глубоко убѣжденъ въ реальности этихъ явленій, и это убѣжденіе составилось исподволь, длиннымъ рядомъ самыхъ мелочныхъ доказательствъ, которыя я провѣрялъ и обдумывалъ со всѣхъ сторонъ. Если какое-нибудь явленіе оставляло во мнѣ сомнѣніе во время сеанса, я тщательно наблюдалъ его въ слѣдующій сеансъ и не ставилъ его въ несомнѣнныя, если подлинность его была для меня хотя немного подозрительна. Поэтому я не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ явленіяхъ, для безъискусственности которыхъ я не имѣю доказательствъ.

Всѣ эти явленія безспорно имѣютъ начало въ общихъ, физическихъ законахъ и подчиняются физическимъ законамъ. На нихъ, очевидно, вліяніе оказываютъ нѣкоторыя внѣшнія условія. Такъ, напримѣръ, сухость и холодъ воздуха мѣшаютъ имъ. Сила, которая производитъ эти явленія, безъ всякаго сомнѣнія сосредоточивается въ медіумахъ, т.-е. въ лицахъ, въ которыхъ дѣятельность нервной системы имѣетъ особый характеръ. Этими словами я вовсе не хочу сказать, чтобы эта дѣятельность отличалась качественно отъ дѣятельности другихъ нервныхъ людей. Нѣтъ! Мнѣ кажется, что всѣ эти люди болѣе или менѣе медіумичны, но медіумы представляютъ проявленіе этой дѣя-

тельности въ высшей степени. При нихъ, въ особенности при такихъ сильныхъ медіумахъ, какъ Юмъ, явленія могутъ совершаться безусловно, безъ спиритическихъ сеансовъ и столовъ. Но присутствіе этой дѣятельности подлежитъ очевиднымъ колебаніямъ. Вотъ причины, почему спиритическіе сеансы часто неудаются. Юмъ самъ говорилъ мнѣ, что медіумичность иногда совершенно оставляетъ его на нѣсколько мѣсяцевъ. Эта сила поддерживается и развивается въ присутствіи кружка во время спиритическихъ сеансовъ, — и лица, участвующія въ кружкѣ, приходятъ въ особенное настроеніе, согласное съ настроеніемъ медіума. Несомнѣнные факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что нервное настроеніе медіума сообщается присутствующимъ въ сеансѣ. Такъ, въ спиритической хроникѣ есть нѣсколько случаевъ, гдѣ лица немедіумичныя получили способность медіумичности, побывавъ въ спиритическихъ сеансахъ въ присутствіи сильнаго медіума. Очевидно, эта способность можетъ такъ же передаваться, какъ многія нервныя болѣзни. Я очень хорошо понимаю, что предлагаемое объясненіе съ физіологической точки зрѣнія вполнѣ несостоятельно. Но я не могу придумать другого, которое лучше бы обрисовывало существующіе факты. Я не могу допустить здѣсь только одно безсознательное движеніе мышцъ и объяснить имъ всѣ медіумическія явленія, какъ это пытался сдѣлать Фарадэ, лѣтъ 20 тому назадъ,—или принять странную теорію „безсознательной церебраціи", которую недавно предложилъ Карпентеръ, и которая ровно нѝчего не объясняетъ.

Одинаковому настроенію медіума съ кружкомъ лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, сильно помогаетъ музыка. Въ сеансахъ, въ которыхъ я присутствовалъ, почти всегда игралъ маленькій ящичекъ съ музыкой. Обыкновенно, медіумическія явленія усиливались подъ эту музыку и переставали вмѣстѣ съ ней, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ періодическихъ приливовъ и отливовъ, которымъ они вообще подвержены. Очень часто стуки идутъ въ тактъ съ играющей музыкой, а одинъ разъ я видѣлъ, какъ столъ буквально выпрыгивалъ подъ тактъ хивинскаго марша. Понятно, что всѣ условія, разстраивающія гармоническія отношенія кружка, вредятъ медіумическимъ явленіямъ. Споры, ажитація лицъ, въ немъ участвующихъ, громкій, оживленный разговоръ, посторонній стукъ или шумъ, быстрыя, рѣзкія, угловатыя движенія—все это мѣшаетъ этимъ явленіямъ или вовсе ихъ останавливаетъ. Здѣсь кроется одна изъ причинъ, почему спиритическіе сеансы устраиваются по вечерамъ, когда дневной шумъ и возня затихаютъ.

Расположеніе лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, имѣетъ огромное вліяніе на его успѣхъ, въ особенности, при началѣ сеанса, когда

явленіе только-что развивается. При этомъ, какъ я замѣтилъ, лица наиболѣе медіумичныя должны сидѣть другъ противъ друга, а затѣмъ должны чередоваться лица болѣе медіумичныя съ немедіумичными. Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, какъ явленія шли чрезвычайно вяло или вовсе не развивались при дурномъ размѣщеніи лицъ. Спириты въ этихъ случаяхъ обыкновенно прибѣгаютъ къ указаніямъ стола, но эти указанія въ началѣ сеанса бываютъ весьма сбивчивы и непонятны.

Почему столъ, этотъ странный посредникъ спиритическихъ сеансовъ, необходимъ для медіумическихъ явленій? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только гадательно, какъ и на все, касающееся спиритизма. Конечно, столъ не представляетъ непремѣннаго условія для медіумическихъ явленій. Онъ удобно и, полагаю, съ бо́льшей выгодой можетъ быть замѣненъ другимъ столообразнымъ аппаратомъ, на которомъ могли бы лежать руки участвующихъ въ сеансѣ. Вообще, въ этомъ отношеніи, сколько мнѣ извѣстно, было сдѣлано весьма мало опытовъ. Теплота, а очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ ней и электричество лицъ, сидящихъ за столомъ, концентрируются въ столешницѣ и за тѣмъ переходятъ въ движенія. Одновременно или нѣсколько позднѣе къ этимъ двумъ силамъ присоединяется психическая сила. Такъ я называю ту силу, которая составляется изъ всѣхъ силъ организма, соединенныхъ въ нѣчто общее, которое выражается индивидуальностью.

Медіумическія явленія приводятъ къ заключенію, что эта сила, подобно всѣмъ другимъ физическимъ силамъ, можетъ дѣйствовать на разстояніи, и что эффектъ ея не только отдѣляется отъ ея первоначальнаго источника, но даже можетъ, въ свою очередь, дѣйствовать, какъ нѣчто до нѣкоторой степени самостоятельное. Я объясню эти слова общедоступнымъ примѣромъ. Теплота выходитъ изъ какого-нибудь источника и переходитъ въ окружающія тѣла, которыя ее поглощаютъ. Затѣмъ, та же самая теплота можетъ уже дѣйствовать, въ свою очередь, въ этихъ тѣлахъ независимо отъ ея первоначальнаго источника. Я не вижу ничего невозможнаго допустить, что психическая сила, которая, вѣроятно, есть смѣсь или соединеніе различныхъ общихъ физическихъ силъ, можетъ выходить изъ человѣка, какъ изъ первоначальнаго источника и дѣйствовать до нѣкоторой степени на разстояніяхъ. До сихъ поръ не было примѣра подобныхъ явленій, и такое предположеніе или сопоставленіе общихъ физическихъ силъ съ психическими могло считаться чистымъ non sens. Но вотъ, открываются медіумическія явленія, и въ нихъ мы видимъ подтвержденіе такого тождества.

Я очень хорошо понимаю, что высказанное объясненіе *крайне*

неудовлетворительно, но я предлагаю его только какъ *попытку* перевести на физіологическій или психологическій языкъ видѣнныя мною явленія. На самомъ дѣлѣ они такъ своеобразны, такъ далеки отъ всѣхъ данныхъ, существующихъ въ наукѣ, что всякое толкованіе здѣсь является слишкомъ *преждевременной* и *туманной гипотезой*. Одно только кажется несомнѣннымъ—всѣ эти явленія представляютъ продукты психической дѣятельности лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, и преимущественно медіума.

Я перехожу теперь къ описанію явленій, видѣнныхъ мною въ спиритическихъ сеансахъ, которые были устроены совершенно иначе, чѣмъ обыкновенные.

Въ Лондонѣ и Америкѣ спириты давно уже пришли къ убѣжденію, что медіумическія явленія совершаются гораздо успѣшнѣе и интенсивнѣе въ томъ случаѣ, когда медіумъ сидитъ отдѣльно отъ кружка̀, въ темномъ помѣщеніи, за занавѣской, гдѣ онъ вскорѣ впадаетъ въ магнетическій сонъ. Такіе сеансы извѣстны подъ именемъ „*face seance*“. Мы приложили этотъ самый способъ къ Бредифу. Мысль этого приложенія пришла въ голову нѣкоторымъ спиритамъ, которые были свидѣтелями медіумическихъ явленій при такихъ условіяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Я опишу здѣсь одинъ изъ такихъ сеансовъ, который происходилъ въ средѣ нашего обыкновеннаго кружка, т.-е. состоящаго изъ меня, Бутлерова, Аксакова, жены его и доктора А. Сеансъ происходилъ, по обыкновенію, въ квартирѣ Аксакова. Одна изъ дверей его кабинета, съ глубокой амбразурой, была назначена для помѣщенія медіума. Опущенная портьера изъ тонкаго сѣраго сукна отдѣляла эту амбразуру отъ кабинета и дѣлала помѣщеніе совершенно темнымъ. Кстати замѣчу здѣсь, что темнота составляетъ одно изъ любимыхъ условій для медіумическихъ явленій, а для того отдѣла ихъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, это условіе превращается въ необходимость. Въ описываемомъ сеансѣ мы употребляли для освѣщенія одну стеариновую свѣчу, которая была поставлена въ углу комнаты и заслонена ширмочкой.

Предварительно передъ этимъ сеансомъ было обычное засѣданіе за столомъ. Вѣроятно, оно необходимо для того, чтобы привести всѣхъ участвующихъ въ сеансѣ въ одинъ согласный строй. Во время этого сеанса были обычные стуки, движенія, поднятія стола, и затѣмъ, спустя полчаса, мы приступили къ устройству сеанса a parte. Осмотрѣвъ, хорошо ли заперта дверь, которая вела въ амбразуру, превращенную въ темное помѣщеніе, и спрятавъ ключъ отъ нея, мы

занялись связываніемъ медіума, для того, чтобы предохранить себя отъ обмана съ его стороны. Способъ завязки былъ нами заранѣе тщательно обдуманъ. Для этой цѣли мы употребили тесьму, шириной въ $1^1/_2$ цент. Предварительно мы обвязали этой тесьмой кисти рукъ Бредифа, сдѣлавъ на каждой рукѣ тесемочкой браслетъ, настолько плотно обхватывающій руку, что онъ никакимъ образомъ не могъ быть снятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько свободно завязанный, что онъ не мѣшалъ кровообращенію. Каждый изъ этихъ браслетовъ былъ завязанъ четырьмя узлами. Сквозь эти браслеты мы продернули тесьму и затѣмъ посадили Бредифа на низенькій покойный стулъ, съ высокой спинкой, и пропустивъ конецъ этой тесьмы подъ стулъ, продернули его сквозь каточекъ задней его ножки и завязали его здѣсь крѣпкимъ узломъ. Затѣмъ пропустили этотъ конецъ сквозь каточекъ другой задней ножки, и закрѣпили его также узломъ. Далѣе, этотъ конецъ мы подняли кверху и, натянувъ, обвязали имъ лѣвую руку Бредифа повыше локтя. Потомъ, протянули его поперекъ груди и обвязали правую руку. За этимъ, обвернувъ его около спинки стула, привязали къ лѣвой рукѣ и отсюда провели опять подъ стулъ напередъ къ браслетамъ, гдѣ и закрѣпили нѣсколькими узлами. Затѣмъ, особой тесьмой были связаны ноги медіума. Привязанный, такимъ образомъ, плотно къ стулу, на которомъ онъ сидѣлъ, онъ былъ перенесенъ, вмѣстѣ съ стуломъ, и поставленъ въ амбразуру двери. Наложенныя завязки были такъ прилажены, что Бредифъ не могъ отодвинуть своихъ рукъ одну отъ другой далѣе, какъ на полвершка. Въ то же время эти руки, хотя свободно лежали на колѣняхъ, но не могли быть отняты отъ нихъ, потому что тесьма привязывала ихъ къ стулу. Точно также нельзя было отодвинуть торсъ отъ стула, потому что тесьма обходила кругомъ его и спинки стула. Не было никакой физической возможности допустить, чтобы Бреднфъ могъ самъ себя развязать. При томъ, на развязку пятнадцати крѣпкихъ узловъ, которыми онъ былъ завязанъ, потребовалось бы болѣе часу, а весь сеансъ продолжался часъ съ небольшимъ. Въ слѣдующіе сеансы мы разнообразили эти завязки и для полноты убѣжденія остановились на слѣдующей системѣ. На руки Бредифа надѣваются небольшіе мѣшочки изъ тюля и пришиваются къ обшлагамъ его сюртука. На концахъ оба мѣшочка сшиваются вмѣстѣ и къ нимъ пришивается тесьма, которая продѣвается подъ стулъ и привязывается на его спинкѣ къ особенному, нарочно ввернутому колечку. Затѣмъ, каждая рука его, повыше локтя, также привязывается отдѣльной тесьмой къ колечку, ввернутому для этой цѣли въ спинку стула. Ноги также привязываются отдѣльными тесьмами къ переднимъ ножкамъ

стула. Осмотры послѣ сеансовъ каждый разъ убѣждаютъ насъ, что завязки остаются нетронутыми и тюлевые мѣшечки неизмятыми.

За занавѣскою, напротивъ Бредифа, былъ поставленъ маленькій столикъ, на которомъ лежало нѣсколько чистыхъ лоскутковъ бумаги и карандашъ. Устроивши все это, мы опустили занавѣску, поставили передъ нею въ серединѣ небольшой столикъ, на которомъ положили тамбуринъ, колокольчикъ и нѣсколько карандашей. Около этого стола подлѣ самой занавѣски справа помѣстился Бутлеровъ, докторъ А. и г-жа Аксакова; слѣва сидѣлъ Аксаковъ и я. Вскорѣ мы перемѣнились съ нимъ мѣстами. Довольно большой ящикъ съ музыкой, поставленный на другомъ столѣ, игралъ во все продолженіе сеанса.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы сѣли, Бредифъ сказалъ: O, ça vient! Je sens l'oppression...—Затѣмъ за занавѣской все смолкло. Черезъ три минуты послѣ этого мы услыхали рѣзкіе стуки въ косякъ двери, и вся занавѣска заколыхалась, какъ будто кто-нибудь въ различныхъ мѣстахъ трогалъ ее руками. Вскорѣ въ серединѣ, въ разрѣзѣ, нѣсколько выше стола, за которымъ мы сидѣли, появилась рука. Хотя эта дрожащая рука оставалась нѣсколько мгновеній и въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, но тѣмъ не менѣе мы всѣ очень ясно видѣли форму этой руки, небольшой, узкой, женской руки, которая вовсе не походила на руку Бредифа. Вслѣдъ затѣмъ какъ она исчезла, я тихонько раздвинулъ портьеру и сквозь отверстіе ясно видѣлъ руки медіума, спокойно лежащія на его колѣняхъ.

Затѣмъ мы услыхали, какъ двигался маленькій столикъ, который былъ за занавѣской, услыхали, какъ сильно шелестили бумажки, которыя лежали на столикѣ и какъ двигался по нимъ карандашъ. На вопросъ „Жеке, ты пишешь намъ? всѣмъ намъ?!“ послѣдовали утвердительные удары въ косякъ двери.

Я долженъ здѣсь привести небольшое объясненіе по поводу употребленнаго нами имени Жеке. — Спириты, которые пользовались услугами Бредифа, увѣряютъ, что къ нему является духъ китайской женщины, которая называетъ себя Жеке. Я, разумѣется, не желалъ вмѣшиваться въ эти суевѣрныя объясненія. Мнѣ было все равно, подъ какимъ именемъ и при какихъ воображаемыхъ условіяхъ происходятъ явленія.

Черезъ нѣсколько мгновеній мы услыхали еще болѣе явственный шелестъ бумажками, какъ будто ихъ складывали. Затѣмъ занавѣска заколыхалась, кто-то дрожащими руками шарилъ около отверстія, и на мгновеніе выдвинулась опять та же рука и въ ней двѣ сложенныя бумажки. Мы взяли ихъ. Одна была пустая, на другой нацарапана небольшая каракуля.—По окончаніи сеанса, когда мы осматривали темное помѣщеніе, то на полу нашли двѣ другихъ бумажки. На од-

ной, на углу было написано Je..., на другой довольно четко и красиво Jeke—съ росчеркомъ. Въ теченіи слѣдующихъ сеансовъ эта подпись сдѣлалась гораздо тверже и явственнѣе. Кромѣ того, мы получили нѣсколько написанныхъ фразъ: Jeke. 11 Fevrier 23..,—Je vous aime, mais je...—Grace à Dieu, je vais bien...

Затѣмъ мы услыхали обычные пять ударовъ—требованіе азбуки. Стуки означили три буквы: T, a, m...—«Tambourin!»—догадались мы, и послѣ подтвержденія тамбуринъ былъ переданъ. Его тотчасъ же взяли и начали на немъ сильно выстукивать подъ тактъ музыки. При этомъ онъ отзывался въ разныхъ точкахъ темнаго помѣщенія. Но всего интереснѣе были прикосновенія этой руки, которая намъ являлась, или, правильнѣе говоря, при насъ образовалась, руки совершенно теплой, маленькой, женской, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной человѣческой руки. Каждый изъ насъ, кто пожелалъ вдвинуть свою руку за занавѣску, чувствовалъ, какъ трогали его руку или пожимали его пальцы. Съ меня рука пробовала стащить кольцо и очень явственно зацѣпляла его ногтемъ. Черезъ сукно занавѣски мы всѣ совершенно явственно ощупывали эту руку; я сжималъ ея пальцы, ощупывалъ на нихъ ногти. Точно также эта рука или эти руки въ свою очередь схватывали и сжимали наши руки, утягивали ихъ внутрь темнаго помѣщенія. Одинъ разъ занавѣска, въ той сторонѣ гдѣ сидѣлъ медіумъ, сильно отодвинулась и приподнялась, такъ что Бутлеровъ и докторъ А., сидѣвшіе съ этой стороны, явственно видѣли Бредифа, сидящаго на стулѣ неподвижно, съ сложенными руками и завязками на локтяхъ, а надъ его головой мелькала изъ-за занавѣски бѣлая рука.

Вскорѣ послѣ этого явленія стали слабѣе и, наконецъ, вовсе прекратились. Мы услыхали движенія и вздохи медіума, который просыпался. Мы тщательно осмотрѣли его положеніе. Всѣ наши узлы и завязки были не тронуты. Допустить какое-нибудь участіе съ его стороны или фокусничество было положительно невозможно. Правда, какой-нибудь скептикъ можетъ заподозрить самое помѣщеніе, косяки двери, наконецъ самую дверь, которая могла быть отперта со стороны противуположной занавѣскѣ, и какой-нибудь помощникъ медіума могъ проскользнуть и разыграть роль видѣнныхъ нами и осязаемыхъ рукъ. Но такое предположеніе, для насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, лишено всякаго человѣческаго смысла. Мы очень хорошо знаемъ, что косяки двери—самые обыкновенные косяки, и что никто къ ней не подходилъ, не могъ подходить во все время сеанса. Притомъ, эта дверь была отчасти видима для насъ сквозь отверстіе, оставленное въ занавѣскѣ. Повторяю еще разъ, что для всѣхъ насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, всѣ происходившія явленія имѣютъ

несомнѣнную неподдѣльность и полнѣйшую объективность. Всѣ они повторялись съ различными измѣненіями въ теченіи нѣсколькихъ сеансовъ.

Я привожу здѣсь факты, толкованіе которыхъ считаю въ настоящее время положительно невозможнымъ. Всѣ видѣли, осязали руки, сложившіяся въ нашемъ присутствіи. Правда, мы не видали самаго процесса этого образованія, но мнѣ кажется вполнѣ возможнымъ и даже необходимымъ допустить его. Позволю себѣ только одно указаніе. Выше я имѣлъ случай заявить, что въ медіумическихъ явленіяхъ наблюдается своего рода волнообразность, періодичность. Точно также и здѣсь, при явленіяхъ рукъ, происходила та же самая волнообразность. Явленія наплывали, становились поразительно сильными; руки энергично толкали занавѣску или съ замѣчательной силой стучали по столику, стоявшему передъ занавѣской. Затѣмъ періодъ развитія кончался, и явленія стихали или вовсе прекращались на нѣсколько мгновеній, какъ будто истративъ весь запасъ силы, которая была необходима для его произведенія. Въ самыхъ появленіяхъ рукъ, какъ я выше замѣтилъ, были явно замѣтны осцилляторныя движенія. Вообще, удивительна та быстрота, съ которою они двигаются, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Замѣчательно также безсиліе этихъ образованій въ первый періодъ ихъ развитія. Нерѣдко они роняли карандашъ на полъ, не дописавъ слова, и долго трудились надъ тѣмъ, чтобы поднять его. Та же исторія была съ тамбуриномъ и колокольчикомъ.

Я представляю вамъ вѣрное изложеніе тѣхъ фактовъ, которыхъ былъ очевидцемъ. Я не спорю, что эти факты фантастичны, невѣроятны, но я вовсе не желаю, чтобы мнѣ вѣрили. Я знаю, что въ развитіи человѣчества произошло чрезвычайно много ошибокъ, вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ авторитетамъ; да и какой же я авторитетъ въ области явленій, которая представляется совершенно новою для науки! Я желалъ бы одного, чтобы всѣ невѣрящіе моимъ словамъ доказали, что я ошибаюсь, доказали фактами, настолько же вѣскими, какъ и тѣ, которые заставили меня придти къ убѣжденію въ существованіи медіумическихъ явленій.

Вѣра въ эти явленія растетъ съ поразительной быстротой. Правда, эта вѣра держится на совершенно ложныхъ, мистическихъ воззрѣніяхъ. Но одна уже цифра американскихъ спиритовъ, доходящая до 11.000,000, [1]) указываетъ намъ на существованіе какихъ-то фактовъ,

[1]) Эта цифра взята изъ статистическихъ свѣдѣній, представленныхъ въ 1867 году собранію римско-католическихъ епископовъ. См. Edmond's letter. Spiritual Magazine. 1867. p. 327.

на которыхъ держатся эти заблужденія. Съ другой стороны, къ такому же убѣжденію приводитъ и то обстоятельство, что люди серьёзные, вооруженные всѣми силами современныхъ научныхъ методовъ, пришли къ неопровержимому убѣжденію въ существованіи медіумическихъ явленій. Имена этихъ людей достаточно извѣстны въ наукѣ, какъ имена точныхъ, серьёзныхъ изслѣдователей ея вопросовъ. Но видно таково уже свойство человѣческаго разума, что онъ тотчасъ же встаетъ въ оппозицію, какъ скоро дѣло касается фактовъ, опровидывающихъ его привычныя убѣжденія. Когда Круксъ, Гёпинсъ и Варлей излагали свои научныя изслѣдованія, то ученый міръ ни разу не сомнѣвался въ вѣрности этихъ изслѣдованій; но вотъ, дѣло коснулось медіумическихъ явленій, и тотъ же ученый міръ тотчасъ же опрокидывается на этихъ ученыхъ съ полнѣйшимъ скептицизмомъ. Мнѣ кажется, я не имѣлъ бы права говорить объ этихъ отношеніяхъ, если бы самъ личнымъ опытомъ не испыталъ всю ихъ несостоятельность. Мнѣ точно также казались подозрительными изслѣдованія Крукса надъ явленіями психо-динамическими, до тѣхъ поръ пока я самъ лично не убѣдился въ существованіи этихъ явленій. Какъ бы ни убѣдительны представлялись намъ доказательства, полученныя отъ чужихъ свидѣтельствъ, свойства скептицизма будутъ всегда имѣть перевѣсъ надъ этими доказательствами, и только тогда, когда факты, пройдя черезъ мой глазъ, или черезъ мой осязательный аппаратъ, отпечатаются въ моемъ сознаніи, только тогда они становятся дѣйствительно достояніемъ этого сознанія. Вотъ почему я желалъ бы, чтобы всѣ тѣ, которые прочтутъ это письмо и пожелаютъ убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, убѣдились бы въ томъ личнымъ опытомъ. Средства для постановки этихъ опытовъ вѣроятно найдутся у каждаго, а нервные люди, способные вызывать медіумическія явленія, полагаю, не рѣдкость въ нашемъ обществѣ.

По поводу этихъ явленій, мнѣ пришлось столкнуться съ силой скептицизма и придти къ заключенію, что эта сила вовсе не подчиняется убѣжденіямъ, основаннымъ на свидѣтельствѣ другихъ лицъ, какъ бы ни было велико довѣріе къ этимъ лицамъ. И это очень понятно. Разсказы этихъ лицъ, какъ бы ни были пластичны, они не могутъ передать намъ предметъ во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ и произвести ту ясность представленія о немъ, которую даютъ намъ наши собственныя чувства. При этомъ я невольно вспоминаю слова Гумбольдта, высказанныя одному господину, который старался убѣдить его въ реальности медіумическихъ явленій. „Я вѣрю", сказалъ онъ, „потому что слышу разсказъ о видѣнномъ вами; но еслибы я самъ видѣлъ эти явленія, я не повѣрилъ бы своимъ глазамъ". Парадоксъ весьма характеристичный! Еслибы убѣжденія общества были

вполнѣ свободны, то безъ всякаго сомнѣнія развитіе его подвигалось бы гораздо быстрѣе впередъ. Но въ томъ-то и дѣло, что оно жестоко ошибается, думая, что его убѣжденія вполнѣ независимы и подчиняются только силѣ фактическихъ доказательствъ, а на самомъ дѣлѣ оно постоянно живетъ предвзятыми идеями и міросозерцаніемъ, подготовленнымъ цѣлымъ рядомъ условій, при которыхъ оно развивается. Скептицизмъ его представляетъ обоюдоострое орудіе. Съ одной стороны онъ предохраняетъ его отъ ложныхъ дорогъ, но въ то же время этотъ скептицизмъ сильно потворствуетъ консерватизму. Онъ сохраняетъ въ обществѣ тотъ складъ идей, которымъ противорѣчатъ очевидные факты и опытныя доказательства. Мнѣніе Спенсера, высказанное имъ въ его „Введеніи къ изученію соціологіи", о консерватизмѣ общества прилагается не только къ массамъ, но и къ тѣмъ изъ насъ, которые считаютъ себя вполнѣ свободными отъ всякихъ предвзятыхъ теорій.

Разумѣется, допущенію существованія медіумическихъ явленій сильно препятствуютъ тѣ воззрѣнія, которыя придаютъ имъ спиритуалисты и допустить которыя не рѣшится самый снисходительный скептикъ. Но, помимо этихъ воззрѣній, самая обстановка явленій такова, что подаетъ поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и подозрѣніямъ! „Почему", говорила одна дама, „эти явленія требуютъ темноты, почему они не могутъ совершаться просто, безъ занавѣсокъ, темныхъ сеансовъ или столовъ?" Другими словами: „почему мнѣ не дадутъ вполнѣ убѣдиться, что здѣсь нѣтъ мѣста шарлатанству и фокусничеству?" Я надѣюсь, что тѣ условія, при которыхъ были поставлены наши опыты, вполнѣ устраняютъ всякія подозрѣнія. Но, съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы какое бы то ни было естественное явленіе могло быть вызвано безусловно, помимо тѣхъ законовъ, которыя имъ управляютъ.

Мнѣ случалось слышать отъ лицъ, которыхъ я приглашалъ въ спиритическіе сеансы, такой отвѣтъ: „Зачѣмъ я пойду смотрѣть на явленія, въ которыхъ я ровно ничего понять не могу?"—отговорка совершенно неосновательная. Физики, открывшіе электричество и гальванизмъ, точно также сначала ничего не понимали въ открытыхъ ими явленіяхъ. Между тѣмъ эти явленія принадлежатъ къ болѣе простымъ, примитивнымъ, сравнительно съ психическими явленіями. Продолжительныя, усидчивыя изслѣдованія прольютъ, вѣроятно, въ этой темной области такой же свѣтъ, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія. Мысль, что въ этой области нѣтъ данныхъ для научныхъ изслѣдованій, совершенно невѣрна. Уже одно то обстоятельство, что медіумическія явленія зависятъ отъ общихъ окружающихъ условій—даетъ возможность изучать ихъ и приводить въ яс-

ность. Такъ, напр., на нихъ очевидное вліяніе оказываетъ состояніе атмосферы, сухость или холодъ воздуха, вліяніе свѣта и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ условія, которыя скрыты въ лицахъ, вызывающихъ эти явленія, въ ихъ психическомъ состояніи, въ ихъ индивидуальности.

Мнѣ могутъ возразить, почему я, вмѣсто странныхъ теорій, предлагаемыхъ мною для объясненія этихъ явленій, самъ не принялся за ихъ изслѣдованіе научнымъ путемъ? Но отъ этого упрека, полагаю, достаточно оправдываетъ меня новизна видѣнныхъ мною явленій. Я долженъ былъ прежде всего констатировать факты, и я это дѣлаю въ виду того, что вѣроятно кто-либо изъ нашихъ физіологовъ обратитъ на нихъ вниманіе, а этого вниманія, полагаю, вполнѣ заслуживаютъ видѣнныя мною явленія. Если они принадлежатъ даже къ области психіатріи, то тѣмъ болѣе наша обязанность противодѣйствовать распространенію ихъ, разоблачать ихъ сущность и бороться съ тѣми ребяческими, суевѣрными толкованіями, которыя стараются придать имъ спириты.

Примите, и пр.

Н. Вагнеръ.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 2-го февраля 1875 г.

1) Выслано 100 руб. писателю, лишившемуся занятій, и 25 руб. другому писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

2) Положено уплатить въ гимназію за воспитанницу Общества 166 р. 68 к.

3) Выдано 75 р. молодому писателю въ возмѣщеніе издержекъ его по переѣзду къ мѣсту служенія и на первоначальное обзаведеніе.

4) За силою § 5-го устава отклонены двѣ просьбы.

5) Выдано въ ссуду: одному лицу 300 р. и другому 50 р.

6) Изъявлена благодарность Общества: Н. Н. Буличу, за его содѣйствіе Комитету, и чиновникамъ туркестанской контрольной палаты за ихъ пожертвованіе.

Засѣданіе комитета 17-го февраля 1875 г.

1) Выдано по 50 руб. дочери умершаго писателя и вдовѣ другого писателя, лишившимся занятій и находящихся въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 100 руб. семейству писателя, находящемуся въ крайней нуждѣ.

3) Выслано 25 руб. больной дочери умершаго писателя, живущей на счетъ подаяній, и 50 руб. дочери умершаго составителя словарей и учебниковъ, лишившейся послѣднихъ средствъ къ существованію.

4) Выслано 75 руб. семейству писателя, оставшемуся послѣ его смерти въ нищетѣ.

5) Выдано 60 руб. на воспитаніе дочери писательницы, не имѣющей на это никакихъ средствъ.

6) За силою § 5 устава, отклонены двѣ просьбы о пособіи и, за непредставленіемъ ручательства, одна просьба о ссудѣ.

7) Выдано въ ссуду: одному лицу 1,500 руб. за поручительствомъ 5 членовъ, и другому 50 руб., за поручительствомъ 1 члена общества.

8) Изъявлена благодарность Общества г. черниговскому губернатору за его содѣйствіе комитету; а Р. А—ву и лицу, пожелавшему остаться неизвѣстнымъ, за ихъ пожертвованія.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1875.

Книга третья.—Мартъ.

	Стр.
Хай-дѣвка.—Повѣсть.—А. А. ПОТѢХИНА	5
Вольный городъ Краковъ.—1815-1846.—VIII-X.—Н. А. ПОПОВА	100
По берегу моря.—Легенда.—И. З. СУРИКОВА	150
Пьеръ-Жозефъ Прудонъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья первая.—I-IV.—Д—ЕВЪ	154
Въ низовьяхъ Аму.—Путевые очерки.—Окончаніе.—Н. Н. КАРАЗИНА	186
Грибоѣдовская Москва, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.—1812-1818 гг.—1816-й годъ—М. П. СВИСТУНОВОЙ	230
Проступокъ аббата Мурэ.—Романъ, соч. Эм. Золя.—Книга третья и послѣдняя.—А. Э.	271
Хроника.—Реформа кредитной денежной системы.—И. И. КАУФМАНА	365
Внутреннее Обозрѣніе.—Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нынѣшней росписи. — Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсмѣтныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избіеніе адвокатовъ г. Марковымъ, по избіеніи литераторовъ г-ми Катковымъ и Леонтьевымъ	400
Иностранное Обозрѣніе. — Депеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны.—Два парламентскихъ избранія. — Слухи объ удаленіи германскаго канцлера.—Статистика политической репрессіи Германіи.—Сессія французскаго собранія.—Конституціонные законы. — Соглашеніе центровъ.—Установленіе республики	423
Новый академикъ.—По поводу пріема А. Дюма-сына во Французскую Академію.—Письмо въ Редакцію.—Э. З—л—	441
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	460
Библіографическій Листокъ.	

Книга четвертая. — Апрѣль.

стр.

Кудеяръ.—Историческая хроника въ трехъ книгахъ.—Книга первая.—Н. И. КОСТОМАРОВА 461
В. Г. Бѣлинскій.—Опытъ біографіи.—VIII. Время полнаго развитія характера и дѣятельности Бѣлинскаго; его личныя отношенія. 1842-44 гг.—А. Н. ПЫПИНА 549
Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ.—2. Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ.—С. М. СОЛОВЬЕВА . . 593
Стихотворенія. — I. Бабушка. — II. Изъ Гейне.—III. Чешская пѣсня.—А. И. ЯЗЫКОВА 613
Вольный городъ Краковъ.—1815-46 гг.—XI-XIII. Н. А. ПОПОВА 618
Два раза замужемъ.—Повѣсть.—Ѳ. С. СТУЛЛИ 670
Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ.—I. Поэма о Дигенисѣ.—II. Девгеній-Дигенисъ. — III. Дигенисъ-Аника и старшіе богатыри.—А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО 750
Хроника. — Спеціальный журналъ для русской публицистики.—Сборникъ государственныхъ знаній. Т. I.—Ю. Р. 776
Внутреннее Обозрѣніе.—Судебная реформа въ царствѣ польскомъ.—Сессія петербургскаго дворянства. — Всесословная волость.—Дѣло г. Безобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 796
Иностранное Обозрѣніе.—Программа министерства Бюффе.—Закрытіе сессіи національнаго собранія.—Докладъ Саварй.—Прокламація Кабреры.—Его прошлое и его отношеніе къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій . 818
Корреспонденція изъ Берлина.—Обзоръ сессіи прусскаго ландтага.—К. . . . 832
По поводу спиритизма.—Письмо къ редактору.—Проф. Н. П. ВАГНЕРА. . . 855
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. . 876
Полный каталогъ русскихъ книгъ.—Январь и февраль.
Библіографическій Листокъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Путешествія въ Туркестанъ. *А. П. Федченко.* Т. I, ч. II. Въ Кокавскомъ ханствѣ. Тетр. 1-я. Съ портретомъ, 3 картами, олеографіей, 4 литографіями и 9 политип. Спб. 1875. Стр. 160 in 4°. Ц. 3 руб. 50 к.

Первые шесть выпусковъ этого замѣчательнаго труда были посвящены исключительно естественно-научнымъ изслѣдованіямъ края, и представляютъ собою богатый сборникъ самыхъ подробныхъ наблюденій и изученій рыбъ и насѣкомыхъ. Новый выпускъ носитъ на себѣ совершенно другой характеръ, и имъ заинтерессуются не одни спеціалисты; это весьма оживленный мемуаръ путешественника по Кокаискому ханству, которое врѣзывается въ наши средне-азіятскія владѣнія, въ виду Ташкента и Ходжента. Коканъ занимаетъ собою около 1000 кв. м. на плоской возвышенности Памиръ, прорѣзывается рѣкою Сыръ-Дарьей на протяженіи 250 верстъ, и отдѣляетъ насъ отъ Кашгара. Трудъ покойнаго Федченко обращаетъ на себя вниманіе не въ одной нашей, но и въ европейской литературѣ, какъ первое полное описаніе цѣлаго ханства, малоизвѣстнаго до такой степени, что въ письмѣ, гдѣ наши власти рекомендовали Федченко кокавскому хану Худаяру, не было возможности указать маршрутъ путешествія, и приходилось выражаться весьма неопредѣленно. Теперь, благодаря трудамъ Федченко, мы имѣемъ весьма обстоятельную карту Кокана, превосходно выполненную Петерманомъ въ Готѣ. Самыя подробности путешествія и разнообразныя приключенія до такой степени интересны, что нельзя не пожелать особаго изданія этого выпуска, какъ отдѣльнаго цѣлаго, въ обыкновенномъ форматѣ, съ цѣлью общедоступности. Такіе труды должны не только украшать нашу литературу, но и находить для себя возможно большее обращеніе въ обществѣ.

Германская конституція. Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. *А. Градовскаго.* Спб. 1875. Стр. 301. Ц. 1 р. 75 к.

Семидесятилѣтіе, протекшее отъ паденія св. Римской Имперіи до установленія Германской имперіи, совершающагося на нашихъ глазахъ, останется надолго однимъ изъ самыхъ интересныхъ для исторической науки періодомъ. Сначала идетъ печальная исторія германскаго союза, замѣнившаго собою древнюю имперію; внутренняя политика союза привела къ революціи и подавала ее для вящшаго торжества реакціи 1849-58 гг., заключившейся паденіемъ союза въ пользу главенства Пруссіи въ созданной политикою кн. Бисмарка новой имперіи. Лучшіе публицисты и историки нѣмецкіе посвятили обширные труды изученію этой эпохи, и главное достоинство книги пр. Градовскаго состоитъ именно въ томъ, что она въ сжатой формѣ вѣрно знакомитъ насъ теперь съ главными результатами этихъ изслѣдованій, и излагаетъ въ системѣ факты и самыя учрежденія, безъ всякихъ выраженій симпатіи или антипатіи, какія могли бы возникать въ современникѣ, касающемся вопроса, не безразличнаго для сосѣдей Германіи.

Соловки. Воспоминанія и разсказы изъ поѣздки съ богомольцами. *В. И. Немировичъ-Данченко.*

цѣлая часть, состоящая изъ очерковъ Сѣверо-Двинскаго края: описаны Шенкурскій, Холмогорскій и Онежскій уѣзды и городъ Архангельскъ. Мы очень рады успѣху первыхъ литературныхъ трудовъ г. Немировича, но это не мѣшаетъ намъ упрекнуть автора за избытокъ лирическихъ силъ, особенно въ первой части его книги, и за вычурность языка. Если, напримѣръ, извощикъ въ Архангельскѣ заговоритъ съ нимъ неожиданно по-англійски, принявъ его за „каптэна", то авторъ спроситъ его не иначе, какъ такъ: „Ты гдѣ научился коверкать языкъ Шекспира и Байрона"? Къ великому изумленію читателя архангельскій извощикъ отвѣчаетъ автору, какъ слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы спросить у него: кто это такой Шекспиръ и какой у него такой языкъ? Конечно, авторъ на дѣлѣ и не думалъ такъ хитро спрашивать извощика, а все это сказано для слога; но такой пріемъ производитъ непріятное впечатлѣніе на чувство истины, и совершенно излишенъ.

Апріорная философія или положительная наука? По поводу диссертаціи г. В. Соловьева. *К. Кавелина.* Спб. 1875. Стр. 48. Ц. 50 к.

Авторъ, извѣстный нашимъ читателямъ по своимъ изслѣдованіямъ о задачахъ психологіи, вызвавшимъ полемику его съ И. М. Сѣченовымъ, взялъ на себя трудъ разобрать недавно появившееся разсужденіе г. В. Соловьева, усмотрѣвшаго кризисъ западной философіи и проповѣдующаго на томъ основаніи обновленіе ея во вкусѣ Шопенгауера и Гартмана. Цѣль брошюры состоитъ въ томъ, чтобъ умѣрить такіе восторги и ограничить поклоненіе новымъ, будто бы, свѣтиламъ, а вмѣстѣ защитить позитивизмъ отъ пристрастія г. Соловьева. По мнѣнію К. Д. Кавелина, ученія Шопенгауера и Гартмана не составляютъ поворота современной философіи на правильный путь, а появляются какъ послѣднія вспышки угасающаго отвлеченнаго идеализма. Если г Соловьевъ, и весьма многіе вмѣстѣ съ нимъ, увлекается Шопенгауеромъ и Гартманомъ, то в этомъ нѣтъ ничего удивительнаго или говоря щаго въ пользу философіи безсознательнаго, так какъ, по справедливому замѣчанію автора бро шюры, не мало увлекаются даже и спиритизмомъ

Рѣчи, по-русски произнесенныя въ еврейском молитвенномъ домѣ, въ Москвѣ, раввином *Э. Миноромъ.* Вып. I. М. 1875. Стр. 33 Ц. 1 р. 50 к.

Предъ нами весьма любопытная книга, на ко торую обращаемъ вниманіе читателей. Пять лѣт тому назадъ въ Москвѣ была основана синагог (еврейскій молитвенный домъ), и ея раввинъ и далъ теперь свои проповѣди, въ которыхъ о задался счастливою мыслью не гоняться за ц тами краснорѣчія или толковать темныя мѣс Талмуда, а бесѣдовать объ обыденныхъ стор нахъ общественной и нравственной жизни сво паствы. Такое живое участіе церкви въ жит скихъ дѣлахъ, съ цѣлью направленія къ добро и справедливому, заслуживаетъ полнаго одобр нія и подражанія со стороны другихъ рав новъ. Какъ на образецъ, указываемъ на про вѣдь, въ концѣ прошедшаго года, по поводу п зыва къ воинской повинности. Проповѣдни усматриваетъ въ этой повинности дарова

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр. Академ. пер., 9.